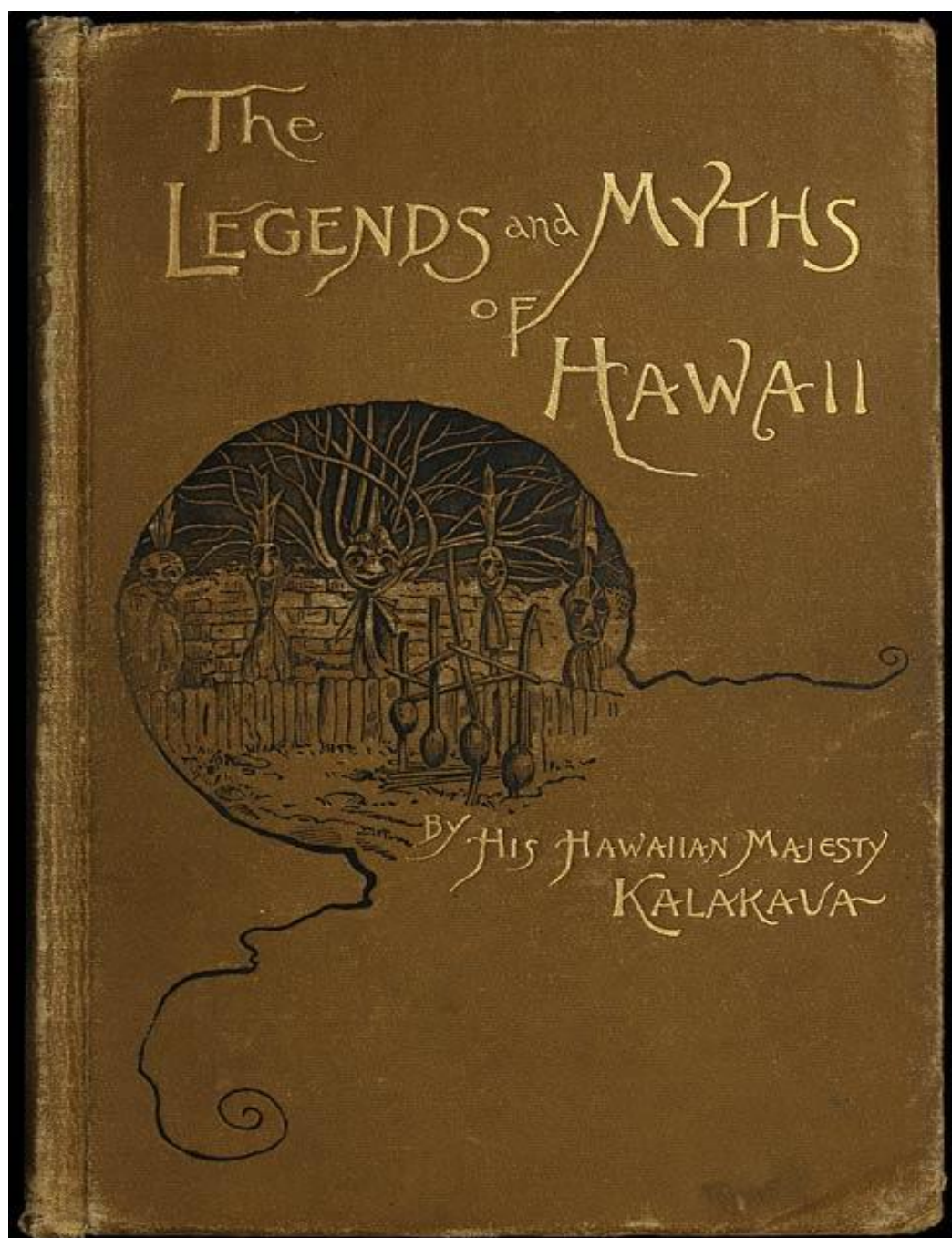

Легенды и мифы Гавайев. Сказки и фольклор странного народа

Король Гавайев Дэвид Калакауа

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Легенды и мифы Гавайев. ГАВАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ВВЕДЕНИЕ.

ОБЩИЙ ОБЗОР.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

ТАБУ.

ДРЕВНЯЯ ГАВАЙСКАЯ РЕЛИГИЯ.

ДРЕВНЕЕ ГАВАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

ИСКУССТВО, ПРИВЫЧКИ И ОБЫЧАИ.

СОВРЕМЕННЫЕ ГАВАЙИ.

Хина, Елена Гавайев.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

IV.

Королевский горбун.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

Тройной брак Лаа-май-кахики.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Апофеоз Пеле.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Хуа, король Ханы.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Железный нож.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

IV.

Священный наконечник копья.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Келеа, всадник на волнах Мауи.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

Уми, крестьянский принц Гавайев.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

IV.

V.

Лоно и Кайкилани.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Приключения Ивикауикауа.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

Пророчества Кеаулумоку.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Каннибалы Халеману.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

Кайана, последний из гавайских рыцарей.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

IV.

V.

Каала, цветок Ланаи.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Разрушение храмов.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

Гробница Пуупехе.

ПЕРСОНАЖИ.

История Лайеикавай.

ПЕРСОНАЖИ.

Предисловие.

I.

II.

III.

IV.

V.

Лохиау, возлюбленный богини.

ПЕРСОНАЖИ.

I.

II.

III.

Кахавари, вождь Пуны.

ПЕРСОНАЖИ.

[Кахалаопуна, принцесса Маноа.](#)

[ПЕРСОНАЖИ.](#)

[I.](#)

[II.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ. ГАВАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ГЛОССАРИЙ.](#)

[ПОЛОЖЕНИЯ.](#)

[A.](#)

[E.](#)

[I.](#)

[O.](#)

[U.](#)

[H.](#)

[K.](#)

[L.](#)

[M.](#)

[N.](#)

[P.](#)

[W.](#)

[СЛОВЕСНЫЕ ЧИСЛА.](#)

[НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ.](#)

[НАЗВАНИЯ ДНЕЙ МЕСЯЦА.](#)

[Список иллюстраций](#)

[Колофон](#)

[Доступность](#)

[Метаданные](#)

[История изменений](#)

[Внешние ссылки](#)

[Исправления](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПРОЕКТА «ГУТЕНБЕРГ» ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ГАВАЙЕВ: БАСНИ И ФОЛЬКЛОР СТРАННОГО НАРОДА

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Легенды и мифы Гавайев: басни и фольклор странного народа

Автор: Король Гавайев Дэвид Калакауа

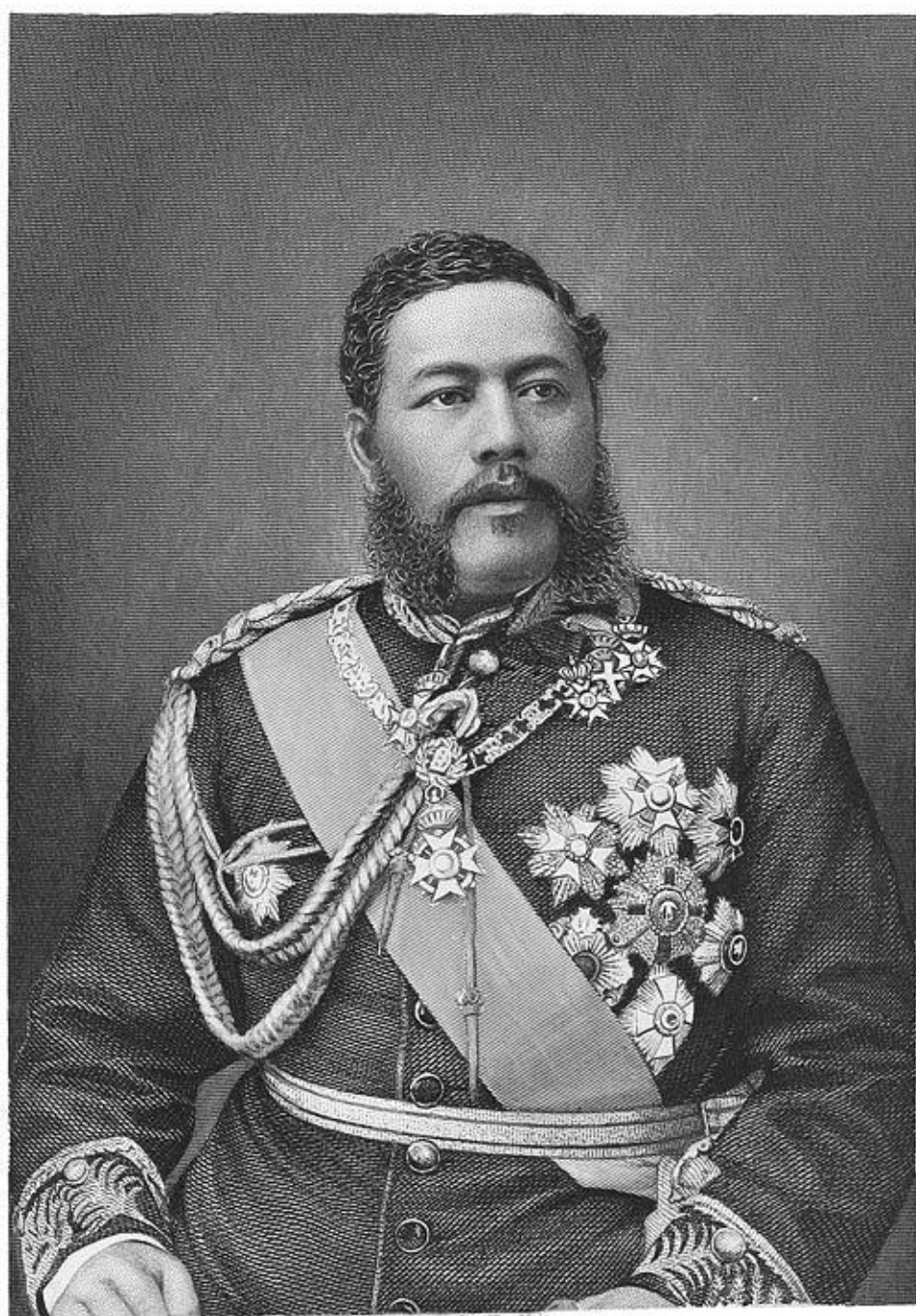
Редактор: Роллин Мэллори Даггетт

Дата выпуска: 18 февраля 2018 г. [электронная книга № 56597]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Джероном Хеллингманом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net/> для проекта Gutenberg (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ
ГАВАЙЕВ: БАСНИ И ФОЛЬКЛОР СТРАННОГО НАРОДА» ***

Калакауа

Kalakaua

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ГАВАЙЕВ.

БАСНИ И ФОЛЬКЛОР СТРАННОГО НАРОДА.

АВТОР: **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КАЛАКАУА, КОРОЛЬ ГАВАЙЕВ.**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ **ПОЧЕТНОГО Р. М.**

ДАГГЕТТА,

покойный посол США на Гавайских островах.

НЬЮ-ЙОРК:

ЧАРЛЬЗ Л. ВЕБСТЕР И КОМПАНИЯ.

1888.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1887 г.,

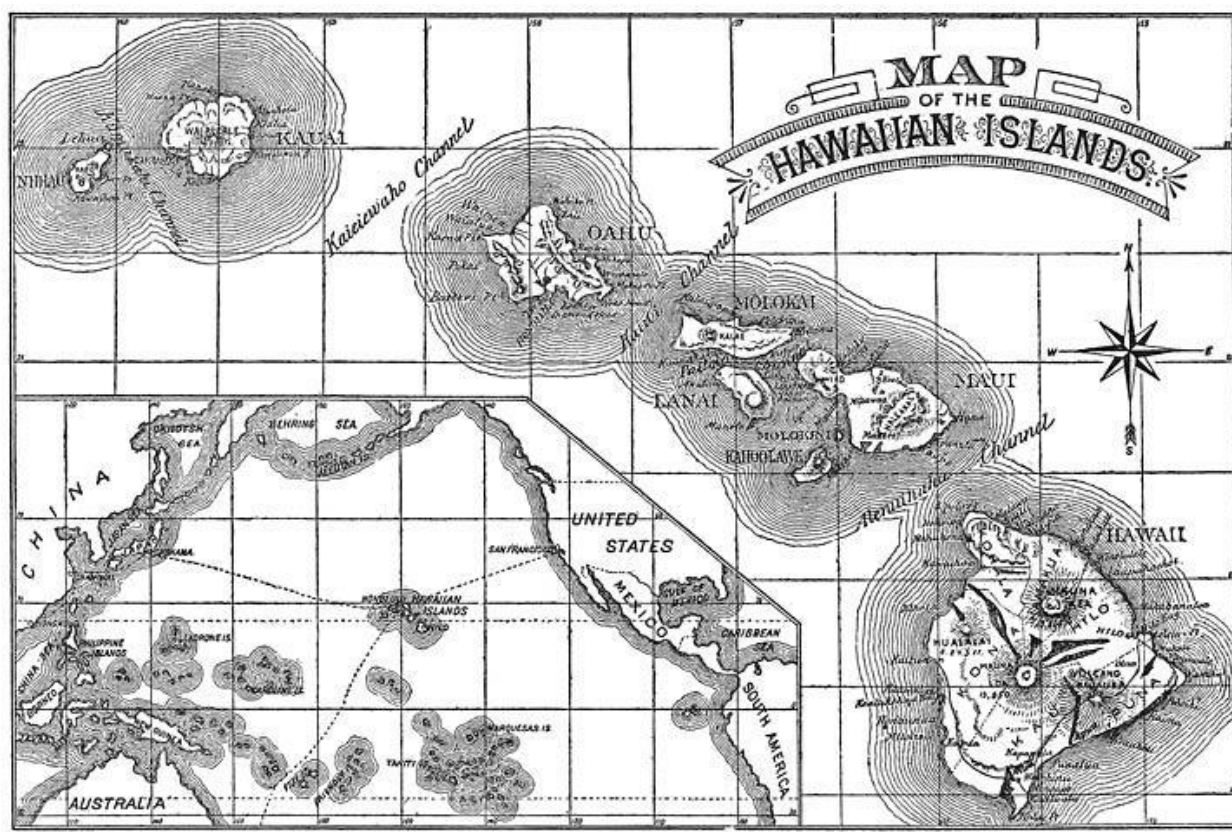
ЧАРЛЬЗ Л. ВЕБСТЕР И КОМПАНИЯ.

Х. Дж. Хьюитт, типограф и электротипист, 37 Роуз-стрит, Нью-Йорк.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

За материалы, использованные при составлении многих легенд, включенных в этот том, выражаем признательность Ее Королевскому Высочеству Лилиуокалани; генералу Джону Оуэну Доминису; Его Превосходительству Уолтеру М. Гибсону; профессору В. Д. Александру; г-же Э. Бекли, библиотекарю правительства; г-ну В. Джеймсу Смиту, секретарю Национального совета по образованию; и особенно distinguished Абраму Форнандеру, ученому автору книги «Описание полинезийской расы, ее происхождения и миграций».

Легенды, расположенные в порядке их публикации, начиная с первой и заканчивая «Разрушением храмов», можно считать в той мере, в какой они относятся к важным политическим событиям, с которыми они связаны, в некоторой степени историческими. Следующие легенды были выбраны как наиболее яркие и характерные из того, что осталось от сказочного фольклора гавайской группы.

КАРТА ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАНИЦА

[Предисловие.](#)

5

[Гавайские легенды: введение.](#)

9–65

[Хина, гавайская Елена.](#)

67–94

[Королевский горбун.](#)

95–113

[Тройной брак Лаа-май-кахики.](#)

115–135

<u>Апофеоз Пеле.</u>	137–154
<u>Хуа, король Ханы.</u>	155–173
<u>Железный нож.</u>	175–205
<u>Священное острие копья.</u>	207–225
<u>Келеа, всадник на волнах Мауи.</u>	227–246
<u>Уми, крестьянский принц Гавайев.</u>	247–315
<u>Лоно и Кайкилани.</u>	317–331
<u>Приключения Ивикауикауа.</u>	333–349
<u>Пророчества Кеаулумоку.</u>	351–367
<u>Каннибалы Халеману.</u>	369–380
<u>Кайана, последний из гавайских рыцарей.</u>	381–408
<u>Каала, цветок Ланаи.</u>	409–427
<u>Разрушение храмов.</u>	429–446
<u>Гробница Пуупехе.</u>	447–452
<u>История Лайеикаваи.</u>	453–480
<u>Лохиау, возлюбленный богини.</u>	481–497
<u>Кахавари, вождь Пуны.</u>	499–507
<u>Кахалаопуна, принцесса Маноя.</u>	509–522

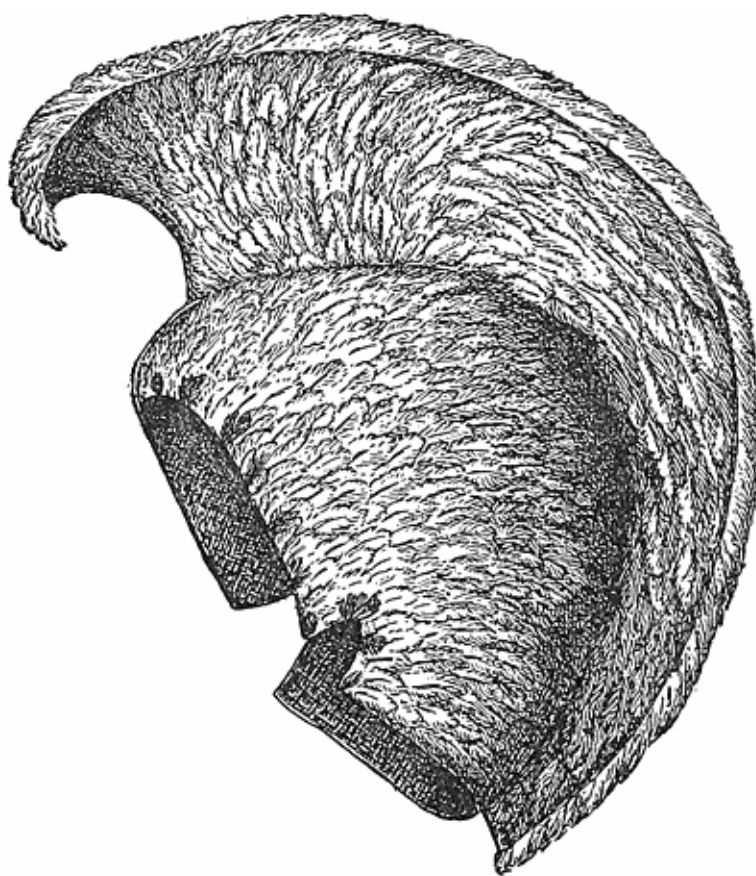
ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ГАВАЙЕВ.

ГАВАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ВВЕДЕНИЕ.

Физические характеристики Гавайских островов — Исторический обзор — Табу — Древняя религия — Древняя система правления — Древние искусства, обычаи и традиции — Гавайи сегодня.

ОБЩИЙ ОБЗОР.

Следующие легенды относятся к группе солнечных островов, расположенных почти на полпути между Азией и Америкой — к группе вулканических кратеров и коралловых рифов, где горы покрыты вечной зеленью и возвышаются над долинами вечной весны; где две трети года пассаты, дующие с северо-западного побережья Америки и смягчающиеся на своем пути на юг, играют с величественными кокосовыми пальмами и раскидистыми пальмами, и смешивают свое прохладное дыхание с вечно живым ароматом фруктов и цветов. Глубоко утопая в безмолвных просторах широкого Тихого океана, без обитаемой земли ближе, чем две тысячи миль, эти острова встречают взгляд приближающегося моряка как теневой рай, внезапно поднятый из голубых глубин злыми духами водного мира, чтобы либо заманить его в погибель, либо исчезнуть, когда он бросает якорь у очаровательного берега.

Махиоле, или Пернатый боевой шлем.

Легенды рассказывают о небольшом архипелаге, который был неизвестен цивилизованному миру до последних лет прошлого века, и о народе, который на протяжении многих веков не обменивался ни словом, ни продуктами с остальным человечеством; который утратил все знания, за исключением тех немногих, что сохранились в самых сказочных легендах, о великом мире за пределами их островного дома; происхождение которого можно проследить до древних кушитов Аравии, и чьи легенды повторяют историю еврейского генезиса; который развивался и прошел через эпоху рыцарства, возможно, несколько более варварскую, но едва ли менее богатую подвигами и доблестью, чем та, которая характеризовала современные ему расы континентального мира; чьи вожди и жрецы утверждали, что они родственники богов, и шаг за

шагом прослеживали свою родословную не только до того, кто оседлал потоп, но и до грешной пары, которой большая белая птица *Кане* помешала вернуться к утраченным радостям Рая; которые сражались без щитов и шли на смерть без страха; чьи орудия войны и труда были из дерева, камня и кости, но которые возводили великие храмы своим богам и строили баржи и каноэ, на которых плавали по звездам; которые населяли стихии духами, почитали священство, склонялись перед откровениями своих пророков и безропотно подчинялись угнетению *табу*; которые соблюдали обряд обрезания, строили убежища по образцу древних израильтян и считали священными религиозные легенды священников и хронологические *меле* вождей.

Когда ум возвращается к прошлому гавайской группы и на мгновение задерживается на туманной истории ее народа, возникают и исчезают могучие образы — люди ростом восемь или девять футов, увенчанные шлемами из перьев и с копьями длиной тридцать футов. Такими людьми были Киха, Лилоа, Уми и Лоно, все короли Гавайев в XV и XVI веках; и чуть меньше по габаритам, но не менее доблестным был великий Камехамеха, который завоевал и объединил несколько островов под одним правительством и умер в 1819 году. А рядом с Уми, чья жизнь была похожа на роман, стоит его скромный друг Маукалеолео (), который, стоя на земле, мог достать кокосы с деревьев; а позади него в прошлом виден Кана, сын Хины, рост которого измерялся шагами.

ГРУППА ДРЕВНИХ ОРУЖИЙ.

Военный дубинка.

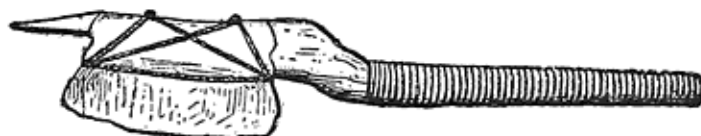
Пахоа, или деревянный кинжал.

Нож из акульих зубов.

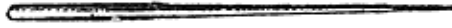
Нож с кремневым лезвием.

КАМЕННЫЙ БОЕВОЙ ТОПОР.

КАМЕННЫЙ БОЕВОЙ ТОПОР.

ИХЕ, или копье, длиной от 6 до 8 футов.

Копье длиной от 16 до 20 футов.

А если заглянуть еще дальше в прошлое, то мы увидим отважных вождей, которые на баржах и двойных каноэ длиной в сто футов путешествуют между Гавайскими островами и более южными группами островов, ориентируясь только по солнцу и звездам. Позже мы видим сражения, в которых участвуют тысячи смуглых воинов. Воины обнажены до пояса и вооружены копьями, пращами, дубинами, боевыми топорами, копьями и ножами из дерева или слоновой кости. У них нет ни луков, ни щитов. Они либо ловят руками, либо отражают собственными телами брошенное оружие. Их вожди, возвышающиеся над ними ростом, сбросили свои яркие перьевые плащи и шлемы и с копьями и каменными алебардами стоят в первых рядах сражения. Противные силы располагаются так, что образуют правое и левое крыло и центр, которым лично командует король или главный вождь. В тылу каждой вражеской линии находится большое количество женщин с калексами с едой и водой, чтобы подкрепить своих сражающихся отцов, мужей и братьев. Пока идет сражение, их плач, крики и молитвы не умолкают, а когда их друзьям грозит поражение, они то тут, то там принимают участие в бою. Были проконсультированы авгуры, принесены жертвы и даны обещания богам, и, когда враждующие линии приближаются, боги войны противостоящих вождей, недавно украшенные и сопровождаемые длинноволосыми жрецами, выносятся на передний план. Затем следуют боевые крики и выкрики вызова. Жрецы отступают, и прашники открывают сражение. Метают копья, и вскоре на поле разворачивается рукопашная схватка. Они сражаются группами и отрядами вокруг своих вождей и предводителей, которые бродят по полю в поисках достойных противников. Никто не дает и не ожидает пощады. Первые пленники отводятся в качестве подношений богам и считаются самыми ценными жертвами. Наконец падает главный вождь одной из противоборствующих армий. За его телом разгорается отчаянная борьба, и его обескураженные последователи начинают отступать и вскоре бегут. Некоторые убегают в крепость в соседних горах, а несколько, возможно, в храм-убежище; но большинство из них догоняют и убивают. Пленники, которых пощадили, становятся рабами своих захватчиков (), а победу празднуют пиром и щедрыми жертвоприношениями богам.

Это типичная битва прошлого, либо за господство соперничающих вождей, либо за отражение вторжения с соседнего острова. Но здесь и там мы видим проблески реальных конфликтов, свидетельствующих о воинственном духе и рыцарстве ранних гавайцев. Далеко в прошлом мы видим, как прекрасная Хина похищена у своего гавайского мужа принцем Молокаи и удерживается в плену в крепости Хаупу, пока ее сыновья не вырастут, после чего она спасается в результате штурма, в котором гибнут последние ее защитники. Позже мы видим восемьсот вождей Гавайцев в шлемах, все благородного происхождения, бросающихся на верную гибель под копья армии Мауи на равнинах Вайлуку. А затем, менее чем через поколение (), Камехакеха появляется

в последней битве завоевания, когда, во главе шестнадцати тысяч воинов, он сметает армию Оахуана с обрыва Нууану и становится повелителем архипелага. Наконец, мы видим Кекуаокалани, последнего защитника гавайских богов и храмов, попирающего указ короля, запрещающий поклонение его отцам, и умирающего вместе со своей верной женой Маноно на поле Куаму.

Среди этих кровавых сцен взгляд с облегчением останавливается на многочисленных эпизодах любви, дружбы и самопожертвования, которые смягчают красные краски прошлого. Мы видим Канипаху, изгнанного короля Гавайев, копающегося как простой рабочий на соседнем острове и отказывающегося вновь принять скипетр в своей старости, потому что его спина сгорбилась от тяжелого труда и он больше не мог смотреть поверх голов своих подданных, как подобает гавайскому королю. Мы видим Уми, простоватого юношу с королевской осанкой и могучими пропорциями, смело перепрыгивающего через стены дворца великого Лилоа, отталкивающего копья стражников, входящего в королевский дворец, садящегося на колени королю и благодаря проявлению забытого знака любви получающего мгновенное признание в качестве его сына. И теперь Лоно, правнук Уми, предстает перед нами, и мы видим, как он, соблазненный голосом своей королевы, донесшимся до него тайно из-за стен суверенного двора Оаху, возвращается из добровольного изгнания на Гавайи, чтобы одержать победу над своими врагами. Эти и многие другие романтические события связаны с ранними гавайскими королями и принцами () и представлены на следующих страницах со всеми интересными деталями, которые можно найти в доступных традициях.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Несколько общих замечаний о физических характеристиках Гавайских островов представляются уместными при представлении сборника легенд, посвященных истории и фольклору их народа. Острова занимают место в огромной пустоши Тихого океана между 19 и 23 градусами северной широты и 154 и 161 градусами западной долготы от Гринвича. Они находятся в 2100 милях к юго-западу от Сан-Франциско и примерно на таком же расстоянии от Таити.

Группа состоит из десяти островов, включая два, которые представляют собой не более чем бесплодные скалы. Самые удаленные из них находятся на расстоянии около трехсот миль друг от друга, измеряя от их крайних границ, а их общая площадь составляет чуть более шести тысяч ста квадратных миль. Все восемь основных островов пригодны для проживания, хотя небольшие острова Ниихау и Кахоолаве используются почти исключительно для выпаса скота.

Большая часть берегов нескольких островов окаймлена кораллами, но их происхождение, по-видимому, бесспорно подтверждается многочисленными кратерами потухших вулканов, разбросанными по всей группе, и мощными пожарами, все еще бушующими на горных вершинах Гавайев.

Большая часть территории островов является гористой, но из внутренних возвышенностей, некоторые из которых достигают высоты от десяти до четырнадцати тысяч футов, стекают многочисленные небольшие ручьи с пресной водой, расширяющиеся в плодородные долины по мере приближения к побережью, а между ними здесь и там остались аллювиальные плато, образованные смывом с возвышенностей.

За редким исключением, склоны гор покрыты растительностью, часть которой имеет крепкий рост и может быть использована в качестве строительного материала и для изготовления каноэ, а ниже по склону *охия*, пальмы, бананы и хлебные деревья покрыты вечной зеленью, а между ними и морем растут рощи величественных кокосовых пальм.

Когда-то в горах в изобилии росло ароматное сандаловое дерево, но оно стало предметом торговли с туземцами в их ранних контактах с белыми расами, и теперь его редко можно увидеть. Когда-то долины и плато были покрыты растущими *таро* и картофелем; теперь тростник и рис иностранцев заняли место обоих, и в тех немногих затененных местах, которые остались ему, прощающий и не мстительный гавайец печально напевает свои дикие песни о прошлом.

Ни в памяти людей, ни в их легендах, которые уходят корнями более чем на тысячу лет назад, не было активных вулканов в группе островов за пределами большого острова Гавайи, который занимает две трети суши архипелага. Могучий кратер Халеакала, более тридцати миль в окружности, на острове Мауи, веками мирно дремлет среди облаков, а сотни меньших и более низких кратеров, многие из которых покрыты растительностью, разбросаны по горам и предгорьям группы; но их огонь давно угас, и шлак и пепел, погребенные у их основания, рассказывают о их деятельности в далеком прошлом.

Должно быть, это было слишком грандиозное зрелище для человеческих глаз, когда все эти мертвые вулканические вершины, пылающие серными пламенами, освещали безлунные полночи восьми гавайских морей своим совместным бомбардировкой небес!

Только на острове Гавайи огонь природы остался незатухшим. В течение последних тысячи лет и более Мауна-Кеа, Мауна-Хуалалай и Мауна-Лоа периодически извергали свои разрушительные потоки лавы в море, и сегодня ужасный, беспокойный и вечно горящий котел Килауэа, почти миля в окружности, является величайшим пожаром, освещающим землю. В его зловещих глубинах, в огненных гротах и камерах из горящего кристалла, обитают *Пеле* и ее спутники, и суеверные туземцы до сих пор приносят им жертвы. Неужели они все еще верят в этих божеств после более чем шестидесяти лет христианского обучения? После того, как их храмы были разрушены, а их боги уничтожены? После того, как их *табу* были нарушены, а их священники свергнуты и опозорены? Единственный ответ: «Жертвоприношения все еще совершаются».

Хотя береговая линия островов в целом изрезана, скалиста и крута, здесь есть множество бухт и заливов, частично защищенных рифами и мысами, а также много протяженных гладких желтых пляжей, где волны, подгоняемые *коной*, или дуновением пассатов, гонятся друг за другом высоко среди корней какао и ветвей скромного дерева хау, цепляющегося за песок. Однако гавань Гонолулу на острове Оаху — единственная, где пассажиры и грузы морских судов могут приниматься или выгружаться без помощи барж.

Большинство полезных и декоративных растений тропиков сейчас процветают на островах. Однако местные растения ограничиваются бананами, плантанами, кокосами, хлебными деревьями, *охией*, сахарным тростником, марантой, ямсом, сладким картофелем, *таро*, клубникой, малиной и *охело*. Лайм, апельсин, манго, тамаринд, папайя, гуава и все другие съедобные продукты, кроме тех, которые названы как местные, были завезены в прошлом веке.

Единственными домашними животными древних гавайцев были собаки, свиньи и птицы, а самыми грозными четвероногими существами, обитавшими в их полях и лесах, были мыши и ящерицы. Дикая гуси, в том числе вид, характерный для островов, утки, бекасы и кулики были многочисленны в свои сезоны, но, по-видимому, их ели редко; а совы, летучие мыши и несколько видов птиц с простым пением и не слишком ярким оперением составляли всю животный мир островов сто лет назад. Но коренные жители вполне могли довольствоваться этим ограниченным выбором, поскольку в него не входили змеи, комары, многоножки, тарантулы или скорпионы.

Каким процессам создания или изоляции гавайские острова обязаны своим существованием? Были ли они подняты из глубин океана в результате вулканической деятельности, как явно предполагает их форма? Или же они являются частью великого затонувшего континента, который, согласно предположениям, подкрепленным туманными преданиями, когда-то занимал полинезийские моря? Гавайские *меле* упоминают острова, которых больше не существует, а легкость, с которой до XII века поддерживалась связь между гавайскими и более южными группами, делает правдоподобным предположение, что это общение было внезапно прервано шесть или семь веков назад исчезновением ряда промежуточных атоллов или островов, которые служили ориентирами для ранних полинезийских мореплавателей. Гигантские руины храмов и других сооружений, найденные на острове Пасхи и одном или двух других островах экваториального Тихого океана, являются почти неопровержимыми аргументами в пользу теории затонувшего полинезийского континента; но этот вопрос, вероятно, никогда не выйдет за рамки догадок.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩИЕ ЧЕРТЫ.

Происхождение и ранняя история гавайского народа, а также, по сути, полинезийской расы, частью которой он является, вызывают сомнения. Обычно их считают ответвлением большой малайской семьи, но более поздние и тщательные исследования, в частности, проведенные судьей Форнандером, ученым и добросовестным историком, с разумной степенью убедительности показывают, что полинезийская и малайская расы имеют разное и сильно отличающееся происхождение.

Принимая этот вывод, мы прослеживаем происхождение строго полинезийских племен до арийских корней где-то в Малой Азии или Аравии. Предполагается, что в далеком прошлом они вступили в тесный контакт с ранними кушитскими и халдейско-арабскими цивилизациями. Впоследствии, переместившись в Индию, они в некоторой степени смешались с дравидийскими расами и, следуя по каналам великой халдейской торговли того периода, в конце концов обрели дом в азиатском архипелаге от Суматры до Лусона и Тимора.

Точное время их поселения на больших прибрежных островах Южной Азии не может быть определено установлено, но их легенды и генеалогии не оставляют сомнений в том, что это произошло одновременно с вторжением малайцев и индусов на Суматру, Яву и других островов архипелага в I и II веках нашей эры, что полинезийцы были вытеснены — не сразу все вместе, а семьями и общинами в течение нескольких лет — на более мелкие и отдаленные острова Тихого океана.

Их первым общим местом сбора была группа Фиджи, где они оставили свой след на коренных папуасах. Изгнанные с Фиджи или добровольно покинувшие их после пребывания там в течение нескольких поколений, полинезийцы рассеялись по Тихому океану, постепенно заселяя несколько групп островов, где они находятся в настоящее время. Двигаясь через Самоа и острова Общества, миграционная волна достигла Гавайев только в середине VI века.

Нанаула, выдающийся вождь, был первым, кто прибыл с южных островов. Неизвестно, открыл ли он этот архипелаг, будучи унесенным на север неблагоприятными ветрами, или же намеренно отважившись на далекое путешествие по океану в поисках новых земель. В любом случае, он привез с собой своих богов, жрецов, пророков и астрологов, а также значительное число последователей и слуг. Он также имел с собой собак, свиней и птиц, а также семена и зародыши полезных растений для размножения. Вероятно, он обнаружил группу островов без человеческих обитателей.

В тот период — вероятно, при жизни Нанаулы — другие менее значимые вожди прибыли со своими семьями и последователями из Таити или Самоа. Они приплыли на баржах и больших двойных каноэ, способных вместить от пятидесяти до ста человек каждая. Они привезли с собой не только своих жрецов и богов, но и самые ранние полинезийские традиции. Считается, что ни один из пионеров времен Нанаулы никогда не возвращался на южные острова, и что другие не последовали сразу за первой волной миграции, заселившей Гавайский архипелаг.

В течение тринадцати или четырнадцати поколений первые жители Гавайских островов жили в изоляции от остального мира, размножаясь и расселяясь по всей группе. Они возводили храмы своим богам, сохраняли свою древнюю религию и подчинялись своим вождям. Традиции того периода настолько скудны, что создается впечатление, будто это был период непрерывного мира, и мало что сохранилось, кроме генеалогий правящих вождей.

Но в конце X или начале XI века гавайцы пробудились от своего более чем четырехвекового сна с приходом группы авантюристов с южных островов, вероятно, из группы Общества. Во главе их стоял Нанамаоа. Он был воинственным вождем и сумел установить власть своей семьи на Гавайях, Мауи и Оаху. Но вскоре с юга пришли более сильные лидеры. Одним из первых был верховный жрец Паао из Самоа. Он прибыл во время правления Капавы, внука Нанамаоа, или сразу после его смерти. Народ находился в нестабильном политическом положении, и Паао, оценив ситуацию, либо послал, либо лично вернулся в Самоа за Пили, выдающимся вождем этого острова. Прибыв с большой свитой, Пили взял на себя власть над островом Гавайи и основал новую династию. Паао стал его верховным жрецом и несколько нарушил религиозные обычаи народа, введя новые обряды и двух или трех новых богов. Однако его религия, по-видимому, не сильно отличалась от религии местных жрецов, и через семьсот лет последний из жрецов провозгласил свое происхождение от него и право на его место.

Общение, установленное таким образом между гавайской и южной группами Нанамаоа, Паао и Пили, продолжалось около ста пятидесяти лет, то есть до середины или конца XII века. В течение этого периода несколько других воинственных семей из юга установили свою частичную или полную власть над Оаху, Мауи и Кауаи, и между группой и другими отдаленными островами Полинезии часто проводились экспедиции. Это был период необычайной активности, и легенды того времени полны рассказов о любви, завоеваниях и опасных путешествиях на южные острова и обратно.

В ту эпоху, когда дальние путешествия были частым явлением, полинезийцы были смелыми и умными мореплавателями. Помимо больших двойных каноэ, способных выдерживать самые суровые погодные условия, они обладали вместительными баржами с досками, скрепленными веревками и заделанными на прочных рамах. Они были накрыты палубой и несли большие паруса. Их мореплаватели обладали некоторыми знаниями о звездах, знали крупные планеты и давали им имена, были знакомы с пределами эклиптики и положением экватора. С помощью этих знаний и внимательно наблюдая за ветрами и течениями, океанскими течениями и полетами птиц, они редко не достигали своей цели, какой бы далекой она ни была.

Ближе к концу XII века вся связь между гавайскими и южными группами внезапно прервалась. Традиция не дает объяснения причине этого, и предположения не могут найти лучшего объяснения, чем возможное исчезновение в то время ряда островных ориентиров, которые до того служили ориентирами для моряков. В начале этого периода изоляции вся группа, за исключением, возможно, Молокаи и части Оаху, находилась во владении южных вождей или их потомков.

Было отмечено, что первое открытие и заселение островов полинезийцами из групп Общества и Самоа произошло в шестом веке, а более чем четыреста лет спустя вторая волна миграции с тех же и, возможно, других южных островов достигла побережья Гавайев, продолжаясь более полутора веков и полностью изменив политическое и, в некоторой степени, социальное положение народа. Хотя между первым и вторым миграционным притоком с юга прошло почти пять веков, в течение которых жители группы не поддерживали никаких связей с остальным миром, любопытно, что Пили, Паумакуа и другие вождеские семьи второго притока прослеживали свою родословную до предков вождей первой миграции и подтверждали свои права на родство, рассказывая общие для обеих групп легенды и генеалогии.

Принцесса Лилиуокалани.

В конце второго миграционного периода, который завершил их общение с внешним миром на более чем шестьсот лет, или с 1175 по 1778 год НАШЕЙ ЭРЫ, жители группы в целом перешли на сторону вновь прибывших вождей. Заметными исключениями были семьи Мавеке и Камауауа с Оаху и Молокаи, обе из древнего рода Нанаула. Хотя они постепенно были вытеснены со своих владений более энергичными захватчиками, высокое происхождение видных местных вождей было признано, и благодаря смешанным бракам их кровь смешалась с королевской, которая текла веками с тех пор, как они перестали править.

Здесь будет приведен лишь краткий обзор политической истории островов с XII по XIX век. Следующие легенды восполнят то, что будет опущено во избежание повторений.

До окончательного завоевания группы Камехамеха I в конце прошлого века пятью главными островами архипелага — Гавайи, Мауи, Оаху, Кауаи и Молокаи — как правило, управляли один или несколько независимых вождей. Меньшие острова Ланаи и Кахоолаве обычно подчинялись Мауи, а Ниихау всегда разделял политическую судьбу Кауаи.

Однако на каждом острове проживали потомки выдающихся древних вождей и героев, которые считались представителями высшей или королевской крови, и из них происходили верховные вожди, короли или *мои* нескольких островов, чьи династии продолжали властвовать, с перерывами на восстания и королевские распри, до объединения группы Камехамеха. Никто не признавался вождем-табу, если его генеалогическая родословная не показывала, что он имеет благородную кровь, и браки между правящими семьями, а также между меньшими вождями нескольких островов со временем объединили всю аристократию группы узами крови и дали всем представителям королевской линии общее и выдающееся происхождение. Дворянство и наследственное духовенство утверждали, что они происходят из другого рода, чем простой народ, и их превосходство в росте и интеллекте, казалось, подтверждало это предположение. Чтобы сохранить чистоту крови вождей, в далеком прошлом был создан геральдический колледж, перед которым все вожди должны были зачитывать свои генеалогии и подтверждать свои права на благородное происхождение.

Легенды этой группы изобилуют рассказами о романтических и кровопролитных внутренних конфликтах, а также о политических и грабительских войнах между островами; но до времени Камехамехи была предпринята только одна попытка подчинить весь архипелаг. Этот смелый план был разработан королем острова Гавайи, правившим в конце XIII века. Ему удалось завоевать Мауи, Оаху и Молокаи, но на Кауаи он потерпел поражение и был взят в плен.

Не вдаваясь в подробности о промежуточных годах с XII по XVIII век — долгом периоде войн, праздников, турниров и королевских и священнических торжеств — мы теперь кратко рассмотрим состояние островов во время их открытия капитаном Куком, чуть более века назад. По оценкам, население островов тогда составляло четыреста тысяч душ. Эта оценка считалась завышенной. Но если учесть, что пятнадцать лет спустя на островах одновременно находилось от тридцати до сорока тысяч вооруженных воинов, а также большие резервы, готовые к службе, то нельзя не прийти к выводу, что население вряд ли могло быть меньше. Камехамеха вторгся на Оаху с шестнадцатью тысячами воинов, в основном набранных с острова Гавайи. Ему противостояли восемь или десять тысяч копьеносцев, а еще столько же ждали его прибытия на Кауаи. Согласно данным преподобного Эллиса, который в 1821 году путешествовал по острову Гавайи и подсчитал количество жилищ и общин, с которыми он обращался в нескольких прибрежных районах, через которые он прошел, число жителей только на этом острове не могло быть меньше 115 тысяч.

Во время прибытия капитана Кука Каланиопуу из древнего рода Пили был королем большого острова Гавайи, Кахахана (), а также владел частью острова Мауи. Кахекили, «громовержец», как подразумевалось в его имени, был *моем* Мауи, а главная жена Каланиопуу была его сестрой. Кахахана, который также был родственником Кахекили, был королем Оаху и претендовал на владение Молокаи и Ланаи. Камакахелей была номинальной королевой Кауаи и Ниихау, а ее муж был младшим братом Кахекили, в то время как она была родственницей королевской семьи Гавайев. Таким образом, как можно видеть, правящие семьи нескольких островов группы были связаны друг с другом как браками, так и кровными узами. Так было на протяжении многих поколений. Но их войны друг с другом не были менее мстительными из-за их родства и не сопровождались меньшей жестокостью в часы триумфа.

В то время Кахекили замыслил свержение Кахаханы и захват Оаху и Молокаи, а королева Кауаи была готова помочь ему в этих начинаниях. Захват района Хана на Мауи королями Гавайев был

причиной многих упорных конфликтов между рыцарями двух островов, и когда капитан Кук впервые высадился на Гавайях, он обнаружил, что король этого острова отсутствовал, находясь в очередной военной экспедиции на Мауи, намереваясь отомстить за свое поражение два года назад, когда его знаменитая бригада из восьмисот дворян была изрублена на куски.

В то время при дворе Каланиопуу находился молчаливый и сдержанный вождь, который до сих пор не привлекал особого внимания как военный лидер. Он был человеком гигантского телосложения, и его мужество и доблесть в бою были несомненны; однако он редко улыбался или участвовал в мужских видах спорта, столь привлекательных для других, и его друзья были немногими, кто разглядел в нем дремлющее величие, которое впоследствии принесло ему имя и славу, не уступающие никому в гавайской истории. Он был известен и признан сыном Кеоуа, сводным братом Каланиопуу, хотя многие считали, что его настоящим отцом был Кахекили, мой Мауи. Но, как бы то ни было, он был королевской крови и был предназначен стать не только королем Гавайев, но и завоевателем и правителем всего архипелага. Этот вождь был Камехамеха.

Такова, вкратце, была политическая обстановка на островах, когда туда прибыл капитан Кук. Он был офицером английского флота и на военных кораблях *«Резолюшн»* и *«Дискавери»* совершал исследовательское путешествие () в поисках северо-западного прохода на восток от Берингова пролива. Покинув острова Общества в декабре 1777 года, 18-го числа следующего месяца он увидел острова Оаху и Кауаи. Высадившись на последнем острове и Ниихау, он был принят туземцами как бог, а его корабли были снабжены всем необходимым. Не посетив другие острова группы, он 2 февраля 1778 года отплыл к северо-западному побережью Америки, а в ноябре того же года вернулся на острова, впервые увидев берега Молокаи и Мауи. Общаясь с удивленными туземцами последнего острова, он обогнул побережье Гавайев и 17 января бросил якорь в бухте Кеалакеакуа. Народ приветствовал его как реинкарнацию своего бога *Лоно*, а жрецы провели его в свои храмы и оказали ему божественные почести. Вернувшись из похода на Мауи, король посетил его и обращался с ним как с богом, а его корабли были щедро снабжены свиньями, птицей, овощами и фруктами. Корабли покинули бухту 4 февраля, но, встретив шторм, 8 февраля вернулись для ремонта. Вскоре между туземцами и белыми моряками возникли мелкие ссоры, и 13-го числа одна из лодок корабля была украдена вождем и разобрана на гвозди и другие железные крепления. Кук потребовал вернуть лодку и, пытаясь взять короля на борт *«Резолюции»* в качестве пленника, был атакован туземцами и убит. С кораблей открыли огонь, и многие туземцы, в том числе четыре или пять вождей, были убиты. Тело Кука было унесено туземцами, но большая часть костей впоследствии была возвращена по просьбе капитана Кинга, и вскоре после этого корабли покинули остров.

Если капитан Кук и не был первым европейским мореплавателем, открывшим Гавайские острова, то он, по крайней мере, был первым, кто нанес их на карту и сообщил о их существовании всему миру. Достаточно убедительно установлено, что Хуан Гаэтан, капитан испанского галеона, плывшего от мексиканского побережья к Островам Пряностей, открыл эту группу островов еще в 1555 году. Но он не сообщил о своем открытии в то время, и все, что осталось в подтверждение его права на это открытие, — это старинная рукописная карта в архивах испанского правительства.

В традициях коренных жителей упоминается о высадке небольших групп белых людей два или три раза в конце XVI века; но если гавайцы видели лица и корабли других рас во времена Гаэтана, то их потомки, безусловно, утратили все знания об этом спустя двести или более лет, поскольку Кук был встречен как сверхъестественное существо испуганными островитянами, а его корабли были описаны ими как плавучие острова. Простой железный гвоздь был для них бесценной драгоценностью, и каждое их действие и слово выдавали полное незнание всего, что касалось белых рас.

Каланиопуу, король Гавайев, умер в 1782 году, и Камехамена, при помощи трех или четырех видных вождей, после более чем десятилетней борьбы сумел обеспечить себе верховную власть над этим островом. Сделав это, воодушевленный пророками, при поддержке своих вождей и непоколебимой верой в свою судьбу, он завоевал Мауи, Оаху, Кауаи и их зависимые территории, и в 1795 году был признан единственным правителем этого архипелага.

Хотя Камехамена был королевского рода, его связь со старой династией королей была менее прямой, чем у его двоюродного брата Кивалао, у которого он отнял гавайский скипетр; но его военный гений сплотил вокруг него воинственных вождей, недовольных разделом земель сыном и преемником Каланиопуу, и в конце концов его триумф был полным. Чтобы еще больше облагородить свою преемственность, он женился на дочери своего королевского двоюродного брата и таким образом обеспечил своим детям несомненное происхождение высшего достоинства.

Существование Гавайских островов стало общеизвестным вскоре после окончательного отправления кораблей «*Резолюшн*» и «*Дискавери*», но только в 1786 году корабли начали посещать этот архипелаг. Первыми, кто прибыл после смерти капитана Кука, были английские корабли «*Кинг Джордж*» и «*Куин Шарлотта*», а в том же году французская исследовательская эскадра зашла на Мауи. В 1787 году несколько торговых судов посетили этот архипелаг, и туземцы начали обменивать продовольствие и сандаловое дерево на огнестрельное оружие и другое металлическое оружие.

В 1792 году, а затем и в 1793 году капитан Ванкувер из английской исследовательской эскадры зашел на острова и остался там на некоторое время. Он высадил овец, коз и рогатого скота, а также раздал местным жителям фрукты и семена садовых культур. Местные жители с благодарностью чтят его память, поскольку его миссия была мирной и благотворительной. С тех пор торговые суда в значительном количестве посещали эту группу островов, и во время заключительных войн Камехамена соперничающие вожди заручились помощью небольших отрядов белых людей () и в некоторой степени научились пользоваться мушкетами и небольшими пушками, которые легко покупались и оплачивались сандаловым деревом, которое в то время было довольно обильным на большинстве лесистых гор островов. Гавань Гонолулу была впервые открыта и посещена двумя американскими судами в 1794 году и вскоре стала излюбленным местом для военных, торговых и китобойных судов всех наций.

В этих новых и сложных условиях Камехамена управлял делами своего королевства с выдающейся осторожностью и мудростью. Он призывал свой народ терпеливо переносить агрессию белых и по возможности сохранять свои простые привычки. Когда его маленькая империя была объединена и жила в мире, Камехамена умер 8 мая 1819 года в возрасте около восьмидесяти лет; его останки были так тайно захоронены, что до сих пор не найдены.

Лихолихо, старший из его сыновей от Кеопуолани, дочери его двоюродного брата Кивалао, унаследовал титул своего воинственного отца Камехамена II. Некоторые знания о христианской религии дошли до туземцев через их белых посетителей, но старый вождь умер в вере своих отцов.

Сразу после смерти Камехамены произошло событие, которому нет аналогов в истории. В октябре 1819 года — за шесть месяцев до прибытия на острова первых христианских миссионеров — Лихолихо, под влиянием Каахуману, одной из вдов своего отца, внезапно, в присутствии большого скопления потрясенных туземцев, нарушил самое священное из *табу* своей религии, вкусив пищу из сосудов, из которых пировали женщины, и в тот же день издал указ о разрушении всех храмов и идолов в королевстве. Его поддержал первосвященник Хевахева, который первым приложил факел; и в течение нескольких недель идолы, храмы, алтари и священство, которые

веками держали принца и подданных в страхе, были уничтожены, оставив народ абсолютно без религии.

Но не все мирно подчинились этому королевскому указу против своих богов. В сумерках того туманного периода появляется великий защитник веры Кеаве и Уми и алтарей гавайских богов. Этот защитник был Кекуаокалани, племянник, возможно сын, первого Камехамеха и двоюродный брат, возможно сводный брат, Лихолихо. В его жилах текла королевская кровь Гавайев, и его осанка была королевской. Он был выше шести с половиной футов ростом, с пропорциональными конечностями и поразительно красивыми и внушительными чертами лица. Он принадлежал к священническому сословию и, благодаря некоторым *табу* или привилегиям, претендовал на второе место по авторитету после Хевахевы, который вел свою родословную от Паао, верховного жреца Пили. Его жена, Маноно, не уступала ему в мужестве, красоте и знатности.

Отступничество Хевахевы оставило Кекуаокалани во главе священства — по крайней мере, так он, по-видимому, считал — и на королевский приказ снести храмы он ответил призывом к народу вооружиться и присоединиться к нему в защите своих богов. Он поднял знамя восстания на острове Гавайи и вскоре возглавил значительную армию. Против него была направлена большая армия, и были предприняты все усилия, чтобы заставить его сложить оружие. Но он презирал все условия и отказывался от любых уступок.

В Куамуо произошла битва, которая сначала складывалась в пользу защитников богов, но огнестрельное оружие белых, служивших королю, переломило ход войны, и они были разгромлены и рассеяны. Кекуаокалани был убит на поле боя, а Маноно, его храбрая и верная жена, сражавшаяся рядом с ним, упала мертвой на тело своего мужа с пулей из мушкета в виске. Грубый памятник из камней до сих пор отмечает место, где они пали; и шепотом рассказывают, что *кона*, проходящая через покрывающие их лозы, настраивает их на самые печальные тона плача по последним защитникам гавайских богов.

За четыре или пять месяцев до смерти Кекуаокалани Калаймоку, премьер-министр Лихолихо, и его брат Боки были крещены по обряду римско-католической церкви капелланом французского корвета, который случайно зашел на острова. Они едва понимали значение этой церемонии, и можно с уверенностью сказать, что во время разрушения своих храмов и отречения от своих богов гавайцы мало или вообще ничего не знали о других религиях. Отмена *табу*, которое сделало их рабами своих вождей и жрецов и удерживало их отцов в рабстве на протяжении веков, была встречена с такой большой радостью коренным населением, что оно не колебалось, когда его призвали отправить жречество и своих богов в могилу *табу*.

30 марта 1820 года, через несколько месяцев после этой странной религиозной революции, на острова прибыла первая группа христианских миссионеров из Массачусетса. Их хорошо приняли. Они нашли народ без религии, и их работа была легкой. Время от времени прибывали другие группы миссионеров, которые находили это поле деятельности выгодным как для дела, которому они служили, так и для себя лично. Они приобрели значительные владения в своей новой родине, контролировали правительство в течение следующих пятидесяти и более лет, и их дети сегодня являются одними из самых процветающих жителей этой группы островов. Это сказано не с целью принизить заслуги первых миссионеров на Гавайях, а чтобы показать, что не все миссионерские поля были финансово непродуктивными для ревностных и предусмотрительных работников.

И теперь следует подчеркнуть, что ценность миссионерской деятельности на Гавайях не должна измеряться небольшим числом туземцев, которых сегодня можно назвать « » христианами, а скорее советами и помощью этих бережливых религиозных учителей в обеспечении и поддержании независимости островов и постепенном установлении мягкого и благотворного

конституционного правительства, при котором налоги так же низкие, а жизнь и собственность так же безопасны, как и в любой другой части цивилизованного мира. Они были не только религиозными наставниками, но и политиками, а также практическим примером ценности христианской дисциплины, когда она разумно применяется для приобретения необходимых и привлекательных вещей в жизни и создания гражданской системы, способной защитить владельца в его приобретенных правах.

В 1824 году Лихолихо и его королева умерли во время визита в Англию, и их останки были отправлены обратно на острова на английском военном корабле. Кауикеаоули, десятилетний юноша и брат покойного короля, был признан законным наследником престола под именем Камехамеха III, а Каахуману, одна из жен Камехамеха I, выполняла функции регента и премьер-министра.

В 1827 году и десять лет спустя прибыли миссионеры-католики, которые были высланы по приказу правительства, но в 1839 году священники этой конфессии были наконец высажены под дулами орудий французского фрегата и получили разрешение остаться. К тому времени были построены церкви, школы и типографии, гавайский язык стал письменным, а законы и указы правительства были обнародованы в печатном виде.

В 1840 году народу была дана первая письменная конституция, гарантирующая ему представительное правительство. В феврале 1843 года лорд Полет из английского флота официально взял острова под свой контроль, но в июле того же года их суверенитет был восстановлен благодаря действиям адмирала Томаса. В ноябре того же года Франция и Англия взаимно согласились воздерживаться от захвата или оккупации островов или любой их части, а Соединенные Штаты, отказавшись присоединиться к соглашению, незамедлительно признали независимость этого архипелага.

Принцесса Кауилани.

Камехамеа III. умер в 1854 году, и ему наследовал Камехамеа IV. Последний правил до 1863 года, когда он умер, и ему наследовал принц Лот с титулом Камехамеа V. В 1864 году Лот отменил конституцию 1840 года и даровал новую. Он правил до 1872 года и умер, так и не назвав преемника, и Законодательное собрание избрало на трон Луналило. Он происходил из семьи Камехамеа, и с его смертью в 1873 году династии Камехамеа пришел конец. Ему тоже не удалось назначить преемника, и поскольку из признанных потомков первого Камеамеа остались только двое — одна сестра Камеамеа V., а другая двоюродная сестра этого монарха, — Дэвид Калакауа был избран на трон Законодательным собранием в 1874 году, получив все голоса этого органа, кроме пяти, которые были поданы за вдовствующую королеву Эмму, вдову Камеамеа IV.

Поскольку предыдущее Законодательное собрание предусмотрело это событие, король Калакауа и его королева Капиолани были официально коронованы 12 февраля 1883 года в присутствии

представителей многих наций Старого и Нового Света. После коронации скончался последний из Камеаеа, включая вдовствующую королеву Эмму, и король Калакауа остается самым прямым представителем в королевстве древних государей Гавайев. Он ведет свою родословную от Лилоа через великую гавайскую семью I, которая объединила свое состояние с первым Камехаеа в завоевании группы. Его королева, Капиолани, является внучкой последнего независимого правителя Кауаи и, таким образом, состоит в кровном союзе с ранними правителями группы. Она бездетна, и принцесса Лилиуокалани, старшая из двух сестер короля, была названа его преемницей. Она жена Его превосходительства **Ошибка! Закладка не определена.**Джона О. Доминиса, американца по происхождению и нынешнего губернатора островов Оаху и Мауи. Единственной прямой наследницей в семьях короля и двух его сестер является принцесса Кайулани, дочь принцессы Лайклайк, [1](#) жены мистера Клегхорна, торговца из Гонолулу.

Ниже приводится список правителей Гавайев с указанием дат и продолжительности их правления с одиннадцатого по девятнадцатый век. Она охватывает только правителей острова Гавайи, которые в конечном итоге стали хозяевами группы. До правления Каланиопуу, которое началось в 1754 году, даты являются лишь приблизительными:

Pilikaeae,	от А. Д. 1095 до 1120
Kukohau,	”
	”
	”
	1120 до 1145
Kaniuhi,	”
	”
	”
	1145, чтобы 1170
Kanipahu,	”
	”
	”
	1170 до 1195

Калапаны (в том числе в узурпации Kamaiole),

”

”

”

1195 до 1220

Kahaimoelea,

”

”

”

1220 до 1260

Kalaunuiohua,

”

”

”

от 1260 до 1300

Kuaiwa,

”

”

”

1300 до 1340

Kahoukapu,

”

”

”

1340 до 1380

Kauholanuiimahu,

”

	”
	”
	1380 по 1415
Ки Ха,	
	”
	”
	”
	1415 до 1455
Лилоа,	
	”
	”
	”
	1455 до 1485
Накау,	
	”
	”
	”
	1485 по 1490
Уми,	
	”
	”
	”
	1490 до 1525
Kealiiokaloa,	
	”
	”
	”

1525 по 1535

Keawenui,

”

”

”

1535 в 1565

Kaikilani и Lonoikamakahiki,

”

”

”

1565, 1595 года

Keakealanikane,

”

”

”

1595 до 1625

Keakamahana,

”

”

”

1625, чтобы 1655

Keakealaniwahine,

”

”

”

1655, чтобы 1685

Кеахе и сестра,

”

”

”

1685, чтобы 1720

Аларануи,

”

”

”

1720 до 1754

Каланиоруну,

”

”

”

1754 в 1782 году

Камеамеа я,

”

”

”

1782 в 1819 году

Камеамеа второй.—Liholiho,

”

”

”

1819 по 1824

Кааһунапи регентства,

”

	”
	”
1824 по 1833	
Камеамеа III.—Kauikeaouli,	
	”
	”
	”
1833 по 1854	
Камеамеа IV в,	
	”
	”
	”
1854 по 1863	
Камеамеа В.—много,	
	”
	”
	”
1863 по 1872	
Lunalilo,	
	”
	”
	”
1872 по 1873 год	
Калакауа,	
	”
	”
	”

Ошибка! Закладка не определена.

Таким образом, кратко обрисовав контуры выдающихся политических событий на островах, далее мы обратимся к древней религии гавайцев; и поскольку *табу* было не менее религиозной, чем светской прерогативой, его уместно рассматривать в связи со священством. Знание силы, масштабов и святости *табу* необходимо для правильного понимания отношений, существовавших в прошлом между людьми и их политическими и религиозными правителями, и эта великая правящая сила сейчас привлечет наше внимание.

ТАБУ.

Строго говоря, древнее *табу*, или *капу*, было прерогативой исключительно политического и церковного ранга. Это был приказ либо делать, либо не делать, и смысл его был таков: “Повинуйся или умри”. Это было обычным явлением для полинезийских племен и служило защитой жизни, собственности и достоинства духовенства и знати.

Религиозные *табу* были хорошо понятны народу, как и личные или вечные *табу* правящих семей; но случайные *табу* были деспотичными, надоедливыми и опасными для масс, поскольку их можно было бездумно нарушать, и обычным наказанием была смерть.

Все, что относилось к жречеству и храмам, было священным, или *табу*, и свиньи, предназначенные для жертвоприношения и разгуливающие на свободе со знаком храма, не подлежали растлению. Пересекать тень короля, находиться в его присутствии без разрешения или приближаться к нему иначе, чем на коленях, было нарушением вечного *табу*. Это не относилось к вождям высших рангов, которые сами обладали *правами табу*.

Пулулу, или Знак Табу.

Любимые тропинки, источники, ручьи и места для купания были время от времени *запрещены* исключительно для царей и храмов, а кальмары, черепахи и два-три вида птиц могли употребляться в пищу только жрецами и *табуированной* знатью.

Желтый был *табуированным* цветом королевской семьи и красным - жречества, а мантии из перьев *оо* и *мамо* могли носить только короли и принцы. Накидки из перьев смешанного красного и желтого цветов отличали низшую знать. **Ошибка! Закладка не определена.**

Женщинам было *запрещено* есть бананы, бананы и кокосовые орехи; также мясо свиньи и некоторые виды рыбы, среди которых *куму*, *моано*, *улуа*, *хону*, *за*, *хахалуа* и *найя*; мужчинам и женщинам ни при каких обстоятельствах не разрешалось принимать пищу вместе. Следовательно, когда Лихолихо в 1819 году открыто нарушил это фундаментальное *табу*, приняв пищу вместе со своей королевой, он бросил вызов богам своих отцов и нанес удар по самому основанию религиозной веры своего народа.

Общие *табу*, объявленные верховным вождем или королем, провозглашались герольдами, в то время как *пулулу* — посох, увенчанный короной из белой или черной *капы*, размещенный у входа в храмы, королевские резиденции и особняки вождей *табу*, или рядом с источниками, рощами, тропинками или местами для купания, был постоянным предупреждением о нарушении границ. Общие *табу* были объявлены либо для умилоствления богов, либо при праздновании важных

событий. Они были либо обычными, либо строгими, часто охватывали целый район и продолжались от одного до десяти дней.

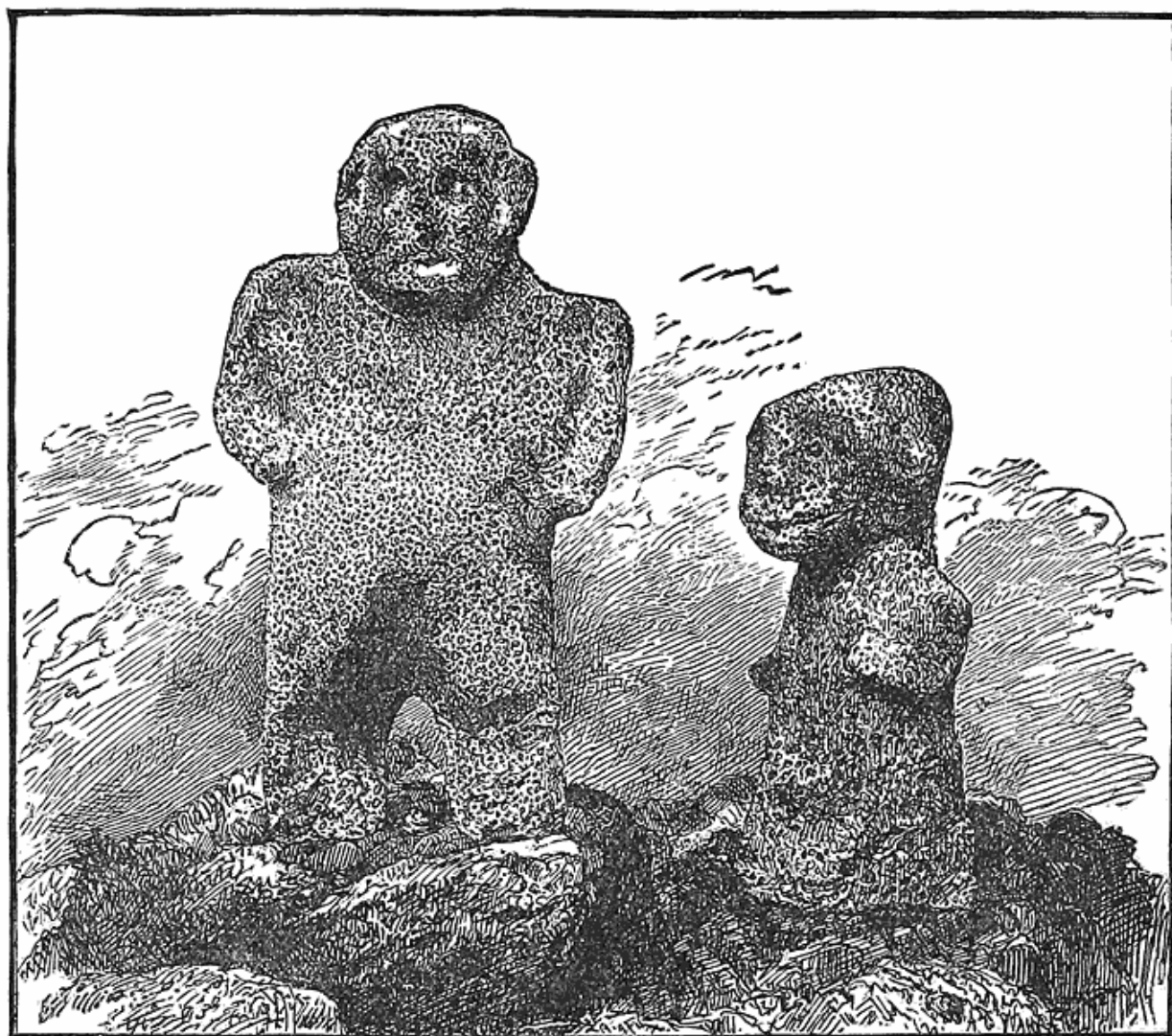
Во время действия общего *табу* от масс требовалось лишь воздерживаться от своих обычных занятий и посещать службы в *хях*, или храмах; но во время строгого *табу* гасли все костры и лампы, ни одно каноэ не отчаливало от берега, купание запрещалось, свиньям и домашней птице надевали намордники или клали под тыквенные тыквы, чтобы они не производили шума, люди разговаривали шепотом, и только священникам и их помощникам разрешалось показываться вне мест их обитания. Это было время гробового молчания, и считалось, что оно было особенно благодарным богам.

Некоторые королевские *табу*, существовавшие столетия назад, были легкомысленными и деспотическими, например, регулировали ношение бород и заставляли спускать все паруса при прохождении определенных береговых пунктов; но, какими бы капризными или деспотичными они ни были, *табу* нарушалось редко, и его соблюдение считалось необходимой защитой правящих классов.

ДРЕВНЯЯ ГАВАЙСКАЯ РЕЛИГИЯ.

Древняя религия гавайцев, существенной чертой которой было *табу*, представляла собой теократию с любопытной структурой. Это была система идолопоклоннических форм и жертвоприношений, бессвязно привитая к еврейской истории сотворения мира, грехопадения человека, восстания Люцифера, Всемирного потопа и повторного заселения земли. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Легенды гавайцев сохранились с удивительной целостностью. Их историками были жрецы, которые время от времени собирались на совет, пересказывали и сравнивали свои генеалогические *истории*, чтобы ничего не было ни изменено, ни утрачено. Как гавайское духовенство стало обладателем истории из книги Бытия на Иврите? Для них это было старым, когда "Резолюшн" и "Дискавери" бросили якорь в заливе Кеалакеакуа; старым для них, когда одна или несколько случайных групп испанских моряков в шестнадцатом веке, возможно, заглянули к ним на минутку по пути к островам Пряностей; и, вероятно, старым для них было, когда гавайцы нашли свой нынешний дом в шестом веке, и когда полинезийцы покинули побережье Азии четырьмя столетиями ранее...

Одна из теорий заключается в том, что эта история была получена в результате контактов израильтян с предками полинезийцев, в то время как последние **Ошибка! Закладка не определена.** дрейфовали на восток от земли своего рождения. Но более разумным представляется предположение, что гавайская теогония, столь странным образом увековеченная, является независимой и, возможно, оригинальной версией серии легенд о сотворении мира, распространенных в далеком прошлом у кушитских, семитских и арийских племен, и передавалась так же точно, как еврейская версия, прежде чем она была зафиксирована письменно. На самом деле, в некоторых отношениях гавайский вариант кажется более полным, чем еврейский.

С самого начала, согласно гавайской легенде, существовала троица богов, которые были единственными и всепроникающими разумными существами хаоса, или ночи - состояния, обозначаемого гавайским словом *По*. Этими богами были:

Кейн, создатель;

Ку, архитектор и строитель; и

Лоно, исполнитель и режиссер стихий.

По объединенной воле *Хикаполоа*, или троицы, свет был обращен в хаос. Затем они сотворили небеса, числом три, в качестве мест своего обитания, а затем землю, солнце, луну и звезды. Затем из своей слюны они сотворили сонм ангелов, которые исполняли их желания.

Наконец, был создан человек. Его тело было сделано из красной земли, смешанной со слюной *Кейна*, а голова - из беловатой глины, привезенной *Лоно* с четырех сторон света. Слово "Адам" означает "красный", и следует отметить, что гавайский Адам был сделан из земли этого цвета. Он был создан по образу *Кейна*, который вдохнул ему в ноздри, и он ожил. Впоследствии из одного из его ребер, взятого с его бока, пока он спал, была создана женщина. Мужчину звали *Куму-хонуа*, а женщину *Ке-ола-ку-хонуа*.

Новоиспеченная пара была помещена в прекрасный райский уголок под названием *Палиули*. Через него протекали три реки "вод жизни", на берегах которых росли все манящие фрукты, включая "запретное хлебное дерево" и "священную яблоню", с которыми связаны грехопадение и изгнание мужчины и женщины из их земного рая. Три реки брали начало в прекрасном озере, питаемом "живыми водами *Кейна*". Воды были наполнены рыбой, которую огонь не мог уничтожить, и, будучи орошены ею, мертвые возвращались к жизни. Легенды рассказывают о случаях, когда эти воды добывались, **Ошибка! Закладка не определена.** по милости богов, для возвращения к жизни выдающихся смертных.

В качестве образца песнопений, увековечивающих эти традиции и украшающих более простые прозаические рассказы, приводится следующий отрывок, относящийся к творению:

“Кейн великой Ночи,

Ку и Лоно великой Ночи,

Король Хика-по-лоа.

Запретная Ночь, которая отделена от других,

Ядовитая Ночь,
Бесплодная, безлюдная Ночь,
Постоянная темнота полуночи,
Ночь, оскорбитель.

О Капе, О Ку-ка-рао,
И великий Лоно, обитающий в воде,
Рождены Небо и Земля,
Ускоренный, увеличенный, движущийся,
Вознесенный на Континенты.

Кейн, Повелитель Ночи, Лорд-Отец,
Ку-ка-пао, в жарких небесах,
Великий Лоно с горящими глазами,
Молниеносный у Господа
Утвердившийся в истине, о Кейн, мастер-труженик;

Господь-творец человечества:

Начинайте, работайте, произведите на свет вождя Куму-хонуа,

И Ола-ку-хонуа, женщина;

Они живут вместе.

Живущая в браке (она) со своим мужем, братом”.

Среди созданных ангелов был *Каналоа*, гавайский Люцифер, который спровоцировал восстание на небесах, результаты которого, как ни странно, описаны в "бессмертной песне" Милтона. Когда был создан человек, *Каналоа* требовал его обожания. *Кейн* отказался от этого, поскольку ангелы и человек были одинаково творениями Божества, после чего *Каналоа* амбициозно решил создать собственного человека, который поклонялся бы ему. *Кейн* позволил ему продолжить свою крамольную работу. Он создал человека по точному подобию *Куму-хонуа*, но не смог дать ему жизнь. Он дышал ему в ноздри, но оно не поднималось; он звал его, но оно не говорило. Это вывело его из себя, и он решил уничтожить человека, созданного богами. Поэтому он прокрался в *Палиули* в облике му, или ящерицы, и с помощью какого-то обмана, о котором традиция определенно не говорит, *Куму-хонуа* и его супруга совершили Кейна"....."

УКуму-хонуа было три сына, второй из которых был убит первым. Имя гавайского Каина - *Лака*. *Ка Пили* был младшим сыном, и между ним и Всемирным потопом названо тринадцать поколений, тогда как в еврейской версии указано всего десять по соответствующей линии Сифа.

Гавайского Ноя зовут *Нуу*. По повелению богов он построил ковчег и вошел в него со своей женой и тремя сыновьями, а также с мужчиной и женщиной из всех живых существ. Пришли воды и покрыли землю. Когда они утихли, боги вошли в ковчег, который покоился на горе, возвышающейся над прекрасной долиной, и повелели *Нуу* отправиться со всем живым, что содержалось в ковчеге. В благодарность за свое избавление *Нуу* принес жертву луне, приняв ее за *Кейна*. Спустившись на радуге, это божество упрекнуло его в легкомыслии, но оставило лук как вечный знак своего прощения.

Продолжая генеалогическую запись, приводится десять поколений между *Нуу* и *Ку Пуле*, который “удалился в южную страну”, взяв с собой в жены свою рабыню *Аху*. Так было и с Авраамом. *Ку Пуле* установил практику обрезания и был дедом *Кини-лау-а-мано*, чьи двенадцать детей стали основателями двенадцати племен, от одного из которых — *менехуне*— произошли гавайцы.

Также приводится история, похожая на историю Джозефа, и упоминается последующее возвращение народа *Менехуне* на землю, выделенную для их заселения *Кейном*. Два брата вели их по пустыням и водам, и после многих невзгод они достигли своей цели.

Это, по-видимому, подразумевает, что народ *Менехуны* был одним из колен Израиля; однако более вероятно, что они происходили из какого-либо другого из двенадцати государств, на которые во многих случаях делились ранние азиатские племена, и что истории об Иосифе и Исходе стали частью их фольклора благодаря контакту с другими расами.

Генеалогическая линия от гавайца Адама до внука *Ку Пуле*, то есть до времен Иакова, передавалась по трем различным традиционным каналам. Совпадение нескольких версий примечательно, но наиболее достоверной считается та, которая была привезена на острова первосвященником Паао в одиннадцатом **Ошибка! Закладка не определена.** и сохранена его церковными преемниками. Это была семейная реликвия жрецов, и она никогда не передавалась за стены храмов.

С поселением народа *менехуне* на земле, выделенной для них *Кейном*, гавайские легенды перестают напоминать нам о более поздней истории евреев. На этом сходство исторических событий резко обрывается, и с неуверенным шагом в двенадцать или тринадцать поколений основная линия сводится к *Вакеа* и его жене *папе*, мифическим правителям со сверхчеловеческими качествами, которые, должно быть, существовали до того, как полинезийцы покинули азиатское побережье, хотя в некоторых легендах они связаны не только с первым заселением Гавайского архипелага, но и с созданием его островов.

Приведем несколько из множества легенд, связанных с созданием и первым заселением островов. По существу, одна из них заключается в том, что *Гавайи-лоа*, выдающийся вождь, четвертый в поколении из *Кини-лау-а-мано*, поплыл на запад и, ведомый Плеядами, открыл гавайскую группу. Он дал самому большому острову свое собственное имя, а остальным - имена своих детей.

Другая традиция относится к *Папе*, жене *Вакеа*, как к *табуированному* потомку *гавайских лоа*, стоящей выше своего мужа по касте. Взаимная ревность отравила их жизнь и привела к странным событиям. *Вакеа* снискал благосклонность прекрасной *Хины*, и от их объятий родился остров Молокаи. В отместку *папа* улыбнулся воительнице *Луа*, и плодом их встречи стал прекрасный остров Оаху. Отсюда старые названия *Молокаи-Хина* и *Оаху-а-Луа*.

Столь же причудливая легенда повествует о том, что огромная птица снесла яйцо в воды океана. Он был выведен теплыми ветрами тропиков, и на свет появилась гавайская группа. Вскоре после

этого мужчина и женщина с парой собак, свиней и домашней птицы приплыли на каноэ из Кахики, высадились на восточном побережье Гавайев и стали прародителями гавайского народа.

Упоминается пятьдесят шесть поколений от *Вакеа* до нынешней правящей семьи. Легенды двадцати девяти поколений, охватывающие период между *Вакеа* и Мавеке - что сводит летопись к одиннадцатому веку, когда произошел второй миграционный приток с южных островов, — изобилуют **Ошибка! Закладка не определена.** войны, восстания и народные движения, в которых принимали участие гиганты, полубоги и даже сами боги; и, несомненно, именно в этот период идолопоклоннические формы и обычаи гавайской религии в том виде, в каком она существовала столетие назад, укоренились на более древней и популярной почве. более простое вероучение, ограниченное поклонением божеству.

Когда верховный жрец Паао прибыл вместе с Пили, он представил несколько новых богов, признавая старых, укрепил и расширил сферу действия *табу* и учредил наследственное жречество, независимое от верховного политического главы и второе по авторитету после него. Также появились различные категории жрецов, такие как провидцы, пророки, астрологи и *кахуны* с различными функциями, включая способность исцелять и разрушать. Фактически, священство включало в себя десять различных степеней или колледжей, каждая из которых обладала свойственными ей способностями и осуществляла их, и владение всеми из них было одним из требований первосвященства. Божеством- покровителем всего тела был *Ули*.

Форма *хейау*, или храма, была изменена Паао и его преемниками, и массы людей менее свободно участвовали в церемониях жертвоприношения и других формах богослужения. Верховное жречество стало более таинственным и исключительным и присвоило себе prerogatives, недоступные королевской семье. Древняя гавайская троица — *Кейн*, *Ку* и *Лоно* — оставалась верховными богами пантеона, но *Каналоа*, дух зла, был наделен благотворными качествами и возвышался среди них.

Областями *По*, или смерти, руководил *Милу*, злой король, который когда-то правил на земле, в то время как божественный посланник *Куахайро* доставил души любимых вождей к *Каоно-хио-калу*, чья блаженная обитель находилась где-то на небесах. Другое поверье состояло в том, что правителем *По* был *Мануа*, и что *Милу* не последовал за *Акеа*, первым королем Гавайев, в это место, а обитал в регионе далеко на западе, на дне моря. Несмотря на значительную темноту, *По* не был лишен света. Подобно Тартару, его могли посещать избранные смертные, и иногда мертвые возвращались оттуда на землю.

Пеле, ужасная богиня вулканов, со своими злобными родственниками была добавлена к гавайским божествам во время второго притока с юга, и храмы для ее поклонения были возведены по всем вулканическим районам Гавайев. В тот период **Ошибка! Закладка не определена.** были также представлены *Лаамаомао*, бог ветров, богини яда *Калайпахоа* и *Капо*, и многие другие божества.

Но поклонение гавайцев не ограничивалось *Кейном*, *Ку*, *Лоно* и *Пеле*. *Хии* были воздвигнуты богам войны царей, и им часто приносились большие жертвы, обычно человеческие, до, во время и после кампаний и сражений. Существовали также более скромные храмы рыб, акул, ящериц и других богов, где приносились жертвы из рыбы и фруктов.

Для суеверных масс земля изобиловала гномами и феями, а воды - нимфами и чудовищами, чьи капризы являются сюжетами богатого фольклорного наследия. Почти с каждым ручьем, ущельем и мысом связана какая-нибудь сверхъестественная история, и барды и музыканты древности легко зарабатывали на жизнь, поддерживая эти народные легенды. Некоторым были даны

сверхъестественные силы, и злые и благодетельные духи принимали человеческий облик и порхали среди пальм в облике птиц.

Ку-Кайли-Моку, Бог войны Камехамехи I.

Люди создавали своих собственных домашних богов и уничтожали их, когда те не вносили свой вклад в их успех. Например, в Ниноле, на юго-восточном побережье Гавайев, есть небольшой пляж под названием Калоа, камни которого, как считалось, размножаются при контакте друг с другом. Из больших камней люди делали богов, которые руководили их играми. Когда камень выбирали для бога, его относили в *хейау*, где над ним совершались определенные церемонии. Затем его одевали и брали посмотреть на какую-нибудь игру или времяпрепровождение. Если владелец добивался успеха, его принимали как бога; если же он терпел неудачу более одного или двух раз, его выбрасывали или превращали в топор или тесло. Иногда отбирали по камню каждого пола, заворачивали в *капу* и убирали. Со временем при них находили небольшой камешек. Оно увеличилось в размерах и, наконец, было доставлено в *храм* и формально превращено в бога. Такова история, которую рассказывают до сих пор.

Люди верили, что духи усопших продолжали витать вокруг их земных домов, а к теням их предков **Ошибка! Закладка не определена.**звывали в молитве. Сова и птица, называемая *алае*, считались богами, и множество других божеств, управляющих стихиями или руководящих различными отраслями промышленности и развлечениями масс, были признаны и умиротворены жертвоприношениями, когда находились в неблагоприятном настроении. У них был бог ветров,

земледельца, воина, изготовителя каноэ, танцора *хула*, винокурни, оратора, врача и колдуна, а также многих богов моряков и рыбаков.

Услуги верховного жреца не распространялись на эти популярные божества ни на одном из островов группы. *Иерархии*, которыми он руководил, были посвящены либо высшим богам пантеона, либо богу войны короля или верховного вождя. Он был следующим после короля по авторитету и всегда принадлежал к знатной крови. Окруженный провидцами, пророками и помощниками, он утверждал, что поддерживает прямые сношения с богами, с ним советовались по всем вопросам государственной важности, и предсказания храма всегда принимались с уважением и доверием. Верховный жрец иногда отвечал за бога войны царя и в таких случаях отправлялся с ним на поле битвы.

Хуа, один из древних королей Мауи, бросил вызов жречеству и убил своего первосвященника. В назидание правящим вождям, история последствий безумия Хуа с большой краткостью передана летописцами священства. Царство Хуа пришло в запустение. Где бы он ни путешествовал, вся растительность погибала, и в конце концов он умер от голода на Гавайях, а его кости оставили белеть на солнце.

Помимо тех, кто был связан с храмами, существовало несколько классов священников, или *кахуна*. Они были провидцами, врачами и торговцами колдовством и существовали за счет того, что наживались на людях с помощью своих суеверий. Все физические болезни приписывались либо гневу богов, либо колдовству, либо молитвам злобного *кахуна*. Заболевший человек обычно посылал за *кахуной*, чьим первым делом было выяснить причину болезни с помощью заклинания. Убедившись в этом, предпринимались усилия по противодействию заклинаниям или молитвам, которые уносили жизнь пациента, и иногда с таким большим успехом, что недуг передавался стороне, чей злой умысел вызвал его.

Вера в то, что другой может молить одного человека о смерти, была универсальной у древних гавайцев, и немало **Ошибка! Закладка не определена.** представителей этой расы побледили бы сегодня, если бы им сказали, что кто-то из священнослужителей искренне молился о его смерти. При предсмертной молитве человека было важно, чтобы у *кахуна* было что—то, тесно связанное с личностью жертвы - например, прядь его волос, зуб, обреза ногтя или небольшое количество его слюны; следовательно, должность носителя плевательницы при древних царях была возложена только на вождей определенного ранга, от которых можно было ожидать, что они будут тщательно охранять королевскую мокроту.

Было распространено поверье, что *килосы*, или колдуны, могут видеть духов умерших и беседовать с ними, а духи живых, как утверждалось, иногда вызывались из их спящих жилищ священниками исключительной святости. Дух умершего назывался *унихипили*, в то время как бестелесный и видимый дух живого человека был известен как *кахоака*.

Из всех божеств *Пеле* больше всего боялись на острове Гавайи, где часты извержения вулканов. Вместе со своими пятью братьями и восемью сестрами — все они представляли различные стихийные силы — она пребывала в состоянии покоя в огненных безднах вулканов, переходя от одного к другому по своему усмотрению и посещая излияниями лавы те районы, которые пренебрегали тем, чтобы бросать в кратеры надлежащие подношения в виде мяса и фруктов, или вызывали у нее гнев в других отношениях. Одним из ее обликов был облик красивой женщины, в котором она иногда искала человеческого общества, и сохранились многочисленные легенды о ее любовных похождениях. Она считалась особой подругой Камехамехи I, и удушение части армии Кеуа возле кратера Килауэа в 1791 году приписывалось непосредственно ей.

Последнее публичное признание полномочий *Пеле* произошло еще в 1882 году на острове Гавайи. Деревня Хило оказалась под угрозой. Широкий поток лавы из Мауна-Лоа, проделав разрушительный путь в двадцать пять миль или более, достиг точки своего нисхождения в миле или двух от залива Хило. Его движение было медленным, как и у всех потоков лавы на некотором расстоянии от их источника, но его неуклонно приближающаяся линия огня давала почти уверенность в том, что деревня и, возможно, гавань Хило будут уничтожены в течение нескольких дней. Рылись траншеи, возносились стены, возносились молитвы, но все было напрасно. Вниз катилась ужасная лавина огня.

Рут, выжившая сестра четвертого и пятого Камеамеаса, **Ошибка! Закладка не определена.** в то время жила в Гонолулу. Она была гордой, суровой старой вождицей, которая слишком мало думала о белых, чтобы пытаться овладеть их языком. Ей доложили об опасности, угрожающей Хило. “Я спасу рыбные пруды Хило”, - сказала старая вождь. “*Пеле* не откажется прислушаться к молитве Камехамаху”. Она зафрахтовала пароход, отправилась из Гонолулу в Хило с большим количеством сопровождающих и на следующий день стояла лицом к лицу со все еще движущимся потоком лавы. Поднявшись на возвышенность сразу за деревней, она велела воздвигнуть там грубый алтарь, перед которым обращалась со своими мольбами к *Пеле*, поднося подношения перед наступающей лавой. Сделав это, она уверенно спустилась с холма и вернулась в Гонолулу.

Поток огня перестал двигаться, и сегодня его сверкающий фронт стеной стоит вокруг Хило. “Замечательное совпадение”, - объяснили белые. “Дело рук *Пеле*”, - шептали туземцы, хотя последний из храмов этой богини был разрушен шестьдесят лет назад. Не обсуждая причину — без сомнения, естественную, — можно отметить, что результатом стало в некотором роде возрождение у туземцев веры в отвергнутых богов их отцов.

Все второстепенные боги гавайцев, по-видимому, были независимыми и самоконтролирующими. Никто не утверждает, что они черпали свои силы из верховного бога, направлялись им или были ответственны перед ним. Следовательно, мифология полинезийцев, какой бы сильной она ни была в индивидуальных способностях и олицетворениях сил и достижений природы, предстает перед нами во фрагментарной форме, подобно неуместному лоскутному одеялу из двух или более полуразвитых или полузабытых религиозных систем.

КАЛАЙПАХОА, Богиня Ядовитой войны молокаи.

Одним из наиболее известных независимых божеств группы была *Калайпахоа*, богиня яда молокаи. Несколько столетий назад она прибыла на острова с двумя или тремя своими сестрами из

неизвестной страны и оставила свой след во многих населенных пунктах. Она вошла в рощу деревьев на острове Молокаи и оставила в них яд такой силы, что птицы падали замертво, пролетая над их ветвями. Королю острова **Ошибка! Залкада не определена.**его верховный жрец посоветовал вырезать бога из одного из отравленных деревьев. Сотни его подданных погибли во время этого предприятия, но в конце концов изображение было закончено и преподнесено королю, завернутое во множество складок *капы*. Из поколения в поколение он был предметом страха и, в конце концов, был захвачен первым Камехамаеа, а после его смерти разделен между его главными вождями.

Куула был главным богом рыбаков на всех островах группы. Ему воздвигали грубые храмы на берегах любимых рыболовных угодий, и первая рыба из каждого улова причиталась ему. Его женой была *Хина*, и к ней обратились, когда ее муж отказал в своих услугах. *Лаапуга* и *Канеапуга* были богами, которым поклонялись рыбаки Ланаи, и другие боги-рыбы были признаны в других местах.

Существовало множество богов-акул и ящериц. Они были могущественными и злобными, и их очень боялись те классы, которые часто бывали на море. *Хии* воздвигались в их честь на мысах, возвышающихся над океаном, и подношения им рыбы и фруктов всегда были щедрыми. Они принимали облик гигантских акул и ящериц и нередко приводили воды в ярость и крушили каноэ. *Моаалии* был великим богом-акулой Молокаи и Оаху. *Анукохай* и *Ухумакайкай* были злыми богами, населявшими воды Кауаи. *Лоноакихи* был богом-угрем всех островов, а *Уканипо* был богом-акулой Гавайев.

Среди знаменитых богов войны королей этой группы был бог Камехамаеа I. Он назывался *Кайли*, или *Ку-кайли-моку*, и сопровождал великого вождя во всех его важных битвах. Это был бог войны гавайских королей на протяжении многих поколений, и его царственный дядя Калауиопуу поручил ему управлять Камехамаеа. Это было маленькое деревянное изваяние, грубо вырезанное и украшенное головным убором из желтых перьев. Говорят, что временами, в пылу битвы, оно издавало крики, которые были слышны на фоне лязга оружия. Неизвестно, что стало с изображением после смерти Камехамаеа.

Общественные *хии*, или храмы, гавайцев обычно представляли собой обнесенные стеной ограждения площадью от одного до пяти акров и, как правило, неправильной формы. Стены часто были десяти футов в толщину и двадцати футов в высоту, а в качестве используемого материала использовался необработанный **Ошибка! Залкада не определена.**камень, без раствора или цемента. Они слегка сужались от основания кверху и иногда были перекрыты тесаными плитами из коралла или другого камня, не слишком твердого по текстуре для обработки каменными инструментами.

Внутри этого ограждения находился внутренний каменный или деревянный храм небольших размеров, называемый *луакина*, или дом жертвоприношений, а перед входом в него стоял *леле*, или алтарь, состоящий из приподнятой платформы из камня. Внутренний храм был священным для жрецов. Внутри него стоял *ану*, небольшое плетеное ограждение, из которого исходили оракулы *каулов*, или пророков, а по стенам были расставлены талисманы и боги особой святости. Рядом с входом в это священное помещение находились изображения главных богов, а наружные и внутренние стены были увенчаны рядами каменных и деревянных идолов.

За оградой находились другие постройки для размещения первосвященника и его помощников; также дом для правящего вождя или царя, расположенный на некотором расстоянии от жилища жреца. Он временно пользовался им, когда посещал храм для консультации или как местом убежища во время опасности. По обе стороны от входа во внешнюю ограду находился посох

табу, или приподнятый крест, а рядом с ним находилось небольшое обнесенное стеной сооружение, в котором приносились жертвы для алтаря.

Когда королю требовалось предсказание, он часто лично посещал *хиау* и задавал свои вопросы *каулам*. Если ответы ану были расплывчатыми и неудовлетворительными, прибегали к другим методам гадания, таким как вскрытие свиней и домашней птицы, очертания облаков, полет птиц и т.д. После молитв священника животные были убиты, и были сделаны выводы о том, каким образом они выпускали дух, по внешнему виду кишечника, который, как предполагалось, был средоточием мыслей, и по другим признакам. Иногда, если требовалось предзнаменование войны, удаляли свиные селезенки и держали их над головами священников во время вознесения молитв.

Перед началом войны или любого другого важного предприятия, сопряженного с сомнениями или опасностью, приносились человеческие и другие жертвы, которых было пятнадцать различных видов, и первые пленные, взятые в бою, были приберегаемы для алтаря. Священники называли количество людей, необходимых для жертвоприношения, и царь **Ошибка! Закладка не определена.**предоставлял их, иногда от заключенных и злоумышленников, а иногда от случайных прохожих на дорогах. Жертвы были забиты дубинками за стенами храма, и их тела вместе с другими приношениями были положены на алтарь для разложения. Когда король или другой верховный вождь совершал специальное подношение врагу, левый глаз жертвы после того, как тело приносили к алтарю, вынимался и вручался ему исполняющим обязанности священником. Сделав вид, что съел его, вождь бросил его на алтарь.

Во время строительства *heiaus* человеческие жертвоприношения обычно приносились по ходу работ, а по завершении их освящали с большой помпой и торжественностью, и алтари иногда были завалены человеческими телами. При посвящении обычных храмов использовалась *молитва* *кайопокео*; *но при освящении иерархий первого класса читался призыв* *куавили* - молитва, продолжающаяся от восхода до заката. Алтари и священные сосуды были окроплены елеем и святой водой, а службы проводились под руководством первосвященника и, как правило, в присутствии главы государства.

Обычные службы в храмах состояли из подношений фруктов и мяса, а также песнопений, молитв и ответов, к которым иногда присоединялись люди. Женщины не участвовали в храмовых церемониях, но это исключение было вполне компенсировано их освобождением от принесения в жертву человеческих тел.

Храмы убежища, называемые *пухонуа*, в далеком прошлом существовали на Гавайях и, возможно, на Ланаи и Оаху; но относительно последнего существуют некоторые сомнения. Одно из *пухонуа* на Гавайях находилось в Хонаунау, недалеко от священного места захоронения *Хейл-о-Кеаве*, а другое в Вайпио, связанное с великой *хеяу* из *Паа-калани*. Их ворота всегда были открыты, и входы в них охраняли священники. Любой, кто входил в их ограду в поисках защиты, будь то вождь или раб, скрывающийся преступник или отступающий воин, был в безопасности от посягательств, даже если царь преследовал его. Эти убежища с правом обрезания, существовавшие до смерти первого Камехамеа, предполагают полинезийский контакт с потомками Авраама в далеком прошлом, если не родство с одним из рассеянных колен Израиля.

В качестве дополнительных свидетельств о странствиях ранних полинезийцев в западной и южной Азии и об их общении с континентальными расами можно упомянуть, что склонность к фаллическому поклонению, подтвержденная традицией и существующими символами, преследовала их далеко до Тихого океана; и что связано с их историей сотворения мира, так близко напоминающей еврейскую версию, - это буддийское утверждение о предыдущих творениях, которые либо шли своим чередом, либо были уничтожены оскорбленным божеством.

Гавайская традиция также не довольствуется простым продвижением теории последовательных творений. В нем содержится конкретная ссылка на творение, следующее за творением их *Ку-му-хонуа*, или Адама, и даются имена мужчины и женщины, сотворенных и уничтоженных. Они были *Вела-ахи-лани* и *Должны*.

Упоминалось, что птицы *пуэо* и *алае* были священными, и им иногда поклонялись. Среди священных рыб были *аку* и *опелу*. О том, как они стали такими, рассказывается в легенде, связанной с верховным жрецом Паао, который мигрировал на острова в одиннадцатом веке и убедил Пили последовать за ним. До посещения Гавайев Паао жил рядом со своим братом, вероятно, на острове Самоа. Оба были священниками и хорошо разбирались в магии и гадании. Брата звали Лонопеле. Оба были богаты и пользовались большим уважением. Земли Лонопеле находились недалеко от моря и производили отборные сорта фруктов. Однажды, когда плоды созревали, Лонопеле обнаружил, что кто-то тайно собирает их по ночам, и обвинил одного из сыновей Паао в их краже. Возмущенный этим обвинением и не видя лучшего способа опровергнуть его, Паао убил и вскрыл своего сына и показал своему брату, что в желудке мальчика не было фруктов.

Опечаленный смертью своего сына и считающий своего брата ответственным за это, Паао решил эмигрировать в какую-нибудь другую страну и построил для этой цели прочные каноэ. Примерно в то время, когда они были закончены, по соседству случайно оказался сын Лонопеле, и Паао, вспомнив о смерти своего собственного сына, приказал убить мальчика. Его хватились, его искали, и в конце концов его тело нашли возле каноэ Паао. Лонопеле обвинил своего брата в убийстве. Паао не отрицал этого, и Лонопеле приказал ему покинуть остров. Чтобы избежать дальнейших неприятностей, Паао сразу же отплыл с отрядом, состоящим из тридцати восьми человек. Согласно одной традиции, Пили был участником **Ошибка! Закладка не определена.**; но он, должно быть, покинул Самоа несколько лет спустя, поскольку Паао послала за ним после прибытия на Гавайи.

Генерал Доминис, супруга предполагаемого наследника.

Когда каноэ отчаливали от берега, несколько пророков, стоявших наверху на утесах, выразили желание присоединиться к группе. “Очень хорошо,” был ответ Паао. “Если вы пророки, как вы говорите, прыгайте со скал, и я возьму вас на борт”. Несколько человек прыгнули в море, разбились о скалы и утонули. Наконец Макуакаумана, пророк подлинного вдохновения, который должен был сопровождать экспедицию, достиг берега и обнаружил каноэ Паао далеко в океане. Повывсив голос, он окликнул Паао и попросил прислать за ним каноэ. “Это не так”, - возразил священник громким голосом, который попутный ветер донес до запоздалого пророка. “Возвращаться было бы дурным предзнаменованием. Здесь есть место для тебя, но если ты хочешь пойти с нами, тебе придется лететь к нашим каноэ. И, полетев, пророк благополучно добрался до каноэ.

Заметив, что каноэ Паао исчезают вдаль, Лонопеле наслал сильный шторм, чтобы уничтожить их; но сильная рыба *Аку* помогла направить каноэ против шторма, а могучая рыба *Опелу* плавала вокруг них и разбивала волны своим телом. Затем злобный брат послал огромную птицу *Кихахакайвайнапали*, чтобы она изрыгнула блевотину на каноэ и потопила их; но они были поспешно накрыты циновками и таким образом избежали разрушения. После долгого путешествия Паао приземлился в Пуне, на побережье Гавайев. С тех пор Паао и его потомки считали *аку* и *опелу* священными.

Ниже приводится список высших и главных божеств стихий, промышленности и покровителей гавайской группы:

Божество.

Кейн, организатор.

Ку, архитектор и строитель.

Лоно, исполнитель.

Каналоа, Люцифер, или падший ангел.

Правители в царствах По, или смерть.

Акеа, первый гавайский король, который после жизни основал островное королевство *Капапахунаумоку* в царстве *По*, или смерти.

Милу, преемник *Акеа*, или который, согласно другому поверью, сопровождал *Акеа* в *Пои* стал бессменным правителем королевства на его западных границах.

Мануа, упоминаемый в некоторых легендах как верховный правитель *По*. С ним обитают духи выдающихся вождей и жрецов, которые блуждают среди прекрасных ручьев и рощ *деревьев* и питаются ящерицами и бабочками.,,

Ошибка! Закладка не определена.

Второстепенные небесные божества.

Каонохиокала (глазное яблоко солнца), небесный бог, обитавший где-то на небесах и к которому приводили духов усопших вождей.

Куахайро, посланник, который проводил души выдающихся вождей в *Каонохиокалу*.

Олопуэ, бог острова Мауи, который переносил духов известных вождей в небесный рай. Камехамеха стремился завладеть очень священным изображением этого бога, унаследованным Кахекили, *моим* с острова Мауи.

Вулканические божества.

Пеле, правящая богиня вулканов, со своими сестрами,

Хийака-вавахи-лани, разрывающий небеса держатель облаков;

Макойе-навахи-ваа, огнеглазый гребец на каноэ;

Хийака-нохо-лани, обитающий на небесах держатель облаков;
Хишака-каалава-мака, быстро оглядывающийся обладатель облаков;
Хийака-хой-ке-поли-а-пеле, хранитель облаков, целующий грудь Пеле;
Хишака-ка-пу-энаена, раскаленная гора, поднимающая облака;
Хишака-калейя, венок, окружающий держателя облака;
Хишака-опио, юный держатель облака; и их братья,
Камо-хоалии, или король Мохо, король пара;
Капохойкахиола, бог взрывов;
Кеуакепо, бог ночного дождя, или огненного дождя;
Кейн-кахили, муж грома, или бог-громовержец;
Кеоахи-камакауа, огненное дитя войны.

(Последние двое были горбунами.)

Акуапао, бог войны Паао, взятый Уми из храма Манини.
Ку-кайли-моку, бог войны Камехамехи I., завещанный ему Каланиопуу.
Божества стихий.
Лаамаомао, бог ветров, гавайский Эол, чей дом находился на Молокаи.
Хинакулуйау, богиня дождя.
Хинакеалии и
Хукуипаэле, сестры Хинакулуйау.
Муалео, могущественный гном Ланаи, завоеванный Каулулаау, принцем Мауи.
Куула, бог рыбаков.
Хина, жена *Куулы*.
Лаапуга и
Канеапуга, боги рыбаков Ланаи.
Хинахеле и ее дочь
Айякуула, богини рыбаков Гавайев.
Уканипо, великий бог-акула Гавайев.
Моаалии, главный бог-акула Молокаи и Оаху.

Лоноакики, великий бог-угорь всей группы.

Апукохай и

Ухумакайкай, злая акула или рыбы боги Кауаи.

Ошибка! Закладка не определена.

Боги искусств и промышленности.

Акуа-ула, бог вдохновения.

Хаулили, бог речи, особый для Кауаи.

Колеамоку, обожествленный вождь, который первым научился использованию трав и искусству врачевания у богов. Он был покровителем *кахунас*.

Олонопуха и

Макануйалоне, обожествленные ученики *Колеамоку*.

Каанахуа, второй сын верховного жреца Луахуми, и

Кукаоо, боги земледельца.

Лакаконе, бог хула и подобных видов спорта.

Мокуалии, бог изготовителей каноэ.

Хай, бог создания.

Улаулакихи, бог перегонки.

Калайпахоа, богиня, которая проникала в деревья и отравляла их.

Капо и

Пуа, сестры из *Калайпахоа*, с аналогичными функциями.

Кама, могущественный бог-покровитель всех островов.

Лаули, бог, создавший нерушимые законы.

Куахана, бог, бессмысленно убивавший людей.

Лелеио, бог, причиняющий телесную боль.

Лелехуокааааа, жена *Лелеио*.

Ли, богиня гор, заплетавшая косы.

Майкахулипу, бог, помогавший поднимать перевернутые каноэ.

Похакаа, бог, живущий в обрывистых местах и скатывающий камни к испугу и травмам прохожих.

Кеолоева, бог, которому поклонялись в *хеях* на острове Мауи.

Киха, богиня Мауи, пользовалась большим почитанием.

Ули, бог колдунов.

Пекуку, могущественный бог Гавайев.

Лоноикеауалии, богу, которому поклонялись в *хеях* на Оаху.

Кауакахи, бог островов Мауи и молокаи.

Хиака, горный бог Кауаи.

Капо и

Капуаи несколько других посланников богов.

Ули, бог, к которому взывают *кахуны*, моля людей о смерти.

Малиу, любой обожествленный умерший вождь.

Акуа нохо, боги, вселяющиеся в души умерших смертных, которых было много.

Киха-вахине и

Кало, известные божества класса *акуа-нохо*.

Махулу, имя, общее для трех богов в храмах *Лоно*.

Ману, имена двух богов на внешних воротах *иерархии* посвященной *Лоно*.

Пуэа, богу, которому поклонялись во тьме.

Калуанунохонионио, один из главных богов *луакины*, или жертвенника храма.

Каненуйакеа, общее название класса из тринадцати богов, связанных с более крупными *иерархиями*.

Ошибка! Закладка не определена.

ДРЕВНЕЕ ГАВАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

До XI века несколькими пригодными для жизни островами Гавайской группы управлял, как уже говорилось, один или несколько независимых вождей. Однако после миграционного притока того периода и поселения на островах ряда воинственных южных вождей и их последователей независимые вожди начали объединяться для взаимной защиты. Это включало в себя необходимость верховного главы, который обычно встречался у вождя, признанного самым могущественным; и таким образом, появились *али-нуи*, *мойи* и короли. Однако, насколько позволяет традиция, определенные линии, такие как семьи Мавеке, Пили и Паумакуа, всегда считались представителями высшей крови. Они прибыли на острова как вожди выдающегося происхождения и такими и остались.

Постепенно полномочия *моих* и правящих вождей расширялись, пока, наконец, они не захватили почти все. Затем вожди передали свои владения в собственность *моим* и лишились их в результате восстания. Со временем король стал абсолютным хозяином большей части земель, которыми он правил, и присвоил себе *запретные* права, которые сделали его личность священной, а его прерогативы более безопасными. Все, что он приобрел в результате завоеваний, принадлежало ему, и, разделив земли между своими титулованными друзьями, он заручился поддержкой, необходимой для сохранения его власти. Определенные земли были неотчуждаемы как для семей вождей, так и для духовенства; это было сделано ранними суверенными указами, которые продолжали соблюдаться; но с каждым последующим королем обычно происходили важные земельные изменения.

Хотя король содержал собственные рыбные пруды и обрабатывал земли, его в значительной степени поддерживали подвластные ему вожди. От них ожидалось, что они будут предоставлять ему все, что потребуется в виде еды, одежды, домов, каноэ, оружия или рабочей силы, и, в свою очередь, они забирали такую часть продуктов своих арендаторов, какая требовалась для их нужд. *Или* был самым маленьким политическим подразделением; следующим над ним был *ахапуа*, который платил номинальный или специальный налог в размере одной свиньи ежемесячно королю; следующим был *окана*, охватывающий несколько *ахапуа*; и, наконец, *моку*, или округ, или остров.

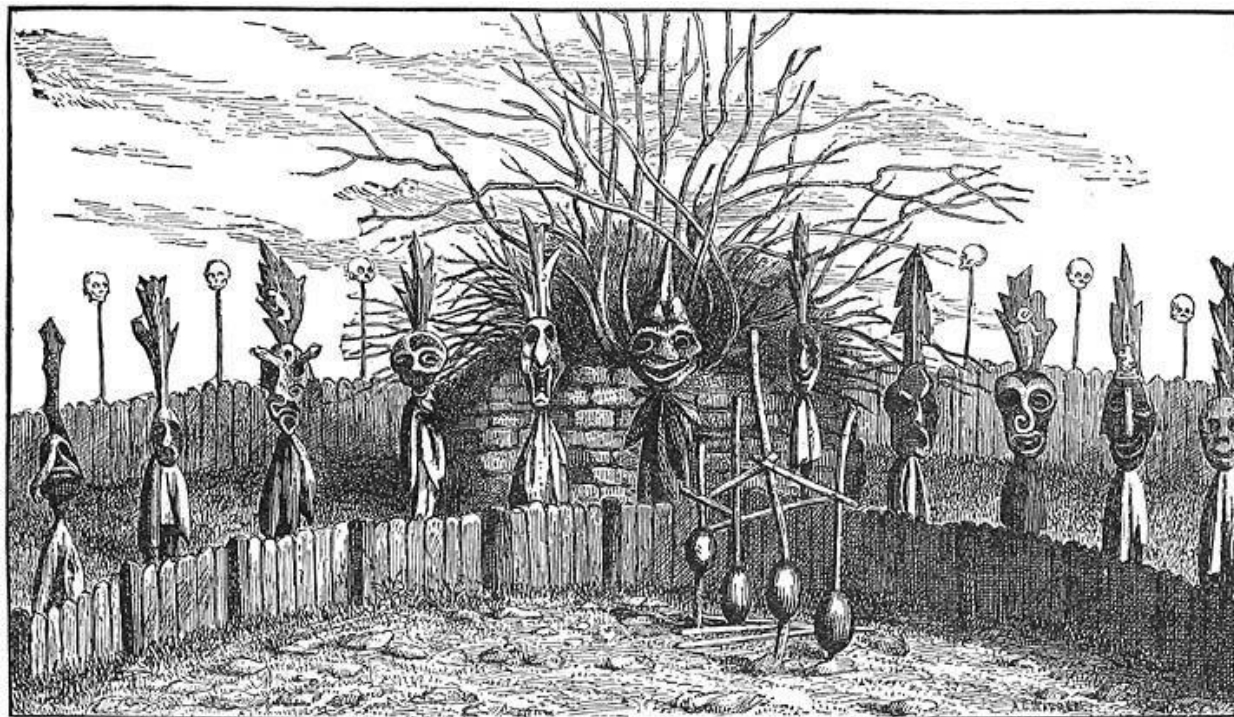
У трудящихся классов не было собственной недвижимости, и они нигде не могли избежать притязаний или юрисдикции вождя **Ошибка! Закладка не определена.**или арендодателя. Они были обязаны военной и другой личной службой своим соответствующим вождям, а вожди были обязаны королю. При необходимости все должны были откликнуться на призыв выйти на поле боя в полном вооружении и готовности к бою.

Кастовые правила одежды, украшений и социальных форм строго соблюдались. Весь народ был разделен на четыре основных класса: во-первых, *алии*, или преимущественно семьи, различных рангов и прерогатив; во-вторых, *кахуны*, включающие священников, пророков, врачей, прорицателей и астрологов; в-третьих, *канака-вале*, или свободные частные лица; и, в-четвертых, *каува-маоли*, или рабы, захваченные в плен на войне или рожденные от родителей-рабов.

Законы были немногочисленны и просты, и большинство из них касались прав и прерогатив короля, духовенства и знати. Имущественные споры масс разрешались их вождями, а другие обиды в большинстве случаев оставлялись на усмотрение частных лиц, что часто и очень

естественно приводило к длительным и фатальным семейным распрям, в конце концов требующим главного, а иногда и королевского вмешательства.

Таков, вкратце и в самых общих чертах, был преобладающий характер правления и землевладения на нескольких островах группы вплоть до смерти Камехамехи I. в 1819 году и отказа короны от своих древних и суверенных прав на землю.

Место встречи Древнего Тайного общества.

(С КАРТИНЫ В КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ.)

Ведущие вожди и первосвященство заявляли о своей родословной, отличной от родословной масс, и прослеживали свою родословную до *Кумухонуа*, полинезийского Адама. *Ику-пау*, священный класс высшего жречества, считались прямыми потомками божества, в то время как *ику-нуу* были побочной ветвью священного и царского рода и обладали только мирской властью. Именно таким образом одна из семей гавайского духовенства, ведавшая устными генеалогическими записями, возвысила себя в святости над политическими правителями.

Гордясь своим происхождением, чтобы уберечься от самозванства и сохранить свою кровь незапятнанной, вожди разрешили передавать свои претензии на фамильные отличия коллегии геральдики, основанной одним из ранних *моих* жителей Мауи. Зачитывая свои генеалогии перед коллегией, состоящей из *али* признанного ранга, и получая признание совета, вожди затем считались членами класса *ага-алии*, или вождей признанного и безотзывного ранга. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Вожди унаследовали свои титулы и *табу* привилегии как от одного родителя, так и от другого. Поскольку у знатных гавайских женщин обычно было более одного мужа, а вожди редко довольствовались одной женой, определить права и звания их детей было отнюдь не просто; но показания матери обычно принимались в качестве убедительного и достаточного доказательства в этом отношении.

В политических целях брачные союзы были обычным явлением между королевскими семьями и главенствующими семьями нескольких островов, и, таким образом, со временем высшая знать всей группы стала связана кровными узами. Политическая или главная жена короля или выдающегося вождя обычно имела ранг, равный рангу ее мужа, и их брак был провозглашен герольдами и отпразднован с подобающими церемониями. Других жен брали по простому соглашению, без церемоний и публичного объявления. Почти таким же образом массы вступали в свои брачные союзы. Однако у последних полигамия не была обычным явлением. Когда муж и жена расставались, что они часто делали, каждый был волен выбрать другого партнера. Политическую жену вождя называли *вахине-хоао*; остальных - *хайя-вахине*, или наложница.

В королевских семьях, чтобы служить государственным целям, отец и дочь, брат и сестра, дядя и племянница часто объединялись как муж и жена. Дети от таких союзов считались людьми самого высокого ранга, и, как ни странно, эти кровосмесительные отношения, казалось, не приводили к умственному или физическому ухудшению, поскольку на протяжении всего прошлого *мойи* и дворяне этой группы отличались своими гигантскими размерами.

Существовало пять или более степеней вождей, связанных с королевскими родословными. Первым по порядку и самым священным был *али-ниаупио* (отпрыск принца от его собственной сестры); следующим был *али-пио* (отпрыск принца от его собственной племянницы); следующим был *али-наха* (отпрыск принца или короля от его собственной дочери); следующим был *али-вохи* (отпрыск любого из вышеперечисленных от другой главной ветви); и следующим был *ло-алии* (вожди королевской крови). Любой из них может быть как мужчиной, так и женщиной.

К этим классам вождей были прикреплены особые личные *табу* или привилегии, такие как *табу-моз*, *табу-вела*, *табу-хоано* и *табу-вохи*. Эти *табу* могли быть переданы или завещаны другим **Ошибка! Закладка не определена.** их владельцами, но не могли быть умножены путем передачи. *Мелес*, или семейные песнопения предков, переходили по наследству к законным представителям и принадлежали исключительно им; но правительство, *табу* и домашние боги короля находились в его распоряжении по его воле либо после его смерти, либо до нее. Ребенок вождя *племени табу*, рожденный от матери более низкого ранга, не мог, согласно обычаю, перенять *привилегии* своего отца, связанные с *табу*, хотя в некоторых случаях в прошлом они предоставлялись таким отпрыскам, особенно в случае с Уми, королем Гавайских островов.....

Перед *али-ниаупио*, облеченным верховной функцией *табу-мо*, все, за исключением вождей *табу*, были вынуждены пасть ниц. Когда он появлялся или к нему приближались, служитель объявлял его ранг, и все, кто не был освобожден от почестей, должны были падать лицом на землю. Исключением были *алии-пио*, *алии-наха*, *алии-вохи* и *ло-алии*. Им, и только им, было разрешено стоять в присутствии *вождя* племени *ньяупио*. *Али-пио* также был священным вождем, настолько, что общался с другими только в ночное время, а вождям такого ранга не разрешалось светить солнцу.

Короли жили в достатке в больших особняках из дерева или камня, посреди обнесенной стеной территории, украшенной фруктовыми и тенистыми деревьями и другими привлекательными формами растительности. На территории также находилось множество других небольших зданий для размещения гостей, вассалов, сопровождающих, прислуги и охраны. Их сопровождали первосвященники, гражданские и военные советники и свита любимых вождей, и они проводили свое время, когда не были заняты войной или государственными делами, в праздном и достойном отдыхе.

Все личные слуги древнего гавайского короля были благородных кровей, и у каждого были свои определенные обязанности. Они были известны как *каху-алии*, или стражи личности короля. Они

состояли из *ивикуаму*, или резинового человека; *ипукуха*, или носителя плевательницы; *паакахили*, или носителя *кахили*; *киайпу*, или смотрителя за сном; и *аипуупуу*, или стюарда. Среди его приближенных были другие низшие вожди, называемые *пууку*, с посланниками, шпионами, палачами, пророками, астрологами, поэтами, историками, музыкантами и танцорами. С дворцом было соединено помещение, используемое как *heiau*, или часовня, которой иногда заведовал первосвященник. **Ошибка! Закладка не определена.**

Во время фестивальных сезонов на королевских землях устраивались блестящие пиры, турниры, *хула* и музыкальные развлечения, а двор был великолепен цветами, перьями и другими безвкусными атрибутами. Король нередко принимал участие в мужественных играх и упражнениях вождей, а иногда хвалил танцоров и музыкантов *хула*, присоединяясь к их выступлениям.

Чтобы сделать королей и высшую знать еще более исключительными, у них был придворный язык, который понимали только они сами и который время от времени частично менялся по мере того, как его выражения находили толкование за пределами королевского круга. Некоторые фрагменты этого придворного языка сохранились.

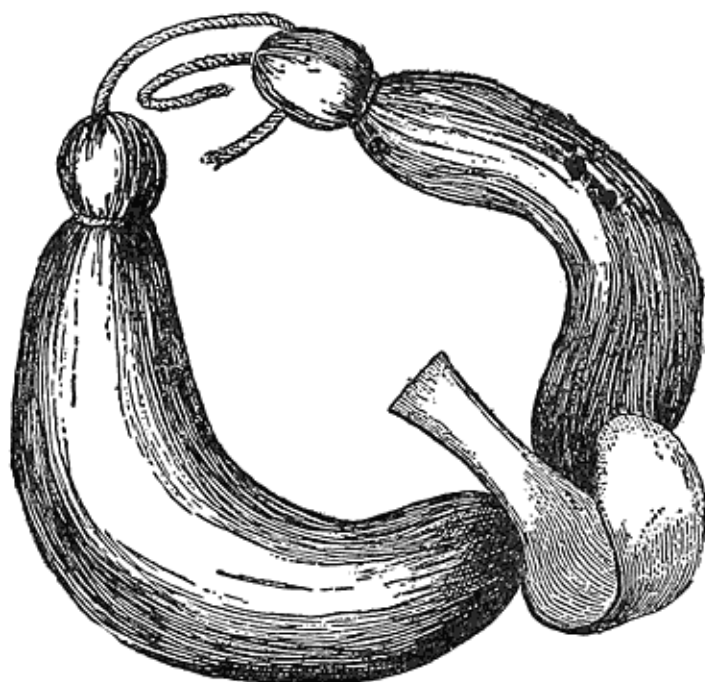
ИСКУССТВА, ПРИВЫЧКИ И ОБЫЧАИ.

Все орудия войны или промышленности, известные ранним гавайцам, были сделаны либо из дерева, либо из камня, либо из кости, поскольку на островах нет металлов; но с этой грубой помощью они возводили стены из тесаного камня, валили деревья, мастерили каноэ и баржи, выделяли ткани и веревки, изготавливали оружие, возводили жилища и храмы, дороги и пруды для разведения рыбы и возделывали землю. У них были топоры, тесла и молотки из камня, лопаты из дерева, ножи из кремня и слоновой кости, иглы из шипов и кости, а также копья и кинжалы из закаленного дерева. Они плели циновки для парусов и других целей, а из внутренней коры бумажного тутового дерева выделяли прекрасную, тонкую ткань, называемую *кана*, которую они разрисовывали цветами и фигурами.

Их пищей было мясо свиней, собак и домашней птицы; рыба и почти все, что обитает в море; *таро*, сладкий картофель и батат, а также фрукты, ягоды и всевозможные съедобные морские водоросли. *Пои*, любимое блюдо всех сортов, представляло собой слегка перебродившую пасту, приготовленную из вареного и толченого *таро*, крупного луковичного корня, по вкусу напоминающего индийскую репу. Они готовили дурманящий напиток, разжевывая корень *ава*, а из сладкого корня растения *ти* сбраживали опьяняющий напиток. Мягкие части сахарного тростника употреблялись в пищу, но, за исключением производства пива под названием *иуиуа*, другого применения ему, по-видимому, не было. Их пищу, завернутую в *листья* *ти*, обычно готовили в нагретых и прикрытых ямах в земле. Их домашней утварью были раковины, тыквенные калесы различных форм и размеров, а также блюда и другие сосуды, сделанные из дерева. **Ошибка! Закладка не определена.**

Одежда древних гавайцев была скудной, простой и прохладной. Основной и, как правило, единственной одеждой мужчин было *маро* - узкая ткань, повязываемая вокруг чресел. К этому иногда в массах добавлялся *кихэй*, или ткань, свободно наброшенная на плечи. Женщины носили *пау*, или юбку из неизменно пяти слоев *капы*, завязанную вокруг талии и доходящую до колен. В прохладную погоду иногда надевали короткую накидку. Обычно головы представителей обоих полов были без покрывал, и в редких случаях они носили *камас*, или сандалии из *ти* или листьев пандануса.

Наряду с *маро*, которое было обычным для мужчин всех рангов, король на торжественных мероприятиях надевал королевское *мамо*, мантию, доходящую до лодыжек и сделанную из желтых перьев маленькой морской птицы, называемой *мамо*. Когда упоминается, что под каждым крылом *мамо* находится всего по одному желтому перышку и что на изготовление одной мантии, возможно, были потрачены десятки тысяч, можно составить некоторое представление о ценности такого предмета одежды. Некоторые из этих королевских плащей сохранились до наших дней, один из которых носил король Калакауа во время церемоний своей последней коронации. Чисто желтый был королевским цветом. Более короткие накидки или мантии вождей были из желтых перьев, смешанных с красными. Цвет жрецов и богов был красным.

ПАЛАОА - ТАЛИСМАН, КОТОРЫЙ НОСЯТ НА ШЕЕ.

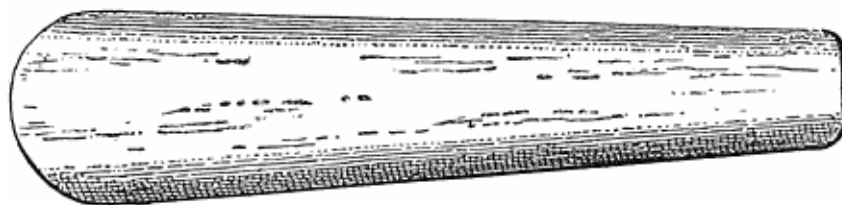
Украшения знати состояли из головных уборов из перьев, *палеоас* или костяных амулетов, подвешиваемых к шее, а также ожерелий и браслетов из раковин, зубов и других материалов. Многие из них были вытатуированы на лице, бедрах и груди, но эта практика не была универсальной. Цветы широко использовались в качестве украшений, и на пирах, фестивалях и других сборищах гирлянды из благоухающих листьев и соцветий венчали головы и обвивали шеи всех. Это один из прекрасных обычаев, все еще сохраняемых гавайцами. **Ошибка! Закладка не определена.**

Жилища масс были построены из вертикальных столбов, врытых в землю, с поперечными балками и стропилами, а крыши и борта были сплетены из прутьев и ветвей, покрытых листьями. Дома знати были больше, прочнее и претенциознее и часто были окружены широкими верандами. Существовал обычай располагать жилища так, чтобы главный вход был обращен на восток, к дому *Кейна*. Противоположный вход выходил в сторону Кахики, страны, из которой пришел Вакеа.

Дома хорошо воспитанных гавайцев состояли не менее чем из шести отдельных жилищ или квартир: 1-е - *хейау*, или дом идолов; 2-е - *муа*, или столовая мужчин, в которую женщинам не разрешалось входить; 3-е - *хейл-ноа*, или дом женщин, в который не могли входить мужчины; 4-е - *хейл-айна*, или столовая жены; 5-е - *куа*, или рабочий дом жены ; и 6-е - *hale-pea*, или дом отдыха, или детская жены. Беднейшие классы следовали этим правилам, насколько позволяли их средства, но ширмы обычно заменяли отдельные жилища или определенные квартиры.

Когда объявлялась война или возникала угроза вторжения, король отправлял гонцов, называемых *лунапаи*, к своим подчиненным вождям, которые немедленно отправляли воинов, каноэ или что-либо еще, что требовалось. Обычная боевая линия состояла из центра, правого и левого флангов, и в управлении армиями иногда проявлялся заметный военный гений. Морские сражения, в которых сотни, а иногда и тысячи боевых каноэ сталкивались во враждебном столкновении, были обычным явлением и обычно приводили к большим человеческим жертвам. Перемирия и условия мира обычно соблюдались, но лишь немногих пленников пощадили, за исключением жертвоприношений.

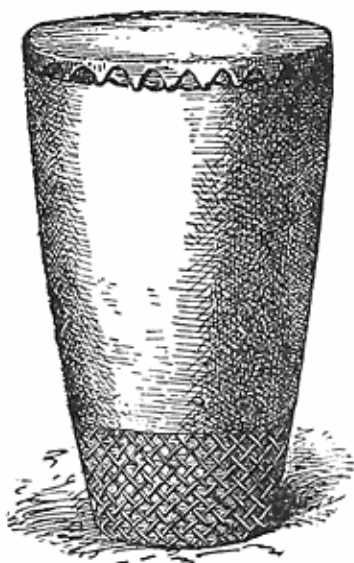
Оружием островитян были копья длиной около двадцати футов, дротики, боевые дубинки, каменные топоры, грубые алебарды, ножи, кинжалы и пращи. Пращи делались либо из волокна какао, либо из человеческих волос. Иногда бросаемые камни весили фунт или больше и попадали с большой силой и точностью. Иногда метались копья, в то время как дротики приберегались для более близкого столкновения. Щиты были неизвестны. Вражеские снаряды либо уклонялись, либо ловились руками, либо ловко отражались. Вожди часто надевали шлемы из перьев в бою, но человек был без защиты.

Доска для серфинга.

Атлетические виды спорта и игры народа были многочисленны. **Ошибка! Закладка не определена.** Мускульные развлечения частично состояли из соревнований по бегу, прыжкам, боксу, борьбе, плаванию, прыжкам в воду, гонкам на каноэ и серфингу. Любимым видом спорта было катание круглых каменных дисков и метание дротиков по подготовленному каналу; но самым захватывающим было состязание *холуа*, в котором могли участвовать двое или более человек. На длинных, легких и узких санях участники, лежа ничком, мчались вниз по длинным и крутым склонам, и победа принадлежала тому, кто первым достиг дна. Богиня *Пеле* наслаждалась игрой и часто участвовала в ней. Но она была опасным соперником. Будучи избитой Кахавари, вождем племени пуна, она изгнала его из района потоком лавы. Притворные сражения и метание копья и камня также были популярными упражнениями.

Среди домашних игр были *конане*, *килу*, *пухенехене*, *пунипики* и *хиуа*. *Конан* напоминал английскую игру в шашки. *Пухенехене* состояло в том, что один из игроков ловко прятал небольшой предмет под одним из нескольких матов посреди группы соперников и другие указывали место его спрятения. *Килу* была чем-то похожей игрой, сопровождавшейся пением. *Пунипики* было чем-то вроде игры в “лису и гусей”, и в *хиуа* играли на доске с четырьмя квадратами. Это были самые древние гавайские домашние игры.

Паху, или Барабан.

Музыкальные инструменты островитян были немногочисленны и просты. Они состояли из *паху*, или барабанов, различных размеров; *охэ*, бамбуковой флейты; *хокио*, грубого кларнета; носового флажолета и тростникового инструмента, на котором играли с помощью голоса. В особых случаях к ним добавлялись кастаньеты и сухие тыквы с камешками, которые использовались для обозначения времени песнопений и другой музыки. У них было много разновидностей танцев, или *хула*, все из которых были более или менее грациозными, а некоторые - грубыми и распущенными. Группы танцоров *хула*, мужчин и женщин, были среди **Ошибка! Закладка не определена.** *моисея* и выдающихся вождей, и их услуги требовались по каждому праздничному случаю.

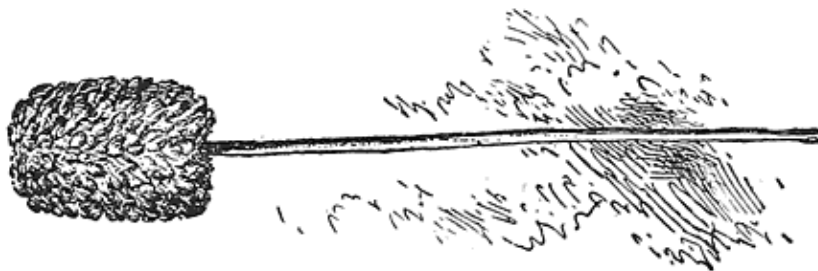
Траурные обычаи этого народа были своеобразны. В течение нескольких дней они вместе оплакивали умершего родственника или друга, часто выбивая один или несколько зубов, сбривая части голов и бород и разрывая на себе плоть и одежду. Но самые дикие проявления их горя были связаны со смертью их королей и правящих вождей. Во время королевского траура, который иногда продолжался неделями, народ предавался безудержным сатурналиям безрассудства и распущенности. Открыто нарушались все законы, совершались все мыслимые преступления. Оправдание состояло в том — и власти были вынуждены с этим согласиться, — что горе временно вытеснило здравый смысл, и они не несли ответственности за свои проступки.

Массы хоронили своих умерших или складывали тела в пещерах, но от костей королей избавлялись иным образом. Существовали королевские захоронения - одно в Хонаунау, на острове Гавайи, и другое, называемое Иао, на Мауи, — и могилы многих древних *моисеев* и правящих вождей находились в том или ином из этих священных мест; но в них, вероятно, находилось совсем немного королевских костей. В страхе, что кости *мои* и выдающихся вождей могут попасть в руки их врагов и быть использованы в качестве рыболовных крючков, наконечников стрел для отстрела мышей и в других унижительных целях, их обычно уничтожали или прятали. Некоторых взвешивали и бросали в море, а других, после того как с них снимали плоть и сжигали, прятали в горных пещерах. Сердца королей острова Гавайи часто бросали в кратер Килауэа в качестве подношения *Пеле*. Кости первого камехамеа были так хорошо спрятаны в какой-то пещере в Коне, что их до сих пор не нашли, а кости Куалии, знаменитого короля Оахуана семнадцатого века, измельчили в порошок, смешали с *поии* на поминальном пиру скормили сотне ничего не подозревающих вождей.

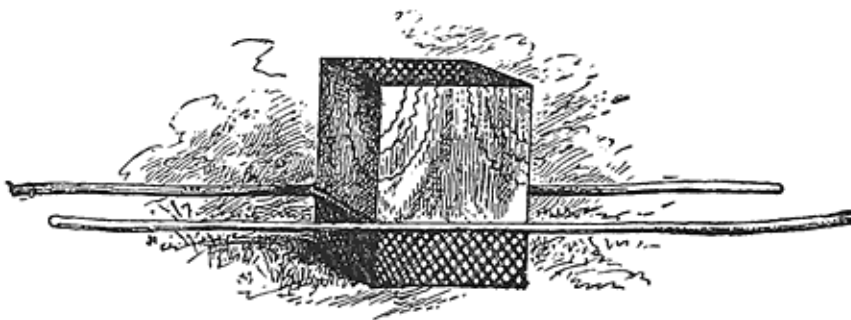
ГРУППА СОБСТВЕННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.

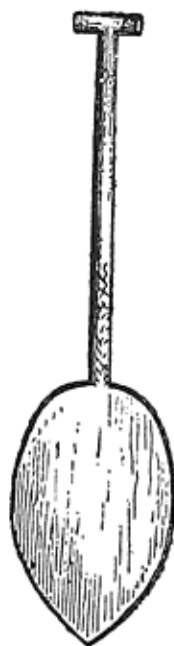
Ручное КАХИЛИ.

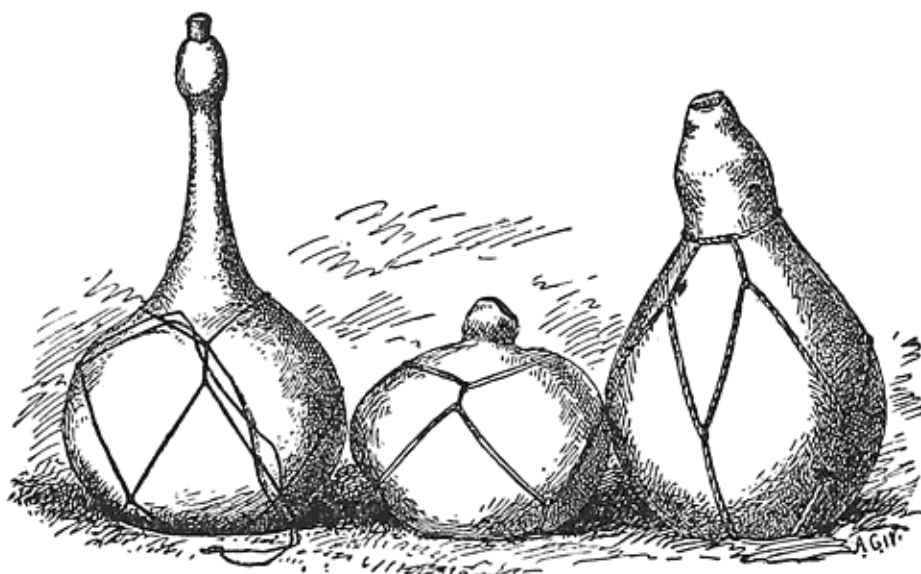
Кахили, или Штандарт из Королевских перьев.

Мауэле, или Местный паланкин.

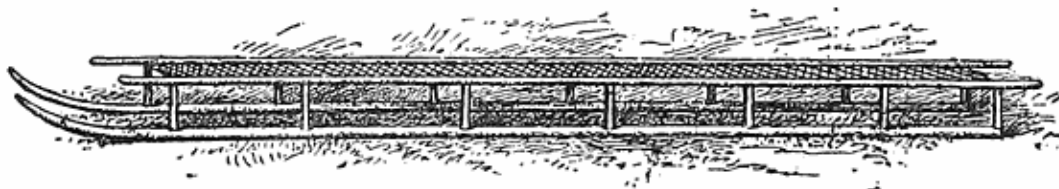
Греби.

Тыквы.

Плевательницы.

Кепи, или Сани, используемые в игре в Холуа.

Древние гавайцы делили год на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом. Дни месяца носили названия, а не нумеровались. Поскольку это давало им в году всего триста шестьдесят дней, они добавили и отдали своему богу *Лоно* в пиршествах количество дней, необходимое для завершения звездного года, который регулировался восходом Плеяд. Новая **Ошибка! Закладка не определена.** Год начался с зимнего солнцестояния. Они также вели счет по лунным месяцам при организации своих ежемесячных праздников. Год делился на два сезона — дождливый и засушливый, а день — на три основные части: утро, полдень и ночь. Также были обозначены первая, средняя и заключительная части ночи.

Как упоминалось в другом месте, у них были названия для пяти главных планет, которые они называли “блуждающими звездами”, а также для ряда небесных групп и созвездий. Именно это знание небес позволяло им плавать по океану в своих хрупких каноэ.

При подсчете гавайцы считали четверками и их кратными. Их наибольшее выраженное число составляло четыреста тысяч. Более того, это было неопределенно.

После того, что было написано, вряд ли представляется необходимым упоминать, что гавайцы не были каннибалами. В их легендах упоминаются два или три случая каннибализма на островах, но людоеды были выходцами из какой-то другой группы и просуществовали недолго.

СЕГОДНЯШНИЕ ГАВАЙИ.

Учитывая это несколько расширенное упоминание о прошлом Гавайских островов и их народа, считается, что краткий намек на их нынешнее политическое, социальное, промышленное и коммерческое состояние будет уместен. Представленные легенды оставляют простых, но воинственных островитян стоять обнаженными, но не стыдящимися света цивилизации, внезапно снизошедшего на них из-за морей. Во тьме за ними - легенды и копья; в свете перед ними - история и закон. Давайте посмотрим, что сделали для них прошедшие годы.

Сегодняшнее правительство Гавайев представляет собой умеренную конституционную монархию, правящая семья которой претендует на происхождение от самого древнего и уважаемого представителя основной крови Гавайев. В правительстве действуют законодательные, исполнительные и судебные органы.

Законодательное собрание, которое собирается каждые два года, состоит из представителей, избираемых народом, дворян, назначаемых государем, и министров короны. Они действуют в едином органе, выбирая своего председательствующего путем голосования, и их заседания проводятся совместно на английском и гавайском языках, и на обоих публикуются их законы и протоколы заседаний. Поскольку избирательное право имеют только коренные и натурализованные граждане, большинство **Ошибка! Закладка не определена.** большинство из которых являются изящными и красноречивыми участниками дебатов. Иногда избираются белые представители, выражающие общепринятую симпатию к туземцам, и большинство знати и министров - белые мужчины. Английское общее право является основой их статуты, а их гражданский и уголовный кодексы мало чем отличаются от нашего. Законодательный орган устанавливает налоги, акцизы и таможенные сборы и обеспечивает ассигнованиями все государственные расходы. Представителям выплачивается небольшое жалованье, а Законодательный орган официально созывается и продлевается лично королем.

Хотя нынешний суверен был избран Законодательным собранием, по вышеизложенной причине назначение преемника остается за лицом, занимающим трон. Король обеспечен за государственный счет дворцом и королевской охраной, а также выделяются денежные ассигнования в размере, возможно, сорока тысяч долларов ежегодно. У него также есть некоторый дополнительный доход от так называемых земель короны. Две сестры короля и дочь одного из них ежегодно получают из казны в общей сложности пятнадцать тысяч пятьсот долларов. Король щедро развлекается, щедр со своими друзьями и приближенными и, вероятно, считает, что его доходов из года в год не более чем достаточно для удовлетворения своих потребностей. Его советниками являются четыре государственных министра и Тайный совет. Министерство состоит из министра иностранных дел, который занимает пост премьер-министра, министра финансов, министра внутренних дел и генерального прокурора. Тайный совет состоит из тридцати или сорока видных граждан, назначаемых короной. В определенных вопросах они обладают первоначальными и исключительными полномочиями. Время от времени они созываются на совет, но не получают никакой компенсации. Большинство членов тайного совета - белые мужчины и принадлежат почти ко всем национальностям. Большинство государственных министров, как правило, - способные белые люди, и их жалованье составляет шесть тысяч долларов в год каждому.

Судебная система состоит из Верховного суда в составе трех членов, один из которых является главным судьей и канцлером, окружных судов, действующих в разных округах, и судов малой

инстанции в населенных пунктах, где они необходимы. Все верховные и окружные судьи - белые, и лишь немногие магистраты - местные жители. Заработная плата высшестоящих судей респектабельна, и большинство из них - люди способные. Законы, как правило, продуманны администрируются и оперативно исполняются, а жизнь и имущество надежно защищены.

Государственных школ на островах множество, и их в основном посещают дети коренных жителей. Значительная часть взрослых туземцев умеет читать и писать на своем родном языке, и существует ряд местных газет и периодических изданий. Английская пресса Гонолулу — единственное издательство — отличается способностями и предприимчивостью.

Проказа была завезена на острова китайцами около сорока лет назад и стала опасным и отвратительным бедствием. Однако прокаженных встречают редко, поскольку при каждом обнаружении их вывозят на остров Молокаи, где правительство гуманно заботится о них. Это неизлечимый, но безболезненный недуг, и, несомненно, при определенных условиях он заразен. Девять десятых или более прокаженных - либо местные жители, либо китайцы, а общее число составляет, возможно, тысячу двести человек. Не считается, что болезнь усиливается, и есть надежда, что тщательное разделение пораженных позволит со временем искоренить болезнь из группы.

Торговля островов в значительной степени находится в руках иностранцев, и сахарные плантации находятся почти исключительно под их контролем. Местных торговцев здесь очень мало, крупными дилерами являются американцы, немцы, англичане и французы, в то время как более мелкие торговцы, как правило, португальцы и китайцы. Есть местные юристы, клерки, механики, судьи и полицейские; но большинство представителей расы, которые вынуждены трудиться ради своего пропитания, находят работу на фермах и плантациях, грузчиками, матросами, кучерами, лодочниками, рыбаками, садовниками, разносчиками фруктов, официантами, солдатами и домашней прислугой, и во всех этих качествах они, как правило, трудолюбивы, жизнерадостны и честны.

Экспортными продуктами островов являются сахар, патока, рис, бананы, грибы, шкуры и шерсть общей приблизительной стоимостью восемь миллионов долларов в год. Однако основным продуктом является сахар, объем производства которого составляет, возможно, сто тысяч тонн в год. Девять десятых экспорта группы приходится на рынок Соединенных Штатов, а четыре пятых или более стоимостного объема импорта приходится на Великую Республику. Поступления и расходы правительства составляют немногим менее миллиона пятисот тысяч долларов в год, получаемых главным образом за счет таможенных пошлин и прямого налогообложения. **Ошибка! Закладка не определена.**

Население островов составляет немногим более восьмидесяти тысяч человек, из которых около сорока пяти тысяч - коренные жители. Американцев, англичан, немцев, норвежцев и французов насчитывается около десяти тысяч, а китайцы, японцы и португальцы с Азорских островов составляют большую часть остальных.

Почтовые службы островов обширны и надежны. Пароходы, курсирующие между островами, которых здесь много, доставляют почту по всей группе с регулярными интервалами, а пароходы San Franciscan и Australian обеспечивают пунктуальное и надежное сообщение с остальным миром. На островах действует система почтовых денежных переводов, действующая как внутри, так и за пределами их границ, и они связаны со Всемирным почтовым союзом.

Более двадцати тысяч жителей группы сосредоточены в Гонолулу, столице королевства, и его красивом и мечтательном пригороде Вайкики. Деловые районы города с их мощеными и

освещенными улицами и кварталами кирпичных и каменных зданий имеют экономный и неизменный вид, в то время как восточные пригороды, пологим подъемом приближающиеся к холмам, изобилуют очаровательными резиденциями, окруженными пальмами. Небольшие горные ручьи протекают через город и обеспечивают обильный запас пресной воды, который дополнительно пополняется за счет ряда проточных артезианских скважин. При температуре от семидесяти до девяноста градусов Гонолулу с его солидными церквями и общественными зданиями, атмосферой изобилия и мечтательной тишины является восхитительным местом жительства для тех, кто любит жару и истому тропиков.

Среди этих свидетельств процветания и прогресса становится слишком очевидным, что численность туземцев неуклонно уменьшается и они постепенно теряют свою власть на прекрасной земле своих отцов. За столетие они сократились с четырехсот тысяч здоровых и счастливых детей природы, лишенных заботы и нужды, до немногим более десятой части этого числа безземельных, безнадёжных жертв жадности и пороков цивилизации. Они медленно опускаются под ограничения и бременем своего окружения и со временем уступят социальным и политическим условиям, чуждым их природе и ядовитым для их крови. Год за годом их следы будут становиться все более тусклыми на песке их защищенных рифами берегов, и все слабее и слабее будут доноситься их простые песни из тени пальм, пока, наконец, их голоса не исчезнут навсегда. **Ошибка! Закладка не определена.** И тогда, если не раньше — и никакие человеческие усилия не смогут изменить ситуацию иначе — Гавайские острова с отголосками их песен и сладостью их зеленых полей перейдут в сферу политики, поскольку сейчас они прочно входят в коммерческую систему великой Американской Республики.

Февраль 1887 года. Ошибка! Закладка не определена.

[1](#)

Принцесса Лайклайк умерла 2 февраля 1887 года. [↑](#)

ХИНА, ЕЛЕНА ГАВАЙСКАЯ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ХАКАЛАНИЛЕО, вождь Гавайёв.

ХИНА, жена Хакаланилео.

УЛИ, колдунья, мать Хины.

НИХЕУ и
КАНА, } сыновья Хины.

КАМАУАУА, король Молокаи.

КЕОЛОЭВА и
КАУПИПИ, } сыновья Камауауа.

НУАКЕА, жена Кеолоэвы.

Мой, брат Нуакеа.

Ошибка! Закладка не определена.

ХИНА, ЕЛЕНА ГАВАЙСКАЯ.

ИСТОРИЯ ГАВАЙСКОГО РЫЦАРСТВА В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Я.

История *Илиады* представляет собой драматическое повествование о любви и ненависти, несправедливости и мести, мужестве и обычаях, страсти и суевериях мифической Греции и охватывает в едином блестящем изложении события, которые исторические барды других стран, лишенные гения Гомера, передали через столетия в виде фрагментов. Природа человека была по существу одинаковой во все века, различаясь лишь пылкостью его страстей и appetитов, на которые влияла зона его обитания и особое физическое окружение. Следовательно, почти у каждого народа, варварского и цивилизованного, были своя Елена и своя Троя, свой Парис и свой Агамемнон, свой Гектор и свои полубоги; и Гавайи не исключение. "Гнев неведомого Ахиллеса" стал основой истории о похищении на Гавайях, но в других отношениях греческие и полинезийские легенды в общих чертах очень похожи друг на друга.

История Хины, гавайской Елены, и Каупипи, Париса из легенды, возвращает нас в двенадцатый век, ближе к концу второй и последней эпохи переселения с Таити, Самоа и, возможно, других островов Полинезии — периода, который очень значительно увеличил население группы и дал ей много новых вождей, ряд новых обычаев и несколько новых богов. Чтобы эта история была лучше понята читателем, который, возможно, не знаком с легендарной историей Гавайских островов, необходимо будет кратко остановиться на политическом и социальном положении группы в то время.

Несмотря на множество четко нарисованных и чудесно сохранившихся исторических легенд гавайцев, раннее заселение маленького архипелага окутано тайной. Однако лучшее свидетельство подтверждает предположение о том, что острова были впервые открыты и заселены народом, который переселился из южной Азии на острова Тихого океана в первом или втором **Ошибка! Закладка не определена.**века христианской эры, и, пройдя этапы миграции от фиджийцев на Самоа, а оттуда на Таити, достиг гавайской группы примерно в А.Д. 550 году нашей эры. Первое открытие, несомненно, было результатом несчастного случая; но те, кто его совершил, смогли найти дорогу обратно к месту, откуда они стартовали, — либо на Таити, либо на Самоа, — и в свое время вернулись с увеличенным количеством людей, привезя с собой на свой новый дом свиней, домашнюю птицу, собак и семена тех фруктов и овощей, которых, как они обнаружили, там не хватало.

Маленькая колония росла и процветала, и в течение почти пятисот лет не имела ни связи с внешним миром, ни каких-либо знаний о нем. К концу того времени их географические традиции настолько ослабли, что они говорили только о Кахики, очень далеком месте, откуда пришли их предки. Впервые высадившись на большом острове Гавайи, они рассредоточились по восьми обитаемым районам группы. Народом управляли окружные вожди, на одних островах принадлежавшие верховному главе, а на других независимые, и границы, отделявшие массы от знати, были проведены менее строго, чем в последующие столетия. Войны между соседними вождями были частыми, и рост населения происходил медленно; но *табу* вождей и священников не были репрессивными, и люди заявляли о степени личной независимости, неизвестной им после одиннадцатого века, и осуществляли ее.

Примерно в 1025 ГОДУ н.э., или, возможно, немного раньше, жители этой группы были внезапно пробуждены от своего долгого шестивекового сна прибытием большой группы искателей приключений с Таити. Их вождем был нанаманоа. Их язык напоминал язык гавайцев, а их обычаи и религии не сильно отличались. Поэтому их приняли по-доброму, и через несколько лет их влияние

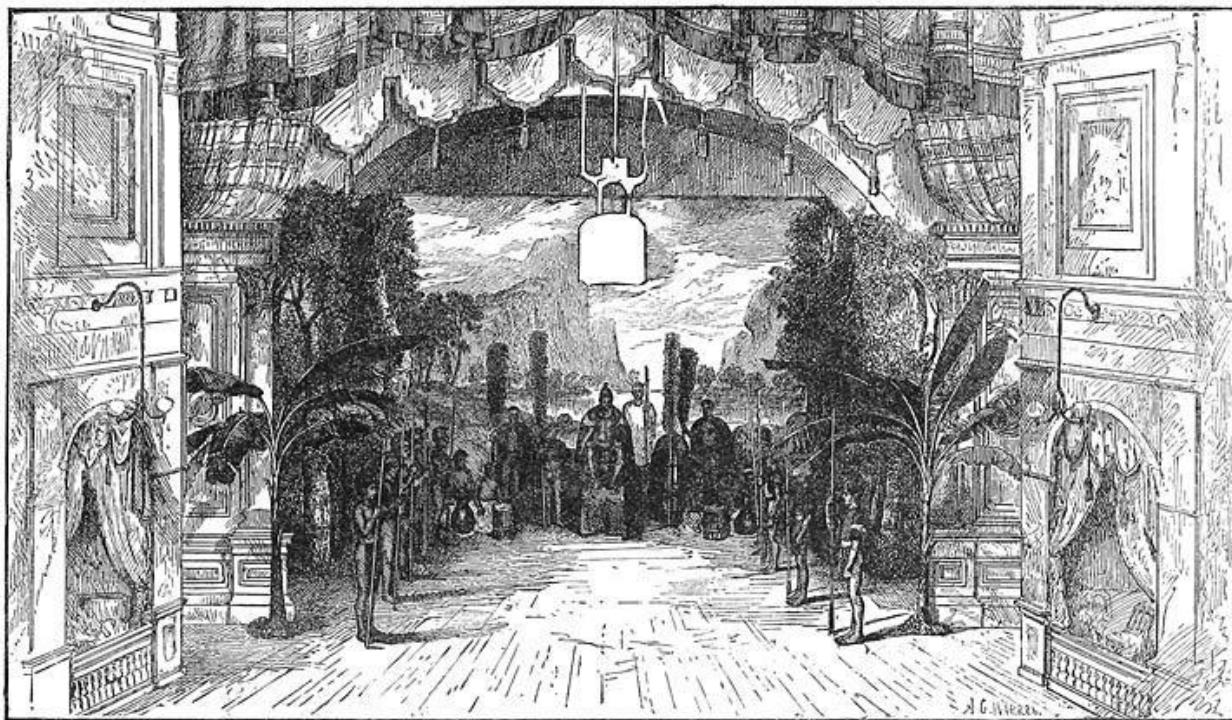
стало ощущаться во всей группе. Они высадились в Кохале, Гавайи, и Нанамаоа вскоре преуспел в том, чтобы утвердиться там в качестве влиятельного вождя. Его сыновья получили владения на Мауи и Оаху, а на последнем острове один из них — Нанакаоко - основал священное место под названием Куканилоко в округе Эва, где по желанию будущих вождей должны были родиться их сыновья. Даже Камехамеа I еще в 1797 году пытался перевезти туда свою королеву до рождения Лихолихо, но помешала болезнь королевской матери. Это стало священным местом рождения принцев, поскольку Иао в долине Вайлуку на острове Мауи стал их *запретным* местом погребения.

Именно в Куканилоко родился Капава, сын Нанакаоко. Его основное место власти, вероятно, находилось на Гавайях, хотя он сохранил владения на Мауи и Оаху. Именно при его жизни в группе появился знаменитый вождь и священник Паао. Он прибыл с одного из южных островов с небольшим отрядом, принес с собой новых богов и новые способы поклонения, и от него последующие первосвященники Гавайев вели свою жреческую линию вплоть до Хевахевы, который в 1819 году был первым, кто поднес факел к храмам, в которых так долго поклонялись его предки. Паао был государственным деятелем и воином, а также священником, но он предпочитал духовную власть мирской; и когда Капава умер и был похоронен в Иао, оставив свои владения без компетентного правителя, а своих подданных в государстве, граничащем с анархией, Паао не принял на себя роль вождя, как он явно мог бы сделать, но отправил гонцов — если, конечно, не отправился сам — в страну своего рождения, чтобы пригласить на Гавайи вождя, способного восстановить порядок.

Такой лидер был найден в Пиликаекае на Самоа, который мигрировал на Гавайи с большим количеством слуг и быстро утвердился на освободившемся троне, в то время как Паао продолжал оставаться верховным жрецом. Пили распространил свою власть на шесть округов Гавайев; но за пределами Кохалы и северной части острова признание его суверенитета было чисто номинальным, и внутренние войны и восстания были частыми.

Следующими заметными жителями южных островов стали две семьи паумакуа, одна из которых поселилась на Оаху и Кауаи, а другая - на Гавайях и Мауи. Прибыли ли они, как утверждают противоречивые традиции, одновременно или с разницей в два-три поколения, - вопрос, никоим образом не относящийся к нашей истории. Легенда связана только с гавайской ветвью, и поэтому порядок их появления здесь обсуждать нет необходимости.

Семья Паумакуа, ставшая такой влиятельной на Гавайях и Мауи, прибыла сюда в начале правления Пили, примерно в 1090 году нашей эры. Семью сопровождал большой отряд, и они привезли с собой своих богов, жрецов, астрологов и пророков. Сначала они высадились и закрепили за собой владения на Мауи; но сыновья и другие родственники Паумакуа были храбры и честолюбивы и вскоре завоеванием и женитьбой обеспечили себе почти суверенное положение как на Мауи, так и на Гавайях.

Тип Древнего короля в государстве.

Один из племянников Паумакуа, Хакаланилео, который был сыном Кухейлани, в качестве вступительного клина к дальнейшим приобретениям, каким-то образом стал обладателем полосы земли вдоль побережья в районе Хило, Гавайи. Это было большое поместье, и владелец пользовался любой возможностью, чтобы расширить его границы и увеличить число своих иждивенцев. Его женой была красавица Хина из гавайской песни и дочь провидицы Ули, которая мигрировала с Таити с какой—то из нескольких экспедиций того периода - возможно, с семьей Паумакуа, хотя традиция этого не утверждает.

В то время Камауауа, могущественный вождь древнего коренного рода Нанаула, правил островом Молокаи. Он с гордостью прослеживал свою родословную до первого переселения в шестом веке и с отвращением и вполне обоснованной тревогой относился к новому миграционному приливу, который в течение прошлых лет выбрасывал на берега островов поток чужеземных авантюристов, чьи воинственные и агрессивные вожди неуклонно овладевали самыми прекрасными участками группы. Он пытался сформировать лигу туземных вождей против этих опасных посягательств; но коварные захватчики с новыми богами, внушавшими благоговейный трепет массам, и новыми обычаями и новыми традициями, очаровывавшими туземную знать, благодаря смешанным бракам и стратегии, а не силе, стали фактическими правителями Гавайев, Мауи, Оаху и Кауаи, и он оставил всякую надежду увидеть их вытесненными. Только молокаи оставался исключительно под контролем местных жителей, и его решительный старый вождь с младенчества прививал своим сыновьям ненависть к южным захватчикам и решимость сопротивляться их агрессии до победного конца.

Старшим из сыновей Камауауа был Каупипи. Он был воинственным юношей, хорошо владевшим оружием, обладавшим огромной силой и отвагой, и его отвращение к чужеземным вождям было настолько глубоким, что он решил посвятить свою жизнь такой войне, какую только сможет вести с ними и их подданными. С этой целью он передал свое право наследования своему старшему брату Кеолоэве и, собрав вокруг себя отряд воинов, разделяющих его отчаяние и отвагу, основал крепость на мысу Хаупу, на северной стороне острова, между **Ошибка! Залкадка не определена**.Пелекуну и Вайколо. В этом месте и на протяжении нескольких миль с каждой

стороны от него горы так близко примыкают к океану, что между ними и избитыми прибоем берегами не остается ничего, кроме череды крутых, узких и изрезанных мысов, выдающихся в море и отделенных друг от друга похожими на ущелья и мрачными маленькими долинами, пронизывающими холмы и, подобно драконам, вечно заглатывающим и выбрасывающим волны, которые осмеливаются приблизиться слишком близко к их скалистым челюстям.

Одним из самых труднопроходимых из этих мысов был Хаупу. Это была естественная крепость, обрывисто возвышавшаяся над морем на высоту пятисот футов или более, и окруженная справа и слева почти отвесными склонами, поднимающимися из узких ущелий, заросших растительностью, и наполняющими море ручьями пресной воды, сбегаящими с гор, изрезанных их истоками. Оно соединялось с горной цепью позади него узким и возвышающимся гребнем, который в месте, примерно менее чем в миле от берега, где противоположные ответвления двух расположенных по бокам ущелий вплотную подходили друг к другу, сужался до перешейка шириной не более пятидесяти шагов. Вершина мыса, примыкающего к океану, представляла собой сравнительно ровное плато, или, скорее, серию из трех соединяющихся террас, занимавших в общей сложности площадь почти в сто акров. Окруженный с трех сторон почти перпендикулярными стенами и доступный с четвертой только по узкому и легко защищаемому гребню, уходящему в горы, требовалось небольшое инженерное мастерство, чтобы сделать это место почти неприступным.

Серьезно взявшись за выполнение этой задачи, Каупипи вскоре превратил мыс Хаупу в одну из сильнейших крепостей во всей группе. Он окружил плато массивными каменными стенами, возвышающимися над склонами, а поперек узкого перешейка, ведущего в горы, воздвиг скальный барьер десяти футов в толщину и двадцати футов в высоту, вокруг которого агрессия извне стала невозможной из-за выемки пропастей, ведущих к концам стены и расположенных на одной вертикальной линии с ними. Вместо ворот под стеной проходил подземный ход, внутренний вход в случае опасности прикрывался огромным плоским камнем, опирающимся на ролики.

Хотя переход был трудным и в неблагоприятную погоду сопряженным с опасностями, каноэ могли входить в устья обоих ущелий и подниматься вверх вне досягаемости волн, а также за пределами **Ошибка! Залкадка не определена.**досягаемости врагов; ибо над входами, полностью контролируя их, хмурились широкие зубчатые стены Хаупу, с которых можно было сбросить сотни тонн камней и других разрушительных снарядов. С изобретательностью и большим трудом были прорублены узкие тропинки, ведущие со средней террасы к обоим ущельям, на некотором расстоянии выше их отверстий, и позволявшие входить в крепость по воде и покидать ее. Эти дорожки соединялись с террасой узкими проходами под стенами, и одна рука могла защитить их от целого войска.

Внутри стен были возведены здания, способные в экстренном случае вместить две-три тысячи воинов, а на нижней террасе, занятой Каупипи и его домочадцами, включая его ближайших друзей и капитанов, с видом на море была устроена небольшая *хиау* со священником и двумя-тремя помощниками во главе. Горные тропы вели из крепости в Калаупапу и другие плодородные районы острова; и поскольку рыбы можно было добыть в изобилии, а Каупипи и многие его последователи контролировали *таро* и другие земли в долинах за его пределами, в крепости редко испытывался недостаток продовольствия, даже когда экспедиции за фуражом на соседние острова терпели неудачу.

Каупипи принимал услуги только отважных, и это была дикая и отважная война, которую маленький отряд вел в течение многих лет против вождей пришельцев и их подданных. Они могли спустить на воду сотню боевых каноэ, и их операции, хотя обычно ограничивались Оаху, Мауи и Гавайями, иногда в духе бравады распространялись и на Кауаи. Покинув свое убежище, они зависли у побережья, выбранного для разграбления, до наступления темноты, а затем высадились

и безжалостно пустили в ход факел и копье. Эта часть их работы была быстро выполнена, когда они наполнили свои каноэ самой отборной добычей, которую смогли найти или в которой больше всего нуждались, и еще до рассвета отплыли в Хаупу. Женщины иногда были желанной добычей пиратов, и во время их набегов многие кричащие красавицы были схвачены и доставлены в их цитадель на Молокаи, где в большинстве случаев с ней обращались так ласково, что вскоре у нее пропало всякое желание быть освобожденной. Иногда за ними, если ветер был неблагоприятен для их отступления, следовали наспех снаряженные флотилии каноэ. Если они позволяли догнать себя, то только для развлечения, чтобы отогнать преследователей; но, как правило, они убегали без **Ошибка! Залка не определена.ГИПЕРССЫЛКА \l "pb75" \o "75" \h**

Выдающийся вожь Оаху, территория которого была разорена Каупипи, проследил путь удаляющегося флота грабителей до побережья Молокаи, когда он внезапно исчез. Он высадился и засвидетельствовал свое почтение почтенному Камауауа, находившемуся тогда в Калаупапе, и попросил его помощи в обнаружении и наказании нарушителей, которые, должно быть, нашли убежище где-то на острове. Старый вожь мрачно улыбнулся и ответил: “Нет необходимости искать своих врагов. Ты найдешь их в Хаупу, недалеко от океана. Они, вероятно, ждут тебя. Они не беспокоят меня или моих людей. Если они причинили тебе зло, высади и накажи их. У тебя есть мое разрешение”.

Вожь племени Оаху выразил свою благодарность и удалился. Он произвел частичную рекогносцировку Хаупу, убедился, что его защищают всего несколько сотен воинов, и вскоре после этого вернулся с большой флотилией каноэ, чтобы захватить это место и удержать его за собой. Добравшись до входа в ущелья и обнаружив несколько боевых каноэ, вытянутых на их крутых берегах, он начал кампанию, отдав приказ об их захвате. Шестдесят каноэ, наполненных воинами, понеслись по прибою в ущелья, где их встретили лавины камней со стен крепости, которые разнесли большинство из них вдребезги. Вожь был поражен и в ужасе, и, полагая, что боги обрушивают камни на его флот, он спас тех своих воинов, которые смогли добраться до него, из разбитых каноэ и поспешно отбыл на Оаху, чтобы больше не возвращаться.

Говорят, что Камауауа наблюдал за штурмом Хаупу с холмов за крепостью и в знак своего удовольствия от результата послал Каупипи плащ из перьев и дал ему привилегию ловить рыбу для своих воинов в одном из самых больших королевских прудов на острове. Он также незаметно подарил ему баржу, больше которой в группе было немного. Он вмещал более сотни воинов и их снаряжение и предназначался для длительных и трудных путешествий.

Эти баржи были построены из досок, прочно скрепленных между собой на раме, а также из ошкуранных и наклонных. Иногда они достигали десяти или более футов в ширину и были частично или полностью перекрыты палубой, а глубина трюма составляла шесть или восемь футов. Именно на судах этого класса и на больших двухместных каноэ равной или **Ошибка! Залка не определена.** совершались дальние плавания к Гавайским островам и обратно в периоды миграции прошлого, в то время как одноместные и двухместные каноэ меньших размеров, выдолбленные из стволов отдельных деревьев, использовались в военных действиях, рыболовстве и в общем межостровном сообщении. После окончательного прекращения сношений в двенадцатом веке между Гавайскими островами и островами Общества — возможный результат исчезновения цепочки небольших островов и атоллов, усеивающих океан с интервалами между двумя группами, — упомянутые баржи постепенно вышли из употребления с прекращением путешествий в дальние страны, и были почти неизвестны гавайцам еще одно или два столетия назад. Их паруса были очень широкими, но использовались и весла, и моряк определял свой курс по солнцу и звездам, а к берегу направлялся по полетам птиц, дрейфующей древесине и течениям, направление которых он знал.

Некоторые из двухместных каноэ, которыми были заменены баржи, были едва ли менее вместительными и мореходными, чем сами баржи. Они были выдолблены из стволов гигантских сосен, которые занесло на острова с северного побережья Америки, и когда одну находили, иногда проходили годы, прежде чем ветер и течение находили подходящего партнера. Одно из одноствольных двухместных каноэ Камехамехи I. имело сто восемь футов в длину, и как одноместные, так и двухместные каноэ длиной от пятидесяти до восьмидесяти футов были довольно распространены во времена его правления, когда местные леса изобиловали растительностью гораздо большего размера, чем можно найти сейчас. Но местные деревья никогда не служили корпусами для каноэ больших размеров. Они были дарами волн, и нередко им приписывали благосклонность богов.

Каупипи был в восторге от подарка в виде баржи. Это дало ему одно из самых больших судов во всех восьми Гавайских морях и сделало его особенно грозным в морских сражениях. Он выкрасил паруса в красный цвет и корпус до ватерлинии, а на верхушке мачты развевал по ветру дерзкий выпел, увенчанный *кахили*, который можно было бы принять за метлу фон Тромпа, если бы его увидели несколько столетий спустя в северных морях. Он предоставил большую команду гребцов и устроил для нее более безопасную посадку в одном из проемов рядом с крепостью.

Этим существенным пополнением своего флота Каупипи расширил **Ошибка! Закладка не определена.** масштабы своих грабежей, а его красные паруса были известны и внушали страх на соседних побережьях Оаху и Мауи. Хаупу был полон добычи, добытой в его экспедициях, и возвращение успешного отряда обычно отмечалось пирушками, пением, танцами и другим шумным весельем. Не были забыты и боги. Частые праздники устраивались в честь *Кейна*, *Ку* и *Лоно*; и *Моаалии*, бога-акулы молокаи - бога рыбака и морехода — всегда вспоминали раньше всех. Огромное изображение этого божества возвышалось над океаном на северной стене *храма* Хаупу, а *листья* живых цветов украшали его плечи всякий раз, когда отправлялась или возвращалась опасная экспедиция. Однажды этот бог привел Каупипи в Хаупу темной и дождливой ночью, а в другой раз перевернул несколько боевых каноэ оахуанцев, которые ловко отделили его от флота в канале Пайоло.

В тот период островами, как правило, управляли практически независимые районные вожди. Они признавали верховного главу, или *али-нуи*, но были абсолютными хозяевами своих нескольких территорий, и войны между ними были частыми; но это были войны за грабеж, а не за завоевание, и иногда продолжались бессистемно, пока обе стороны не обнищали, после чего их вожди и жрецы встречались и договаривались об условиях мира. Но Каупипи руководствовался более высокими мотивами, чем простая добыча. Он ненавидел южных вождей и их преемников, и его нападения ограничивались исключительно территориями, над которыми они правили. Его единственной целью было нанести им вред, и добыча из его экспедиций распределялась между его последователями. Храбрый, великодушный и проникательный, он был почти боготворим своим народом, и измена для них была чем-то немыслимым.

Каупипи и его отважные товарищи действительно вели дикую и безрассудную жизнь, но им не хватало ни волнений за границы, ни развлечений дома. На верхней террасе был прорублен канал *кахуа*, по которому катали *майку* и бросали затупленный дротик. Они играли в *конане*, *пухенехене* и *пунипеки*, а в серфинге обладали экспертами обоих полов, которые могли бы далеко путешествовать, не найдя равных себе. Жители острова были дружны с лихими пиратами, и самые красивые девушки становились их женами, некоторые из них жили со своими мужьями в Хаупу, а другие - со своими родственниками в долинах. **Ошибка! Закладка не определена.**

II.

Теперь мы вернемся к Хине - или Хоохо, как ее иногда называли, — прекрасной жене Хакаланилео, племянника Паумакуа с Гавайев. Хакаланилео приобрел свои владения в Хило частично благодаря влиянию своей собственной семьи, а частично благодаря женитьбе на сестре влиятельного окружного начальника. Позже в жизни он увидел Хину, дочь Ули, и влюбился в нее, уговорив ее стать его женой. Этот брак не был приемлем для Ули. Положение и семейные связи Хакаланилео были достаточно привлекательными, но Ули, которая занималась колдовством и волшебством, увидела катастрофу в предполагаемом союзе и посоветовала своей дочери не делать этого. Однако после долгих уговоров ее согласие было получено; но она дала его со следующим судебным запретом:

- Раз ты так хочешь, возьми ее, Хакаланилео; но охраняй ее хорошенько, ибо я вижу, что однажды ветры унесут ее у тебя, и ты не увидишь ее снова много лет.

“Пусть будет так, как ты говоришь, - ответил Хакаланилео, “ я рискну. Нехорошо отказываться от сокровища, потому что его могут украсть. Хина будет моей женой”.

И так случилось, что Хина стала женой племянника Паумакуа — Хины, самой красивой девушки на всех Гавайях; Хины, чьи глаза были подобны звездам, а волосы волнами ниспадали ниже челки ее *пау*; Хины, чье имя дошло до нас сквозь века, увенчанное песнями. И долгие годы она счастливо жила с Хакаланилео, который любил ее больше всех на свете, — жила с ним, пока не стала матерью двух сыновей, Каны и Нихеу; а потом ветры унесли ее от мужа, как и предсказывал Ули шесть лет назад. Но ветры, унесшие ее отсюда, наполнили паруса огромной баржи из Каупипи.

Вождь Хаупу слышал о ее необычайной красоте и решил собственными глазами увидеть то, что барды превозносили в песнях. Переодетый путешественник по суше из Пуны добрался до ее дома в Хило и увидел, что поэты воздали ей не более чем должное. Она действительно была прекрасна и была женой человека, к крови которого он поклялся в вечной вражде. Вернувшись в Пуну, где его ждала баржа, он несколько дней бродил вокруг побережья Хило, выискивая возможность овладеть женщиной, чьи чары привели его в восторг. **Ошибка! Закладка не определена.**

Наконец это произошло. После захода солнца, когда светила луна, Хина отправилась на пляж со своими женщинами, чтобы искупаться. Был подан сигнал — как полагают, первой женой Хакаланилео, — и вскоре после этого легкое, но с тяжелым экипажем каноэ промчалось сквозь полосу прибоя и влетело в толпу купальщиков. Женщины закричали и бросились к берегу. Внезапно из каноэ в воду выпрыгнул мужчина. Последовала короткая борьба, сдавленный крик, резкое слово команды, и мгновение спустя Каупипи снова был в каноэ с обнаженной и обезумевшей Хиной на руках.

Лодочники знали свое дело — знали, что работать нужно быстро, — и, не говоря ни слова, каноэ развернулось и понеслось сквозь прибой, как стрела. Баржа с человеком у каждого весла и готовыми к спуску парусами стояла недалеко в море. Пятнышко света указало лодочникам направление, и вскоре они достигли баржи. Все были спешно переведены в него. Паруса были распущены, люди взялись за весла, каноэ взяли на буксир; и пока бил барабан тревоги и на берегу появлялись огни, Хина, завернутая в складки мягкой *капы*, рыдала в одном из помещений баржи, которую ветер и весла быстро несли к крепости Хаупу.

Возвращение в Хаупу заняло чуть больше двух дней. Все это время Хина постоянно горевала и ничего не ела. Каупипи относился к ней с уважением и добротой, но она была ошеломлена своим похищением и умоляла либо убить ее, либо вернуть ее детям.

Отряд высадился незадолго до рассвета. Море было беспокойным, но ярко светила луна, и проход в устье одного из ущелий прошел без происшествий. На руках Каупипи Хина поднялась по вырубленной в скале тропинке к крепости и была помещена в апартаменты на нижней террасе, оснащенные всеми удобствами и роскошью, известными знати островов того периода. Они были специально подготовлены к ее приему, и рядом находились женщины, которые прислуживали ей и следили, чтобы она ни в чем не нуждалась, кроме своей свободы. Большая отдельная комната из трех смежных квартир — та, которая предназначалась для ее личного проживания, — была образцом варварского вкуса и комфорта, и в ее украшение невольно внесли свой вклад многие открытые районы Оаху и Мауи. Его стены были покрыты гобеленами тонкой ткани и ярких цветов **Ошибка! Закладка не определена.** циновками, свисающими с гирлянд из ракушек и лежащими под ковром из более прочного материала, покрывающим ровный первый этаж. Потолочные балки также были усыпаны ракушками и ярко окрашены. С одной стороны комнаты находилась слегка приподнятая платформа, густо устланная сухой морской травой и покрытая множеством складок *капы*. Это была *капа-мо*, или кушетка для сна. Напротив находилась гостиная, покрытая *каной*, тянувшаяся вдоль всей стены комнаты. Посреди помещения были расстелены несколько толстых циновок, которые служили как для приема пищи, так и для отдыха. Свет проникал через два небольших отверстия непосредственно под карнизом и из двери, когда тяжелые шторы были раздвинуты. На ряде полок в углу комнаты стояли резные тыквенные бутылки и другие любопытные сосуды для питья, а также многочисленные украшения из раковин, слоновой кости и перьев; а в огромных тыквенных бутылках под ними хранились запасы женской одежды всех видов, которые тогда были в ходу. На самом деле, казалось, ни в чем не было недостатка, и, несмотря на свое горе, Хина с трудом подавила чувство восторга, когда ее провели в квартиру и *кукуй* при свете факелов продемонстрировала ее роскошное убранство.

Отказавшись от еды, Хина отпустила своих слуг и, бросившись на *капа-моэ*, вскоре была завернута в мягкую мантию сна и во сне перенесена обратно в дом, из которого ее похитили. В комнате было темно, и она проспала много часов. Проснувшись, она какое-то мгновение не могла вспомнить, где находится; но постепенно до нее дошли события предыдущих трех дней, и она осознала, что находится в плену в руках Каупипи, о чьем имени и подвигах она не была в неведении, и что ропот не обеспечит ей ни освобождения, ни доброго обращения. Поэтому, проявив проницательность, которую можно ожидать от дочери Ули, и не без определенного чувства гордости, когда она подумала, что ее красота вдохновила Каупипи похитить ее, она впустила своих слуг, оделась подобающим образом, от души позавтракала рыбой, *пои*, картофелем и фруктами, а затем послала Каупипи сказать, что будет рада его видеть.

Войдя в комнату, Каупипи ожидал бури слез и упреков, но был приятно разочарован. Хина встала, поклонилась и стала ждать, когда он заговорит.

“Что я могу для вас сделать?” - любезно осведомился Каупипи **Ошибка! Закладка не определена.** тоном, в то время как едва заметная торжествующая улыбка скользнула по его красивому лицу.

“Освободи меня”, - быстро ответила Хина.

“Ты волен идти куда угодно в пределах стен Хаупу”, - ответил Каупипи, размахивая руками так, словно они обнимали весь мир.

“Верни меня к моим детям”, - сказала Хина, и при мысли о них ее глаза вспыхнули искренностью.

“Невозможно!” - последовал твердый ответ.

- Тогда убей меня! - воскликнула Хина.

- Вы когда-нибудь видели меня до того, как я имел удовольствие обнимать вас в воде на побережье Хило? - уклончиво спросил вождь.

- Нет, - коротко ответила Хина.

“Ну, я видел тебя до того раза, ” продолжал Каупипи— “ видел тебя в твоём доме; видел тебя среди пальм; видел тебя у воды. Я совершил путешествие по суше из Пуны, чтобы увидеть тебя — увидеть жену моего врага, самую красивую женщину на Гавайях”.

Хина была всего лишь женщиной, принадлежавшей к той расе и тому времени, когда порывы сердца не были скованы жесткими правилами приличия. Каупипи был красивым и выдающимся сыном короля, и его похвальные слова не были ей неприятны. Поэтому она опустила глаза в пол и молчала, пока он добавлял:

“Хина была бы невысокого мнения о мужчине, который рискнул бы своей жизнью, чтобы овладеть такой женщиной, а затем убил или выбросил ее как не стоящую того, чтобы ее содержать. Ты не похожа ни на одну другую женщину; я не похож ни на одного другого мужчину. Такое общение одобрено богами, и ты покинешь Хаупу только тогда, когда его стены будут разрушены, а Каупипи будет лежать мертвым среди руин!”

На это ужасное заявление Хина ничего не могла ответить. Свирепость этого принца из древнего рода Нанаула, этого врага ее народа, этого бича южных вождей, в равной степени очаровала и напугала ее, и, закрыв лицо руками, она опустилась на диван *капы*, возле которого только что стояла.

Шеф полиции некоторое время смотрел на нее, возможно, с чувством жалости; затем, положив руку ей на плечо, он тихо сказал: **Ошибка! Закладка не определена.**

“Ты не будешь несчастна в Хаупу”.

“ Запоеет ли птица, прикрытая тыквой? - спросила Хина, поднимая глаза. - Я твоя пленница.

“ Мой пленник не больше, чем я ваш, ” галантно ответил вождь. “Поэтому, как сокамерники, давайте сделаем все возможное из стен, которые не пропускают солнечный свет, и из ворот, которые служат преградой только для вторжения”.

“Какой храбрый и в то же время какой нежный!” - задумчиво произнесла Хина, когда Каупипи, почувствовав, что сказал достаточно, повернулся и вышел из комнаты. “Как странно приятны его слова и голос! Никто никогда так не говорил со мной раньше. Я мог бы слушать дольше”.

После этого Хина прислушалась к шагам Каупипи и жила, забыв, что была пленницей в крепости Хаупу. Его любовь мягко отвлекала ее мысли от прошлого и делала сладостными оковы, которые он делил с ней.

III.

Внезапное исчезновение Хины вызвало глубокое волнение среди жителей той части побережья Хило, откуда она была похищена. Женщины, которым позволили сбежать, с криками прибежали в дом Хакаланилео со своими горестными рассказами, и вскоре на многие мили по всей стране бушевало оружие. Когда их расспросили, все, что они смогли сказать, это то, что каноэ, наполненное вооруженными людьми, внезапно пронеслось сквозь полосу прибоя, а их хозяйку схватили и унесли в море. Это было все, что они знали.

Внезапно были снаряжены каноэ и отправлены в погоню, но к утру они вернулись с сообщением, что похитителей никто не видел. Были отправлены гонцы в прибрежные поселения Хамакуа, Хило и Пуна, но они не принесли никаких сведений о пропавшей женщине. С Ули посоветовались, но ее предсказания не увенчались успехом по той причине, как она сообщила несчастному мужу, что силы, которые предостерегали ее от брака дочери и предвещали результат, невозможно было убедить передать какую-либо информацию, которая помешала бы исполнению пророчества. Поэтому Ули сел в мрачном ожидании хода событий, а Хакаланилео приступил к систематическим поискам в группе своей пропавшей жены. **Ошибка! Закладка не определена.**

Посетив каждый район и почти каждую деревню на Гавайях, он отправился с небольшой группой сопровождающих на Мауи, а оттуда на Молокаи, Оаху, Кауаи и Ниихау и обратно на Ланаи и Кахулаве; но никаких следов Хины обнаружить не удалось. Различные вожди хорошо приняли его, и помощь была свободно предложена, а иногда и принята; но все поиски оказались тщетными, и он вернулся обескураженный на Гавайи после более чем двухлетнего отсутствия.

Но его первый поиск не был последним. В течение последующих пятнадцати лет он часто совершал путешествия на разные острова с одним и тем же поручением и всегда с одним и тем же результатом. Он приносил жертвы в храмах, давал клятвы богам и консультировался со всеми известными *каулами*, о которых ему было известно; но его подношения и обещания не смогли заручиться помощью невидимых сил, и *килосы* и астрологи не смогли извлечь из своих наблюдений ничего важного для него.

Тем временем Кана и Нихеу, сыновья Хины, повзрослели и приготовились продолжить поиски своей матери, которые Хакаланилео в конце концов оставил как безнадежные. Снова и снова бабушка рассказывала им историю похищения Хины, и так же часто они клялись посвятить свои жизни разгадке тайны ее судьбы. Ули было дозволено позаботиться о том, чтобы ее дочь выжила, но в остальном ее чары и заклинания были бесплодны. Но когда у ее внуков начали отрастать бороды, она почувствовала, что приближается время, когда тайник Хины будет обнаружен, и вдохновила их овладеть оружием и военным искусством. И на помощь им она принесла наставления о сверхъестественных силах.

Нихеу стал наделен не только огромной личной силой и мужеством, но и безошибочным стратегическим чутьем и всеми достижениями успешного военачальника. Кане были даны силы другой природы. Он мог сжимать свое тело со скоростью насекомого и расширять или удлинять его почти до бесконечности; но ему не разрешалось делать ни того, ни другого, за исключением случаев неминуемой личной опасности, поскольку эта способность редко передавалась смертным, и в данном случае была предоставлена *Каналоа* без ведома сил, которым подчинялось это божество.

Наконец, после сезона долгих и терпеливых расспросов Ули стало известно, что ее дочь была спрятана в крепости Хаупу и ее можно было вернуть только силой, поскольку она долгое время была женой Каупипи и мирно не сдавалась. Хакаланилео отнесся к такому развитию событий с

недоверием, поскольку менее трех лет назад, находясь в Калаупапе, на острове Молокаи, ему сообщили из Каупипи, что ему предлагают открыть крепость Хаупу для осмотра. Поэтому, когда его сыновья начали собирать большие силы для нападения на эту крепость, он оказал им всю возможную помощь, но отказался сопровождать экспедицию.

Прежде чем более подробно описать военные приготовления сыновей Хины, давайте кратко обратимся к изменениям, которые годы, приведшие их к взрослению, принесли другим людям, связанным с событиями этой легенды. Хина была неплохой пленницей в Хаупу почти семнадцать лет, в течение которых Каупипи продолжал свои беспорядочные нападения на вождей-узурпаторов соседних островов. Его имя стало известно всей группе, и было отбито несколько совместных атак на Хаупу — последняя с суши, возглавляемая выдающимся вождем племени мауи, с такой жестокой резней, что прилегающие ущелья были забиты убитыми. Достопочтенный Камауауа скончался, оставив управление Молокаи своему сыну Кеолоэве, который женился на Нуакеа, дочери могущественного вождя Кеаунуи с Оаху и сестре Лакони из рода Мавеке. Мой, еще один из братьев Нуакеа, присоединился к Каупипи в Хаупу и стал не только его верным другом и советчиком, но и его *каулой*, или пророком.

Паумакуа умер в очень преклонном возрасте и был похоронен в Иао, оставив свои титулы, *мелес* и имущество своему сыну Хахо; но это изменение, похоже, не повлияло на владения Хакаланилео в Хило, хотя и принесло его сыновьям некоторую поддержку в их последующей войне с Каупипи. Хахо был надменным, но воинственным вождем и отказывался признавать титулы многих местных дворян; и, чтобы окончательно унижить их, он основал *Ага-али*, или коллегия вождей, которая охватывала представителей голубой крови всей группы и оставалась в моде вплоть до начала нынешнего столетия. Чтобы быть признанным этой коллегией геральдики, каждому вождю было необходимо указать свое происхождение от предка, обладавшего неоспоримой знатностью; и когда его звание было таким образом официально установлено, никакие обстоятельства войны или мира не могли лишить его этого. **В Ошибка! Закладка не определена.существовали градации рангов и** ГИПЕРССЫЛКА \l "pb85" \o "85" \h *табу*, и все получали уважение, на которое давал им право их ранг, независимо от их мирского положения. Ни один вождь не мог претендовать на более высокий ранг, чем тот, из которого он произошел; и он не мог достичь его, хотя через брак с вождицей более высокого ранга он мог бы продвинуть своих детей до уровня матери. У *ага-алии* был язык, который не понимался простыми людьми и который менялся всякий раз, когда он становился известен *макайнана*, и они имели право при любых обстоятельствах носить знаки отличия своего ранга: венки из перьев (*лей-хулу*), накидку из перьев (*ага-ула*) и застежку из слоновой кости (*палаоа*); а их каноэ могли быть выкрашены в красный цвет и иметь вымпел. Королевским цветом был желтый.

Хотя в Каупипи, несомненно, текла кровь Нанаулы, и ему не было бы отказано в приеме в *Ага-алии*, он с презрением относился к институту дворянства, основанному Хахо, заявляя, что кровь самого основателя была облагорожена только кражами его низкородного деда. Это, несомненно, было правильно; но ненависть Каупипи к южным захватчикам не позволяла ему быть справедливым даже к их предкам.

Таково было положение дел, когда сыновья Хины начали готовиться к своей экспедиции против Хаупу. Они послали эмиссаров на Оаху и Мауи, и им было обещано существенное сотрудничество со стороны ведущих вождей этих островов, большинство из которых пострадали от набегов бича молокаи. Они собрали могучий флот из каноэ и отряд в шесть тысяч воинов. Еще столько же было обещано с Оаху и Мауи, которые, если будет получено разрешение Кеолоэвы, будут высажены на Молокаи для действий совместно с армией с Гавайев.

Поскольку нападение на Хаупу со стороны моря считалось нецелесообразным, даже с учетом превосходящих сил, которые были организованы против него, на Молокаи были отправлены гонцы, чтобы убедить Кеолоэву разрешить части объединенных армий высадиться на южной стороне острова и атаковать крепость с горы. Его симпатии были на стороне его брата, и он колебался; но когда он узнал о грозных силах, организующихся для захвата Хаупу, он осознал, что не в состоянии успешно противостоять движению, и, заверив, что его подданных никто не потревожит и не разграбит в их собственности во время конфликта и что армии вторжения будут выведены с острова в конце кампании против Хаупу, он согласился на высадку. Если бы он знал истинные мотивы нападения, он посоветовал бы своему брату выдать свою прекрасную пленницу и спасти обоих от возможной гибели; но, понимая, что бесчинства Каупипи стали невыносимыми и что вожди больших островов наконец объединились, чтобы сокрушить его, ради его собственной безопасности он почувствовал себя вынужденным предоставить его судьбе.

Это решение принято с учетом рекомендаций Каупипи. За много дней до этого его верный *каула* сообщил ему о приближающемся вторжении, о союзе вождей против него и сомнительном исходе борьбы; и прежде чем гонцы достигли его брата, он отправился к нему и посоветовал ему не оказывать сопротивления высадке его врагов на острове. “Сопротивление было бы бесполезно,” утверждал Каупипи, “потому что мои враги наступают с огромной силой. Я убил их и опустошил их земли, и в одиночку отвечаю за последствия. Не ссорься со мной, но сохрани для нашей крови имущество наших отцов”.

“Возможно, вы правы, - сказал Кеолоэва, - но почему бы вам не покинуть Хаупу и не спасти себя, если вы не в состоянии удержать его?”

“Никогда!” - воскликнул Каупипи. “Более двадцати лет его стены стояли между мной и моими врагами, и я не покину их сейчас. У меня есть тысяча храбрецов, которые восторжествуют или умрут вместе со мной. Если Хаупу будет взят, пойди и пересчитай трупы у его стен, и ты не покраснеешь, увидев, как погиб сын Камауауа!”

“Так да свершится воля богов!” - ответил брат. “Но мы можем больше не встретиться”.

— Верно, - ответил Каупипи со странной улыбкой, - верно, мой добрый брат, потому что мою гробницу в Хаупу нужно украсить до прихода скорбящих.

“От моего имени примите все, что потребуется для вашей защиты”, - сказал Кеолоэва, все еще держа за руку своего брата, словно не желая расставаться с ним. “Мое сердце, если не рука, будет с вами!”

“Мы будем хорошо подготовлены”, - сказал Каупипи на прощание; и прежде чем он достиг вершины *нали* по возвращении в Хаупу, посланцы с Гавайев высадились в Калаупапе. **Ошибка! Закладка не определена.**

Благодаря этой уступке Кеолоэвы подготовка к кампании была проведена быстро. Основная часть объединенных сил должна была сосредоточиться в Каунакакаи, на северной стороне острова, и двигаться под верховным руководством Нихеу, в то время как большой отряд, включающий лучших моряков нескольких квот, должен был блокировать морские входы в Хаупу, уничтожить каноэ в крепости, чтобы предотвратить побег или помощь, и в целом сотрудничать с сухопутными войсками. Эта опасная служба была доверена командованию Каны.

В назначенное время гавайская армия отплыла на Молокаи на флотилии из более чем тысячи двухсот каноэ, многие из которых двухместные и везут большой запас провизии. К помощи богов были призваны многочисленные жертвоприношения, и предзнаменования были благоприятными.

В одном из больших двухместных каноэ находился Ули. Ее фигура согнулась от старости, а волосы, белые, как пена, покрывали плечи, как мантия. В юности она была известна своей статностью и красотой; но возраст и заботы уничтожили все следы ее ранней привлекательности, а морщинистое лицо и черные глаза, блескующие сквозь пряди длинных седых волос, придавали ей вид человека, который имеет дело с вещами, которых следует опасаться. Она была окружена талисманами и изображениями, а перед ней, в окруженном камнями очаге из глины, постоянно горел огонь, в который она время от времени бросала камедь и маслянистые смеси, испуская клубы благовоний. Ее каноэ последовало за каноэ сынов Хины с их жрецом и богом войны и красным вымпелом на верхушке мачты; и когда флот вышел в океан с тысячами весел в волнах и тысячами копий в воздухе, Ули поднялась на ноги и начала дикуую боевую песнь, которая была подхвачена следующим воинством и разнеслась далеко по водам.

На следующий день несколько экспедиций оставили различные лазейки на побережьях Оаху и Мауи - ни одна из них не приближалась по численности к гавайской армии, но вместе они пополнили силы вторжения девятьюстами каноэ всех размеров и примерно четырьмя тысячами воинов. Все они достигли пристани в Каунакакаи в день, назначенный для их прибытия, и Нихеу оказался под командованием десяти тысяч воинов и более чем двух тысяч каноэ. Никогда прежде на Молокаи не видели скопления такого количества копий; но людей заверили, что им не причинят вреда ни лично, ни имуществу, пока они остаются мирными, и условия **Ошибка!** **Закладка не определена.** соглашения с Кеолоевой неукоснительно соблюдались. Среди захватчиков люди нашли много друзей и родственников, поскольку сношения между островами в то время были свободными и частыми; и хотя их симпатии были на стороне Каупипи, вскоре они стали рассматривать планируемый захват Хаупу как большую игру в *конане*, разыгрываемую по соглашению между двумя чемпионами, во время которой зрители должны были хранить молчание и не вносить никаких предложений.

Палатки вождей, вокруг которых располагались лагерь их последователи, тянулись вдоль берега более чем на две мили, в то время как пляж на большем расстоянии был окаймлен каноэ, многие из которых были побольше, выкрашенные в красный цвет и с яркими вымпелами из крепкой *капы*. Поскольку грабеж был запрещен, припасы в виде вяленой рыбы, картофеля, кокосовых орехов, *таро*, живых свиней и домашней птицы были доставлены в значительных количествах на дополнительных каноэ; но поскольку о продолжительности кампании можно было только догадываться, были также доставлены рулоны *капы* и циновки, венки из ракушек, слоновая кость, накидки из перьев, тыквенные тыквы, механические инструменты, украшения и дополнительное оружие, которые время от времени справедливо обменивались на те припасы, которые могли понадобиться.

IV.

Поскольку все было готово к наступлению на крепость Каупипи, был созван военный совет собравшихся вождей. Среди них было несколько человек, которые были хорошо информированы о подходах к Хаупу, и основные особенности кампании были изложены без обсуждения. Сигналы и другие средства связи между двумя дивизиями были согласованы, и на следующее утро отряд из двух тысяч человек, занявший пятьсот каноэ, под командованием Каны двинулся вокруг острова, чтобы блокировать входы в Хаупу, и сразу после того, как основная армия, оставив сильный резерв для охраны каноэ и присмотра за припасами, свернула лагерь и двинулась маршем через остров к горам за крепостью. Тропы были неровными, но на рассвете следующего утра сухопутный дивизион, растянувшийся вдоль вершин холмов в двух милях позади Хаупу,

посмотрел вниз и увидел флот Каны, нарисованный широкой черной линией вокруг океанских входов в обреченную цитадель. **Ошибка! Закладка не определена.**

Тем временем Каупипи не сидел сложа руки. За каждым движением врага следили; и когда до него дошла весть, что берега Каунакакаи так запружены воинами, что невозможно назвать их количество, он мрачно ответил: “Тогда у наших копий будет меньше шансов промахнуться!”

Стены крепости были укреплены и пополнены снарядами; было заготовлено большое количество провизии, и, наконец, были возведены достаточно просторные навесы для сбора дождевой воды на случай, если сообщение с ручьями в ущельях внизу будет прервано. Прежде чем враг достиг позиций, полностью отрезав отступление из крепости, Каупипи созвал своих воинов и обратился к ним таким образом:

“Воины и друзья! — ибо в Хаупу действительно все воины и друзья! — в течение многих лет вы разделяли опасности Каупипи и никогда не ослушались его. Послушайте теперь его слова и внимательно отнеситесь к ним. Могучая армия собирается окружить Хаупу с суши и моря. Он уже омрачает берега Каунакакаи и скоро загремит у наших ворот. Борьба будет долгой и отчаянной и может закончиться поражением и смертью большинства из нас или всех нас. Я не могу приказывать, не могу даже просить вас подвергнуться такой опасности ради меня. Ворота открыты. Пусть с моей доброй волей уйдут все, чьи жизни им дороги. Пусть ваши действия немедленно дадут ответ, ибо враг приближается, и нельзя терять времени!”

Мгновение ни один воин из тысячи присутствующих не двигался. Все стояли, уставившись на своего вождя и недоумевая, почему он сомневается. Затем сбивчивый гул голосов, становившийся все громче и громче, перерос в дружный крик “Закройте ворота!”, и Каупипи получил ответ. И никогда не было дано более смелого ответа, чем тот, который исходил из мужественных сердец и незапятнанных уст тысяч бесстрашных защитников Хаупу. Ворота были закрыты, ни один воин не пропал без вести, и вскоре крепость была окружена врагами.

Остановив свою армию на вершине горы, возвышающейся над Хаупу, Нихеу отправил гонца в крепость с мирным сигналом, чтобы с уверенностью выяснить, находится ли там в плену Хина, и, если да, потребовать выдачи пленника. Гонец благополучно вернулся с сообщением от Каупипи: “Хина в стенах Хаупу. Приходите с оружием в руках и возьмите ее!” **Ошибка! Закладка не определена.**

Связь была установлена с флотом перед Хаупу, и Кане было рекомендовано на следующее утро войти в ущелья, уничтожить каноэ в крепости и закрепиться там, если возможно, в то время как сильное подразделение сухопутных войск продвинется вниз и привлечет внимание к тыловым укреплениям, заняв позицию на расстоянии атаки.

Во исполнение этого плана рано утром следующего дня Нихеу отправил внушительные силы вниз с горы в тыл Хаупу с приказом угрожать укреплениям, но не штурмовать их. Прибыв к стенам, завязалась небольшая перестрелка, когда отряд занял позицию вне досягаемости пращников и начал возведение каменной стены поперек хребта.

Тем временем флотилия каноэ Каны, которая с рассвета подплывала все ближе и ближе к стенам Хаупу, под дикий боевой клич окружавших их воинов внезапно ринулась сквозь полосу прибоя, и ей частично удалось совершить посадку в одном из ущелий, окружающих крепость. Движение было настолько быстрым, и внимание осажденных было настолько поглощено отвлекающим маневром с гор, что одному подразделению атакующего отряда удалось добраться до каноэ у крепости, а другому - закрепиться среди скал на противоположной стороне ущелья, прежде чем

встретиться с серьезным сопротивлением. Десятка два воинов, оставленных охранять каноэ у крепости, были быстро одолены и перебиты, а затем началась разрушительная работа. Расшатанными камнями и тяжелыми каменными молотами каноэ спешно разбивали на куски, включая большую боевую баржу "Каупипи", когда со стен над эсминцами обрушилась ошеломляющая и смертоносная лавина камней всех размеров и тяжелых кусков древесных стволов. Когда снаряды покатались вниз по крутому склону, проносясь почти в одно и то же время на двести ярдов или больше в длину, земля задрожала, как при землетрясении, и ущелье наполнилось густым облаком пыли.

Грохот лавины прекратился, и в наступившей ужасной тишине Каупипи во главе двухсот воинов бросился вниз по узкой тропинке, ведущей со средней террасы, чтобы завершить ужасную работу копьем, ножом и боевым топором. Зрелище было ужасающим даже для вождя Хаупу. Ущелье было завалено телами умирающих. Охваченные паникой, **Ошибка! Закладка не определена.** те, кто находился на противоположном склоне холма, покинули свое единственное безопасное место и в большом количестве погибли, пытаясь добраться до своих каноэ. Те немногие, кто остался в живых и мог отступить, отчаянно пытались выбраться в море из ущелья на тех каноэ из своего разбитого флота, которые еще могли плавать, или отчаянно ныряя в прибой.

С ликующими криками Каупипи и его воины перепрыгнули через своих мертвых и умирающих врагов и обрушились на безоружные и убегающие остатки захватчиков. Хотя значительный резерв каноэ пришел им на помощь извне, защищенный от нападения сверху присутствием Каупипи и его отряда, большинство беглецов были бы отрезаны, если бы не экстраординарные усилия Каны, который возглавлял атакующий отряд, но чудом остался невредимым. В прибое, у глубокого входа в ущелье, везде он двигался, держа голову и плечи над водой. Он помогал каноэ преодолевать буруны, спасал измученных и тонущих пловцов, а со дна океана нагибался и собирал огромные камни, которыми время от времени швырял в воинов Каупипи, чтобы держать их в узде. Эти удивительные подвиги повергли нападавшую сторону в благоговейный трепет, и еще большим было их изумление, когда они увидели, как странное существо наконец прошло по глубоким водам, выпрямившись и обнажив голову и грудь, и садится в каноэ примерно в полумиле от берега. Повернувшись к своим воинам, Каупипи ответил на их вопросительные взгляды следующими словами: "Это Кана. Я слышал о нем. Я рад, что он спасся".

Кана вернулся со своим разбитым флотом и еще более разбитой армией в Каунакакай. Поскольку большая часть его каноэ была уничтожена, Каупипи не смог последовать за отступающим врагом в море, но, услышав крики конфликта наверху, сразу же направился со своими воинами к крепости, чтобы помочь отразить атаку на заднюю стену, которая была поспешно начата, чтобы спасти, по возможности, морской отряд от уничтожения. Поскольку Каупипи находился впереди, атака была быстро отбита, противник в замешательстве отступил за линию обороны, с которой велось наступление.

Раненые в ущелье были отправлены, шестеро наименее пострадавших были оставлены для жертвоприношения, и следующей ночью крепость Хаупу пылала дикой радостью. В качестве первых плодов побед того дня шестеро раненых пленников были убиты дубинками и возложены на алтарь *хейау* в качестве подношений богам, а в ночном воздухе раздавались призывы к неповиновению поверженному врагу за стенами.

Эти бедствия не обескуражили Нихэу. Каноэ крепости были уничтожены, и это было своего рода компенсацией за потерю почти двух тысяч его лучших воинов и значительной части флота. От планов дальнейших атак с моря отказались, и была предложена обычная осада с последним входом через заднюю стену, которая в конце концов была одобрена вождями на совете.

Линии пикетов были соответственно размещены вдоль вершин гор, окружающих крепость, чтобы предотвратить проникновение в нее подкреплений или припасов, а основная часть атакующих сил была отведена вниз и размещена на позициях на расстоянии вытянутой руки от задней стены. Это было сделано не без потерь, поскольку на стене работали опытные пращники; но менее чем за неделю осаждающие продвинули свою основную линию деревянных укреплений на расстояние ста шагов от заднего бастиона крепости и с каждым днем наращивали оборону.

Эта подвижная линия нападения и защиты была устройством столь же изобретательным, сколь и эффективным. Бревна длиной двадцать футов, или соответствующие высоте стены, были прочно скреплены друг с другом, пока не протянулись через узкую вершину, ведущую к крепости. К верхушке каждого четвертого или пятого бруса была прикреплена подвижная скоба длиной тридцать футов, а затем деревянная стена была поднята в воздух почти вертикально и надежно удерживалась в этом положении с помощью ряда поддерживающих скоб. Это было грозное на вид сооружение. Против него снаряды осажденных падали безвредно, и за ним осаждающие работали в безопасности.

Секция за секцией, фут за футом продвигалась эта движущаяся линия бревен, пока воины на стене не смогли почти коснуться ее своими копьями. Было предпринято несколько отчаянных вылазок, чтобы разрушить или повергнуть его, но ничего, кроме перерезания нескольких нижних креплений, достигнуто не было; и защитники Хаупу, крепче сжав свое оружие, мрачно ожидали последнего штурма, который, как они чувствовали, не заставит себя долго ждать. День за днем, ночь за ночью они наблюдали, но деревянная стена не двигалась, и они могли только догадываться о том, что происходит за ней. **Ошибка! Закладка не определена.**

Наконец наступила ночь чернильной тьмы — ночь, “такая же темная, как самые дальние пределы *По*”, — принес с собой штормовой ветер и дождь. В разгар бури деревянная стена начала двигаться, но так бесшумно, что часовые крепости не заметили этого продвижения. Наступила и прошла полночь; буря продолжалась, и все ближе и ближе к каменной стене теснилась стена из дерева. Как только на востоке забрезжил рассвет, основания двух стен сошлись, причем наклон обеих стен назад оставлял их на расстоянии нескольких футов друг от друга в верхней части. Затем сотни мужчин взялись за скобы, и через мгновение деревянная стена была опрокинута и уперлась в другую.

Внутри подняли тревогу, и воины со всех концов ограды бросились к угрожаемой стене. Но движение их врагов было не менее быстрым. Они ворвались наверх в таком количестве, что те немногие, кому удалось добраться до верха стены изнутри, были сброшены с нее, а вслед за ними хлынул водопад копий, против которого силы противника были бессильны. Огромный камень был откатан, ворота открыты, и вскоре верхняя терраса была расчищена, и пять тысяч воинов во главе с Нихеу лично устремились вниз, чтобы завершить свою кровавую работу.

Но их победа досталась недешево. Они убили двести или триста человек на стене и вокруг ворот, но втрое больше, под отчаянным предводительством Каупипи, были вытянуты стеной поперек средней террасы, с решимостью бороться за каждый шаг ценой своей жизни. Возможно, они могли бы спастись бегством по тропинкам, ведущим с той террасы к ущельям; но они предпочли умереть, как жили долгие годы, защищая Хаупу.

Вниз по террасе в сером утреннем рассвете неслась победоносная орда. Нихеу тщетно пытался сдерживать своих воинов, ибо знал, что основные силы крепости все еще перед ним, и благоразумно двинулся бы вперед; но голоса предводителей потонули в боевых криках бушующей толпы, которая через несколько минут врезалась в стену копий и боевых топоров Каупипи и откатилась назад, как штормовая волна, разбившаяся о фронт Хаупу. Но остановка была лишь

кратковременной, потому что сразу за разбитой колонной был лес наступающих копий, и с диким шумом криков и **Ошибка! Закладка не определена.**лязгая оружием, все силы были брошены на тонкие, но решительные линии обороны Каупипи.

Резня была ужасной, но неравный конфликт мог привести только к одному результату. Каупипи и пятьдесят или меньше оставшихся на ногах его последователей теснились, сражаясь шаг за шагом, к нижней террасе, а оттуда к *хиау* и, наконец, к храму как последнему месту обороны. Там борьба была недолгой. Крыша храма была подожжена, и когда Каупипи и последний из его преданного отряда выпрыгнули из пылающего здания, чтобы умереть у горла своих врагов, они были сражены дротиками в воздухе. Копье пронзило грудь Каупипи. В качестве последнего действия он занес свой *противник*, чтобы метнуть в вождя в шлеме, который только что пробился вперед. Вождем был Нихеу. По его одежде или лицу, которое имело сходство с чертами Хины, Каупипи, должно быть, узнал его. Он посмотрел, но его рука не шевельнулась. “Не ради тебя, а ради нее!” - воскликнул умирающий воин, роняя свое оружие на землю и безжизненно падая рядом с ним.

Ни одному из защитников Хаупу не удалось спастись, но более половины армии Нихеу погибло в ходе различных штурмов крепости. Хину нашли невредимой, и, хотя она испытывала огромную радость в объятиях своих сыновей и престарелой матери, она оплакивала смерть Каупипи, который своей любовью облегчил ее долгое заключение.

Тело Каупипи было передано Кеолозве для погребения, как и останки Мои, который пал одним из последних. Стены Хаупу были сровнены с землей, чтобы никогда больше не возводиться, и Хина вернулась к своему мужу в Хило после почти восемнадцатилетней разлуки, положив таким образом конец одной из самых романтических легенд раннего гавайского рыцарства. **Ошибка! Закладка не определена.**

КОРОЛЕВСКИЙ ГОРБУН.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАНИПАХУ, король Гавайев.

КАЛАПАНА, сын Канипаху.

КАМАЙОЛЕ, узурпатор трона, вождь Кау.

ИОЛА, сестра Камайоле.

МАКЕЯ, дочь Иолы.

ВАЙКУКУ, военный вождь, похититель Иолы.

НАНОА, глава королевского двора.

Ошибка! Закладка не определена.

КОРОЛЕВСКИЙ ГОРБУН.

ЛЕГЕНДА О КАНИПАХУ, ВНУКЕ ПИЛИ.

Я.

Примерно в период 1160 ГОДАН.э. Канипаху был номинальным правителем острова Гавайи. Он был внуком Пили, который в конце прошлого столетия прибыл с Самоа по просьбе верховного жреца Паао, чтобы занять *пост мойши*, освободившийся после смерти Капавы, чей дед, вероятно, был первым из южных вождей, прибывших на гавайскую группу во время важных миграционных перемещений одиннадцатого и двенадцатого веков.

Хотя на суверенитет всего острова претендовала семья Пили, во времена Канипаху часты были беспорядки, и несколько местных вождей старого рода Нанаула, которые господствовали в группе почти шесть столетий, отказались присягнуть новой династии. Чтобы укрепить свою власть и умиротворить местных вождей и народ, Канипаху взял в жены Хуалани, пятую по происхождению от Мавеке из рода Нанаула, а впоследствии и Алайкауа, которая, вероятно, происходила из того же рода.

The *макайнана*, или простые люди, однако, по-видимому, были более довольны своими новыми правителями, чем их бывшие вожди, которых сменила власть, и поэтому с трудом удалось пробудить их к сопротивлению политическим условиям, которые не налагали на них никаких тягот, которых они не несли при своих старых правителях, и никакой ответственности, с которой они уже не были знакомы. И, кроме того, пришельцы с юга ввели новые законы, новые обычаи и новые продукты земледелия, а также новых богов и новые формы поклонения. Они привезли с собой *кеке*, или священный барабан, и *пулулу*, или неприкосновенный посох *табу*, увенчанный шариками из белой или черной *капы*. Они также учредили титул *мой*, или верховного правителя, в то время как несколькими островами ранее управляли десятки независимых вождей, **Ошибка! Закладка не определена.** каждый претендовал и удерживал настолько большой округ, насколько был в состоянии защитить. Они учредили *ахалии*, или коллегия вождей, благодаря которой ранг каждого дворянина мог получить признание и быть увековечен в его семье. Они построили более грандиозные *heiaus*, или храмы, и лишили население возможности совершать многие из своих религиозных церемоний. *Табу* вождей и жрецов были расширены и стали более строгими, а жречество стало более могущественным и независимым. Личности *моих* и верховных вождей стали более священными, и они выполняли свои функции с большей демонстрацией и показухой.

Однако эти дополнительные требования со стороны новых правителей были частично, если не полностью, компенсированы трудящимся массам защитой, предоставленной им в результате политических перемен, от притеснений их мелких вождей и землевладельцев; и поэтому вероятно, что в целом их социальное и промышленное положение было столь же сносным при новом, как и при старом или туземном *режиме*.

Канипаху жил в основном в Кохале, где поселился его дед, и построил особняки, соответствующие его суверенному государству. И именно там первосвященник Паао, который

привел Пили в группу, обосновался сам и его семья, после того как впервые высадился в Пуне и воздвиг своему богу храм Вахаула, руины которого до сих пор можно увидеть недалеко от деревни Кахавалеа. После прибытия Пили, вероятно, Паао переехал с ним в более густонаселенный район Кохала и остался там в качестве его верховного жреца и советника. В Пууэпе он воздвиг большую *башию* Мукини, камни для которой передавались из рук в руки из Ниулии, на расстоянии девяти миль — обстоятельство, указывающее на присутствие большого населения на Гавайях в то время. Поскольку это был один из самых больших храмов в группе — его стены, окружающие неправильный параллелограмм, имели общую длину 817 футов, высоту 20 футов и ширину 8 футов вверху, — должно быть, потребовалось огромное количество труда, чтобы транспортировать материал по такой длинной и неровной дороге, и не было более эффективного приспособления, чем человеческие мышцы. Но стены построены так хорошо, что стоят и по сей день, и всего несколько лет назад из тайного склепа в стене на южной стороне *хейау* были извлечены и до сих пор хранятся два тонко отполированных каменных диска **Ошибка!** **Закладка не определена.** диаметром восемь или десять дюймов, которые, не исключено, были двумя странными идолами, которых, согласно преданию, Паао привез с собой по великим водам из Уполу и которые были спрятаны каким-то верующим *кахуили* слуга *хиау*, когда древнее поклонение народа было отменено вторым Камехама в 1819 году.

Канипаху был справедливым и внимательным сувереном и стремился любыми мирными средствами согласовать противоречивые интересы вождей и укрепить свою власть. С этой целью, как уже говорилось, он вступил в брак с родом вождей Нанаула и присоединил к своей персоне и дому ряд видных дворян местного происхождения. Результатом было то, что в течение нескольких лет он правил в мире, и расовая зависть постепенно угасала, когда произошло обстоятельство, которое внезапно положило конец правлению Канипаху и отправило его в изгнание.

Был знойный полдень, незадолго до ежегодного праздника *Лоно*, возможно, в 1172 году, когда Канипаху, покончив с делами дня, возлежал на ложе из циновок в прохладной тени пальмовой рощи, огороженной стеной дворцовой территории — если, конечно, два больших деревянных здания с соломенными крышами, каждое сто или более футов в длину и сорок в ширину, с восемью или десятью домиками поменьше среди банановых зарослей позади, можно назвать дворцом. Территория была густо заросшей тенью и фруктовыми деревьями, включавшими в себя почти все ценные сорта, найденные на острове. Тут и там были тенистые дорожки и увитые виноградом укромные уголки, в которых были сооружены грубые скамейки; и поскольку часовые лениво развалились у входа, а *каху* короля лениво справляли свои нужды, сцена являла собой картину королевской власти и варварского комфорта, характерных для островов Полинезии, но едва ли менее впечатляющих, чем формы и архитектурное окружение ярлов и принцев северной и центральной Европы того периода. Каждый из личных слуг короля принадлежал к низшей знати, и его должность была почетной. Над головой дремлющего монарха *носитель* пааакахили, *или*кахили, *через короткие промежутки времени размахивал пучком раскрашенных перьев, в то время как на почтительном расстоянии стояли носитель плевательницы (ипакуха) и главный распорядитель (аипуупу).*.....

Король был внезапно разбужен шумом у внешних **Ошибка! Закладка не определена.** Послышались сердитые голоса, смешанные со звоном копий, и сразу же после этого высокий вождь, одетый в *маро*, накидку из перьев и шлем, с крепким *копьем* в руках, направился к королевскому особняку, сопровождаемый несколькими возбужденными вождями и их слугами. Добравшись до дворца, вождь повернулся и с вызовом посмотрел на своих шумных преследователей. Проливать кровь было преступлением, на которое никто не был достаточно смел или безрассуден, и после того, как одного из них сначала отправили к королю, чтобы удостовериться в его благоволении, вся группа вождей отправилась в королевское присутствие, оставив свое оружие в руках стражников, которые поспешили к месту беспорядков.

Вид пейзажа — по дороге в Килауэа, Гавайи.

Низко поклонившись королю, который принял сидячее положение на своем ложе, вожди ждали, когда он нарушит молчание. Медленно оглядев своих слушателей, всех, кроме одного, которых он знал и которым доверял, Канипаху, наконец, остановил взгляд на лице незнакомца и тихо сказал:

“ Твое лицо мне незнакомо. Кто ты и что привело тебя сюда?

- Великий вождь, я Камайоле, вождь Кау, - последовал ответ, - и я прибыл в Кохалу в поисках моей сестры Иолы, которую украли и привезли сюда в конце последнего сезона дождей.

- Ты нашел ее? - спросил король.

“Я нашел ее”, - ответил Камайоле, склонив голову.

- Кто увез твою сестру из Кау? - спросил король.

“Этот человек, - сказал Камайоле, указывая на одного из присутствующих вождей, - по крайней мере, я так предполагаю, поскольку его видели в Кау примерно во время ее исчезновения, и я нашел ее у него здесь”.

Назначенный вождь был крупным и благообразным молодым человеком с вытатуированными пальмами на мускулистых бедрах и множеством безвкусных украшений на шее. Он был *али коа*, или военным вождем, без имущества и на службе у короля, с которым состоял в дальнем родстве. Повернувшись к нему, Канипаху сказал:

- Говори, Вайкуку, и отвечай на слова вождя Кау.

Свирепо взглянув на Камайоле, Вайкуку поклонился королю и ответил:

“Это правда, что Иола приехала со мной из Кау, куда я ездил **Ошибка! Закладка не определена**.навестить брата моей матери; но она приехала добровольно, хотя, признаюсь, и без согласия Камайоле”.

- В Вайкуку течет кровь благородных вождей, - сказал король примиряющим тоном. - Почему бы не позволить твоей сестре, раз такова ее воля, остаться с ним в мире?

- Она может остаться, - последовал мрачный ответ Камайоле.

“ И пусть она останется! ” с горечью воскликнул Вайкуку. “ Иола мертва! Сегодня, всего несколько мгновений назад, ее жестокий брат нашел и собственноручно убил ее!”

- Убил ее? - переспросил король.

- Да, убил ее, - продолжал Вайкуку. - и если бы не то, что ее трусливый убийца искал защиты в королевской ограде, мое копьё почувствовало бы вкус его крови!

- Говори и приведи вескую причину этого убийства жены Вайкуку, - сказал король, сурово обращаясь к Камайоле, - или, клянусь великим *Лоно*! Я больше не буду командовать твоим лицом!”

Когда военнопленный или преступник предстал перед древним гавайским королем, если тот отдавал приказ “Лицом вниз!”, пленника уводил и тут же убивал один из королевских палачей; но если приказывал “Лицом вверх!”, ему сохраняли жизнь либо для полного прощения, либо для рабства, либо для принесения в жертву богам.

Не обращая внимания на угрозу короля, но сгорая от гнева из-за оскорбительного языка вайкуку, Камайоле гордо ответил:

“Я из *племени аха-алии* с Гавайев. Мои боевые каноэ красные, и на концах их мачт развеваются вымпелы. В моих жилах течет кровь Нанаулы, и мои предки были из *алии-нуи* — были здешними королями за несколько поколений до того, как Пили высадился в Кохале или паумакуасы взорвали берега Хило. С подобающим званием моей целью было жениться на моей сестре. Но она тайно стала женой мародера *пууку*— возможно, силой, возможно, под обаянием лжи и блеска раковин — и я последовал за ней и убил ее, чтобы ее кровь и моя кровь не осквернились от смешения с кровью вайкуку!

-*Пуууку*!/- прошипел Вайкуку, взбешенный низким званием, презрительно присвоенным ему Камайоле, и враждебно угрожая говорившему.

Камайоле мгновение смотрел на Вайкуку с презрением, а затем продолжил:

“Как мне сообщили, оккупация этого Вайкуку — этого похитителя женщин - является **Ошибка! Закладка не определена**.военной. Он хвастался, что его копьё почувствовало бы вкус крови Камайоле, если бы он не искал защиты на королевских землях. Я пришел сюда не из страха перед его рукой или копьями его друзей, а чтобы объяснить королю, почему я проливал кровь на виду у королевского *замка*. Но поскольку он так смело говорит о крови и копьях, я призываю его подтвердить свои слова за стенами дворца. Это касается исключительно нас. Я готов ответить ему боевыми словами за то, что я сделал сегодня. Или, если, как я подозреваю, ему не хватает смелости подвергнуть свою воинскую выучку столь публичному испытанию, я буду отбиваться копьём от тех его друзей, одного за другим, которые, возможно, захотят высказать свою обиду.

Вожди переглянулись в изумлении от столь решительного вызова, брошенного Камайоле, и король, казалось, был поражен не меньше. Но это предложение нельзя было считать ни несправедливым, ни необычным, поскольку, согласно обычаям того времени, Камайоле отвечал перед Вайкуку за смерть Иолы.

Язвительные замечания бесстрашного вождя Кау не оставили Вайкуку ни предлога, ни оправдания для отклонения вызова, и король несколько неохотно согласился на решение вопроса путем единоборства с использованием такого оружия, которое могло быть согласовано по обоюдному согласию.

Среди членов королевской семьи, ставших свидетелями этой замечательной беседы с королем, был вождь древнего туземного рода по имени Наноа. Восхищаясь хладнокровным мужеством Камайоле и испытывая к нему что-то вроде родовой симпатии, он предложил стать его другом и советчиком в предстоящем столкновении; и в конце концов были достигнуты договоренности о том, что враждующие стороны должны были встретиться на закате в роще сразу за оградой дворца. Каждый из них должен был быть вооружен двумя копьями и дротиком. Сначала копья пускались в ход, когда сражающиеся приближались друг к другу на расстояние двадцати шагов. Поскольку они были брошены без прекращения сражения, стороны должны были перейти к ближнему бою со своими дротиками, по своему усмотрению либо бросая их, либо удерживая в руках. Никакое другое оружие не должно было использоваться, и условия встречи были таковы, что король, который предложил присутствовать, не считал вероятным, что будут человеческие жертвы, тем более что он решил положить конец бою с первым ранением, полученным кем-либо из них. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ровно в назначенное время руководители были на месте. Служащих Камайоле нигде не было видно. По его приказу они тихо покинули деревню два часа назад, и единственным другом рядом с ним была Наноа. Он сбросил плащ и шлем и стоял суровый и неподвижный на отведенном ему месте, с копьем в правой руке, а другой, с дротиком, у своих ног. С обнаженными руками и плечами, с бородой и волосами, черными, как полночь, закрывающими шею, Камайоле опирался на свое копье, являя собой образец варварской силы и отваги.

В тридцати шагах перед Камайоле стоял Вайкуку, так же вооруженный и одетый, но менее спокойный, чем его противник. Вокруг него было около десятка высших вождей, одни сплывались, другие давали ему советы; но он хранил мрачное молчание, нервно ожидая прибытия короля и приказа к действию.

Через несколько минут прибыл Канипаху в сопровождении нескольких вооруженных слуг и занял приготовленное для него место примерно на равном расстоянии от двух сражающихся. Когда было объявлено, что все готово, король подал сигнал, и вражеские вожди, продвинувшись на пять шагов каждый, в одно мгновение приготовили свои длинные копья для полета. Копье Вайкуку сначала рассекло воздух по прямой линии, нацелившись прямо в грудь его противника; но последний ловко отклонил его от своего курса прикосновением своего собственного оружия, которое он, в свою очередь, запустил в Вайкуку безрезультатно. Вторые копья были брошены, не причинив вреда ни тем, ни другим, когда они схватились за свои дротики и медленно и осторожно начали наступать. Это был волнующий момент. Поскольку каждый сжимал свое оружие обеими руками, было очевидно, что ни *он* не будет брошен, и рукопашная схватка была неизбежна.

Король подошел поближе, чтобы лучше видеть завершающуюся схватку, и зрители жадно следили за каждым движением наступающих вождей. Приблизившись на расстояние удара — дротики были около шести футов в длину — было сделано несколько ложных выпадов, и Вайкуку отважился на отчаянный выпад в грудь своего противника. Это движение, очевидно, было

ожидаемым, возможно, приглашенным, потому что острие *ихэ* молниеносно взметнулось в воздух, и в следующее мгновение Вайкуку получил удар в бок. Он упал с копьем в руке, и Камайоле уже занес оружие, чтобы поразить своего распростертого врага в сердце, когда раздался приказ короля: “Стой!” **Ошибка! Закладка не определена.**

Не обращая внимания на королевский приказ или будучи слишком взволнованным, чтобы сдержаться, Камайоле яростно вонзил свое копье в грудь Вайкуку, нанеся смертельную рану.

- Лицом вниз! - прогремел король, раздраженный явным неповиновением Камайоле его приказу.

Вожди двинулись вперед, чтобы схватить или убить преступника. Зная, что его смерть предрешена, Камайоле безрассудно занес свой *ихэ*, красный от крови Вайкуку, и с диким криком “Да, лицом вниз!” метнул его в сердце Канипаху.

С криками ярости и ужаса зрители бросились к Камайоле, большинство из них побросали свои громоздкие копья и схватились за свои *пахоа*, или кинжалы из слоновой кости или закаленного дерева, по мере приближения.

На мгновение Камайоле заколебался, защищаться ли ему насмерть копьем умирающего вождя или воспользоваться почти столь же отчаянными шансами на спасение, прорвавшись сквозь ряды окруживших его врагов. Он выбрал последнее и, схватив копье, направился к королю, намереваясь отвлечь нападавших в этом направлении. Достигнув этой цели, он внезапно повернул направо, бросился в атаку и пробил брешь в толпе в том месте, которое казалось самым слабым. Пролетая мимо линии уступов, он чудом избежал направленных на него ударов копьем и ножом, и ему удалось оказаться вне досягаемости копья и пращи, прежде чем было предпринято настоящее преследование.

Дротик, брошенный в короля, попал в плечо верного слуги, который вовремя оказался перед своим царственным повелителем; и последующие движения были такими быстрыми и сбивающими с толку, что Канипаху едва успел оправиться от ужаса, вызванного дерзким посягательством на его жизнь, как узнал, что Камайоле сбежал. Отдав приказ энергично преследовать беглеца, король подошел к телу Вайкуку и, обнаружив, что жизнь угасла, распорядился почтительно убрать его, а затем печально направился в королевский особняк.

Камайоле не был настигнут. Он был силен и быстроходен, и, поскольку темнота вскоре выступила в его пользу, он смог ускользнуть от преследователей. Он благополучно добрался до берега и, сев в ожидавшее его каноэ под присмотром своих слуг, отплыл в Кау. Это положение о поспешном бегстве из Кохалы делает **Ошибка! Закладка не определена.** несомненной, что Камайоле готовился к отчаянной работе по приземлению там, и его последующие подвиги показали, насколько успешно он это выполнил.

II.

Камайоле предположил, что он убил свою сестру, и Вайкуку, который видел ее незадолго до своей злополучной встречи, подумал, что жить ей осталось всего несколько минут; но нанесенные раны оказались не смертельными, и Иола наконец выздоровела и стала матерью дочери своего покойного мужа. Традиция приписывает ее выздоровление особым молитвам первосвященника, но тщательный уход и хорошее телосложение, вероятно, были спасительными средствами,

которым способствовало счастливое избавление жизненно важных органов от серьезных повреждений.

Вернувшись в Кау, Камайоле сразу же начал готовиться к войне, не сомневаясь, что Канипаху, которому бросили вызов и подверглись нападению у самых ворот королевского особняка, сочтет своим долгом привести его к покорности. Разослав эмиссаров по нескольким округам, он обратился к туземным вождям и народу с призывом присоединиться к нему в восстании против Канипаху с целью передачи суверенитета над островом правителю из старой династии Нанаула и восстановления для них простого поклонения своим отцам и владений, отнятых у них южными захватчиками.

Апелляция не осталась без эффекта. Значительная помощь была обещана в Коне, Кау, Пуне и Хило, и менее чем через три месяца Камайоле оказался во главе армии, достаточно многочисленной, чтобы не только защитить его в Кау, что, несомненно, было первоначальной целью движения, но и перенести войну в Кохалу и произвести всеобщую революцию.

Каковы бы ни были планы Канипаху относительно мятежного вождя Кау, он, безусловно, не спешил приводить их в исполнение, поскольку, когда Камайоле прибыл в Кохалу во главе своих войск, ему оказали лишь слабое сопротивление. Традиция не в состоянии объяснить апатию Канипаху перед лицом грозящей ему высшей опасности. Все, что нам говорят, это то, что, обнаружив невозможность собрать армию, достаточно сильную, чтобы подавить грозное восстание, он оставил своих сыновей у надежного друга в долине Вайману, в районе Хамакуа, и искал убежища для **Ошибка! Закладка не определена.** себя на острове Молокаи. Июла, опасаясь встречи со своим братом или того, что он может узнать, что она все еще жива, также нашла убежище у юных сыновей Канипаху в уединенной долине Вайману.

Таким образом, Камайоле принял суверенитет Гавайев почти без сопротивления, а Канипаху жил тихо и никому не известный в Калае, на маленьком острове Молокаи. Он одевался и вел себя как простой простолудин, выполняя свою собственную работу, неся свое собственное бремя и принимая все трудности, которым подвергались бедняки и безымянные. Он завоевал любовь своих соседей своей добротой и дважды брался за оружие, чтобы помочь им отразить грабительские набеги с Мауи; и он так хорошо владел своим оружием, что его скромные друзья были поражены и подумали, что он, должно быть, обучен военному искусству, даже если он не принадлежал к знати. Хорошо известно, что вожди, как класс, были физически крупнее масс, настолько, что они заявляли и до сих пор заявляют о происхождении, отличном от происхождения простых людей. Канипаху был ближе к семи, чем к шести футам ростом, и его габариты наводили на мысль о высоком положении; но он обычно сутулил голову и плечи, чтобы его рост не привлекал столько внимания, и трудился усерднее, чем кто-либо из его соседей, чтобы убедить их, что он приучен к тяжелому труду. И в конце концов, по мере того как шли годы, тяжелый труд стал для него утешением, ибо занимал его мысли и дарил освежающий сон без сновидений.

Давайте теперь перейдем к восемнадцатилетнему периоду, прошедшему с момента присоединения Камайоле к суверенитету Гавайев. Канипаху все еще был чернорабочим на острове Молокаи, а его сыновья повзрослели в уединенной долине Вайману, их ранг и семейные связи были известны лишь немногим, кому можно было доверять. Одного из этих сыновей звали Калапана, и он женился на Макее, дочери Иолы. Ее отцом был покойный Вайкуку, а дядей - Камайоле, *мой* с Гавайев.

Правление Камайоле длилось восемнадцать лет почти непрерывных внутренних неурядиц и народного недовольства. Он был жесток, эгоистичен и высокомерен; но он также был хладнокровным и проницательным солдатом, и его мастерство и храбрость до сих пор позволяли

ему срывать организацию недовольных и добиваться повиновения своей власти. Ему даже удалось заручиться преданностью каждого видного вождя в шести округах Гавайев — политическое условие, **Ошибка! Закладка не определена.** такого никогда прежде не удавалось добиться ни одному из его предшественников.

Повсеместные изменения в феодальных порядках были основными причинами внутренних беспорядков. При династии Пили границы земель местных вождей были значительно сдвинуты и сужены, чтобы освободить место для вождей нового *режима*. Пытаясь восстановить старые феодальные границы, насколько это было возможно, и приспособить новые, Камайоле не только разжег ожесточенные раздоры среди знати, но и невольно нарушил вассальную зависимость масс и тем самым сделал все классы беспокойными и недоверчивыми.

В конце концов недовольство стало настолько всеобщим среди *макайнана*, что они обратились к главе семьи Паао, верховному жрецу королевства, за советом и помощью. Они заявили, что больше не намерены подчиняться тирании Камайоле и поборам его любимых вождей, и потребовали нового правителя. Традиция приписывает это движение почти полностью рабочему народу, но более чем вероятно, что жречество приняло в нем раннее, если не инициаторское участие, поскольку первосвященник, по-видимому, знал, что Канипаху все еще жив, и сразу же отправил гонца на Молокаи, сообщив изгнанному королю, что народ созрел для восстания, и посоветовав ему немедленно отправиться на Гавайи и встать во главе тысяч недовольных, которые будут радоваться его приходу. Опасаясь предательства, Канипаху отказался давать какие-либо обещания посланнику, и, переодевшись, верховный жрец сам отправился в Калаэ и убедил старого вождя вернуться и восстановить свою власть на Гавайях.

Канипаху был глубоко тронут словами первосвященника и больше не сомневался в искренности и добросовестности заманчивого предложения; но он отказался принять его и, когда ему объяснили причины, печально поднялся на ноги и сказал:

“Взгляните на эти руки, огрубевшие и искривленные тяжелым трудом; взгляните на это лицо, почерневшее и сморщенное от воздействия солнца и дождя; взгляните на мою склоненную голову и неприглядный горб, который старость и сутулый труд наложили на мои плечи! Это фигура короля? Нет! *Оо* сейчас больше подходит руке Канипаху, чем посоху суверенитета. Здесь я счастливо прожил много лет, и здесь я желаю мирно умереть”. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Значит, у нас нет надежды”, - ответил священник с неподдельной грустью.

“Нет, не без надежды”, - ответил Канипаху. “Мои сыновья находятся в долине Вайману. Я много раз получал от них известия. Они достойны своей крови. Разыщите Калапану. Он храбр, мужествен, проникателен. Скажи ему, что Канипаху, его отец, возлагает на его плечи бремя войны против Камайоле и заранее завещает ему все, что может быть завоевано его доблестью, даже суверенитет Гавайев”.

“Ты прав, великий вождь!” - сказал священник. “У нас есть надежда. Калапана ответит за своего отца, и из каждой *школы* на Гавайях будут возноситься молитвы за его успех”.

Священник получил указания, необходимые для общения с сыновьями Канипаху, и тайно вернулся на Гавайи, чтобы раздуть тлеющий огонь восстания и подготовиться к предстоящей борьбе.

Хотя верховное жречество слишком прочно утвердилось в семье Паао, чтобы Камайоле мог его сменить, он не мог скрыть своей неприязни к нововведениям, внесенным южной линией в более

простое богослужение его отцов, и между политическими и религиозными властями не было ни доверия, ни сердечности. Таким образом, восстанию против Камайоле тайно, но искренне помогало все духовенство, и когда Калапана поднял знамя восстания, люди тысячами устремились к нему на поддержку.

Восстание было организовано с необычайной быстротой, и когда Калапана внезапно появился в Кохале во главе большой армии, Камайоле был не в состоянии встретиться с ним. Он поспешно отправил своих *лунапай*, или военных гонцов, к вождям Кохалы, Коны, Хамакуа и Хило, приказав им оказать немедленную помощь, и призвал жрецов и прорицателей из *хиау* Мукини принести необычные жертвы богам и немедленно сообщить ему предзнаменования восстания. Но вожди без особого энтузиазма откликнулись на его призыв, и прорицатели сообщили ему, что победа его оружия возможна только в Коне. Поэтому Камайоле покинул Кохалу и с теми силами, которые смог собрать, отступил в Северную Кону, где отрядам воинов из соседних округов было приказано присоединиться к нему.

На фоне большого народного энтузиазма Калапана без сопротивления вошел в **Ошибка!**

Закладка не определена. Канипаху не переоценил способностей своего сына. Инстинктивно он был солдатом, и с того момента, как он появился во главе своей армии, вожди, которых жречество сплотило для его поддержки, увидели, что тихий и мечтательный отшельник Вайману стал командовать; и их энтузиазм в его деле, который вскоре разделил народ, облегчил ему путь к победе.

Узнав, что Камайоле отступил в Кону, Калапана решил без промедления последовать за ним и, если возможно, привести его в бой до того, как к нему подойдет подкрепление с юга.

Предзнаменования были более чем благоприятными. Они даже не были двусмысленными. Они прямо заявляли, что Камайоле будет убит в Коне. Поэтому Калапана и его неуклонно растущая армия с уверенностью и энтузиазмом двинулись в поход к соседнему району Кона.

Тем временем Камайоле не бездействовал. Ему удалось собрать войско в восемь тысяч человек, и, узнав, что Калапана продвигается из Кохалы, он решил дать ему сражение в местечке под названием Анаэхумалу, недалеко от северной границы Коны. Точка была выбрана из-за ее стратегических преимуществ, и там Камайоле, сомневаясь в результате — поскольку он видел, что ситуация изменилась против него, — решил прекратить борьбу.

Между вражескими лагерями было всего два дня пути, и Калапана продвигался вперед с осторожной поспешностью. Жрецы и *каулы* обещали ему успех, и самые влиятельные вожди Хамакуа и Кохалы были на его стороне. Он привез с собой из Вайману, где тот хранился восемнадцать лет, бога войны Пили, который был заново украшен, и его несли перед ним на попечении верховного жреца. И с ним, чтобы разделить его судьбу, отправилась его молодая жена Макея, чтобы позаботиться о нем, если он будет ранен, сражаться рядом с ним, если ход битвы повернется против него; ибо в то время и позже наиболее отважные жены и дочери вождей нередко в чрезвычайных ситуациях принимали активное участие в боевых действиях.

Утром третьего дня после отъезда Калапаны из Кохалы две армии столкнулись друг с другом, и Калапана немедленно организовал свои силы для битвы. Камайоле увидел, что его превосходят численностью, и решил дожидаться атаки за **Ошибка! Закладка не определена.**его обороной. Перед лицом большого численного перевеса против него он ни в коей мере не питал надежд; и, кроме того, предзнаменования были неудовлетворительными, и прошлой ночью он трижды слышал крик *алаи*, птицы, приносящей дурные предзнаменования. Но никакого чувства страха на него не подействовало. Преисполненный мрачной отваги, он подбадривал своих воинов

обещаниями победы и, вооруженный дротиком и тяжелой *лаау-палау*, или грубой алебардой, занял наиболее уязвимое место в своей обороне и ожидал нападения.

Завязалась битва, и в дикой атаке тяжелое подразделение войск Калапаны, вооруженное копьями, дубинами и каменными топорами, было отброшено к грубой каменной стене высотой четыре или пять футов, за которой враг нашел частичную защиту. Местами стена была сровнена с землей, и последовали отчаянные рукопашные схватки, но в конце концов штурм был отбит. Собравшись с силами, была предпринята вторая атака, но с таким же успехом. Человеческие жертвы были велики, и результат начал казаться сомнительным.

Но Калапана не был обескуражен этими дорогостоящими неудачами. Отозвав и усилив атакующую дивизию и объявив, что он лично возглавит следующую атаку, он приказал атаковать в тыл противника всем своим резервом. Это требовало быстрого марша в две или три мили и перехода через глубокий овраг, на который Камайоле полагался как на надежную защиту своего правого фланга. Пока выполнялось это движение, Калапана держал противника в напряжении плотными рядами стрелков и частыми угрозами более решительного нападения.

Более часа продолжался этот беспорядочный бой, Калапана нетерпеливо наблюдал за появлением своей фланговой колонны на холме над позициями противника. Наконец он заметил первое из его приближающихся копий, и через несколько минут все тело появилось в поле зрения и начало стекать вниз по склону. Затем был отдан приказ о последнем штурме фронта, и Калапана лично принял командование.

Внезапная атака с тыла повергла в ужас воинов Камайоле, но их неустрашимый предводитель хладнокровно и решительно приготовился к худшему. Поспешно взяв с передовых укреплений столько копий, сколько можно было сберечь, он собрал весь резерв и с объединенными силами бросился, как лев, навстречу атаке с холма. Это обрушилось подобно лавине, и остановить его было невозможно. Борьба была отчаянной. Когда его воины падали со всех сторон от него, Камайоле двигался, как башня разрушения **Ошибка! Залладка не определена.**сквозь конфликт. Казалось, он вел заколдованную жизнь, и люди падали, как трава, перед взмахом его *лаау-палау*.

Внезапно старик крупного телосложения, со склоненной головой и длинными седыми волосами и бородой, доходившими до груди, и сутулыми плечами, встал перед Камайоле и тяжелой дубиной с заостренным копьем, спокойно, но ловко отразил удар ужасного *лаау-палау*, нацеленный ему в голову, и, ответив быстро, как мысль, повалил королевского воина на землю, как лесное дерево. Вокруг тела павшего вождя и над ним завязалась отчаянная борьба. Но она длилась недолго. Под командованием Калапаны фронтальная оборона была восстановлена, и те из королевской армии, кто избежал резни, вскоре дико перепрыгивали через стены и в беспорядке отступали во всех направлениях.

Продвигаясь в тыл во главе своих воинов-победителей, Калапана был привлечен ожесточенной рукопашной схваткой, происходившей из-за тела Камайоле. Не останавливаясь, чтобы выяснить причину, он быстро ринулся в самую гущу сражения, поддержанный несколькими решительными сторонниками, и быстро освободил старого седовласого воина от борьбы, которая истощила его силы до предела. Это была последняя битва, предпринятая врагом в полном составе; то, что осталось от битвы, - это безжалостная резня раненых, а также захват и удержание живыми нескольких пленных для принесения в жертву.

На мгновение остановившись и окинув взглядом поле боя, взгляд Калапаны упал на старого воина. Поставив одну ногу на грудь Камайоле, он опирался на свою боевую дубинку и изучал лицо

Калапаны. С его тяжелого оружия все еще капала кровь, а морщинистое лицо было забрызгано кровью его врагов.

“Где Камайоле?” - внезапно спросил Калапана, хватаясь за свое оружие, как будто его смертоносная работа еще не была закончена. “Где Камайоле?” он повторил, обращаясь к окружавшим его. “Кто его видел?”

“Вот Камайоле”, - ответил старый воин, указывая окровавленным пальцем на лицо умирающего короля.

Калапана резко обернулся и мгновение молча смотрел в лицо своему поверженному врагу. Несмотря на смертельные ранения, Камайоле все еще был жив, и по его глазам было видно, что он отдает себе отчет в том, что происходит вокруг.

“От чьей руки он пал?” - спросил Калапана. **Ошибка! Закладка не определена.**

- Моим, - коротко ответил старик.

- А кто ты? - продолжал Калапана с некоторым благоговением. - Кто явился без приглашения, в облике бога, из наших священных храмов, чтобы сразиться за сына Канипаху?

Старик медленно поднял голову и, откинув с лица седые волосы, собирался заговорить, когда верховный жрец вместе с *кахусом*, несущим бога войны Калапану, приблизился, чтобы поприветствовать своего победоносного вождя. Узнав почтенного воина, пораженный первосвященник упал перед ним на колени, восклицая: “Канипаху! Канипаху!”

Почти во сне Калапана, представившись, обнял своего отца, которого не видел восемнадцать лет, а затем уважительно пожурил его за то, что он тайно приехал с Молокаи и вступил в армию простым воином, когда его ранг и способности давали ему право на верховное командование.

Старый вождь печально улыбнулся и ответил:

“Цель моего прихода была достигнута. Я собственной рукой ответил кровью на предательство Камайоле и заплатил ему за горб, который он взвалил на мои плечи. Я вернусь на Молокаи, и там старый горбун проведет свои несколько оставшихся дней в покое.

Эти слова были услышаны и, несомненно, поняты Камайоле, потому что он закрыл глаза, и вызывающая улыбка на мгновение заиграла на его губах.

Как раз в этот момент Макея присоединилась к своему мужу и была вне себя от радости, обнаружив его победителем и невредимым. С первым затишьем в битве она отправилась на его поиски с калесом воды, и, чтобы добраться до него, ей пришлось пробираться через ужасные кучи мертвецов. При звуке ее голоса, приятно сменившего шум битвы, Камайоле открыл глаза и устремил взгляд на ее лицо. Наконец его губы шевельнулись, как будто он собирался заговорить. Инстинктивно она подошла к умирающему вождю и, опустившись на колени, влила в его открытый рот несколько глотков воды.

Калапана повернулся и улыбнулся человечности Макеи, необычной на полях сражений варваров. В глазах Камайоле появилось благодарное выражение, и с вопросительным взглядом он еле слышно произнес “Иола!” - имя своей сестры и матери Макеи, на которую она была очень похожа. Калапана уловил слово и, поняв его значение, тоном, близким к доброму, ответил: **Ошибка! Закладка не определена.**

- Нет, не Иола, твоя сестра, которую тебе не удалось убить, а Макея, ее дочь, жена Калапаны.

Камайоле конвульсивно поднял голову и руки — то ли в порыве ярости, то ли в порыве примирения, никогда не будет известно, — а затем упал замертво.

Можно вкратце рассказать оставшуюся часть истории. Несмотря на все уговоры, Канипаху немедленно вернулся на Молокаи, где жил и умер в безвестности, зарабатывая себе на жизнь и не занимая никакого положения.

По возвращении в Кохалу Калапана был помазан на царство Гавайев, а сотня пленников была принесена в жертву богам в Мукини. Его правление было примирительным и мирным, и вместе с Макеей, полное имя которой было Макеамаламайханае, он стал предком Камехамехи Великого.

Ошибка! Закладка не определена.

ТРОЙНОЙ БРАК ЛАА-МАЙИ-КАХИКИ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

МУЛИЕЛЕАЛИИ, вождь западного Оаху.

КУМУХОХУА,

ОЛОПАНАИ } сыновья Мулиелеалии.

МОЙКЕХА,

ЛАА-МАЙ-КАХИКИ, приемный сын Мойкехи.

ЛУУКИЯ, жена Олопаны.

ЛААМАОМАО, бог ветров.

МУЧИНИ, первосвященник.

КАМАУАЛЬЕЛЕ, астролог и поэт.

ПУНА, главный вождь Кауаи.

ХУПО, дочь Пуны.

КИЛА, сын Мойкехи и Хупо.

ХОАКАНУИ,
} три невесты Лаа.
ВАОЛЕНА,

МАНО,

АХУКИНИ-А-ЛАА,

КУКОНА-А-ЛААИ } трое детей Лаа.

ЛАУЛИ-А-ЛАА,

Ошибка! Закладка не определена.

ТРОЙНОЙ БРАК ЛАА-МАЙИ-КАХИКИ.

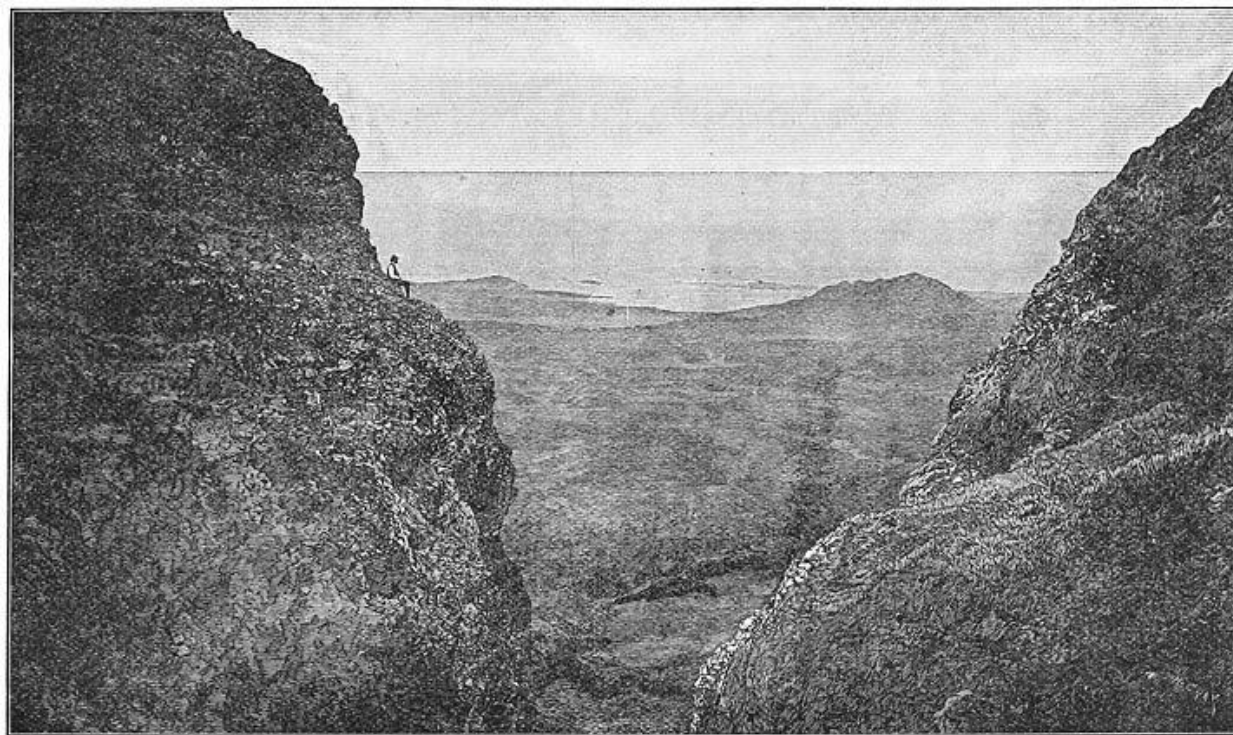
ЛЕГЕНДЫ О МОЙКЕХЕ И АРГОНАВТАХ ОДИННАДЦАТОГО И ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКОВ.

Я.

Традиция изобилует смелыми набросками, кое-где перемежающимися любопытными деталями, о многих выдающихся экспедициях на Гавайские острова с начала одиннадцатого по последнюю половину двенадцатого веков отважных таитянских, samoанских и грузинских вождей. Узнав о существовании и приблизительном местонахождении группы и, возможно, в какой-то степени руководствуясь соседними островами и атоллами, которые с тех пор исчезли, они прибыли с большими флотилиями барж и двухместных каноэ, на борту которых были их семьи и слуги, их священники, астрологи и музыканты, и постепенно завладели собой или своими непосредственными потомками самыми прекрасными участками маленького архипелага. В течение столетия или более происходили ожесточенные распри и частые войны; но в конце концов захватчики и покоренные, принадлежащие к одной и той же полинезийской расе, ассимилировались благодаря уступкам, смешанным бракам и фундаментальной идентичности религиозных культов, и с тех пор годы текли единым и однородным потоком. Сохранились только генеалогии выдающихся вождей и жрецов; и хотя в последующих поколениях некоторые из них вели свою родословную от коренного племени Нанаула, а другие - от вождей второго миграционного притока с юга, правящие семьи всей группы были настолько кровно связаны смешанными браками, что было трудно найти выдающегося вождя, который не мог бы проследить свою родословную от обоих.

Но в упомянутый миграционный период, особенно отмеченный приходом Нанамаоа, Пили, Паао, а также Оаху и Мауи Паумакуас, гавайская группа была не единственной ареной иностранных приключений среди центральных островов Тихого океана. Туземные вожди Гавайских островов, чьи предки добрались до группы более **Ошибка! Закладка не определена.**, чем пятьсот лет назад,

были довольно предприимчивый и умелый в навигации, как их захватчиками с юга; и, таким образом, в то время как последний, постоянно дополненная в количестве свежий прибытия, были постоянно иметь себя из земли и управляющих сил Гавайских островов, несколько решительных вождей старой линии, либо в духе мести или потому что как уже отмечалось, смело выкладывая свои паруса для брошенных домах своих захватчиков, и в результате завоеваний или других средств, приобретенных земель и влияние на отдаленные острова на юге.

В Пали, недалеко от Гонолулу.

The *мооолело*, о котором пойдет речь, охватывает романтическую историю одной из таких экспедиций вождей коренных гавайцев на южные острова и представляет интересную картину нравов, обычаев и устремлений аргонавтов срединно-Тихоокеанского региона того периода.

Где—то около 1040 ГОДАН.э. *Мавеке*, туземный вождь из рода *Нанаула* — первый представитель семьи, который заметно выделяется в хронологии второго притока, - *былали-нуи*, или номинальным сувереном, острова *Оаху*. У него было три сына — *Мулиелеалии*, *Кеаунуи* и *Калехенуи*. После смерти *Мавеке* старший сын, *Мулиелеалии*, унаследовал титул *али-нуи*, заняв западную часть острова. *Калехенуи* получил владения в *Кулау*, а *Кеаунуи* был основан в округе *Эва*. Последний стал родоначальником линии могущественных вождей в этом районе, и ему приписывают то, что он перерезал или открыл судоходный канал возле соляных заводов *Пуулоа*, благодаря чему устье, ныне известное как *Жемчужная река*, недалеко от *Гонолулу*, стало доступным для судоходства. Здесь нет необходимости упоминать эту ветвь семьи, кроме замечания, что *Кеаунуи* стал отцом *Лаконы*, а также *Нуакеа*, жены *Кеолозвы*, короля *Молокаи*, и пророка *Мои*, который пал вместе с *Каупипи* при защите крепости *Хаупу*, как рассказывается в легенде о “*Хине, Елене Гавайской*”.

У *Мулиелеалии* было трое сыновей — *Кумухонуа*, *Олопана* и *Моикеха* - и одна дочь по имени *Хайнаколо*. Как старший сын и преемник своего отца, *Кумухонуа* со временем унаследовал родовые поместья и титулы; но младшие братья, не довольствуясь, по мере взросления, небольшими наделами, которые неизбежно должны были быть им предоставлены, решили

поискать более обширные и привлекательные владения в другом месте. **Ошибка! Закладка не определена.**

Семья Паумакуа занимала большую часть восточной части острова, и, хотя они принадлежали ко второму притоку, их отношения с местными вождями и народом, по-видимому, были мирными и удовлетворительными. Паумакуа, который впервые появился в местных летописях за два поколения до Олопаны и его братьев либо как иммигрант с одного из южных островов, либо как сын или внук недавно прибывшего вождя, был одним из самых беспокойных и лихих выдающихся лидеров того периода. Легенды того времени пестрят рассказами о его чудесных подвигах и приключениях в чужих странах, и дружеские чувства, питаемые к его непосредственным преемникам, несомненно, были в значительной степени вызваны уважением, внушенным им его рангом и доблестью.

Традиция утверждает, что Паумакуа посетил все чужие земли, известные тогда гавайцам, и привез с собой много странных вещей. Из одного из своих путешествий он вернулся с двумя белыми священниками, Кеакеа и Малиу, от которых впоследствии несколько церковных семей заявили о своем происхождении и власти. В другой раз он привел с собой Малелу, известного пророка и колдуна, и трех других представителей незнакомой расы, одной из которых была женщина. Традиция довольно подробно описывает их как “иностранцев большого роста, с яркими, пристальными, плутоватыми глазами и красноватыми лицами”.

Поскольку путешествия этого предприимчивого вождя иногда длились много месяцев и, как говорят, он проводил свои исследования почти во всех направлениях, не исключено, что иностранцы с “плутоватыми глазами и красноватыми лицами” были аборигенами Северной Америки. Но, оставляя это на усмотрение догадок, традиция не допускает сомнений в том, что Паумакуа был искусным и бесстрашным исследователем и благодаря своему предприятию приобрел известность для себя и уважение своих потомков, один из которых сейчас будет представлен читателю.

Как уже говорилось, младшие сыновья Мулиелеалии, Олопана и Мойкеха, недовольные своими перспективами на Оаху, решили искать славы и богатства в другом месте. Оба не были женаты, но по каким-то обстоятельствам или с какой-то целью, не упоминаемой традицией, Мойкеха усыновил маленького сына Ахукая, правнука и преемника Паумакуа. Мальчика звали Лаа, или Лаа-май-кахики, и впоследствии оно было расширено. У ребенка-вождя не могло быть политических. Хотя тогда, как и сейчас, среди гавайцев любого ранга и положения был распространен обычай обмена и усыновления детей, усыновление столь многообещающего отпрыска рода Паумакуа внуком Мавеке, должно быть, было результатом какого-то экстраординарного соглашения, все упоминания о котором исчезли из традиции.

Простившись со своими родственниками на Оаху, Олопана и Мойкеха в сопровождении значительного числа сопровождающих отплыли на остров Гавайи и сразу же обосновались в прекрасной долине Вайпио, в округе Хамакуа. Какого вождя, если таковой вообще был, они обнаружили там, не указано; но это было незадолго до того, как долиной правил Олопана, а Мойкеха был его главным военачальником и советником. Молодой вождь Лаа сопровождал своего приемного отца в Вайпио, и там Мойкеха начал рассказывать ему о мужественных достижениях, которыми он впоследствии отличился.

Чтобы укрепить свое правление и защитить себя от посягательств соседних вождей, Олопана женился на Луукии, внучке Хикапалоа, вождя Кохалы, и потомке древнего рода Нанаула, к которому сам Олопана принадлежал по еще более прямой линии. Он убеждал своего брата последовать его примеру и связать себя узами брака с какой-нибудь из правящих семей Хамакуа.

Мойкеха мог бы с готовностью заключить такой союз, поскольку его происхождение было несомненным, а по мужественной красоте и придворным манерам ему едва ли был равный кто-либо из всей группы; но он заявил, что у него есть жена в копье и наследник в Лаа, и он не хотел бы разжигать ревность в семье, добавляя к ним еще и это.

Но братья недолго оставались в Вайпио. Страшный ураган, за которым последовали штормы и наводнения, полностью опустошил долину, вынудив жителей покинуть свои дома и искать убежища в другом месте. Мойкеха никогда не был доволен Вайпио, и посреди окружавших их руин ему не составило особого труда убедить своего брата совершить смелый рывок в туманную и далекую страну Кахики. Немедленно были сделаны приготовления к путешествию, и в пяти больших двухместных каноэ братья вместе с Лаа и значительной группой слуг отплыли к южным островам. Они знали общее направление, и солнце и звезды указывали им путь. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Ветер удачи занес их в группу Общества, и они, наконец, высадились на острове Раиатеа и насильно захватили или каким-либо другим способом закрепили за собой владение районом Моаула. Олопана был признан правителем округа и вскоре стал богатым и знатным правителем. Мойкеха, все еще остававшийся его главным советником, построил для себя роскошную резиденцию и храм под названием *Ланикеха*, или “небесное пристанище”, и прославился своим гостеприимством.

Некоторое время — возможно, четыре или пять лет — братья жили вместе в гармонии, а затем между ними возникли недоразумения и неприятности - вряд ли нужно говорить, из—за женщины, - которые снова загнали Мойкеху в море и разлучили их навсегда. Назойливый местный вождь по имени Муа, который завидовал популярности Мойкеха и желал сместить его в пользу Олопаны, несколько раз привлекал внимание Луукии к богатому стилю жизни Мойкеха и намекал, что его целью было таким образом заручиться дружбой влиятельных вождей и, в конце концов, отобрать суверенитет округа у своего брата. Встревоженная, она рассказала обо всем мужу, и в конце концов ей удалось возбудить его подозрения. За этим вполне естественно последовала холодность по отношению к Мойкехе. Олопана не мог не отметить растущую популярность своего брата и однажды воспользовался случаем, чтобы упрекнуть его в расточительности и любви к показухе, предположив в то же время, что более скромный образ жизни лучше соответствовал бы его положению. Мойкеха, который никогда не питал мыслей, противоречащих его брату, был глубоко опечален этими подозрительными словами и решил немедленно покинуть Раиатеа и вернуться на Гавайские острова. Чувствуя, что он зашел слишком далеко, таким образом косвенно обвинив своего брата в преднамеренном предательстве, Олопана попытался убедить его остаться; но решимость Мойкехи нельзя было поколебать, и он сразу же начал готовиться к возвращению в гавайскую группу.

Количество каноэ, укомплектованных людьми и провизией для путешествия, не указано; но традиция утверждает, что флот снаряжался под руководством знаменитого пророка и астролога Мойкехи Камауальеле; и вместе со священником Мукини, Лаамаомао, повелителем ветров, и большой группой вождей и приближенных экспедиция отплыла на Гавайи, оставив молодого вождя Лаа с Олопаной. **Ошибка! Закладка не определена.**

Это был один из самых внушительных флотов, когда-либо выходивших из гавани Опоа. Большое двухместное каноэ, на котором находились Мойкеха и его жрецы, боги, астролог, главный штурман, управляющий ветром и личные слуги, было тем же самым, на котором он отплыл в Кахики. *Каулуа* имел почти сто футов в длину и предоставлял достаточно места для сорока или более человек, приписанных к нему. Она была выкрашена в красный цвет, а на верхушке мачты развевался вымпел полинезийской *алии*.

Мойкеха отправился в путь со многими выдающимися спутниками, но самым известным был Лаамаомао — имя, обозначающее, возможно, священные голубовато-зеленые или ветряные облака. Он был повелителем ветров, которые хранились в его *ину*, или калембасе, и выходили наружу по его приказу. Он был очень похож на греческого Эола. После того, как Мойкеха сопровождал его на Гавайские острова, он поселился недалеко от места под названием Хейл-а-Лоно, хорошо известного возвышения Калуакой на острове Молокаи, и впоследствии был обожествлен как *аумакуа*, или бог ветров.

Благодаря музыкантам и барабанщикам, поднимавшим настроение путешественников, и попутному ветру с *ину* Лаамаомао путешествие, похоже, прошло успешно, и никаких примечательных происшествий не произошло, пока не был замечен остров Гавайи. Когда взору предстали зеленые холмы Кау, из каноэ донеслись песни и крики радости. Путешествие протяженностью более двух с половиной тысяч миль на открытых лодках испытало терпение участников экспедиции, и наконец-то суша стала радостным зрелищем для всех них. Многие прыгали в воду и плыли рядом с каноэ. Мукини, верховный жрец, воскурил благовония перед богами, одновременно обратившись к ним с благодарственной молитвой, а Камауальеле, астролог и поэт, прочитал вдохновляющее песнопение в честь дальнейшего празднования этого события. Это песнопение было сохранено традицией.

В некоторых ранних поэтических рассказах о первом появлении островов Гавайи над поверхностью океана упоминаются Гавайи, самые крупные из группы, которые внезапно поднимаются из великой пучины и становятся частью ряда или скопления островов, “простирающихся до самых дальних концов Кахики”, из чего следует предположение, что столетия назад острова, ныне больше не существующие, отмечали промежутки между Обществом и гавайскими группами. Другие острова Гавайского скопления называются естественными рожденьями, их родителями являются полубоги **Ошибка! Закладка не определена.**или выдающиеся вожди. Таким образом, на языке старинного песнопения:

“Восстают Гавайи-нуи-акеа!

Восстаю из ночи (*По*)!

Появился остров, земля,

Вереница островов Нууамеа,

Группа островов, простирающихся до самых дальних концов Кахики.

Кулувайе из Хаумеи, мужу,

Посвящается Хине-нуи-а-лане, жене,

Родился молокаи, бог, жрец,

Первый утренний свет из Нууамеа.

Встает Акухиниалаа,

Вождь из чужой страны;

Из жабр рыбы

Из-за непреодолимых волн Халехале-калани,

Родился Оаху, *вохи*,

The *Вохи* из Акухиниалаа,

И о жене Лаамеалаконе”.

Камауальеле начал с повторения древней истории о происхождении нескольких островов этой группы и завершил свое пение такими обнадеживающими словами:

“О Хаумеа Манукахикеле.

О Мойкеха, вождь, который должен пребывать здесь,

Мой шеф будет жить на Гавайях—а!

Жизнь, жизнь, о жизнерадостная жизнь!

Жить будут вождь и священник,

Жить будет провидец и раб,

Живи на Гавайях и отдыхай,

И дожить до старости на Кауаи.

О, Кауаи — это остров-а!

О, Мойкеха - вождь!”

Так пел поэт, обратив лицо к зеленым склонам Кау, в то время как каноэ флотилии собрались вокруг него, чтобы все могли услышать слова того, кто читает судьбу смертных по звездам.

II.

Предсказание Камауальеле, вдохновленное внезапным видом побережья Гавайев, подтвердилось. Посадка была произведена в **Ошибка! Закладка не определена.** Захватив там запасы провизии и воды, следующая высадка была произведена на мысе Кумукахи, в округе Пуна; но недавнее извержение вулкана Килауэа или подземного канала, соединенного с ним, опустошило широкую полосу местности у побережья, и после короткой стоянки было отправлено в Кохалу. Высадившись в этом районе, Мойкеха и его спутники были хорошо приняты Каниухи, *али-нуи* и внуком Пили, а разрешение приносить жертвы от имени экспедиции в великом *храме* Мукини было предоставлено верховным жрецом Мойкеха, чье имя по странному совпадению было идентично названию храма, возведенного верховным жрецом Паао более двух поколений назад.

Покинув Кохалу, Мойкеха в следующий раз зашел в Хануаулу, на острове Мауи; но, не останавливаясь, чтобы обменяться любезностями с Хахо, известным *моим* этой части острова, он немедленно отплыл на Оаху. Его целью было навестить своего царственного отца, Мулиелеали, резиденция которого находилась в Эве; но его священник и провидец так решительно протестовал против этого визита, заявляя, что это противоречит воле богов, что он направил свой курс вокруг северной стороны острова, заходя в Макапуу и Макааоа, а затем плыл прямо к острову Кауаи.

Вечером второго дня после отъезда с Оаху Мойкеха бросил якорь на своих каноэ на рейде недалеко от Капаа, Кауаи, где Пуна, правящий *али* острова, держал свой двор в окружении глав своей семьи и большого количества приближенных. Пуна был одним из самых популярных правителей в группе, и, каким бы строгим он ни был при осуществлении своих прерогатив, всегда был милосерден в отношении преступлений, совершенных по неосторожности или невежеству. Он простил бы скромного труженика, который мог бы непреднамеренно пересечь его тень или нарушить *табу*, но никогда не простил бы вождя, который намеренно посягнул на свои привилегии или отказался от вежливости, подобающей его рангу. Его нрав был от природы воинственным, но поскольку обстановка на острове была мирной, и военная сила редко требовалась, за исключением отражения случайных грабительских набегов с других островов, он поддерживал боевой дух своих вождей и подданных частыми притворными боями, учениями морской пехоты и поощрением спортивных игр и дружеских состязаний с оружием в руках, в которых он сам иногда принимал участие. За этими **Ошибка! Закладка не определена.**[HYPERLINK \l "pb125" \o "125" \h](#), и результатом стало то, что двор Пуны стал несколько известен рыцарством своих вождей и великолепием своих развлечений.....

У Пуны был всего один ребенок, дочь по имени Хупо. Традиция описывает ее как очень милостивую девушку, подобно большинству королевских дочерей, изображенных поэтами. Таким образом, она была гордостью и славой двора, и когда она достигла брачного возраста, ее благосклонности добивались несколько честолюбивых вождей, чей ранг давал им право на внимание; но, польщенная борьбой за ее улыбки и, естественно, тщеславная лицом, которое, как говорили невозмутимые воды, было привлекательным, она не проявила спешки с выбором мужа.

Пуна очень мягко осудил это опоздание или нерешительность. Хотя по одной из традиций у него две дочери, Хупо, несомненно, была его единственным ребенком, и поэтому он не хотел торопить событие, которое, вероятно, привело бы к их расставанию. Но со временем поклонники молодой вождини стали такими настойчивыми, а соперничество за нее приняло такой ожесточенный и воинственный характер, что Пуна сочла благоразумным восстановить гармонию между соперницами, сделав выбор сразу. Но ни к кому из них она, по-видимому, не отдавала решительного предпочтения и поэтому предположила, что, поскольку выбор должен быть сделан, она готова предоставить это на усмотрение арбитра в таком мужественном соперничестве между соперниками, которое могло бы соответствовать их достоинству и характеру поставленного на карту приза. Пуна с готовностью принял это предложение, поскольку оно открывало путь к отбору, не навлекая на себя враждебности всех, кроме одного избранного.

Но каким должен быть характер конкурса? Каждый из соперничающих вождей, вероятно, был известен своим мастерством в каком-то особом достижении, и трудность заключалась в том, чтобы назначить испытание, которое казалось бы справедливым для всех. Не имея возможности решить этот вопрос самостоятельно, Пуна обратился к верховному жрецу и на следующий день объявил, что его *палаоа* - талисман, состоящий из китового зуба, вырезанный и освященный — будет отправлен надежным гонцом на маленький остров Каула; что через четыре дня соперничающие вожди должны, каждый в своем каноэ, отплыть в то же время и в том же месте с Кауаи, и тот, кто вернется с *палаоа*, который гонцу будет поручено передать первому из соперничающих вождей, высадиться и потребовать его на острове. рокс из Каулы должен быть мужем Хойпо, а остальные должны оставаться его друзьями. **Ошибка! Закладка не определена.**Размер каноэ был оставлен на усмотрение нескольких участников, но поскольку каждому разрешалось использовать не более четырех помощников, очень большие каноэ, конечно, использоваться не могли. При этом могли использоваться любые средства передвижения, включая весла, лопасти и паруса.

Состязание было признано настолько честным, насколько только можно было придумать, и вожди соперников заявили, что довольны им, и начали готовиться к гонке, раздобыв подходящие каноэ и умелых и стойких помощников. Это обещало быть захватывающим соревнованием, и вся Капаа встала на цыпочки, чтобы засвидетельствовать начало.

После нескольких дней подготовки посланец Пуны был отправлен с *палаоа* в Каулу с инструкциями передать его в руки первого из соперничающих вождей, который предъявит на него права на этом острове. Гонец отсутствовал два дня и, вероятно, достиг своей цели, поскольку расстояние, которое предстояло преодолеть, составляло немногим более ста миль, и у соперничающих вождей было все готово, чтобы поднять паруса для отплытия в Каулу, когда Мойкеха, как уже говорилось, вечером бросил якорь у Капаа.

Рано утром следующего дня, на своем двухместном каноэ, развевающим знамя его ранга, и в остальном прилично одетый, Мойкеха сошел на берег, где был сердечно принят начальниками округа и в надлежащее время препровожден в суверенный особняк и представлен Пуне. Не ссылаясь на свои семейные связи, он просто объявил, что он вождь из далекой страны Кахики и путешествует по гавайской группе с целью наблюдения и удовольствия. На нем было *маро* отороченное ракушками, *кихей*, или мантия из тонко сотканной и украшенной ткани, а на голове — *лей-али* из блестящих перьев, а с шеи на шнурке из заплетенных волос свисало любопытное украшение из перламутра, оправленного в слоновую кость. Он был красивым представителем дикой мужественности, и его осанка была достойной, корректной и учтивой.

Во время аудиенции у Пуны Мойкеха встретил Хупо — скорее всего, случайно, но он был так очарован ее яркими глазами, что не покидал особняк, пока не нашел случая обменяться с ней несколькими приятными словами. Они, казалось, были взаимно довольны друг другом, и Мойкеха принял приглашение вождя считать себя его гостем до следующего дня, в то же время позволив ему отправить свежую провизию своим людям, чьи каноэ были вытасканы на берег.

Вечером последовало блестящее развлечение в виде пира, музыки и танцев в честь выдающегося незнакомца, во время которого Мойкеха удостоилась общества Хупо и узнала о предстоящем состязании между соперничающими вождями Кауаи, чтобы определить, за кого ее следует отдать замуж.

Веселье и пиршество были в порядке вещей на следующий день и вечер, ибо на следующее утро соперничающие вожди должны были отправиться в Каулу под присмотром Пуны. Их хорошо оборудованные каноэ стояли на берегу, а команды, обученные работать парусом и веслом вместе, были наготове.

Наступило утро, а вместе с ним собралось большое скопление людей, чтобы засвидетельствовать отъезд вождей. Были осмотрены каноэ и сопровождавшие их команды, и на результат гонки было заключено множество пари. Наконец появились соперничающие вожди, вскоре за ними последовали Пуна и большая часть его домочадцев, включая Хупо, которого перенесли на пляж в *манеле*, который несли на плечах четыре дюжих слуги. Она была одета в вышитую *пау* — короткую юбку из пяти слоев тонкой *ткани*, доходящую до колен, и накидку или короткую мантию, отделанную перьями. Ее волосы были заплетены в одну прядь на затылке; голова и шея были украшены *леями* из цветов и перьев, а конечности были украшены ободками из ракушек и окрашенных семян.

Когда все было готово, соперничающие вожди, числом восемь человек, предстали перед *али-нуи* и, низко поклонившись, начали по очереди перечислять свои *куаухаус*, или генеалогии, как их и просили, чтобы формально показать, что все их предки благородны. Закончив каждый из них, он

снова поклонился, одарив Хупо улыбкой и уверенным взглядом, и отступил назад, ожидая сигнала к отправлению.

Последний из них назвал свою родословную, глашатай снова официально объявил условия состязания, и Пуна собирался отдать приказ об одновременном спуске каноэ на воду, когда Мойкеха, чье присутствие вожди до этого не замечали, внезапно предстал перед *али-нуи* и, поклонившись сначала ему, а затем учтиво вождям, сказал: **Ошибка! Закладка не определена.**

“Великий вождь, поскольку это испытание, похоже, бесплатное для всех представителей благородной крови, я принимаю условия и прошу разрешения представить себя в качестве претендента на приз”.

Вожди удивленно переглянулись, и довольное выражение осветило лицо Хупо, которая до этого момента проявляла мало интереса к тому, что происходило вокруг нее.

Пуна мгновение колебался, а затем любезно ответил:

- Благородный незнакомец, если твой ранг соответствует условиям, и вожди, готовые к отъезду, не настаивают на возражениях, мое согласие не будет отклонено.

Поспешное совещание вождей показало, что некоторые из них возражали; но поскольку незнакомец, не знавший побережья и, по-видимому, не имевший ни каноэ, ни команды наготове, не казался соперником, которого следовало опасаться, в конце концов было решено, что, если он сможет подтвердить свой ранг, в чем некоторые из них сомневались, он может быть допущен к соревнованию.

Когда это решение было сообщено, Мойкеха изящно поклонился в знак благодарности, а затем начал излагать свою генеалогию. Любопытствуя узнать, как держится учтивый незнакомец, вожди столпились вокруг него, жадно прислушиваясь к каждому слову. Он начал с Вакеи, далекого прошлого, когда его предки были жителями других земель, упоминаемых в гавайской истории. Приводя данные о тринадцати поколениях, он установил связь с Нанамаоа, пионером первого миграционного притока на Гавайи семьсот лет назад. Оттуда, поколение за поколением, называя имена отца, матери и наследника, он проследил линию из шестнадцати преемников Мавеке. Сделав небольшую паузу, пока слушавшие вожди обменивались удивленными взглядами, Мойкеха продолжил:

“Мавеке, муж мой,

“Найолаукеа - жена;

“Муж Мулиелалии,

“Вехелани - жена;

“Муж Мойкеха,

“Жена Хупо”.

Аплодисменты последовали за заявлением незнакомца о том, что он сын Мулиелеалии, *али-нуи* из Оаху, а шутивая и добродушная манера, в которой он завершил *куаухау*, предсказав ему успех в предстоящем состязании, и брак с Хупо, не нажили ему врагов среди соревнующихся вождей. Теперь Хойпо была уверена, что сможет сделать выбор без проблем и волнений, связанных с

гонкой в Каулу; но каноэ были готовы, и все, что она могла сделать, это надеяться и молиться, чтобы Мойкеха вернул *палаоа*.

Но каковы были приготовления Мойкехи к гонке? Когда Пуна спросил его, он указал на небольшое каноэ с выносной опорой, вытащенное на берег, и одинокого длинноволосого мужчину странного вида, неподвижно стоявшего рядом с ним с веслом в руке. Пуна с сомнением покачал головой, и Хупо выглядел разочарованным. Другие, заметившие тщательную подготовку незнакомца к забегу, вообразили, что он воспринимает состязание как шутку; но он объявил о своей готовности, и был дан сигнал к отправлению.

Вожди бросились к берегу и через несколько минут спустили на воду свои каноэ и прошли через сильный прибой, когда после сильного и уверенного рывка началась настоящая гонка в открытое море. Один только Мойкеха, казалось, никуда не спешил. Он официально попрощался с Пуной и, заметив нетерпеливый взгляд Хупо, с улыбкой сказал ей, поворачиваясь к пляжу: “Я привезу *палаоа*!” Это заверение удовлетворило ее. Другие каноэ были за пределами прибоя, но она поверила ему и была счастлива.

Убедившись, что парус готов к использованию и на борту есть все необходимое для путешествия, Мойкеха и его помощник спустили свое каноэ на воду и несколькими энергичными взмахами весел понеслись по прибою. Переход был сделан так искусно, что привлек внимание многих, кто наблюдал за ним с берега. Несколько минут каноэ оставалось почти неподвижным, за исключением того, что его бросало с волны на волну. Затем был расправлен парус. Это движение было необъяснимо для тех, кто находился на берегу, так как слабый ветерок дул прямо с запада, куда каноэ направлялось, чтобы обогнуть южные мысы острова. Но если очевидцы были удивлены расправлением паруса при таких обстоятельствах, то они были не менее поражены, когда увидели, как парус наполнился ветром и каноэ внезапно понеслось в море, словно гонимое ураганом.

Длинноволосым спутником Мойкехи был Лаамаомао, бог ветров, который сопровождал его из Райатеа. За **Ошибка! Залкада не определена.** сидело дружелюбное божество, из чьего неистощимого *ипу* заточенных ветров был послан шторм, который на следующее утро еще до рассвета унес каноэ в Каулу. Высадившись вскоре после восхода солнца, посланец Пуны был найден и немедленно доставлен в Мойкеху *палаоа*, который ему было приказано сначала сдать вождю, потребовав этого. Довольные обладанием талисманом, Мойкеха и его спутник оставались на острове, чтобы подкрепиться, до полудня, а затем отправились в обратный путь на Кауаи, которым благоприятствовали те же ветры, что принесли их в Каулу, но продвигались с меньшей поспешностью. Ближе к ночи восемь других вождей высадились с интервалом в несколько часов друг от друга, и велико было их изумление, когда они узнали, что *палаоа* была доставлена вождю, заявившему о ней рано утром.

“У него, должно быть, были крылья”, - сказал один из них.

“Ему, несомненно, помогли боги”, - предположил другой, который был первым, кто приземлился после Мойкехи. “Если бы не это, *палеоа* была бы моей, как вы все знаете. Но кто может бороться с богами? Давайте не будем навлекать на себя их гнев жалобами”.

Поскольку остальным было легко примириться с успехом Мойкехи, хорошее настроение вскоре восстановилось, и на следующее утро в сопровождении посыльного все они снова отправились на Кауаи. Вечером того же дня Мойкеха высадился в Капаа и поспешил вложить в руки Пуны талисман, который сделал его мужем Хупо. Теперь, уверенный в звании победителя, Пуна был доволен своим успехом, и Хупо не скрывала своей радости. Традиция гласит, что она влюбилась в

красивого незнакомца, едва увидев его; но как бы то ни было, когда он вернулся из Каулы с *палаоа*, она была достаточно откровенна, чтобы признаться, что его успех сделал ее счастливой.

В течение нескольких дней все побежденные вожди вернулись в Капаа, и Мойкеха пригласил их на пир, за которым они забыли о своем соперничестве и возобновили клятвы дружбы, принятые в условиях состязания. Они пытались многими хитроумными способами вытянуть из Мойкеха секрет его успеха; но он не смог просветить их, и они были вынуждены довольствоваться верой в то, что ему помогла некая сверхъестественная сила, возможно, *Апукохаи*, великий рыбный бог Кауаи, который иногда хватал каноэ и нес их вперед с почти невероятной скоростью. **Ошибка! Закладка не определена.**

В свое время Хупо стала женой Мойкеха, которая после смерти Пуны унаследовала от него титул *али-нуи* Кауаи, где он оставался до конца своей жизни. Он был благословлен несколькими сыновьями, через одного из которых, можно упомянуть, суверенитет острова был продолжен в семье после того, как Мойкеха был подчинен черной *капе*.

III.

Следующая традиция относится к Мойкехе примерно через двадцать пять лет после его женитьбы на Хупо. Смерть Пуны оставила ему суверенитет над Кауаи, и его основная резиденция находилась в Вайалуа. У него было семеро сыновей, и его двор, как и двор его предшественника, был известен выдающимися вождями, священниками, пророками и поэтами, связанными с ним.

Когда жизнь Мойкехи подходила к концу, им овладело сильное желание еще раз увидеть своего приемного сына Лаа, которого после его отъезда из Райатеа он оставил со своим братом Олопаной, предполагаемым наследником и преемницей которого стал молодой вождь. Готовясь к путешествию туда, он приказал отремонтировать несколько больших двухместных каноэ и привести их в порядок для выхода в открытое море, а незадолго до этого отправил большую группу охотников на прибрежные скалы за перьями *мамо*, из которых можно было сшить королевскую мантию для подопечного его юности.

Поскольку под каждым крылом *мамо* находится всего по одному маленькому желтому перышку, из тех, что используются в королевской мантии, задача по обеспечению многих тысяч необходимых людей ни в коем случае не была короткой или легкой; но со временем перья были собраны, и плащ был готов. Поскольку использовались только отборные перья, это одеяние было одним из самых блестящих и изысканных, когда-либо созданных на Кауаи, и представляло собой труд ста человек в течение года.

Но когда все было готово к его отъезду на юг, Мойкеха пришел к выводу, что он слишком стар и немощен, чтобы предпринять это путешествие. В этом заключении его поддерживали предсказания пророков и убеждения его сыновей. **Ошибка! Закладка не определена.** Его третьим сыном был Кила. Он отличался своими способностями и мужеством, и особенно своим мастерством мореплавателя, и в конце концов было решено, что он совершит путешествие в Райатеа в качестве посланника Мойкеха и пригласит Лаа вновь посетить гавайскую группу, заверив его в слабом здоровье его приемного отца и в своем стремлении обнять его, прежде чем смерть разлучит их навсегда.

Кила была в восторге от этой миссии. На несколько лет сношения между гавайцами и южанами были почти полностью прерваны, но с детства он мечтал побывать на далеких и туманных берегах

Кахики, о которых, как он слышал, говорил Мойкеха; и теперь, когда представилась возможность удовлетворить его жажду приключений в неведомых морях, его радости не было предела, и он так энергично взялся за подготовку, что через несколько дней каноэ были снаряжены и снабжены провизией для путешествия. Провизия для длительных путешествий того периода состояла из вяленой рыбы, сушеных бананов и банановых плантаций, кокосовых орехов, батата и картофеля, а также *пои* и *пайаи*, свежих фруктов и вареной домашней птицы и свиней для раннего употребления. Также были предоставлены большие бутылки с пресной водой, но частые ванны в значительной степени уменьшили тягу к этой необходимости.

Были принесены жертвы, предзнаменования были объявлены благоприятными, и флотилия двухместных каноэ отплыла на юг. Килу сопровождали трое его братьев и, что еще важнее, почтенный Камауальеле, друг и астролог Мойкеха, который сопровождал его из Райатеа более четверти века назад и рассказывал о своих вдохновенных видениях будущего у берегов Кау. Он отправился на Килу в качестве главного штурмана и особого советника.

Флот прошел сквозь группу и совершил свой последний отбытие из самой южной точки острова Гавайи. Ветер и погода были благоприятными, и экспедиция без каких-либо последствий прибыла в назначенное время в Райатеа, предварительно посетив для ориентирования некоторые другие острова южной группы.

Кила приземлилась в Опоа через священный вход в Авамоа. Его флаг и государство были признаны Олопаной, который все еще был жив, и сыновей Моикехи и их личных слуг торжественно проводили в королевский особняк, где Кила сообщил о цели своего визита. Олопана был очень заинтересован историей успешного основания Моикехи на **Ошибке! Залкадка не определена.**Кауаи, но воздержался от упоминания обстоятельств, которые привели к их разделению много лет назад. Он также был проинформирован о смерти своего отца Мулиелеалии и наследовании его братом Кумухонуа ранга и власти *али-нуи* из Оаху.

С сердечными приветствиями Мойкеха Кила вручил Лаа блестящую *мамо*, или королевскую мантию, носителем которой он был назначен, и выразил надежду, что он утешит своего приемного отца в оставшиеся несколько дней, вернувшись с ним в гости на Кауаи. Олопана категорически возражал против предполагаемого путешествия, ссылаясь на свой преклонный возраст и вероятность ранней смерти; но когда Лаа заверил его в скором возвращении, он неохотно согласился, и после ряда гостеприимных застолий и развлечений в своих двухместных каноэ в сопровождении своего священника, астролога, церемониймейстера, музыкантов и ряда рыцарей и благородных друзей Лаа сопровождал Килу и его спутников обратно на Гавайи.

Путешествие было совершено своевременно, и когда объединенный флот на каноэ королевского желтого цвета с развевающимися вымпелами проследовал через группу к Кауаи, останавливаясь в нескольких местах, чтобы обменяться любезностями с правящими вождями, это привлекло необычное внимание; и когда Лаа высадился в Вайалуа, на острове Оаху, чтобы поприветствовать своих родственников, и люди узнали, что сын Ахукая вернулся из далекой страны Кахики, богатый почестями и имуществом, они усыпали его путь цветами и приветствовали его, как бога.

Прибыв на Кауаи после краткого пребывания в Вайалуа, Лаа был тепло принят Мойкехой, своим приемным отцом, который оставил его ребенком в Кахики, и в течение месяца или даже больше при дворе Кауаи по ночам устраивались пиры в его честь.

Вернувшись на Оаху, Лаа на некоторое время поселился в Куалоа. Для него был построен большой особняк с просторными помещениями для его друзей и слуг, и вожди острова сочли за честь разделить его дружбу и принять его гостеприимство.

По отношению к Лаа не было никакой зависти, поскольку было известно, что он вскоре вернется в Райатеа, чтобы навсегда остаться там в качестве наследника и преемницы Олопаны. В его жилах текла самая благородная кровь Оаху. Он был сыном правнука великого Паумакуа по прямому и неоспоримому происхождению и усыновленным **Ошибка! Закладка не определена.**наследником внука Мавеке, гордого потомка династии королей Нанаула.

Было сочтено неправильным, что род Паумакуа через такого выдающегося представителя, как Лаа, должен быть увековечен исключительно на чужой земле. По предложению ведущих вождей этот вопрос был серьезно обсужден, и, наконец, к Лаа обратились по этому вопросу. Будучи молодым человеком, патриотическое предложение вождей вполне естественно соответствовало его вкусам, и без особых уговоров он выразил готовность выполнить то, что казалось общей просьбой.

Но одобрение Лаа не совсем решило деликатный вопрос, поскольку вожди сразу же заметили, что они ищут подходящую жену для столь желанного мужа. У большинства из них были дочери или сестры подходящего положения и возраста. Но кого из них им следует выбрать? Чья семья заслуживает такой чести? Они были готовы оставить выбор за Лаа, но, проницательно предвидя результат, он отказался делать выбор.

Как обычно в важных сомнительных случаях, проконсультировались с верховным жрецом, и вопрос был решен способом, вполне удовлетворяющим Лаа. Было решено, что он женится на трех женщинах, все в один день, и выбранными девушками были Хоакануи, дочь Лонокаеху из Куалоа; Ваолена, дочь вождя Каалеи; и Мано, дочь вождя Каниохе. Все они были известны своей красотой и благородной кровью.

Трех невест привезли в особняк Лаа в Куалоа в день, назначенный для тройного брака, и это событие было отпраздновано с пышностью и энтузиазмом. *Хоао*, или брачный договор, был обнародован герольдом, как это было в то время принято среди знати; невесты, одетые подобающим образом и украшенные гирляндами, были вручены жениху, а вечером на территории был устроен пир для более чем тысячи гостей с *хулой*, *меле* и другими праздничными сопровождениями, включая *меле-иноас*, или песни личного обращения к новым женам и их мужьям.

Этот тройной брак - один из наиболее устоявшихся эпизодов отдаленной гавайской традиции. После женитьбы Лаа год оставался в Куалоа, а затем начал готовиться к возвращению в Райатеа. Он ожидал своего отъезда со смешанным чувством сожаления и удовлетворения, поскольку его короткая супружеская жизнь была необычайно и щедро благословлена. По **Ошибка! Закладка не определена.**в тот же день каждая из трех его жен подарила ему по сыну, и древнее песнопение таким образом отсылает к этому событию:

“О Ахукай, О Лаа-а, О Лаа,

О Лаа от Кахики, вождя;

О Ахукини-а-Лаа,

О Kukona-а-Лаа,

О Лаули-а-Лаа, отец

Тройное каноэ Лаа-май-кахики,

Священные перворожденные дети Лаа,

Которые родились в один и тот же день”.

Вскоре после этого Мойкеха умер, и Лаа попрощался с Гавайскими островами и вернулся в Райатеа как раз вовремя, чтобы получить предсмертное благословение Олопаны. Как он и обещал, он оставил своих трех жен и их сыновей на Оаху, где о них хорошо заботились. Имена детей, упомянутые в процитированном песнопении, были Ахукини-а-Лаа, Кукона-а-Лаа и Лаули-а-Лаа, от которых в последующих поколениях правящие семьи Оаху и Кауаи вели свою родословную. Королева Ахукини-а-Лаа Капиолани, жена Калакауа, нынешнего правителя островов, происходит из рода вождей и королей Кауаи.

Кила, вернувшись из Райатеа, обосновался в долине Вайпио на острове Гавайи и преуспел во владениях, оставленных его дядей Олопаной поколение назад. Он был предком нескольких выдающихся гавайских семей, которые вели свое происхождение от него еще во времена правления Камехамехи I.

С возвращением Лаа на Райатеа все связи между гавайцами и южными группами, похоже, резко прекратились, и в течение примерно шестисот лет, или до прибытия капитана Кука в 1778 году, гавайцы ничего не узнали о большом мире за пределами своего маленького архипелага и знали, что земли существуют в других местах, только благодаря таинственным *мооолело* их священников и фольклору, состоящему из разорванных цепочек басен и преданий прошлого, в которых сверхъестественное, наконец, стало доминирующей чертой. **Ошибка! Закладка не определена.**

АПОФЕОЗ ПЕЛЕ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ПЕЛЕ, богиня вулканов.

МОХО,

КАМАКАУА и } братья Пеле.

КАНЕХЕКИЛИ,

КАЛАНА, вождь с южных островов.

КАМАУНУИ, жена Каланы.

ХИНА, дочь Каланы и Камаунуи.

ОЛОПАНА, вождь Оаху и муж Хины.

КАХИКИУЛА, брат Олопаны.

КАМАПУАА, чудовищный сын Хины.

Ошибка! Закладка не определена.

АПОФЕОЗ ПЕЛЕ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГИНИ С КАМАПУАА.

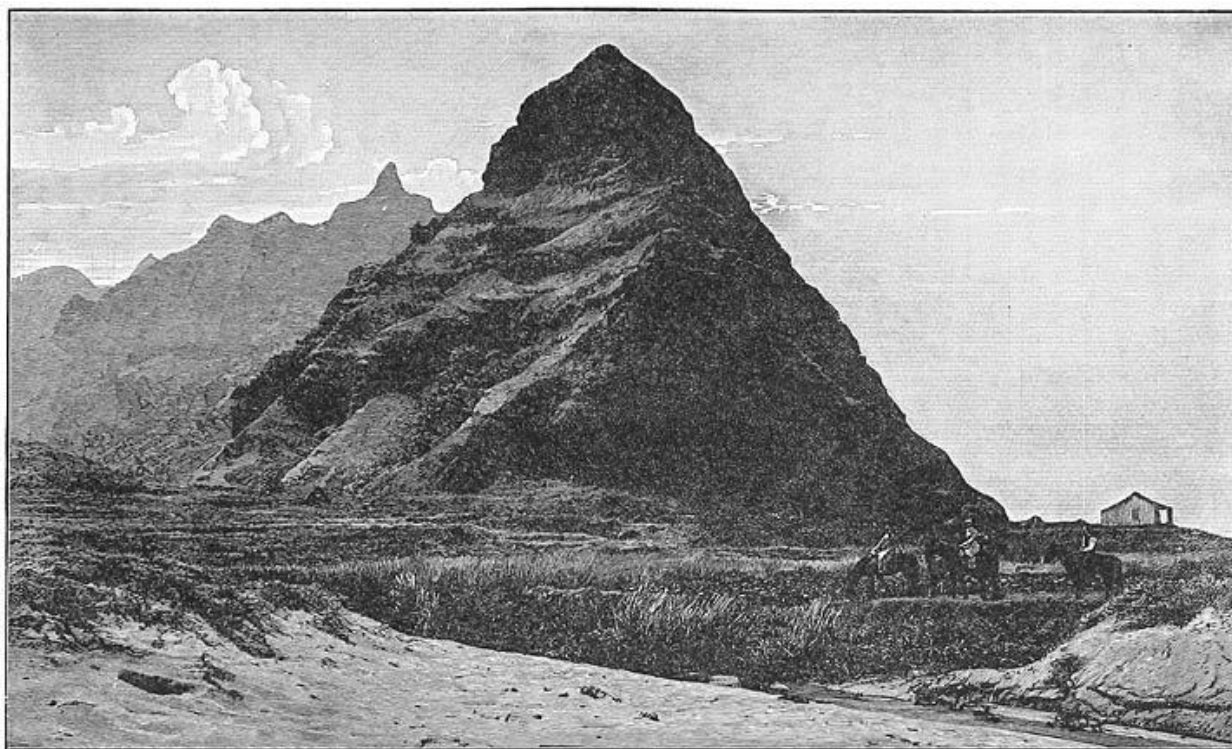
Я.

В пантеоне древнего гавайского культа — или, скорее, в культе группы с двенадцатого по девятнадцатый век — божеством, которого больше всего боялись и уважали, особенно на острове Гавайи, была богиня Пеле. Она была королевой огня и богиней вулканов, и ее любимой резиденцией был огромный и вечно бурлящий кратер Килауэа, под расплавленным потоком которого, в залах из горящего адаманта и огненных гротах, она поглощала подношения своих почитателей и измышляла разрушения для тех, кто долго пренебрегал ею или не уважал ее prerogatives.

Ее помощниками и компаньонами, как гласит традиция, были ее пять братьев и восемь сестер, все они были наделены особыми функциями и почти ненамного менее безжалостны и требовательны, чем сама Пеле. Первым по авторитету при Пеле был *Мохо*, король steam. Остальным, соответственно, было поручено создавать взрывы, раскаты грома и огненные дожди, перемещать и удерживать облака на месте, ломать каноэ, сражаться огненными копьями, швырять раскаленные массы лавы и делать все, что прикажет богиня.

Поскольку семья требовала дань от всего острова Гавайи, чтобы получить ее, они часто посещали действующие и потухшие кратеры в других районах, и землетрясения возвестили об их отъезде с Килауэа. Храмы Пеле были многочисленны, особенно по соседству со старыми потоками лавы, и их священники всегда были хорошо обеспечены. Кратер Килауэа был особенно священен для богини, и землю вокруг него нельзя было безопасно тревожить. Сначала приносилась в жертву часть всего съеденного там, и в кратер бросали фрукты, свиней, домашнюю птицу, рыбу, а иногда и людей, чтобы умиловить гнев богини и предотвратить грозящий разлив.

Семья Пеле не была ни связана, ни контролировалась **Ошибка! Закладка не определена.** верховными богами гавайского культа и не была частью ни древней, ни более поздней теократии группы, низвергнутой жречеством *Хика-палоа*, божества и троицы изначального творения. Это было коренное и независимое поселение двенадцатого века, до которого семья была неизвестна на Гавайях; и то сильное влияние, которое она обеспечила и на протяжении веков сохраняла в сердце коренных жителей, отчасти объяснялось популярной верой в духов умерших вождей и предков и поклонением им, а отчасти постоянными и постоянно видимыми свидетельствами могущества и злобности вулканических божеств. Точно так же обстояло дело и со многими другими божествами, которым поклонялись гавайцы. В то время как *Кейн* считался создателем и, несомненно, превосходил их всех, они редко были ограничены в выполнении своих нескольких функций, и индивидуальные обращения к ним через их священников были необходимы, чтобы заручиться их благосклонностью или умиротворить их гнев.

Тип пейзажа — на острове Кауаи.

С этим кратким упоминанием о поклонении и атрибутах ужасной богини и ее семьи теперь будет рассказана история их земной жизни и дана ясная связь со странными событиями, которые привели к их апофеозу. Каждая традиция упоминает их как божества во время их прибытия на Гавайи и оккупации Килауэа, и все они изобилуют чудесными историями об их подвигах, самая замечательная из которых связана с оахуанским воином Камапуаа, одним из любовников Пеле, который был превращен бардами в сверхъестественное чудовище — существо наполовину человека — наполовину свинью - с силами, почти равными силам самой Пеле. Однако тщательный анализ различных *мооолело* Пеле и ее семьи делает очевидным, что они пришли в группу простыми людьми, и такими же людьми жили и умерли, как и Камапуа, и что суеверие впоследствии возвело их смертные деяния в ранг сверхъестественных достижений.

Семья Пеле прибыла на Гавайи во времена правления Камиоле, узурпатора, с одного из южных островов — вероятно, Самоа — примерно в 1175 году нашей эры. Он был чистокровного, а также священнического происхождения и, чтобы избежать наказания за поражение, в конце долгой и разрушительной войны бежал на север и нашел дом на Гавайях. Глава семьи пал в битве, и Мохо, старший из сыновей, взял на себя руководство тем, что осталось от некогда могущественного дома.

Беглецы сначала высадились в Хонуапо, в округе Кау, **Ошибка! Закладка не определена.**но, не найдя там свободных земель, поплыли вдоль южного берега Пуны и, наконец, обосновались в долинах позади Кеухоу, среди предгорий Мауна-Лоа, включая кратер Килауэа. В нескольких милях к западу годом ранее разлив достиг моря, и поскольку вулкан все еще был активен, а по соседству часто происходили землетрясения, долины были пустынные, и о новоприбывших, которые смело поселились там, вскоре заговорили, что они находятся под особым покровительством богов, поскольку они, казалось, не боялись ни землетрясений, ни угрозы пожаров. В сложившихся обстоятельствах почти все, что они делали, приписывалось сверхъестественным силам, и вскоре Пеле, Мохо и Камакауа — трем самым влиятельным членам

маленького сообщества — стали считаться *кахунами*, обладающими необычайной святостью и силой.

Собственно семья Пеле в то время состояла из Пеле, двух ее братьев, Мохо и Камакауа, и младшей сестры по имени Улолу, которая после своего апофеоза была известна как *Хишака-ика-пали-опеле*. Однако с ними было несколько родственников — в основном женщин, чьи защитники погибли в борьбе, предшествовавшей их отъезду с Самоа, — и около тридцати сопровождающих. Братья были крупными, крепкими мужчинами, отличившимися с оружием в руках на своей родной земле, а их сопровождавшие были воинами испытанной храбрости и способностей. Из этих спутников и помощников были созданы еще три брата и семь сестер Пеле, упомянутых в "*мелесе*" бардов. Говорят, что один из первых — *Канехекили* — был горбуном, как и Камакауа, но боевые качества ни того, ни другого, похоже, не пострадали из-за уродства.

Пеле была столь же смелой, сколь и привлекательной лично. Она принимала активное участие в войнах своего отца и собственноручно убила вождя, пытавшегося ее похитить. Ее братья были преданы ей, а ее яркие глаза и царственная осанка вызывали уважение у всех, кто приближался к ней.

А теперь, обрабатывая свои земли в долинах позади Кеухоу и живя в довольстве и не опасаясь приставаний, мы на время покинем маленькую колонию и обратимся к другому важному персонажу истории, которую мы рассказываем, — Камапуаа, традиционному чудовищу Оаху, чьи деяния так возвеличивают **Ошибка! Закладка не определена.** фольклорные предания этого острова. На некоторых *картинах* он изображен в виде свиньи с человеческой головой, а на других - как существо с человеческим обликом и головой свиньи; но во всех он описывается как чудовище огромных размеров, со злобными и хищническими наклонностями.

II.

Оглядываясь назад на полвека или более до высадки семьи Пеле в Пуне, мы отмечаем прибытие в группу ряда независимых партий иммигрантов или искателей приключений с южных островов. Среди них были вожди Калана и Хума. Они пришли со значительной свитой, включая красавицу Камаунуи и нескольких ее родственников. Группа высадилась на острове Мауи и, после некоторых скитаний и смены мест, наконец, остановилась в Вайхи, месте, известном своей красотой и природными преимуществами. Хуме понравилась ярмарка Камаунуи. Он нашептывал ей нежные слова во время их долгого путешествия из Кахики и кормил ее самой вкусной едой, какую только можно было найти в его большом двухместном каноэ; но Калану она любила больше, и, когда она стала его женой, Хума внезапно покинул Вайхи, вернувшись, как предполагается, на родину.

Единственным ребенком от этого брака была Хина, которая, достигнув совершеннолетия, стала женой Олопаны, вождя острова Оаху. Хотя у него было то же имя, он ни в коем случае не состоял в родстве с Олопаной, который был братом Мойкехи и внуком Мавеке. Этот вождь прибыл с юга за несколько лет до своей женитьбы на Хине и вместе со своим младшим братом Кахикьюлой поселился в Кулау, или на стороне Кулау на острове Оаху, где приобрел очень значительные владения. По какой случайности он встретил Хину или благодаря какому влиянию завоевал ее, традиция не упоминает, но в качестве его жены она уехала с ним на Оаху и там осталась.

Хина была светловолосой, а Кахикиула, в отличие от своего брата, молодым и красивым. Они были счастливы в обществе друг друга и поэтому много времени проводили вместе. Она

отправилась с ним в горы за дикими фруктами и ягодами, а он последовал за ней на берег моря собирать ракушки и моллюски. Ревность Олопаны наконец разгорелась, и когда Хина подарила ему сына, он обвинил Кахикиулу в его отцовстве и отказался принять ребенка как своего собственного. Это отдалило братьев и сделало судьбу Хины несчастной. **Ошибка! Закладка не определена.**

С самого рождения Олопана невзлюбил ребенка и в негодовании назвал его Камапуа, что означает "ребенок-свинья" или "дитя свиньи". Поскольку младенец не обладал выраженными физическими характеристиками этого животного, вполне вероятно, что Олопана закрепил за ним неприличное прозвище в духе мести. Но, что бы ни послужило причиной его дарования, ребенок, несомненно, носил это имя всю жизнь, тем самым давая бардам, которые воспевали историю его деяний, сигнал и предлог для превращения его в монстра, изображаемого традицией.

Не испытывая любви к Камапуа, Олопана мало интересовался своим ростом из года в год до могучей мужественности, которой он в конце концов достиг и которая вызывала восхищение всех остальных. Чем больше хвалили Камапуаа, тем большую неприязнь испытывал к нему Олопана, и в конце концов присутствие молодого великана стало ему настолько противно, что он приказал ему под страхом смертной казни покинуть округ.

Камапуаа, не сумевший понять причину этой противоестественной ненависти, в конце концов разозлился, и он ушел из дома своей юности с сердцем, полным горечи и клятв отомстить. Когда он уходил, Кахикиула подарил ему длинное и изящно отделанное копье с костяным наконечником, а его мать набросила на его широкие плечи плащ из перьев вождя и повесила ему на шею *палаоа*, или талисман, вырезанный из зуба какого-то крупного морского животного.

Камапуаа знал о большой пещере в горах в нескольких милях от Кулау, именем которой будет обозначено место его рождения, и там он отремонтировал и поселил свою резиденцию. Он вел дикий, хищнический образ жизни, и вскоре к нему присоединились другие, такие же безрассудные, как и он сам, пока группа не насчитала в общей сложности пятьдесят или шестьдесят человек. Осмелев после этого, Камапуаа начал преследовать поместья Олопаны. Он крал его свиней, домашнюю птицу, фрукты и все остальное, что требовалось его маленькому отряду, и наслаждался тем, что разрывал его сети, пускал по течению его каноэ и грабил его пруды с рыбой. В духе юношеской бравады он покрыл свое тело, от поясницы и выше, черной татуировкой, побрил голову и бороду до подобия щетины и набросил на плечи короткую накидку из дубленной свиной шкуры, оставив волосы на внешней стороне. В таком обличье его имя не казалось совсем уж неуместным, и он был доволен ужасом, который внушал его вид. **Ошибка! Закладка не определена.**

Осмелев еще больше, Камапуаа решил начать более ожесточенную войну против Олопаны и начал вырубать его кокосовые деревья и уничтожать растущий урожай. Это привело к кризису, поскольку подобные действия всегда расценивались как объявление войны. Грабежи Камапуаа неизменно совершались ночью, и прошло некоторое время, прежде чем были обнаружены настоящие агрессоры. Кулау был полон историй о мародерских подвигах незаконной банды, возглавляемой чудовищем-получеловеком-полусвиньей, и *кахунас* были призваны выяснить характер нарушителей и, если их сочтут сверхъестественными, умиловить их жертвоприношениями.

Пока *килограммовщики* упражнялись в своем искусстве, тайна внезапно разрешилась более практичным способом. Однажды ночью Камапуаа и несколько человек из его отряда были замечены при разрушении стен одного из рыбных прудов Олопаны, за ними тайно проследили до их укрытия в холмах. Эта информация была доведена до Олопаны, и он быстро снарядил

небольшой отряд воинов, чтобы преследовать и захватить или уничтожить банду грабителей, которая, как он был вне себя от ярости, когда узнал, находилась под предводительством его отверженного сына или племянника Камапуаа.

Но задача по захвату или уничтожению Камапуаа и его банды была отнюдь не легкой. Из отряда, впервые посланного напасть на них в их горной крепости, все были убиты, за исключением одного воина, и ему разрешили вернуться, чтобы рассказать о резне и передать Олопане неповиновение Камапуаа.

Это убедило вождя в том, что целью Камапуаа было восстание, а не грабеж, и против разбойников был организован отряд из шестисот воинов. Это вынудило Камапуаа изменить свою тактику, и, оставив свое отступление, в котором они могли быть окружены и приведены к покорности голодом, повстанцы отступили дальше в горы, где в течение нескольких месяцев бросали вызов всем силам Олопаны. Происходили частые стычки, в результате которых погибло много людей, но каждая попытка окружить и захватить отчаявшуюся банду была сорвана стремительностью и проницательностью их лидера.

Однажды, преследуемые вплотную и прижатые к краю узкого ущелья, повстанцы пересекли пропасть и перебрались на другую сторону каким-то неизвестным их преследователям способом, и была рассказана история, в которую верили, что Камапуаа, приняв форму **Ошибка! Залкада не определена.**гигантского борава, перепрыгнул ущелье и позволил своим последователям быстро перебраться на другую сторону через его спину, когда он одним прыжком перепрыгнул через него и убежал вместе с ними. В Хаууле до сих пор указано место, отмечающее это чудесное достижение, и показаны следы чудовища на твердой скале.

Трудно точно сказать, как долго продолжались эти беспорядочные бои, но в конце концов повстанцы были окружены и почти уничтожены, а Камапуаа был захвачен невредимым и доставлен в Олопану, к великой радости и облегчению жителей Кулау. Олопана воздвиг *храм* в Канеохе, где Лоноаохи исполнял обязанности верховного жреца, и туда он решил привести своего непокорного сына или племянника и принести его в жертву богам. Хина умоляла сохранить жизнь Камапуаа, но Олопану было невозможно сдвинуть с места. Убедившись, что он не прислушается к мольбам о пощаде, она решила спасти своего сына, даже пожертвовав своим мужем, и с этой целью заручилась поддержкой верховного жреца, благодаря предательству которого Олопане была спасена жизнь Камапуаа.

В день, назначенный для жертвоприношения, Камапуаа, тщательно связанный и под усиленной охраной, был доставлен в *хиау*, за ним последовал Олопана, которому не терпелось стать свидетелем ужасных церемоний и собственными глазами увидеть, что его назойливый враг был должным образом убит, а его тело возложено на алтарь. При принесении человеческих жертвоприношений жертва выносилась за стены *храма* и забивалась дубинками помощниками первосвященника. Затем тело вносили и клали на алтарь перед входом во внутренний двор, или святилище, после чего исполняющий обязанности священника удалял левый глаз и передавал, если он присутствовал, вождю, приказавшему совершить жертвоприношение. После этого было совершенно торжественное жертвоприношение, и тело оставили на алтаре, чтобы с ним справились стихии.

Стоя с тремя или четырьмя слугами у дверей своего *запретного* убежища, в сорока или пятидесяти шагах от алтаря, Олопана увидел, как его жертву предварительно вели к месту жертвоприношения, и через несколько минут жестом приказал начинать церемонию. Камапуаа был взят без стен храма, чтобы быть убитым. Он находился под присмотром трех помощников священника, один из которых вел его за толстую веревку на шее, другой держался вплотную за

ним, а третий молча шел рядом с ним с **Ошибка! Закладка не определена.**палкой для казни в руке. Пройдя за внешнюю стену, группа вошла в небольшое огражденное пространство, примыкающее к ней, и палач поднял дубинку и обрушил ее на голову своей жертвы. Камапуаа улыбнулся, но не двинулся с места. Дважды, трижды могучим взмахом дубинка опускалась на голову Камапуаа, но едва пригибала колючие волосы на его макушке.

С некоторым удивлением палач, чьи легкие удары едва ли покалечили бы мышь, опустил дубинку и сказал:

“Трижды я безуспешно пытался убить его! Боги отвергают жертву!”

“Это так, это так, это так!” - подхватили его спутники. “Боги действительно отвергают жертву! Мы это видели!”

Поэтому, вместо того чтобы убить Камапуаа, помощники, как им было тайно приказано сделать верховным жрецом, сняли веревки с его конечностей, смазали его волосы, лицо и тело свежей кровью домашней птицы, на своих плечах отнесли его обратно и положили на алтарь как мертвого.

Верховный жрец приблизился к явно безжизненному телу и на мгновение склонился над лицом, как бы для того, чтобы удалить левый глаз; затем, положив на деревянный поднос глаз большой свиньи, который был заготовлен специально для этой цели, он послал помощника с ним к Олопане, одновременно удалившись во внутренний двор и оставив рядом с Камапуаа и возле его правой руки, как бы случайно, острый *пахоа* из слоновой кости, или кинжал, которым он, по всей видимости, орудовал.

Бросив лишь один взгляд на глаз, подаренный ему помощником верховного жреца, Олопана передал его служителю, не делая обычного вида, что ест его, и подошел к алтарю один. Камапуаа не дышал. Его лицо было залито кровью, веки были закрыты, и ни один мускул не двигался, указывая на жизнь.

Олопана мгновение смотрел на ненавистное лицо, а затем повернулся, чтобы покинуть *храм*, не желая присутствовать при церемонии официального подношения. В этот момент Камапуаа схватился за кинжал, лежавший у него под рукой, и, спрыгнув с алтаря, вонзил лезвие в спину Олопаны. Снова и снова он пускал в ход оружие, пока вождь со стоном боли не упал замертво к ногам своего убийцы.

В ужасе от того, что они увидели, слуги Олопаны **Ошибка! Закладка не определена.**бросились к своему упавшему вождю. Но их передвижения, каким бы ни был их смысл, не потревожили Камапуаа. Он привык встречать противника и принимать его неравенство в битве, и когда он завладел *хе* и огромным каменным топором, удобно расположенным для его использования за алтарем, он смело приблизился и вызвал его на поединок.

Но вызов не был принят. Обычно слуги вождя не испытывали недостатка в мужестве, но они были обескуражены при виде жертвы, убитой, изуродованной и возложенной священником на алтарь, которая ожила и вскочила на ноги во всеоружии перед своими врагами.

Появившийся на сцене первосвященник выразил большое удивление и ужас по поводу произошедшего, а его помощники дико закричали по поводу святотатства; но никто не поднял руку на Камапуаа, и друзья Олопаны, наконец, покинули *храм*, забрав его тело с собой.

Эта трагедия в хеяу Каваэваэ вызвала глубокое волнение в округе. Если бы Камапуа был хоть сколько-нибудь популярен в массах, смерть Олопаны от его рук вызвала бы лишь небольшое возмущение; но поскольку многие, кроме мертвого вождя, пострадали из-за его грабежей, и сотни жизней были принесены в жертву его преследованию и окончательному пленению, народ поднялся почти всем скопом, чтобы выследить и уничтожить его.

Хина попыталась спасти своего сына от гнева его врагов, но ее влияния было недостаточно, чтобы защитить его, и он снова искал убежища в горах; но его последователей было мало, и в конце концов он пересек остров и с группой из сорока или пятидесяти безрассудных и предприимчивых людей отплыл к наветренным островам на флотилии из восьми или десяти каноэ, которые он каким-то образом раздобыл у народа Эва.

III.

Более чем одна традиция утверждает, что Камапуаа отправился в чужие земли после того, как покинул Оаху, даже в те земли, где небо и море должны были встретиться; но в то время он не совершал такого путешествия. Он провел несколько месяцев, осматривая достопримечательности островов к юго-востоку от Оаху, и почти обошел их все. Иногда, за неимением лучшего занятия, **Ошибка! Закладка не определена.** он и его товарищи участвовали в мелких войнах в посещаемых ими округах; но обычно они вели бродячую, беззаботную жизнь, поддерживая мирные отношения со всеми и грабя только тогда, когда не удавалось пополнить припасы.

И так они путешествовали от острова к острову, пока не достигли Гавайев. Камиоле, узурпатор, только что потерпел поражение и был убит Калапаной, сыном Канипаху, горбуна, а Кохала, где Камапуаа впервые высадился, все еще страдала от последствий войны. Поэтому он направился на юг вдоль побережья, коснувшись в нескольких местах Коны; затем, обогнув южный мыс острова, он поплыл вдоль берегов Кау к Хонуапо, где высадился и провел несколько недель.

Именно находясь там, Камапуаа впервые узнал о семье Пеле из соседнего района Пуна и познакомился со многими историями о чарах и колдовстве, связанными с маленькой колонией. Ему описали Пеле как женщину необычайной красоты, а земли, занятые семьей и ее слугами, как говорили, были защищены от разливов лавы с Килауэа благодаря особой милости и защите богов.

Эти странные истории заинтересовали Камапуаа, и он решил убедиться в их правдивости, посетив таинственную колонию. Соответственно, он отплыл со своими спутниками в Пуну и, высадившись в Кеау, поселился на берегу моря, недалеко от земель, занятых Пеле и ее родственниками.

Поскольку колонисты, казалось, обращали мало внимания на вновь прибывших, по истечении трех-четырех дней Камапуаа решил открыть путь к знакомству с ними, лично посетив их поселение, и однажды утром вместе с несколькими своими спутниками предстал перед уютным *домом* Пеле и ее семьи.

Мохо вежливо принял незнакомцев, поинтересовался целью их визита в Кеухоу и из какой части страны они прибыли, и гостеприимно пригласил их на завтрак из мяса, картофеля, *пои* и фруктов. Приглашение не было отклонено, и во время трапезы Мохо узнал от Камапуаа, что он был главой отряда и что его визит с товарищами в Пуну не имел никакой особой цели, кроме наблюдения и удовольствия. **Ошибка! Закладка не определена.**

Покрытое татуировками тело, щетинистые волосы и борода Камапуаа придавали его внешне привлекательной особе странно свирепый и отталкивающий вид, и при упоминании его имени и места рождения Мохо сразу узнал в нем чудовище с Оаху, которое razорило поместья Олопана и, наконец, убило этого вождя в хеяу Каваэвае. Следовательно, его присутствие в этой части Пуны было значительно менее желанным, чем подразумевалось в словах Мохо; но ни один поступок последнего не свидетельствовал о подозрении, что скрытые цели его посетителей, возможно, были иными, чем мирные, и когда они отправились на пляж, это были взаимные заверения в дружбе.

Но в то утро Камапуаа не уходил, пока не увидел Пеле. Он нашел предлог продлить свой визит до тех пор, пока она наконец не появилась, и когда Мохо познакомил их друг с другом, Камапуаа повел себя с грацией и галантностью, которых никогда прежде не наблюдали за ним его спутники. Он признался себе, что слухи о красоте Пеле не были преувеличены, и задался вопросом, как получилось, что она долгие годы оставалась незамужней.

Тогда Камапуаа — возможно, не в первый раз — пришла мысль, что он сам женится на Пеле и навсегда поселится в Пуне. Мысль о женитьбе редко приходила ему в голову, но после того, как он увидел Пеле, он не мог думать ни о чем другом. Он очень восхищался ее внешностью и не видел причин, почему бы ей не быть в равной степени довольной его внешностью. Ни одно зеркало, кроме неясного отражения воды, никогда не показывало ему его покрытое отвратительными татуировками лицо, щетинистые волосы и бороду, а свиная шкура, все еще накинута на его покрытые пятнами плечи, считалась им мужественным и воинственным одеянием, хорошо рассчитанным на то, чтобы произвести впечатление на женщину с мужеством и достижениями Пеле.

Но Камапуаа не стал настаивать на своем иске сразу. Он посещал Мохо почти каждый день в течение полугода или больше и старался угодить Пеле, посылая ей корзины с отборными дикорастущими фруктами, морскую рыбу, которую разрешалось есть женщинам, и связки красивых и любопытных раковин, собранных с берегов и пещер побережья. Он иногда виделся с ней и заметил, что она избегает его; но он приписал ее кажущееся отвращение к нему застенчивости, свойственной ее полу, и не усмотрел в этом никакого неблагоприятного предзнаменования для своего ухаживания. **Ошибка! Закладка не определена.**

Товарищи Камапуаа вскоре обнаружили привлекательность, которая так долго удерживала его в окрестностях Кеухоу, где еда становилась все менее обильной, и уговаривали его вернуться в Хонуапо; но он заставил их замолчать, пообещав хорошие земли и легкую жизнь в долинах позади них, и они, надеюсь, продолжали бороться со своей неудовлетворительной пищей.

В конце концов Камапуаа сделал предложение руки и сердца Пеле, но она отказалась принять его, и ее братья быстро и сердечно поддержали его. Но простой отказ не удовлетворил Камапуаа. Он настаивал на том, что в его жилах течет благородная кровь и что предлагаемый союз во всех отношениях уместен и окажется взаимовыгодным. Взбешенная его самонадеянностью и настойчивостью, Пеле смело выразила свое презрение к нему и отвращение к его присутствию. В ответ Камапуаа пригрозила схватить ее силой и опустошить колонию. Традиция утверждает, что после этого она бросила вызов его власти и прямо в лицо назвала его “свиньей и сыном свиньи”.

Но, какими бы точными ни были формулировки, использованные по этому случаю Пеле, они были достаточно определенными и оскорбительными, чтобы не только разрушить последнюю надежду Камапуаа, но и пробудить в его сердце самые горькие чувства мести, и он в гневе удалился на пляж, чтобы спланировать и быстро привести в исполнение ужасный план возмездия.

Не упоминая о своей последней беседе с Пеле и ее братьями, Камапуаа сообщил своим спутникам, что он, наконец, готов переехать — однако не в Хонуапо, а в возделанные долины сразу за ними, населенные семьей чужеземцев и их приверженцами, которые не признают власть ни Калапаны, ни правящего вождя Пуны, и поэтому могут быть изгнаны, не навлекая на себя упреков или враждебности какой-либо власти, компетентной наказывать. Проект пришелся им по душе, но они сомневались в своей способности изгнать со своих земель такое большое количество людей, большинство из которых, несомненно, были искусны в обращении с оружием.

Но Камапуаа пообещал расчистить путь к легкой победе. Он сказал, что тщательно подсчитал количество поселенцев и осмотрел места, где поселилось большинство из них. Его план состоял в том, чтобы внезапно напасть на них ночью и перебить всех мужчин-приверженцев семьи. Сделав это, они стали бы хозяевами ситуации и могли бы вести себя на своих условиях с теми немногими, кто остался. Было предложено вовлечь в бойню правящую семью, но Камапуаа выступил против этого предложения, заявив, что один из братьев Пеле был священником великой святости, чья насильственная смерть вызвала бы гнев богов; и его совет возобладал.

Прошло несколько дней без каких-либо движений. Камапуаа ждал не только ослабления бдительности, которое могли вызвать его неосторожные угрозы, но и наступления темноты при убывающей луне. Наконец удар был нанесен. Под благоприятным покровом темноты Камапуаа и его спутники покинули пляж и спрятались возле разбросанных хижин поселенцев, а по сигналу, вскоре после полуночи, поднялись и перебили всех мужчин в пределах досягаемости их оружия. Но мало кому удалось спастись. Крики женщин, которых пощадили, разносились по долинам, когда они бежали к особняку Пеле и ее братьев в поисках защиты, и банда убийц довольная вернулась на пляж.

Целью Камапуаа было окружить дом выжившей семьи на следующий день и захватить Пеле силой, как он угрожал, или иным образом примирить ее и ее надменных родственников. Но после того, что произошло, Мохо с готовностью разгадал планы убийц и рано утром следующего дня покинул семейную группу домов, которые невозможно было успешно защитить, и укрылся в пещере в горах, примерно в трех милях вверх по долине, в сопровождении всей семьи и еще нескольких человек, избежавших резни предыдущей ночью. В пещере была вода, и поскольку беглецы взяли с собой значительное количество провизии, а путь к отступлению был небольшим и его легко было защитить, они надеялись, что смогут, даже если их обнаружат и осадят, защитить себя до прибытия подмоги или снятия осады врагами как безнадёжной.

Пещера имела вулканическое образование и никогда не была полностью исследована. Она включала в себя несколько больших соединяющихся камер с неровными проходами, ведущими обратно на холм и вверх по нему. Единственный свет проникал через главный вход, в который изнутри были наспех вкатаны тяжелые глыбы лавы, кое-где оторванные, оставлявшие отверстия, через которые можно было вонзать копыя. Откуда-то из темноты просачивался крошечный ручеек воды и, наполнив неглубокий резервуар в полу одной из камер, вытекал через отверстие. Поскольку воздух поступал из задней части пещеры, он, должно быть, был соединен с поверхностью каким-то одним или несколькими из упомянутых темных проходов; но ни малейшего проблеска света, насколько обитатели могли проникнуть в глубину, не указывало на возможность побега в этом направлении, если пещера окажется непригодной для жилья в результате штурма. Всего в отряде насчитывалось семь мужчин и восемнадцать женщин и детей, и они взяли с собой при отступлении приличный запас оружия и провизии, достаточный, чтобы продержаться несколько недель. Подготовленные таким образом, они мрачно ожидали своей участи.

Но они бежали в горы не сразу, потому что рано утром появились Камапуаа и его спутники и окружили опустевшее жилище семьи. Обнаружив, что его жертвы сбежали, Камапуаа быстро разделил своих последователей на небольшие группы и отправил их в горы на поиски беглецов или следов их бегства. Он тоже присоединился к поискам, но остался без присмотра.

В течение дня все вернулись в покинутые хижины, где они разместились, и сообщили, что никаких следов пропавших колонистов обнаружено не было, и общее мнение было таково, что они сбежали через горы. Камапуаа подождал, пока все остальные расскажут истории о своих бесплодных странствиях, и объявил, что нашел то, на что у них не хватило проницательности. Он сообщил им, что беглецы были спрятаны в пещере на некотором расстоянии в одной из долин, где их можно было без труда окружить и схватить; но он не упомянул, что сделал это открытие, хитро следуя за собакой в холмы и наблюдая за животным, пока оно не остановилось перед входом в пещеру. Он хотел, чтобы его товарищи поверили, что его успех был вызван каким-то его собственным вдохновением или предвидением.

Немедленно был отправлен охранник наблюдать за пещерой и следить, чтобы никто не сбежал, а на следующий день место было окружено и официально осаждено. После этих приготовлений, видимых Мохо и его горстке воинов, Камапуаа подошел ко входу достаточно близко, чтобы его можно было услышать изнутри, и потребовал сдачи отряда, пообещав, что жизни всех будут сохранены. **Ошибка! Закладка не определена.**

Требование было отклонено со словами оскорбления и неповиновения, и Камапуаа приказал штурмовать вход. Было предпринято несколько попыток выбить защитные камни из прохода, но их щели оцетинились наконечниками копий, и после того, как несколько нападавших были ранены, от этого плана атаки отказались как неосуществимого.

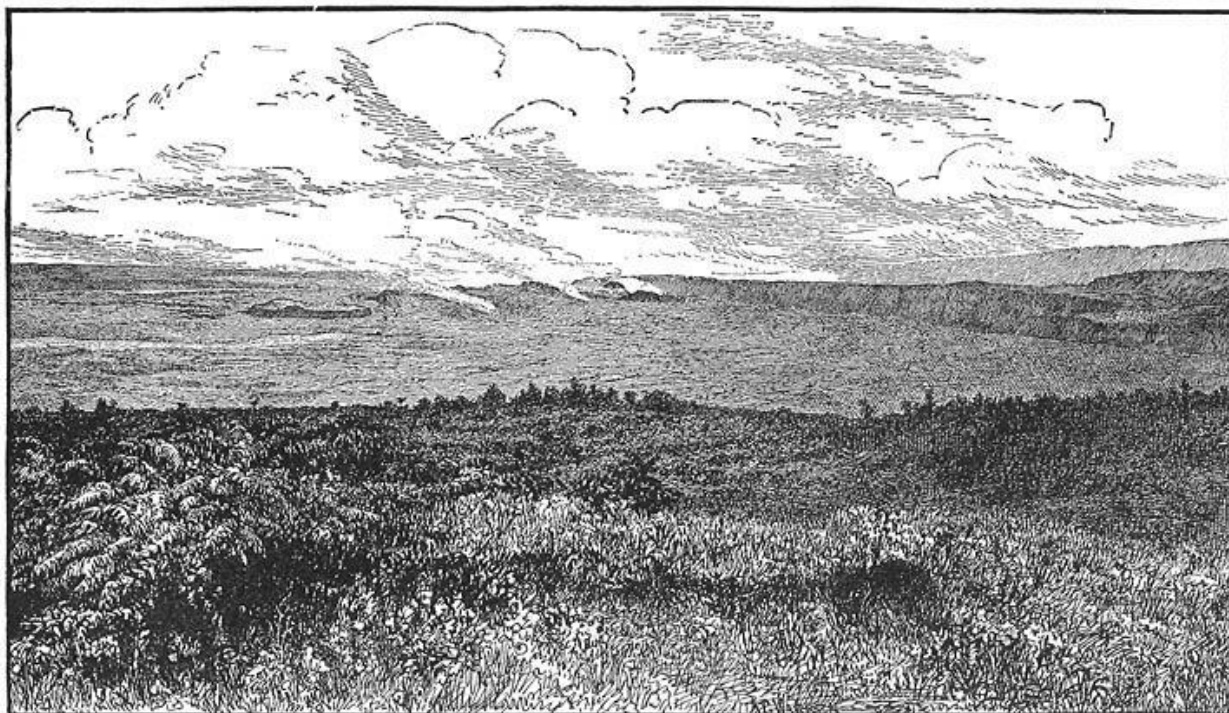
Затем перед входом было навалено большое количество сухих дров, листьев и травы и подожжено в надежде, что заключенные задохнутся от жара и дыма пожара; но сквозняк через пещеру не давал дыму проникать внутрь, и, хотя жара на какое-то время стала невыносимой непосредственно у входа, на смежные камеры это повлияло лишь незначительно. Огню позволили погаснуть, и Камапуаа, слишком близко подошедший ко входу, чтобы заметить его последствия, остро осознал провал проекта, получив резкий удар копьём в руку.

Поскольку огонь и штурм оказались безрезультатными, а длительная осада не соответствовала его целям, Камапуаа затем попытался пробить брешь в верхней части пещеры позади входа. Поскольку это требовало удаления вышележащего слоя почвы и камней высотой в десять-пятнадцать футов, предприятие требовало очень значительного количества тяжелого труда. Но план был встречен всеобщим одобрением, и с *оос* и другими орудиями, добытыми в долинах внизу, осаждающие приступили к раскопкам в пещере.

В течение нескольких дней работы шли почти непрерывно, и большая яма была вырыта на глубину восьми или десяти футов, когда земля начала сильно дрожать, а через несколько минут воздух наполнился сернистым дымом и пеплом. Но это было не самое ужасающее зрелище, которое увидели Камапуаа и его спутники. Взглянув на долину, которая в этом месте была немногим больше узкого ущелья, они увидели поток лавы шириной в добрую сотню футов, вырывающийся из склона холма и стекающий в ущелье, его высоко поднимающийся гребень был покрыт горячей древесиной и нес перед собой грохочущую лавину наполовину расплавленных валунов.

С криками ужаса они пустились во весь опор вниз по долине, а за ними последовал всепожирающий поток. Они мчались все дальше, мимо заброшенных хижин своих жертв, мимо

песчаных предгорий, мимо деревьев какао, окаймлявших пляж. Повернувшись к **Ошибка! Залка не определена.**к кромке воды, они увидели ужасный поток, распространяющий свою мантию смерти по расширяющейся долине и несущийся к морю прерывистыми потоками. Вскочив в свои каноэ, они нырнули в полосу прибоя и поплыли в море. Отплывая в Хонуапо, Камапуаа увидел, когда они покидали побережье, что верхняя часть долины, из которой они бежали, была заполнена лавой, и знал, что пещера, в которой Пеле и ее спутники искали убежища от его гнева, была глубоко погребена наводнением.

Вид на кратер Килауэа с высоты птичьего полета.

Когда весть об извержении достигла Хонуапо, люди, слышавшие так много странных историй о Пеле и ее семье, не поверили, что они погибли. Напротив, они заявили, что извержение было вызвано Пеле, чтобы изгнать Камапуаа из округа, и что если она и позволила уничтожить свои земли, то только с целью поселиться в кратере Килауэа. Это мнение вскоре оформилось в веру, которая распространилась по всему острову Гавайи, и следующее поколение стало свидетелем возведения храмов Пеле, богине огня, и посвящения ей священников. Все ее братья и сестры, кроме трех, были творениями ее первых священников, и их атрибуты постепенно росли и обретали форму по мере того, как они плыли по течению традиции.

О Камапуаа после его бегства с Кеухуо рассказывается много приключений, но большинство или все из них - мечты поэтов последующих поколений; и дальнейшее упоминание здесь об этом самом ярком из ранних героев группы можно должным образом завершить замечанием, что вскоре после знакомства с семьей Пеле он иммигрировал со значительным количеством последователей на один из южных островов, где женился, отличился в военном деле и, наконец, умер, так и не посетив Гавайский архипелаг. **Ошибка! Залка не определена.**

ХУА, КОРОЛЬ ХАНЫ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ХУА, король Ханы, Мауи.

ЛУУАНА, священник при дворе короля.

ЛУАХУМО, верховный первосвященник.

КААКАКАИ и
КААНАУА, } сыновья Луахумоэ.

ОЛУОЛУ, жена Каакакая.

КААКОАИ
МАМУЛУ, его жена, } друзья Олуолу.

НАУЛА-А-МАЙЕА, верховный жрец Оаху.

Ошибка! Закладка не определена.

ХУА, КОРОЛЬ ХАНЫ.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ГОЛОДЕ ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА.

Я.

С правлением Хуа, древнего короля Ханы, или восточного Мауи, связано легендарное повествование об одном из самых ужасных проявлений гнева богов в гавайской традиции. Более чем вероятно, что масштабы бедствий, последовавших за вызывающим и варварским обращением Хуа со своим первосвященником и пророком, были сильно приукрашены и преувеличены, в свою очередь, благочестивыми историками, которые получали и передавали *моооэло* на протяжении веков; но детали этой истории были сохранены с ужасающей лаконичностью, и на протяжении более шестисот лет пересказывались как торжественное предупреждение против бессмысленного посягательства на прерогативы жрецов или пренебрежения силой и святостью богов.

В некоторых генеалогиях Хуа представлен как прадед Паумакуа с острова Мауи. Эта запись, если бы ее приняли, полностью исключила бы его из гавайской группы, поскольку сам Паумакуа, несомненно, был иммигрантом с Таити или какого-либо другого из южных островов. Поскольку он был современником выдающегося священника и пророка Наулы, который, как говорят, сопровождал Лаа-май-кахики из Райатеа, он, должно быть, появился на два или три поколения позже Паумакуа и, вероятно, принадлежал к побочной ветви великой семьи Хуа, из которой Паумакуа черпал свою кровь.

Следовательно, можно предположить, что уже в 1170 году нашей эры Хуа был *али-нуи*, или фактическим сувереном восточного Мауи. Его называют королем Мауи, но вряд ли его власть распространялась на западную часть острова, поскольку только при правлении Пиилани, почти три столетия спустя, народ Мауи окончательно объединился под властью одного правительства. До этого времени, за исключением периодов временного завоевания или оккупации, восточным и западным Мауи правили различные и часто враждебные династии королей. Следовательно, суверенитет Хуа едва ли мог распространяться за пределы округов Кулау, Хана, Кипахулу и Каупо, в то время как остальная часть острова, должно быть, признавала власть либо Палены, внука Паумакуа, либо Ханалаа, выдающегося сына и преемника Палены, поскольку более поздние *моисеи* с Мауи непрерывно вели свою генеалогию через эту ветвь семьи Паумакуа.

Но, из какого бы источника Хуа ни получил свой ранг и власть, он был безрассудным, независимым и воинственным вождем. Имея доступ к самой крупной и отборной древесине в группе, его боевые каноэ были многочисленны и грозны, и, когда он не был занят в нападении на соседние границы, он участвовал в грабительских экспедициях к берегам Гавайев и Молокаи. Традиция делает его агрессором в самой ранней из известных войн между Мауи и Гавайями. Хотя название войны (*Кануйохио*) сохранилось, оно, вероятно, не вышло за рамки мощной мародерской вылазки к побережью Хило, Гавайи, приведшей к поражению вождей этого района Хуа, но не более чем к временному захвату и оккупации их земель; ибо в то время Канипаху был *моим* на Гавайях и вряд ли допустил бы постоянное пребывание противника в Хило, вожди которого признавали его сюзеренитет и, следовательно, имели право на его защиту.

Верховным жрецом Хуа был Луахумоэ. Он утверждал, что является *ику-пау*, то есть прямым потомком *Кейна*, и как таковой был строг в требовании уважения к его личности и священным прерогативам. Он не одобрял многие мародерские действия Хуа, советуя ему вместо этого вести свой народ к более счастливым и мирным занятиям и не провоцировать ни возмездие своих врагов, ни гнев богов. Это противодействие его агрессивным методам приводило Хуа в ярость, и между ним и священством постепенно росло чувство подозрительности и недоброжелательности. Он начал приписывать свои случайные неудачи с оружием намеренно пренебрегаемым молитвам и жертвоприношениям Луахумоэ, и однажды, вернувшись из неудачной экспедиции на Молокаи, он наложил свое *табу* на источник с водой, предназначенный для использования в *хейау*, а в другой раз бессмысленно проткнул копьем *пуаа-хива*, или черную *табуированную* свинью,

предназначенную для жертвоприношений. Когда его упрекали за то, что он таким образом навлек на себя гнев богов, он пригрозил верховному жрецу подобным обращением. **Ошибка! Закладка не определена.**

Хуа жил в основном в Хане, где построил один из самых больших королевских особняков в группе, и все свободное от своих воинственных забав время посвящал разгулу. У него была сотня танцовщиц *хула*, не считая музыкантов и барабанщиков, и его ежемесячные праздники превращались в дни и ночи разврата и необузданной распущенности. Опыанный *ава*, опьяняющим напитком, приготовленным из растения с таким названием, он поднимал шум по всей Хане во время своих частых увеселений, а привлекательных жен и дочерей его подданных нередко хватали и отдавали его любимым товарищам.

Приближался ежегодный фестиваль *Лоно* — событие, приуроченное к зимнему солнцестоянию, которое всегда с размахом отмечали на всех островах группы. Это был повод не только проявить уважение к ближайшему и самому популярному божеству божества, но и отпраздновать окончание старого года и начало нового. Древние гавайцы делили год на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом. Каждый месяц и день месяца имели название. У них было два способа измерения времени — лунный и звездный. Лунный месяц начинался в первый день новолуния на западе и регулировал их ежемесячные праздники и *запретные* дни. Их звездный месяц из тридцати дней отмечал одно из двенадцати делений года; но поскольку два их сезона года — *Хуило* (дождливый) и *Кау* (сухой) — измерялись Плеядами, а их двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом не завершали звездный год, они вставили пять дней в конце года, измеряемых месяцами, чтобы согласовать этот метод счета с движением звезд. Это ежегодное добавление было произведено примерно 20 числа их месяца *Велеху* (декабрь), по истечении которого начинался первый день первого месяца (*Макалиши*) нового года. Это был их *Макахики*, или день нового года. Пять промежуточных дней были сезоном *табу* и посвящались грандиозному ежегодному фестивалю в честь *Лоно*.

Готовясь к этому празднику, Хуа потребовал от народа необычайно больших пожертвований и, в ожидании очередной враждебной экспедиции на Гавайи, распорядился, чтобы подчиненные ему вожди выделили определенное количество воинов, каноэ и провизии, о чем следует сообщить в Хану сразу после начала нового года. Эти поборы вызвали всеобщее недовольство, и священнослужители скорее способствовали распространению, чем смягчали популярное недовольство. Обо всем этом было доложено Хуа, и он решил немедленно и на будущее освободиться от того, что, по его мнению, было назойливым и необоснованным вмешательством духовенства в государственные дела, свергнув Луахумоэ или лишив его жизни. В этом отчаянном решении его поддержал Лууана, священник, который отвечал за *heiau* или часовню королевского особняка, и который рассчитывал сменить Луахумоэ на посту верховного жреца.

Хуа всячески искал предлог для низложения или убийства Луахумоэ; но священник был стар годами, примерен в своем поведении и ходил среди людей без упреков. Наконец, по наущению Лууаны, которая предположила, что этот совет был божественным вдохновением, Хуа придумал неуклюжий и абсурдный предлог для нападения на Луахумоэ. Нечестность схемы была разоблачена, но, тем не менее, она привела к смерти ни в чем не повинного священника.

Согласно преданию, Хуа публично воспользовался случаем, чтобы приказать принести ему с гор немного *увау*, или *уау*. *Уау* - водоплавающая птица, редко встречающаяся на нагорьях. Поскольку ни его мясо для употребления в пищу, ни его перья для украшения не могли быть разумно востребованы, цель отправки ловчих на его поиски должна была стать предметом обсуждения; но короли тогда, как и позже, не всегда соизволили объяснить причины своих действий, и домашние слуги и вассалы короля немедленно приступили к приготовлениям к продолжению охоты.

“Будьте осторожны, чтобы птицы не прилетели с гор”, — сказал Хуа, обращаясь к доверенному *хоалии*, руководившему охотничьим отрядом. “Только с гор”, - повторил он. “Я не потерплю птиц с моря”.

“Но можно ли их найти в горах? - спросил я. - отважились *хоалии*, вопросительно глядя на Луахуми, который стоял рядом и наблюдал за полетом птиц, которые казались странно сбитыми с толку и предвещали зло.

- Ты спрашиваешь меня? - спросил священник, помолчав и убедившись, что король не отвечает.

- Я спрашиваю любого, кто думает, что знает, - ответил *хоалии*.

“Тогда птиц, которых вы ищете, не встретишь в горах в это время года, - ответил священник, - и вы должны расставить свои силки на берегу моря”. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Это для того, чтобы вы попытались отменить мои приказы?” воскликнул Хуа с явным гневом. - Я приказываю своим слугам отправиться в горы за *уау*, а ты прикажи им расставить силки на берегу моря!

“Я смиренно прошу короля помнить, что я не отдавал никаких приказов”, - спокойно ответил священник.

“Но ты посмел вмешаться в мои дела!” - возразил король. “Теперь слушай. Мои люди отправятся в горы на поиски нужных мне птиц. Если они найдут их там, я прикажу убить тебя как лжепророка и вводящего людей в заблуждение!”

С этой дикой угрозой король удалился со своими *хоалиями*, в то время как священник стоял молча, склонив лицо к земле. Он понимал значение слов Хуа. Они означали для него смерть и разрушение его семьи. Кровавый замысел царя был раскрыт ему у жертвенного алтаря, он видел его в облаках, ему прошептали о нем из *ану* святилища.

“Раз так угодно богам, я должен принести жертву”, - таково было благочестивое решение жреца. - “Но горе руке, наносящей удар, глазам, которые видят удар, земле, которая пьет кровь сына Лаамакуа!”

У Луахумоэ было два сына, Каакакай и Каанахуа. Оба были связаны со священством, и Каакакаи был посвящен во все тайны ордена в ожидании своего наследования после смерти отца на должность верховного жреца. Они были умными молодыми людьми, и их жизни были безупречны. Зная, что пощады им не будет, Луахумоэ посоветовал им немедленно покинуть Хану и укрыться в горах, а также предложил Ханаулу, возвышенный отрог могучего кратера Халеакала, как место, где они с наибольшей вероятностью смогут скрыться от наблюдения.

Но за несколько недель до этого Каакакаи стал мужем прекрасной Олуолу, дочери выдающегося вождя, погибшего во время первой экспедиции Хуа против Хило. Дважды она обращалась к *хэйау* за защитой от эмиссаров Хуа, которым было приказано схватить ее и доставить в королевский особняк, и в обоих случаях Луахуми предоставляла ей убежище в священной ограде. Именно там Каакакаи впервые встретил ее и, очарованный ее красотой не меньше, чем ее отвращением к похотливым намерениям короля, вскоре убедил ее стать его женой. Но даже будучи своей женой, Каакакаи не считала себя защищенной от злых замыслов короля и нашла для нее убежище в скромном доме дальнего родственника в уединенной долине в четырех или пяти милях от Ханы, где он часто навещал ее и подбадривал заверениями в своей любви.

Поскольку опасность была неминуемой, Луахумоэ убедил своих сыновей без промедления покинуть Хану, пообещав Каакакаи, что он навестит Олуолу на следующий день и сообщит ей о бегстве ее мужа и месте, куда он скрылся. Но старый священник не дожидаясь до того, чтобы выполнить свое обещание, и Олуолу осталась в неведении о судьбе своего мужа.

Рано утром следующего дня орнитологи вернулись, приведя с собой большое количество птиц, включая *уау* и *улили*, которые, по их утверждению, были пойманы в горах, тогда как на самом деле они попали в силки на берегу моря.

Хуа позвал верховного жреца и, указывая на птиц, сказал: “Все эти птицы были пойманы в силки в горах. Поэтому ты приговорен к смерти как лжепророк, оставленный своими богами, и обманщик народа, который имеет право на защиту своего короля”.

Взяв в руку одну из птиц, священник спокойно ответил: “Эти птицы прилетели не с гор; они источают запах моря”.

Но *хоалии* короля непоколебимо утверждали, что птицы попали в силки в горах, и Хуа заявил, что уверенности охотников достаточно, чтобы перевесить неубедительные показания священника.

Луахумо видел, что он обречен, и что охотники были обучены поддерживать лживые утверждения *хоалий*; и все же он решил сбить их всех с толку и упрочить свое положение, каким бы ни был результат. Поэтому он попросил разрешения вскрыть несколько птичек, и король угрюмо удовлетворил его просьбу.

“Выбери их сам”, - сказал жрец *хоалию*, и тот взял из кучи и протянул ему трех птиц. Священник открыл их, и оказалось, что посевы у всех полны мелкой рыбы и кусочков морских водорослей.

- Вот мой свидетель! - воскликнул священник, указывая на выпотрошенных птиц и с торжествующим видом поворачиваясь к *хоалиям*. **Ошибка! Закладка не определена.**

Сбитый с толку и разгневанный таким развитием событий, Хуа схватил дротик и, не говоря ни слова, яростно вонзил его в грудь Луахуми, убив его на месте. Дрожь пробежала по свидетелям, когда почтенная жертва упала на землю, ибо насилие над первосвященником было преступлением, почти недоступным пониманию; но король хладнокровно передал окровавленное оружие слуге и, бросив безжалостный взгляд на умирающего священника, неторопливо удалился.

Послав за Лууаной, он немедленно возвел его в сан первосвященника и приказал возложить тело Луахуми на алтарь *хиау*. Затем дом убитого священника был сожжен в соответствии с древним обычаем, и королевские палачи со слугами были отправлены на поиски сыновей Луахуми.

Гордый вновь обретенными почестями, Лууана приготовился к многочисленным жертвоприношениям, а затем отправился в *хиау* с телом Луахумоэ. Когда он приблизился к воротам внешней ограды, высокая *горошина*, или деревянный крест, указывающий на святость этого места, упал на землю, а по достижении внутреннего двора земля начала сотрясаться, резные изображения богов издавали стоны, и алтарь погрузился в землю, оставив отверстие, из которого выходили огонь и дым. Служители бросили тело священника и в смятении выбежали из *храма*, сопровождаемые не менее испуганным Лууаной.

Жрецы храма, которые ничего не знали о смерти Луахуми, пока не увидели его тело, готовящееся к принесению в жертву, на мгновение замерли, пораженные тем, что происходило вокруг них. Их учили, что *хиау* был единственным безопасным местом для них во время опасности, и после

бегства Лууаны и его слуг они бережно перенесли тело верховного жреца в хижину внутри ограды, чтобы подготовить его к погребению.

Лууана поспешила в *халеали*, чтобы доложить королю о том, что произошло в *хейау*. Но его рассказ вызвал у Хуа лишь небольшое удивление, поскольку вокруг них происходили события столь же ошеломляющие. Земля сотрясалась легкой, но непрерывной дрожью; с юга дул горячий и почти удушающий ветер; в воздухе слышался странный ропот; небо было багровым, и с облаков падали капли крови; и, наконец, со всех концов Ханы пришли сообщения, что ручьи, колодцы и источники больше не дают воды и началось всеобщее бегство людей в горы. **Ошибка! Закладка не определена.**

Все вожди, которых удалось найти, были спешно созваны на совет. Хуа был полностью подавлен и признал, что прогневил богов, убив Луахумо. Но что было делать? Возможно, можно было бы обратиться к сыновьям священника-мученика. Но где они? Никто не знал. Было предложено принести сотню человеческих жертвоприношений, но Лууана отказался снова появиться в *храме* и сложил с себя полномочия первосвященника. Был назначен другой, и жертвы были торжественно принесены. У *му* не было трудностей с получением жертв, поскольку люди были в отчаянии и предлагали себя десятками. Но засуха продолжалась, и всеобщие страдания увеличивались день ото дня. Все другие признаки недовольства богов исчезли.

Другие жертвоприношения приносились в большом изобилии, и был построен *иму-лоа*, где человеческие тела запекались и в таком виде преподносились богам. Но родники и ручьи оставались сухими, а из облаков не пролилось ни капли дождя.

Боги были заново украшены, и было начато возведение нового *храма*, но оставшихся в округе людей было слишком мало и они были слишком слабы, чтобы завершить это; и было объявлено строгое *табу* сроком на десять дней, но люди были слишком отчаянны, чтобы соблюдать его, и не было предпринято никаких попыток наказать тех, кто им пренебрег. Многие утопились, обезумев от жажды, а те, кто смог раздобыть ядовитую смесь, умерли от воздействия *кохеохео*, введенного их собственными руками.

Засуха распространилась до гор, и люди бежали дальше; но куда бы они ни пошли, ручьи пересыхали, и дожди прекращались. О чуме стало известно на западе Мауи, и голодающие беженцы были отброшены назад при попытке проникнуть в этот район.

После тщетных попыток остановить ужасное бедствие и увидев, что его королевство почти обезлюдело, Хуа тайно отплыл с несколькими своими спутниками на Гавайи. Он высадился в районе Коны; но засуха преследовала его. Куда бы он ни пошел, пресные воды уходили в землю, а облака не приносили дождя. И так он странствовал с места на место, неся с собой голод и нищету, пока в ходе своих скитаний, занявших более трех лет, он не превратил почти половину острова Гавайи в пустыню. В конце концов, он умер, как и было предопределено богами, от жажды и голода — гласит одна легенда **Ошибка! Закладка не определена.** в храме Кохала — и его кости были оставлены сушиться на солнце; и поговорка “гремят кости Хуа на солнце”, или “сухи кости Хуа на солнце”, дошла до наших дней как важная ссылка на судьбу одного высокопоставленного человека, который бросил вызов богам и преследовал жрецов.

Но безоблачное небо и засуха отмечали не только шаги Хуа и его приближенных. Куда бы ни шли отчаявшиеся жители округа, их преследовало одно и то же несчастье. Некоторые из них отплыли на Гавайи, другие - на Молокаи и Оаху, а некоторые - на Кауаи; но нигде они не могли найти облегчения. Повсюду засуха не отставала от них, и голод и страдания были результатом для всей

группы. Прорицатели обнаружили причину бедствия, но ни молитвы, ни жертвоприношения не могли предотвратить или смягчить его. И так продолжалось почти три с половиной года.

II.

Что же происходило с Олуолу, молодой женой Каакака, оставленной в уединенной долине за Ханой на протяжении всех долгих лет голода и смертей? Она видела, как на землю внезапно обрушилась эпидемия; видела, как пересыхают источники и речушки вокруг ее скромного жилища; видела, как увядают листья бананов и желтеет трава в долине; видела голодающих мужчин, женщин и детей, безумно ищущих воду и рвущих кокосовые орехи ради того небольшого количества молока, которое они давали; а затем постепенно она узнала обо всем, что произошло и все еще происходит в Хане, включая печальную историю смерти Луахумоз и бегства Каакакаи. Но куда же он убежал? Никто не мог сказать ей, но, где бы он ни был, она знала, что, если он жив, он когда-нибудь вернется к ней, и поэтому изо всех сил боролась за жизнь.

Она жила у Каакао, женой которого была Мамулу. Они были благословлены тремя сыновьями, все из которых погибли в бесполезных войнах Хуа, и теперь, в преклонном возрасте, они занимали небольшую *кулеану*, расположенную так далеко в узкой долине, переходящей в холмы, что над ними не было земли для возделывания. У них были небольшие грядки с *таро* и картофелем, десятка два старых кокосовых пальм, а бананов и бананов было достаточно для их употребления. На холмах позади них росли *охиас* и другие дикие **Ошибка! Закладка не определена.**, а поскольку свиней и домашней птицы было в изобилии, в доме Каакао никогда не было недостатка в еде.

Но когда пришла засуха, сопровождаемая обжигающим южным ветром, Каакао разделил судьбу своих соседей. Его свиньи и домашняя птица разбежались в поисках воды и не вернулись. Поспевающие бананы и несколько луковиц *таро* были поспешно собраны, и запасов еды, хранившихся в доме, хватило, чтобы удовлетворить потребности жильцов на несколько недель вперед; но пресной воды нигде не было, а кокосовые орехи были сорваны с деревьев и убраны на случай, насколько это возможно, чрезвычайной ситуации.

Так прошло почти полмесяца, за это время тревожные сообщения из долин внизу достигли *кулеаны*, поскольку отряды тщетно искали воду повсюду среди холмов. Тогда Каакао увидел, что его запас кокосового молока почти иссяк, и решил посетить морской берег, где, как он знал, в незапамятные времена был источник, бывший из скал почти на уровне волн. “Конечно,” подумал он, “этот источник не может быть пересохшим, когда вокруг столько воды”. И, взвалив на плечи два калабаса с водой, он направился к берегу моря. Но он так и не вернулся. По пути к побережью он был схвачен среди других и принесен в жертву в *храме*.

В течение двух дней его возвращения ждали в *кулеане*. Затем Мамулу торжественно произнес: “Каакао мертв. У нас больше нет воды и почти нет еды. Зачем страдать дальше? Давайте выпьем *кохеохео* и умрем”.

“ Не сегодня, мой добрый друг Мамулу, ” успокаивающе ответил Олуолу. “ Мы поговорим об этом завтра. Прошлой ночью в моих снах шепот сказал мне не отчаиваться. Давай подождем”.

На следующее утро Олуолу поднялся на рассвете. Остатки кокосового молока закончились, и во рту у обоих пересохло, и их лихорадило. В глазах Олуолу был странно веселый огонек, когда она склонилась над страдающим, но терпеливым Мамулу и, подняв тыквенный сосуд, сказала: “Я

скоро вернусь с этим, наполненным водой! — Подумай об этом, Мамулу! — наполненным чистой, свежей водой!”

“Бедное дитя!” - ответила Мамулу, не сомневаясь, что ее мысли блуждают. “Но куда ты пойдешь за этим?”

“Всего лишь короткая прогулка — прямо вверх по долине!” - ответил Олуолу. “Ты знаешь маленькую пещеру среди скал. Устье - это **Ошибка! Закладка не определена**. почти закрыто, но я могу ее найти. Вода находится в задней части *ана*. Это проточная вода, но она исчезает в темноте. Возможно, это происходит от *По*; но неважно — это сладко и вкусно. Прошлой ночью Луахумоз пришел ко мне, его длинные белые волосы были перепачканы кровью, и сказал мне, что он прислал сюда воду. Это только для нас. Если другие узнают об этом или попробуют на вкус, оно исчезнет. Поэтому мы должны быть осторожны, Мамулу, очень осторожны”.

Оставив женщину почти в оцепенении от слов, произнесенных таким образом быстрыми и взволнованными фразами, Олуолу вышел из хижины и направился вверх по узкой долине. Пройдя три или четыре минуты, она оказалась у входа в крутой, похожий на пропасть овраг, прорезающий холмы справа. К его почти отвесным склонам прилепились нависающие массы неровных вулканических пород, из расщелин которых пустила корни крепкая растительность, которая в былые времена мрачно затеняла узкий канал; но переплетающиеся ветви деревьев были почти безлиственны, и повсюду вокруг виднелись следы смерти и запустения. Ни малейшее дуновение ветра не охлаждало знойный воздух, и ни один звук живого существа не нарушал тишины раскаленных холмов. Устье оврага было частично завалено огромными валунами, подмытыми многовековыми паводками, а земля была усыпана опавшими листьями и сломанными ветками.

Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает, Олуолу быстро нашла путь по валунам и поднялась по ущелью. Поднявшись ярдов на тридцать-сорок и взобравшись на скалистый выступ, по которому в периоды дождей лил небольшой каскад, она остановилась перед нависающей массой стекловидной скалы и в следующее мгновение, согнувшись, исчезла в низком отверстии, почти скрытом ветхостью сверху. Отверстие вело в пещеру глубиной сорок или пятьдесят футов и почти такой же неправильной ширины. Пол спускался от входа и был гладким и, по-видимому, истертым водой. Два или три шага вперед позволили ей выпрямиться, но за ними была темнота, и какое-то мгновение она пребывала в нерешительности, в какую сторону двигаться дальше. Она услышала звук, похожий на звук босых и осторожных шагов по гладкому полу. Она вздрогнула, но страдание довело ее до отчаяния, и она снова прислушалась. Тот же звук продолжался, но он превратился в мягкое журчание воды где-то в глубине темноты, и с бьющимся сердцем она нащупала свой **Ошибка! Закладка не определена**. путь к серебристому голосу, более приятному для нее, чем напевы *охэ* или пение птиц.

Она приближалась все ближе и ближе, с каждым шагом все отчетливее слыша радостную музыку, пока, наконец, не почувствовала брызги прохладной воды на своих босых ногах. Протянув руку, она соприкоснулась с небольшим ручейком, бьющим из задней стены пещеры, и мгновенно исчезла там, где упала на слой рыхлого гравия, смытого у входа. Она поспешно отпила из ладони и обнаружила, что вода прохладная и сладкая. Затем она подставила горлышко тыквы под струю и, намочив голову и попивая до тех пор, пока благоразумие не посоветовало ей остановиться, снова наполнила сосуд, осторожно выбралась из отверстия и поспешила обратно в хижину.

Помедлив у двери, чтобы убедиться, что за время ее отсутствия никто не приходил, Олуолу бесшумно вошла и, прокрадываясь к *кана-моз*, о котором Мамулу в полубреду гредила, вылила ей на голову немного воды и, когда она открыла глаза с ошеломленным видом, отправила глоток в свой пересохший и открытый рот.

Приподнявшись, Мамулу мечтательно пощупала свои мокрые волосы, а затем рассеянно уставилась на Олуолу, которая, улыбаясь, стояла рядом с ней с тыквой в руке. Через мгновение она вспомнила все, что произошло до того, как она погрузилась в беспокойный сон, от которого так странно пробудилась.

“Значит, это не сон!” пробормотала она, сложив на груди исхудавшие руки. “Боги послали нам воду! И она потянулась за калебасом.

“Нет”, - мягко сказал Олуолу, забирая сосуд. “У нас много, но ты слаб и выпьешь слишком много. А теперь ложись, положи под голову этот рулетик *капы*, и пока я буду давать тебе по глотку, я расскажу тебе все об этой воде и о том, как я ее нашел”.

И вот, медленно поливая Мамулу драгоценной жидкостью и одновременно промывая ей голову и горло, Олуолу рассказала ей обо всем, что произошло.

“Но будет ли поток продолжаться?” - с тревогой спросил Мамулу. “Не лучше ли было бы наполнить все тыквенные бутылки в доме и все, что мы сможем раздобыть, и таким образом сохранить их, чтобы мы не остались без воды, если ручей исчезнет?”

“Я думаю, было бы нехорошо гневить богов, сомневаясь в **Ошибка! Закладка не определена..** “Вода была послана не для того, чтобы продлить наши страдания, а для спасения наших жизней; и я уверен, что это будет продолжаться до тех пор, пока мы храним тайну и не позволяем другим пользоваться ею”.

Вера Олуолу была вознаграждена. Не уменьшаясь в объеме, маленький ручей продолжал течь и тонуть во тьме пещеры до тех пор, пока гнев богов не утих и дожди, наконец, не пошли снова. Но Олуолу и ее спутник не могли прокормиться одной водой. Иссушенная земля не давала пищи, но они не отчаивались. Каждый день они осторожно поливали небольшой участок горного *таро* в ущелье над пещерой и с интервалом в четыре-пять дней ходили на берег моря и возвращались с рыбой, крабами, моллюсками и съедобными морскими водорослями.

И так им удавалось жить без страданий, в то время как долины почти обезлюдели, а все остальные в Хане были поражены голодом. Они редко видели человеческое лицо во время своих путешествий к морю и обратно и никогда в долине, где жили, а те немногие, кого они встречали, избегали их, без сомнения, опасаясь, что жалкие средства к существованию, к которым они прибегали, могут стать известны другим.

III.

Ближе к концу страшного бедствия район Эва на острове Оаху стал его жертвой. Это последовало за появлением там вождя племени Хана и нескольких его приближенных, которые были изгнаны с Молокаи. В то время в Ваймалу, в районе Эва, жил знаменитый священник и пророк Наула-а-Майхеа. Никого из гавайских священнослужителей прошлого никто так не боялся и не уважал. Некоторые считали, что он посетил темные царства *Милу* и из *Палиули* привез обратно воды жизни. Должно быть, он был преклонных лет, поскольку, как уже упоминалось, ему приписывают то, что он был священником Лаа-май-кахики во время романтического путешествия этого принца с южных островов.

В доказательство великой святости Наулы традиция гласит, что его каноэ перевернулось во время путешествия из Вайанае, Оаху, на Кауаи. Он был проглочен китом, в желудке которого он оставался без каких-либо неудобств, пока чудовище не пересекло ла-манш и не вырвало его живым на пляже в Вайалуа, **Ошибка! Закладка не определена.**Кауаи, точное место его назначения. В другой раз, когда он плыл на Гавайи из-за неблагоприятных ветров, две огромные черные акулы, посланные *Муали*, богом-акулой молокаи, отбуксировали его в Кохалу так быстро, что морские птицы едва смогли составить ему компанию.

Он построил *хеяу* в Ваймалу, фундамент которого все еще можно проследить, и во внутреннем храме ограды утверждается, что *Лоно* свободно беседовал с ним; и по его приказу появлялись духи живых (*кахаока*), а также тени мертвых (*унихипили*); поскольку древние гавайцы верили, что духи или души живых иногда отделялись от тела во время сна или в состоянии транса, например, после смерти. и стал виден в отдаленных местах священникам особой святости.

Посоветовавшись с богами, Наула выяснила причину засухи и, встревоженная угрозой уничтожения всего населения группы, обязалась остановить разрушительные последствия распространяющегося бедствия. С видением, расширенным и усиленным жертвоприношением и молитвой, он поднялся на самую высокую вершину гор Вайанае. Насколько хватало глаз, небо было безоблачным. Сначала он посмотрел в сторону Каалы, но не заметил никаких признаков дождя на ее лесистых вершинах. Он повернулся в сторону Кауаи, но над горами этого острова не было видно ни облачка. Безоблачными были и горы Молокаи. Наконец, бросив взгляд в сторону Мауи, он увидел маленькое темное пятно, похожее на дождевое облако, висящее над вершиной Ханаула. “Оно может исчезнуть, - подумал он, - я подожду”. Наступил полдень. Он снова посмотрел, и пятно все еще было там. Солнце на западе покраснело. Он снова посмотрел и обнаружил, что облако не исчезло и не сдвинулось с места. “Несомненно, сыновья Луахуми там”, - сказал он себе. “Я пойду к ним; они послушают меня, и воды снова потекут”.

Наула спустился с горы и той же ночью в одиночестве сел в каноэ на Мауи. Он не ставил паруса, не пользовался веслами, но всю ночь его *ваа* скользил по волнам со скоростью ветра, и на рассвете следующего утра он причалил к Макене, над которой, в нескольких милях от берега, возвышался пик Ханаула, над которым все еще нависало темное пятно.

Там действительно были сыновья Луахуми. Вращенные дождями, которые в одиночку обрушились на пик Ханаула, там **Ошибка! Закладка не определена.**они оставались невидимыми в течение трех с половиной лет, ожидая, когда гнев богов утихнет и их призовут спуститься. Станный свет сопровождал каноэ Наула в темноте. Со своего возвышенного убежища они заметили его далеко в океане и наблюдали, как он становился все ярче по мере приближения, пока не погас на пляже в Макене. Они поняли, что это сигнал к их освобождению, и поспешили вниз с горы, чтобы встретить посланника богов. В одном сообщении говорится, что они встретили Наулу в Куле; но встреча произошла недалеко от пристани Макена, где священник, вдохновленный известием об их прибытии, ожидал их прибытия. Когда они приблизились, почтенный *кахуна* с седыми волосами и бородой, ниспадающими до пояса, и с посохом *табу* в руке выступил им навстречу. Они почтительно поклонились, и, отвечая на приветствие, Наула сказал:

“Я знаю, что вы сыновья Луахуми, чья смерть от рук Хуа, короля Ханы, была отомщена богами народам всех островов Гавайев. Земля все еще выжжена, и тысячи людей тщетно ищут пищу и воду. Хуа мертв; его кости лежат непогребенными на солнце. Рассеян или мертв народ Хана; их земли пожелтели, а их источники и речушки не приносят ничего, кроме пыли и пепла. Велико было преступление Хуа, и велико было наказание. Я Наула-а-Майеа, верховный жрец Оаху, и пришел просить вместе с вами, чтобы боги были милостивы и больше не били людей”.

При упоминании его имени сыновья Луахумо низко поклонились престарелому пророку, о святости которого они узнали много лет назад, и тогда Каакакаи ответил:

“Великий жрец, мы охотно присоединим наши голоса к твоей мольбе богам, чья месть действительно была ужасна. Но поскольку вам было открыто наше убежище и, кажется, ничто не скрыто от вашего понимания, позвольте мне спросить, знаете ли вы что-нибудь о судьбе Олуолу. Она была моей женой, и я оставил ее в маленькой долине в горах за Ханой. Я очень любил ее и опечален тем, что она умерла”.

Не отвечая, священник сел на землю и, сняв с плеч *кихэй*, накинул его на голову, закрывая свет от лица. В то время как одна рука плотно прижимала мантию к груди, другая прижимала ко лбу то, что казалось каменным талисманом, подвешенным на коротком **Ошибка! Закладка не определена.** Он оставался неподвижным в этом положении несколько минут; затем, сбросив *кихей* и поднявшись на ноги, он повернулся к Каакакаи и сказал:

Я не ошибся в своих мыслях. Присутствие здесь сынов Луахумо освятило это место для общения с духами воздуха. Олуолу, оставшаяся наедине с женщиной намного старше себя, все еще живет там, где вы ее оставили, и с надеждой ожидает прихода Каакакаи — так, как я теперь знаю, вас зовут. Дух Луахуми питал и защищал ее”.

“ Великий Наула, любимейший из богов! ” воскликнул Каакакаи, хватая руку жреца. “ Ты обрадовал мое сердце! А теперь проси у меня, чего пожелаешь!”

На том самом месте, с которого поднялся священник, они приступили к возведению грубого каменного алтаря. Когда все было завершено, Наула достал из своего каноэ комбинированное изображение божества — *Мэб* раннего жречества — и маленький закрытый каледас со святой водой — *ка-вай-капу-а-Кане*. Сняв покрывало *кана*, изображение поместили рядом с алтарем, и пока священник читал торжественную *кайоконео*, или молитву посвящения, Каакакаи произносил заклинание нараспев и продолжал время от времени окроплять алтарь святой водой.

Церемонии посвящения были, наконец, завершены; но что можно было принести в жертву? Холмы были голыми и выжженными. Насколько хватало глаз, земли были пустыни, и не было видно ни одного живого существа, кроме них самих. Внезапно среди голого кустарника неподалеку от них появился большой черный боров, предназначенный для жертвоприношения. Братья удивленно переглянулись, но священник, казалось, не был сильно удивлен. Животное было немедленно схвачено, убито и возложено на алтарь, после чего были благоговейно вознесены жертвенные молитвы.

В разгар этих богослужений подул южный ветер. Начали собираться черные тучи, из которых в ответ донесся раскат грома, а затем на сухую и голодную землю пролился легкий дождь. Подняв лицо к крестильному, Наула с волнением воскликнул:

“Жертва принята! Боги милостивы, и люди спасены!”

И дожди продолжались, не только там, но и по всем островам, пока трава снова не зазеленела и банан не пустил побеги. Повсюду царил великое ликование. **Ошибка! Закладка не определена.**люди вернулись на свои опустевшие земли, и даже долины Ханы расцвели, как прежде. Но Хуа и его семья исчезли с лица земли, и возникла новая династия, заявившая права на суверенитет восточного Мауи.

Сыновья замученной Луахумоэ немедленно вернулись в Хану, и в объятиях Каакакаи храбрая и верная Олуолу поведала историю своих страданий и освобождения. Значительно увеличив свои

владения, Каакакаи стал верховным жрецом при новом *режиме*, и на протяжении нескольких поколений его потомки продолжали оставаться одними из самых влиятельных семей восточного Мауи. Каанахуа стал богом земледельца.

О политических событиях, последовавших сразу за смертью Хуа, традиция упоминает лишь смутно, и те немногие известные подробности, несомненно, обязаны своим сохранением заботе, проявленной духовенством — к классу которого обычно принадлежали историки прошлого, — о том, чтобы описать судьбу Хуа со всеми ее ужасными подробностями в назидание грядущим правителям, которые могли быть склонны вторгнуться в священные владения духовных правителей, которые в какой-то мере разделили верность своих подданных. **Ошибка! Закладка не определена.**

ЖЕЛЕЗНЫЙ НОЖ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАЛАУНУЙОХУА, король Гавайев.

КАМАЛУОХУА, король Мауи.

УАПУЛЕЙЛЕЙ, *али-нуи* из Оаху.

КАХОКУОХУА, король Молокаи.

КУКОНА, король Кауаи.

КАХЕКА, королева Гавайев.

КУАЙВА, сын короля Гавайев.

КАПАПА, дочь короля Гавайев.

ВААХИЯ, известная пророчица.

КУАЛУ, приемный сын Ваахии.

ВАКАЛАНА, влиятельный вождь Мауи.

КАЛУЙКИ-А-МАНУ,

ХАКОА и

} мужчины,

} потерпевшие кораблекрушение иностранцы.

ХИКА,

НЕЛЕЙКИ и
} самки,
МАЛЕИ,

МАНОКАЛАНИПО, сын короля Кауаи.

Ошибка! Закладка не определена.

ЖЕЛЕЗНЫЙ НОЖ.

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОЙ ВОЙНЕ ЗА ЗАВОЕВАНИЕ ГРУППЫ.

Я.

Две или три попытки объединить под единым общим управлением несколько островов Гавайской группы были предприняты амбициозными и воинственными вождями до окончательного осуществления проекта Камеамеа I. в конце прошлого столетия; но все эти ранние планы завоевания и расширения оказались безуспешными, и особенно неудачными были в том, что давали повод для ответных набегов и вторжений, которые иногда с большей или меньшей настойчивостью и ожесточением распространялись на последующие поколения.

Самым катастрофическим из этих амбициозных предприятий было первое, и с ним был связан ряд странных и драматических инцидентов, придавших истории предприятия нечто большее, чем исторический интерес. Это произошло примерно в 1260 ГОДУ н.э., и смелым воином, предпринявшим такую попытку, был Калаунуйоха, король острова Гавайи. Он был внуком Калапаны, который отвоевал королевство у узурпатора Камайоле, как рассказывается в истории “Королевского горбуна”.

В то время Камалуоха, седьмой по происхождению от Паумакуа, был *моим* на Мауи, или, скорее, на большей западной части острова. Хуапудейлей, восьмой в линии от Мавеке, был *али-нуи* из Оаху, его владения охватывали районы Эва, Вайанаэ и Вайалуа, в то время как районами Кулау и Кона управляли, соответственно, Моку-а-Лоэ и Кахуои. *Моим* из Молокаи был Кахокуоха, четвертый по происхождению в старой линии Нанаула от Кеолоэвы, брата Каупипи, похитителя Хины и отчаянного защитника крепости Хаупу, как рассказывается в легенде о “Хине, гавайской Елене”. Кукона был правителем Кауаи. Он был правнуком Ахукини-а-Лаа, одного из трех сыновей трех жен Лаа-май-кахики, как упоминается в рассказе “Тройной брак Лаа-май-кахики”. **Ошибка! Закладка не определена.**

Современные правители нескольких островов упоминаются таким образом по той причине, что все они фигурируют как выдающиеся действующие лица в нескольких легендах, из которых были собраны исторические черты истории, которая будет рассказана далее, а также с целью частично сохранить в поле зрения выдающихся и сменяющих друг друга представителей суверенных семей группы.

Калаунуйохауа — или, как его будут называть в дальнейшем, Калаунуи — унаследовал что-то от военного духа своего воинственного деда, и традиция называет его амбициозным и агрессивным правителем, отважным в предприимчивости, но лишенным здравого смысла и осмотрительности. Эта оценка его характера в полной мере подтверждается описанием его деяний.

Вайпио был поставлен в центр суверенной власти Кахаимозэле, королевским отцом Калаунуи, и продолжал оставаться самым привлекательным и значимым пунктом в королевстве. Королевские земли и здания время от времени расширялись и улучшались, пока варварский вкус и мастерство, казалось, больше ничего не могли добавить к их величию и красоте. Недалеко от королевского особняка находилась великая *хиау* Пакаалани, частично построенная Калапаной и завершенная его преемником. Его *табу* были самыми священными на Гавайях, и потомок Паао исполнял там обязанности верховного жреца. Он был соединен с оградой дворца священной каменной мостовой, касаться которой было смертельно опасно для ног любого, кроме королевских особ и привилегированных особ, а на его стенах было изображено более сотни богов.

Калаунуи гордился своим происхождением, которое вело его родословную как от Пили, так и от Мавеке, и соединило в его жилах передовую кровь первопроходцев пятого и одиннадцатого веков. У него было двое детей — сын по имени Куайва и дочь Капапа, полное имя которой было Капапалимулиму. В то время, о котором мы пишем, ей было пятнадцать, а ее брату — на три или четыре года старше. Оба были тщательно воспитаны. Сын был обучен всем мужественным достижениям того времени, а дочь с младенчества охраняли самым ревнивым образом. Она почти повзрослела без помолвки, по той причине, что в королевстве с трудом можно было найти мужа, соответствующего ее положению и лично заслуживающего ее красоты.

Среди множества королевских слуг различных рангов — начиная с *вохи*, или главного советника королевской **Ошибка! Залкада не определена.** крови рядом с тронем, и заканчивая *каху-алии* и *лууку*, или личной и другой прислугой во дворце — был молодой вождь Куалу. Он был крупным, мускулистым и красивым, с осанкой, свидетельствующей о хорошей крови, и благодаря своей храбрости и умению обращаться с оружием был повышен до военной должности *пукауа*, или капитана, и назначен начальником дворцовой стражи — должность, которая давала ему, если он не обладал ею ранее, привилегию *айало*, или право принимать пищу в присутствии короля.

Куалу был вождем без имущества. Его дед, вождь древнего рода Нанаула, был убит в битве, которая вернула Калапане трон его отцов, и после внезапной смерти его отца, двадцать лет назад, он был усыновлен Ваахией, *каулой*, или пророчицей, известной в традиции своим предвидением и влиянием. Он был признан *Ага-алием*, или коллегией вождей установленного происхождения, как человек благородной крови, но принадлежал к тому классу вождей, которые, не имея влияния семьи и поместий, были вынуждены полагаться на свои собственные усилия для продвижения по службе.

Хотя утверждается, что Ваахия происходила из знатного рода, положительно ничего не известно, даже о ее родителях. Впервые она появилась в Вайпио более чем за поколение до этого и, благодаря почти безошибочному подтверждению ее пророчеств, со временем стала известна и внушала страх людям не только как любимая почитательница *Ули*, бога колдунов, но и как медиум, через которого общались *унипихили*, или духи умерших. Она жила одна в хижине в уединенной части долины Вайпио, и говорят, что большой *пуео*, или сова, которая вместе с белым *алеем* была священной и иногда ей поклонялись, прилетала каждую ночь и садилась на крышу ее уединенного жилища.

Конечно, *каула* с ее святостью ни в чем не нуждалась. Люди были только рады оставить у ее двери все, в чем она могла нуждаться, и все лучшее, что было в долине, непрошеным поступало к ее

столу. Из своего изобилия она раздавала нуждающимся, и, хотя она редко с кем-нибудь разговаривала, ее внешний вид и поступки были добры ко всем. Жречество признавало ее власть, и царь и вожди советовались с ней по важным вопросам, когда *килограммы* храма были под вопросом.

Она воспитывала Куалу с величайшей заботой и видела, как он вырос и стал мужчиной, которым она гордилась. Она любила его, как собственного ребенка, и он отплатил ей за привязанность тем, что во всем прислушивался к ее советам и добротой утешал ее на склоне лет. Она обучила его знаниям, которыми владели лишь немногие, а самые искусные обучили его военным и придворным искусствам, соответствующим его высшему званию. В возрасте двадцати лет он был пристроен к королевскому двору и со временем, как уже говорилось, получил высокий чин капитана дворцовой стражи. Хотя его способности способствовали его продвижению по службе, его раннее расположение к королю, несомненно, было в какой-то степени обусловлено влиянием его приемной матери.

Тесная связь Куалу с королевским двором привела к тому, что он часто общался с Куайвой и его сестрой, и по мере того, как последняя выросла, между ней и красивым капитаном гвардии возникла романтическая привязанность. Это было романтично только потому, что, судя по всему, было безнадежно, ибо между Куалу и дочерью самого гордого *моего* из всей группы пролегла огромная пропасть, для которой, казалось, не было подходящей пары.

Дом Куалу находился за дворцовой оградой; тем не менее он часто навещал Ваахию в ее уединенном убежище, чтобы подбодрить ее словами любви и убедиться, что она ни в чем не нуждается. Именно во время одного из таких визитов, незадолго до начала главных событий этой легенды, *каула* внезапно сказала ему:

“Куалу, я вижу, что ты много думаешь о Капапе”.

“Мы иногда встречаемся”, - уклончиво ответил Куалу.

- Нехорошо с твоей стороны пытаться собирать ягоды с облаков, - добродушно возразила *каула*.
“Только *ниатио* самого высокого ранга может добраться до этого плода”.

“Летающее копьё сбивает то, до чего не может дотянуться рука”, - многозначительно ответил Куалу.

Ваахия улыбнулась бесстрашию своей подопечной и после долгой паузы, во время которой она сидела задумчиво, уставившись в землю, сказала:

“Твои надежды дерзки, но боги велики. Приди ко мне завтра”.

На следующий день Куалу обрадовался словам Ваахии. Она сказала ему, что ей открылось кое-что о его будущем, и что предзнаменования обещали так много, что она не могла воспрепятствовать даже самым смелым из его устремлений; но **Ошибка! Закладка не определена.** что грядущие события, влияющие на его жизнь, были настолько перемешаны с войнами и странными лицами расы, которые она никогда не видела, кроме как во снах, что тогда она не могла посоветовать никакого определенного курса действий.

С этими туманными словами ободрения Куалу вернулся во дворец и авторитетно узнал о том, что уже некоторое время ходили слухи, а именно о том, что необходимо срочно готовиться к вторжению на Мауи и, возможно, на другие острова группы. Взяв под свой контроль все районы Гавайев, Калауниу вынашивал амбициозный план объединения нескольких островов архипелага

под единым правительством. В этом грандиозном плане завоевания и консолидации его поддерживали ведущие вожди Гавайев, жаждавшие чужеземных владений, и были обещаны большие запасы каноэ и воинов.

После принятия общего плана действий был быстро собран флот из двух тысяч каноэ всех размеров и армия из двенадцати тысяч воинов. В великом храме Пакаалани совершались жертвоприношения; призывалась милость богов, и предзнаменования были удовлетворительными. Король должен был лично возглавить экспедицию, и рыцарство королевства сплотилось в его поддержку. Его двухместное каноэ, почти сорока шагов в длину, было великолепно разукрашено в королевские цвета и убранство, и более сотни других имели на верхушках мачт знамена выдающихся вождей. Поколение, ставшее свидетелем этого, не видело подобного воинственного проявления, и народ полностью разделял уверенность и энтузиазм короля и его командующих офицеров.

Оставив правительство в руках своего юного сына Куайвы с Кахекой, королевой-матерью, в качестве главного советника, Калауни приказал воинам сесть в каноэ и со своими помощниками и личной свитой отправился на пляж, чтобы лично проследить за отправлением экспедиции. Под присмотром своего верховного жреца его недавно награжденный бог войны был взят на борт, и король уже собирался последовать за ним, когда Ваахия, чей приемный сын был одним из лидеров "энтерпрайза", подошел к королевскому *каулуа*. Она была одета в *пау* и короткую накидку, а ее длинные белые волосы ниспадали ниже плеч. Ее фигура была согнута, и она несла посох для поддержки.

При виде почтенной фигуры, знакомой каждому в Вайпио, король повернулся и сказал:

“Я рад, что вы здесь. Поддержка исходит из храма. Что говорит Ваахия?” **Ошибка! Закладка не определена.**

“Хорошее в начале! плохое в конце!” - последовал резкий ответ пророчицы.

“Я воодушевлен вашими ободряющими заверениями”, - ловко ответил король, заметив, что ее слова были подслушаны. “Истинный смысл в том, что было бы плохо резко оборвать хорошее начало”. Сказав это, он слегка нахмурился и поспешно забрался в свою *каулуа* и подал сигнал к отправлению.

Ничего не ответив, Ваахия, полностью веря, что экспедицию в конце концов постигнет катастрофа, и стремясь быть поближе к Куалу, когда она наступит, сел в одно из многочисленных каноэ, выделенных для женщин и других приверженцев армии вторжения, и вместе с флотом отплыл на Мауи.

II.

Пока гавайская армия, подбадриваемая боевыми песнопениями и боевыми барабанами, бороздит волны на пути к Мауи, давайте еще раз взглянем на *мои* этого острова и политическое состояние его владений. В то время как Камалуоухуа был номинальным правителем острова, крайняя восточная его часть продолжала управляться независимыми вождями. Главным вождем наветренной стороны был Вакалана, чья резиденция находилась в Вайлуку. Он был двоюродным братом *моих*, и их отношения были чрезвычайно дружескими.

За два года до этого в Вайлуку произошло знаменательное событие. Это было второе появление в группе судна, на борту которого находились люди странной расы, описываемые традицией как “белые, с яркими, сияющими глазами”. Упоминаются и другие белые люди, которых один или несколько раз привозили на острова аргонавты предыдущих поколений, в частности Паумакуа с Оаху, который в конце XI века вернулся из одного из своих исследовательских путешествий с тремя белыми людьми неизвестной расы; но это был второй случай, когда в гавайских водах видели судно другого народа, не полинезийского. Первый совершил посадку близ Макапу-Пойнт, на острове Оаху, более ста лет назад. Традиция сохранила название судна (*Улупана*) и капитана (*Мололано*) и его жены (*Малея*); но поскольку не упоминается, что они остались в стране, вполне вероятно, что вскоре они снова поднялись на борт. **Ошибка! Закладка не определена.**

Второе прибытие более отчетливо отмечено традицией. Это было японское судно, которое было разрушено тайфуном и отнесено к побережью Северной Америки до тех пор, пока не столкнулось с северо-западными пассатами, а затем беспомощно отнесло на юг, к побережью Мауи. Было уже далеко за полдень, когда в Вакалану пришло известие о том, что к побережью приближается странное судно. Поскольку оно находилось высоко над водой и дрейфовало бортом по ветру, оно казалось огромных размеров, и люди не проявляли особого желания выходить на своих каноэ навстречу таинственному чудовищу. Вакалана поспешил на пляж и, внимательно понаблюдав некоторое время за судном, увидел, что оно медленно дрейфует к скалистому берегу на запад. Будучи достаточно опытным моряком, чтобы понимать, что в этом направлении его ждет неминуемая гибель, Вакалана поспешил сел в крепкое каноэ и пустился в погоню в море. Вода была бурной, и его продвижение было медленным, но ему удалось добраться до судна через несколько минут после того, как оно ударилось о скалы и разлетелось на куски. Схватив все, что они могли найти, чтобы помочь им всплыть, те, кто был на борту, прыгнули в море. Подходить к месту крушения слишком близко было опасно, но Вакалане удалось спастись из волн и вернуться в Вайлуку с пятью людьми, но не раньше, чем он увидел, как последний обломок затонувшего судна исчез в пучине бушующих вод.

В сохранившихся названиях ни судна, ни его спасенных пассажиров нет ничего, указывающего на их национальную принадлежность. Название судна дано как *Мамала*, что на гавайском языке может означать затонувший корабль или фрагмент. Капитана звали Калуикия-Ману; четверых остальных звали Нелейке, Малеа, Хаакоа и Хика — все названия гавайского происхождения. Двое из них — Нелейке и Малея — были женщинами, причем первая была сестрой капитана.

Они высадились на берег почти без одежды, и единственными новинками при них были кольца и браслеты женщин и шпага за поясом капитана, с которой он бездумно прыгнул в море с тонущего судна. Они были полуголодны и слабы и жестами выразили свою благодарность Вакалане за его доблесть, проявленную при их спасении, и попросили еды и воды. И то, и другое было обеспечено в изобилии, и для их проживания были выделены два дома. Они привлекли большое внимание, и люди съехались со всех концов. Туземцы с удивлением заметили, что эти мужчины и женщины ели из одной посуды и что для обоих полов не существовало особых *табу*; но Вакалана объяснил, что их боги, несомненно, допускают такую свободу, и поэтому их не следует упрекать за явное пренебрежение гавайскими обычаями.

Комфорт незнакомцев стал особой заботой Вакаланы, и вскоре они не только примирились, но и, по-видимому, были довольны своим положением. Но доброта начальника, какой бы похвальной она ни была, не была полностью бескорыстной. Он был очарован ясными глазами и светлым лицом Нелейки, сестры капитана. Он находил новое для себя удовольствие в том, чтобы учить ее говорить на его языке, и едва ли не первым обращением к *ие*, которым она воспользовалась, было “да”, когда он попросил ее стать его женой. За ней последовал брак Малеи с местным вождем, а ее брата и двух его спутников мужского пола - с местными женщинами из хорошей семьи. И здесь,

как и везде, можно упомянуть, что через своего сына Алуйю Нелейке стала прародительницей семьи, в которой из поколения в поколение текла ее кровь, и что потомки других были многочисленны не только на Мауи, но и в окрестностях Ваймало на острове Оаху.

Предметом, который привлек наибольшее внимание спасенного японца, был меч, случайно сохранившийся у капитана. Туземцы никогда раньше не видели такого ужасного ножа и не мечтали о нем. У них были *паоа*, или кинжалы из дерева или слоновой кости, и ножи из остро отломанного кремня и акульих зубов; у них были каменные тесла, топоры, топорики и молотки, с помощью которых они могли валить деревья, выдалбливать каноэ из стволов деревьев, строить дома, изготавливать орудия войны и промышленности и тесать камень более мягкого состава; у них были копья и дротики с наконечниками из закаленного дерева, достаточно твердыми, чтобы расщепить кость; но железо и другие металлы веками были практически неизвестны их расе, и длинный, острый меч капитана, более твердый, чем кость или закаленное дерево, и с его полированной поверхности вызывающе отражались яркие лучи солнца, вызывая у них непрестанное удивление и восхищение. Как украшение они смотрели на него с тоской, и когда они узнали, что это боевое оружие, они почувствовали, что рука, держащая его в бою, должна быть непобедимой.

Капитан не считал нужным разубеждать умы суеверных **Ошибка! Закладка не определена.** Напротив, он редко показывал его кому-либо, кроме выдающихся вождей, и через несколько месяцев о нем стали упоминать как о священном даре богов и залоге победы тому, кто им обладал. Да и знание о существовании столь чудесного талисмана долго не ограничивалось наветренной стороной Мауи. Слава об этом ужасном оружии распространилась от Ханы до Каанапали, а оттуда на другие острова группы; и если лишь немногим из многих, кто приезжал узнать правду об этом сообщении, посчастливилось увидеть меч, то все видели, по крайней мере, странных людей, на которых указывали как на его носителей из неизвестной страны, и рассказ о его силе был с готовностью принят. Но тот, кто обладал им, пришел не как победитель, и, поскольку он не выказывал склонности использовать его в наступлении, на оружие перестали смотреть с тревогой.

А теперь мы вернемся к Калауни и его завоевательной армии, которых в последний раз видели на пути к Мауи во флотилии из двух тысяч каноэ. Отплыв к западной части острова, до которой добрались за два дня, Калауни высадил свою армию в Лахайне. Камалуохауа, *мои* острова, узнал о планируемом вторжении за несколько дней до этого и сделал все возможное, чтобы встретить его и отразить. *Лунапаи*, или военные гонцы, были отправлены к нескольким окружным вождям, и была спешно собрана армия из семи или восьми тысяч воинов всех родов войск. Вакалана перешел к общей обороне с отрядом в восемьсот человек, включая Калуики, японского капитана, на присутствие которого очень полагались воины Вайлуку, если не сам Вакалана.

Не имея возможности высадиться в Лахайне, которая находилась во владении врага, Камалуохауа перевел свои войска через горы, и в окрестностях деревни разыгралось кровопролитное сражение. Но мауи, значительно превосходившие их численностью, были разбиты и отброшены к холмам, а их король был взят в плен. На протяжении всей битвы Куалу особенно выделялся своей мощью и мужеством. Вооруженный огромным каменным топором, все человеческое, казалось, падало перед ним, и туда, куда он вел, следовали только самые храбрые, ибо он искал самое сердце опасности.

Конфликт подходил к концу. *Мой*, доблестно сражавшийся, был взят в плен, и его поредевшие батальоны неуклонно отступали, когда Куалу столкнулся с отрядом из **Ошибка! Закладка не определена.** Было предпринято несколько безуспешных попыток выбить их, и они издавали крики победы и неповиновения. Что-то придавало им необычной смелости и уверенности. Догадался ли Куалу, что это было? Возможно, так оно и было, потому что, поспешно собрав для своей

поддержки отряд крепких воинов, он пробился через стену, и последовала решительная рукопашная схватка. Тем временем фланговый отряд копейщиков обошел стену и угрожал ее защитникам с тыла. Видя опасность ситуации и то, что предпринимаются попытки отрезать им путь к отступлению к холмам, мауицы начали отступать. Когда они это сделали, было видно, как Куалу бросился вперед и бросился почти без поддержки на десяток-другой воинов, которые, очевидно, собрались на помощь какому-то вождю, попавшему в беду. Невзирая на опасность, он прокладывал себе путь сквозь сражающуюся толпу, пока не оказался лицом к лицу с Калуики, белым капитаном, в руке которого был сверкающий клинок, который так укрепил руки воинов Вайлуку. Ударом своего боевого топора он выбил меч из поднятой руки незнакомого воина. Когда она упала на землю, он наступил на нее ногой и не уступал до тех пор, пока волна битвы не захлестнула его, вынудив отступить последним, чтобы предстать перед враждебным фронтом армии пленного короля Мауи.

Оставшись на мгновение в одиночестве из-за бешеной погони за убегающим врагом, Куалу поспешно наклонился и воткнул меч в землю, прижимая его так, чтобы рукоять была прикрыта; затем, положив на это место большой камень, он покинул поле боя, отсчитывая по пути шаги до стены, за которой искали защиты мауи.

Победа была полной. *Мой* был пленен, и те из его армии, кто не успел скрыться в горах, лежали мертвыми на поле боя. Страна была отдана на разграбление, и на закате двадцать пленников были убиты и принесены в жертву в *хиау* недалеко от деревни. Жертвы приносились его богу войны, и Калаунуи был свидетелем торжественных церемоний жертвоприношения.

Ночь победоносные воины провели в диком веселье, в разгар которого Куалу разыскал свою приемную мать, которая вместе с женщинами и некомбатантами армии вторжения расположилась лагерем возле каноэ на берегу. Он торопливо пересказал **Ошибка! Закладка не определена.** закончил информацией о том, что он захватил длинный блестящий нож странного вождя Вайлуку и, полагая, что он представляет огромную ценность, спрятал его в земле. При этом известии глаза Ваахии удовлетворенно блеснули.

- Ты хорошо поработал, - сказала *каула*, поднимаясь на ноги. "Я видел этот длинный нож в своих снах. Он будет иметь большое значение для твоего будущего. Но в твоём владении им будет небезопасно. Отдай его мне. Отдай его мне немедленно, - повторила она, - потому что, если Калаунуи случайно узнает, что он был взят в бою, он заберет его.

"Но я уверен, что никто не видел, как я его прятал", - ответил Куалу.

"Ты рассуждаешь как мальчишка," возразил Ваахия. "Ты не должен быть уверен ни в чем, в чем можно усомниться. Но это неважно. Еще не слишком темно, чтобы найти это место сегодня ночью. Давайте отправимся туда немедленно.

Взволнованный ее словами, Куалу теперь забеспокоился не меньше, чем *каула*, о том, чтобы меч был передан ей на хранение, и косвенным путем, чтобы избежать наблюдения, они отправились на поле боя. Единственным источником их света были звезды, и после того, как они достигли стены, прошло некоторое время, прежде чем Куалу смог определить точное место, до которого он протянул линию своих поспешных измерений. Земля была усеяна обнаженными телами убитых, и время от времени раздавались стоны тех, чья борьба со смертью еще не совсем закончилась. Но никаких эмоций, ни страха, ни жалости, посетители не испытывали.

Наконец, удовлетворенный тем, что нашел нужное место в стене, Куалу тщательно сориентировался, а затем быстро зашагал на север, за ним последовал Ваахия. Сделав сотню

шагов или больше, он внезапно остановился и с тревогой обнаружил нечто похожее на фигуру человека, скорчившегося у камня, отмечающего место, где был зарыт меч. Схватив свой *пахоа* - единственное оружие, которое он взял с собой, — Куалу прыгнул вперед и положил руку на этот предмет. Оно было холодным и неподвижным; и молодой воин улыбнулся, когда ему пришла в голову мысль, что кто-то из многих, павших в тот день от его топора, возможно, дополз до этого места, чтобы охранять свое сокровище перед смертью. Он оттащил тело в сторону, убрал камень, а в следующее мгновение вытащил из земли и протянул Ваахии железный клинок. Она нетерпеливо схватила его и, с **Ошибка! Закладка не определена.**бросив быстрый взгляд на его яркое лезвие, поблескивающее в свете звезд, надежно завернула его в кусок *капы* и спрятала под мантию.

Не привлекая особого внимания, они вернулись на пляж. Когда Куалу попросил рассказать ему что-нибудь определенное о его будущем, Ваахия открыла ему многое из того, что произойдет; но ей еще не все было дано, и она посоветовала ему держать рот на замке и терпеливо ожидать исполнения воли богов. “Я вижу грядущие победы, - сказал *каула*, - но в конце поражение и катастрофа”.

“Но если в конце концов нас постигнет катастрофа, - предположил Куалу, - почему это не должно означать поражения и смерти для меня?”

- Я не могу привести причин, почему этого не должно быть; но боги редко объясняют свои поступки смертным, и я рад видеть твою звезду, сияющую над руинами Калаунуи.

Так сказала *каула*, и, ободренный ее словами, Куалу отправился в свою палатку из циновок и на жестком ложе из *капы* увидел во сне длинный блестящий нож и битвы, в которых он рубил им армии.

Взяв с собой своего царственного пленника, на второй день после битвы Калаунуи отплыл со своей армией на остров Молокаи, на котором Кахокуоуха был *али-нуи*, или правящим вождем. Невозможно было собрать силы, достаточные для того, чтобы справиться с армией вторжения; но рыцарский потомок древних королей Гавайев был не из тех правителей, которые позволили бы грабить своих подданных без сопротивления, и, поспешно собрав армию из четырех или пяти тысяч воинов, он дал захватчикам сражение при Калаупапе. Но он потерпел поражение и попал в плен, и после того, как опустошил страну на многие мили вокруг и уничтожил все захваченные каноэ, которыми он не мог воспользоваться, Калаунуи отплыл на завоевание Оаху с двумя королевскими пленниками в своей свите.

Ваахия по-прежнему сопровождала экспедицию. Но железного ножа с ней не было. Царь из какого-то источника узнал, что его блеск видели на поле битвы при Лахайне, и она спрятала его в расселине черных скал *пали*, окружающих Калаупапу.

Как уже говорилось, в то время Оаху управлялся рядом практически независимых вождей. Самым могущественным из них и, возможно, признанным *али-нуи* острова был Уапулейлей, вождь округов Эва и Вайанаэ, к которым дивизион Калаунуи направил свой флот. Высадив свои войска в <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\ o - pb189> Вайанаэ, недалеко от этого места произошла кровопролитная битва, в результате которой оахуанцы потерпели поражение и захватили Хуапулейлей.

Воодушевленный своими успехами и считающий себя непобедимым, Калаунуи затем приготовился к высадке на Кауаи и завоеванию всей группы. Но его планы относительно столь грандиозного предприятия оказались ошибочными. Он не предпринял никаких шагов для закрепления своих завоеваний или сохранения владения землями, покоренными его оружием. Он

не оставил после себя ни друга, ни оплота на завоеванных островах, без сомнения, слепо веря, что в лице своих царственных пленников он до поры до времени сохранит достаточно прочную власть над их землями и подданными.

Перед отправлением на Кауаи были принесены тщательно продуманные жертвоприношения, и были использованы все известные жречеству средства, чтобы сохранить благосклонность богов. *Моим* этого острова был Кукона, четвертый по происхождению от великого Лаа-май-кахики. Калаунуи понимал, что нельзя пренебрегать оборонительными ресурсами Кауаи, но он так же сильно недооценивал военные способности Куконы, как и свои собственные, и поэтому не сомневался в результате.

Ваахия видела приближение катастрофы, но знала, что Калаунуи не прислушается к ее предостережению, и поэтому хранила молчание, когда *килосы*, стремясь угодить королю, превратили свои зловещие предзнаменования в обещания победы. Больше всего она беспокоилась о Куалу. Ему было доверено важное командование, и он не мог найти достойного предложения для отказа принять на себя риск последней битвы на Кауаи. Поэтому Вахия не советовала ему оставаться, ибо она видела, как его звезда сияет над облаками поражения. Она часто искала совета у таинственных разумных существ земли и воздуха. Она видела их ответы в дыму горящих благовоний, а в кровавом круге в полночь, когда луна была темной, слышала их шепот. Поэтому вечером перед отправлением флота на Кауаи она с уверенностью сказала Куалу:

“ Да, ты должен идти. Я не смогу быть тебе полезен там, где воздух будет наполнен копьями, а каноэ будут окрашены в красный цвет кровью. Я вернусь на Гавайи. Ты будешь побежден. Кукона - храбрый и умелый воин, а армия Калаунуи. будет разорвана на куски и выброшена в море. Бойня **Ошибка! Закладка не определена.**будет великолепна, но обстоятельства откроют путь, и вы сбежите ”.

“А если я сбегу, где я тебя найду?” - спросил Куалу.

“Среди сов в старой хижине в Вайпио”, - ответил *каула*.

- А длинный нож? - спросил я.

“Длинный нож там, где я один могу его найти”, - ответил Вахия. “Оставь секрет мне; он еще пригодится нам”.

Рано утром на следующий день армия Kalaunui отплыл на Кауаи, а с ней, как заключенных, *Моис* Мауи и Молокаи и *Али-Нуи* Оаху. В то же время Ваахия отплыла на Гавайи, взяв с собой бога войны короля. Традиции расходятся относительно обстоятельств, при которых бог был передан пророчице. Один утверждает, что она отказалась хранить молчание или покинуть экспедицию без этого; другой - что король, раздраженный ее зловещими словами и присутствием, выкупил этим ее отъезд; и третий - что это было дано ей в знак уважения к ее заявлению, что, если ее отвезут на Кауаи, она вернется только во главе армии-завоевателя, которая превратит Гавайи в подчиненное королевство. Однако несомненно, что Ваахия вернулся на Гавайи с Оаху вместе с богом войны королем. Это был священный *Акуапао*, или бог войны Паао, и жрецы относились к нему с большим почтением. Несомое по водам невидимыми силами каноэ Ваахии выбросило на берег в Кохолалеле, на острове Гавайи. Неподалеку находилась старая *хиау* Манини, и туда бог был перенесен и передан на попечение верховного жреца храма с наказом никогда не выносить его из внутреннего двора или святилища, если только королевству не грозит опасность. Шесть поколений спустя он был взят из *хайау* великаном Маукалеолео и несен во главе победоносной армии Уми, как упоминается в легенде об “Уми, крестьянском принце Гавайев”.

К флоту Калауни добавилось пятьсот каноэ, и внушительная эскадра, казалось, растянулась наполовину поперек широкого пролива, разделяющего два острова. В Колоа была произведена высадка, и вся армия высадилась без сопротивления. Местность казалась пустынной, и не было видно ни одного вражеского копья. И так продолжалось мирное течение до рассвета следующего утра, когда Кукона, поддержанный всеми видными вождями ГИПЕРССЫЛКА \l "pb191" \o "191" \h. И не только это. Вдоль западного побережья был замечен приближающийся флот из почти тысячи боевых каноэ с явным намерением захватить или уничтожить каноэ гавайцев и отрезать им путь к отступлению по морю. Поспешно построившись, чтобы встретить лавину, обрушившуюся с холмов, Калауни отправил Куалу на берег с отрядом в три тысячи воинов для защиты каноэ.

Атаки с суши и моря были почти одновременными, и это сражение было одним из самых упорных и кровопролитных, когда-либо происходивших в группе. Как и предсказывал Ваахия, воздух наполнился копьями, а каноэ были выкрашены в красный цвет от крови. Стоя по пояс в воде, Куалу и его воины встретились со своими врагами, когда те попытались высадиться на берег, и последовала самая дикая схватка. Каноэ были опрокинуты; людей затаскивали в них и убивали, а потом вытаскивали из них и топили, и на расстоянии трехсот или четырехсот ярдов в прибое вдоль берега бушевала отчаянная схватка, ужасная даже для глаз дикарей. В своей ярости они сражались в воде, над водой и под водой, и сотни людей яростно сцепились и, не получив ни единой раны, утонули насмерть. Ни один из них не сдавался, и в конце концов сопротивление прекратилось, и Куалу увидел пляж, усеянный мертвецами, тысячи каноэ без арендаторов, лениво играющих с прибоем, и меньше сотни воинов, которых он повел в бой тысячами. Он спас флот, но жертва жизнью была ужасной.

Отправив гонца к королю и быстро реорганизовав остатки своего войска, Куалу собирался покинуть берег для несения службы там, где он мог быть больше всего нужен, когда с ужасом обнаружил, что гавайская армия потерпела поражение и разрозненными частями пытается разбежаться во всех направлениях. Преследуемые преследователями, тысяча или более человек сражались и изо всех сил пытались добраться до пляжа. Убедившись, что битва проиграна, чтобы облегчить бегство беглецов, Куалу приказал спешно снарядить и спустить на воду большое количество каноэ, а затем двинулся обратно, чтобы помочь в прикрытии отступления. Но его люди отказались следовать за ним. Зная об опасности промедления, все, кроме нескольких человек, прыгнули в каноэ и поплыли в море. Поскольку он больше ничего не мог сделать, он выбрал каноэ, подходящее для четырех человек, которые должны были в нем находиться, и вместе с тремя оставшимися товарищами прошел через прибой и направился на Оаху. **Ошибка!**

Закладка не определена.

Куалу не успел сбежать слишком рано. Едва он успел остановить прибой, как беглецы, оставив всякую защиту, опрометью бросились к каноэ, за которыми по пятам следовали их преследователи. В спешке они отплыли на каноэ, некоторые из которых были перегружены, а в других оставалось лишь половина людей. Несколько первых утонули в прибое, а те из последних, которым удалось миновать буруны, были настигнуты каноэ, посланными в погоню. Мало кому удалось спастись из двух или трех сотен человек, которые предшествовали Куалу в его бегстве. Некоторые из них сели в двойные каноэ, которыми они не могли управлять, а другие были либо без парусов, либо без весел. В результате менее сотни беглецов избежали поимки, и из этого числа, вероятно, не более двадцати или тридцати сумели добраться до других островов группы, поскольку море было беспокойным, и лишь немногие из них были искусны в навигации. Среди них были Куалу и его спутники.

Почти с самого начала внезапная атака Куконы с холмов была кровавой бойней. Отвод трех тысяч копий для защиты его каноэ ослабил линии калауни в незащищенном месте, и, прорвавшись через них, кауанцы так энергично использовали преимущество, что никакие усилия не могли

спасти гавайцев от поражения. Они сражались храбро и с отчаянием, но прорыв их линий оставил их без какого-либо определенного плана действий, и поражение было неизбежно. Храбрость Калаунуи бросалась в глаза, но после часа безнадежной борьбы он увидел, что его отважные батальоны тают на глазах и уступают во всех точках. Понимая, что битва проиграна и что то, что осталось от его армии, вскоре будет в состоянии дикого отступления, он попытался прорваться к пляжу, но был перехвачен и взят в плен. Узнав его ранг, похитители отвезли его в Кукону, и через несколько минут на сцене появились королевские вожди Мауи, Молокаи и Оаху со связанными за спиной руками. Покинутые стражниками, они были найдены в хижине недалеко от пляжа и доставлены к победоносным *моим*.

Это была историческая встреча пяти главных правителей архипелага на поле битвы при Колоа. Если бы Кукона был честлюбив, в его распоряжении были бы средства стать верховным главой островной группы; но он думал только о будущем мире на Кауаи и быстро выбросил из **Ошибка! Залка не определена.ГИПЕРССЫЛКА \l "pb193" \o "193" \h**

Ни слова насмешки или торжества не прозвучало между Калаунуи и пленными вождями, когда они стояли перед Куконой, ибо *ага алии* того периода — вожди общепринятого ранга — пользовались уважением не только безымянных, но и друг друга, даже в рабстве и после смерти. Кукона встречался с *али-нуи* Оаху в его собственных владениях несколько лет назад и сразу узнал его, но короли Мауи и Молокаи были ему незнакомы. Узнав об их ранге и обстоятельствах пленения, он приказал немедленно освободить их и собственными руками снял веревки с рук своего царственного друга из Оаху.

Спасенные принцы были немедленно возвращены с подобающим эскортом в их собственные владения, но Калаунуи остался в качестве военнопленного. Но немногим из армии вторжения удалось спастись. Победа была отмечена тщательно продуманными жертвоприношениями и всеобщим ликованием по всему острову. Захваченное оружие и каноэ были разделены между помогавшими вождями, и на Кауаи снова воцарился мир.

Кукона заручился прочной дружбой вождей Оаху, Мауи и молокаи и поэтому не боялся возмездия с Гавайев. Но в качестве гарантии мира он держал Калаунуи в плену, справедливо полагая, что, если правящие силы Гавайев действительно ценят жизнь пленного короля, они не станут подвергать ее опасности, пытаясь освободить его силой, а если они не очень ценят это, он будет предоставлен своей судьбе или шансам на мирные переговоры.

III.

Сбежав из Колоа, Куалу и его спутники отплыли на Гавайи, останавливаясь за припасами в тех промежуточных пунктах, которые они считали безопасными на побережьях Оаху, Молокаи и Мауи, и вечером шестого дня прибыли в Вайпио. Они первыми принесли на Гавайи весть о поражении Калаунуи на Кауаи, и когда люди узнали, что армия была уничтожена, земля наполнилась плачем.

Сразу же появившись перед Кахекой и ее сыном, Куалу рассказал им историю ужасной битвы, но не смог **Ошибка! Залка не определена.**определенно рассказать им о судьбе Калаунуи. Горе королевы было велико и нашло странное и необоснованное выражение в том, что она обвинила Куалу в трусости и приказала ему покинуть дворец. Напрасно он протестовал против неблагодарного обращения. Он никогда ей не нравился, особенно после того, как обнаружил, что заручился чем-то большим, чем добрая воля Капапы, и ей казалось чудовищным, что он выжил в

Калаунуи и десятках доблестных вождей, павших вместе с ним. Она жестоко намекнула, что более чем вероятно, что с силами, посланными для защиты флота, он сел в каноэ, не нанеся ни одного удара, тем самым предательски лишив побежденную армию единственного средства к отступлению.

Если бы эти чудовищные обвинения были выдвинуты мужчиной, Куалу ответил бы на них ударами; но, поскольку это был глупый и необдуманный бред женщины, он, не осмеливаясь больше отвечать, откланялся и с сердцем, наполненным сдерживаемой яростью и тоской, вышел из дворца.

Поднимаясь по долине, Куалу вошел в хижину Ваахии. Он застал *каулу*, как обычно, одну. Она знала, что он придет, но, тем не менее, обрадовалась встрече с ним. Сказав пару слов приветствия, он молча сел. Жестокие слова Кахеки все еще торчали у него в горле, как шипы. Ваахия некоторое время пристально смотрел на него, а затем сказал:

“ Я все это знаю. Армия Калаунуи уничтожена. Ты сбежал на каноэ с тремя другими.

“ А Калаунуи? - спросил Куалу, немало пораженный правильностью ее информации.

- В плену, - ответил *каула*.

“ Слава богам за это! ” горячо воскликнул вождь. “Он должен быть освобожден, потому что он может сказать ей, что, совершая побег, я не действовал ни трусливо, ни предательски!”

- Кому рассказать? - спросил *каула*.

“Кахека”, - ответил Куалу. “Она обвиняет меня в трусости и дезертирстве”.

“Тогда Кахека обвиняет тебя в том, что, как я знаю, является ложью!” - сказал Ваахия.

“Да, - ответил вождь, - но свидетелей моей верности мало и они скромны, и только слова короля могут избавить меня в глазах *ага алии* от позора, которым покроют меня обвинения Кахеки”.

Ошибка! Закладка не определена.

- Верно, - ободряюще ответил *каула*, - но позор будет недолгим, потому что король вернется, чтобы воздать вам должное.

- Когда он вернется? - нетерпеливо спросил вождь.

“Я не могу сказать, - ответил Вахия, - но я знаю, что его правление на Гавайях еще не закончилось, и вы должны набраться терпения”.

И Куалу пообещал быть терпеливым и в течение нескольких дней терпел пренебрежение и хмурые взгляды своих бывших друзей, а также насмешки и скрытые оскорбления своих врагов. Но когда бессердечные обвинения Кахеки, переходящие из уст в уста вместе с известием об ужасной резне, стали общеизвестны и почти столь же широко распространены, несмотря на заявления трех его товарищей об обратном, негодование Куалу больше нельзя было сдерживать, и он вызвал на поединок и убил на месте вождя, который в присутствии группы друзей повторил обвинения ему в лицо. Последовало большое волнение, и в своем отчаянии и гнев Куалу пригласил друзей своего поверженного клеветника, всех до единого, испытать его мужество тогда или позже.

Поскольку жизнь Куалу теперь находилась в постоянной и несомненной опасности, Ваахия посоветовал ему на время покинуть Гавайи, и они вместе отплыли на Молокаи и поселились в

Калаупапе. Но прежде чем покинуть Вайпио, *каула* обратилась к верховному жрецу, у которого она пользовалась большим уважением, и сказала ему, где ее можно найти на Молокаи, если потребуются ее услуги.

“И они потребуются, ” многозначительно сказал Ваахия. - Калаунуи не умер, и когда все твои попытки освободить его потерпят неудачу, скажи Кахеке, чтобы он лучше думал о Куалу и послал за мной.

“Откуда ты знаешь, что Калаунуи все еще жив?” - спросил священник.

“Должен ли верховный жрец Пакаалани задавать мне этот вопрос?” ответил Вахия. “Где его провидцы?” Где *килограммы* храма, которые на небесах видели победу Калаунуи там, где я видел поражение? Разве с ними никто не консультировался?”

- Не все видят глазами Ваахии, - уклончиво ответил священник.

Польщенная таким признанием своего превосходства, *каула* сказала, поворачиваясь, чтобы уйти: “Завтра ты узнаешь больше!” А час спустя в сопровождении Куалу она покинула Вайпио и отправилась на Молокаи.

Священник не был обманут Ваахией, поскольку на следующий день после этого **Ошибка!**
Закладка не определена.с Мауи были получены достоверные сведения о том, что кампания Калаунуи на Кауаи потерпела неудачу, а король оказался пленником в руках Куконы. Ведущие вожди были созваны на совет, и было выдвинуто и обсуждено несколько проектов освобождения короля. Кахека была за то, чтобы немедленно собрать мощную армию и силой вернуть своего царственного мужа; но когда более хладнокровные головы рассудили, что Кукона, несомненно, хорошо подготовлена к войне, заручилась дружбой и в случае необходимости могла заручиться поддержкой вождей Мауи, Оаху и Молокаи, предложение было отклонено как опасное и невыполнимое.

В сложившихся обстоятельствах было окончательно решено попытаться освободить Калаунуи путем переговоров; и с этой целью на Кауаи были отправлены гонцы с предложениями большого количества каноэ, копий и другого военного снаряжения в обмен на королевского пленника. Но капитуляция флота Калаунуи и захват тысяч копий и другого оружия дали Куконе в изобилии и то, и другое, и он отклонил предложение.

Это не удалось, и по прошествии нескольких месяцев в Кукону снова были отправлены гонцы с предложением двадцати *мамо* в натуральную величину, или королевских плащей из перьев, каноэ, груженного слоновой костью и китовым усом, и тысячи каменных *лупи*, или топоров, превосходного вида, характерного для Гавайев. Посланцев вежливо приняли и выслушали, но предложение принято не было.

Кахека снова призвала к войне, но вожди отказались ввязываться в столь рискованное предприятие, а без их поддержки она ничего не могла сделать. И вот уже более двух лет Калаунуи оставался в плену, когда была предпринята третья попытка выкупа за него. Кахека отправила на Кауаи двух послов высокого ранга, предлагая свою дочь Капапу в жены либо Куконе, либо его сыну Манокаланипо, и обещая вечный мир между островами. Это предложение также было отклонено, и Кукона отказался назвать послам условия, на которых он будет вести переговоры об освобождении их короля.

Теперь встал вопрос либо о войне, либо о том, чтобы бросить Калаунуи на произвол судьбы. В решении этой дилеммы они проконсультировались со священниками и *каулами*, но их

предсказания были расплывчатыми, а советы неудовлетворительными. Вспомнив слова Ваахии, первосвященник попросил присутствия Кахеки и посоветовал ей послать за старой пророчицей, которая жила со своим приемным сыном в Калаупапа. После некоторых уговоров она согласилась сделать это, и, отправив вождя высокого ранга на Молокаи с признанием, что она несправедливо обвинила Куалу, *каула* был вынужден вернуться с гонцом в Вайпио. Но Куалу не пошел с ней. Она с подозрением относилась к Кахеке и посоветовала ему остаться в Калаупапе.

Прибыв в Вайпио, *каула*, чувствуя, что теперь игра в ее собственных руках, сообщила верховному жрецу, что она свяжется с ведущими вождями королевства, созданными на совет. Вожди были соответственно собраны, и Ваахия предстал перед ними. Кахека присутствовал, как *желалкаула*.....

С посохом в руке, увенчанным головой совы, с длинными белыми волосами, ниспадающими до пояса, было что-то странное и внушающее благоговейный трепет во внешности почтенной пророчицы, когда она вошла в зал совета и низко поклонилась Кахеке и собравшимся вождям. У нее не было права нарушать молчание без разрешения, и когда оно было формально предоставлено, она подняла глаза и, ни к кому особенно не обращаясь, сказала:

- Зачем за мной послали? - спросил я.

Никто не мог ответить, даже Кахека.

Наконец старый вождь, посовещавшись с окружающими его людьми, ответил:

“ За вами послали по слову верховного жреца и в надежде, что вы сможете указать способ возвращения Калауни на Гавайи. Ты можешь это сделать?”

“Я не могу сказать, каким образом”, - ответил *каула*.

“ Значит, вы ничего не можете сделать? переспросил шеф.

“Я сказал, что не могу сказать, каким образом, - сказал *каула*. - И все же, придерживаясь своего мнения, я, возможно, смогу выполнить то, чего вы все желаете”.

“И вы возьмете на себя обязательство сделать это?” - спросил Кахека.

- Да, при одном условии, - последовал быстрый ответ.

“ Ну, и что же вы просите за попытку спасти жизнь вашего короля? с упреком в голосе ответила королева.

Ваахии не понравился дух вопроса, и хмурое выражение омрачило ее морщинистое лицо, когда она ответила:

- Я мог бы попросить, чтобы, если богам будет угодно, чтобы я потерпел неудачу, Кахека не обвинил меня в предательстве!

Эта ссылка на обращение с Куалу вызвала у вождей ощущение **Ошибка! Закладка не определена.**; но, не приглашая к замечаниям или объяснениям, *каула* продолжил:

“Чего я требую, так это обещания от каждого присутствующего здесь вождя, что, если мне удастся освободить Калауни, условия освобождения, какими бы они ни были, будут соблюдены”.

Вожди колебались, поскольку не было ничего невозможного в том, что пророчица могла предложить Куконе власть над островом, и они не могли принести себя в жертву, влекущую их собственную гибель. Однако Ваахия развеял их опасения, заверив их, что обещание не будет считаться обязательным, если его условия будут затрагивать либо суверенитет острова, либо жизнь, имущество или prerogatives его руководителей. С этими заверениями члены совета, кратко обсудив возможности этого обязательства, согласились принять его. После этого вожди трижды тщательно повторили клятву, и каждый по очереди торжественно призвал на себя, если он не сдержит ее во всей полноте, гнев *Хикаполоа*, божественной троицы, и быструю и особую месть *Куаханы*, убийцы людей.

“Теперь ты доволен?” - спросил Кахека.

“Я удовлетворен”, - ответил *каула*.

“Вам нужна помощь?” Этот запрос поступил не от одного человека.

“Только от богов!” - был впечатляющий ответ Ваахии, когда она покинула совет и медленно побрела вверх по долине.

Всю ночь напролет сквозь прорехи в *хижине* каулы время от времени вспыхивали странные огни. Было видно, как вокруг него бесшумно перемещаются темные фигуры; совы прилетали и улетали, когда огни исчезали и появлялись снова; и как раз в тот момент, когда солнце начало окрашивать восток, Ваахия направился к пляжу и с единственным крепким помощником сверхъестественного вида сел в каноэ, которое, казалось, было оборудовано и припасено для долгого путешествия. Это было призрачное повествование двух или трех ближайших соседей пророчицы, и в правдивости этой истории никто не сомневался, даже когда она дошла до дворца. Несомненно, очевидными фактами было то, что Ваахия провел большую часть ночи, готовясь к путешествию, и рано утром отправился в плавание с помощником, который, как известно, заслуживал доверия и был знаком с морем.

Ваахия очень неторопливо направился к Кауаи. Приближался ежегодный праздник *Лоно*, и поскольку она хотела прибыть туда во время, она потратила оставшееся время на посещение многих священных мест и известных храмов на Мауи, Оаху, Молокаи и Ланаи. Возможно, чтобы пообщаться с почитаемыми умершими, она совершила паломничество в священную долину Иао на острове Мауи, где были похоронены многие выдающиеся короли и вожди этой группы. Она остановилась в Калаупапе, на Молокаи, чтобы посоветоваться с Куалу, и, находясь там, нанесла визит в дом около Калауакои *Лаамаомао*, бога ветра, который пришел с юга вместе с Мойкехой более века назад; и в той же долине посетила страшное место, где в царствование Камауауа, отца Каупипи, похитителя Хины, в конце одиннадцатого века за ночь выросла отравленная роща *Калайпахоа*, или, согласно другой традиции, где эта богиня, принадлежащая к семейству южных божеств, посетила группу с двумя своими сестрами, вошла и отравила небольшую рощицу деревьев естественного роста.

Из одного из этих ядовитых деревьев был сделан знаменитый идол *Калайпахоа*. Древесина была настолько ядовитой, что многие погибли, срубая дерево и вырезая статуэтку, ибо погибли все, чьей плоти коснулись щепки; но рабочие в конце концов покрыли свои тела *капой*, включая маски для лиц и повязки для рук, и таким образом преуспели в выполнении опасной работы без дальнейших жертв. Но одно-единственное изображение было сделано. Он оставался у правящей семьи Молокаи до порабощения группы Камехамеа I., когда он перешел в его владение, а после его смерти в 1819 году был разделен между несколькими главными вождями. Говорят, что два фрагмента изображения сохранились до сих пор, но они тщательно охраняются и никогда не

выставляются на обозрение скептиков или профанов. Задолго до того, как Ваахия посетил это место, последние остатки рощи исчезли, но на много акров вокруг того места, где когда-то стояли ужасные деревья, земля была черной и голой. В пределах этого страшного района не было видно ни одного живого существа, и птицы падали замертво, пролетая над ним. Но *каула* вошел в нее и вернулся невредимым, к изумлению не одного свидетеля.

Затем Ваахия посетил *хея* в Каумолу, который тогда был *пухонуа*, или местом убежища, и в другом храме недалеко от побережья принес жертвы богу-акуле *Муалии*. По репутации она была широко известна священнослужителям группы и нигде не считалась нарушительницей в местах, священных для богослужения. **Ошибка! Закладка не определена.**

Остановившись в Эва, на острове Оаху, она впервые увидела священную ограду Куканилоко, творение Нанакаоко, сына Нанамаоа, самого раннего представителя миграционного потока XI века, прибывшего с юга. Вожди, родившиеся там, были наделены особыми прерогативами и отличиями, а бой в священный барабан, называемый *хавеа*, безо всякого предупреждения оповещал о рождении *табу* вождя.

IV.

Приближалось зимнее солнцестояние, знаменовавшее конец гавайского года, за которым должен был последовать обычный пятидневный праздник *Лоно*, и Ваахия так рассчитала время своего путешествия, что прибыла на Кауаи за день до начала фестиваля. Она тихо приземлилась в Колоа и, насколько это было возможно, избежала наблюдения, поселившись в маленькой хижине, охраняемой ее спутником в глубине соседних холмов.

Эти ежегодные фестивали *Лоно* были сезонами всеобщего веселья. Бог был коронован и украшен *леями* из цветов и перьев, а на алтари храмов, посвященных ему, возлагались неограниченные подношения в виде свиней, домашней птицы и фруктов. Вожди и простой народ в равной степени безоговорочно отдавались пиршествам, танцам, пению и потаканию почти всем аппетитам и прихотям, а Сатурналии древних римлян давали массам едва ли больше свободы, чем празднества *Лоно*. Все музыкальные инструменты, известные народу, — а у них было всего четыре или пять самых простых разновидностей, — были реквизированы, и в течение пяти дней здесь царил почти непрерывное шумное веселье. *Лакаконе*, бог *хула*, был украшен и выведен наружу, и были представлены все разновидности танца — некоторые во время вокальных декламаций, а другие — под более шумный аккомпанемент труб, барабанов и гремящих тыквенных бутылок. В разгар этих увеселений длиннобородые барды предстали перед королем и знатными вождями, и пока одни из них рассказывали дикие исторические истории прошлого, другие распевали *меле-иноас* и воспевали личные подвиги своих титулованных слушателей. *Ава* и другие опьяняющие напитки свободно употреблялись теми, кто их жаждал, и за празднествами обычно следовала неделя или больше всеобщей вялости и никчемности.

Шел третий день фестиваля в Колоа. Ворота **Ошибка! Закладка не определена.** были распахнуты, и тысячи людей столпились вокруг королевского особняка в роще, возле которой на земле в огромных деревянных подносах и калекасах было разложено большое количество прохладительных напитков. Пир был бесплатным для всех, и Кукона развалился на куче *капы* в густой тени деревьев перед дворцом, с удовольствием наблюдая за весельем своих подданных. Вокруг него стояло несколько вождей высокого ранга. *Кахили* из ярких перьев *паакахили* время от времени ненавязчиво взмахивал над его головой, а *ивикуюму*, *айтуууу* и другие его личные слуги,

все представители низшей знати, стояли в готовности откликнуться на малейшее его желание. Охрана из низших вождей удерживала толпу от слишком тесного контакта с выдающейся группой, но время от времени, по мере получения разрешения, избранным группам танцоров, музыкантов и певчих разрешалось приближаться и развлекать королевскую свиту образцами своего мастерства и эрудиции.

Группа танцовщиц только что удалилась, когда Вахия, с посохом в руке и в короткой накидке, указывающей на то, что она претендует на привилегии в одежде, которые обычно не предоставляются женщинам, попросила разрешения предстать перед королем. Ее странный вид возбудил любопытство Куконы, и ей разрешили приблизиться. Опустившись на колени и коснувшись лбом земли, она встала и спросила, угодно ли королю услышать ее. Поскольку в таких случаях из-за высшей власти от этих церемоний обычно отказывались, было высказано предположение, что женщина, должно быть, незнакомка на Кауаи. Ей велели говорить. Ожидалось *мооозло*, или историческое песнопение; но полным, резким голосом она пропела эти слова:

“О длинный нож незнакомца,

О пришельце из других земель,

Незнакомца со сверкающими глазами,

О незнакомце с белым лицом!

О длинный нож *Лоно*, дар *Лоно*;

Оно вспыхивает, как огонь на солнце;

Его край острее камня,

Острее твердого камня Хуалалая;

Копье касается его и ломается,

Сильный воин видит это и умирает!

Где длинный нож незнакомца?

Где священный дар *Лоно*? **Ошибка! Закладка не определена.**

Он прибыл в Вайлуку и потерян,

Это было замечено в Лахайне и не может быть найдено.

Тот, кто находит это, больше, чем вождь,

Тот, кто владеет им, - вождь вождей.

Мауи не может портить свои поля,

Гавайи не могут разорвать его сети;

Его каноэ в безопасности от Кауаи;

Вожди Оаху не будут выступать против него,

Вожди молокаи склонятся к его ногам.

О длинный нож незнакомца,

О сверкающий нож *Лоно*!

Кто это видел? Кто это нашел?

Было ли это спрятано глубоко в земле?

Неужели великое море поглотило его?

Видит ли это *килограмм* среди звезд?

Может ли *каула* найти его в кишечнике черного борова?

Ответит ли голос *ану*?

Будут ли жрецы *Лоно* говорить?

The *Кило* молчит, *каула* нема.

О длинный нож незнакомца,

О сверкающий нож *Лоно*,

Все потеряно, все потеряно, все потеряно!”

По окончании песнопения, которое было выслушано со вниманием, *каула* поклонился и исчез в толпе. Кукона слышал о длинном ноже, и описание Ваахией его силы очень заинтересовало его. Он отправил гонца к верховному жрецу, приказав, чтобы прорицателям немедленно было поручено обнаружить тайник со священным оружием.

На следующий день после полудня Вахия предстала перед королем и его вождями и с теми же церемониями повторила свое вчерашнее заклинание. Был вызван верховный жрец, который сообщил царю, что его прорицатели пока не обнаружили никаких следов длинного ножа.

На третий день появилась Ваахия, повторила свое заклинание перед царем и молча удалилась, как и прежде. Снова был вызван верховный жрец, но он не смог дать никаких гарантий, что *кахуны* найдут длинный нож. Они прибегли ко всем известным им средствам вдохновения и магии, но не смогли найти ключа к разгадке тайны.

“Кто эта женщина, которая три дня подряд рассказывает нам о потерянном ноже?” - спросил Кукона, обращаясь к окружавшим его вождям. **Ошибка! Закладка не определена.**

Казалось, никто не мог ответить. Наконец церемониймейстер выступил вперед и ответил:

“ Я думаю, эта женщина - Ваахия, известная пророчица Гавайев. Я видел ее пятнадцать лет назад в Вайпио и совершенно уверен, что помню ее лицо.

Имя, если не лицо, выдающейся провидицы было известно королю и многим другим присутствующим, и верховный жрец, желая объяснить неудачу своих магов, поклонился и сказал:

“ Церемониймейстер, несомненно, говорил правду. Женщина, должно быть, Ваахия. Ее сила велика, и тайна, которую она хранит, недоступна *каулам*.

Приняв это объяснение верховного жреца, Кукона приказал найти пророчицу и почтительно проводить ее в царские покои; но после двухдневных бесплодных поисков поступило сообщение, что она, вероятно, покинула долину, и поэтому ее невозможно найти.

Раздраженный тем, что казалось неэффективностью или пренебрежением его *каулами* и вождями, Кукона собирался назначить смертную казнь за дальнейшую неудачу, когда Ваахия внезапно вошел в королевскую ограду и приблизился ко дворцу. Присутствовавшие вожди очень обрадовались ее появлению, и ее сразу же проводили к королю. Кукона был так обрадован неожиданным визитом, что бессознательно поднялся на ноги и поприветствовал пророчицу. Это нарушение придворных форм изумило приближенных короля и навело их на мысль, что странный гость, должно быть, занимает высокое положение; но прежде чем удалось собрать какие-либо объяснения, им было приказано удалиться, даже на *паакахили*, и Кукона остался наедине с *каулой*.

Король пригласил своего гостя в гостиную *капы*, поскольку она казалась старой и немощной, а у него был к нему просьба. Усевшись, как было велено, король приблизился и голосом, который трудно было слышать, сказал:

- Вы Ваахия, пророчица Гавайев?

“Я Ваахия”, - ответил *каула*.

- Ты пел о длинном ноже незнакомца, о сверкающем ноже *Лоно*, об утраченном ноже Вайлуку, ” продолжал Кукона. “Наши прорицатели не могут дать мне никакой информации об этом”.

Ваахия многозначительно улыбнулся, но ничего не ответил, и король продолжил: **Ошибка!**
Закладка не определена.

- Они говорят, что вы *запретили* этот секрет, и поэтому другие не могут им поделиться. Так ли это?”

- Возможно, - последовал краткий ответ.

- Значит, ты можешь найти священный нож? - нетерпеливо предложил Кукона.

“Я могу найти это”, - был *решительный ответ* каулы.

“Тогда найди и принеси это Куконе, а за услугу потребуй все, что пожелаешь”, - последовало незамедлительное предложение короля.

Открыв таким образом путь, Ваахия объявил, что ценой за нож должно стать освобождение Калаунуи, и был поражен быстротой, с которой были приняты условия. Для Ваахии было очевидно, что он либо очень высоко ценил талисман, либо продержал своего царственного пленника примерно столько, сколько хотел задержать его или требовал мир в его королевстве. В любом случае, его без колебаний принятое главное соображение побудило Ваахию сразу назвать одно или два других условия, которые были так же быстро приняты королем. Одно из этих условий состояло в том, что Калаунуи должен согласиться, как единственное известное ему условие для своего освобождения, на то, чтобы его дочь Капапа была выдана замуж за вождя Куалу, не только как подобающий союз, но и как мера искупления несправедливых и позорных обвинений, выдвинутых Кахекой против этого достойного молодого вождя, и что Кукона и

Калаунуи должны взаимно поклясться в выполнении договора. Другим условием было то, что после передачи ножа Куконе он должен был немедленно освободить плененного короля и вернуть его на Гавайи в сопровождении трех верховных вождей Кауаи, которые должны были оставаться в Вайпио до завершения бракосочетания Капапы и Куалу.

С Калаунуи связались. Почти три года он был заключен под строгую, но уважительную охрану в квадрате высоких каменных стен, окружавших единственную хижину. Совершенно неспособный объяснить интерес Куконы к Куалу, он, тем не менее, принял предложенные ему условия своего освобождения, и Ваахия сразу же отправился в Калаупапу, пообещав вернуться в течение шести дней. Для путешествия она взяла каноэ побольше и вместительнее, чем ее собственное, и воспользовалась услугами еще пяти гребцов.

Прибыв в Калаупапу утром третьего дня из Колоа, Ваахия напугал Куалу, сообщив ему, что Калаунуи **Ошибка! Закладка не определена.** вот-вот будет освобожден, и что через двенадцать дней он должен вернуться без дальнейшего уведомления в Вайпио, где король снимет с него всю опалу и он станет мужем Капапы. Приехав из Ваахии, он поверил этим словам так, словно они были ниспосланы с небес, и не просил подтверждения, поскольку *каула* внезапно оставила его и в одиночестве направилась к холмам.

Несколько часов спустя Ваахия снова отплыла на Кауаи, взяв с собой меч Калуики, надежно завернутый в несколько складок *капы*. Она добралась до Колоа в обещанный срок и, проследовав во дворец, лично вручила королю сверкающий клинок, который молва наделила необычайной святостью и силой.

Калаунуи повторил свое обещание Куконе и на следующее утро отплыл на Гавайи в большом двухместном каноэ в сопровождении трех ведущих вождей Кауаи и их приближенных. Войдя в *каулуа*, когда его собирались столкнуть в прибой, Калаунуи впервые за много лет увидел Ваахию, которая стояла, опираясь на свой посох, у воды. Участие Куалу в соглашении с Куконой сразу же объяснялось присутствием Ваахии в Колоа; но что такое Куалу для Куконы? и, если ничего, то какое влияние *каула* смог оказать, чтобы добиться его освобождения на таких условиях? Неважно. Калаунуи был слишком счастлив своим освобождением, чтобы спорить со средствами, с помощью которых оно было достигнуто, и он с благодарностью повернулся к пророчице, когда каноэ понеслось к бурунам.

Возвращение их плененного короля было радостно отпраздновано народом Гавайев, и через несколько дней после этого Капапа по доброй воле стала женой Куалу. Этот союз был неприятен Кахеке, но она была бессильна предотвратить его. Соглашение было добросовестно выполнено Калаунуи, и он провел остаток своих дней в мире, оставив королевство своему единственному сыну Куайве, между которым и Куалу установилась прочная дружба.

Куалу вместе с Капапой стал главой влиятельной семьи, одним из его прямых потомков была жена Макаоу, сына Кихи и брата Лилоа, одного из самых известных королей Гавайев.

Меч Калуики, выкуп короля, оставался на протяжении нескольких поколений у потомков Куконы; но что с ним стало в конце концов, традиция умалчивает. **Ошибка! Закладка не определена.**

СВЯЩЕННЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАКАЕ и
КАКААЛАНЕО, } совместные *мои* братья с Мауи.

КАХЕКИЛИ, сын Какае.

КАУЛУЛААУ, сын Какааланео.

ВАОЛАНИ, верховный жрец Мауи.

КАЛОНА-ИКИ, король Оаху.

ЛАЙЕА-А-ЕВА, сестра королевы Оаху.

КАМАКАУА, спутник Каулулаау.

КАУХОЛАНУИ-МАХУ, король Гавайев.

НИЛА, королева Гавайев.

НОАКУА, вождь Кохалы, Гавайи.

ПЕЛЕ, богиня Килауэа.

КЕУАКЕПО, брат Пеле.

МУАЛЕО, бог-гном с Молокаи.

ПУЭОАЛИИ, крылатый демон Оаху.

Ошибка! Закладка не определена.

СВЯЩЕННЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАУЛУЛААУ, ПРИНЦА МАУИ.

Я.

Каулулаау был одним из сыновей Какааланео, брата Какае и совместного правителя с ним в правительстве Мауи. Последний был законным наследником *мойшипа*, но, поскольку он был слабоумным, Какааланео правил совместно с ним и был настоящим сувереном маленького королевства. Двор братьев находился в Леле (ныне Лахайна) и был одним из самых выдающихся в группе.

Матерью Каулулаау была Каниканьяула из семьи Камауауа, короля Молокаи, через его сына Хайли, который был братом или сводным братом Кеолоэвы и Каупипи. Последний, как следует помнить, был похитителем знаменитой Хины с Гавайев, и семья происходила из старого рода Мавеке.

Каулулаау, вероятно, родился где-то между 1390 и 1400 годами. У него были сводная сестра по имени Вао и сводный брат Кайхивалуа, который был отцом Луайи, который стал мужем дочери Пиливале, *моего* из Оаху, и брата Лолале. У него, несомненно, были другие братья и сестры, поскольку его отец был благословлен двумя или более женами, но легенды не упоминают о них.

Кахекили, сын Какае, ставший его преемником на *мойшизе*, был примерно того же возраста, что и его двоюродный брат Каулулаау, и оба принца вместе достигли зрелости. Они получали наставления от одних и тех же учителей, обучались одним и тем же искусствам и главным достижениям и повторяли одни и те же генеалогические *мелесы*. Однако по характеру и внешности они сильно отличались друг от друга.

С юности Кахекили был уравновешенным, трезвым и вдумчивым. Воспитанный в уверенности, что он сменит своего отца на посту *моего* правителя острова, он рано начал готовить себя к надлежащему осуществлению верховной власти и в возрасте двадцати лет был известен своим умом, достоинством и королевской осанкой. Пророк сказал ему, что человек с таким именем станет последним независимым **Ошибка! Закладка не определена.**"pb210" \ о "210" \ h, и эта информация заставила его задуматься о своем будущем и вызвала у многих улыбку на губах. Тем не менее, при всей своей строгости и осмотрительности, он был добросердечен и любвеобилен, и его игры соответствовали его достоинству. Ростом он был несколько ниже среднего, и черты его лица были резкими, как у папуаса; но все знали, что у него царственные сердце и мысли, и в должном к нему уважении никто не отказывал.

Каулулаау был непохож на своего царственного кузена почти во всех отношениях. Он был одинаково известен своим умом, мужественной красотой и безудержным духом озорства и веселья. Он не жаждал скипетра. Он больше думал о диком разврате с музыкой, танцами и тыквенной трубочкой *ава*, чем о праве приказывать “опускать” или “поднимать лицо”; и поскольку Кахекили был назначенным преемником своего отца, он претендовал на право, как привилегированный и *запретный* подданный королевства, развлекаться таким образом, который наилучшим образом соответствовал его вкусам. Поскольку он не мог издавать законы, ему доставляло удовольствие их нарушать. Он не был ни беспричинно жестоким, ни злобным, но безрассудно диким и озорным, и ни упреков отца, ни мягких уговоров кузена было недостаточно, чтобы сдержать его. Его шуточный ответ последнему был таким: “Когда ты станешь королем, я буду вести себя более пристойно. Два *мойса* могут позволить себе одного дикого принца.

У него было много друзей и слуг, которые помогали ему в его злонамеренных замыслах. С помощью пиршеств и танцев *хула* он держал деревню в смятении дюжину ночей подряд. Он пускал каноэ по течению, открывал ворота рыбоводных прудов, снимал опоры с домов и красил свиней в черный цвет, чтобы обмануть жрецов, приносящих жертвы. Он изобрел инструмент, имитирующий звуки, предупреждающие о смерти, которые издают *алаи*, и пугал людей, звуча у их дверей; а другим он передавал информацию о том, что их молят о смерти.

Несмотря на эти проступки, Каулулаау пользовался популярностью в народе, поскольку жертвами его озорных выходок обычно становились вожди или члены королевской семьи. По своему характеру он был воодушевлен стремлением стать священником под руководством выдающегося первосвященника и пророка Ваолани и добился значительных успехов в этом призвании, когда его царственный отец сослал его на остров Ланаи за проступок, который нельзя было ни пропустить, ни простить. **Ошибка! Закладка не определена.**

В то время Ланаи был наводнен множеством гномов, монстров и злых духов, среди которых был гигантский *му*, Муалео. Они опустошали поля, выкорчевывали кокосовые пальмы, разрушали стены прудов с рыбой и другими способами пугали и приводили в замешательство жителей острова. Чтобы сделать его пребывание там сносным, Каулулаау был обучен *каулами* и придворными чародеями множеству чар, заклинаний, молитв и заклинаний, с помощью которых можно было противостоять силам сверхъестественных монстров. Когда Каулулаау сообщил ему об этих средствах изгнания нечистой силы, его друг, почтенный первосвященник Ваолани, сказал ему, что они ничем не помогут ему против более могущественных и злобных демонов Ланаи.

Обескураженный этим заявлением, Каулулаау собирался покинуть *хеяу*, чтобы отправиться в Ланаи, когда Ваолани, после некоторого колебания, отложил свой отъезд и, войдя во внутренний храм, вскоре вернулся с небольшим свертком *капы* в руке. Медленно размотав множество складок ткани, мы наконец увидели наконечник копья из слоновой кости длиной в пядь. Держа его перед принцем, он сказал:

Возьми это. Он будет служить тебе любым способом, который тебе может потребоваться. Его силы больше, чем у любого бога, населяющего землю. Его окунули в воды *По*, и много поколений назад Лоно оставил его на одном из своих алтарей для защиты храма, которому угрожал могущественный бог-рыба, нашедший убежище под ним в огромной пещере, соединенной с морем. Проведите им линию, и ничто не сможет пройти мимо метки. Прикрепите его к копы и бросьте, и оно достигнет объекта, независимо от того, насколько далеко он удален. Это принесет гораздо больше пользы, но пусть будет достаточно того, что я сказал”.

Принц нетерпеливо потянулся, чтобы завладеть сокровищем, но священник отдернул его и продолжил:

Я отдаю его тебе с условием, что оно не перейдет от тебя ни в какие другие руки, кроме моих, и что, если меня уже не будет в живых, когда ты вернешься на Мауи — а ты когда—нибудь это сделаешь, - ты тайно положишь его вместе с моими останками. Поклянись в этом именем Лоно.

Каулулаау торжественно произнес требуемую клятву. Затем священник вручил ему талисман, завернутый в *капу* из которой он был взят, и он покинул храм и немедленно отправился с несколькими своими слугами на Ланаи.

Добравшись до Ланаи, он основал свой дом на южной стороне острова. Узнав его имя и звание, люди **Ошибка! Закладка не определена.** относились к нему с большим уважением — поскольку

Ланаи в то время находился в зависимости от Мауи — помогали в строительстве домов, необходимых для его проживания, и в большом изобилии снабжали его рыбой, *пои*, фруктами и картофелем. В обмен на эту преданность он приступил к избавлению острова от сверхъестественных вредителей, которыми он был поражен в течение многих лет.

В легенде о “Келеа, серфингистке Мауи” можно найти некоторые упоминания о битвах Каулулаау со злыми духами и монстрами Ланаи. Его самый упорный конфликт был с богом гномов Муалео. Он заточил демона в земле, проведя вокруг него линию священным наконечником копья, а затем освободил и загнал его в море.

Каулулаау потратил больше года на то, чтобы утихомирить и изгнать с острова злобных монстров, которые беспокоили его, но в конце концов ему удалось полностью избавить людей от их досадных посещений. Это неизмеримо повысило его популярность, и к его ногам были положены самые отборные продукты суши и моря.

О его победе над демонами Ланаи вскоре стало известно на других островах группы, и когда это дошло до ушей Какааланео, он отправил гонца к своему сыну, предлагая свое прощение и отзывая его из изгнания. Услуга, которую он оказал, была важной, и его царственный отец стремился признать это, восстановив его расположение.

Но Каулулаау не спешил воспользоваться великодушием своего отца. Вдали от придворных ограничений он привязался к независимой жизни, которую обрел в изгнании, и не мог думать ни о каких удобствах или наслаждениях, недостижимых на Ланаи. Женщины там были такими же красивыми, как и везде, бананы такими же сладкими, кокосовые орехи такими же крупными, *ава* была такой же стимулирующей, а рыбные промыслы такими же разнообразными и изобилующими продуктами. У него было приятное общение, и по его зову выступали группы музыкантов и танцоров. Все лучшее на земле и любовь людей принадлежали ему, и *апапани* пели в роще, которая затеняла его дверь. О чем еще он мог просить, чего еще ожидать, возвращаясь на Мауи? Его изгнание перестало быть наказанием, и сообщение его отца об отзыве вряд ли можно было считать одолжением.

Однако Каулулаау передал почтительный ответ через посланца своего отца, поблагодарив Какааланео за его милосердие, и **Ошибка! Закладка не определена.**объявив, что он вернется на Мауи в ближайшем будущем, после посещения некоторых других островов группы; и три месяца спустя он начал готовиться к поездке на Гавайи. Он раздобыл большое двухместное каноэ, выкрашенное в королевский желтый цвет, и изготовил несколько плащей и накидок из перьев *оо* и *мамо*. На носу своего каноэ он установил резное изображение Лоно, а на верхушке одной из мачт было отведено место для гордого *табу* штандарта *аха алии*. Покончив с этим, с подобающей свитой он отплыл на Гавайи.

II.

Во время своего визита на Гавайи Каулулаау сопровождал ряд товарищей, похожих на него по характеру и темпераменту. Среди них был Камакауа, молодой вождь племени мауи, который последовал за ним в изгнание и был полностью предан его интересам. Он был храбр, умен и умен, а внешне чем-то напоминал принца. Экипаж и большинство сопровождающих "принца" были отобраны Камакауа, включая главного штурмана и астролога; и какими бы компетентными они ни были на своем посту, во время путешествия выяснилось, что они были не менее эффективны как музыканты и танцоры. Поэтому недостатка в развлечениях не было, поскольку

огромное двухместное каноэ бороздило волны канала Аленуйхаха и утром третьего дня остановилось у деревни Вайпио в округе Хамакуа, Гавайи.

В то время Каухолануи-маху, отец знаменитого Кихи, был королем Гавайев. Его женой была Нила, вождь племени Мауи, унаследовавшая очень значительные владения в окрестностях Хонуаулы, на этом острове. Поскольку климат местности был целебным, а близлежащие водоемы изобиловали рыбой, королевская чета совершала туда частые, а иногда и продолжительные визиты. Эти визиты обычно совершались без ведома Какааланео, и необъяснимая привязанность гавайского короля к сравнительно небольшому наследству своей жены на соседнем острове стала рассматриваться с подозрением и стала темой для спекуляций и расследований при дворе Лахайны.

На момент визита Каулулаау в Вайпио Каухолануи **Ошибка! Закладка не определена.**несколько месяцев отсутствовал на Мауи, оставив Нойлу во главе правительства Гавайев. Приписав отсутствие короля намеренному пренебрежению, Нила была сильно недовольна, и по всему острову поползли слухи о надвигающихся неприятностях. Все это, несомненно, было известно Каулулаау, и, поскольку королевская резиденция находилась в Вайпио, именно на пляж ниже нее он высадился со своей свитой и вытащил свое двухместное каноэ.

О присутствии и состоянии незнакомцев вскоре стало известно королеве, и она незамедлительно отправила гонцов, вежливо пригласив принца и его личных слуг стать ее гостями в королевском дворце, одновременно отдав распоряжения о размещении самого скромного из его приближенных, как это было принято в гостеприимстве того времени.

Приняв приглашение, Каулулаау и четверо его главных спутников были размещены на территории дворца, а еду им подавали с королевского стола. Во второй половине дня Каулулаау был удостоен аудиенции у королевы, во время которой он представил своих друзей, включая Камакауа.

Принц провел в Вайпио почти месяц, и в его честь было устроено множество официальных приемов. Нила была необычайно приятна и вскоре установила дружеские отношения как с принцем, так и с Камакауа. Это было именно то, чего желал Каулулаау, поскольку это позволило ему разработать и помочь в осуществлении плана по возвращению короля с Мауи и последующему удержанию его в пределах своего собственного королевства.

По указанию Каулулаау Камакауа предположил, что был сильно сражен чарами королевы. Поскольку она была миловидной женщиной и несколько тщеславилась своей внешностью, завоевание симпатичного вождя доставило ей удовольствие; но его внимание привлек тот факт, что у него был соперник в лице Ноакуа, вождя Кохалы. Это открытие упростило планы принца и, в конце концов, освободило Камакауа от опасной обязанности. Настаивая на своем иске, он нашел предлог сообщить королеве, что продолжающееся отсутствие короля связано с тем фактом, что он взял другую жену, с которой жил в Хонуауле, и что он перестал заботиться ни о своем королевстве, ни о своей семье.

В то время как Камакауа вливал этот яд в уши Нойлы, Каулулаау, который познакомился с Ноакуа, заронил в сознание этого вождя семена мятежа. Он льстил ему мнению, что тот создан править, и с помощью **Ошибка! Закладка не определена.**градусов разработал для него план, с помощью которого, при благосклонности королевы, он мог бы захватить правительство, объединить главных вождей в своей поддержке и предотвратить возвращение Каухолануи на Гавайи.

Честолюбие Ноакуа и гнев королевы из-за предполагаемого пренебрежения и неверности ее мужа вскоре объединили их в заговоре против отсутствующего короля. Приготовления к восстанию стали заметны, когда Каулулаау, не желая открыто отождествлять себя с опасным движением, тихо отправился со своей партией в Хило, где он остался, чтобы наблюдать за ходом борьбы, в развязывании которой он сыграл важную роль.

Принц пробыл в Хило всего несколько дней, когда из Вайпио прибыл *лунапаи*, призвавший начальника округа отправиться туда с восемью сотнями воинов и объявивший о принятии Неулой суверенитета над островом. Аналогичные уведомления были разосланы вождям других округов королевства, и вскоре все взбудоражилось от Кау до Кохалы.

Услышав о восстании, Каухолануи, который был занят строительством пруда для разведения рыбы в Кеонео, по соседству с Хонуаулой, немедленно покинул Мауи менее чем с сотней копий и, высадившись в Коне, на вождя которого можно было положиться, отправился по суше в Вайпио. Революция была непопулярна, и вожди и народ с большим единодушием встали под знамена короля. Борьба была недолгой. Близ Ваймеа произошло сражение, в результате которого армия повстанцев потерпела поражение и погиб Ноакуа.

На этом восстание закончилось. В наказание Нейле король взял другую жену. Но цель Каулулаау была достигнута, поскольку Каухолануи больше никогда не посещал Мауи, хотя после этого королева проводила большую часть времени в Хонуауле, где ее любимым гостем и другом был Камакауа.

Покинув Хило, Каулулаау и его группа неторопливо плыли вдоль берегов Пуны, пока не достигли границ Кау, где высадились в Кеухоу, чтобы провести несколько дней за рыбной ловлей и серфингом.

Устав от этого вида спорта, Каулулаау однажды днем оставил купальщиков в прибое и укрылся в тени дерева *хала* недалеко от берега. Наблюдая за облаками и морскими птицами, кружащими в небесах над ним, он заснул, а когда проснулся, его взгляд упал на красивую женщину, сидевшую на скале не более чем в **Ошибка! Закладка не определена.** и молча наблюдавшую за пловцами, которые приближались на гребнях волн. Ее юбки из *пау* были усыпаны кристаллами, а на плечи наброшена короткая накидка всех цветов радуги. Ее длинные волосы были собраны на затылке *леей* из цветов, а запястья и лодыжки были украшены ободками из крошечных розовых и белых ракушек.

Вид женщины ослепил его, и, понаблюдав некоторое время и протерев глаза, чтобы убедиться, что это не сон, он поднялся на ноги и приблизился к сияющему существу. Подойдя на расстояние четырех или пяти шагов к женщине, по-видимому, незамеченный, он остановился и кашлем привлек ее внимание. Повернув ее лицом к себе, он вежливо поприветствовал ее и попросил разрешения подойти поближе и заговорить с ней. Ее внешность указывала на то, что она была высокопоставленной особой, и ему не хотелось без приглашения вторгаться в ее личную жизнь. Она не снизошла до ответа на его просьбу, но, оглядев его с головы до ног, снова повернулась лицом к морю, презрительно тряхнув головой.

Он на мгновение заколебался, а затем повернулся и быстро зашагал к пляжу, где его двухместное каноэ было надежно вытасчено на песок. “В облике купальщицы, - подумал принц, - она, очевидно, принимает меня за слугу. Я подойду к ней в одежде, на которую дает мне право мой ранг, и посмотрю, какой эффект это произведет.

Войдя в каноэ, он опоясал свои чресла ярким *маро*, повесил на шею *палаоаи* и набросил на плечи королевскую мантию из желтых перьев. Затем, увенчав голову блестящим шлемом из перьев, он выбрал копье длиной в шесть шагов и вышел из каноэ. При этом он споткнулся. “Это значит, что я забыл или пропустил что-то важное”, - сказал принц сам себе, останавливаясь и подробно осматривая свое снаряжение. В этот момент ему дорогу перебежала ящерица и нырнула в нору в земле. Это напомнило ему о битве с гигантским гномом на Веранде, и он с улыбкой вернулся в каноэ. Достав из тыквенного горлышка, где он был спрятан в течение нескольких месяцев, зачарованный наконечник копья Лоно, он накрепко прикрепил его к наконечнику дротика и, вооруженный таким образом, снова отправился на поиски очаровательного существа, которое его отталкивало.

Продвигаясь вперед, как и прежде, он еще раз попросил разрешения перейти по **Ошибка!** **Закладка не определена.** подойти достаточно близко, чтобы насладиться красотой ее глаз. Но она, казалось, была не в настроении соглашаться. Оглядев его в изменившейся одежде, с напускным безразличием она сказала:

“Тебе не нужно было утруждать себя украшением из королевских перьев. Я знал тебя раньше, как знаю и сейчас, как Каулулау, сына Какааланео, *моего* с Мауи. Я не желаю твоего общества.

- Поскольку вы знаете, кто я, я должен заявить о своем праве настаивать на своей просьбе, если только вы действительно не сможете доказать, что вы равного или более высокого ранга. Сказав это, принц сделал шаг вперед.

“Тогда пойдемте, - ответила женщина, - раз вы настолько грубы, что пытаетесь это сделать. Сядь у моих ног и расскажи мне о своей любви, а я обыщу пещеры в поисках кальмаров и побью для тебя *кану*.”

Принц радостно приблизился и уже собирался сесть у ног прелестного создания, как вдруг с криком боли отскочил назад. Камень, к которому он прикоснулся, был таким горячим, как будто его только что выбросили из кратера вулкана.

- Пойдемте, - насмешливо сказала женщина. - Разве вы не видите, что я жду вас?

принц снова двинулся вперед, но земля на два-три шага вокруг нее пылала от жара, и он поспешно отступил туда, где земля и камни были прохладными. Теперь он был уверен, что имеет дело с кем-то, обладающим сверхъестественными способностями, и решил проверить эффективность зачарованного наконечника своего копья.

- Почему вы не идете? - продолжала женщина тоном, в котором смешались вызов и упрек.

“Потому что земля, на которой ты сидишь, слишком теплая для моих ног”, - невинно ответил принц. “Иди туда, где я стою, и я сяду рядом с тобой”. И острием своего копья он обозначил на земле границы пространства вокруг себя.

“Отойдите на несколько шагов, и я это сделаю”, - уверенно ответила женщина. Принц удалился, как его и просили, и она тихо подошла к тому месту, где он только что стоял.

- А теперь пойдемте, - сказала женщина, снова усаживаясь. - Может быть, здесь вам будет прохладнее.

“Надеюсь, что так, ” ответил принц, осторожно приближаясь. Он пересек линию, отмеченную острием его копья, **Ошибка! Закладка не определена.** и не почувствовал жара. Он сделал еще три

шага вперед, но земля все еще была прохладной. Еще один шаг, который привел его на расстояние двух шагов от чародейки, убедил его, что ее силы бессильны в пределах проведенной им черты, и внезапным прыжком вперед он подхватил ее на руки.

Пораженная беспомощностью своих сил и униженная поражением, женщина изо всех сил пыталась высвободиться из объятий принца; но в заколдованном кругу она обладала лишь силой простой женщины и была вынуждена уступить высшему унижению превосходящей силы.

Взбешенная сверх всякой меры, она, наконец, сумела вырваться из его объятий и переступить роковую черту. Принц последовал за ней, но теперь она была самой собой, и он не мог ни догнать, ни удержать ее. Отступив на некоторое расстояние вверх по холму, она внезапно остановилась и стала ждать его приближения. Она позволила ему приблизиться к себе на расстояние сорока или пятидесяти шагов, когда в мгновение ока сбросила свой пленительный облик и предстала в образе Пеле, ужасной богини Килауэа. Ее глаза были яркими, как полуденное солнце, а волосы - как пламя костра.

Принц в смятении остановился. Богиня подняла руку, и у ее ног вырвался поток расплавленной лавы, яростно обрушившийся на принца, словно желая поглотить его. Он начал спасаться бегством, но поток расширился и набрал скорость по мере того, как следовал за ним. Опасаясь, что она настигнет его прежде, чем он доберется до моря, он вспомнил о своем дротике и острием поспешно провел линию перед надвигающимся потоком. Продолжив свой полет и оглянувшись назад, он обнаружил, к своему великому облегчению, что поток резко оборвался у линии, которую он провел, и не мог пересечь ее. Войдя в овраг, разъяренный поток стремился достичь моря по своему руслу и таким образом отрезать принцу путь к отступлению; но он пересек впадину, обозначив по пути линию, и огненная лавина была остановлена на пределе.

Заметив, что ей помешала какая-то сила, стихия которой, казалось, была земной, Пеле призвала своего брата Кеуакепу из Килауэа, и ливень огня и пепла обрушился на Каулулаау и его спутников. Прыгнув в море, чтобы избежать пожара, они оттащили двухместное каноэ от причала и, вплавь проталкивая его через буруны, добрались до берега, почти не пострадав. **Ошибка!**
Закладка не определена.

III.

Связавшись с божественными и политическими силами Гавайев, Каулулаау обогнул южную оконечность Ла-Лаэ и отплыл на Молокаи. Он провел месяц на этом острове с царственными родственниками своей матери, которые должным образом приняли его и развлекли. Он посетил дом Лаамаомао, бога ветра, отравленную рощу Калайпахуа и разрушенную крепость на мысе Хаупу, где доблестный Каупипи, в жилах которого текла кровь, встретил свою трагическую смерть. Затем он отплыл на Оаху.

Остров Оаху был в тот период одним из самых процветающих в группе. Это было при правительстве Калоны-ики, одного из двух сыновей Майликуахи, который во время своего правления учредил свод законов, дающий лучшую защиту бедным, карающий воровство смертной казнью и объявляющий подопечными правительства первенцев мужского пола из всех семей, независимо от ранга или состояния.

Калона продолжил мирную и разумную политику своего отца, и его двор был одинаково известен блестящими способностями своих вождей и красотой своих женщин. Его основным местом жительства был Вайкики, хотя у него были роскошные временные курорты в Эве и Вайалуа.

Каулулаау сначала причалил к Вайалуа, но, узнав, что король находится в Вайкики, он приказал своему каноэ обогнуть южную сторону острова под руководством своего главного штурмана, в то время как он и Камакауа решили совершить путешествие по суше. Сняв все знаки отличия ранга и одевшись как простые простолюдины, принц и его спутница отправились в Вайкики без сопровождения. Оба были вооружены дротиками, но у того, что нес Каулулаау, был наконечник с зачарованным наконечником Лоно.

Двигаясь вдоль подножия горного хребта Каала, во второй половине дня они присели отдохнуть в тени дерева *хала*. В овраге под ними работали пять или шесть человек, а по его берегам было разбросано несколько хижин. Вскоре до них донесся шум криков, и было видно, как мужчины, женщины и дети бегают туда-сюда в состоянии сильного возбуждения.

Путешественники вскочили на ноги, и в тот момент, когда они это сделали, гигантская птица тут же пронеслась над их головами и устремилась к холмам **Ошибка! Закладка не определена.** Он пролетел так близко, что ветви дерева *хала* закачались от движения его могучих крыльев, а его распростертые крылья, казалось, были едва ли меньше двадцати длинных шагов от кончика до кончика.

Пока она с изумлением наблюдала за чудовищем, к ней подошла женщина и на вопросы принца ответила, между стенаниями боли, что огромная птица — *Пуеоалии*, как она ее называла, — только что убила ее единственного ребенка перед ее хижинкой ударом в сердце, напоминающим порез ножом. Она поспешно сообщила дополнительную информацию о том, что в течение многих прошедших лет одна и та же птица время от времени посещала разные районы острова, убивая детей, свиней и домашнюю птицу, и что жрецы объявили, что это *пуео*, или сова, священная для богов, и поэтому к ней нельзя безопасно приставать, даже если от рук человека ей может быть причинен вред.

Лучше осведомленный о вдохновении и целях таких посещений — поскольку он был проинструктирован выдающимся верховным жрецом Ваолани - и после многих конфликтов со злыми духами, он усомнился в том, что чудовище, которое он только что видел, принадлежало к священной семье *пуео*, и попросил, чтобы ему показали мертвого ребенка. Подойдя к хижинке и осмотрев рану, он заметил, что смертельный порез был нанесен вверх, а не вниз, как это было бы, если бы он был нанесен клювом совы. Это подтвердило его правильность первого впечатления, и, попросив Камакауа следовать за ним, он направился к холмам в том направлении, куда направились птица.

Они все еще могли видеть это вдалеке, как темное облако на фоне горы. Проследив за ним некоторое время, птица спикировала вниз, чтобы совершить очередную опустошительную вылазку, а затем поднялась и села на скалистый гребень с отвесным склоном, спускающимся с главной вершины Каалы.

“Зачем идти дальше?” - спросил Камакауа. “Мы не можем добраться до птицы, а если бы и могли, наши копья были бы как соломинки для такого чудовища”.

Словно от сильной руки, дротик в руке принца резко повернулся и указал на птицу. Улыбнувшись предсказанию, Каулулаау ответил:

- Внимательно оглянись назад и посмотри, нет ли за нами слежки.

Камакауа повернул лицо в знак согласия, и в этот момент принц поднял свое копьё и метнул его в сторону птицы. **Ошибка! Закладка не определена.** Через двадцать шагов острие не опустилось; через сорок шагов оно не упало на землю; через сто его охватила новая энергия, и, подобно вспышке света, оно скрылось из виду. Мгновение спустя принц увидел, как птица опустилась и исчезла.

“Я никого не вижу”, - сказал Камакауа, внимательно оглядев местность, над которой они пролетали. “И сейчас я не вижу птицу”, - продолжил он, глядя в сторону хребта. “Где это может быть?”

“У подножия утеса, - ответил принц, - с острием моего копья в сердце”.

Побывав с принцем на Молокаи, Камакауа восприняли странную информацию без вопросов и большого удивления и, поспешив к подножию пропасти, нашли чудовище мертвым, с копьём, вонзенным ему в грудь. Достав оружие, они отрубили птице голову и одну из лап, вырвали из ее крыльев четыре самых длинных пера и вместе с ними вернулись к дереву *хала*, под которым нашли убежище от солнца. Это бремя истощило их силы до предела. Вес головы, которую нес принц, был едва ли меньше веса его собственного тела, в то время как перья достигали семи шагов в длину, а когти - двух шагов между их концами.

Большое волнение последовало за распространением новости о том, что *Пузоалии* был убит незнакомцами. Пострадавшие от его посещений были склонны одобрять этот поступок, а другие осуждали его как оскорбление богов, которое, вероятно, навлекло бы массовое бедствие на весь остров. Чтобы умиловить гнев богов, было предложено принести незнакомцев в жертву в ближайшем *храме*, и, почтительно завернув голову птицы в *капу*, Каулулаау и его спутника проводили со своими трофеями в священный храм Куканилоко, который находился неподалеку. Их сопровождала толпа, которая постоянно увеличивалась по мере их продвижения, и по прибытии в *хайау* они были окружены четырьмя или пятью сотнями мужчин и женщин, многие из которых были вооружены и требовали их крови.

Каулулаау нисколько не встревожился, скорее наслаждался ситуацией. Появился верховный жрец храма, и перед ним был поставлен вопрос. Посмотрев на лапку и могучие перья птицы, он повернулся к незнакомцам и сказал:

“Ты убил существо, посвященное богам, и я думаю, что тебя следует принести в жертву, чтобы отвратить их гнев”. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Будь осторожен в своих суждениях, священник”, - ответил принц. “Откуда ты знаешь, что птица была священной?”

“ Многие годы так считалось, ” ответил священник. - Откуда вы знаете, что это не так?

“ Подобаает ли верховному жрецу Куканилоко задавать такой вопрос? сказал принц. “ Но я отвечу на это, когда ты ответишь вот на что: дротиком, которое сейчас у меня в руке, я убил птицу на расстоянии большем, чем от того места, где мы стоим, до вон тех холмов. Могло ли это быть сделано руками человека без особой милости богов. Если нет, то чем боги были разгневаны?”

Священник был сбит с толку, и когда принц предложил поставить вопрос о его виновности перед королем, предложение было принято. Приближалась ночь, и Каулулаау и его спутник были отведены за ограду храма для сохранности, и, зная, что они будут лишены своего оружия, принц снял зачарованный наконечник со своего копья и спрятал его в складках своего *маро*.

Рано утром следующего дня верховный жрец и двое его пленников, которых не держали в строгих условиях, в сопровождении большой толпы людей, несущих голову, ступню и перья *Пуеоалии*, отправились в Вайкики. Казалось, все знали, что огромная птица была убита, и многие стояли на обочине дороги, чтобы посмотреть на перья, вырванные из ее крыльев, и мельком увидеть ее губителя.

Ближе к середине дня большое собрание прибыло в Вайкики. Поскольку многие были вооружены копьями, это напоминало марширующую армию, и король отправил гонцов, чтобы выяснить, что это значит. Остановившись у берега гавани, недалеко от королевского особняка, чтобы доложить о прибытии пленников и узнать, что угодно королю, принц заметил свое двухместное каноэ, вытащенное на берег, и попросил разрешения приблизиться к нему, чтобы посоветоваться со своим хозяином, Каулулаау, сыном *мои* с Мауи.

В такой милости нельзя было отказать, и под охраной двух низших жрецов Куканилоко принца проводили к каноэ. Поскольку присутствовали только трое или четверо членов экипажа, и их внимание было полностью поглощено толпой вокруг королевского *иллюза*, принц незаметно для них сел в каноэ и быстро прошел в свои личные покои — тесную **Ошибка! Закладка не определена.** плетеное помещение восьми или десяти футов в длину при ширине обоих каноэ и высотой шесть футов или более от их днища до верхней ширмы.

Поспешно облачившись в свои регалии ранга, включая шлем, мантию из перьев и копье, он вышел в поле зрения и раздался выстрел снаряда. Вскоре появились несколько его слуг, и в сопровождении такой свиты, какая приличествовала принцу, он направился к королевскому особняку. Стражники, сопровождавшие его к каноэ, не узнали его, когда он выходил из него, и после того, как он миновал толпу, окружавшую дворец, его имя и звание были объявлены королю. Калона быстро встретил его и вежливо приветствовал у дверей, сообщив, что ему были бы отправлены послания с приветствиями и приглашениями, если бы о его присутствии в Вайкики стало известно.

Затем Каулулаау сообщил королю, что он только что прибыл по суше из Вайалуа, в то время как его двухместное каноэ было отправлено встретить его в Вайкики, и что его целью было провести несколько дней на Оаху. Затем было оказано гостеприимство королевского *хейла*, после чего король объяснил своему высокому гостю причину большого скопления людей вокруг дворца и пригласил его осмотреть голову, перья и когти могущественного *Пуеоалии*, а также послушать историю об убийце священной птицы, если он сочтет ее достаточно интересной.

Каулулаау проводил короля в большой танцевальный павильон на территории королевской ограды, куда были перенесены оторванные части гигантской птицы. После того как когти и перья были осмотрены с благоговением и изумлением, король приказал привести к нему убийцу птицы. Верховный жрец Куканилоко поклонился и повернулся, чтобы выполнить приказ, когда стражники, приставленные к принцу, пришли с пляжа с известием, что их пленник сбежал.

Священник был жестоко разочарован. “Либо найдите его, либо займите его место на алтаре!” - прошипел он незадачливым стражникам, а затем привел Камакауа к королю, объяснив, что другому пленнику удалось ускользнуть от бдительности его охраны, но, несомненно, скоро его найдут.

Камакауа обнаружил принца рядом с королем и с трудом сдержал улыбку. На допросе он отрицал, что **Ошибка! Закладка не определена.** он убил большую птицу, но признал, что помогал удалять голову, перья и одну из лап.

“Это пустяк”, - сказал король, хмуро поворачиваясь к священнику. “Где другой пленник?”

“Он здесь, великий король!” - воскликнул Каулулаау, склоняясь перед Калоной, к удивлению, но и большому облегчению священника. - Благосклонный богов, я убил злобного монстра, которого ваши жрецы называют священным именем *Пуэоалии*. Их мастерство должно было проинструктировать их по-другому. Окажет ли мне король милость, приказав снять с головы покрывало *кана*?”

Приказ был отдан, и непокрытая голова была поднята клювом вверх перед королем.

Через мгновение было замечено, что голова не принадлежала *пуэо*, или сове; и по форме она не имела сходства ни с одной из известных птиц. У него была узкая щель между глазами, которые по цвету были как у акулы, а длинный и заостренный клюв, как на верхней, так и на нижней челюстях, резко загибался вверх.

- Это не *пуэо*! - раздался общий возглас.

- Ты доволен, священник? - спросил принц.

“Я думаю, что это не *пуэо*”, - неохотно ответил священник.

- Вы *думаете* что это не *пуэо*! ” возмущенно воскликнул король. - Разве ты не *знаешь* об этом? У какого *пуэо* когда-либо были такие глаза и такой клюв?”

Священник в замешательстве опустил голову, и принц, окончательно сбивший его с толку, теперь любезно пришел ему на помощь, заметив:

“Ошибка вполне могла быть допущена, поскольку на взмахе и на расстоянии птица очень напоминала *пуэо*”.

“Вы добры, что говорите так, принц, - сказал король, - но священники и *каулы* были очень виноваты. В течение многих лет птица охотилась на людей, и никто не осмеливался приставать к ней. Поскольку вы убили его, зная, что оно не было священным, возможно, вы сможете рассказать мне что-нибудь о его неестественном рождении и аппетитах.

На этот вопрос Каулулаау скромно ответил:

“Если я могу положиться на то, что казалось сном прошлой ночью, в птицу вселился дух Хило-а-Лакапу, одного из вождей Гавайев, вторгшихся на Оаху во времена правления вашего царственного отца. Он был убит в Ваймано, и его голова была водружена на шест близ Гоноулили на съедение птицам. Он был **Ошибка! Закладка не определена.**крови *акуа*, и через родственника бога-птицы его духу было передано чудовище, которого боги позволили мне убить ”.

Дух Хило был внесен вместе с головой мертвой птицы, и при произнесении принцем этих слов глаза Хило закатились, тяжелые челюсти открылись и закрылись, и с шумом, похожим на крик *алая*, злобный дух улетучился.

Убедившись таким образом в истинности сна о Каулулаау, король публично поблагодарил его за избавление острова от чудовищной напасти и приказал оказывать ему особые почести всеми сословиями, пока ему доставляет удовольствие оставаться в королевстве. Взамен принц подарил королю голову, когти и перья птицы, из которых следовало сделать мамонта *кахили*, а затем

познакомил его с Камакауа и другими вождями из его свиты, которые имели право на королевское признание.

Каулулаау сразу же стал героем двора и кумиром народа. Он пробыл на Оаху больше месяца, наслаждаясь безграничным гостеприимством короля и его окружных вождей. Он был любимцем прекраснейших придворных женщин; но он отдал свое сердце прекрасной Лайеа-а-Еве, сестре жены Калоны, и вместе с ней вернулся на Мауи.

Приземлившись в Лахайне после долгого отсутствия, он был радостно встречен дома своим царственным отцом, который слышал о его приключениях и полностью простил ошибки его юности. С горем он узнал, что его друг, верховный жрец Ваолани, умер несколько месяцев назад. Помня о своей клятве, он нашел место захоронения священника и вместе с его останками тайно положил священный наконечник копья Лоно, который так эффективно служил ему. Он благоговейно поцеловал реликвию, прежде чем навсегда спрятать ее с глаз долой, а потом преклонил колени и поблагодарил Лоно и священника за ее использование.

Ему были даны земли в Кауауле, где он прожил до конца своих дней. Лайя была его единственной женой, и они были благословлены шестью детьми, чьи имена упоминаются только в традиции.

Ошибка! Закладка не определена.

КЕЛЕА, СЕРФИНГИСТКА С ОСТРОВА МАУИ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАВАО, король острова Мауи.

КЕЛЕА, сестра Кавао.

ПИЛИУАЛЕ, *али-нуи* из Оаху.

ПААКАНИЛЕА, жена Пиливале.

ЛО-ЛАЛЕ, брат Пиливале.

КАЛАМАКУА, вождь Эва, двоюродный брат Лолале.

Ошибка! Закладка не определена.

КЕЛЕА, СЕРФИНГИСТКА С ОСТРОВА МАУИ.

ЛЕГЕНДА О ЛО-ЛАЛЕ, ЭКСЦЕНТРИЧНОМ ПРИНЦЕ ОАХУ.

Я.

Келеа, о которой в прошлом любили петь барды Оаху и Мауи, была красивой, но капризной сестрой Кавао, короля Мауи, который примерно в 1445 ГОДУ н.э., в возрасте двадцати пяти лет, унаследовал власть над этим островом. Их царственным отцом был Кахекили I., сын Какае, который вместе со своим братом Какааланео был совместным правителем маленького королевства примерно с 1380 по 1415 год. Какаэ был законным наследником *мойшина*, и, как таковой, ему наследовал его сын Кахекили; но поскольку несчастный случай в юности несколько ослабил его умственные способности, Какааланео стал, по выраженной воле умирающего Камалухуа, совместным правителем и фактическим сувереном королевства. У него были собственные сыновья и дочери; но он любил своего слабоумного брата и уважал линию законного наследования, и когда черная *капа* накрыла его, Кахекили стал королем Мауи и Ланаи; ибо в тот период последний остров находился под защитой *моис* Мауи, в то время как Молокаи все еще сохранял свою независимость.

Какааланео был известен своей деловой энергией и строгим чувством справедливости. Суд братьев был основан в Лахайне, тогда известной как Леле, и был одним из самых уважаемых во всей группе. Именно Какааланео привез сюда хлебные плоды с Гавайев и завоевал любовь людей постоянными актами милосердия и доброжелательности. За некоторое неуважение, проявленное к своему царственному брату, чья умственная слабость, несомненно, подвергала его недобрым замечаниям, он сослал своего сына Каулулаау на Ланаи, остров, который, согласно преданию, в то время был наводнен могущественными и злобными духами. Они убивали свиней и домашнюю птицу, вырывали с корнем кокосовые пальмы и портили *грядки с таро*, а гигантский и озорной гном развлекался тем, что скользил, как огромный крот, под хижинами своих жертв и чуть не опрокидывал их.

Священники тщетно пытались утихомирить этих злобных духов. Нет **Ошибка! Закладка не определена.** скорее они изгонялись из одной местности, чем появлялись в другой, и если они и давали *плантациям* таро, то только для того, чтобы срывать незрелые бананы со стеблей или разрушать стены и насыпи искусственных прудов, чтобы запасы рыбы могли уйти в море. Зная об этих обидах, Каулулаау взял с собой на Ланаи талисман редкой силы. Это был подарок его друга, верховного жреца его отца, и состоял из наконечника копья, который был окунут в воды *По*, страны смерти, и много поколений назад оставлен *Лоно* на одном из своих алтарей.

Увенчав этим священным наконечником длинное копьё, Каулулаау атаковал беспокоящих духов, и за короткое время ему удалось либо подчинить их, либо изгнать с острова. Гнома *Муалео* было труднее всего победить. Оно избегало принца и какое-то время умудрялось оставаться вне влияния зачарованного наконечника копья; но в конце концов чудовище было поймано в пределах круглой линии, нацарапанной талисманом на поверхности земли, под которой оно пряталось, и таким образом приведено к согласию. Он не мог пересечь черту, независимо от того, как далеко под поверхность он пытался это сделать. Вздывая землю в своей силе и гневе, он наткнулся на заколдованную сдержанность, которая держала его в плену, и, наконец, рухнул вниз, за вертикальные стены своей тюрьмы. Но пути к отступлению в этом направлении не было. Вскоре он наткнулся на огненное озеро и был вынужден вернуться на поверхность, где склонился перед принцем и пообещал, что, если его освободят, навсегда покинет остров. Каулулаау отошел на шестьдесят шагов от линии заточения, чтобы позволить *Муалео* пройти к морю, в которое погрузилось отвратительное существо и исчезло, и больше его никогда не видели на Ланаи.

Принимая во внимание большие заслуги изгнанного принца в восстановлении спокойствия и безопасности на острове, его отец разрешил ему вернуться на Мауи, где он связал себя со священством и стал известен своими сверхъестественными способностями. Зачарованный наконечник копья упоминается в более поздних легендах и, как полагают, до сих пор хранится вместе с костями верховного жреца в горной пещере на острове Мауи, недалеко от священного места захоронения Иао.

Но мы отклонились на два поколения назад от нашей истории. Легендарный счетами представителей правящей семьи основные **Ошибка! Закладка не определена.** острова группы так резбовые с романтической или сказочной инцидентов, которые, ссылаясь на какие-либо из известных актеров в прошлом, трудно удержать ручку в своей готовности блуждать в заколдованном по-пути, в котором *Мелес* периода достаточно.

Упомянув о непосредственных предках Келеа, сестры юной *моей* с острова Мауи, мы теперь продолжим нить нашей легенды, обратившись более конкретно к самой принцессе. Выросшая при королевском дворе в Лахайне, с братом, который разделял привязанность ее отца, Келеа была избалована в детстве, за ней ухаживали и льстили сверх всякой меры, когда она повзрослела. *Мелеси* описывают ее как девушку необычайной красоты; но она была своенравной, непостоянной

и капризной, чего и следовало ожидать от столь образованной и благодетельствованной особы, и никакие соображения политики или склонение к страсти не могли заставить ее согласиться на предложение любого из многих высокопоставленных вождей, которые искали на ней брака. Она любила воду — возможно, потому, что могла видеть в ней отражение своего прекрасного лица, — и стала самой грациозной и смелой серфингисткой в королевстве. Часто, когда воды канала Ауау бушевали под дуновением южного ветра или *коны*, Келеа, смеясь над страхами своего брата, ныряла в море со своим *онини*, или доской для серфинга, и так дерзко рассекала волны, что те, кто наблюдал за ней и аплодировал ей, были почти склонны поверить, что она подруга какого-то бога воды и ее невозможно утопить.

Ни один вид спорта не казался ей столь заманчивым, как битва с волнами, и когда брат заговорил с ней о замужестве, она весело ответила, что доска для серфинга - это ее муж, и она никогда не обнимет никого другого. Брат нахмурился, услышав ответ, ибо он надеялся, соединив свою сестру с главным вождем Ханы, более основательно включить в свое королевство ту часть острова, которой тогда правили независимые вожди; но можно отметить, что во время его правления объединение двух частей было осуществлено другими средствами.

“ Не хмурься, Кавао, ” умоляюще сказала Келеа. “ улыбка лучше идет твоему красивому лицу. Возможно, когда-нибудь я выйду замуж, просто чтобы доставить тебе удовольствие; но помни, что сказал голос в *ану* на последнем празднике *Лоно*.

“Да, я помню”, - ответил Кавао; “но я иногда **Ошибка! Закладка не определена.**полагал, что, когда *кило* заявил, что, катаясь на серфе, Келеа найдет мужа, он просто повторил предсказание, сообщенное ему самой Келеей”.

- Ты прогневишь богов, если будешь так легкомысленно относиться к их словам, - укоризненно ответила Келеа, и Кавао улыбнулся, когда принцесса удалилась с достоинством, совершенно для нее несвойственным.

Кавао любил свою сестру и гордился ее красотой; и хотя он стремился увидеть ее достойной женой и испытывал немалое раздражение от назойливости ее поклонников, он, тем не менее, признавал ее право как дочери короля на право голоса при выборе мужа.

Но голос с *ану* был пророческим, что бы ни вдохновляло его; ибо, пока Келеа продолжала плавать по волнам Лахайны, муж из семьи Калона-ики с Оаху искал ее, и теперь мы просим читателя последовать за нами на этот остров.

В то время в Лихуэ, в округе Эва, на острове Оаху, жил вождь по имени Лолале, сын Калона-ики и брат Пиливале, *али-нуи*, или номинального правителя острова, чей двор был основан в Вайалуа. Калона-ики женился на Кикинуи и, таким образом, влил в королевскую семью исконную аристократическую кровь Мавеке из древнего рода Нанаула.

Лолале был любезным и красивым принцем, но по какой-то причине дожил до тридцати пяти лет, так и не женившись. Причина заключалась в том, что за несколько лет до этого утонула необычайно красивая вождия, на которой он собирался жениться и к которой был очень привязан. Поскольку он был нежной и поэтической натурой, его нежелание вступать в брак не может быть необоснованно приписано этому событию, особенно если учесть, что с тех пор он возненавидел море и был доволен тем, что остался в Лихуэ, за пределами шума его непрекращающихся волн.

Пилуале перевалило за пятьдесят, и, имея всего двух дочерей и ни одного сына, он больше, чем когда-либо, желал, чтобы его брат женился, чтобы авторитет семьи мог быть укреплен и линия Калоны продолжалась. И дружелюбные соседние вожди в равной степени стремились к тому, чтобы Лолале стал главой семьи, и, чтобы внушить ему желание жениться, с энтузиазмом описывали красоту многих девушек **Ошибка! Закладка не определена.** выдающегося положения, которых они встретили на других островах группы.

Этим настойчивостям Лолале в конце концов уступил; и поскольку на Оаху нельзя было найти подходящую жену для столь высокопоставленного вождя или, по крайней мере, ту, которая была бы лично приемлема для него, пришлось искать ее среди королевских семей других островов. Соответственно, в Вайалуа было снаряжено большое *каное коа*, и с надежными высокопоставленными посыльными оно было отправлено на наветренные острова в поисках жены для Лолале. Гонцам было приказано незаметно посетить несколько королевских дворов и сообщить о красоте, ранге и подходящей кандидатуре таких вступающих в брак главенствующих особ из выдающихся семей, каких они смогут обнаружить.

Среди вождей, отобранных для этой деликатной миссии, и тем, на чье суждение больше всего полагались, был двоюродный брат Лолале, Каламакуа, дворянин высокого ранга, чьи земли находились на побережье округа Эва. Он был смелым, лихим и предприимчивым человеком и с готовностью согласился помочь в поиске жены для своего царственного и романтического родственника.

Ло-Лале был в Вайалуа, когда гонцы сели на корабль. Он проявил воодушевляющий интерес к экспедиции и, когда его кузен шутливо спросил, не будет ли возраст возражением для невесты безупречного происхождения, ответил, что обещал жениться исключительно для того, чтобы угодить своему царственному брату, и подойдет любой возраст моложе восьмидесяти. Но он не это имел в виду.

“Это не так”, - ответил Пиливейл более чем наполовину серьезно. “Я не стану дядей семейства монстров. Невеста должна быть достойна как лично, так и по крови”.

“Ты слышишь, Каламакуа?” сказал Лолале, обращаясь к своему двоюродному брату, который стоял рядом с каное, готовый к отплытию. “Ты слышишь слова Пиливале? Она должна быть не только молода, но и красива. Если ты приведешь или дашь обещание кому-либо другому, она не будет жить в Лихуэ!”

“Не бойся”, - весело ответил кузен. “Кем бы она ни была, мы сохраним ее в семье; потому что, если ты откажешь ей или она тебе, я сам женюсь на ней!”

- Справедливо сказано! - воскликнул король. - И я прослежу, чтобы он сдержал свое обещание, Лолале.

Хотя цель путешествия была известна немногим, сотни людей собрались на пляже, чтобы засвидетельствовать отплытие, поскольку каное было украшено, а сажающиеся вожди появились в **Ошибка! Закладка не определена.** перьев и других украшениях, соответствующих их рангу. Повернувшись к присутствовавшему верховному жрецу, Пиливале спросил его, наблюдал ли он за предсказаниями.

“У меня есть”, - ответил священник. “Они более чем благоприятны”. Затем, повернувшись лицом к северу, он продолжил: “В облаках царит покой, и вялое махание вон той птицы предвещает благоприятный ветер”.

Под хор *алохасов!* каноэ пронеслось сквозь буруны и вышло в открытое море, держа курс в направлении Молокаи. Достигнув этого острова рано утром следующего дня, группа высадилась в Калаупапе. *Али-нуи* приняли их хорошо, но расспросы ни к чему не привели, и, обогнув остров, группа затем высадилась на Ланаи. Вероятно, их пригнали туда неблагоприятные ветры, поскольку в то время Ланаи находился в зависимости от Мауи, и на острове не проживал никто, кроме подвластных вождей. Однако они пробыли там всего один день, а на следующий направились в Хану, Мауи, с намерением перебраться на Гавайи и посетить двор Киха в Вайпио. Расспросив о *моих*, они узнали, что Кавао перевел свой двор из Лахайны на сезон в Хамакуапоко, чтобы насладиться прохладным бризом этой местности и насладиться удовольствиями от купания в прибое. Далее им сообщили, что большое количество вождей сопровождало *моих* на этот привлекательный курорт, и что Келя, сестра короля и самая красивая женщина на острове, а также самая смелая и опытная пловчиха, занимающаяся серфингом, также была там в качестве одного из величайших украшений двора.

Это была приятная информация, и компания снова погрузилась на корабль и прибыла на следующее утро из Хамакуапоко, как раз в тот момент, когда прекрасная Келеа и ее сопровождающие отправились на пляж, чтобы насладиться трапезой с прибоем. Выплывая за пределы прибоя и забыв обо всем, кроме собственного удовольствия, Келеа внезапно обнаружила, что находится в нескольких ярдах от каноэ вождей племени Оахуан. Предположив, что там были ее соплеменники, она подплыла еще ближе, когда, к своему изумлению, обнаружила, что все лица в каноэ были ей незнакомы. Заметив ее смущение, Каламакуа поднялся на ноги и, обращаясь к ней в учливой и уважительной манере, пригласил ее сесть в каноэ, предложив прокатиться на нем по прибою до пляжа — увлекательный, а иногда и опасный вид спорта, в котором требуются большое мастерство и хладнокровие. **Ошибка! Закладка не определена.**

Речь вождя была такой мягкой и наводила на мысль о придворных манерах, что приглашение было принято, и каноэ поднялось на одну из больших волн, последовательно следовавших за двумя более легкими по объему и силе, и было ловко и безопасно выброшено на берег. Это достижение было встречено аплодисментами на берегу, и когда было сделано предложение повторить выступление, Келеа охотно осталась на своем месте. Каноэ снова благополучно вынесло на берег, и тогда Каламакуа с помощью своих слуг выяснила, что прекрасной и лихой пловчихой была не кто иная, как Келеа, сестра *мои* с острова Мауи.

С возросшим уважением Каламакуа снова пригласил своего высокого гостя разделить удовольствие и азарт третьей поездки по бурунам. Она согласилась, и каноэ снова вытащили за пределы прибоя, где оно на мгновение задержалось, ожидая высокого гребенчатого валка, по которому его доставили к пристани. Один прошел мимо и был пропущен, а перед другим налетел шквал, или то, что называлось *мумуку*, внезапно обрушившийся на каноэ, сделавший его совершенно неуправляемым и унесший в широкий океан.

Когда каноэ тронулось, Келеа прыгнула бы в море, если бы ее не удержали; но Каламакуа говорил с ней так ласково, уверяя, что они благополучно переждут шторм и вернуться в Хамакуапоко, что она успокоилась и согласилась свернуться калачиком рядом с ним в лодке, спасаясь от ярости ветра. Ее стройные конечности и плечи были обнажены, а волосы, заплетенные в косу и небрежно зачесанные назад, все еще были влажными и леденели на ветру там, где они падали. Каламакуа достал из закрытого тыквенного кувшина красивый *кихей*, или мантию, и накинул ей на плечи, а затем усадил ее под прикрытие своей дородной фигуры. Она улыбнулась в знак благодарности за это деликатное внимание, и вождь был вынужден признать про себя, что слухи о ее необычайной красоте не были преувеличены. Он не мог припомнить на Оаху ни одной девушки, равной ей по грации и привлекательности, и чувствовал, что, если бы она досталась его эксцентричному кузену, его поискам пришел бы конец. Он даже возмущился при мысли, что она может оказаться

неприемлемой, но в следующий момент улыбнулся своему обещанию жениться на девушке сам, если его кузен откажет ей.

Но свирепый *мумуку* не давал ему времени предаваться таким мечтам. Море бушевало в ярости, и, как ракушка, **Ошибка! Закладка не определена.**бросало от одной огромной волны к другой. Брызги почти ослепляли, и, пока Каламакуа держал суденышко прямо по ветру в качестве меры первостепенной важности, его товарищи усердно занимались попеременным тюкованием и обрезкой по мере необходимости.

Дальше, дальше мчалось каноэ, все дальше и дальше в открытое море, подбрасываемое, как перышко, гребнями волн и обдаваемое летящими брызгами. Зрелище было устрашающим. Южные небеса почернели от гнева, и длинные полосы, посланные из облаков, устремились на север, словно для того, чтобы окружить летательный аппарат и отрезать ему путь к отступлению. Все скорчились на дне лодки, намереваясь только удержать ее против ветра и не дать ей наполниться. Более хрупкое суденышко разлетелось бы на куски, но оно было вытесано из ствола крепкого *дерева коа* и доблестно выдержало шторм.

Но когда ближе к вечеру ветер стих и небо прояснилось, каноэ было уже далеко в море, и суши не было видно. Судно развернулось и направилось обратно; но поскольку ветра, помогающего веслам, не было, а вода все еще была бурной и беспокойной, продвижение к суше было медленным; и когда зашло солнце, Каламакуа колебался, каким путем двигаться дальше, поскольку не был уверен, что шторм не унес их так далеко от побережья Мауи, что до какой-нибудь точки на Молокаи или Оаху можно было добраться быстрее и безопаснее, чем до того места, откуда они стартовали. Их запас *пои* был потерян во время шторма из-за того, что судно с ним разбилось; но они все же оставили небольшое количество вяленой рыбы, сырого картофеля и бананов, а также калebas с водой и поужинали так весело, как будто их запасы были на исходе, а зеленые холмы Вайалуа улыбались им вдалеке. Таков был гавайец прошлого; таков гавайец сегодняшнего дня. Его радости и горести сосредоточены в настоящем, он мало размышляет о прошлом и не заимствует неприятностей из будущего.

На небе появились звезды, и легкий ветерок начал подкрадываться к ним с северо-запада. Было довольно прохладно, и это ощущалось как дыхание возвращающихся пассатов, которые начинаются с замерзших берегов северо-западной Америки и постепенно становятся теплее по мере того, как они проносятся через тропические моря. Эти ветры, продолжающиеся с перерывами на затишье восемь или девять месяцев в году, - вот что придает жизнь, красоту и сносный климат гавайской группе. **Ошибка! Закладка не определена.**

Когда ветер посвежел, были подняты паруса, и оставалось определить курс, который следовало взять. Каламакуа поделился своими сомнениями с Келеа, как бы ожидая от нее совета; но она не смогла дать никакого совета, заявив, что не заметила направления ветра, который унес их так далеко в океан.

“И я в равной степени сомневаюсь”, - сказал вождь. “Возможно, нас отнесло дальше к восходу солнца, чем мысы Хана. Если это так, то курс, которым мы сейчас плывем, приведет нас к Гавайям, если не дальше, в то время как, следуя за вечерней звездой, мы можем даже миновать Оаху. Поэтому я предлагаю курс между этими двумя направлениями, который, несомненно, приведет нас к берегу завтра.

“Тогда, поскольку мы все в сомнениях, - ответила Келя, - и ветры дуют в сторону суши, почему бы не довериться богам и не последовать за ними?”

“Ваши слова вдохновляют”, - ответил вождь, обрадованный тем, что она предложила курс, который позволил бы ему напрямую добраться до Оаху; ибо, как можно подозревать, он был опытным мореплавателем и действительно почти не сомневался в направлении нескольких упомянутых островов. - Вы сказали мудро, - продолжал он, как бы полностью подчиняясь ее мнению. - мы последуем за ветрами, которые сейчас охлаждают берега Хамакуапоко.

Таким образом, Келеа ловко согласилась на свое собственное похищение. Каламакуа встал у руля, слегка изменив курс каноэ, и его спутники устроились поудобнее на вечер. Их влажные рулеты из *капы* высохли днем, и на дне лодки оставалось достаточно места, чтобы устроить ложе для Келеа. Но она была слишком взволнована странными событиями этого дня, чтобы заснуть или хотя бы попытаться отдохнуть, и поэтому просидела рядом с Каламакуа на корме каноэ до полуночи, наблюдая за звездами и слушая историю о его романтической экспедиции в поисках жены для своего кузена, с которой, как он знал, она рано или поздно должна будет познакомиться.

Нет нужды говорить, что Келеа была удивлена и заинтересована этим родством; и когда Каламакуа сослался на высокое положение своего кузена, его красивую фигуру и большие поместья в Лихуэ и попросил ее благосклонно отнестись к предложению руки и сердца **Ошибка! Закладка не определена.**, которое он затем сделал ей от имени Лолале, она откровенно ответила, что, если ее царственный брат не возражает, она рассмотрит это предложение.

Поскольку Каламакуа решила не рисковать и не заручаться согласием своего брата, у которого, несомненно, были на уме какие-то другие матримониальные планы в отношении нее, он истолковал ее ответ как скромно выраженную готовность стать женой Лолале, и тем решительнее направился к Оаху. Он наблюдал за Плеядами — великим проводником первых полинезийских мореплавателей, — когда они взмывали в небеса, и, забрав еще дальше на север, чтобы избежать Молокаи, объявил, что оставит рулевое весло на ночь, и посоветовал своим товарищам, теперь, когда ветер стал устойчивым, а море более спокойным, отправиться отдыхать. И Келеа, наконец, свернулась калачиком на своем ложе из *капы*, а Каламакуа остался наедине со своими мыслями и стал наблюдать за ветром и звездами.

Несмотря на то, что ночью был совершен долгий и уверенный переход, на следующее утро земли не было видно. Келеа беспокойно оглядела горизонт и, не говоря ни слова, посмотрела на Каламакуа в ожидании объяснений.

- Еще до захода солнца мы увидим землю, - сказал вождь.

“Какая земля?” - спросила Келя.

“Оаху”, - последовал ответ, но вождь не был встречен ожидаемым удивлением.

“Я не разочарована, ” ответила принцесса совершенно равнодушно. - Похоже, прошлой ночью вы плыли по блуждающим звездам, потому что перед рассветом я поднял глаза и увидел по *Као*, что вы направляетесь прямо к месту захода солнца.

Пять планет — Меркурий, Марс, Венера, Юпитер и Сатурн — были известны древним гавайцам и обозначались как *па хоки аеа*, или блуждающие звезды. Неподвижные звезды также были сгруппированы ими в созвездия, и *Као* было их названием Антареса.

С выражением неподдельного удивления на лице Каламакуа ответил:

- Я и не знал раньше, что столь точное знание навигации было одним из многих достижений сестры Кавао.

“Не требовалось большого знания неба, чтобы прошлой ночью обнаружить, что мы не направляемся на юг, и еще меньше нужно **Ошибка! Закладка не определена.**теперь, чтобы заметить, что мы плывем прямо на запад”, - спокойно заметила Келя.

“ Я не стану пытаться обмануть того, кто, кажется, способен научить меня путешествию по голубым водам, ” вежливо сказал Каламакуа. “Ваше суждение верно. Мы плывем почти на запад, и первой увиденной землей, вероятно, будут мысы Каава”.

- Вы поступили вероломно, - продолжала принцесса после паузы, как будто внезапно осознав, что протестовать против похищения уместно.

- Возможно, - последовал краткий ответ.

- Да, - продолжила она после очередной паузы, - вы поступили предательски, и мой брат объявит войну Оаху, если меня немедленно не вернут в Хамакуапоко.

“Он найдет работу для своих копейщиков”, - последовал раздражающий ответ.

- У вождей Оаху принято красть своих жен? - насмешливо спросила Кела.

“Нет, - быстро ответил Каламакуа, - но я не стал бы есть из одной тыквы с вождем, который бросил бы щедрым ветрам в дар самый редкий цветок, когда-либо цвевший на гавайской земле!”

Приятный комплимент вождя заставил Келеа замолчать; однако он заметил, что в ее глазах мелькнула искорка удовольствия и что новизна и романтика ситуации были ей не совсем неприятны.

Ближе к вечеру показалась земля. Это был мыс Каойо на западной стороне Оаху. Обогнув его, они высадились в Махане, где раздобыли еду и воду и провели ночь, а на следующий день совершили легкое путешествие в Вайалуа.

Приземлившись, Каламакуа сразу же связался с Пиливале, сообщив о высоком звании Келеа, а также о странных обстоятельствах, при которых она попала в Вайалуа. Королева Пааканилеа незамедлительно отправила на пляж слуг в соответствующей одежде, и в назначенное время почетная гостья была принята в королевском особняке в соответствии с ее рангом.

На следующий день Лолале получила послание от Лихуэ. Он был одет в свои самые богатые наряды и принес с собой в качестве подношения Келее редкое ожерелье из раковин и причудливо вырезанного перламутра. Каламакуа проводил его к принцессе. **Ошибка! Закладка не определена.**Они, казалось, были взаимно довольны друг другом. На самом деле Лолале был совершенно очарован прекрасной незнакомкой и в порыве энтузиазма предложил разделить свои владения с кузеном в знак своей благодарности.

Каламакуа сам очень заинтересовался Келеей и втайне надеялся, что его кузен найдет в ее крови или поведении что-нибудь, против чего можно было бы возразить, и в этом случае, как он чувствовал, ее можно было бы побудить благосклонно отнестись к его собственному уходу за ней; но Лолале объявил ее образцом совершенства и ухаживал за ней с такой искренностью, что она в конце концов согласилась стать его женой, не дожидаясь известий от своего брата.

Ее ранг был вполне равен рангу Лолале, и король был так доволен этим союзом, что значительно расширил владения своего брата в Лихуэ, и бракосочетание было отпраздновано играми, пиршествами, танцами и началом строительства нового *монастыря* близ Вайалуа, который со

временем был завершен и посвящен *Лоно*, с большим изображением *Лаамаомао*, гавайского Эола, у внутреннего входа, в поэтическом ознаменовании ветров, которые гнали ветер. Келя вдали от побережья Мауи.

По завершении празднеств в Вайалуа Келеа пронесли до самого Лихуэ в богато украшенном *манеле*, или местном паланкине, в котором находились четыре носильщика. В ее свите было триста сопровождающих, не считая тридцати шести вождей в качестве почетного караула, одетых в накидки и шлемы из перьев и вооруженных дротиками, украшенными *леями* из цветов и окрашенных перьев. Это была настоящая королевская процессия, и ее въезд в Лихуэ стал началом очередного раунда празднеств, продолжавшихся много дней. Отрывки из *меле*, прочитанные Лолале в приветствии своей жены Лихуэ, до сих пор помнят и повторяют, и это событие было популярной темой песен и комментариев для поколения или более жителей этого района.

И так Келеа, прекрасная сестра *мои* с острова Мауи, стала женой Лолале, брата Пиливале, короля Оаху.

II.

Теперь настало время вернуться в Хамакуапоко, чтобы отметить, что произошло там после внезапного исчезновения Келеа перед сильным дыханием *мумуку*. Король был глубоко опечален и вызвал слуг своей сестры, чтобы узнать подробности этого несчастья. Для всех них было очевидно, что каноэ унесло в море, несмотря на усилия его пассажиров, и, поскольку шторм продолжал усиливаться в течение дня, возникло опасение, что вся группа погибла. Что же касается незнакомцев, то, казалось, никто ничего не знал ни о них, ни об острове, с которого они прибыли. Они, казалось, не принадлежали к *макайнане*, или простым людям, и один из них, судя по его поведению, был верховным вождем.

Это была вся информация, которую смогли сообщить плачущие служители. Один человек, заметивший каноэ, когда оно появлялось и исчезало в волнах прибоя, подумал, что оно с Гавайев, в то время как другой был столь же уверен, что оно с Оаху; но поскольку общая конструкция каноэ на нескольких островах группы отличалась незначительно, их описания судна не дали реального ключа к разгадке тайны.

Ближе к вечеру, когда шторм прекратился, у Кавао появилась надежда, что пропавшее каноэ благополучно преодолело шторм и будет искать ближайший берег, которому благоприятствуют переменчивые ветры. Поэтому он вызвал верховного жреца и поручил ему поручить своим прорицателям и магам выяснить, что стало с принцессой Келеей. Были заколоты свиньи и домашняя птица, в *храме* были произнесены молитвы, а поздно вечером от сверхъестественных сил поступила информация, что Келя все еще жива. Но это не удовлетворило короля. Он потребовал чего-то более конкретного, и *каула* великой святости была приготовлена и помещена в *ану*, плетеное ограждение во внутреннем дворе, и в должное время, в ответ на вопросы верховного жреца, было объявлено, что каноэ с принцессой благополучно плывет к Оаху.

Слова *каулы* были переданы королю, и на следующий день он отправил хорошо укомплектованное каноэ с одним из своих украшенных перьями *халуманус*, или военных помощников, чтобы найти и вернуть потерянную Келеа. Из-за неблагоприятного ветра или плохого управления каноэ достигло мыса Макапуу, Оаху, только на четвертый день. Двигаясь вдоль северо-восточного побережья острова и высаживаясь везде, где это было практически возможно, для наведения справок, беспечный гонец прибыл в Вайалуа только через два дня после отъезда Келеа в Лихуэ.

Узнав, что принцесса стала женой Ло-Лале, разочарованный *халуману* не считал нужным общаться с ней <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb242>, но коротко засвидетельствовал свое почтение королю, которому сообщил о характере своего поручения на Оаху и о своем решении немедленно вернуться на Мауи и ознакомить своего королевского хозяина с результатом своей миссии.

Понимая, что в своем стремлении увидеть своего брата должным образом женатым, он одобрил действие, достаточно невежливое по отношению к *моим* властям Мауи, чтобы вызвать враждебный ответ, Пиливале отнесся к *халуману* с подчеркнутой добротой и вниманием и настоял на отправке с ним на Мауи эскорта, включая отправителя дружеского объяснительного послания от него самого Кавао. Для этой деликатной услуги нельзя было найти никого более компетентного, чем придворный Каламакуа, который хорошо разбирался в генеалогии семьи Калона и мог бы удовлетворительно, хотя и не совсем правдиво, объяснить, почему каноэ с принцессой, когда вышло в море, направлялось на Оаху, а не на Мауи, когда шторм утих.

Соответственно, Каламакуа был отправлен на задание. Будучи гораздо лучшим моряком, чем *халуману*, он без труда расстался с ним у берегов восточного Мауи или добрался до Хамакуапока за три-четыре часа до группы, которую он вежливо сопровождал туда. Это позволило хитрому оахуанцу добиться аудиенции у короля и передать свое послание и объяснения полностью, прежде чем *халуману* смог приземлиться и изложить свою версию истории.

Объяснение Каламакуа о невозможности после шторма безопасно достичь какой-либо земли, кроме Оаху или Молокаи, показалось ему удовлетворительным; и когда он остановился на хорошо известном высоком звании Ло-Лале, признанном *ага-алии*, и упомянул о его мужественной осанке, дружелюбном нраве и обширности его владений, Кавао печально ответил:

“Тогда пусть будет так. Возможно, такова воля богов. Я хотел бы, чтобы было иначе; но будь для Келеи и ее мужа, а также для моего царственного брата, короля Оаху, моим посланником мира”.

Поблагодарив *МВД* за его добрые слова, Каламакуа откланялся. Во второй половине дня, когда он собирался вернуться на Оаху, сбитый с толку *халуману*, только что высадившийся на берег, прошел мимо него по пляжу. Понимая, что его перехитрили, в гневе он потянулся к рукоятке своего ножа. Но не вытащил его. Каламакуа остановился и быстро ответил на вызов; **Ошибка! Закладка не определена.**но *халуману* прошел мимо, с улыбкой сел в свое каноэ и через несколько минут был на пути к Оаху с приветственными посланиями мира от Кавао.

По мере того, как шли годы в их тихом доме в Лихуэ, Ло-Лале не терял своей привязанности к Келеа. Никакие войны не отвлекали группу. Лилоа, сын Кихи и отец Уми, стал мирным правителем Гавайев; Кахакума, предок некоторых из самых выдающихся семей островов, мягко и разумно правил на Кауаи; Кавао все еще правил на Мауи, а Пиливале - на Оаху.

Чтобы доставить удовольствие своей жене, Лолале окружил ее всеми удобствами. В ее распоряжении были самые отборные фрукты острова, и каждый день ей привозили свежую рыбу и другие морские деликатесы с соседних побережий. Короче говоря, все, что не было *табу* на секс, было предоставлено без скупости. Для нее были построены летние домики в прохладных уголках гор Вайанае, и *манеле* с несколькими крепкими носильщиками всегда были к ее услугам во время самых коротких поездок. Жители округа гордились ее положением и красотой, и в периоды *перепихона*, или дарения подарков, она была буквально завалена редкими и ценными подношениями.

И все же, несмотря на все это изобилие комфорта и привязанности, Келя становилась все более и более беспокойной и несчастной. И присутствие детей, которых у нее было трое, казалось, не делало ее более довольной. Она тосковала по морю; по набегавшему прибою, который был развлечением ее девичества; по белогривым океанским скакунам, на которых она так часто садилась верхом и бесстрашно добиралась до берега; по грохоту бурунов, разбивающихся о скалы; по шепоту окаймляющих рифы волн, робко набегавших на берег, чтобы поцеловать и охладить ее ноги; и чем больше она тосковала по прежним радостям, тем сильнее становилось ее недовольство укрощенной жизнью и окружением Лихуэ.

Зная ее любовь к морю, Лолале время от времени совершал с ней экскурсии на побережье, часто оставаясь там вдвоем на несколько дней. Иногда они посещали восточную, а иногда и южную часть острова; но местом, которое, казалось, нравилось ей больше всего, была Эва, где Каламакуа устроил свой дом. Он тоже любил море и во время ее визитов туда предоставлял ей любую возможность потакать своей страсти к нему. Они вместе совершали очаровательные прогулки под парусами по Пуулоа (Жемчужной реке). **Ошибка! Закладка не определена.** лагуна и галантные скачки над прибоем у входа. Там, и только там, она, казалось, воспрянула духом; только там она казалась счастливой.

Это не ускользнуло от внимания Ло-Лале, и великая печаль наполнила его сердце, когда он иногда думал, отмечая ее просветлевший взгляд в присутствии Каламакуа, что не столько очарование прибоа, сколько красивое лицо его кузины сделало воды Эвы такими привлекательными для Келеа.

Жизнь в Лихуэ в конце концов стала ей настолько надоедливой, и даже неизменная доброта Лолале была настолько нежелательной, что она объявила о своем решении навсегда покинуть дом своего мужа. Это решение не было для Лолале полной неожиданностью, поскольку он не был слеп к ее растущему беспокойству и был готов к худшему; и поскольку прерогативы ее высокого положения давали ей несомненную привилегию раздельного проживания, если она этого желала, он неохотно согласился на развод. Когда ее спросили, куда она намеревалась отправиться, она ответила: “Вероятно, на Мауи, чтобы воссоединиться со своим братом”.

“Скорее всего, не дальше Евы”, - многозначительно ответила Лолале. “Но, куда бы вы ни отправились, ” продолжил он с достоинством, - покиньте Лихуэ так, как это соответствует вашему рангу. Тебя приняли здесь как подобает сестре короля и жене сына Калоны-ики. Поэтому я хотел бы, чтобы ты уехала. Я ни в чем не упрекаю ни тебя, ни себя; поэтому давай расстанемся с миром”.

“Мы расстаемся с миром”, - был единственный ответ Келеа, и на следующее утро она тихо ушла в сопровождении четырех или пяти сопровождающих. Песнопение, выражающее скорбь Лолале по поводу разлуки, было произнесено много времени спустя, но сохранились только эти строки:

“Прощай, мой партнер по низменным равнинам,

На водах Похакео,

Над Канехоа,

На темном горном отроге Мауна-уна!

О Лихуэ, она ушла!

Вдохни сладкий аромат травы,

Сладкий аромат диких лоз

Которые скручены Вайколоа,

Клянусь ветрами Вайопуа,

Мой цветок!

Как будто соринка попала мне в глаз, **Ошибка! Закладка не определена.**

Зрачок моего глаза встревожен;

Тьма застилает мои глаза. Горе мне!”

Покинув Лихуэ, Келеа спустилась к Эве и, обогнув устье лагуны через Халаву, во второй половине второго дня прибыла ко входу, прямо напротив Пууалоа. Там она обнаружила большое количество знати и слуг Каламакуа, верховного вождя округа, развлекавшихся в прибое.

Поскольку Келеа уже несколько месяцев не видела соленой воды, она не смогла устоять перед искушением заняться своим старым развлечением и, позаимствовав доску для серфинга у одного из купальщиков, нырнула в море и вскоре присоединилась к группе серфингистов за бурунами.

Вскоре показался огромный каток, все взобрались на него и направились к берегу. Гонка была захватывающей, поскольку среди участников были самые искусные пловцы в округе; но в грации, смелости и мастерстве Келеа явно превосходила их всех, и ее громко приветствовали, когда она коснулась берега. Каламакуа отдыхал в тени неподалеку и, услышав шум голосов, поинтересовался причиной. Ему рассказали, что красивая женщина из Лихуэ победила всех вождей в серфинге, и люди не могли сдержать своего энтузиазма. Удовлетворенный тем, что была только одна женщина из племени Лихуэ, которая могла совершить такой подвиг, и что это, должно быть, Келеа, жена его двоюродного брата Лолале, он направился к пляжу как раз в тот момент, когда второе испытание завершилось триумфом честной соперницы, столь же впечатляющим, как и первое. Когда она коснулась берега, Каламакуа набросил ей на плечи свой *кихей* (мантию) и почтительно приветствовал ее. Затем Кела сообщила ему, что она официально развелась со своим мужем и собирается отплыть на Мауи.

“Если это так,” сказал Каламакуа, мягко беря ее за руку, словно пытаясь удержать, “то ты не пойдешь дальше Эвы. Когда я отправился на поиски жены для Лолале, я пообещал, что, если он будет возражать против женщины, которую я привел или порекомендовал, или она ему, я возьму ее сам, если она того пожелает. Вы возражали против него. Вам больше нравится Каламакуа?”

“Я останусь в Ева”, - последовал удовлетворительный ответ.

- Да, и вам следовало отправиться туда, а не в Лихуэ, когда вы высадились в Вайалуа много лет назад, - серьезно продолжал Каламакуа.

“Я думаю так же”, - откровенно призналась Келеа; и она **Ошибка! Закладка не определена.** поманила своих сопровождающих и сказала Каламакуа, что готова следовать за ним.

Ожидал ли он ее на пляже в то утро? Традиция не дает прямого ответа на этот вопрос, но многозначительно упоминает, что незадолго до этого Каламакуа провела один или два дня в Лихуэ, что для нее в Эва были готовы дома и что ее доставили туда на *манелев* сопровождении главных вождей и знати округа.

Вскоре после этого, узнав, что Келеа стала женой Каламакуа, мягкосердечный Лолале послал ей в подарок фрукты и послание мира и прощения; но он просил, чтобы они никогда больше не встречались, и остаток своих дней провел в Лихуэ, заботясь о благополучии своего народа и мечтая в тени холмов Каалы.

Но здесь не нужно рассказывать больше. Келеа и Каламакуа жили счастливо вместе и были благословлены дочерью Лайелохелохе, которая унаследовала красоту своей матери и стала женой своего двоюродного брата Пиилани, сына и преемника Кавао, *моего* с Мауи; но только после помолвки двоюродных братьев, о которой они договорились в детстве, Кавао полностью простил свою непостоянную сестру за то, что она вышла замуж за принца Оаху без его согласия.

Пиикее, одна из дочерей Пиилани и Лайелохелохе, впоследствии стала женой великого Уми с Гавайев, а через своего правнука, меня, прародительницу Калакауа, нынешнюю правительницу группы. Лоно-а-Пи, еще один из их детей, наследовал своему отцу как *мой* из Мауи.

В качестве еще одного примера того, каким образом кровь правящих семей нескольких островов группы смешивалась в ранние периоды их истории, можно упомянуть, что Кахоли, сын Лолале и Келеа, был женат на Кохипе, одной из двух дочерей Пиливале; в то время как другая, Куканилоко, которая последовала за своим отцом в качестве правительницы Оаху, стала женой Луайи, внука Какааланео, совместного правителя Мауи во время правления несчастного Какае. **Ошибка!**
Закладка не определена.

УМИ, КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРИНЦ ГАВАЙЕВ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КИХА, король Гавайев.

ИКА, вождь банды полудемонов.

ПУАПУА-ЛЕНАЛЕНА, собака-демон.

ЛИЛОА, впоследствии король Гавайев.

ПИНЕЯ, жена Лилои.

ХАКАУ, сын и преемник Лилоа.

КАПУКИНИ, дочь Лилоа.

АКАХИЯ-КУЛЕАНА, крестьянская девушка, любимая Лилоа.

УМИ, сын Акахии-кулеаны.

МААКАО, муж Акахии-кулеаны.

КУКУЛАНИ, жена Хакау.

КУЛАМЕА, невеста Уми.

МАУКАЛЕОЛЕО, гигантский друг Уми.

ЛАЭНУИ, верховный жрец Гавайев.

КАОЛЕЙОКО, воин-священник.

НУНА и
} священники Вайпио.
КАЛОХЕ,

ОМАУКАМАУ, брат Куламеа и
} лейтенанты Уми.
ПИЙМАИВАА,

Ошибка! Закладка не определена.

УМИ, КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРИНЦ ГАВАЙЕВ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ЛИЛОА, ХАКАУ И “КИХА-ПУ”.

Я.

Нигде на острове Гавайи пальмы не растут так высоко, как в долинах Вайпио, и нигде листва не бывает зеленее, потому что каждый месяц в году они освежаются дождями и почти ежечасно охлаждаются в тени проплывающих облаков.

И сладки воды, поющие в долинах Вайпио. Они питаются слезами пассатов, собирающимися в тенистых ущельях гор, где они берут свой исток, и уносятся к океану торопливыми и нетерпеливыми каскадами по черным каналам, изрезанным валунами и окаймленным вечной зеленью.

Предание гласит, что воды Вайпио после их первого спуска с холмов одно время довольно медленно ползли к морю; но большой рыбе — крупнее острова Каула, — чье жилище находилось на глубине у побережья Хамакуа, требовалось больше пресной воды, чем давал главный поток долины, и *Кейн*, который был дружен с чудовищем, увеличил объем маленькой реки, создав новые источники в ее истоках и ускорив течение, подняв местами русло и устроив дополнительные перекаты и каскады. Большая рыба больше не посещает эту часть побережья Хамакуа, но каскады и перекаты остались, с широкими следами пальцев *Кейна* на камнях, брошенных в ущелье, чтобы создать их.

Несмотря на то, что сейчас Вайпио малонаселен, в прошлом для многих поколений он имел большое политическое и социальное значение, а *табу* его великого храма были самыми священными на всех Гавайях. В течение двухсот или более лет он был резиденцией **Ошибка!** **Закладка не определена.** и был ареной королевских зрелищ, власти священников и рыцарских приключений, а также многих кровопролитных сражений.

Впервые долина Вайпио была занята в качестве королевской резиденции Кахаимозле примерно в середине или конце тринадцатого века, и так продолжалось вплоть до смерти Лилоа, примерно в конце пятнадцатого века. По какой-то неясной причине преемник Лилоа перевел свой двор из Вайпио на противоположный берег острова. Хотя слава старой столицы угасла вместе с ее заброшенностью как королевской резиденции, *табу* на ее великий храм *Паакалани* продолжали пользоваться высочайшим уважением вплоть до 1791 года, когда *хайау* был разрушен со всеми его священными символами и королевскими ассоциациями силами конфедерации Мауи и Кауаи в их войне с Камехамеа I.

Хотя история, о которой пойдет речь, начинается во времена правления Лилоа, закончившегося его смертью примерно в 1485 году, уместно сослаться, настолько кратко, насколько позволят странные обстоятельства того времени, на отца этого правителя — великого Киху, — о карьере которого сохранилось множество любопытных преданий. Правление Кихи было долгим и мирным. Он был наделен не только выдающимися способностями правителя, но и необычной физической силой и мастерством владения оружием. В дополнение к этим природным преимуществам и достижениям, которые вызывали у него уважение и страх его подданных, в народе считалось, что он обладал сверхъестественными ресурсами и мог призвать себе на помощь в чрезвычайной ситуации сверхъестественные силы, противостоять которым простые человеческие усилия были бы слабыми и бесплодными. При таких обстоятельствах нет ничего странного в том, что вожди соседних островов сочли благоразумным заискивать перед ним в дружбе и что во время его правления королевство не страдало от крупных войн.

Среди имевшихся в распоряжении Кихи средств для призыва к себе на помощь невидимых сил, подчиняющихся его зову, наиболее перспективной была любопытная боевая труба, звуки которой, когда в нее дул Киха, были слышны на расстоянии десяти миль, даже от Вайпио до Ваймеа. В зависимости от характера взрыва, его голос был либо призывом к невидимым силам, призывающим к сплочению народа, либо ужасным вызовом на битву. Эта труба представляла собой большую морскую раковину. Она была родом из чужих вод, и другой подобной ей нельзя было найти в группе гавайских островов. Он был украшен рядами зубов выдающихся вождей **Ошибка! Закладка не определена.** убитых в битве, и его можно было дуть так, чтобы издавать предсмертные стоны или боевые кличи каждого из них в ужасном диапазоне.

Существует множество легенд о том, каким образом Киха стал обладателем этой чудесной раковины, но наиболее вероятным объяснением является то, что она была привезена с какого-нибудь из островов Самоа или Общества три или четыре столетия назад и хранилась в правящей семье Гавайев как талисман от определенных зол. Однако в руках коварного Кихи он обрел новые силы и стал объектом благоговейного трепета в королевском доме. Какими бы благотворными или дьявольскими достоинствами ни обладал этот раковинный кларион Киха - *Киха-ну*, как его называют, — его существование, по крайней мере, было реальностью, поскольку сегодня он является одной из достопримечательностей Королевского Гавайского музея Гонолулу, привезенной с собой ветвью Камехамеа линии Киха. При сильном дуновении он все еще отзывается звучным голосом, напоминающим рев прибоя у выступающих утесов Хамакуа; но *Лоно* больше не прислушивается к его призыву, и воины в коричневых одеждах больше не приходят по его приказу. Из множества странных историй, до сих пор сохранившихся о *киха-ну*, здесь приводится одна, почти на том языке, на котором она дошла до нас в гавайских песнях.

ИСТОРИЯ КИХА-ПУ.

В течение восьми лет, во время правления Кихи, *Киха-ну* отсутствовал в кабинете королевских амулетов и сокровищ. Новый храм должен был быть посвящен *Лоно* недалеко от Вайпио, и перья мамо, оо и других птиц требовалось вплести в королевские мантии и заново украсить *Кайли* и других богов королевского двора. Но одному из *Каху алии*, составляющих пять классов стражей королевской особы, было разрешено прикасаться к *Киха-ну*, и никто другой не знал о его хранении в королевских покоях. Его звали Хиоло. Он был сыном выдающегося вождя, и занимал должность *ипукуха*, или носителя плевательницы, - должность особой ответственности, которую могли занимать только лица благородной крови и несомненной привязанности к своему государю.

Желая поспешно собрать и отправить к соседним морским берегам и горам большую группу охотников за перьями, король, расположившись в тени пальм перед **Ошибка! Закладка не определена.** [HYPERLINK \l "pb252" \o "252" \h](#), приказал Хиоло принести ему *Киха-ну*, чтобы он мог одним ударом призвать своих подданных по всем долинам Вайпио. Хиоло проследовал в покои короля и через несколько минут вернулся бледный и безмолвный, бросился к ногам Кихи, рвал на себе волосы, впивался ногтями в кожу и демонстрировал другие признаки крайней агонии и отчаяния.

Ничто и никогда не пугало правителя из рода Пили. При любых обстоятельствах он действовал с видимой обдуманностью. Это была природная черта характера, усиленная примером и образованием.

Киха некоторое время спокойно рассматривал свою *ипукуху*, а затем сказал:

“ Что за дух зла вселился в тебя? Встань, Хиоло, и говори!

Хиоло поднялся на ноги и с выражением отчаяния на лице воскликнул:

- Это не моя вина, но вырви язык, который говорит тебе, что *Киха-ну* исчез!

Не ответив, король с ужасным выражением лица поднялся и направился в свои покои. Раздвинув занавески *капы*, отделявшие заднюю часть квартиры, он подошел к искусно вырезанному и орнаментированному *ину*, сосуду, выдолбленному в форме ствола дерева *коа*. Он нашел сосуд открытым, а рядом с ним на устланном циновками полу несколько складок *капы*, в которые был завернут *Киха-ну*; но вместо священной трубы он обнаружил на дне *ину* безобразно вырезанные из камня голову и лицо. Раковина была искусно извлечена, но изображение, оставленное на ее месте, спасло жизнь Хиоло, поскольку по нему Киха понял, что кража и подмена были совершены с помощью сверхъестественных сил.

Потеря *Киха-ну* была большим горем для короля. Но он не считал благоразумным признаваться, что священного талисмана у него больше нет, и поэтому объявил Хиоло, что труба найдена. Под предлогом того, что Хиоло по неосторожности положил его на место, Киха заявил, что с этого момента он будет его единственным хранителем.

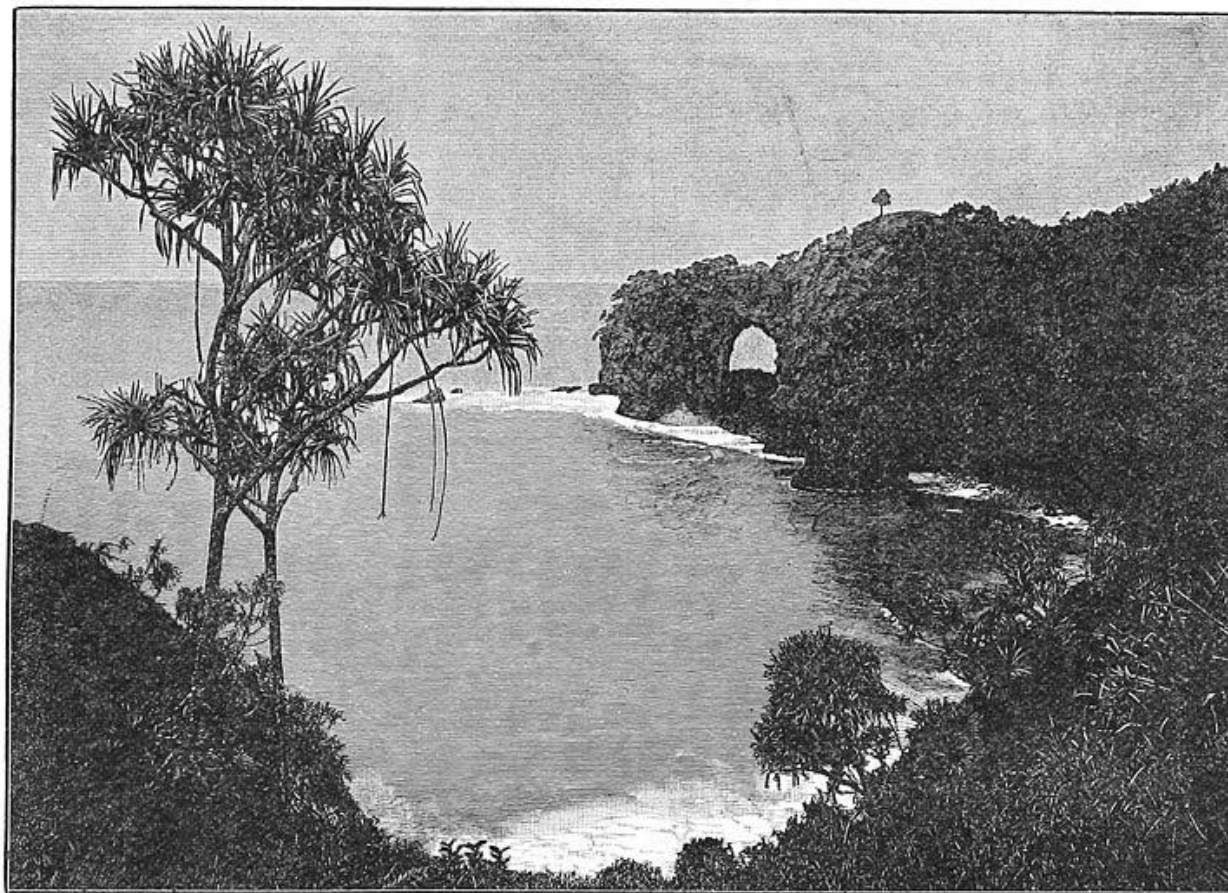
При дворе была великая радость, когда из уст короля стало известно, что *Киха-ну* найден; однако было замечено, что его не использовали для призыва охотников за перьями, и после захода солнца тем вечером многим показалось, что они слабо слышат музыку его голоса, доносящуюся **Ошибка! Закладка не определена.** с моря. И король услышал знакомый звук и, опасаясь, что его могут услышать и другие, созвал своих поэтов и танцоров *хула* и разрешил им шумное веселье далеко за полночь.

Ранним вечером, когда территория дворца была полна веселья, король отправился в одиночку в великий храм *Паакалани*, недалеко от королевского особняка, чтобы посоветоваться с верховным жрецом и привести в действие сверхъестественные силы *хиау* для восстановления *Киха-ну*. Он взял с собой изображение, оставленное в *ину*, как возможное средство помощи, и строго-настрого запретил каждому *кахуна*, посвященному в тайну верховного жреца.

Самым известным *килосам*, провидцам и пророкам храма было приказано применить свое искусство, а *каула*, вдохновленная заклинанием, была допрошена изнутри *ану* внутреннего святилища. Были замечены облака, прослежены полеты птиц и истолкованы сны одурманенных священников, но ничего удовлетворительного так и не появилось. Были вознесены молитвы богам, на алтарь были возложены жертвы, и были тщательно исследованы внутренности только что убитых свиней и домашней птицы; но единственной полученной информацией было то, что *Киха-ну* был украден вождем банды полудемонов, или человеческих существ, управляемых злыми духами; что он больше не находится на острове Гавайи, а где-то в океане за восемью гавайскими морями; что однажды его вернет существо без рук, не носящее ни мантии, ни *маро*, но только после того, как дерево какао, посаженное в этом месте, будет найдено. в следующее полнолуние должен появиться первый плод, который будет съеден королем.

Что касается кражи *Киха-ну*, провидцы храма говорили правильно. В течение нескольких месяцев густой лес в горах за Вайпио, перемежающийся с болотами и участками буйного подлеска, населяла небольшая группа мужчин дикого вида, которые смело угощались свиньями, домашней птицей и фруктами соседних фермеров и почти каждую ночь устраивали шумные празднества в мрачных уголках своего горного убежища. Говорили, что они были только наполовину людьми и способны принимать иные формы, кроме своих естественных. Время от времени они навещали Вайпио группами от двух до пяти человек и развлекали людей, предсказывая судьбу и демонстрируя странные приемы позирования и обмана. Под видом старой **Ошибка! Закладка не определена.** женщины вождь группы проник в королевский особняк и украл *Киха-ну*, оставив на его месте упомянутое отвратительное каменное изваяние; затем, как будто цель их пребывания

возле Вайпио была достигнута, вся группа вечером следующего дня отправилась на украденных каноэ на Кауаи. Находясь в безопасности у берегов Хамакуа, вождь демонов демонстративно выпустил заряд из *Киха-пу*, который король пытался утопить в суматохе хула.

Вид пейзажа.

Киха мрачно покинул храм. Потеря священной трубы сильно огорчила его. Он долгое время был семейной реликвией королевской семьи Гавайев, и за время его правления его полномочия возросли. Повинуясь откровению о *кауле* великой святости, он тайно спрятал ее в пещере недалеко от вершины Мауна-Кеа и удалился в долину внизу. Ближе к середине следующей ночи по склону горы прокатился неземной и ужасный звук, за которым последовал ураган, вырывавший с корнем деревья, срывавший с креплений огромные камни и швырявший их в ущелья внизу. Земля задрожала, как будто вулкан вот-вот должен был взорваться, и над вершиной повис красноватый свет. Звук прекратился, ветер стих до шепота, и Киха поднялся на ноги в темноте и сказал: “Все хорошо. Великий Лоно сохранил веру. Он затрубил в священную трубу, и отныне в ней будет звучать голос бога!” На следующее утро он отправился в пещеру и нашел раковину не там, где оставил, а на вершине огромного камня, которым вход был навсегда закрыт. Он поднес трубу к губам, и звук, которого желало его сердце, вырвался по велению его дыхания. Он издал простой призыв к своим подданным, и его услышали на расстоянии дня пути. Он издал боевой клич, и его уши оглушили смешанные крики и стоны конфликта. Он отважился воззвать к невидимому, и под странную музыку вокруг него поднялись гномы, феи и ухмыляющиеся монстры. Он вернулся во дворец в приподнятом настроении, и по мере того, как слышались его странные голоса, *Киха-пу* все больше и больше вызывал благоговейный трепет и удивление.

Хотя он принял все возможные меры предосторожности, чтобы скрыть от людей информацию о пропаже *Киха-пу*, король мало верил заверениям провидцев великого храма в том, что со временем

она будет возвращена. Условия его восстановления **Ошибка! Закладка не определена.** были слишком расплывчатыми, отдаленными и неудовлетворительными, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения. Однако через несколько дней он собственноручно посадил какао-дерево у двери своей комнаты и обнес его крепким забором. Он ежедневно посещал это место и следил за тем, чтобы земля оставалась влажной, и в положенное время в награду за его бдительность появились здоровые побеги. Члены королевской семьи удивлялись интересу, проявленному королем к простому ростку какао; но когда стало известно, что он проводит новый эксперимент по посадке, его уход за маленьким деревцем перестал привлекать внимание.

А теперь, пока король с тревогой следит за ростом своего какао-дерева и тщательно оберегает его от несчастных случаев и порчи, давайте проследим за путешествиями *Киха-ну*. Вместо того чтобы плыть на Кауаи по каналам острова, банда полу-демонов взяла курс на северо-запад, намереваясь достичь места назначения, не заходя ни в какую промежуточную точку. Силы *Киха-ну* были им известны, и их вождь развлекал себя и своих неуклюжих спутников, проверяя его достоинства. Когда у берегов Мауи звук трубы приблизил *Уканипо*, ужасного бога-акулу, посланного *Куулой*, могущественным, но требовательным богом рыбаков этого острова. На выступающем мысу можно было увидеть храм посвященный ему и его жене *Хине*. Сотни акул последовали за *Уканипо*. Они окружили каноэ и вспенили море. Разделившись, они образовали большой круг вокруг маленькой флотилии и, быстро приближаясь, погнали косяк летучих рыб поперек каноэ, многие из которых ударились о паруса и упали в открытые лодки, обеспечив таким образом своевременный запас любимой пищи.

Заметив Молокаи, они подумали высадиться, чтобы пополнить свои калebasы с водой; но так как берег был изрезан, а ветер неблагоприятен, в *Кулуиау*, богине дождя, протрубили в трубу. В тот же миг на небесах поднялось смятение. Вокруг них начали собираться черные тучи, и у них едва хватило времени привести в порядок свои *навесы для капы*, прежде чем дождь хлынул потоками и переполнил их тыквенные бутылки.

Веря, что *Киха-ну* принесет им все, что они пожелают, и отблагодарив за все, что они не получили, когда у северного побережья Молокаи, недалеко от Каулапапы, они воззвали к *Лаамаомао*, богу ветров, который со времен Моикеха, более двух столетий назад, занимал пещеру на этом острове. **Ошибка! Закладка не определена.** Разгневанный призывом благоприятствовать ветрам из такого источника, *Лаамаомао* открыл устье *ину*, в котором он держал ветры взаперти, и повернул его в сторону моря. Через несколько минут после этого горячий, свирепый ураган обрушился на каноэ негодяев, опрокинув два из них и разорвав их паруса в клочья. У вождя хватило присутствия духа, чтобы воззвать к *Майкахулину*, богу, который помогает восстанавливать опрокинутые каноэ, и вскоре затонувшие лодки были возвращены на прежнее место и частично освобождены от воды. Но ярость ветра не ослабевала. Больше дня и ночи каноэ гнали перед собой почти со скоростью акулы, пока, наконец, их промокшие и усталые пассажиры не услышали в темноте звук прибоя, бьющегося о скалистый берег. Опасность была неминуемой, потому что весла были бесполезны. Поднеся трубу к губам, вождь призвал *Ухумакайка*, могущественного бога-рыбу. Ответа не последовало, и скалы нахмурились перед ним, когда он поспешно затрубил, призывая *Анукохаи*, другого бога-рыбу Кауаи, чьи действия обычно были жестокими и злобными. Брызги разбивающихся о скалы волн начали намочить в каноэ, когда их подхватила невидимая сила, потянула прочь от утесов, обогнула мыс, обращенный на север, и выбросила волнами на песчаный пляж недалеко от Колоа.

Спасшись таким образом, группа отправилась по суше и присоединилась к группе единомышленников в горах за Ваймеа, где они оставались до тех пор, пока их не изгнали с острова за их проступки. Покинув Кауаи, они пересекли ла-Манш и, переезжая с места на место в

течение нескольких лет, наконец поселились в уединенном месте недалеко от Ваолани, на острове Оаху.

Находясь во владении *Киха-ну*, Ика, вождь банды, заявивший, что это его личная собственность, стал жестоким и диктаторским по отношению к своим товарищам. Он почитал себя немногим меньше бога и требовал добрую половину всех заработков и воровства своих сообщников. Поскольку *Киха-ну* был причиной этого взыскания, один из друзей Ики, не осмеливаясь уничтожить или украсть раковину, решил лишить ее магической силы. С этой целью, принося в жертву свиней и домашнюю птицу, он проконсультировался со священником *Лоно* в Вайанае, и ему сказали, что знак *табу*, нанесенный где-нибудь на раковину с одобрения *Лоно*, достигнет. Поскольку только священник мог поставить метку на раковине, он согласился навестить Ваолани и оставаться по соседству до тех пор, пока ему не принесут трубу. Когда все было улажено, однажды вечером Ику без особых уговоров напоили *авой*, после чего раковину украли и передали священнику, который кремневым острием торопливо нацарапал на внешней ободке знак в *горошину*, или *запретный* крест, тем временем воскурив благовония и пропевая тихую молитву *Лоно*.

“Можно ли восстановить ее силу?” - спросил друг Ики, когда ему вернули *табуированную* трубу.

— Нет, пока остается знак *табу*, - ответил священник. - нет, пока... но это неважно; теперь его волшебные голоса умолкли.

Прежде чем Ика очнулся от своего пьяного оцепенения, *Киха-ну* был возвращен на свое обычное место хранения.

На следующее утро Ика совершил еще *ава*, набросил на плечи красную накидку — цвет, священный для богов, — повесил *Киха-ну* на шею на шнурке из человеческих волос и гордо вышел, чтобы принять почести своих товарищей. Но они отказались оказать ему почести, на которые, по его мнению, он имел право, и в гневе он поднес трубу к губам, чтобы оглушить их провозглашением своего превосходства. Из раковины донесся естественный и монотонный звук. Мгновение он с изумлением рассматривал его, затем снова поднес к губам и вдохнул в него всю силу своих легких; но его многочисленные голоса были безмолвны; его громopodobные звуки стихли.

Он поспешно вернулся в свою хижину, чтобы избежать замечаний своих товарищей, и после неоднократных попыток обнаружил, что *Киха-ну* утратил свою магическую силу, и в его руках была не более чем простая раковина. Не сомневаясь, что он был лишен своих достоинств из-за сверхъестественных сил, Ика посетил известного *кило*, или волшебника, живущего недалеко от Вайалуа, взяв с собой *Киха-ну*, который был вложен в мешочек с *капой*, чтобы его никто не заметил. Возраст *килограмма* составлял сто двадцать четыре года, и он был совершенно слеп, питаясь щедростью тех, кто обращался к нему за советом. С трудом отыскав его хижину, Ика подарил ему рулет из *капы*, который он привез с собой из Ваолани, и свинью, которую он украл в долине внизу, и умолял его выяснить, если возможно, причину разочарования *Киха-ну*. Взяв трубу у Ики, *килограмм* несколько минут **Ошибка! Закладка не определена.**ГИПЕРССЫЛКА \ "rb258" \ o "258" \ h , а затем удалился с ней за ширму из циновки, оставив своего посетителя под присмотром старой карги, которая впустила его без единого слова и уселась у входа.....

Прошло много времени, прежде чем *кило* появился снова, и именно тогда, чтобы сообщить Ике, что о *Киха-ну* удалось узнать немного. Он использовал все средства, известные в его искусстве, и, наконец, воззвал к *Ули*, верховному богу магии, когда пришел неохотный ответ, что *Киха-ну*

заставил замолчать силу, превосходящую его. “Я не осмеливаюсь расспрашивать дальше”, - сказал *кило*, возвращая трубу.

Вернутся ли к нему когда-нибудь его голоса? Позволит ли тебе твоя трусость ответить на этот вопрос? - насмешливо осведомилась Ика.

“Да”, — ответил *кило*, с усилием сдерживая свой гнев и говоря спокойно, - “да; его голоса снова услышат на Гавайях, среди холмов, которые вернули их эхо”.

Ика хотел бы еще расспросить о *килограмме*, но старуха поднялась и указала на дверь, и он с разочарованным видом убрал ракушку в мешочек с *капой* и угрюмо покинул хижину.

Вернувшись в Ваолани, Ика отказался от своих высоких притязаний и снова смешался со своими товарищами на условиях сравнительного равенства. Это вернуло ему их дружбу, и, помня слова *кило*, он уговорил большинство из них сопровождать его на Гавайи. Украд лодки в Вайкики, группа отплыла на Гавайи и на четвертый день высадилась в Каваихае, в районе Кохала. Там они бросили свои каноэ или обменяли их на еду и группами по четыре-пять человек пересекли остров через Ваймеа и вскоре после восьмилетнего отсутствия заняли свои старые жилища в горах за Вайпио.

Что стало за все эти годы с посаженным Кихой какао-деревом, с появлением первых плодов которого волшебная труба должна была быть восстановлена существом без рук, не носившим ни мантии, ни *маро*? В течение семи лет он наблюдал за его ростом и лелеял его, защищая от ветра и бурь и оберегая каждый лист и стебель. Это было сильное и стройное дерево, и его листья были выше прикосновения боевого копья в руках короля. Но никаких признаков появления плодов не появилось, и сердце Кихи было встревожено мыслью, что дерево, возможно, бесплодно и что боги насмехались над ним. Седьмой год **Ошибка! Закладка не определена.**его рост начался и продолжался, когда однажды утром он заметил среди его ветвей три молодых кокосовых ореха, размером едва ли меньше его сжатого кулака. Ему показалось странным, что он не видел их раньше, а потом удивился, что вообще видел их, потому что они были плотно скрыты среди листьев. Но, к его великой радости, они были там, и он наблюдал за ними день за днем, пока они не достигли возраста и размера, при которых их можно было употреблять в пищу. Затем он послал за первосвященником и, указывая на плод, сказал:

“Взгляни на плод дерева, посаженного руками Кихи. Завтра с восходом солнца я съем его. Исполнят ли боги свое обещание?”

“О вождь!” ответил жрец, “я не вижу способа; но ты посадил дерево; плод пригоден в пищу; съешь его завтра, если хочешь. Боги всемогущи!”

На рассвете следующего утра плоды были сорваны с дерева, и царь выпил молоко из трех кокосовых орехов и съел мясо всех, предварительно возблагодарив богов. Затем он бросился на свое *капа-моу* до тех пор, пока солнце не поднялось высоко в небе, после чего он встал и вышел, чтобы встретиться со своим главным советником, как это было его ежедневным обычаем, и узнать от своих шпионов и других доверенных лиц, что важного произошло со вчерашнего дня. Единственная информация, которая, казалось, заинтересовала его, заключалась в том, что беззаконная банда странных людей — очевидно, тех же, что наводнили окрестности несколько лет назад, — вновь заняла болотистый лес в горах за Вайпио и, несомненно, станет бичом плантаторов в верхней части долины.

“Именно благодаря такой банде у меня украли *Киха-ну*”, - подумал король. “Может быть, те же самые вернулись и принесли с собой священную трубу. Пути богов неисповедимы”.

Никому не сообщая об этой мысли, Киха отправил осторожного гонца разведать лагерь мародеров, а днем тайно посетил храм *Паакалани*, где от *каулас* узнал, что *Киха-ну* находится где-то на острове Гавайи.

Солнце садилось на западе, когда гонец вернулся с информацией о том, что главарем банды демонов был Ика, которого со многими своими последователями видели в Вайпио и его окрестностях много лет назад. **Ошибка! Закладка не определена.**

Едва эти новости достигли ушей короля, как у главных ворот дворцовой ограды поднялась суматоха, и через несколько минут толпа офицеров и других лиц тащила старика со связанными за спиной руками, сопровождаемого собакой странного вида, к королевскому особняку, перед которым сидел Киха, окруженный множеством выдающихся вождей и титулованной свиты. Мужчина был уже довольно преклонных лет и был одет в *маро* и *кихей*, или короткую мантию *кана*, а на шее у него висел амулет из слоновой кости, грубо вырезанный в виде собачьей лапы. Он был выше среднего роста, и на его сутулых плечах свисала спутанная масса седеющих волос. Его борода была нестриженной, а из-под косматых бровей выглядывала пара маленьких злобных глаз. Он свирепо смотрел на своих похитителей и негодовал на все, что казалось ненужной силой, заставляющей его идти дальше. Собака была большим, бесформенным животным с ушами, похожими на человеческие, и голубоватой щетинистой шерстью. У него был длинный, похожий на свиный хвост, а один глаз был белым, а другой зеленым. Животное угрюмо следовало по пятам за своим хозяином, время от времени издавая низкое рычание, когда толпа слишком грубо толкала его.

Когда в сотне шагов от особняка офицеры остановились со своим пленником, король послал слугу выяснить причину волнения. Узнав, что офицеры желают доставить к нему человека, подозреваемого в краже королевских поместий, король согласился лично выслушать обвинение и приказал заключенному явиться к нему. Приблизившись, старик распростерся ниц у ног Кихи, а собака, издав заунывный вой, припала к земле, положила нос между лапами и устремила свой зеленый глаз на короля. Киха мгновение рассматривал обоих с насмешливым выражением лица; но во внешности собаки было что-то демоническое, и, мельком увидев это, он едва мог отвести взгляд от зеленых глаз, которые смотрели на него.

Командир одного из офицеров, чтобы говорить за себя и остальных, что этот вопрос может быть кратко определена, король был информирован о том, что заключенный был выходцем с острова Кауаи, и за несколько месяцев до высадился со своей собакой в районе Кау; что он Ава вор и обучил его дьявольской-просмотр **Ошибка! Закладка не определена.**собакой, чтобы сделать его хищение; это животное обладает интеллектом *Кахуна* и инстинкты демона, и почти мог украсть мантию из мужского плечи без обнаружения; что в плен были изгнаны за его краж из Кау В Кона, а оттуда до дома для отпуска *һамакуа*; что он жил по несколько месяцев в прошлом *Кикаһа*, где его собака, *Пуануа-леналена*, как его прозвали, стал известен своей краж; что *Ава* была не *Луна* одного из царских имений в верхней части долины, что накануне ночью часы были помещены, и демон собака была обнаружена в акте о выходе из Королевского плантации с количеством *ава* в рот; что животному была проведена в хату своего хозяина, который был найден спящим под влиянием *Ава*, которых собака несомненно землю зубами в качестве хмельного напитка, поскольку на время вызывали мужчина отрицал, что он имел либо украдены, либо разжевал его, и, наконец, после некоторого сопротивления, узник был доставлен в Вайпио, сопровождаемый своей собакой, и теперь перед королем на обследование и приговор.

После того, как офицер закончил свой рассказ о проступках заключенного, с разрешения короля старик поднялся на ноги и собирался что-то сказать в свою защиту, когда Киха, с усилием отведя взгляд от зеленого глаза собаки, резко спросил:

- Что это за животное и как оно попало в ваши руки?

“О король! - ответил пленник. - собаку подарил мне мой дядя, выдающийся *каула* с Кауаи, и считается, что ее выбросило из моря”.

“Довольно!” воскликнул король с нетерпеливым жестом. “Отведите их обоих в храм *Паакалани*, - продолжал он, обращаясь к вождю в желтом плаще и шлеме, - и там ждите моего прихода”.

Пленника и его зеленоглазую спутницу отвели в храм, и в вечерних сумерках Киха направился туда один. Войдя в царское убежище, которым была оборудована ограда *heiau*, он послал за первосвященником, а вскоре после этого за узником и его собакой. Их провели в квартиру, и дверь была закрыта, *факел кукуи* держали в другом отверстии, бросая яркий свет в комнату.

Король несколько раз глубоко вздохнул в тишине, пока священник **Ошибка! Закладка не определена.**разглядывал пленника и его странного спутника. Наконец, указав на собаку, Киха повернулся к священнику и сказал:

“Удивительное животное — существо без рук, не носящее ни мантии, ни *покрывала!*”

- Верно, - подтвердил жрец, вспомнив обещание богов, - и если он окажется посланником, нельзя пренебрегать его услугами.

“Послушайте”, - сказал король, обращаясь к пленнику. “Я верю, что это животное может оказать мне услугу. В болотистом лесу в горах за Вайпио банда колдунов-разбойников недавно нашла убежище. Волшебная оболочка огромной силы, украденная у меня много лет назад, теперь находится во владении кого—то из них - вероятно, Ики, их вождя. Можете ли вы подсказать этому животному вернуть *Киха-ну?*”

- Возможно, - ответил заключенный.

“Тогда сделай это, - ответил король, - и я не только верну тебе жизнь, которой ты заплатился, но и позабочусь о том, чтобы отныне ты получал столько *пищи* которую у тебя есть аппетит съесть”...,,

При этих словах короля пес поднялся на лапы, издал рычащий звук, похожий на получеловеческий, и подошел к двери.

“Никаких инструкций не требуется, - сказал старик. - он все понимает и готов приступить к выполнению своего поручения”.

- Тогда немедленно выпроводите его, - ответил король. - ночь темна и будет благоприятствовать ему.

Дверь открылась, и собака молниеносно выскочила из комнаты, перемахнула через закрытые ворота внешней стены и в темноте помчалась вверх по долине к горам.

- Я буду ждать его возвращения здесь, - сказал король, вопросительно глядя на пленника.

“Он вернется чуть позже середины ночи”, - ответил старик.

- С *Киха-ну?* - спросил король.

- Либо с этим, либо без него, - последовал ответ.

Оставив пленника на попечение верховного жреца и его слуг, Киха вышел под звездный свет. Лицо его горело, а поцелуй пассата был прохладным. *Хиау* из *Паакалани* был *пухонуа*, или священным местом убежища — одним из двух на острове Гавайи, — и он задавался вопросом, мог ли бы он при каких-либо обстоятельствах должным образом потребовать жизни заключенного **Ошибка! Закладка не определена.**, если бы он потребовал защиты храма. Если бы он добровольно попросил убежища в *пухонуа*, сомнений бы не было; но поскольку он был насильно доставлен туда по королевскому приказу, его право на освобождение от ареста вызывало сомнения.

Отложив эту тему, рассудив, что жизнь или смерть заключенного не имеет большого значения, Киха направился к внутреннему храму и благоговейно склонился перед изображением *Лоно* у входа. Остатки недавних жертвоприношений все еще тлели на алтаре, и множество богов почти всех рангов и функций мрачно взирали на него со стен. В некоторых помещениях для жрецов, построенных у внешней стены ограды, виднелись тусклые огни, а у главного входа горел факел.

Когда наступил вечер, тишину *хиау* нарушало только уханье священных сов со стен внутреннего храма, и Киха бросился к подножию перечного дерева, и вскоре его унесло в бескрайнее море грез.

Перескочив через ворота *хейау*, собака понеслась вверх по долине со скоростью ветра. Когда он проносился мимо крытых соломой хижин на своем пути, те, кто на мгновение замечал его, были уверены, что видят демона, и собаки, которые преследовали его, быстро возвращались и, скуля, жались к своим хозяевам.

Достигнув верхнего конца долины, собака пошла по восходящему следу через крутой овраг, спускающийся с севера, и через короткое время, учитывая пройденное расстояние, стояла, нюхая воздух, на опушке леса, в котором разбойники нашли временное убежище. Были видны далекие огни, мерцающие в случайных просветах между деревьями и спутанным подлеском, и время от времени слышались странные голоса, как будто песни и веселье.

Некоторое время собака оставалась неподвижной, а затем крадучись прокралась в лес. Какой облик он принял, как он узнал о месте, где скрывался *Киха-пу*, и с помощью каких средств он избежал разоблачения, — это детали, о которых традиция оставила только догадываться. Рассказывают только, что ему удалось найти в неохраямой хижине Ика, схватить его зубами и сбежать никем не обнаруженным из леса со священной трубой.

Кража была совершена так искусно, что казалось, собака наверняка сбежит незамеченной; но, спускаясь по крутому ущелью, по которому она в конце концов добралась до Киха-пу, *отломив от края кусочек, заключающий в себе маленькую горошину* и *узнав* молчания, наложенный на него *каулой* Вайанае. *Каула* В одно мгновение раскрепощенные голоса труб вырвались наружу в виде рева, который эхом разнесся по холмам и заставил закричать ночных птиц.

Этот звук слышали веселящиеся полудемоны леса и, убедившись, что раковина украдена, бросились вниз по склону горы в погоню за грабителем. Их скорость была выше человеческой, и темнота, казалось, не препятствовала их шагам. Время от времени до них доносился звук трубы, но на расстоянии он становился все слабее и слабее, пока они, наконец, не отказались от погони как от безнадежной, сам Ика предположил, что *Киха-пу*, к которым каким-то образом вернулись голоса, обрели крылья и улетели.

Король проспал под перечным деревом до глубокой ночи, когда уханье совы почти у самого его уха разбудило его, и он встал и вернулся в королевское убежище, где обнаружил верховного

жреца с несколькими его приближенными и пленника, напряженно прислушивающегося у полуоткрытой двери.

Киха уже собирался спросить, который час ночи, поскольку он забыл взглянуть на звезды— прежде чем войти, когда у внешних ворот послышался шум. Пленник шагнул вперед и распахнул дверь, и в следующее мгновение собака влетела в комнату, положила *Киха-ну* к ногам короля, а затем замертво упала рядом с ним.

Вне себя от радости король поднял и поднес трубу к губам и с бьющимся сердцем разбудил жителей Вайпио таким звуком, какого они не слышали уже более восьми лет. Освободив пленника, убитого горем из-за смерти своей собаки, Киха приказал, чтобы отныне его кормили с королевского стола.

Протрубив в трубу еще раз, король вернулся во дворец, вокруг которого собрались сотни взволнованных людей. Среди них были вожди в желтых плащах и шлемах, а также воины, вооруженные копьями и боевыми топорами. Созвав своего *али-коа*, или главного военачальника, был проведен краткий совет, за которым последовала отправка украшенных перьями помощников короля и быстрое сосредоточение на территории дворца отборного отряда из трехсот или четырехсот воинов, вооруженных короткими дротиками и ножами для ближнего боя.

Маленькая армия быстро, но бесшумно продвигалась вверх по долине, **Ошибка! Закладка не определена.**и на рассвете окружила лагерь банды демонов и атаковала его. Последовал отчаянный рукопашный бой; но негодяи были побеждены, и все они были убиты, за исключением Ики и еще двух человек, которые были оставлены живыми для жертвенника.

Следующим вечером, в разгар великого ликования, *Киха-ну* был повторно посвящен *Лоно*, а Ика и его спутники были убиты за стенами и принесены в жертву вместе с множеством других подношений в храме *Паакалани*.

II.

Правление Лилоа было таким же мирным, как и правление Кихи, его выдающегося отца. У него не было недостатка в способностях ни как у гражданского, ни как у военного лидера, однако его приятные и веселые манеры могли свидетельствовать об обратном. Он любил хорошую жизнь, красивую одежду и миловидных женщин; тем не менее он твердо держал скипетр и был готов наказывать проступки своих вождей или посягательство на любую из его прерогатив. Тем не менее, сердце у него было доброе, и он часто прощал смиренных, которые пересекали его тень, и легкомысленных, которые нарушали дух королевского *табу*.

Поскольку его не отвлекали ни внутренние неурядицы, ни войны с соседними королями, Лилоа часто посещал несколько районов острова, иногда с внушительной свитой вождей и вассалов, но так же часто не более чем с двумя-тремя верными слугами. Иногда он путешествовал *инкогнито*, навещая подозреваемых районных начальников, чтобы понаблюдать за их методами правления, и, когда появлялся повод для упрека, к их великому замешательству, давал им о себе знать.

Ближе к концу 1460 года, перед ежегодным фестивалем *Лоно*, который ознаменовал начало нового года, Лилоа отправилась с большой и блестящей компанией на двухместных каноэ с яркими палубами, украшенных королевскими цветами, из Вайпио в Кохолалеле в Хамакуа, чтобы помочь в повторном освящении старого храма *Манини*, реставрация и расширение которого только что были завершены. Он взял с собой своего верховного жреца Лаэануи, группу музыкантов и танцоров, а также своего главного навигатора и астролога, и храм был освящен с необычной помпезностью. Лаэануи прочитал *куавили*— длинную молитву посвящения, — и на алтарь были возложены двадцать четыре человеческие жертвы.

Приказав группе возвращаться в двухместных каноэ без **Ошибка! Закладка не определена.** него, Лилоа решила совершить путешествие по суше в Вайпио с одним сопровождающим; и вполне вероятно, что нечто большее, чем случайность, побудило королевскую путешественницу отклониться от кратчайшего пути в Вайпио и задержаться на несколько часов в приятной пальмовой роще близ Кеалакаха, где жила со своим старым отцом одна из самых красивых девушек во всем Хамакуа.

Девушку звали Акахия-кулеана. Она была высокой и стройной, а ее темные волосы, ниспадавшие волнами, окутывали обнаженные плечи, как вуаль. Ее глаза были мягкими, а голос подобен музыке горного ручья, и когда ее грудь была украшена *листьями* благоухающих цветов, казалось, что они, должно быть, выросли там, настолько она казалась их частью.

Несмотря на скромную жизнь, Акахия действительно была королевской крови, поскольку шесть поколений назад ее предком по отцовской линии был Калахуамоку, сводный брат Калапаны, от которого Лилоа унаследовала свою родословную. Она знала ранг своего царственного гостя и считала честью, что он восхваляет ее красоту; и когда он поцеловал ее в губы на прощание, то оставил ей свой *маро* и застежку из слоновой кости от своего ожерелья, одновременно прошептал ей на ухо слова, которые поколением позже передали скипетр Гавайев из рук прямой линии в более скромные, но достойные руки.

Прежде чем пассаты налетели и снова ушли, нежная Акахия, незамужняя, стала матерью. Сначала ее отец неодобрительно смотрел на ребенка, но это был сильный и здоровый мальчик, который выглядел так, словно когда-нибудь мог бы с необычайной силой орудовать *лаау-палау*, если не боевым топором, и вскоре примирился с присутствием маленького незваного гостя. Уместно

упомянуть, что в те дни подобные события почти не вызывали комментариев и не влекли за собой для матери ни социального ostracism, ни особых порицаний.

Ребенка называли Уми, и, чтобы дать ему более сильного защитника, чем она сама, Акахия стала женой своего двоюродного брата Маакао, сильного, грубого человека, который всегда проявлял к ней большую привязанность и который считал честью стать мужем того, кто мог бы выбрать ее из многих.

Отец Акахии возделывал участок *кало* больше, чем ему действительно требовалось, и был в изобилии снабжен свиньями, домашней птицей, бататом, бананами, кокосовыми орехами и плодами хлебного дерева, которые он всегда мог обменять на рыбу, крабов, моллюсков и другие продукты моря. **Ошибка! Закладка не определена.**

Все права собственности на землю в то время принадлежали либо суверену, либо подчиненным ему вождям, и производитель часто был обязан возвращать своему землевладельцу полную треть или половину всего заработанного своим трудом. Иногда землевладелец был более либерален со своими арендаторами; но столь же часто он доходил до предела своей нужды или жадности, и некому было оспорить несправедливость его требований.

Но участок земли, занимаемый отцом Акахии, был частью большого участка, зарезервированного в пользу короля, и из-за крови *алии*, которую ему приписывали, но которой он не хвастался, возвращаемая им арендная плата была чисто номинальной.

Когда Уми было около десяти лет, отец Акахии умер, оставив свое небольшое поместье дочери. У нее было два брата, оба старше ее. Но возделывание земли было им не по душе, и, поскольку на Гавайях почти два поколения не было серьезных войн, один из них, который с юности был мечтателем, был призван на службу богам верховным жрецом Лаэнуи, которому Лилоа передала в вечное владение Кекаху в округе Кона и пользовался иным влиянием; в то время как второй брат, достигнув зрелого возраста, отправился с копьем и пращей на Мауи и отличился на военной службе в *моиоб* этом острове.

Итак, Акахия и ее муж продолжали беспрепятственно занимать старую плантацию. Но агенты, которые собирали доходы короля, были менее либеральны с Маакао, чем с отцом его жены, и он был вынужден возвращать ту же арендную плату, что и другие королевские арендаторы. И не только это. Часть их земли была отдана другому, на ней росла небольшая роща *хавана*, или деревьев какао, некоторые из которых, как утверждали, были посажены управляющими Пили почти четыре столетия назад, и их истощенные запасы свиней и домашней птицы перестали быть предметом зависти соседей.

Излишне говорить, что это жестокое обращение с Акахией и ее мужем было совершено без ведома короля; но они боялись жаловаться, чтобы у них не отняли то немногое, что у них еще оставалось, и сочли благоразумным страдать молча, чтобы не вызывать гнев представителя власти, масштабов которой они не знали.

Были и другие маленькие рты, которые нужно кормить, кроме Уми, и, как годы приходили и уходили с их скудных урожаев Маакао стал **Ошибка! Закладка не определена.** больше и больше недовольных; но, с надеждой в своем сердце которого Маакао ничего не знал, Акахия маялась без жалобы. Год за годом она наблюдала, как Уми взрослеет, и отметила, что в мыслях, привычках и поведении он отличается от других.

Уми любил свою мать и не был недобр к Маакао; но большую часть времени он проводил на берегу моря, где огромные волны с грохотом разбивались о скалы, и на холмах, где среди *охи* и

сандаловых деревьев пассаты нашептывали ему о неизвестном. Он забирался на крону самого высокого дерева какао, потому что это таило в себе опасность, и боролся с самыми яростными волнами в своем хрупком каноэ; но ни угрозы, ни уговоры никогда не могли заставить его копаться в иле на грядке *кало* или посадить рядок ямса. Он приносил рыбу из моря и фрукты с гор, но его нельзя было уговорить возделывать землю. Он мастерил копия искусной работы, а из зубов акул делал ножи с двойным лезвием, но на орудия земледелия обращал мало внимания.

В возрасте шестнадцати лет Уми почти достиг размеров мужчины. Его конечности были сильными, черты лица мужественными и красивыми, глаза ясными и выразительными, а в атлетических упражнениях и владении оружием ему не было равных среди своих товарищей. Его привычки окружали его немногочисленными друзьями, но его доброта ко всем не оставляла повода для вражды; и хотя некоторые говорили, что он отлучался из дома в духе безделья, другие качали головами и высказывали мнение, что он посещал уединенные места среди лесистых холмов в одиночку, чтобы беседовать с *кини-акуа* и учиться мудрости у богов. И его странное поведение, как легко себе представить, стало предметом частых обсуждений в округе, поскольку Маакао постоянно жаловался на свое безделье, и, если бы не заступничество матери, которая единственная могла объяснить его странности, он бы закрыл перед ним двери своего дома.

Но у Уми было несколько друзей, которые превозносили его доброту и защищали от недобрых намеков, и среди них были Пиймаиваа и Омаукамау, юноши примерно его возраста, и Куламеа, младшая и единственная сестра последнего. С детства эти друзья были его частыми спутниками, и по мере того, как он становился мужчиной с сильными руками и ногами, решительным и нежным, они научились относиться к нему с любовью, готовой на любые жертвы. **Ошибка! Закладка не определена.**

Куламеа была ясноглазой смуглой маленькой феей, которая часто сопровождала Уми и ее брата в их прогулках. Они ласкали ее до тех пор, пока она не превратилась в требовательного маленького тирана, и тогда Уми по ее приказу мастерил для нее игрушки, взбиралась на самые высокие деревья какао и взбиралась на самые крутые утесы в поисках цветов и ягод, которые ей нравились; и в ответ на эту доброту что могла сделать Куламеа в возрасте пятнадцати лет, кроме как полюбить почти до идолопоклонства храброго и нежного товарища, который вырос великолепным мужчиной? И что могла сделать Уми в двадцать лет, кроме как ответить тем же на преданность той, которая теперь превратилась в очаровательную женщину, чья детская дружба была самым ярким солнечным светом, когда-либо освещавшим пейзаж его мечтательной жизни?

С чувством тревоги Акахия наблюдал за растущей любовью Уми к Куламеа, и когда в двадцать лет он собирался жениться на ней, к большому удовольствию Маакао, она ласково, но твердо сказала своему сыну: “Не спеши сковывать свои свободные конечности. Будь терпелив, как я был двадцать лет. Куламеа достоин — но подожди”.

“Зачем ждать?” воскликнул внезапно появившийся Маакао. Он подслушивал за дверью. “Зачем ему ждать? - продолжал он. - он всю свою жизнь был праздным, и ему пора обзавестись собственным домом”.

“Ты хорошо говорил!” ответил Уми, выпрямляясь во весь рост и презрительно глядя сверху вниз на мужа своей матери. -Ты хорошо говорил, Маакао! Действительно, пора мне прекратить эти мечты! Я никогда больше не буду есть под твоей крышей. Теперь отправляйся на свой участок *кало*; ты найдешь там занятие, подходящее тебе! Я буду искать другие средства к существованию!”

С этими презрительными словами Уми надменно вышла из дома. Взбешенный оскорблением, Маакао схватил *лаау-палау*, или большой нож *кало*, и бросился за ним. Уми повернулся и потянулся за своей *пахоа*. Маакао занес свое оружие для удара, но оно упало на землю, как будто его руку сковал паралич, когда Акахия прыгнул перед ним, восклицая: “Не смей наносить удар! Он не твой сын, он твой вождь! На колени перед ним!”

К ужасу Маакао и глубокому изумлению Уми, затем Акахия раскрыла тайну рождения Уми и, достав из тайника сувениры, оставленные ей Лилоа, сказала, передавая их своему сыну: **Ошибка! Закладка не определена.**

“Твой отец - король Гавайев. Подойди к нему лично и положи перед ним эти сувениры. Скажи ему, что Акахия-кулеана возвращает их ему из рук его и ее сына, который достоин его, и он признает тебя ребенком своей любви. Он благороден и будет свято хранить свою королевскую клятву. Это следовало сделать давным-давно, но я не мог заставить свое сердце расстаться с тобой. Иди, и пусть боги будут твоей защитой и твоим проводником!”

О странном открытии вскоре стало известно всей округе, и Уми приготовился к своему путешествию в Вайпио. Как он должен предстать перед Лилоа, чья воля была законом, а хмурый взгляд - смертью? В каком обличье он должен искать присутствия своего царственного отца?

- Как *али капу*! - гордо ответил Акахия. Затем из *ипу* она принесла шлем с плюмажем и накидку из перьев *оо*, которые она тайно изготовила своими руками, и надела их на голову и плечи своего сына.

Только для Куламеи было неприятно известие о том, что случилось с Уми. Она была бы более чем довольна разделить с ним общую участь; но теперь, когда он был близок к тому, чтобы быть признанным сыном великой Лилоа, она чувствовала, что скоро они расстанутся навсегда. Для него были бы найдены другие союзы, и он забыл бы скромного товарища по играм своей юности, который любил его не потому, что его отец был королем, а потому, что они выросли вместе и ни один из них ничего не мог с этим поделать. Поэтому, когда два дня спустя Уми отправился по суше в Вайпио в сопровождении двух своих верных друзей, Пиимаиваа и Омаукамау, Куламеа спряталась, чтобы избежать мучительных расставаний с Уми; но он, тем не менее, нашел ее и осчастливил, поцеловав и сказав, что, каким бы ни было его будущее, она должна разделить его; и она поверила ему, потому что он никогда не обманывал ее.

Уми и его спутники прибыли в долину Вайпио с наступлением темноты. Там они провели ночь, а на следующее утро переправились через небольшой ручей Вайлоа, рядом с которым находился королевский особняк. Там Уми оставил своих спутников и в одиночестве направился к ограде дворца. Его голову украшал шлем, увенчанный белыми и алыми перьями, а с широких плеч свисала накидка из желтых перьев, какую *алии* было **Ошибка! Закладка не определена.**

HYPERLINK \l "rb271" \o "271" \h, в то время как вокруг его *чресел* была *повязанамаро*, которая, по-видимому, была оставлена королем Акахии, а застежка из слоновой кости украшала ожерелье из редких и красивых раковин. В руке он держал *ихе*, или дротик, необычного веса и изысканной отделки, и множество глаз провожало его, когда он приближался ко дворцу; ибо, хотя он и был чужаком, по его одежде и осанке было видно, что он не принадлежит к *макайнане*, или простым людям.

Его мать проинструктировала его добиваться присутствия короля самым прямым образом, каким только представлялся случай, и не спрашивая разрешения или помощи у кого бы то ни было, без сомнения, опасаясь, что, чтобы получить допуск в королевский *зал*, он может проявить и каким-то образом потерять единственные доказательства своего отцовства и, таким образом, понести

наказание самозванца. Поэтому он прошел мимо, не пытаясь войти, ворот ограды, вокруг которых толпилось около десятка часовых и слуг, и, пройдя к задней части особняка, перепрыгнул через высокую стену сразу за ним, в сотне шагов от личных покоев короля.

Нарушив таким образом правило королевского этикета, наказанием за которое была смерть, если оно не было смягчено удовлетворительным объяснением, Уми крепко схватился за свое *сердце*, полный решимости, если ему будут возражать, пробиться к королевскому присутствию. Это было отчаянное решение, но он верил в себя и ничего не боялся.

За его движениями наблюдали, когда он без единого слова миновал ворота ограды, а когда он перепрыгнул через стену, то обнаружил между собой и входами в особняк несколько поднятых копий. Приготовившись к худшему, он прошагал мимо стоявшего наготове оружия, решительно отводя его острия в сторону, когда оказывался слишком близко, и через мгновение оказался у заднего входа во дворец, через который не разрешалось входить никому, кроме членов королевской семьи.

Эта дерзость спасла его от более решительного противодействия, поскольку казалось невероятным, что кто-то, не пользующийся доверием короля, подвергнет свою жизнь такому двойному риску. Переступив порог, Уми обернулся и, слегка насмешливо улыбнувшись сбитому с толку стражнику, который теперь шумел у двери, крепко воткнул рукоятку своего копья в землю и предстал перед королем безоружным.

Когда Уми вошла без предупреждения, король только что закончил утреннюю трапезу и развалился на кушетке из множества складок **Ошибка! Закладка не определена.***кана*, без присмотра, если не считать носильщика плевательницы и двух мальчиков-подростков с *кахили*.

Пораженный вторжением, король принял сидячее положение и, нахмурившись, собирался заговорить, когда Уми подошел к ложу и смело уселся на колени Лилоа.

Несмотря на то, что королю перевалило за шестьдесят, он все еще сохранял значительную долю своей былой энергии и, сбросив Уми с колен, сердито воскликнул:

“Дерзкий раб! как ты смеешь!

Уми поднялся на ноги и, гордо стоя перед королем, скрестив руки на груди, ответил:

“Сын Лилои осмелится на все!”

Какое-то мгновение король молчал. Он посмотрел в лицо неустрашимого молодого незнакомца и отметил, что оно благородно; а затем его мысли вернулись к Кеалакаха и прекрасной молодой девушке более чем простой крови, которую он встретил там много лет назад, когда направлялся в Вайпио после освящения храма *Манини*, и, наконец, почти как во сне, к клятве, которую он дал, и подаркам, которые он оставил ей. Когда все это вспомнилось ему, он окинул взглядом миловидного юношу и увидел его *маро* вокруг чресел Уми и застежку из слоновой кости от ожерелья на груди. Он почти не сомневался, и все же, как будто ничего не помнил, ничего не видел, он спокойно, но доброжелательно сказал:

“Молодой человек, вы утверждаете, что вы мой сын. Если это так, расскажите мне о вашей матери и о деле, которое привело вас сюда.

Уми поклонился и ответил: “Мою мать, о царь, зовут Акахия-кулеана из Кеалакаха, и мне было двадцать лет, когда в последний раз созревали *охи*. Впервые, четыре дня назад, она сказала мне,

что я сын короля Гавайев и что я должен передать ему это *маро* и эту застёжку из слоновой кости, и он не отречется от меня. Ты Лилоа, достопочтенная правительница Гавайев. Я Уми, смиренный сын Акахии-кулеаны. Из рук моей матери я передал вам это *маро* и это украшение из кости. Если я твой сын, посади меня рядом с собой на *кану*; если нет, прикажи отнести мое тело в *хиау* в жертву богам”.

В груди короля происходила борьба, и его глаза были устремлены на смелого юношу с выражением гордости и нежности, когда он сказал: **Ошибка! Закладка не определена.**

- Как вам удалось попасть сюда одному и без предупреждения?

“Перепрыгнув через стену *пахале* и сбив копья твоих стражников”, - скромно ответила Уми.

- Это было опасное предприятие, - предположил король, притворно нахмурившись, что превратило его губы в улыбку. - Вы не боялись?

- Я еще молода и не научилась бояться, - ответила Уми с видом самобичевателя.

“Такие слова могли исходить только из сердца, облагороженного кровью Пиликаеэ! Ты действительно сын Лилоа! ” взволнованно воскликнул король, протягивая руку и усаживая Уми рядом с собой. “Не только эти знаки отличия, но и твое лицо и осанка свидетельствуют об этом”. И он обнял шею своего сына, поцеловал его и заказал ужин, который они съели вместе, пока Уми рассказывал своему царственному отцу простые события своей скромной жизни.

Поскольку странное появление Уми в королевском особняке привлекло большое внимание, многие из привилегированных слуг и придворных вскоре собрались во дворце и вокруг него; и ранг и возможные цели посетителя подвергались серьезному обсуждению — особенно после того, как стало известно, что он завтракал с королем, — когда Хакау, единственный признанный сын Лилоа и предполагаемый наследник трона, внезапно появился и попросил присутствия своего царственного отца.

На лице Хакау появилось мрачное выражение, когда он вошел в комнату и увидел незнакомца, который оживленно беседовал с королем и ел из тех же сосудов, и оно не исчезло, когда Лилоа представила ему Уми как его собственного сына и сводного брата Хакау. Уми встал и откровенно протянул брату руку дружбы и привязанности; но пожатие и признание Хакау были холодными, и когда его пригласили сесть и отведать мяса со своим новообретенным братом, он извинился, сказав, что только что встал после утренней трапезы. После нескольких слов с королем, во время которых он внимательно изучал красивое лицо и мужественную фигуру Уми, Хакау удалился, не выказав ни словом, ни взглядом ни малейшего намека на радость от встречи.

Хотя короли гавайской группы в то время обычно имели от двух до шести жен — либо браки по велению сердца, либо союзы с семьями соседних королев для укрепления своих **Ошибка! Закладка не определена.**— традиция дала Лилоа только одну признанную жену. Это была Пинея, знатная вождиня племени Мауи, которая подарила Лилоа сына и одну дочь — Хакау и Капукини. Хакау достиг тридцатого года и женился на дочери вождя и первосвященника Паэ. У них был один ребенок, дочь, которой дали имя ее бабушки Пинеи. Капукини еще не совсем достигла совершеннолетия и была кумиром двора.

Хакау был крупным мужчиной с приятной внешностью, но надменным, эгоистичным и жестоким. До внезапного появления Уми при дворе он был единственным признанным сыном Лилоа, его

капризам потакали до тех пор, пока его бессердечие и тирания не стали почти нарицательными в Хамакуа. Но правда, по-видимому, заключается в том, что он был от природы порочным и варварским, и традиция говорит о том, что среди всех правителей Гавайев не было большего тирана. Не заботясь о правах собственности, без отдачи он брал у других все, чего желал, и в безумии гордыни и преступной зависти заставлял тайно убивать или уродовать тех, кто, как считалось, превосходил его собственной красотой. Не принимая во внимание многочисленные рассказы о варварстве, с которыми традиция связывает его имя, несомненно, верно, что его жестокость и презрение к правам своих подданных сделали его неподходящим преемником кроткого и мудрого Лилоа, при правлении которого самые скромные были защищены, а мир и процветание царили во всех шести округах острова.

Никаких дополнительных объяснений по поводу замораживания приема Уми Хакау не требуется. Он завидовал его красивому лицу и благородной осанке и ненавидел его из-за любви, с которой явно относился к нему отец. Но с чувствами Хакау в этом вопросе не стали считаться, и на следующий день Уми с большой помпой провели в храм *Паакалани*, где под торжественную музыку песнопений и священного барабана священник, совершающий обряд, вместе с новообретенным сыном короля прошел обряд *оки-ка-нико*- церемонию рождения детей членов королевской семьи — и Уми был официально и публично признан своим сыном королем Гавайев.

Хакау был вынужден с большой горечью в сердце присутствовать при этой церемонии, но был слишком осторожен, чтобы открыто выразить свое неудовольствие. Вернувшись во дворец, Уми был официально представлен королевскому двору, и герольды провозгласили его ранг и посвящение в *табу*, на которые он имел право. **Ошибка! Закладка не определена.**

Несмотря на то, что Пинея была матерью Хакау, она приняла его ласково, и Капукини была более чем в восторге от своего нового красивого брата. Она вцепилась в его руку и бесхитростно заявила, что Хакау сердит на нее и что она молила богов послать ей другого брата, такого же, как Уми, и они так и сделали.

Вскоре после этого король устроил большой пир в честь нового наследника, и все ведущие вожди королевства были приглашены прийти и засвидетельствовать ему свое почтение. Присутствовали тысяча двести вождей, и пир и ликование продолжались в течение трех дней, перемежаясь играми и атлетическими состязаниями, в которых Уми блистал великим великолепием. В подвигах силы и искусном обращении с оружием ему было мало равных во всем этом великом и знатном собрании, и в разговорах со стариками он проявлял столько мудрости и осмотрительности в речах, что они задавались вопросом, кто был его наставниками; и когда они узнали, что его никто не учил и что большая часть его юной жизни прошла в одиночестве, некоторые из них подумали, что боги, должно быть, наставили его, и все признали, что он был достойным сыном Лилоа и честью для королевского рода.

Таким образом, Уми прочно утвердился при дворе своего царственного отца, и на его надлежащее содержание и содержание свиты, соответствующей его высокому званию, выделялись достаточные доходы. Его друзья Пиймаиваа и Омаукамау, которые были вне себя от радости по поводу его удачи, поступили к нему на службу в качестве его личных и доверенных друзей и с тех пор стали отождествлять себя с его карьерой, всегда выступая как самые верные и самоотверженные из его приверженцев.

Через неделю после своего прибытия в Вайпио Уми отправил Омаукамау обратно в их старый дом с известием о его признании королем. У него также был приказ увеличить площадь владений Маакао и Акахии и освободить их от арендной платы и всех других сборов с арендаторов. Он также не забыл о Куламеа. Он прислал ей небольшой подарок в знак своей любви и сказал, что,

хотя тогда это не могло быть безопасно, когда-нибудь в будущем она будет ближе к нему, даже если он может стать королем Гавайев. Этот знак был дорог ей, и еще дороже были его слова, потому что она знала сердце Уми и не сомневалась; и с тех пор она жила и терпеливо ждала его, храня свою тайну и твердо говоря “нет” многим, кто добивался ее замужества.

Приветливость и интеллект Уми вскоре сделали его большим любимцем <C:\Users\JamesBond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\> при дворе и неизменно вызывали симпатию его отца. Но по мере того, как он завоевывал расположение других, ненависть Хакау к нему возрастала, и, если бы не страх перед его отцом, она проявилась бы в открытой враждебности; но Лилоа, который старел и слабел из-за неизлечимой болезни, еще не назначил своего преемника, и Хакау считал благоразумным не показывать внешне сильную зависть и неприязнь к своему брату, которые он втайне лелеял и которые, как он решил, будут удовлетворены, когда бразды правления перейдут в его руки.

Чуть менее чем через два года после признания Уми черная *капа* покрыла Лилоа. Когда он почувствовал приближение конца, он призвал к себе двух своих сыновей и публично передал управление государством и титул *мои* Хакау, а опеку над богами и храмами - Уми. “Ты будешь правителем Гавайев, - сказал он Хакау, - а Уми будет твоим советником”.

Когда стало известно о смерти Лилоа, по всему королевству прокатилась волна скорби, ибо его очень любили; и, чтобы его кости никогда не были осквернены, верховный жрец Паэ, на дочери которого женился Хакау, тайно перевез их на побережье Коны и предал глубоководью у Кекаха.

Это соответствовало обычаю того времени — фактически, обычаю более ранних и поздних лет, поскольку место захоронения костей Камехамехи I., умершего в 1819 году, неизвестно. Сохранилась история о том, что останки этого выдающегося вождя были погребены в море, но более популярное поверье гласит, что они были тайно перенесены в пещеру или другое место, подготовленное для них в холмах за Кайлуа, на острове Гавайи, и там навсегда скрыты от взоров смертных. В связи с этим поверьем утверждается, что незадолго до рассвета, утром, следующим за ночью смерти Камехамехи, один из его ближайших друзей, когда охрана была снята, чтобы предоставить такую возможность, взвалил кости своего любимого вождя себе на плечи и, один и никем не замеченный, перенес их в тайную могилу. Возвращаясь, он встретил двух туземцев, которые готовились к дневным трудам. Опасаясь, что за ним следят, он спросил, не видели ли они кого-нибудь, идущего в сторону холмов этим утром. Они заявили, что никого не видели. Если бы они ответили иначе, он убил бы их обоих на месте, чтобы их тайна умерла вместе с ними.

Ошибка! Закладка не определена.

Звали этого вождя Хулулу. Он был мертв много лет; и хотя он оставил детей, одному из которых, возможно, была передана тайна, в соответствии с местными обычаями в таких вопросах, сейчас считается, что все сведения о месте хранения останков первого Камехамеа утеряны. В 1853 году, когда необходимость прятать кости выдающихся вождей больше не признавалась, Камехамеха III. посетил Кайлуа и почти убедил Хулулу указать это место. С этой целью они даже направились к холмам, но, поскольку было замечено, что за ними следует довольно много людей, Хулулу отказался продолжать, и с тех пор его так и не удалось убедить что-либо разгласить.

Древние вожди Гавайев так боялись, что их останкам после смерти могли подвергнуться какому-нибудь унижению - например, из их костей можно было изготовить заговоренные рыболовные крючки или наконечники стрел для охоты на мышей, - что оставшиеся в живых друзья неизменно прятали их, иногда в глубинах океана, и, возможно, не менее часто, в темных тайниках вулканических пещер, которыми изобилуют острова.

Сразу после того, как Камеха I. испустил дух, его друг Калаймоку собрал главных вождей вокруг тела, чтобы обсудить, что с ним делать. В своем великом восхищении мертвым вождем один из них торжественно сказал: “Вот моя мысль: мы съедим его сырым!” Но тело было оставлено Лихолихо, сыну и преемнику умершего короля, который вместе со своей королевой Камамалу умер во время визита в Англию в 1824 году.

Кости ни одного гавайского вождя никогда не были спрятаны так надежно, как кости выдающегося *али-нуи* Куалии, который сильной рукой правил беспокойными группировками на острове Оаху около двух столетий назад. После того, как с костей была содрана плоть, их передали на попечение верного друга, и он наиболее успешно выполнил возложенную на него деликатную задачу. Он приказал измельчить их в мелкий порошок, который смешал с *пои*, которые подавались на поминальном пиру для главных вождей на следующий день. В конце трапезы, когда его спросили, спрятал ли он кости мертвого вождя к своему удовлетворению, он мрачно ответил: “Воистину, спрятаны кости Куалии! Они были захоронены в сотнях живых гробниц. Вы съели их!”

Но мы несколько отклонились от нашего рассказа. На следующий день **Ошибка! Закладка не определена.**после смерти Лилоа Хакау был торжественно облечен верховной властью, в то время как верховный жрец Лазануи официально признал Уми хранительницей богов и храмов. Оба события были отмечены показательными выступлениями и жертвоприношениями; но говорят, что крик *алае*, священной птицы, приносящей дурные предзнаменования, был слышен по дворцу всю ночь, когда Хакау впервые ночевал здесь в качестве короля, и что, когда Уми вошла в храм *Паакалани*, чтобы принять на себя опеку богов, голова большого изображения *Лоно*, возле дверей внутреннего храма, одобрительно кивнула.

Независимо от положения Уми в качестве премьер-министра или королевского советника, его авторитет хранителя богов и храмов уступал только авторитету короля, и Хакау был раздосадован завещанием, которое наделило его брата властью немногим меньшей, чем его собственная, и поместило его так близко к трону. Следствием этого было то, что он редко приглашал его на свои советы и втайне стремился дискредитировать его действия как номинального главы священства. Но Уми вел себя так благородно, что яд Хакау не подействовал на него, и мелкие преследования, которым он подвергался, не только не причинили ему вреда, но фактически добавили ему популярности среди тех, кто почувствовал варварство его брата, первыми действиями которого после прихода к власти были увольнение, унижение и разорение многих старых и верных слуг и советников его отца, и окружение себя партией беспринципных слуг, таких же жестоких и вероломных, как он сам.

Взбешенный тем, что его тайная и трусливая клевета на Уми не вызвала к нему неуважения, враждебность Хакау начала принимать более открытую и жестокую форму. Он публично поносил своего брата за его низкое происхождение и предполагал не только, что Лилоа не был его отцом, но и что его матерью была женщина без какого-либо различия крови.

Не в силах выносить эти насмешки и не считая благоразумным ускорять открытый разрыв со своим братом, Уми спокойно покинул Вайпио со своими двумя друзьями Пиимаиваа и Омаукамау и, проехав через Хамакуа, не останавливаясь в Кеалакаха, где жили его мать и Куламеа, сразу же направился в Ваипуналей, недалеко от Лаупахохо, в округе Хило, где он решил остаться на некоторое время и дожидаться развития событий.

Чтобы прокормить себя Уми и его двух друзей, посвятил часть своего времени на рыбалку, птица-ловить и делать **Ошибка! Закладка не определена.**каное, копьями и другим оружием; и хотя ранг Уми был старательно скрыт, его интеллект, умелого использования оружия и вообще подшипник

не мог не привлечь к себе внимание и возбуждают любопытство своим скромным партнерам. Нередко незнакомые люди падали ниц перед ним, настолько глубокое впечатление производила на них его внешность, но он отказывался принимать их почтение и с улыбкой заверял их, что родился и вырос, как и они, в скромной жизни. В качестве дополнительной меры предосторожности против признания, он тщательно избегал видных вождей округа, считая вероятным, что некоторые из них видели его в Вайпио или даже были свидетелями церемоний, сопровождавших его принятие в качестве сына Лилоа.

III.

Не было суждено, чтобы Уми долго оставался неизвестным среди холмов Хило. Его внезапное исчезновение и продолжительное отсутствие при дворе вызвало опасения по поводу нечестных действий, и сам Хакау, который до сих пор терпел неудачу в своих попытках обнаружить убежище Уми, начал опасаться, что он где-то тайно планирует глубокий план возмездия. Но Уми пока не наметил для себя никакого определенного плана действий. Он страдал от преследований Хакау и не сомневался, что рано или поздно восторжествует над ними и будет восстановлен в правах и привилегиях, завещанных ему его царственным отцом; но когда именно и как все это должно было быть достигнуто, были проблемы, в решении которых, как он ожидал, ему поможет будущее.

И он не был разочарован. Будущее, которого он терпеливо ждал, было не за горами, и он вот-вот должен был стать центральной фигурой борьбы, которая в максимальной степени проверит его мужество и способности. Однажды, когда он в одиночестве прогуливался по холмам за Вайпуналеем, перед ним внезапно возник человек огромных размеров. Уми мгновение с изумлением рассматривал этот предмет и уже собирался что-то сказать, когда чудовище упало перед ним на колени. В этом положении он был на голову выше Уми, а копьё в его руке было длиной в полных десять шагов. Несмотря на рост более одиннадцати футов, он был хорошо сложен, а выражение его лица было умным и мягким. Он был молод <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb280> в годах, но его волосы ниспадали на плечи и были тронуты сединой.

“Кто ты и почему преклоняешь передо мной колени?” - спросила Уми, с благоговением глядя в лицо великану. - Если бы у меня были твои конечности, я бы в одиночестве преклонил колени перед богами.

“Я Маукалеолео из Коны и самый несчастный из людей”, - ответило чудовище тяжелым, но не неприятным тоном. “Моей матерью была Нуухели; но теперь она мертва, и, выросши до высоты деревьев, я живу в горах среди них, потому что мужчины, кажется, боятся и ненавидят меня, а женщины и дети кричат от страха при моем приближении”.

- А кем был твой отец? - ласково спросила Уми.

- Поскольку он умер, когда я был молод, - ответил великан, - а это было более тридцати лет назад, я не знаю, кроме того, что его звали Мано и что он утверждал, что ведет свою родословную от Хахаукапу, деда великой Лилоа, чей недостойный сын сейчас правит на Гавайях.

“Тише!” воскликнул Уми, протягивая руку и нежно кладя ее на плечо чудовища. “В таких словах есть смерть даже для человека такого роста, как Маукалеолео. Деревья - такие же слушатели, как и я.

“Деревья ничего не скажут,” был ответ, “потому что они часто слышат такие слова Хакау. Но почему я должен бояться смерти? Я был рожден не для того, чтобы меня убили за то, что я сказал правду. Послушай, а потом скажи мне, почему Маукалеолео должен бояться всего человеческого. Однажды, когда я был мальчиком, незнакомец встретил меня на утесах над морем, где я искал перья *оо*. Он был могучего роста, и в страхе я упала на землю и закрыла лицо руками. Он позвал меня по имени, и я поднял глаза и увидел, что он держит в руке маленькую рыбку цвета неба на закате. Протягивая мне рыбу, он сказал: ‘Съешь это, и, чтобы увидеть твоё лицо, все люди обратят взор к звездам’. Я знала, что он бог — *Каналоа*, возможно, — и боялась отказаться. Поэтому я взял

рыбу и съел ее, а незнакомец с улыбкой на лице перешагнул через скалы и исчез. Рыба была приятной на вкус, и я мог бы съесть больше. Странное чувство возрастающей силы охватило меня, и по дороге домой я поднимал большие камни и чувствовал, что могу выкорчевывать деревья. Я ничего не сказал матери о случившемся, но на следующее утро она посмотрела на меня со страхом и удивлением, потому что за ночь я вырос **Ошибка! Залкада не определена**. Кроме как на четвереньках, я больше не мог войти в дверь дома, где родился, и все, с чем я был знаком, имело карликовый и неестественный вид. Мне было стыдно встречаться со своими старыми товарищами, и я отважился выйти из дома, только когда стало слишком темно, чтобы меня можно было разглядеть. Я рос все больше и больше, пока в возрасте пятнадцати лет не достиг своих нынешних размеров, когда умерла моя мать и я поселился в горах, где с тех пор проводил большую часть своего времени. Чего должен бояться человек, к которому боги так относятся? И Маукалео leo поднялся на ноги, возвышаясь над своим товарищем, как дерево какао.

“ Действительно, странная история! Но если деревья, лишенные дара речи, не предают вас, почему бы и мне не предать? - спросила Уми, желая узнать еще что-нибудь об этом странном существе, в жилах которого, возможно, текла кровь королей.

- Потому что, - медленно ответил великан, - ты Уми, сын Лилоа, а Хакау - твой враг!

Уми с изумлением выслушала эти слова, а потом откровенно сказала:

“ Ты прав. Я Уми, сын Лилоа, и Хакау мне не друг. И теперь, когда вы так много знаете, вы не можете также не знать, что с моей стороны благоразумнее оставаться в настоящее время неизвестным. Позволь мне попросить взамен, чтобы ты не предавал меня.

“Я знаю все, и ты можешь ничего не бояться”, - сказал Маукалео leo. “ Прежде чем луна снова станет большой, я буду с тобой, с копьем в руке, на твоем пути в Вайпио. Тем временем ты можешь потерять меня из виду, но я буду рядом, когда понадобится моя рука. У тебя могущественные друзья. Руководствуйся ими, и все будет хорошо”.

Уми поднял руку, и Маукалео leo сложил ее в своей могучей ладони, упал на колени и воскликнул:

“Уми, сын Лилоа! здесь, на холмах, среди прислушивающихся листьев, пусть Маукалео leo первым поприветствует тебя, *мой* с Гавайев!”

Прежде чем Уми успела возразить на несвоевременное высказывание, Маукалео leo поднялся на ноги и с низким поклоном исчез среди деревьев.

С каким бы чувством страха *макайнана*, или рабочие классы, Ваипуналеи ни относились к Маукалео leo, поскольку он иногда появлялся среди них подобно движущейся башне, у него не было без друзей. Он был хорошо известен священникам и *каулам* округа, которые верили, что его огромные размеры **Ошибка! Залкада не определена**. были вызваны особым деянием какого-то бога, и он всегда был желанным гостем в доме Каолейоку, верховного жреца, пользующегося большим влиянием как в Хило, так и в Хамакуа. Следовательно, вероятно, что эта встреча с Уми была не совсем случайной, поскольку на следующий день Каолейоку отправил гонца к Уми, которого не без труда нашли, пригласив его на совещание в уединенном месте у начала соседней долины.

Цель встречи не была озвучена, и первой мыслью Уми было, что посланцы его брата пытаются заманить его на верную смерть; но никакая опасность никогда не пугала его, и, схватив свое копье и заткнув за пояс *пахоа*, он последовал за посланцем.

Часовая быстрая прогулка привела их к маленькой травяной хижине, частично скрытой среди деревьев и подлеска почти сухого оврага, резко обрывающегося в долину. В этом месте долина была слишком узкой, чтобы ее можно было возделывать, хотя разрушенная каменная стена, пересекавшая устье оврага, свидетельствовала о том, что когда-то три или четыре неравномерных акра за ним были вспаханы. Внутри ограды росла густая трава, и, в дополнение к нескольким разновидностям лесных деревьев, пустивших корни с тех пор, как землю в последний раз тревожили, с полдюжины или больше деревьев какао возвышали свои головки над окружающей листвой, а широкие листья такого же количества банановых стеблей лениво покачивались на ветру.

Это было унылое место, и никаких признаков жизни ни в хижине, ни вокруг нее не было видно, когда посыльный остановился у щели в полуразрушенной стене и стал ждать приближения Уми. Стрекот сверчков в траве, казалось, был предупреждением, а свист одинокой птицы, спрятавшейся в листве, прозвучал для Уми как крик в этом пустынном и во всем остальном тихом уголке; но он крепко сжал *голову* и поманил посыльного продолжать. Перешагивая через разрушенную стену, он мельком увидел грузную фигуру Маукалеолео сквозь ветви сандалового дерева на склоне холма, возвышавшегося над хижинкой. Под окном этого могущественного и дружелюбного стража Уми отбросила все мысли о предательстве или опасности.

Подойдя к двери хижины, он был встречен верховным жрецом Каолейоку, который быстро протянул руку и пригласил его войти, в то время как посланник вышел из-за ограды и занял позицию, откуда открывался вид на долину выше и ниже устья ущелья. **Ошибка! Закладка не определена.**

В хижине не было никакой мебели, кроме двух или трех шатких полок, а с одной стороны возвышался земляной помост, который, покрытый *капой*, можно было использовать либо как кровать, либо как сиденье. Войдя, священник попросил Уми сесть, а затем низко поклонился и сказал:

“ Я не сомневаюсь, что стою перед Уми, сыном Лилоа, хранителем наших священных храмов и богов наших отцов. На эти слова священник молча ждал ответа.

Уми ответил не сразу, но, бросив испытующий взгляд на лицо священника и вспомнив свою встречу с Маукалеолео накануне и видение сквозь ветви сандалового дерева, он откровенно ответил:

- Я не могу этого отрицать.

“ Нет, в самом деле, вы не можете! ” горячо возразил священник. “ ибо так сказали мне облака и так было нашептано в моих снах. От Вайпио до меня дошло известие, что Хакау знает, что ты в Вайпуналее, и его эмиссары уже здесь с приказом убить тебя.

“Тогда дальнейшая маскировка была бы бесполезна, дальнейшее промедление было бы трусостью!” - воскликнул Уми, поднимаясь со своего места и хватаясь за руку. “Его жестокость заставляет меня наконец нанести удар! Пришло время действовать, и с копьем в руке, как и подобает сыну Лилоа, я встречаюсь лицом к лицу с королевским убийцей в Вайпио, и черный *капа* будет его или моим!”

“ Сказано как король и сын короля! ” с энтузиазмом возразил священник, хватая Уми за руку. “ Но ты пойдешь не одна. Приходи ко мне со своими друзьями завтра — если возможно, сегодня вечером. Под моей крышей ты будешь в безопасности, и там мы соберем копия, которые превратят твое путешествие в Вайпио в триумфальное шествие.

“Благодарность - это единственная плата, которую я могу сейчас внести за вашу дружбу”, - сказала Уми, в свою очередь пожимая руку священнику. - Вы можете ожидать меня и нескольких моих друзей до следующего восхода солнца.

Произнеся несколько торопливых слов объяснения, Уми вышел из хижины с горящим сердцем, а священник с улыбкой наблюдал за ним, пока он не миновал разрушенную стену. Там к нему присоединился гонец, который молча шел впереди него по долине.

Когда он собрался возвращаться, Уми посмотрела в сторону сандалового дерева **Ошибка!**

Закладка не определена. над хижиной. Маукалеолео там больше не было, но он часто замечал могучую фигуру, спускающуюся в долину по лесистому склону холма, и знал, что его большой друг недалеко.

Северо-восточное побережье острова Гавайи представляет собой почти непрерывную череду долин с промежуточными возвышенностями, плавно поднимающимися на несколько миль, а затем более резко уходящими к снегам Мауна-Кеа и облакам. На этой стороне острова дожди идут в изобилии, и плодородное плато, смело выступающее в море линией утесов высотой от пятидесяти до ста футов, с интервалом в одну-две мили изрезано глубокими и почти непроходимыми ущельями, воды которых достигают океана либо по скалистым каналам, проточенным до уровня волн, либо каскадами, срывающимися со скал и прочерчивающими побережье от Хило до Вайпио линиями, которые кажутся линиями расплавленного серебра из великого тигля Килауэа.

Во времена Лилоа и позже это плато было густо заселено и, не требуя орошения, возделывалось от моря вверх до линии замерзания. Кое-где еще видны заросли *кало*, и бананы, как и в старые времена, растут в уединенных местах и по берегам ущелий; но обширные акры покрыты зеленью тростника, и свист сахарной фабрики слышен сквозь рев прибоя, бьющегося о скалистый фасад Хамакуа.

В первой из этих долин к югу от Ваипуналеа находилось поместье верховного жреца Каолейоку, густо застроенное хижинами его арендаторов и окруженное одними из лучших банановых, какао- и хлебных рощ в округе. Для проживания его самого и семьи были предназначены два больших особняка, построенных из тяжелых бревен и окруженных прочной каменной стеной. Священник был образованным и гостеприимным, и его влияние в округе уступало только влиянию *али-окане*.

Предвидя прибытие Уми и его друзей ночью, священник, уходя на покой, поставил у ворот часового, проинструктировав его разбудить, если кто-либо, неизвестный часовому, обратится с просьбой о допуске до утра. Но Каолейоку не мог уснуть, потому что его разум был полон теней грядущих событий. Он обнаружил сына <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\> Лилоа, законного хранителя храмов и своих богов, скрывавшегося среди *макайнани*, чтобы спастись от преследований своего тиранического и бессердечного брата; и поскольку примирение между ними казалось невозможным, он решил немедленно подтолкнуть Уми к открытому восстанию и помочь ему в полной мере его возможностей в организации силы для оспаривания у Хакау права на суверенитет Гавайев. Это побудило его сделать не столько потому, что Хакау был тираном, сколько потому, что он стремился унижить жречество, номинальным главой которого был Уми, и при освящении храма в Ваймеа кощунственно узурпировал полномочия и привилегии первосвященника. Он хорошо знал, что в случае неудачи восстания его жизнь станет одной из жертв неудачи; но священник был мужественным человеком и без колебаний пошел на риск в этом опасном предприятии. Несмотря на то, что он был воспитан в сане священника, он лучше всех владел копьем, и когда он был вооружен, его пятьдесят лет легли на него тяжелым бременем.

С мыслями, полными подробностей предстоящего ему опасного труда, священник беспокойно ворочался на своем ложе в *капе* до самой полуночи, когда он встал и вышел прогуляться среди пальм. Утомленный ходьбой, он растянулся на траве, и, овеваемый пассатами и успокоенный звездами, которые, казалось, улыбались ему сквозь ветви деревьев, он последовал за своими беспокойными мыслями в страну грез; и там голос трижды сказал ему: “Пусть копы Хакау будут посланы дальше, чем зовет *Киха-ну*, и победа Уми будет бескровной!”

Голос рядом со спящим разбудил его, и сторож сообщил ему, что у ворот находится значительное количество незнакомцев и они желают, чтобы их пустили. Священник поднялся на ноги и, все еще слыша таинственные слова сна, все еще звучащие в его ушах, направился к воротам, где в темноте вырисовывалась высокая фигура Уми. Протянув ему руку с теплыми словами приветствия, священник собирался провести его внутрь, когда был поражен внезапным появлением у ворот отряда вооруженных и решительного вида людей - скольких он не смог различить.

Священник собирался что-то сказать, когда Уми положил руку ему на плечо и тихо сказал: “Все верные друзья”. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Тогда добро пожаловать всем”, - ответил священник и, отдав приказ страже, отошел в сторону вместе с Уми, когда двести воинов, одетых для битвы, молча прошли двойной шеренгой через отверстие, следуя за Омаукамау и Пиймаиваа в помещения, очевидно, приготовленные для гораздо большего числа.

“Поистине, хорошее начало!” - с энтузиазмом воскликнул священник, когда последний из маленькой армии миновал ворота.

“Несколько, которые мои хорошие друзья озвучивают со вчерашнего дня, ” скромно ответила Уми. “Они еще не знают меня как Уми, но проникнуты ненавистью к Хакау. Их количество можно было бы значительно увеличить, но я опасался вашей способности разместить больше без предупреждения”.

“Это было продуманно, но в этих стенах можно спрятать их в десять раз больше. Но пойдемте, ” продолжал священник, беря Уми за руку и направляясь к большому особняку. “на востоке все красное, и вам нужно отдохнуть и выспаться. Когда ты проснешься, я дам тебе сон для толкования. Он относится к предстоящему нам делу”.

- Расскажи мне об этом сне, прежде чем я усну, добрый Каолейоку, - ласково попросила Уми, - и, возможно, какой-нибудь бог нашепчет мне ответ на него во сне.

“Хорошая мысль”, - ответил священник; и он рассказал свой сон Уми, когда тот проводил его в комнату в большом *коридоре* и указал на груды мягкой *капы* на низком помосте.

Священник поклонился и удалился, а Уми, который почти не отдыхал в течение трех дней, бросился на *капа-моэ* и крепко проспал, пока солнце не поднялось высоко в небе.

Молодой вождь проснулся очень отдохнувшим и после утреннего омовения попросил присутствия священника, который с рассвета был занят отправкой гонцов к своим друзьям в различные части округа и даже в Пуну и Хамакуа, а также организацией поставок оружия, провизии и других военных припасов. У стен ограды было наспех сооружено несколько длинных навесов, под которыми, укрытые от посторонних взглядов, люди перековывали копы и *ружья*, а также чинили пращи, кинжалы и другое оружие. Фактически, ограда начала приобретать вид военного лагеря, а не мирного жилища священника; и когда Уми огляделся вокруг, он впервые осознал, что был

сделан шаг, который невозможно было повторить, и что жизни **Ошибка! Закладка не определена.** можно было спасти в одиночку, уничтожив Хакау, в сердце которого не было чувства милосердия. Но поскольку конфликт был ему навязан, он принял его без страха или сожаления, и его мужество не позволяло ему сомневаться в результате.

Уми поприветствовала и поблагодарила священника за военные приготовления, видимые со всех сторон, и за их совместным утренним ужином были обсуждены ресурсы и детали предстоящей борьбы. Не верилось, что в округе можно собрать достаточные силы, чтобы выступить против королевских батальонов в открытом бою, поскольку весть о зреющем восстании распространялась по окрестностям и скоро достигнет Вайпио.

“То, чего нам не хватает в копьях, должно быть восполнено хитростью”, - уверенно сказал священник. “Боги с нами, и средства победы будут указаны”.

“ Возможно, ” задумчиво ответила Уми, “ но иногда направление расплывчато, и мы склонны ошибаться. Олопана не смог правильно истолковать волю *Кейна*, переданную ему через его верховного жреца, и был изгнан наводнениями из Вайпио и вынужден вернуться в *Кахики*, землю своих отцов”.

“ Верно, ” подтвердил священник, немало удивленный познаниями Уми о древних вождях Гавайев, “ и мы не должны впадать в ту же ошибку. Возможно, боги уже высказались. "Пусть копья Хакау будут посланы дальше, чем зовет *Киха-ну*", - вот слова, которые пришли ко мне, но я не могу найти им толкования. Мы должны немедленно принести жертву и посоветоваться с *каулами*.

“Это было бы хорошо, - сказала Уми, - но, возможно, мне был послан хотя бы намек на их значение, если не больше. Как вы помните, сегодня утром я спал со словами, а теперь я вспоминаю, что кто-то шепотом посоветовал нам обратиться к нашему адвокату Нуну и Какохе из Вайпио ”.

“Вы расчистили путь!” - искренне воскликнул священник. “Я хорошо знаю этих людей. Это влиятельные и широко образованные священники. Они были советниками Лилоа, а теперь стали врагами Хакау.

- То же самое, - сказала Уми. - Я встречалась с ними обоими.

“ Тогда мы немедленно отправим за ними осторожного гонца, ” ответил священник, резко вставая. “Каждое мгновение драгоценно, и их совет может быть голосом богов”.

И теперь, когда посланник находится на пути в Вайпио, возможно, **Ошибка! Закладка не определена.**, чтобы еще немного упомянуть о двух священниках, на поиски которых он был послан, поскольку они в немалой степени способствовали окончательному успеху Уми и впоследствии были причислены к числу его доверенных советников.

Нуну и Какохе были высокопоставленными лицами и принадлежали к духовенству. Они оба были сведущи в знаниях богов и народных традициях, и были настолько высоко почитаемы Лилоа, что он часто приглашал их в королевский особняк, и в конце жизни проводил с ними один или несколько вечеров в каждом месяце, когда слушал рассказы о традициях своих отцов и более таинственных линиях полубогов и героев, тянущихся непрерывной нитью назад к утру творения. Они были одними из немногих, кто мог процитировать священную генеалогию *меле* из *Кумухонуа*, гавайского Адама, и он любил слушать перечисление поколений от первого человека до *Нуу*, великого потопа, и оттуда до *Вакеа*, и далее еще почти шестьдесят поколений для себя. Из-за

некоторых разногласий, существующих между генеалогиями Гавайев и Мауи, Лилоа отправила их на последний остров, чтобы посоветоваться с его священниками и историками с целью примирения их разногласий. Их миссия была успешной, и результатом научной конференции стало то, что известно как генеалогия *Улу*.

Это были друзья Лилоа, которые ради отца и чести королевского рода терпеливо и искренне пытались отвлечь Хакау от его варварских привычек. Но он пренебрег их любезными услугами, легкомысленно отнесся к их учености и в конце концов отказал им во входе во дворец. Он надеялся своей жестокостью изгнать их из Вайпио; но в пророческом пламени они прочли свое будущее, и изнутри священного *ану* храма до них донеслись голоса, призывающие к терпению; поэтому они сели и стали ждать.

Прибыв в Вайпио, посланец Каолейоку без особых трудностей нашел двух священников, которых он искал. Прошло несколько часов после наступления темноты, но после расспросов его направили в их скромное жилище на южном берегу ручья, и вскоре он стоял у их двери. Внутри было темно, и, дав знать о своем присутствии, в дверях появились двое мужчин. Посыльный вежливо поприветствовал их, и, заметив лишь одного человека, они осторожно отошли от двери и поинтересовались у посетителя, что у него к ним за дело. **Ошибка! Закладка не определена.**

По их одежде и осанке он узнал в них священников, но этого было недостаточно; он не мог позволить себе ошибиться, поэтому он лукаво сказал:

“Вероятно, меня неправильно проинформировали; это не дом Монаны, рыбака?”

“ Друг мой, ” сказал Нуну, “ твои слова не вводят нас в заблуждение. К добру это или ко злу, я не знаю, но вы ищите Какохе и Нуну, и они здесь. Если у вас есть к ним дело, говорите; здесь нет слушателей”.

Посланник в ответ достал из куска *капы* талисман из слоновой кости, вырезанный из китового зуба, и вручил его Нуну с просьбой осмотреть его. Подойдя к костру, все еще тлеющему возле печи хижины, священник бросил в него пригоршню сухой коры, которая через мгновение вспыхнула пламенем и позволила ему осмотреть *палеоа*. Вернувшись и сказав несколько слов своему спутнику, священник сказал посыльному:

- Вы из Каолейоку, из Вайпуналеи.

- Я из Каолейоку, из Вайпуналей, - повторил гонец, кланяясь.

- Сколько времени прошло с тех пор? - спросил священник.

“Сегодня поздно утром”, - последовал ответ.

- Вы, должно быть, ехали быстро, потому что тропы неровные, а расстояние - целый день пути, - осторожно предположил священник.

“Мои ноги не знали отдыха”, - последовал краткий ответ.

-Какие новости ты принес из Каолейоку?

-Никаких.

- Тогда почему ты здесь с этим *палаоа*?

“Потому что так приказал Каолейоку”.

“ Ходят слухи о надвигающихся неприятностях на границах Хамакуа. Каолейоку послал тебя сообщить нам о них?

“Я здесь, чтобы ничего не говорить о Каолейоку, но сказать за него, и только сказать, что он молится о том, чтобы Нуну и Какохэ без промедления встретились с ним под его собственной крышей в Вайпуналее”.

- И больше ничего?

- Больше ничего.

- Ты осторожен.

“Я просто доставил сообщение; и теперь, когда я доставил его, я жду ответа, который вы, возможно, пожелаете отправить со мной в Каолейоку”. **Ошибка! Закладка не определена.**

- Когда ты вернешься? - спросил я.

-Сегоднявечером.

“ Тогда скажи Каолейоку, что его друзья Нуну и Какохэ будут с ним завтра в это время. А теперь пойдем, - продолжал священник, - в *муа* есть мясо, и ты должен поесть, потому что тебе предстоит утомительное путешествие.

Гонца отвели в соседнюю хижину, где перед ним поставили мясо и *пои*, и через полчаса он уже взбирался на холмы к востоку от долины Вайпио.

Хотя посланник хранил молчание, священники были уверены, что в окрестностях Вайпуналея происходит сборище копейщиков и что Каолейоку тайно подстрекает к восстанию. Они знали, что Уми находится где-то среди холмов Хило, и были полны решимости надеяться, что в нужное время он встанет во главе движения.

Хакау очень недооценивал силу жречества и слишком поздно обнаружил, что, стремясь преследовать и унижать Уми, которому Лилоа поручила заботу о богах и храмах, он вызвал враждебность класса, которому в тот период истории Гавайев ни один правитель не мог спокойно бросить вызов. Если *табу моих* были священными, то табу первосвященников были тем не менее неприкосновенны, и самыми сильными вождями в группе были те, кто пользовался наибольшим уважением и самой большой дружбой среди жрецов. Подобно светским правителям, священники унаследовали свои функции и так же ревностно относились к своим прерогативам, как и сама королевская семья. Именно благодаря им были разрушены и увековечены гражданские и религиозные традиции народа, и только благодаря их молитвам и жертвоприношениям можно было убедить богов даровать успех важным начинаниям.

В жилах некоторых жрецов текла царская кровь, и время от времени они покидали свои *иерархии* и становились выдающимися воинами; но ни при каких обстоятельствах они никогда не отказывались от своих священных прав. Нередко они владели большими земельными поместьями, право собственности на которые по праву оставалось за семьей. Таковым, например, было поместье Кекаха в округе Кона, Гавайи, которое было подарком Лилоа Лазануи и которое оставалось у потомков этого выдающегося первосвященника до дней Камехамехи I.

Таким воином-жрецом с богатыми владениями был Каолейоку из **Ошибка! Закладка не определена.**Ваипуналей. Он был верховным жрецом храма *Манинив Кохолалеле*, который был освящен, как уже говорилось, во времена Лилоа. Хотя в течение нескольких лет он редко совершал богослужения, за исключением важных случаев, предпочитая более спокойную жизнь в своем поместье в Вайпуналее, жители округа очень уважали его, и его влияние оказалось для Уми опорой.

IV.

Верные ответу, переданному Каолейоку его гонцом, Нуну и Какохэ достигли Вайпуналея следующей ночью; и когда они увидели военные приготовления и узнали, что Уми присутствует и что во имя него будет объявлено восстание, они заплакали от радости. Было уже за полночь, и их конечности устали, но они не могли уснуть. По их просьбе им указали на дверь комнаты Уми, и они подошли и сели рядом с ней. Час или больше они не разговаривали. Затем, когда в стенах все стихло, они вполголоса начали легендарное песнопение королей Гавайев. По мере того как они исполняли запись, которую мало кто на острове, кроме них самих, мог правильно повторить, их голоса становились все громче от энтузиазма, и через несколько минут сотни полуголых мужчин выбрались из своих барачков и стояли, слушая метрические фразы ученых историков. Когда они дошли до имени Киха, Уми вышел за порог. Священники узнали его и поднялись на ноги. Затем, продолжая *меле*, они воспевали имя Кихи, Лилоа, Хакау и, наконец, Уми, изображенного как отнявший скипетр у своего недостойного брата, которого ненавидели его подданные и который был покинут богами. С этими словами они упали перед ним на колени и смело приветствовали его как *моего* с Гавайев.

Это впервые познакомило многих присутствующих воинов с рангом Уми, и ими овладел самый дикий энтузиазм. Они попросили, чтобы их немедленно отвели в Вайпио, и успокоились только тогда, когда появился Каолейоку и заверил их, что их патриотические пожелания скоро будут удовлетворены.

Поначалу Каолейоку счел такое раннее раскрытие целей движения несвоевременным, если не сказать прискорбным. Оставалось сделать еще много приготовлений. Это было предложение <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\> Уми о том, что часть сил повстанцев должна быть отправлена в Вайпио по воде; но каноэ, необходимые для экспедиции, не были обеспечены, и не более тысячи воинов сообщили о себе. Секретность больше не могла поддерживаться, и немедленные и открытые действия, по-видимому, теперь были неизбежны. Тем не менее, именно из-за Нуну и Какохе его планы были сорваны, и хотя он был раздосадован тем, что они сделали, он удалился, надеясь, что они действовали обдуманно в этом вопросе.

Поведение священников было объяснено и одобрено на следующее утро. Они призвали к немедленным действиям. Хакау не был готов к внезапному нападению. В течение многих лет не было серьезных войн, и те из его сторонников, которых король мог бы поспешно призвать к себе на помощь, были бы плохо вооружены и лишены дисциплины.

Они посоветовали Уми немедленно поднять знамя восстания. Эту новость они передадут в Вайпио вместе с дополнительной информацией о том, что, несмотря на подготовку к восстанию, Уми еще некоторое время не будет достаточно силен, чтобы действовать. Встревоженный Хакау посоветовался бы с верховным жрецом Лаэнуи, который, несмотря на их отношения, был тайным его врагом, и можно было бы разработать план, как побудить короля отправить свою домашнюю охрану и ближайших последователей в горы с каким-нибудь религиозным поручением, когда Уми, узнав о ситуации по кострам, разжигаемым через определенные промежутки времени на вершинах холмов между Вайпио и Ваипуналеем, мог бы напасть с несколькими сотнями решительных воинов и захватить короля и столицу, и таким образом смелым ударом добиться бескровного триумфа.

Когда жрецы разработали этот план действий, Каолейоку поднялся на ноги и взволнованно воскликнул:

“Боги наставили тебя!”

- Ты говорил правду; боги действительно наставили наших друзей! - внушительно сказала Уми. - Разве в твоих снах не было сказано, что победа будет бескровной, если копья Хакау будут посланы дальше, чем призыв *Киха-ну*?

“Теперь смысл ясен”, - благоговейно ответил жрец. “Боги с нами, и они будут направлять нас”.

Затем все детали были тщательно согласованы, и оба священника вернулись в Вайпио. Вскоре разнесся слух, что они принесли известия об Уми, и Хакау, как и ожидалось, послал за ними. Страх несколько смирил его, и он приветствовал их **Ошибка! Закладка не определена.**с тем, что казалось величайшей дружбой и сердечностью. Он даже пожурил их за то, что они так долго отсутствовали в королевском особняке, где, как он заверил их, их визитам всегда будут рады. Они предполагали, что были очень довольны его заверениями в доброй воле, но втайне презирали его за мелкое лицемерие.

На вопрос короля жрецы откровенно сообщили ему, что они оставили Уми и Каолейоку вместе не дольше, чем накануне, и посоветовали ему, не теряя времени, отправить в горы всех людей, которых он сможет призвать, чтобы собрать свежие перья редких птиц для украшения своего бога войны.

Хакау был поражен этим советом, поскольку церемония *кауилаакуа* проводилась только во время войны или другой неминуемой опасности.

- Что? - воскликнул он с притворным изумлением. - Неужели это будет сделано только потому, что Уми жив, и вы видели его с верховным жрецом *Манини*?

- Нет, не потому, что Уми жив, - спокойно ответил Нуу, - а потому, что он готовится к восстанию.

“Восстание!” сердито повторил Хакау. - Неужели он рассчитывает, что сможет удержаться в Хило?

- Его цели простираются за пределы Хило, - рискнул предположить священник.

- В Пуу?

“За Пуной”.

- В Кау?

“За пределами Кау”.

- Тогда он, должно быть, нацелился на весь остров! - свирепо воскликнул Хакау.

- На весь остров, - злобно повторил священник.

“У него будет достаточно земли, чтобы похоронить его, и не более того!” - прошипел король. “Но вы оба квакши. Прежде чем обдумать твой совет, я посоветуюсь с Лазануи и провидцами

Лаакалани послушаю, что говорят боги об этом широко распространенном заговоре, поскольку твои страхи и трусость говорят сами за себя.

Хакау резко отпустил жрецов и отправил гонца за верховным жрецом Лаэануи, но его удалось найти только к вечеру. Он был стар и почтенного вида, и его волосы, белые, как снега Мауна-Кеа, ниспадали до колен, покрывая плечи подобно вуали. **Ошибка! Закладка не определена.**

Они встречались очень редко после смерти Лилоа, поскольку старый жрец редко покидал территорию храма, а Хакау так же редко посещал их; и когда бородатый и седовласый пророк вошел в королевский дворец, все почтительно склонились перед ним, и чувство благоговения охватило короля, когда жрец молча стоял перед ним, скрестив руки на груди.

- Приветствую тебя, почтенный слуга богов! - сказал король.

Священник поклонился, но промолчал, и Хакау резко продолжил:

“Я узнал, что Уми и священник по имени Каолейоку вместе замышляют государственную измену в Хило, недалеко от границ Хамакуа. Что ты знаешь о Каолейоку?”

- Человек, которого следует опасаться, если он говорит серьезно, - коротко ответил священник.

- Были ли вызваны предзнаменования этого движения? - спросил король.

Священник жестом ответил отрицательно.

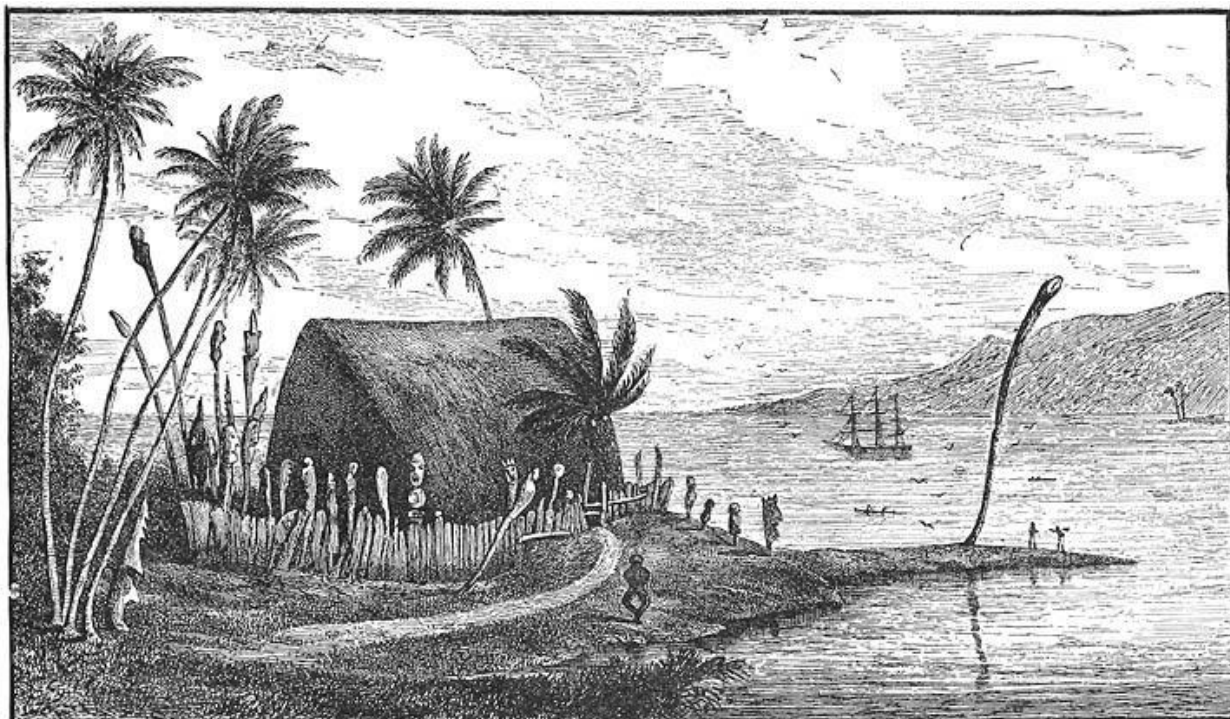
“А почему бы и нет?” порывисто продолжал Хакау. “Для чего существуют священники и храмы, если не для того, чтобы охранять королевство от надвигающихся опасностей?”

“Если им так угодно, боги отвечают, когда их просят о жертвоприношении”, - ответил жрец; а затем, с нарастающим гневом, он продолжил: “Твой отец уважал богов и приходил в храм, когда хотел посоветоваться с ними, и его сын должен поступать так же”.

- Что ж, тогда, - сказал Хакау, обнаружив, что жрец не любит и не боится его, - я буду в храме сегодня вечером, вскоре после захода солнца, и отправлю к вам лучших из ваших прорицателей.

“Я буду ждать вашего прихода”, - коротко ответил Лаэнуи, низко поклонился и удалился.

“Хотя он и отдал мне свою дочь, ” пробормотал Хакау, когда Лаэануи вышла из комнаты, “он меня не любит, и я его тоже. Но это неважно; я не должна ссориться с ним сейчас. Подожди, пока я разберусь с Уми и его сообщниками, и тогда— Но он не закончил фразу, потому что внезапно вспомнил, что звание верховного жреца, как и его собственное, передается по наследству, и его посвящение не было королевской прерогативой. Однако существовали кровавые способы создания вакансий, и они промелькнули в злобном мозгу Хакау.

Маленький храм на Кауаи, 1793 год.

Ошибка! Закладка не определена.

Последующая ночь была темной, с устойчивым северо-западным ветром и временами сопровождалась ливнями. Прошло некоторое время после захода солнца, прежде чем король въехал во внешние ворота *храма в Паакалани*. Его сопровождали четверо слуг, двое из которых несли свинью в намордниках и двух домашних птиц; остальные были верными друзьями. *Факел кукуй* поддерживался горящим перед домом первосвященника, другой - между алтарем и внутренним двором, а третий - у входа в царское убежище, которым, как и многими другими, была снабжена эта *святыня*. К последнему направился Хакау со своей свитой, и вскоре к ним присоединились Лаэнуи, несколько исполняющих обязанности священников и *килос*.

Войдя в королевский зал, король и Лаэануи обменялись несколькими словами, после чего слуги Хакау были освобождены от своей ноши и отправлены за ограду. Затем тремя размеренными ударами в *кайку*, или большой жертвенный барабан, прозвучали удары, и через несколько минут появились шесть священнослужителей, трое из которых были с ножами в руках, а остальные несли факелы. Им были доверены свинья и домашняя птица, и царь и первосвященник, предшествоваемые факельщиками, в сопровождении служителей храма размеренным шагом направились к алтарю.

Достигнув места жертвоприношения, верховный жрец произносил молитву божеству и отдельные воззвания к *Кейну*, *Ку* и *Лоно*, которые произносили помогающие жрецы, когда птицы были обезглавлены и их обезглавленные тела возложены на алтарь. Священник наблюдал за ними, пока они не застыли неподвижно, а затем вскрыл их и тщательно осмотрел сердце, печень и внутренности каждого.

Король с тревогой взглянул на священника, но тот ничего не ответил. Затем было приказано заколоть свинью. Животному перерезали горло, и его истекающее кровью тело также положили на алтарь. Поток крови был скрупулезно зафиксирован, и после того, как были подсчитаны вдохи и животное перестало дышать, тело было поспешно вскрыто. Селезенку удаляли и держали над

головой священника во время произнесения другой молитвы, а затем отдельно исследовали другие органы.

Завершив осмотр, Лаэнуи отступила от алтаря.

- Ну, - нетерпеливо спросил король, - что говорят боги?

“Боги разгневаны, и знамения злы”, - ответил жрец. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Тогда пообещай им сотню человеческих жертвоприношений”, - воскликнул Хакау. “Если их благосклонность будет куплена кровью, я утоплю *heiau* в ее океане. Но, ” продолжил он, “ я не удовлетворен этими предзнаменованиями. Дайте мне знать, что скажет *ану*.”

Сразу за алтарем находился вход во внутренний двор храма. Внутри, примерно в трех шагах от двери, завешенной *капой*, находился *ану*, плетеное ограждение диаметром четыре или пять футов, в котором стоял оракул. По обе стороны от входа были вырезаны изображения *Кейна*, *Ку*, *Лоно* и других гавайских божеств, в то время как на расстоянии трех-четырех футов вдоль стен на страже священного места стояло не менее десятка богов меньшей силы.

На последнюю просьбу Хакау священник ответил: “Царь услышит от *ану*”.

Затем огни были погашены, и все, кроме царя и первосвященника, отошли на некоторое расстояние от алтаря, чтобы до них не донесся шепот оракула. Хакау нервничал, когда они со священником стояли перед входом во внутренний храм. Священник произнес молитву; невидимые руки отодвинули *ширму с капой*, и король предстал, вглядываясь в густую темноту *святая святых* храма.

- Говори! - приказал жрец, отступая за алтарь и оставляя царя одного перед *ану*.

- Говори! - повторил глухой голос из священной ограды.

Несколько минут Хакау хранил благоговейное молчание; затем голосом, который едва ли был его собственным, он сказал:

- Великая сила, я слышал, что нам угрожает опасность.

“Опасность угрожает!” - донеслось словно эхо изнутри.

“Как их можно предотвратить?” - спросил король.

Какое-то время ответа не было. Наконец голос из *ану* ответил:

“Воздайте должное *Кейну*; порауйте бога войны Лилоа!”

“Я обещаю то же самое, - ответил король. - но принесет ли это мне победу?”

“Победа!” - повторили с *ану*.

Обрадованный услышанным, Хакау продолжил:

“Теперь скажи мне, могучий дух, является ли Уми...” **Ошибка! Закладка не определена.**

- Больше ничего! - прервал голос изнутри, когда *капа* внезапно упала перед входом.

“Что ж, спасибо за столь многое”, - сказал Хакау, поворачиваясь и присоединяясь к священнику у алтаря, и повторил ему, с некоторыми благоприятными дополнениями, слова, которые он услышал. Темнота скрыла улыбку на губах Лазануи.

“послезавтра мы устроим здесь праздник в честь *Кейна*, и алтарь будет завален приношениями”, - сказал король. “Завтра я пошлю своих людей в горы собирать перья священных и королевских цветов, и *Кайли*, забытый бог войны Лилоа, будет прославлен в новом оперении и обрадован обильными жертвоприношениями”.

“Это хорошо”, - ответил священник.

“Теперь пусть заговорщики поднимут копья!” уверенно продолжал Хакау. - и мы быстро расправимся с ними. Они не могут быть наказаны на холмах Хило. Проявив слабость, мы заманим их в Вайпио, и ни один из них не сбежит. Мы отрежем им путь к отступлению и закроем перед их носом ворота *пухонуи*!”

Как уже упоминалось, из двух *пухонуи*, или мест убежища, на Гавайях в то время, одно было пристройкой к *хейау* из *Паакаланив* Вайпио. Во время войны их ворота, отмеченные белыми флагами, всегда были открыты, и те, кому удавалось проникнуть за ограду, были в безопасности от нападения, даже несмотря на то, что их преследовал сам король.

Это дикое предложение закрыть ворота *пухонуи* было немедленно отвергнуто Лазануи. С таким же успехом он мог бы подумать о том, чтобы низвергнуть богов с их пьедесталов и предать их огню.

“Вы предлагаете то, что невозможно”, - сказал священник. “Со времен Вакеа *пухонуи* был священным. Его врата не могут быть закрыты для незащищенных, и боги сказали, что тот, кто закроет их перед слабыми, тщетно будет искать в них убежища от руки сильного”.

“Ну, тогда держи их открытыми!” - резко возразил король. “Те, кто войдет в них, быстро убежат!”

Вновь зажгли факелы, и король и его приближенные покинули *храм*. Не успели они миновать внешнюю стену, как из внутреннего двора появился Нуу. Это был тот самый голос, который ответил королю из *ану*. Так в храме *Паакалани* было сформировано разрушение Хакау, и священники, которых он оскорбил и которым бросил вызов, широко и уверенно открыли путь к его смерти.

На следующее утро в королевском особняке и вокруг него наблюдалась необычная суматоха, и по мере того, как отряд за отрядом покидали территорию — одни направлялись к морскому побережью, а другие вверх по долине и в горы за ней, - жители деревни удивлялись происходящему и предсказывали, что вскоре последует строгое *табу*, каким бы ни был повод. Но когда они узнали, что бог войны будет отремонтирован, а на следующий день состоится грандиозный религиозный праздник, они поняли, что король ожидает каких-то неприятностей, и вскоре нашли правильное объяснение этому движению в слухах, которые они тоже слышали об Уми и его друзьях в Хило и восточном Хамакуа. Однако возможность восстания против Хакау их не беспокоила, поскольку его жестокость вызвала к нему их ненависть, в то время как имя Уми было для всех классов синонимом силы и мягкости.

Король не был равнодушен к опасности, с которой ему предстояло столкнуться, и немедленно отправил *лунапаи* к окружным начальникам Кохалы, Коны и Хамакуа, приказав им без промедления прибыть в Вайпио с двумя тысячами воинов каждому, в то время как губернатор Хило получил приказ от специального *лунапаи* немедленно выступить с отрядом воинов в

Вайпуналей с целью ускорить продвижение Уми на Вайпио, где, без сомнения, он будет разбит и уничтожен. раздавленный.

Все это были надлежащие меры предосторожности, но они были приняты слишком поздно; ибо в то время, когда охотники за перьями и *лунапаи* отправлялись на свои задания, Уми во главе более чем двух тысяч хорошо вооруженных и решительных воинов достиг точки в двух часах марша от Вайпио и ожидал сигнала, чтобы обрушиться на долину.

А теперь давайте вернемся в Вайпуналей и обратим внимание на то, что происходило там в течение предыдущих сорока восьми часов. Как только священники отправились в Вайпио, двумя днями ранее, за ними последовали надежные и умные часовые и заняли свои соответствующие посты, указанные Маукалеолео, на вершинах семи различных холмов, отличающихся друг от друга, от Вайпуналея до Вайпио. Первый, идущий на восток от Вайпио, находился в трех милях, **Ошибка! Закладка не определена.**возможно, от храма *Паакалани*; последним была скалистая вершина примерно в четырех милях от Ваипуналея. Это была станция Маукалеолео.

Часовым было приказано собирать большие кучи сухой травы и коры; поддерживать небольшие костры тлеющими и готовыми к использованию; бдительно наблюдать за вершинами в направлении Вайпио; включать факел в тот момент, когда будет замечен сигнальный огонь, и поддерживать горение кучи до тех пор, пока на него не ответят со следующей станции в направлении Вайпуналея.

Весь этот день и всю следующую ночь вооруженные люди прибывали на место встречи у Каолейоку, пока не прибыло более двух тысяч воинов, и каждая свободная минута следующего дня была посвящена формированию из них рот и батальонов, назначению им командиров и подготовке к быстрому маршу.

Многих воинов сопровождали их жены, дочери или сестры; ибо в те дни, да и позже, женщины нередко следовали в бой за своими отцами, братьями и мужьями, обычно оставаясь в тылу, чтобы снабжать их едой и водой, но иногда, в ближнем и отчаянном конфликте, храбро вмешиваясь в бой. В таких случаях они наносили и получали удары, не ожидая никакого внимания из-за своего пола.

В гавайской традиции приводятся примеры того, как ход битвы неоднократно переломляли отчаявшиеся женщины, превратившиеся из приверженцев лагеря в воительниц; и уже в 1819 году мы видим, как Манона, жена Кекуокалани, последнего стойкого защитника богов своих отцов, безжизненно падает в битве на тело своего мертвого мужа при Куаму, в то время как Каахуману и Калакау, вдовы великого Камехамеха, командовали флотилией каноэ, действовавшей совместно с сухопутными войсками при Калаймоку.

После визита священников из Вайпио цель восстания больше не скрывалась, и всякий раз, когда Уми появлялся среди собравшихся воинов, его встречали с самым диким энтузиазмом. Его романтическая история была им известна и стала темой для песен. Те, кто был свидетелем его многочисленных триумфов на празднике, устроенном Лилоа в честь его официального признания, рассказывали о его многочисленных победах, а его величественные пропорции и благородная осанка свидетельствовали о том, что он **Ошибка! Закладка не определена.**он был проинструктирован богами и находился под их опекой, все сомнения в успехе исчезли, и последовал приказ о наступлении на Вайпио., ожидали приказа о наступлении на Вайпио., и когда его друзья Пиймаиваа и Омаукамау рассказали о великой учености, проявленной им на допросе у жрецов, и намекнули, что он был проинструктирован богами и находился под их опекой., все сомнения в успехе исчезли, и был получен приказ о наступлении на Вайпио. с нетерпением.

Маукалеолео таинственным образом приходил и уходил, но всегда ночью и редко оставался дольше нескольких минут. Его знали все в пределах ограды, и ему позволяли беспрепятственно проходить, поскольку его ни с кем другим нельзя было спутать. Когда он прошел через ворота, неся копье длиной едва ли меньше тридцати футов, часовые посмотрели на него с благоговением; и когда они увидели, что он поговорил с Уми, а затем молча удалился, они покачали головами и сказали: “Возможно, это *Лоно*!”

Храм *Манини*, посвященный Лилоа незадолго до его встречи с матерью Уми, верховным жрецом которого был Каолейоку, представлял собой реконструкцию и расширение старого храма, который, несомненно, существовал еще во времена воинственного Калаунуйохуа, правившего между 1260 и 1300 годами. С большой армией и соответствующим флотом каноэ он вторгся на Мауи, Молокаи и Оаху и, взяв с собой их захваченных монархов, совершил нападение на Кауаи. Но на этом его триумфы закончились. После упорной битвы он потерпел поражение и был взят в плен, но впоследствии был освобожден и ему разрешили вернуться в свое королевство.

Именно во время правления этого государя жила пророчица Ваахия. Она сопровождала его в экспедициях до Оаху, но отказалась отправиться с ним на Кауаи. Она заявила, что боги навлекут на него бедствие, если он вторгнется на этот остров, и попыталась убедить его закрепить свои завоевания и вернуться на Гавайи. Но король-воин мало заботился о священниках или храмах и имел привычку разрушать и то, и другое, когда они не соответствовали его целям. Разгневанный неблагоприятными предзнаменованиями Ваахии и опасаящийся, что они могут дойти до ушей его воинов и деморализовать их, король убедил ее вернуться на Гавайи. Одна традиция гласит, что она добровольно покинула Калаунуйохуа, в то время как другая утверждает, что она согласилась вернуться только при условии, что бог войны короля будет отправлен обратно вместе с ней. Этот бог принадлежал к правящей семье Гавайев со времен Паао и был освящен этим отцом священством. Чтобы отличать его от других богов войны, он был известен как *Акуапао* и пользовался большим почитанием. Когда пророчицу попросили объяснить эту странную просьбу, она смело заявила, что, если бога заберут на Кауаи, он вернется только во главе армии завоевателей, которая сделает Гавайи зависимым королевством.

- Тогда возьмите это с собой! - свирепо воскликнул король. - и если я вернусь на Гавайи живым, я сожгу вас обоих вместе!

“Ты не обожжешься ни тем, ни другим”, - сказал Ваахия. “Когда вы вернетесь на Гавайи, вы будете лучше думать о богах и их слугах; и в грядущих поколениях, когда копья гнева скрестятся в *стойкости* королей Гавайев, рука, которая положит свежую *лею* на плечи *Акуапао*, будет сильнее”.

Пророчица приготовилась к посадке. Бога, завернутого в складки *капы*, чтобы его нельзя было узнать, вынесли на пляж и вручили уходящей провидице. Каноэ, которое было достаточно большим, чтобы вместить тридцать человек, столкнули в прибой. Его снабдили едой и флягой с водой. Отказавшись от какой-либо помощи или товарищества в своем путешествии, Ваахия вошла в каноэ с изображением в руках и, осторожно поставив его на нос лодки, вернулась и села на корме. Полдюжины мужчин ждали команды, чтобы спустить каноэ с песка, на котором слегка покоилась корма. Но провидица не подняла паруса, не взялась за весло. Несколько минут она сидела молча и неподвижно, склонив голову и сложив руки, словно в молитве, в то время как сотни любопытных глаз с изумлением наблюдали за ней, гадая, что с ней будет, даже если беспилотному судну удастся миновать буруны. Затем она медленно поднялась на ноги, и каноэ заскользило к рифу. Оно двигалось все быстрее и быстрее, пока, поднявшись на отступающую волну, не было быстро вынесено в более спокойные воды; затем, слегка изменив курс, оно

понеслось на юг со скоростью ветра и вскоре скрылось из виду пораженных благоговением зрителей.

Ваахия заглянула под волны и улыбнулась, ибо *Уканипо*, бог-акула, с десятками помощников нес ее вперед; а затем из своего *ипу Лаамаомао*, гавайского Эола, выпустили на волю заточенные ветры, и освежающий зефир охладил лицо пророчицы и ускорил скорость каноэ, пока оно, казалось, не стало перепрыгивать с волны на волну; и большие морские птицы закричали **Ошибка! Закладка не определена.**от испуга, когда он пронесся мимо и пробудил их ото сна, оставляя за собой длинный след из беспокойных вод.

Пройдя южнее промежуточных островов, каноэ с неизменной скоростью понеслось через пролив Аленуйхаха к северо-восточному побережью Гавайев и перед заходом солнца причалило к берегу в Кохолалеле. Пророчица знала, что это значит. Неподалеку находилась старая *хайау Манини*, и туда, как ей было велено, был доставлен и помещен бог войны *Акуапао* с торжественным предписанием ответственному верховному жрецу никогда не выносить его из внутреннего двора, если только жизнь *меня* не окажется в опасности или королевство не будет захвачено чужеземным врагом.

Старый *хайау* уступил место более внушительному сооружению во времена правления Лилоа. Его внешние стены были расширены, приподняты и отремонтированы, а внутреннее убранство улучшено и заново украшено; но его священные реликвии не были потревожены, и его многочисленные боги оставались там, где они были на протяжении поколений.

Среди самых священных идолов храма, даже после смерти Лилоа, был *Акуапао*. Его название в равной степени указывало на его возраст и святость; и хотя легенды, связанные с ним, стали расплывчатыми и искаженными при передаче через длинную череду жрецов, пророчество о Ваахии все еще было связано с ним, и его особенно почитали те немногие, кому была доверена тайна его функций.

Хакау узнал об этом боге от своего царственного отца, и в то же утро, когда его слуги были отправлены в горы за перьями, в Кохолалеле были отправлены два жреца с приказом от имени короля и без промедления доставить в Вайпио бога войны *Акуапао*. Если жрецы храма откажутся отдать идола, то посланникам было приказано обратиться за помощью к окружающим начальникам и взять его силой, какой бы ценой жизни это ни обошлось.

Но король опоздал, ибо рано на рассвете за день до того, как его гонцы покинули Вайпио, Маукалеолео вошел в штаб повстанцев с *Акуапао* на руках. Каолейоку, конечно же, проинструктировал великана, где и как хранить статую, поскольку в прошлые годы он был ее хранителем, и жрецы *Манини* продолжали выполнять его приказы. Идол, полностью завернутый в *капу*, был помещен в личную *часовню* верховного жреца, и Маукалеолео покинул ограду **Ошибка! Закладка не определена.**так же тихо, как и вошел в нее несколькими минутами ранее. Стражи, как обычно, удивлялись, но молча кланялись, когда он приходил и уходил.

Священник встал с восходом солнца и узнал, что Маукалеолео уже был у него в гостях этим утром. Он поспешил в *хайау* и там нашел *Акуапао*. Он был вне себя от радости. Он снял с идола покрывало *капа*, поместил его на пьедестал между изображениями *Ку* и *Лоно*, а затем нашел Уми и привел его в *храм*. Войдя, Каолейоку закрыл дверь и указал на *Акуапао*. Уми почтительно склонился перед ним.

“Слушай, о Уми!” сказал жрец. “Слушай, о сын Лилоа! Узри бога войны твоих отцов! Он был освящен прикосновением Паао и на протяжении многих поколений во внутренних покоях *Манини*

ожидал твоего прихода. От Ваахии, пророчицы, дошли до нас через верховных жрецов *хайау* эти слова: "Когда копья гнева скрестятся в крепости королей Гавайев, рука, которая возложит свежую *леу* на плечи *Акуапао*." Копья вот-вот скрестятся; бог здесь; пусть твоей рукой, а не Хакау, будет рука, которая возложит *лей-ай* на плечи *Акуапао*!"

Слова пророчества пришли к Уми как сон. Пораженный их значением, он упал на колени и воскликнул:

“Боже моих отцов! будь моим наставником, пока я не докажу, что недостоин твоей защиты!”

“Твое царство все еще невелико, “ сказал жрец, - и заключено в этих стенах. Воздадим должное богам, чтобы его границы расширились”.

Вслед за этим всем находящимся внутри стен было предписано соблюдать строгое *табу* - начинать в полдень и продолжать до захода солнца. Времени было мало, но события были неотложными, и его нельзя было безопасно продлить.

The *Табу*, или *кану*, как его иногда пишут, было строго прерогативой верховных вождей и жрецов древних Гавайев. Были установлены *табу* обычаев и объявлены *табу* ограниченного срока действия светскими и духовными правителями. Наказанием за нарушение всех *табу* была смерть. Это было *табу* обычая, согласно которому мужчины и женщины ели вместе, а женщины - мясо свиней, домашней птицы, черепах и многих видов рыбы. Все, что **Ошибка! Закладка не определена.**принадлежавшее царям, жрецам и храмам, было *табу*, или священным, и источники, тропинки, рыболовные угодья, водоемы и т.д. часто таким образом скрывались от использования людьми. Объявленные общие *табу* на умиловление богов или смягчение общественного зла были либо строгими, либо обычными, в зависимости от чрезвычайной ситуации. Во времена общего *табу* от людей требовалось воздерживаться от своих обычных занятий и посещать храм, где совершались утренние и вечерние молитвы. Строгое *табу* было более священным. Пока это продолжалось — обычно один или два дня, — все, за исключением *али-нуи* и священников, были вынуждены оставаться за дверями. Все костры и фонари были погашены; ни одно каное не было спущено на воду; все звуки прекратились; свиньям и собакам надели намордники, а домашнюю птицу поместили под тыквенные тыквы. Эти *табу* были провозглашены герольдами, и их вопиющее нарушение было непростительным преступлением.

В рамках подготовки к объявлению Уми *табу* были принесены цветы и перья, а из того и другого были сплетены *леи*. Когда все было готово, герольды провозгласили *табу* и его продолжительность, с дальнейшим объявлением, что поводом стало прибытие могущественного бога войны *Акуапао* и его предстоящее украшение Уми.

Когда солнце коснулось отметки меридиана, ворота ограды были заперты и охранялись религиозными служителями священника; повсюду были потушены костры; немногочисленные животные в стенах были либо в намордниках, либо спрятаны; мужчины, женщины и дети внезапно исчезли в своих жилищах или кварталах, а у отверстий были развешаны циновки; Уми и священник удалились одни в *хиау* и закрыли дверь, и тишина, нарушаемая только тихим шепотом и приглушенными шагами наблюдающих за ними священников, воцарилась над двумя с половиной сотнями человек, собравшихся в храме. приложение.

В *хиау*, или обители богов, в которую удалились Уми и верховный жрец, находилось множество изображений и священных реликвий. Почти в центре комнаты находился небольшой алтарь, на который были сложены *леи* provided for the decoration of *Akuaapaо*,,. Они сели рядом с ним, и в течение часа или больше не было слышно ничего, кроме молитв, которые шепотом произносил

жрец, обращаясь по очереди к нескольким богам, стоявшим перед ним. Затем, поднявшись и отведя Уми за руку к *Акуанао*, тихим голосом он официально представил его богу как сына Лилоа и законного правителя гавайского. Была произнесена еще одна молитва, а затем Уми со словами: “Прими это, о *Акуанао*, с почтением к Уми!” благоговейно возложила на голову и шею статуи множество благоухающих *леев* из цветов и венков из блестящих перьев.

Священник внимательно наблюдал за происходящим. Когда последний венок из перьев, по виду напоминающий корону — *лей-хула-али*— был возложен на голову статуи, солнечный луч пробился сквозь то, что казалось небольшой щелью в соломенной крыше, и на мгновение окружил ореолом головы Уми и бога. Священник прочитал ответ и улыбнулся. Он чувствовал себя уверенным в благосклонности богов так, словно это было обещано громовым раскатом, и Уми низко склонился в знак признания радостного откровения.

Солнце опустилось за холмы; сумерки превратили золото долин в бронзу, и *табу* подошло к концу. Было объявлено, что предзнаменования были в высшей степени благоприятными, и тишина *табу* была нарушена дикими звуками музыки и криками ликования.

V.

Когда темнота опустилась на лагерь повстанцев, Уми почувствовал, что час для действий близок. Поэтому он отдал приказ о том, чтобы приготовления к немедленному отправлению продолжались всю ночь. Луна убывала, обещая взойти незадолго до утра, и ночь выдалась темной и облачной, с редкими дождями.

Примерно за два часа до полуночи Маукалеолео внезапно и бесшумно прошел мимо часовых. Разыскав Уми, он нашел его за советом со своими друзьями Омаукамау, Пиимаиваа и верховным жрецом. В это время они выстраивались в очередность марша по четырем узким тропинкам, ведущим в Вайпио.

Великан низко наклонился и заглянул в дверной проем на совет. Он едва мог различить лица внутри при свете факела, постоянно горевшего у входа. Он не пытался войти, но стоял молча и неподвижно, положив руки на колени, вглядываясь в комнату, словно желая привлечь к себе внимание. Уми улыбнулся, узнав этот огромный предмет, и шагнул к двери. Великан поднимался до тех пор, пока его голова **Ошибка! Закладка не определена.**не оказалась над гребнем хребта, а затем склонился, как сгибается дерево под порывом ветра.

“Что ж, мой добрый друг, - сказала Уми, - после того как я поблагодарила тебя за работу прошлой ночью, позволь спросить, какие новости ты принес?”

“Никаких”, - ответил великан. “Света пока нет, но я уверен, что его можно будет увидеть до утра”.

- И я тоже, добрый Маукалеолео, - ответил вождь, - и по твоему сигналу мы будем готовы.

“Это то, чему я пришел научиться”, - ответил великан, кланяясь и поворачиваясь, чтобы уйти.

- Но не принимайте за сигнал восходящую луну, которая скоро осветит своим факелом вершины холмов, - любезно предложила Уми.

- Если только луна не взойдет на западе, чего не случалось со времен Мауи, ошибка едва ли была бы возможна, - ответил Маукалеолео с улыбкой на своем большом лице, а затем, сделав несколько широких шагов, исчез в темноте.

Должно быть, примерно во время этого интервью Хакау покидал *храм* в Вайпио после того, как призвал предзнаменования жертвоприношения и услышал голос Нуну из темноты внутреннего храма. Едва король миновал ворота храма, ведущие на священный тротуар Лилоа, который соединял *хиау* с королевским особняком и по которому могли ступать только привилегированные ноги, как Нуну, обменявшись несколькими словами с верховным жрецом, тоже покинул ограду, но не по священному тротуару и не по направлению ко дворцу. Выбрав путь, который не казался ему новым, судя по легкости, с которой он преодолевал его при свете звезд, он пересек долину и поднялся на высокую гряду холмов, окружавшую ее с юго-востока. Поднявшись на некоторое расстояние по гребню и дождавшись, пока огни долины не скрылись из виду, он медленно двинулся вверх, время от времени ударяя друг о друга по двум камням и прислушиваясь к ответу. Наконец он раздался, как эхо его собственного сигнала, и через несколько минут ходьбы он подошел к большой куче сухих листьев и веток, из-за которой поднялся Какохэ и поприветствовал его.

“ Стреляйте немедленно! ” приказал Нуну. - Я все объясню, когда поступит ответ на сигнал.

За скалой, в нескольких шагах от нас, тлел небольшой костер. Какохэ вскочил и схватил горящую головешку, которую он приложил к куче, и через мгновение красное пламя взметнулось к небесам, отбрасывая зловещий свет на окружающие холмы.

Стоя спиной к костру, два священника с тревогой смотрели на юг и восток, и через несколько минут вдалеке вспыхнуло ответное пламя. Удовлетворенные тем, что их сигнал был замечен и на него отреагировали, они позволили костру погаснуть, а затем вернулись в долину, чтобы дожидаться важных событий завтрашнего дня.

Покинув место встречи мятежников, Маукалеолео медленно вернулся на свое место, ибо даже его могучие конечности временами уставали, а тропинка, ведущая в гору, была темной и узкой. Достигнув вершины, он осмотрел небольшой костер, спрятанный среди скал, и уже собирался растянуться на земле, повернувшись лицом на восток, когда заметил странное, похожее на звезду пятнышко на горизонте. На мгновение он побледнел, а затем становился все ярче и ярче. Он подошел к дереву рядом с огромной кучей горючих материалов и, взглянув на горизонтальную ветку, которая была предварительно обрезана для этой цели, обнаружил, что она указывает прямо на свет. Все сомнения сразу исчезли. Он знал, что это был сигнал. Схватившись за головню, куча была подожжена, и в ее диком свете в темноте Маукалеолео быстро спустился в долину. Его усталость исчезла, потому что сигнал о смерти Хакау был зажжен его собственными руками, и его великое сердце было в боевой готовности.

Сигнал был немедленно замечен стражниками в покоях Уми, и через несколько минут за стенами воцарилась тишина. Были зажжены факелы, вооруженные воины с готовностью выстроились в шеренгу, и полчаса спустя Уми в мантии из перьев и шлеме, украшенном королевскими цветами, и впереди бога войны *Акуанао*, которого несли на *манеле*, или паланкине, который покоился на плечах *кахунаса*, с Каолейоку в качестве верховного жреца, вышел из ограды, сопровождаемый двумя тысячами хорошо вооруженных и преданных сторонников. Его обращение к своим воинам было кратким. “Мгновения драгоценны, - сказал Уми, - и их нельзя растрачивать на слова. Пусть наши копья заговорят, и завтра на закате мы спокойно поедем мяса в Вайпио!”

В качестве меры предосторожности, на случай катастрофы, в стенах были оставлены силы, достаточные для удержания помещений первосвященника. Наступающая армия была сформирована из трех дивизий: правой командовал Омаукамау, а левой - Пиймаиваа, **Ошибка! Залка не определена.** в то время как Уми оставался в центре. Им было приказано двигаться быстро, но как можно тише, тремя разными маршрутами и образовать перекресток на их пересечении с *алануи*, или великим путем, ведущим от побережья к деревне Ваймеа в глубине страны. Ожидалось, что к этому перекрестку левая дивизия, продвигаясь трудным горным путем, сможет добраться через два-три часа после восхода солнца.

Было, наверное, за час до полуночи, когда последняя часть маленькой армии покинула ограду, сопровождаемая двумя или тремя сотнями женщин, несущих еду, воду, дополнительное оружие и разнообразные походные принадлежности. Воины были полны энтузиазма, и когда Маукалеолео появился среди них с гор, словно божество-покровитель, они едва сдерживали крики. Его появление было очень кстати для Уми, который тепло поблагодарил его за то, что он сделал, и выразил желание, чтобы он оставался рядом с ним во время марша, поскольку его знакомство с горами и их тропами сделало бы его советы ценными.

“ Но я вижу, что еще один могущественный друг прибыл вовремя, ” любезно сказал Уми, указывая на восток. “Поскольку луна вот-вот выглянет из-за холмов, факелы, возможно, скоро погаснут, потому что без них тропинки будут виднее”.

Отряды разделились и, обойдясь без факелов, вскоре заполонили несколько тропинок, ведущих в Вайпио. Каждой дивизии на некотором расстоянии предшествовал отряд разведчиков с инструкциями никого не пропускать вперед, чтобы он не стал вестником предупреждения.

Тропинки были неровными, местами почти заросшими подлеском, и продвижение было чрезвычайно трудоемким; но не было услышано ни слова жалобы, и примерно к середине дня левая дивизия, прибывшая последней, достигла тропы Ваймеа, оставив всем силам лишь короткий переход до Вайпио. Был приказан короткий привал, и еда и вода, принесенные женщинами, были розданы их родственникам и другим людям, если таковые остались.

Не думая о себе, Уми посоветовал своим слугам поесть, если они смогут найти еду, заявив, что ему ничего не нужно, а затем забрался в тень дерева на несколько минут столь необходимого отдыха. Прохладный ветерок овеивал его разгоряченное лицо, на котором борода пока еще росла лишь слегка, и его тяжелые веки закрылись, мягко унося его в страну теней, **Ошибка! Закладка не определена.** где он искупался в прохладной воде и отведал вкусной еды — казалось, еще вкуснее, потому что ее подавала Куламеа.

Что—то разбудило его - он едва ли понял, что именно, — и его глаза уловили фигуру женщины, которая исчезла за деревом, под которым он лежал. Он улыбнулся и, приподнявшись, обнаружил на земле рядом с собой калebas с *пои*, разведенным водой до консистенции густой кашицы. Во рту и горле у него пересохло, и, не останавливаясь, чтобы узнать, кто это приготовил, он поднес сосуд к губам и осушил его до дна. Это был хороший глоток, и он сильно освежил его.

Держа пустой калebas в руке, он начал разглядывать его, сначала небрежно, а затем с большим интересом, потому что это был необычный сосуд. И видел он это не в первый раз. Это был калebas, из которого он вырезал изображения птиц и цветов для Куламеи, прежде чем отправиться в Вайпио, чтобы стать сыном короля.

Он поманил Маукалеолео, который стоял, прислонившись к дереву в нескольких шагах от него, спрятав голову среди ветвей. Приближаясь, великан улыбнулся, словно угадав вопрос, который собиралась задать Уми.

- Вы видели человека, который оставил этот калebas? - спросила Уми, показывая сосуд.

“Я видел ее”, - ответил великан.

- Значит, его оставила женщина?

- От женщины.

- Вы наблюдали за ней?

- Так пристально, как я когда-либо наблюдал за какой-либо женщиной.

-Как она выглядела? - спросил я.

- Полагаю, обычные мужчины описали бы ее как молодую, грациозную и привлекательную.

-А ты? - спросил я.

- Я бы назвал ее игрушкой, как назвал бы любую другую женщину, голова которой не касалась моей бороды.

“ Верно, - сказал Уми, улыбаясь, когда его воображение нарисовало подходящую пару для великана. - Ты, должно быть, мало знаешь о женщинах. Но узнали бы вы игрушку, оставившую этот калебас, если бы увидели ее снова?

Великан намекнул, что, вероятно, узнает ее.

- Тогда поищи среди женщин в лагере и, если найдешь, **Ошибка! Закладка не определена.**скажи ей от имени Уми, что если она оценит калебас, он вернет его ей, если она заберет его сегодня после захода солнца и докажет, что она законная владелица.

Маукалеолео поклонился и отправился выполнять свое поручение, а Уми повесил тыквенную тыкву себе на пояс.

Был отдан приказ о новом наступлении, и через час или меньше маленькая армия укрылась на гребне неровных холмов, возвышавшихся над долиной Вайпио на юге и востоке и простиравшихся до самого моря. Гонец флота был отправлен через холмы к водопаду, звук которого был слышен, падая в долину с большой высоты сплошным водопадом. Он вернулся, принеся с собой странно помеченный кусок *капы*, который он нашел подвешенным к ветке на краю падения.

Это был последний сигнал Нуну, означавший, что слуги короля были отправлены в горы и на берег моря, а дворец беззащитен. Были сделаны приготовления к немедленному спуску в долину. Поскольку тропинки, ведущие вниз, были извилистыми и узкими, воинам было приказано сломать строй и спускаться как можно быстрее, а по достижении долины быстро перестроиться.

Был отдан приказ, и наступление началось. Сначала вершина оцетинилась копьями, затем вниз по склонам устремилась толпа вооруженных людей. При быстром спуске казалось, что они безнадежно рассеялись, но, достигнув долины, они перестроились и в полном порядке двинулись к небольшому ручью, на другом берегу которого находился королевский особняк, а недалеко от него - храм *Паакалани*.

В деревне царило самое дикое возбуждение. Некоторые схватились за оружие, другие побежали к холмам, но сопротивления никто не оказывал. Во главе маленькой армии маршировал Уми, сам почти гигант, а рядом с ним могучий Маукалеолео, обнаженный, если не считать *маро* на чреслах, и вооруженный тяжелым копьем, острие которого из слоновой кости виднелось над верхушками деревьев.

Погрузившись в ручей и перейдя его, отряды были отправлены бегом, чтобы окружить королевскую ограду и отрезать все пути к отступлению, особенно *пухонуи*, в то время как с основными силами Уми продвинулся к большим воротам внешней стены, которые были поспешно закрыты и заперты, и потребовал впуска. Ответа не последовало, хотя изнутри слышались смешанные голоса, Уми уже собирался отдать приказ разбить <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\>ворота, когда Маукалеолео прислонил свое копьё к стене и, схватив камень, который не могли поднять двое других мужчин, швырнул его в ворота, и они были сорваны с креплений, как будто в них попал снаряд с Килауэа. Затем он схватил сломанную преграду и отбросил ее от входа, как будто это была циновочная завеса, и Уми со своими последователями хлынули в ограду. Гнав перед собой десятка два наспех вооруженных слуг короля, они издали дикий боевой клич и бросились ко дворцу.

Передвижение повстанцев было настолько тайным, и их продвижение после достижения долины было таким быстрым, что Хакау не было известно об их присутствии, пока они не начали пересекать ручей недалеко от королевского особняка. Первая информация привела его в замешательство. Придя в себя, он приказал закрыть ворота и запереть их на засов, а всем находящимся на территории вооружиться. Был послан гонец, чтобы подняться на стены и сообщить вероятную численность нападавших; но большинство из них в момент наблюдения находились в ручье, и король успокоился, узнав, что численность отряда не превышает одной-двух сотен человек.

“Тогда мы сможем отбиваться от них, пока не придет помощь”, - уверенно сказал Хакау. “Удержите ворота ценой своих жизней!” - крикнул он; затем, поспешно войдя в *муа*, он взял из *ипу*, в котором он хранился, *Киха-пу*, священную боевую трубу гавайских королей, и выскочил к фасаду дворца. Он поднес раковину к губам, чтобы поднять тревогу, которая при дыхании Лилоа обычно разносилась в радиусе десяти-двенадцати миль. Набрав полные легкие воздуха для могучего усилия, которое, он не сомневался, привлечет к нему на помощь жителей деревни и охотников за перьями, отправленных в горы, он пробил снаряд насквозь. Но такой голос никогда прежде не доносился из таинственных покоев *Киха-пу*. Вместо ноты тревоги, разносящейся над холмами в дикой и воинственной ритмике, они издавали ужасающий диссонанс исторгнутых пытками криков и стонов, наводивших ужас на всех внутри стен, но едва слышных за ними.

Хакау уронил раковину на землю, словно ее поцелуй обжег ему губы, и с чувством отчаяния схватил дротик и мрачно ожидал нападения у ворот. Его ожидание было недолгим. Ворота с грохотом рухнули; и когда он увидел, что горстка его защитников отступает перед надвигающимся потоком воинов во главе с Уми, Хакау отступил в *муа* с тремя или четырьмя

Ошибка! Закладка не определена..... "pb312" \ o "312" \h

Дверь *муа* едва успела закрыться, как Уми подошла к ней. Сотня воинов бросилась вперед, но он взмахом руки остановил их. Он посмотрел на Маукалеолео, и в следующее мгновение дверь превратилась в кучу щепок. Уми решительно шагнул внутрь, Каолейоку, воин-жрец, шел рядом с ним. Когда он вошел, Хакау с шипением ткнул в него копьем. Уми поймала и вырвала оружие у него из рук и уже собиралась нанести удар, когда Каолейоку остановил каждую поднятую руку, воскликнув:

“Стойте! Пусть это будет жертвоприношение, а не убийство! Во имя богов я убиваю его!”

С этими словами верховный жрец вонзил свой *меч* в сердце Хакау, и тот, умирая, упал к ногам Уми.

Хакау попытался заговорить, но слова были горькими и душили его.

“Отнеси его к ложу”, - сказала Уми. “Он сын короля, и поэтому позволь ему умереть”.

Его приказы были выполнены, и Хакау, король-тиран Гавайев, испустил дух, когда Уми повернулся и покинул *муа*.

Теперь дворец с его богами, священными эмблемами, королевскими регалиями и всеми атрибутами высшей власти находился во владении Уми; но он понимал, что многое еще предстоит сделать, и это тоже без промедления. Охотники за перьями скоро вернутся с холмов и морского побережья; но с ними можно было подробно разобраться, когда они прибывали небольшими группами, и, следовательно, их не стоило сильно опасаться. Отдаленные вожди, вызванные *лунапаи* покойного короля, были главной причиной беспокойства. В течение следующего дня они

должны были начать прибывать со своей долей воинов, и Уми не была вполне уверена, что они примут ситуацию мирно.

Чтобы быть готовым к любой чрезвычайной ситуации, он приказал всем своим войскам разместиться на территории дворца, отправил отряды за запасами продовольствия, заручился поддержкой слуг и охраны, найденных в королевском особняке и вокруг него, и разослал герольдов, чтобы объявить о смерти Хакау по воле богов и принятии верховной власти Уми, сыном Лилоа.

The *Kiua-nu* был обнаружен возле двери, где была **Ошибка! Закладка не определена.** оброненная Хакау. Никто не осмеливался прикоснуться к нему. Его узнал вождь, который видел его раньше и который охранял его до появления Уми. Вождь указал на священную раковину, и Уми с радостным возгласом поднес ее к губам и издал мощный звук, который прокатился над долинами и эхом разнесся по холмам своим древним раскатом грома.

Все в стенах вздрогнули. Каолейоку приблизился, и Уми подняла раковину и повторила звучный взрыв. “Это не дыхание Уми, - внушительно сказал жрец. - это голос богов, провозглашающий свое одобрение работе этого дня!”

Тело Хакау было перенесено в небольшое строение внутри ограды, где его передали на попечение его жены и матери, Кукукалани и Пинеи, а также их сопровождающих, чтобы подготовить к погребению. И Капукини, сестра Хакау и сводная сестра Уми, скорбела вместе с ними; но ее горе было невелико, потому что Хакау был недобр даже к ней.

Перед наступлением темноты начали прибывать охотники за перьями; но по прибытии в долину им стало известно о ситуации, и те из них, кого страх не остановил, направились во дворец и присоединились к Уми, тем самым избавив его от некоторых незначительных причин для опасений и значительно увеличив силу его маленькой армии.

Обещание Уми своим воинам было выполнено, и в ту ночь они мирно ели мясо в стенах дворца в Вайпио. Все нуждались в отдыхе, но никто из них не нуждался в нем больше, чем сам Уми. Ночь была темной, но воздух снаружи был прохладным, и после ужина Уми вышел и растянулся на складке *капы* под пальмами перед особняком. Вскоре к нему присоединились Каолейоку, его верные лейтенанты Омаукамау и Пиймаиваа, а также несколько отличившихся военачальников.

Обсуждались события дня и возможности завтрашнего дня, когда Маукалеолео вырисовался в темноте, как тень пальмы, и попросил разрешения приблизиться к группе. Разумеется, это было удовлетворено, поскольку гигант зарекомендовал себя как один из самых верных и ценных друзей Уми. Но он был не одинок. Позади него, почти скрытая его дородной фигурой, шла Куламеа. На ней было *пау* из пяти складок, а на плечи наброшен легкий *кихей* из разукрашенной *капы*. Ее черные волосы ниспадали ниже талии, а голову окружала сплетенная из цветов лента. **Ошибка! Закладка не определена.**

“По твоему указанию, ” сказал великан, склоняясь перед Уми, - я разыскал женщину, которая оставила тебе сегодня за холмами тыквенный сосуд с причудливой резьбой, и передал ей твое желание, чтобы она пришла к тебе и потребовала его. Но она побоялась сделать это, потому что теперь ты король Гавайев.

“ Будь я королем восьми гавайских морей, она бы не боялась, - ответила Уми. — Найди и скажи ей...

- Пусть Уми сам скажет слова, - перебил великан; сказав это, он отошел на несколько шагов, чтобы лучше видеть, и, отступив в сторону, Куламеа предстал перед группой.

- Куламеа! - воскликнула Уми, вставая.

“Куламеа!” изумленно повторил Омаукамау, ибо раньше он не знал, что его сестра находится в Вайпио. - Какой злой дух побудил вас отважиться явиться сюда в такое время?

“Не ругай ее, Омаукамау,” сказал Уми, нежно кладя руку на плечо прекрасной подруги его юности. “Сегодняшний триумф так же важен для нее, как и для ее храброго брата, и никто не может быть более желанным”.

Омаукамау промолчал, и Куламеа опустилась на колени перед Уми. Он поднял ее на ноги и поцеловал; затем, сняв с пояса и вложив ей в руки тыквенный сосуд, за которым она пришла, он сказал:

“В присутствии всех присутствующих Уми возвращает этот калекас Куламеа, своей жене! Затем, отведя ее к брату, он продолжил: “Выдели ей слуг и проследи, чтобы она была обеспечена всем остальным, что подобает ее положению”. Омаукамау поцеловал сестру и повел ее в особняк.

Во время этой сцены Маукалеолео стоял, глядя сверху вниз на собравшихся, скрестив руки на груди, с веселым выражением лица.

“Возможно, мне следовало спросить твоего согласия”, - сказала Уми, улыбаясь и глядя в лицо великану.

“Уми сейчас в состоянии брать у своих подданных, не спрашивая, - уместно ответило чудовище, - но в данном случае, похоже, нет другого претендента, и титул неоспорим”.

- И ты тоже одобряешь меня? - уже более серьезно спросила Уми, обращаясь к Каолейоку.

“Лучше, чем у меня”, - тепло ответил жрец: “Ты пользуешься одобрением богов; ибо, выполняя свое обещание простой и доверчивой женщине, ты сохранил верность им”. **Ошибка! Закладка не определена.**

Будут очень кратко упомянуты остальные выдающиеся события, приведшие к вступлению Уми в состав Гавайского флота и связанные с ним. Когда окружные вожди и их воины прибыли в Вайпио в ответ на призыв мертвого короля, они приняли измененные условия без протеста и быстро присягнули Уми на верность.

На второй день после его смерти останки Хакау были тихо и незаметно перенесены на холмы и преданы земле, а на следующий день Уми был публично помазан королем Гавайев в присутствии почти десяти тысяч воинов. Игры и празднества по этому случаю продолжались десять дней.

The *Акуапао* был помещен в храм *Паакалани*, а после смерти почтенного Лазануи, которая произошла вскоре после этого, Каолейоку, происходивший из семьи Паао, был назначен верховным жрецом.

Омаукамау и Пиймаиваа стали доверенными советниками Уми, а также его любимыми военачальниками, и Маукалеолео участвовал во многих его кампаниях, его сила и доблесть послужили сюжетами для множества странных историй, все еще живущих в гавайской традиции.

Eng'd by H. H. Ball's Sons, New York.

Капиолани

Капиолани

ЛОНО И КАЙКИЛАНИ.

ПЕРСОНАЖИ.

КЕАВЕНУИ, король Гавайев.

КАНАЛОА-КУАНА,

ЛОНОИКАМАКАХИКИ и } сыновья Кеавенуи от разных матерей.

ПУПУАКЕА

КУКАЙЛАНИ, племянник Кеавенуи.

КАЙКИЛАНИ, дочь Кукайлани.

КАКУХИХЕВА, король Оаху.

ЛАНАХУИМИХАКУ, вождь Оаху.

ОХАЙКАВИЛИУЛА, вождь Кауаи.

ХЕАКЕКОА, мужчина с Молокаи.

КАЙКИНАНЕ, женщина с Молокаи.

ЛОНО И КАЙКИЛАНИ.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД В КОРОЛЕВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ.

I.

Каким суетливым и варварским маленьким миром были восемь обитаемых островов Гавайского архипелага до того, как белые люди пришли, чтобы разбудить простых, но воинственных островитян от сна, в котором они жили веками! До того времени их национальная жизнь была долгим романом, богатым на конфликты и рыцарские подвиги, и не менее богатым на эпизоды любви, дружбы и самопожертвования. Расположенные посреди океана, их знания о большом мире, в котором их островные точки на груди Тихого океана составляли лишь ничтожную часть, не выходили за пределы туманного Кахики, откуда несколько веков назад прибыли их отцы, и голых названий других земель, отмечающих миграционный путь их предков туда.

Гавайцы были, безусловно, варварами, поскольку убивали своих военнопленных и приносили своих врагов в жертву своим богам; поскольку никакие кровные узы, кроме материнско-сыновних, не были препятствием для брака; поскольку убийство едва ли считалось преступлением, а воля *алии-нуи* на каждом острове была высшим законом; поскольку массы находились в физическом рабстве у своих вождей и в умственном рабстве у священников. Тем не менее, несмотря на все это, они были храбрым, гостеприимным и бескорыстным народом. Короли островов Гавайи, Мауи, Оаху и Кауаи почти постоянно воевали друг с другом, пока Камехамеха I не объединил их под одной властью; но страх перед иностранным вторжением никогда не беспокоил их, и люди, боявшиеся своих богов, почитавшие своих правителей и обладавшие легким и надежным средством к существованию и личному комфорту, были довольны условиями, которые были их уделом на протяжении поколений и не давали надежды на улучшение; ведь высокопоставленные вожди, обладавшие властью, утверждали, что их родословная отличается от родословной масс, и между ними лежала социальная и политическая пропасть, которую было невозможно преодолеть.

Гавайцы никогда не были каннибалами. Самым заметным проявлением их варварства было принесение в жертву своим богам людей; но разве в храмах древней Галлии и Саксонии не текла кровь людей? И разве один из отцов Израиля не заточил свой нож, чтобы заколоть тело своего сына на алтаре Бога Авраама? Они знали очень мало о искусствах, какими мы их знаем сейчас, и полезные и драгоценные металлы были им совершенно неизвестны; тем не менее, они прокладывали дороги через обрывы, возводили массивные каменные стены вокруг своих храмов, носили в бой эффективное оружие и строили вместительные одно- и двухместные каноэ и баржи, на которых плавали под светом звезд. У них не было ни письменности, ни символизма, но их легенды сохранялись и передавались настолько точно, что великие вожди могли проследить свою родословную, поколение за поколением, до чего-то похожего на родство с детьми Иакова, и даже дальше, таким же образом, до Ноя, а оттуда до Адама. Чего же удивляться, что под властью своих древних королей Гавайские острова были родиной романтики, а южный ветер вздыхал в пещерах Коны?

А теперь, несясь на мягком дыхании тропиков, давайте перенесемся на остров Гавайи и через туманный мост исторических *мелей* вернемся во времена правления Кеалиоколоа, сына Уми и внука знаменитого Лилоа. Именно во время его короткого правления, продлившегося, возможно, с 1520 по 1530 год, гавайцы во второй раз увидели белое лицо. Испанский корабль из Молуккских островов был выброшен на рифы Кии в районе Кона и полностью разрушен. Но двое человек спаслись из кораблекрушения — капитан и его сестра. Простые островитяне сначала приняли их за богов, но поскольку их первым просьбой было пропитание, которое они с жадностью съели, а следующей — отдых, который казался им столь же необходимым, как и другим смертным, они вскоре были лишены своих небесных атрибутов и доставлены к королю, который принял их с благосклонностью и взял под свою защиту. Капитан, которого туземцы называли Куканалоя, женился на смуглой девушке из хорошей семьи, а его сестра стала женой вождя, в жилах которого текла королевская кровь.

После смерти Кеалиоколоа его младший брат Кеавенуи взял в свои руки скипетр, несмотря на права Кукайлани, своего племянника по материнской линии () и сына умершего короля, который был слишком молод, чтобы утвердить свою власть. Ему это удалось сделать благодаря внезапной смерти короля, возможно от яда, до того, как его преемник был официально назначен. Однако узурпации Кеавенуи противостояли ведущие вожди острова, которые отказались признать его власть и подняли против него оружие. Но он унаследовал некоторую часть воинского мастерства своего отца, Уми, и, встретив восставших вождей, прежде чем они успели должным образом организовать свои силы, уничтожил их поодиночке и после этого правил в мире. Иначе и быть не могло, ведь кости мятежных вождей Кохала, Хамакуа, Хило, Пуна, Кау и Кона были среди трофеев его дома, а Кукайлани, лишенный амбиций, был доволен бездельем и роскошью, которые хитрый дядя предоставил в его распоряжение.

Итак, пока Кеавенуи продолжал править Гавайями, Кукайлани, законный правитель, выросл при дворе своего дяди. В свое время принц женился, и среди его детей была Кайкилани, героиня этой маленькой истории. В пятнадцать лет она была самой прекрасной из девушек Гавайев. Ее лицо было прекраснее всех в Хило, куда Кеавенуи перенес свой двор, а это многое значит, ведь король славился своим галантным нравом, и самые красивые женщины королевства были среди его придворных. Если ее кожа была немного светлее, чем у других, то это было из-за кастильской крови, которая досталась ей от бабушки, сестры Куканалоа, а глаз ярче, чем ее, никогда не смотрели сквозь решетки Гвадалкивира.

Кайкилани стала женой старшего сына короля, Каналоа-куана, и, в качестве дальнейшего искупления за зло, которое он причинил ее отцу, на смертном одре Кеавенуи официально присвоил ей *титул* *моиша* Гавайев. Среди других сыновей, оставленных Кеавенуи после своей смерти, был Лоно. Его полное имя было Лоноикамакахики. Его матерью была Хаокалани, в жилах которой текла лучшая кровь Оаху.

С ранних лет Лоно проявлял замечательный ум, а когда он вырос, после смерти отца, в спортивных и военных упражнениях и других мужских достижениях ему не было равных на всей Гавайях. Он был настолько восхитителен для народа и настолько явно рожден, чтобы править, что его брат, муж и советник королевы, рекомендовал возвысить его до *моиша*, с равной властью и достоинством с Кайкилани.

То, что произошло дальше, могло случиться только на Гавайях. Был назначен день публичного испытания способностей Лоно перед собравшимися вождями королевства. Хотя ему было всего двадцать три года, его знания о войне, правительстве, неписаных законах острова и прерогативах *табу* оказались полными; и Каваамаукеле, почтенный первосвященник Хило, чьи белые волосы доходили до колен и который предсказал будущее Лоно, когда тот был еще мальчиком, свидетельствовал о его глубоком знании легендарных анналов народа и его усердии в поклонении богам.

Это было все, что касалось его умственных достижений. Чтобы проверить его физические способности, из всех частей королевства были вызваны вожди, наиболее известные своим мастерством, силой и выносливостью. Это был турнир, в котором один человек бросал перчатку каждому вождю Гавайев. Различные состязания продолжались десять дней подряд в присутствии тысяч людей, и между многочисленными испытаниями силы и мастерства были перемежаны пиры, музыка и танцы. Сцена была великолепна. Более ста выдающихся вождей в желтых плащах и шлемах явились, чтобы проверить доблесть Лоно в упражнениях, в которых они индивидуально превосходили его. Но могучий внук Уми победил их всех. Он обогнал самых быстрых, как на равнине, так и при доставке снежного шара с вершины Мауна-Кеа. На ровной поверхности он прыгнул на расстояние, равное длине двух длинных боевых копий, и в *ули-маита*, *холуа* и других

спортивных играх он не нашел себе равных. В соревновании на каноэ он опередил двенадцать соперников, а затем нырнул в море с *пахоа* в руке, убил и вытащил на поверхность тело большой акулы. Он поймал руками двадцать копий, брошенных в него в быстрой последовательности столькими же сильными руками, а в *моку-моку*, или соревнованиях по борьбе, он сломал конечности трем своим противникам.

Среди свидетелей этих соревнований была еще молодая и красивая Кайкилани. Правда, она часто встречала молодого героя и относилась к нему с такой же симпатией, как к брату своего мужа, но теперь, после его побед, он казался ей почти богом, с которым было бы честью разделить власть над королевством; и когда, под аплодисменты тысяч людей, она своими руками накинула королевский *мамо* на его плечи и при этом поцеловала его в щеку, ее муж понял, что она любит Лоно больше, чем когда-либо любила его. «Боги так решили», — сказал Каналоа с грустью, но без горечи, — «и так и будет!»

Он посоветовался с вождями и первосвященником, и в конце пира, устроенного в честь Лоно в тот же вечер, взял брата за руку и повел его в покои королевы. Когда они вошли, Кайкилани поднялась с мягкого дивана из *капы* и стала ждать, чтобы услышать цель их визита, потому что было уже почти полночь, и перед дверью горела только одна факел *из кукуи*. Сердце Каналоа забило в горле, но он наконец сказал с видимым спокойствием:

«Мой добрый Кайкилани, то, что я собираюсь сказать, вызывает у меня печаль и любовь к тебе. Из всех сыновей нашего отца Лоно, кажется, больше всех пользуется благосклонностью богов. Разве странно, что он пользуется и твоей благосклонностью? Поэтому боги, вожди и я считаем лучшим, чтобы ты приняла Лоно в качестве своего мужа и отныне делила с ним управление Гавайями. Ты согласна на это?»

Кайкилани была почти ошеломлена этим внезапным объявлением, но она поняла его полный смысл и, посмотрев на мгновение в лицо Лоно и не увидев в нем никакого возражения, нашла в себе мужество ответить:

«Раз это воля богов, то это и моя воля».

«Так будет объявлено глашатаями», — сказал Каналоа, склонившись, чтобы скрыть свою печаль, и оставив Лоно и королеву наедине.

Так Лоно, о котором предания рассказывают столько романтических историй, стал *моем* Гавайев и мужем самой привлекательной женщины своего времени, королевы Кайкилани.

II.

После вознесения Лоно на престол Гавайев наступили мир и процветание. Его слава как способного и мудрого правителя вскоре распространилась на другие острова архипелага, а его двор и он сам пользовались глубоким уважением подданных. Устав от бездействия и не желая втягивать королевство в иностранную войну, он наконец решил посетить с королевой некоторые из соседних островов, в частности Кауаи, который он видел однажды в детстве.

Оставив управление государством своему брату Каналоа, Лоно отправился в увлекательное путешествие с несколькими большими двойными каноэ и блестящей свитой. Он взял с собой *poloulous*, *kahilis* и другие государственные символы, а также *hokeo*, или большую тыкву,

содержащую кости шести мятежных вождей, убитых его королевским отцом в начале его правления.

Двойное каноэ, предоставленное Кайкилани и ее личным слугам, было оборудовано в соответствии с рангом его королевской обитательницы. Его длина составляла восемьдесят футов, а ширина двух каноэ вместе — семь футов. На полпути между носом и кормой оба каноэ покрывала сплошная палуба, закрытая до высоты шести футов, что обеспечивало королеве помещение шириной семь футов и длиной двадцать футов. Комната была обильно уставлена тканями и матами ярких цветов, а стены были украшены гирляндами из ракушек и *венками* из цветов и перьев. Перед входом стояли два *кахили*, а за экраном *из капы* находилось резное изображение *Ку*, окруженное множеством амулетов и священных реликвий. Каноэ были ярко раскрашены чередующимися черными и желтыми полосами, а над их украшенными носами возвышались резные и украшенные перьями фигуры двух гигантских птиц с человеческими головами. Экипаж состоял из сорока гребцов, а паруса из матов были готовы подняться при любом благоприятном ветре.

Двойное каноэ короля было меньше и менее богато украшено; и когда оно вышло из гавани Хило, неся королевский флаг и сопровождаемое роскошной баржей королевы и более скромными судами слуг и приспешников, берега были уставлены людьми, а сотни каноэ гребли за ними, чтобы пожелать им *счастливого пути* за рифом. Предзнаменования были неблагоприятными. Так сказал верховный жрец, и так шептались между собой люди. Но, подготовившись к путешествию, Лоно не поддавался на уговоры отказаться от него. Поэтому его отправление сопровождалось тревожными предчувствиями, и в течение многих дней после этого в храмах приносили за него жертвы и объявили строгий *табу* на три дня, в течение которых не выполнялась никакая работа и над всей землей, охваченной страшным указом, царила торжественная тишина. Свиной заперли, костры потушили, собак породы « » заткнули, птиц спрятали под тыквами, и только священники были видны и слышны, да и то редко. Таково было строгое *табу* для умиловивления богов в случае чрезвычайной ситуации или опасности, и нарушение его каралось смертной казнью.

Погода была хорошая, и королевская свита сначала остановилась в Лахайне. Лоно намеревался провести неделю или больше при дворе Камалалавалу, но *мои* в то время отсутствовал, и на следующий день эскадра покинула Мауи и направилась на Оаху. Благоприятный ветер понес свиту через пролив Пайлоло к западной оконечности Молокаи. Небо было ясным, и Лоно начал различать вершины гор восточного Оаху, когда один из его племянников бросил копье и ранил большую акулу, которая некоторое время медленно плавала вокруг носа каноэ. В мгновение ока оружие было отброшено с такой силой, что острое пробilo борт лодки. Кровь окрасила волны, но акула исчезла.

Прежде чем Лоно смог оправиться от удивления, с юга и запада поднялся сильный ветер, и флот был отнесен к северной стороне Молокаи, где ему наконец удалось пристать к берегу в Калаупапа. Две каноэ были разрушены во время шторма, а безрассудный молодой вождь, бросивший копье, был смыт в море и пожран стаей черных акул, прежде чем ему удалось оказать помощь. Высадившись со своей группой, Лоно узнал от священника о причине бедствия, которое его постигло. Это был бог *Моаалии*, который принял свою характерную форму акулы и вел флот к Оаху, но был ранен племянником Лоно.

Погода оставалась бурной в течение нескольких дней, и Лоно с его свитой стали гостями вождей Калаупапы. Это было не очень привлекательное место, и чтобы скоротать время, Лоно и Кайкилани развлекались игрой в *конане*, в которую играли на клетчатой доске и которая очень напоминала игру в шашки. Однажды, когда они были заняты этой игрой в тени пальмы у подножия крутого холма, Лоно услышал голос над ними. Он не обратил на него особого

внимания, пока не услышал имя Кайкилани. Он прислушался, не поднимая головы, и вскоре услышал, как голос повторил:

«Эй, Кайкилани! Твой возлюбленный, Хеакекоа, ждет тебя!»

Лоно поднял голову, но никого над ними не увидел. Он спросил, что означают эти слова, обращенные к жене *мои* Гавайев, но королева, по-видимому, сбивая с толку, не смогла или не захотела дать никакого объяснения. Разъяренный тем, что он поспешно сочёл доказательством её неверности, Лоно схватил доску *конане* и ударил её, и она упала на землю без сознания и истекая кровью. Не дожидаясь результата своего варварского удара, Лоно пошёл к пляжу, приказал спустить на воду свою лодку и сразу же отплыл на Оаху, не оставив никаких приказов остальной части флота.

Когда он оттолкнулся от берега, Кайкилани подошла к нему, протянула свои окровавленные руки и жалобно умоляла его остаться или взять её с собой, но он в гневе отмахнулся от неё и решительно вышел в море. Она смотрела на лодку своего импульсивного мужа, пока оно не стало точкой вдаль, а затем с отчаянным стоном без чувств упала на песок.

Кайкилани была нежно отнесена в свой дом слугами и девять дней боролась с лихорадкой, угрожавшей её жизни. Все это время она не пробовала ни рыбы, ни *пои*, но в бреду постоянно зывала к Лоно, заявляя, что никто не звал её со скал. На десятый день её разум прояснился, и она приняла пищу, а затем молодая женщина на четвереньках подползла к её *кана-мое* и, получив разрешение говорить, сказала:

«О королева, я невинно виновата в твоём несчастье, и мое сердце разрывается от боли за тебя. Я дочь вождя Киокане, и он послал меня к тебе. Хеакекоа любит меня, и это мое имя, Кайкилане, он звал со скал, а не твое. Лучше пусть смущение падет на меня, чем позор и горе на королеву Гавайев».

Кайкилани велела своим слугам запомнить слова девушки, чтобы в случае необходимости они могли повторить их Лоно, а затем отпустила её с подарками и обещанием поговорить о ней с её отцом, который был очень раздражен тем, что неосторожность его дочери принесла страдания их уважаемому гостю.

Как только она достаточно оправилась, Кайкилани, не зная, что стало с её мужем, с грустью вернулась на Гавайи в надежде найти его там и объяснить причину его гнева. Но весть о нападении Лоно на неё и его внезапном отъезде с Молокаи опередила её, вероятно, благодаря возвращению некоторых лодок флотилии, и когда она прибыла в Кохалу, она обнаружила, что королевство находится в состоянии восстания.

С явным намерением убить Лоно, если он вернется на Гавайи, Каналоа взял на себя регентство при поддержке главных вождей острова, родственников королевы и всех братьев Лоно, за исключением Пупуакеа, верного и воинственного сына Кеавенуи от скромной матери, имя которой не упоминается в королевских анналах, и который имел большие владения в округе Кау.

Но Кайкилани все еще любила своего горячего, но инстинктивно щедрого мужа и отказалась поддержать восстание, поднятое в её пользу. Поэтому она поспешно покинула Кохалу ночью и, плывя так, чтобы избежать внимания мятежников, внезапно появилась у побережья Кау и связалась с Пупуакеа, единственным известным вождем, который все еще оставался верным Лоно. Ему удалось собрать в поддержку своего дела весьма значительные силы (), но он знал, что они мало помогут ему против объединенных армий оппозиции, и после тщательного анализа ситуации

было решено, что Пупуакеа должен оставаться в обороне до возвращения Лоно, которого Кайкилани решила немедленно отправиться искать.

С этим пониманием Кайкилани, вдохновленная надеждой вернуть любовь мужа, после нескольких приготовлений отправилась в путь, но не прежде, чем принесла жертвы богам и умоляла их о помощи, а Пупуакеа принес ей из храма весть, что предзнаменования ее путешествия показывают линию темных облаков, заканчивающуюся солнечным светом. Но какое ей было дело до облаков, если наконец-то наступит солнечный свет присутствия Лоно? Но где был Лоно? Возможно, на дне моря; но, если он был жив, она решила найти его, даже если поиски приведут ее через всю группу островов к бесплодным скалам Каулы.

Обогнув мысы Кау и плывя почти на север, Кайкилани сначала остановилась в Лахайне, но после недели, проведенной там, она убедилась, что Лоно не находится на острове Мауи. *Мои* относился к ней с большим уважением и добротой и предложил помочь в поиске ее мужа на других островах, но она отказалась от его услуг и отправилась на Ланаи. Проведя тщательный поиск на этом острове и отправив отряд в ветренные пустоши Кахоолаве, королева направилась на Молокаи, чтобы убедиться, что Лоно не вернулся в Калаупапа, а затем отплыла на Оаху. Сначала она высадилась в Вайкики на этом острове, но, узнав, что король основал свой двор в Кайлуа, на следующий день отправилась туда и без труда достигла цели, поскольку капитаном ее экипажа был выдающийся старый мореплаватель Кукупеа, который во время правления Кеавенуи по спору совершил прямой переход на каноэ между гавайской бухтой Кеалакеакуа и островом Ниихау, не видя промежуточной суши.

III.

Покинув Кайкилани и войдя в бухту Кайлуа, следует кратко упомянуть о приключениях Лоно после его внезапного отъезда из Калаупапы. Полубезумный от произошедшего, чтобы отвлечься от своих жестоких поступков, он схватил весло и энергично греб час за часом, пока не был вынужден прекратить из-за изнеможения. Ветер был благоприятный, но, вдохновленные его примером, двадцать других гребцов по очереди по десять человек без перерыва гребли веслами, и через несколько часов королевская каноэ была вытащена на берег Кайлуа, на северо-западном побережье Оаху, где, как уже упоминалось, Какухихева, *мои острова*, временно установил свой двор.

Когда Лоно приблизился к берегу, его состояние привлекло внимание. Вождь и жрец, которые когда-то служили отцу Лоно, узнали парус и знаки отличия судна и сообщили королю, что, должно быть, кто-то, близко связанный с королевской семьей Гавайев, приехал к нему в гости. Это обеспечило Лоно радушный и королевский прием. Для него были отведено жилье, а ему и его спутникам предоставили обильную пищу. Хотя он тщательно скрывал свое имя и звание и в этом отношении наложил на своих спутников строжайшую тайну под страхом смертной казни, его внушительная внешность и личные принадлежности давали понять, что он был либо одним из сыновей Кеавенуи, либо вождем высшего ранга после трона.

Ссылаясь на усталость и вежливо прося оставить его в покое до следующего дня, Лоно в одиночестве и в тишине поужинал, присланным со стола короля, и рано лег спать. Но жара была удушающей, и мысли о Кайкилани мешали ему заснуть, и ближе к полуночи он спустился к своей каноэ на пляже, чтобы подышать прохладным морским бризом. Там же прибыла еще одна

двойная каноэ из Кауаи, на борту которой находилась высокопоставленная вождь, которая направлялась на Гавайи и зашла в Кайлуа за пресной водой.

Чтобы скоротать время, Лоно завязал разговор с прекрасной незнакомкой и так заинтересовал ее, что она дважды повторила ему новую *песню*, которая была только что сочинена в честь ее имени — Охайкавилиула — и которую знали только несколько высших вождей Кауаи. Части этой знаменитой песни до сих пор сохранились у старых гавайцев.

Меле отвлек его от мрачных мыслей, и когда он вернулся на свою постель, он наслаждался освежающим сном. На следующее утро, на рассвете, король, не беспокоя своего королевского гостя, отправился на берег моря для своей обычной купания, как раз когда вождь Кауаи готовилась к отплытию. Представившись ей, она прочитала ему *меле*, пока он не смог повторить новую *меле*, а затем отплыла на Гавайи. Поскольку она прибыла после полуночи, а *меле* была новой, король был рад мысли, что сможет удивить Лоно, прочитав ему эту песню; но его удивление было велико, а смущение полным, когда, встретив своего гостя после завтрака и подразнив его, чтобы он повторил последнюю кауайскую *меле*, Лоно прочитал полностью стихотворение, которое он так быстро и правильно запомнил накануне вечером. Этот случай, согласно преданию, свидетельствует о умственных способностях Лоно.

Несмотря на тайну, которая окружала его при дворе Оаху, Лоно вскоре стал там большим любимцем. Никто не мог бросить копье так далеко и так точно, и во всех играх и упражнениях на силу или ловкость он не находил себе равных. Он был щедрым и бесстрашным, и в своих развлечениях не заботился о своей жизни. Хотя женщины окружали его улыбками и лестью, они, казалось, не имели для него никакого очарования, и он вежливо, но твердо отказывался воспользоваться той особенностью раннего гавайского гостеприимства, согласно которой хозяин считался не вежливым, если не предоставлял своему гостю женское общество. Он предпочитал более суровые состязания мужчин и познакомил жителей Оаху с рядом новых игр, требующих ловкости и силы.

В то время как большинство вождей были щедрыми поклонниками достижений своего неизвестного гостя, некоторые из них завидовали его популярности, в том числе великий советник короля Ланахуимихаку, который однажды презрительно назвал его «безымянным вождем». На эту насмешку Лоно, возвышаясь над своим злословием с угрозой смерти на лице, ответил, что содрат с него кожу заживо, если когда-нибудь встретит его вне защиты своего короля; а затем он принес из своей каноэ большую тыкву с костями и, демонстрируя трофеи доблести своего отца, пропел имена убитых. Это убедило всех, что он действительно был сыном Кеавенуи, но каким именно, они не знали.

Но пребывание Лоно в Кайлуа подходило к концу, ибо однажды, когда он играл в *конане* с королем в ограде дворцового комплекса, каноэ Кайкилани вытаскивали на пляж внизу. Она увидела, к своей великой радости, каноэ своего мужа и узнала, где его можно найти. Отправившись в одиночку к королевскому дворцу, с трепещущим сердцем она подошла к ограде и через отверстие в стене разглядела крепкую фигуру Лоно. Отойдя в сторону, чтобы избежать его взгляда, она начала петь его *меле* иноа — песню о его имени. Он был удивлен, услышав свое имя в месте, где, как он полагал, оно было неизвестно. Он поднял голову и прислушался, и, когда слова *меле* донеслись до него, он узнал голос Кайкилани. Встав на ноги, он с достоинством обратился к королю:

«Мой королевский брат, маскировка больше не нужна и не уместна. Я — Лоноикамахаики, сын Кеавенуи и *Мои* из Гавайев, и боги послали мне Кайкилани, мою жену. Это ее голос мы сейчас слышим».

Затем, повернувшись и подойдя к стене, за которой стояла Кайкилани, Лоно начал петь ее имя, сопровождая его словами нежности и примирения; затем, перепрыгнув через преграду, он обнял свою верную жену, и прошлое было прощено и забыто.

Теперь, когда ранг его гостей стал известен, Какухихева стремился оказать им подобающее признание; но, узнав о восстании на Гавайях и опасности, грозящей Пупуакеа, Лоно немедленно отплыл в свое королевство. Достигнув и миновав Кохалу, где он узнал, что повстанцы набирают силу, он высадился в Кеалакеакуа и немедленно отправил гонца в Пупуакеа, в Кау, с информацией о своем прибытии в Пуну. Брат быстро откликнулся и, поведя свои войска по горной тропе, чтобы обойти прибрежные деревни, присоединился к Лоно в Пууанахулу. Тем временем имя Лоно привлекло к его знамени тысячи людей, и по прибытии Пупуакеа он смело атаковал и разгромил повстанцев в Вайлеа. Их преследовали и снова разгромили в Каунооа.

Когда к повстанцам из Кохалы прибыло подкрепление, были проведены две другие битвы, которые привели к их поражению. В этих сражениях были убиты два брата Лоно, а тело одного из них было принесено в жертву в *храме* Пуукохола.

Последние повстанцы были разгромлены в Пололу, и остров вернулся к верности Лоно и Кайкилани. Каналоа-куана, который инициировал восстание, также подчинился, был прощен и восстановлен в милости благодаря заступничеству королевы.

Легенды рассказывают о многих последующих романтических приключениях Лоно, но он и Кайкилани дожили до глубокой старости, и когда они умерли, их преемниками на троне Гавайев стали их прямые потомки.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИВИКАУИКАУА.

ПЕРСОНАЖИ.

КАЙКИЛАНИ, королева Гавайев.

МАКАКАУАЛИИ, брат Кайкалани.

ИВИКАУИКАУА, сын Макакауалии.

КАНАЛОА-КУАНА и
КАНАЛОА-КАКУЛЕХУ, } принцы Гавайев.

КЕАЛИОКАЛАНИ, дочь Кайкилани.

КЕАКЕАЛАНИКАНЕ, сын Каналоа-куана.

КЕАКАМАХАНА, дочь Кеалиокалани.

КАЙХИКАПУ, король южной части Оаху.

КАУАКАХИ, дочь Кайхикапу.

КАУХИАКАМА, *мои* Мауи.

КАПУКИНИ, королева Мауи и сестра Ивикауикауа.

МАХИА, вождь Кахакулоа, Мауи.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИВИКАУИКАУА.

ИСТОРИЯ О КОРОЛЕВСКОМ РЫЦАРЕ-РЫЦАРЕ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

I.

Одним из самых интересных персонажей, ярко выделяющихся среди туманных образов и смутно очерченных событий сохранившихся гавайских традиций XVI века, является Ивикауикауа. В его лице рыцарство того периода нашло выдающегося представителя и провозвестника, а его подвиги добавляют ярких красок к романтике и рыцарству, озаряющим жизнь и правление великого Лоно, и придают блеск именам и событиям, с которыми они связаны. Будучи королевского рода, но не имея ни поместий, ни подданных, кроме личной свиты, он искал счастья с копьем и боевым топором и в конце концов стал мужем королевы и одним из предков длинной линии королей.

Будучи племянником королевы Кайкилани, чье правление на Гавайях, включая правление ее мужа, Лоно, охватывало, как можно предположить, период между 1565 и 1595 годами НАШЕЙ ЭРЫ, — и был верным другом и сторонником правящей семьи, для правильного понимания ранга, положения и устремлений Ивикауикауа необходимо кратко упомянуть о странных политических событиях, которые окружали его юность и способствовали формированию его романтической карьеры.

Когда Кеалиоколоа, сын Уми, внезапно умер около 1535 ГОДА, после правления, возможно, не более десяти лет, он оставил в наследники своего молодого сына по имени Кукайлани. Его право на трон было неоспоримым, но, поскольку он не был официально назначен отцом своим преемником, Кеавенуи, младший брат умершего короля, взял в свои руки скипетр и отстоял свое право на него, встретив в сражении и убив шестерых главных вождей острова, которые восстали против узурпации.

Кукайлани, по-видимому, обладал лишь небольшой силой и духом и в течение своей жизни довольствовался тем, что ему предоставлял его дядя. Со временем он женился и стал отцом Кайкилани и Макакауалии. Первая стала женой Каналоа-куана, старшего сына Кеавенуи, а затем женой его брата Лоно, как рассказывается в легенде «*Лоно и Кайкилани*». Как будто желая искупить несправедливость, совершенную по отношению к своему племяннику Кукайлани, Кеавенуи на смертном одре назначил своим преемником Кайкилани, дочь свергнутого принца и жену Каналоа-куана, своего собственного сына. Почему Кеавенуи вернул скипетр семье своего брата через Кайкилани, а не через ее брата Макакауалии, легко объяснить тем, что Кайкилани была женой его старшего сына, благодаря чему обе семьи впоследствии могли бы разделить власть.

Макакауалии, чьи права на *престол* были таким образом проигнорированы или отвергнуты Кеавенуи, был отцом нашего героя, Ивикауикауа. Но, если в этом деле и было совершено несправедливость, ни отец, ни сын никогда открыто не выражали своего недовольства, и Ивикауикауа всегда оставался верным другом своей королевской тети, Кайкилани.

Положение Кукайлани после смерти его отца было таким, что его мог терпеливо выносить только человек, полностью лишенный амбиций. По обычаю ему полагались обширные владения и подданные, соответствующие его рангу, но его коварный дядя не считал разумным провоцировать его на восстание, предоставив ему даже полномочия вождя района. Для него было безопаснее оставаться при дворе, живя на щедрые подачки и под бдительным оком Кеавенуи. Он, без сомнения, был высокопоставленным чиновником королевского двора, сохраняя *табу* и *меле* своей семьи и пользуясь уважением, подобающим его положению, но ему не были выделены земли, и у него не было слуг, кроме личной прислуги.

Однако Кукайлани, казалось, был доволен своим положением и настолько равнодушен к правам своей семьи, что, по-видимому, никогда не требовал более достойного признания прав своих детей. Поэтому, как и их отец, Макакауалии и Кайкилани были вынуждены жить на щедрые подарки короля, пока последний не был избран преемником престола.

И это было также наследием Ивикауикауа, сына Макакауалии. Он был безземельным вождем королевской крови, и обстоятельства указывают на то, что он был еще совсем молодым, когда умерла Кеавенуи и Кайкилани взяла на себя правление. Он вырос во дворе своей королевской тети и был одним из многих, кто радовался, когда Лоно стал ее мужем и вместе с ней совместным правителем Гавайев.

Он был красив и импозантен, а его достижения соответствовали его положению. Благодаря Кайкилани *мойшин* был восстановлен в ветви королевской семьи Кеалиоколоа, но предыдущая узурпация лишила его поместий и приблизила к трону меньше, чем он заслуживал, и он страдал от своей тяжелой судьбы и решил вернуть ее — не путем восстания или посягательства на права других, а через смелые и законные усилия. Когда он был мальчиком, *каула* сказал ему, что он умрет либо королем, либо мужем королевы, и он никогда не забывал это предсказание. Более того, оно, похоже, овладело им и стало путеводной звездой его ранней жизни.

Ивикауикауа впервые появляется как яркая и значимая фигура гавайской традиции в разгар восстания Каналоа-куана и других вождей Гавайев против Лоно. Восстание было организовано во время отсутствия Лоно и Кайкилани, которые находились с дружественным визитом на других островах архипелага, и охватило почти всех видных вождей королевства. Они решили убить Лоно, если он вернется на остров, и заговор казался столь грозным, насколько это было возможно с учетом времени и решимости. За единственным исключением, все братья Лоно выступили против него, и его дело считалось почти безнадежным.

Восстание, по общему признанию, было вызвано сообщением о том, что Лоно в приступе ревности убил Кайкилани на острове Молокаи; но, должно быть, существовали и другие мотивы, поскольку возвращение Кайкилани с мужем на Гавайи не положило конец восстанию, а, напротив, подстегнуло заговорщиков в их решении любой ценой отнять у Лоно власть над островом.

Единственным братом Лоно, который отказался присоединиться к заговору, был Пупуакеа. Он был крепким и воинственным сыном Кеавенуи от матери, имя которой не упоминается в преданиях, и был наделен землями в округе Кау. Переехав в ранней молодости на свои поместья в этом округе, он редко посещал двор и не принимал участия в его ссорах. Поскольку его мать, несомненно, была из скромной семьи, он не считался равным по рангу другим сыновьям Кеавенуи и поэтому предпочитал жить там, где ему не напоминали о его неполноценности. Когда было организовано восстание против Лоно, Каналоа-куана пригласил его поддержать его, но ему не были обещаны земли, как другим выдающимся вождям, и он не был сочтен достаточно влиятельным, чтобы иметь право голоса в совете мятежников. Это пренебрежение Пупуакеа привело к поражению и гибели заговорщиков. Вождь, о котором они так мало думали, превратился в влиятельного и способного лидера в своем отдаленном доме, и именно вокруг него собралось ядро сил, которое в конце концов принесло победу Лоно.

Когда Кайкилани вернулась одна с Молокаи и обнаружила, что королевство находится на грани революции, она тайно проконсультировалась с Пупуакеа, как с единственным вождем, на которого можно было положиться; и когда она вернулась с Лоно, Пупуакеа возглавлял войско, достаточно большое, чтобы подавить мятежников Кау, но слишком малое, чтобы без поддержки выйти за пределы этого района.

Основная армия мятежников была сосредоточена в районе Кохала, который Лоно обошел стороной по возвращении с Оаху, высадившись в Кеалакеакуа, на побережье Коны. Было раннее утро, когда каноэ Лоно с небольшой группой сопровождающих причалили к берегу. Никто не выступил против него, но мятежники контролировали всю государственную машину, а также пять из шести округов острова, и для любого, кто был менее решительным и смелым, чем Лоно, перспективы были бы мрачными. У него было менее ста последователей, и, взяв из своего каноэ *хокео*, или тыкву, содержащую кости шести мятежных вождей округов, убитых его отцом, он поместил ее в святилище из матов на пляже, а рядом с ней поднял королевский штандарт и *кахили*. Сделав это, он призвал народ к оружию, отправил гонца в Пупуакеа и послал *лунапаев* к соседним вождям, приказав им немедленно выступить ему на помощь.

Но народ был робким. Восстание не пользовалось популярностью, но дело Лоно казалось безнадежным, и массы колебались. Однако колебания были недолгими. Поздно днем было замечено, что с севера к Лоноака-а-лоа () приближается отряд из пяти-шести сотен воинов. Лоно поспешно подготовился к наилучшей возможной обороне и к отступлению на свои каноэ, если ему не удастся удержать свои позиции. Угрожающая колонна приближалась все ближе и ближе. Наконец она остановилась в двухстах шагах от позиции Лоно, и из переднего ряда вышел высокий молодой вождь в пернатом плаще и шлеме. На конце его копья был прикреплен большой лист *ти* как знак мира. В сопровождении двух помощников, вооруженных таким же образом, он смело прошел мимо рядов Лоно и спросил о короле. Его провели к нему, и, увидев Кайкилани рядом с мужем, он уже собирался преклонить колени, когда Лоно шагнул вперед, взял его за руку и воскликнул:

«Добро пожаловать, Ивикауикауа, я знаю, что ты пришел как друг!»

«Да, я пришел как друг, — ответил вождь, — и привел с собой нескольких храбрых воинов, услуги которых я теперь предлагаю».

«Но разве ты не боишься быть другом Лоно в такое время?» — спросил король, с восхищением глядя на смелое лицо молодого вождя. «Кажется, весь остров восстал против меня».

Лоно знал, что преувеличивает опасность, но хотел узнать худшее.

«Нет, не весь остров», — быстро ответил вождь. «Пупуакеа скоро присоединится к нам с тремя тысячами копьев или даже больше, и скоро Лоно не будет хватать воинов».

«Ты прав», — ответил король с надеждой, — «в конце концов мы найдем достаточно копий и топоров, чтобы проложить путь к Кохале».

Кайкилани присоединилась к Лоно, поблагодарив своего племянника за своевременную помощь, а Ивикауикауа удалился, чтобы найти жилье для своих последователей и поднять других на защиту короля.

Появление молодого вождя с несколькими сотнями воинов было действительно самым своевременным. Оно вселило в людей уверенность в успехе Лоно, и они начали массово собираться, чтобы поддержать его; а соседние вожди, заметив, что ситуация складывается в его пользу, пришли ему на помощь со своими последователями, в результате чего за три дня его войско увеличилось до нескольких тысяч воинов всех родов войск.

Спешно организовав свою небольшую армию, Лоно смело продвигался к Кохале, пополняя свои ряды по ходу движения, и в Пууанахулу к нему присоединился Пупуакеа с почти тремя тысячами дополнительных копьев из Кау. Таким образом, получив возможность действовать в наступлении,

он атаковал и разгромил армию мятежников в Вайлеа, а затем снова в Пуако или в каком-то месте недалеко к северу от этого места.

После второго сражения повстанцы отступили на север и, получив подкрепление из Кохалы, снова выступили в Пуупе, где были вновь разгромлены, но в результате несчастного случая Ивикауикауа был взят в плен. Затем они отступили в Пуукохола, недалеко от которого в то время находился большой *храм*. Там Каналоа-какулеху, один из братьев Лоно, решил принести в жертву выдающегося пленника.

Ивикауикауа воспринял это сообщение стоически. Его провели к алтарю внутри *хеау*. Помощники были готовы вывести его за стены для казни, а жрецы ждали, чтобы принести жертву в надлежащей форме богу войны Каналоа-какулеху. Поднимаясь по ступеням алтаря, молодой вождь повернулся к первосвященнику и сказал:

«Я готов, но это не воля богов, чтобы я был принесен в жертву».

«Что ты знаешь о воле богов?» — строго ответил священник.

«А что знаете вы, — ответил вождь, — раз вы не спрашивали?»

Такие вопросы не были обычным явлением у алтаря, и священник на мгновение растерялся. Наконец он сказал:

«Ты говоришь, что это не воля богов. Докажи это, и твоя жизнь будет пощажена; но если ты не сможешь, твой правый глаз увидит левый в моей руке, и ты будешь убит с пытками».

«Да будет так!» — воскликнул вождь и, подняв лицо вверх, произнес вслух молитву *Ку, Ули и Каме*. Пока он произносил торжественную молитву, не появилось ни одного неблагоприятного предзнаменования. Ветер утих, и птицы на соседних деревьях замолчали. Закончив молитву, он скрестил руки и спустился с алтаря. Невидимая рука перерезала веревки, связывавшие его конечности, и он подошел к первосвященнику и поклонился ему. Это проявление воли богов не могло быть ошибочным, и Ивикауикауа был проведен в хижину внутри *хеау*, где ему посоветовали оставаться, пока он не сможет безопасно покинуть это место. В стенах храма никто не мог причинить ему вреда. Там он находился под защитой верховного жреца и был недосягаем для высшей светской власти.

Но Ивикауикауа не нуждался в защите *хеау* долго. На следующее утро, с первыми лучами солнца, Лоно атаковал мятежников в Пуукохоле и после упорного сражения разгромил их, взяв в плен своего брата Каналоа-какулеху, которого он немедленно приказал принести в жертву в *хеау*. Когда его привели к алтарю для этой цели, его последние минуты были омрачены прощанием, которое Ивикауикауа устроил ему, притворяясь скорбящим, когда он покидал ограду, чтобы присоединиться к победоносной армии. Хотя Лоно приказал принести в жертву своего брата в отместку за предполагаемую смерть Ивикауикауа, он не отменил приказ, как мог бы сделать вовремя, когда обнаружил, что последний чудесным образом спасся.

Было сражено еще несколько сражений, во всех которых Ивикауикауа принимал активное участие, и остров вернулся к верности Лоно и Кайкилани. За свои услуги Папуакеа был вознагражден дополнительными землями умерших повстанческих вождей, которые он решил принять, а Ивикауикауа предложили владения в Коне или Хамакуа, либо военную должность в королевском дворе. Но в конце концов он решил не принимать ни того, ни другого. Они не давали ему возможности для такого продвижения по службе (), которое обещали боги и которое теперь, после их проявления в его пользу в Пуукохоле, казалось ему почти гарантированным.

Он положил глаз на свою красивую кузину Кеалиокалани, дочь Кайкилани. Она стояла близко к трону и проявляла явное предпочтение к этому блестящему молодому вождю. По двору ходили слухи, что принцесса любила Ивикауикауа и была бы более чем счастлива стать его женой. Но королевские браки во все времена и во всех странах были скорее результатом государственных соображений, чем проявлением сердечных чувств, и так было и в этом случае. Никто, кроме него самого, не знал, что именно прекрасное лицо принцессы побудило его поддержать дело Лоно, когда оно казалось почти безнадежным, и его заслуги, безусловно, давали ему право на любую награду; но Кеакеаланикане, сын Кайкилани от ее первого мужа, Каналоа-куана, был назначен преемником *моиша*, а Кеалиокалани была выбрана его женой. Такие браки между близкими родственниками не были редкостью среди главных семей древней Гавайи, и их детям присваивался самый высокий ранг.

Такое решение о преемственности оставило Ивикауикауа мало надежды на Гавайях, и он решил искать счастья среди других островов архипелага. Ему предлагали заманчивые условия, чтобы он остался, но он отклонил все предложения. Только принцессе он шепнул, что ее помолвка с Кеакеаланикане сделала его отъезд целесообразным, и она опечалилась, что обстоятельства предопределили их разлуку. Несомненно, сначала его привлекла к своей прекрасной кузине амбиция, но она была кроткой и любящей, и в конце концов он проникся к ней искренней и романтической привязанностью, которую она, по-видимому, полностью разделяла.

II.

В большом двойном каноэ, окрашенном в красный цвет, с флагом *аха-алии* на мачте, Ивикауикауа с двадцатью или более слугами отплыл из Кохалы в поисках приключений. Проплыв мимо Мауи, он провел некоторое время на небольшом острове Ланаи, где его по-княжески принимали ведущие вожди. Оттуда он отправился на Молокаи, где пробыл неделю или больше в окрестностях Калаупапа, а затем отплыл на Оаху.

Он высадился в Вайкики на этом острове и был хорошо принят Кайхикапу, одним из трех главных вождей Оаху. Его отцом был известный Какухихева, который принимал Лоно во время его добровольного изгнания и который перед смертью, произошедшей незадолго до этого, разделил остров между своими тремя старшими сыновьями, оставив титул *мои* Канекапу. Между братьями царила гармония, и все они следовали примеру своего отца, поддерживая привлекательные небольшие дворы и внушительные поместья. *Мои* сохранил за собой королевский дворец в Кайлуа, который имел длину двести сорок футов и ширину девяносто футов и был украшен со всем вкусом и мастерством того времени.

Кайхикапу имел княжеский дворец в Эва, но его двор находился в Вайкики во время прибытия Ивикауикауа. Молодой вождь, чей ранг был сразу же признан, получил жилье для себя и своих слуг рядом с двором и вскоре стал любимцем знати. Его участие в сражениях при Лоно, а также чудесное спасение в храме Пуукохола стали предметом разговоров при дворе, и его стали считать героем.

Наслаждаясь жизнью при дворе Оаху, Ивикауикауа провел на острове несколько лет и в конце концов стал мужем Кауахахи, дочери Кайхикапу. Это был не брак по любви, по крайней мере, с точки зрения Ивикауикауа, поскольку после свадьбы он несколько лет прожил в разгульной жизни, бродя от района к району и не задумываясь о будущем. В конце концов он начал жаждать

более активной жизни и собирался искать ее на каком-нибудь другом острове, когда известная война Кавелоса из Кауаи дала ему возможность применить свое копье.

Кавело был изгнан с Кауаи своим двоюродным братом и, найдя убежище на Оаху, получил от Кайхикапу земли в горах Вайанаэ. Вместо того чтобы поселиться там в мире, он начал строить каноэ и готовиться к возвращению на Кауаи с силами, достаточными для того, чтобы удержаться на этом острове. Кайхикапу в конце концов был убежден помочь ему, и настолько существенно, что он вторгся на Кауаи, сверг и убил своего двоюродного брата и занял *его место*. Ивикауикауа принял участие в экспедиции, но был отвращен ревностью вождей Кауаи и вернулся на Оаху по окончании войны, не пытаясь воспользоваться возможностями, предоставленными ему восстанием.

Его брак с Кауакахи не сулил ему никакого продвижения по службе. Его волосы начали седеть, и будущее не давало ему никаких признаков исполнения пророчества его юности. Он консультировался с *каулами*, но они не дали ему удовлетворительного ответа. Однако один из них сказал ему, что его удача лежит на ветреной стороне, и он снарядил двойную каноэ и с компетентной командой и несколькими слугами отплыл в том направлении, не прощаясь ни с кем. Он остановился на несколько дней на Молокаи, и *каула* там посоветовал ему отправиться на Мауи. Соответственно, он отплыл на этот остров, где жили две его сестры, которых он не видел много лет. Одна из них, Капукини, была женой Каухиакамы, *моей* Мауи, а другая, Пуепокии, — женой Кааоао, видного вождя Каупо.

Он высадился в Лахайне и представился Капукини. Они тепло поприветствовали друг друга и много рассказывали о своей прошлой жизни. Она была единственной женой Каухиакамы, и он был потрясен, узнав, что старый *мой* два дня назад выступил с вражеской армией на Оаху. Цель вторжения была неясна, но Ивикауикауа был уверен, что оно закончится катастрофой, и с нетерпением ждал результата. Единственный сын Капукини достиг зрелого возраста, и Ивикауикауа посоветовал своей сестре *Капукини* () подготовиться к его вступлению на *престол*, выразив мнение, что Каухиакама никогда не вернется. Его предположения оказались верными. Через десять дней лишь небольшая часть войска, с которым *мой* отправился на Оаху, вернулась, принеся известие о поражении и смерти Каухиакамы.

Мой высадился в Вайкики, где его встретили и разгромили объединенные вожди Оаху. Он был убит во время сражения, и его тело было отправлено в *храм* Апуакехау, где с ним обошлись с необычайным унижением — настолько необычным, что Кахекили, *мой* Мауи, много поколений спустя вспомнил об этом поступке и отомстил тем же образом вождям, захваченным им во время завоевания Оаху.

Каухиакама всегда был опрометчивым и мечтательным лидером, и его трагическая гибель не удивила Ивикауикауа. Именно по его донесению его воинственный отец Камалалавалу вторгся на Гавайи и потерпел поражение и гибель от рук Лоно, и с такой же бездумностью он бросил небольшой отряд захватчиков в самый густонаселенный район Оаху и привел его к гибели.

Но какими бы ни были слабости Каухиакамы, отсутствие мужества определенно не было одной из них, и известие о его смерти, а также о бесчестье, нанесенном его останками, вызвало бурное возбуждение среди вождей Мауи. Его сын был без сопротивления провозглашен *моем*, и по всему острову раздались призывы к мести. Каждый район предложил большое количество воинов, и молодого *моей* умоляли освятить начало своего правления лучшей кровью Оаху.

Но Ивикауикауа посоветовал возбужденным вождям действовать с осторожностью. Никто больше него не хотел отомстить за смерть Каухиакамы, который был мужем его сестры; «но, — сказал он

им, — вожди Оаху объединились, и война с одним из них означает конфликт со всем островом. Их копья такие же длинные и многочисленные, как и наши, а их ножи такие же острые; поэтому вождям Мауи не следует торопиться».

Многие вожди согласились с Ивикауикауа, что вторжение на Оаху в отместку за смерть их *мои* нецелесообразно, и новопомазанный король был того же мнения; но другие, особенно те, кто потерял друзей или родственников в последней экспедиции, требовали войны, и немало из них намекали, что совет Ивикауикауа был продиктован либо дружбой с оахуанцами, либо личной трусостью.

Эти инсинуации дошли до ушей Ивикауикауа, и он отразил их смело и эффективно. Триста вождей высшего ранга собрались, чтобы принять участие в церемонии коронации нового *мои*, и те из них, кто имел право голоса в национальных советах, собрались, чтобы обсудить проект войны и другие вопросы, которые им могли быть предложены для рассмотрения. Как близкий родственник королевской семьи, Ивикауикауа был приглашен принять участие в обсуждениях, но он скромно воздерживался от высказывания своего мнения и до сих пор говорил только тогда, когда к нему обращались напрямую. Несколько насмешливых замечаний прозвучали в его присутствии, и, наконец, вождь из Вайлуку, бросив на него оскорбительный взгляд, заявил, что вожди Мауи «не боятся использовать свои копья».

Ивикауикауа не мог больше молча терпеть эти насмешки. С мрачным выражением на своем красивом лице он встал и импульсивно ответил:

«Я тоже не боюсь использовать свое, чтобы защитить *моих людей* с Мауи или бросить вызов любому вождю здесь, который осмеливается усомниться в моей храбрости! Я презираю защищаться словами! Без этих стен, с копьем и боевым топором, я готов ответить всем и каждому!»

Несколько вождей вскочили на ноги, как будто принимая смелый вызов, и на некоторое время воцарилась суматоха; но порядок был восстановлен, когда Махиа, почтенный вождь Кахакулоа, поднялся и, приказав замолчать, сказал:

«Вожди Мауи, послушайте мои слова и успокойтесь. Мы пригласили Ивикауикауа, чтобы он дал нам совет, и, оскорбляя его, мы унижаем самих себя. Он высокопоставлен и отличается мужеством. Он был другом великого Лоно из Гавайев и лидером в его сражениях. Он брат Капукини, и мы должны уважать его. Некоторые из вас сказали слова, которые, кажется, преуменьшают его доблесть, и он ответил так, как ответил бы я, если бы жалоба была адресована мне, пригласив вас проверить мужество, в котором вы сомневаетесь, с помощью копья и боевого топора. Никакого другого ответа не мог дать храбрый человек, и мы должны уважать благородство, которое побудило его к этому. Мы должны сказать Ивикауикауа, чье тело покрыто шрамами от многих сражений: «Мы поспешно высказались; давайте теперь будем друзьями!»

Эти красноречивые слова старого воина произвели волшебный эффект. Те, кто обидел его, немедленно взяли свои слова обратно, и со всех сторон совета на Ивикауикауа посыпались взгляды и выражения вежливости и доброты. Многие из старших вождей знали его по слухам, и когда они рассказали молодым о его рыцарских подвигах в войнах на Гавайях, он был переполнен проявлениями уважения и добрых чувств.

Требование вторжения на Оаху с большой силой постепенно ослабевало по мере обсуждения и лучшего понимания опасности и неопределенности этого проекта, и было полностью отвергнуто с внезапным появлением флотилии вражеских каноэ у побережья Хонуаула. Это была сильная

грабительская экспедиция с Гавайев. Несколько деревень на южном побережье были разграблены, и теперь угроза нависла над Вайлүку.

Лоно, воинственный король Гавайев, был мертв уже несколько лет, и при правлении Кеакеаланикане несколько наиболее влиятельных вождей округа заняли позицию относительной независимости. Наиболее известными из них были семья И из Хило и вожди Махи из Кохалы. Каждый из них мог собрать несколько тысяч воинов, и время от времени они предпринимали грабительские или ответные экспедиции на другие острова без ведома или одобрения суверенной власти.

Флот, обнаруженный у побережья Хонуаула и о котором бегуны доложили *мою*, был из Кохалы и находился под командованием одного из вождей Махи. Поскольку молодой *мои* не был привычен к войне, Ивикауикауа предложил свои услуги и с пятьюдесятью вождями и двумя тысячами воинов пересек горы и изгнал грабителей с побережья. Поскольку предполагалось, что могут последовать другие экспедиции аналогичного или более агрессивного характера, вожди на некоторое время занялись ремонтом каноэ, установкой сигналов и укреплением обороны своих прибрежных поселений.

[illegible]

Когда Ивикауикауа прибыл в Хило, было уже за полночь второго дня после его отъезда из Лахайны. Он высадился тихо, никому о себе не сообщая. Он обнаружил, что город все еще скорбит о покойной *мои*, и узнал, что Кеакамахана, старшая из двух дочерей и единственных детей Кеалиокалани, была официально провозглашена *мои*, или королевой, накануне, а королевская мать стала главным советником или премьер-министром.

Рано утром следующего дня Ивикауикауа, одетый в перьевой плащ и другие знаки ранга и в сопровождении нескольких слуг, направился к королевскому дворцу. Будучи вождем неоспоримого ранга, он был допущен в *пахале*, но, когда он попросил аудиенции у королевы или ее главного советника, ему ответили, что первая все еще находится в трауре и не может быть принята, а второй слишком болен, чтобы принимать посетителей; но ему предложили передать любое сообщение, которое он пожелает, любой из них.

«Тогда передайте Кеалиокалани, что ее двоюродный брат Ивикауикауа стоит у ее дверей», — сказал вождь.

При упоминании его имени присутствующий *каху*, почтенный вождь, на мгновение с удивлением посмотрел на посетителя. Он сражался рядом с ним в войнах Лоно и узнал в его лице того молодого вождя, которого поколение назад боги спасли от жертвоприношения в Пуукохола.

«Ивикауикауа, действительно!» — воскликнул *каху* с волнением. «Я хорошо вас знаю. Много лет назад наши копыта вместе пили кровь, от берегов Коны до высоких земель Пололу!»

Ивикауикауа был рад, что его узнали, и, обменявшись несколькими любезными словами со старым *каху*, тот передал его краткое сообщение Кеалиокалани. В тот момент она находилась в своих апартаментах, полулежа на мягком диване из *капы*, в окружении группы молчаливых слуг с грустными глазами. Рядом с ней сидела Кеакамахана, прекрасная молодая *мои*, которая делала все, что могла, чтобы утешить и укрепить свою страдающую мать. Были произнесены молитвы, принесены жертвы богам, а известные *кахуны* прибегли к самым сильным травам, заклинаниям и чарам, известным им, чтобы помочь королевской страдальце. Но ничто не могло остановить страшную болезнь, которая пожирала жизнь Ивикауикауа (), и всякая надежда на ее выздоровление была потеряна. Священники объявили, что раковая опухоль — дело рук злого духа, которого не могут изгнать ни молитвы, ни жертвоприношения.

Кажу с некоторым колебанием передал сообщение Ивикауикауа, поскольку состояние пациентки ухудшилось после смерти ее мужа. Но когда она услышала имя посетителя и узнала, что он ждет снаружи, ее глаза приобрели блеск, напоминающий ее девичью юность, и она приказала немедленно впустить его.

Когда Ивикауикауа вошел, его молча провели к кушетке Кеалиокалани. На мгновение он посмотрел на ее бледное лицо; на мгновение она взглянула на седые волосы, которые принесли ему годы с тех пор, как он прощался с ней в Кохале. Он опустился на колени рядом с кушеткой. Он взял ее руку и прижал ее к своему сердцу, и последовавшая тишина лучше всего отражала мысли обоих.

Встав и с неудобством узнав, что молодая женщина, на которую он едва обратил внимание, была Кеакамахана, дочь Кеалиокалани и королева Гавайев, Ивикауикауа уважительно преклонил колени перед ней и галантно поцеловал руку, которой она приветствовала его. Мать дала слуге тихий приказ, и через мгновение она осталась наедине с королевой и Ивикауикауа. Оглядевшись и не увидев никого поблизости, она помахала им рукой, приглашая подойти ближе, и прерывистыми фразами сказала:

«Черная *капа* скоро покроет меня. Послушай, Ивикауикауа! Еще в юности мы мечтали стать мужем и женой. Никто из нас не был виноват в том, что эта надежда не сбылась. Я не была виновата в том, что ты уехал с Гавайев. Ты не был виновен в том, что я скорбела, когда ты уехал в другие страны. Но ты наконец вернулся. Боги направили тебя обратно на Гавайи. Они дадут мне в смерти то, что отказали мне в молодости. В Кеакамахана я буду твоей женой!»

Она сделала паузу, а слушатели молча склонились над ней, а затем продолжила:

«Возьми его в мужа, Кеакамахана. Он — подарок твоей матери. Он храбрый и благородный, и тебе понадобится его совет, когда меня не станет».

Пораженный этими словами любви, вождь преклонил колени рядом с ложем (), а глаза Кеакамаханы наполнились слезами.

«Ты обещаешь?» — спросила мать.

«Обещаю», — ответила королева, протягивая руку преклонившемуся вождю.

«Обещаю», — повторил Ивикауикауа, сжимая и целуя протянутую руку.

«Я довольна», — ответила страдающая, и улыбка счастья осветила ее лицо.

Слуги были вызваны обратно, гадая, что произошло, и Ивикауикауа, почти ошеломленный, удалился.

Традиция ясно описывает краткую оставшуюся часть карьеры этого выдающегося вождя. Кеалиокалани умерла через несколько дней после странной помолвки, о которой только что было сказано, и Ивикауикауа стал мужем королевы Кеакахана, таким образом романтически осуществив стремление и пророчество своей юности.

Их дочь, Кеакеалани, унаследовала от матери титул королевы Гавайев, и одним из ее мужей был сын Ивикауикауа от жены, которую он оставил на Оаху.

С этим авантюрным и непредсказуемым вождем, как утверждается, возник обычай зажигать факелы *кукуи* при дневном свете во время государственных торжеств, особенно в связи с похоронами лиц королевского рода; и именно в нынешнем поколении исключительное право на проведение этой церемонии оспаривалось двумя королевскими семьями, претендующими на эту привилегию по праву происхождения от Ивикауикауа. Некоторые обычаи, такие как песнопения и *меле*, являются предметом наследования и остаются исключительно в семьях, в которых они возникли.

ПРОРОЧЕСТВА КЕАУЛУМОКУ.

ПЕРСОНАЖИ.

КАХЕКИЛИ, *мои* Мауи.

КАЛАНИОПУУ, король Гавайев.

НАМАХАНА, вдова Камехамехануи.

КИАУМОКУ, королевский вождь Гавайев.

КАХАНАНА, воин Вайхи.

МАХИХЕЛЕЛИМА, губернатор Ханы, Мауи.

КААХУМАНУ, дочь Киаумоку.

КАМЕЕАМОКУ и
 }
КАМАНАВА, } братья Киаумоку.

КИВАЛАО, сын Каланиопуу.

КЕАУЛУМОКУ, поэт-пророк Гавайев.

КАМЕХАМЕХА I, завоеватель группы.

КЕОУА, сводный брат Кивалао.

КЕАВЕМАУХИЛИ, королевский вождь Гавайев.

ПРОРОЧЕСТВА КЕАУЛУМОКУ.

КАРЬЕРА КЕАУЛУМОКУ, УБИЙЦЫ ПРИНЦА И СОЗДАТЕЛЯ ЦАРЕЙ.

I.

Дни только начали удлиняться после летнего солнцестояния 1765 года, когда на королевский двор острова Мауи обрушилось великое горе. Король Камехамехануи внезапно скончался в Вайлуку, который был его любимым местом жительства, и его брат и преемник Кахекили перенес свой двор в Лахайну. Кости покойного короля были тщательно спрятаны, были устроены традиционные траурные церемонии, и было произведено много новых раздач земель в соответствии с завещанием покойного *мои* и волей его преемника.

Камехамехануи был дружелюбным правителем, но его правление не было столь успешным, как правление его отца, Кекаулике. Его право на скипетр оспаривал его брат Каухия, и он смог удержать его только благодаря усилиям Алапаинуи, короля Гавайев. Впоследствии Каланиопуу, преемник Алапаинуи, отнял у него район Хана и знаменитую крепость Каувики и сохранил владение ими на момент смерти Камехамехануи. Земли этого района, возможно, могли бы быть отвоеваны, но крепость, контролировавшая их, была практически неприступна, и Хана осталась зависимой от Гавайев.

Политической женой Камехамехануи была его сводная сестра Намахана, от которой у него было двое детей; но поскольку оба они умерли в младенчестве, его брат Кахекили по общему согласию унаследовал его *титул мои* острова. После смерти своего брата Кахекили сразу перенес свой двор в Лахайну, где завершился обычный период траура.

Именно в то время, когда члены королевской семьи все еще скорбели в Лахайне, внезапно прибыл выдающийся незнакомец с несколькими личными слугами и представил себя при дворе под именем Кахекили (). Его двойное каноэ было украшено знаменем *алии*, а его одежда и манеры свидетельствовали о том, что он принадлежал к высшей аристократии. Ему было, пожалуй, около тридцати лет, хотя он выглядел несколько старше. Он был ростом более шести футов и хорошо сложен. У него было красивое лицо, а волосы и борода были коротко подстрижены. Он был одет в *маро* и короткий плащ из перьев, а вокруг головы у него была обвязана одна складка желтой *капы*. На шее у него висел *палаоа*, или резной зуб кита, на веревочке из волос, а на левом запястье — браслет из причудливых ракушек. Он был смелым, вежливым, в лучшем настроении — приятным и очаровательным, и был великолепным представителем грубого рыцарства своего времени.

Когда он вышел на берег и направился к королевскому дворцу, ему уважительно уступили дорогу, как незнакомцу с выдающейся внешностью, и его имя сразу же обеспечил ему доступ к Кахекили, который приветствовал его в Лахайне и выделил ему просторные апартаменты для себя и жилье для его слуг.

Кем был этот незнакомец? Он не был обычным вождем, который осмелился бы явиться ко двору *мои* Мауи и ожидать королевского приема. Два поколения до Лоноикахаупу, который мирно унаследовал власть над западной частью острова Кауаи, в то время как известный Куалии из Оаху сохранил власть над остальной частью, совершил королевский государственный визит на наветренные острова архипелага. Он был потомком лучших родов архипелага, а его снаряжение и свита были великолепны и внушительны. Он отправился в путь на нескольких больших двойных каноэ, королевская *каулуа* длиной более восьмидесяти футов, и его сопровождала группа опытных

музыкантов и танцоров (). Он также взял с собой своего главного навигатора, жреца и астролога, а также группу личных слуг, соответствующих его рангу.

Поочередно он посетил Оаху, Мауи и Молокаи, где его принимали с особыми почестями, а затем отплыл на Гавайи, королем которых в то время был Кеаве. Прибыв в Хило, он обнаружил, что королевский двор был временно перенесен в Кау, и отправился туда, чтобы выразить свое уважение Кеаве и его красивой, но взбалмошной жене и сводной сестре Калани-каулелеиави. Королевская чета приняла его с должным уважением и устроила для него несколько недель празднеств, организованных Кауай () для его развлечения. В результате королева влюбилась в красивого короля Кауаи, который был сразу же признан одним из ее мужей.

От этого союза родился сын, которого называли Кеавепоепоэ, когда отец вернулся на Кауаи и остался там. Этот сын вырос и, женившись на Кумайку из королевской династии Мауи, стал отцом трех выдающихся вождей, которые вместе с Кеаве-а-Хеулу были ведущими военачальниками Камехакехи в завоевании архипелага в конце XVIII века. Одним из сыновей Кеавепоепоэ был Киаумоку, Уорвик своего времени, убийца и создатель королей.

Первая попытка Киаумоку стать создателем королей произошла в 1754 году. После смерти в том же году его дяди Алапаинуи и вступления на гавайский трон его двоюродного брата Кеавеопала, он остался недоволен своим земельным наделом и поднял знамя восстания в Кекахе. Потерпев поражение, он бежал на каноэ в Кау, где Каланиопуу в течение нескольких лет сохранял независимость от Алапаинуи. Объединив свои силы, они двинулись на север, победили и убили Кеавеопалу в Конге, а Каланиопуу, который был внуком Кеаве и имел законные права на престол, был провозглашен моим Гавайем.

Вероятно, Каланиопуу щедро вознаграждал Киаумоку за его услуги, но в молодости тот был буйным и вспыльчивым, и в 1765 году он нашел повод, чтобы бросить вызов королю и укрепиться в северной части Кохалы. Каланиопуу незамедлительно возглавил достаточное количество войск, взял форт штурмом и одним ударом подавил восстание. Но Киаумоку в одиночку сбежал через *пали*, добрался до пляжа, добыл каноэ и выплыл в море. Наступила ночь, небо затянуло облаками, он сбился с пути и едва не погиб от жажды и голода, но в конце концов достиг Ланаи, где нашел друзей, и вскоре отплыл на Мауи в хорошо оборудованном двойном каноэ с солидной свитой слуг. Он высадился в Лахайне, и читателю не нужно говорить, что тот выдающийся незнакомец, который так неожиданно появился при дворе Кахекили, как уже упоминалось, был Киаумоку.

Захват района Хана королем Гавайев был источником раздражения для Кахекили, и он приветствовал Киаумоку, не столько как врага Каланиопуу, сколько как вождя, который мог бы пригодиться ему в войне, которую он тогда замыслил для восстановления захваченной территории.

Но Киаумоку не хотел довольствоваться милостью Кахекили. В его жилах текла кровь королей, и его гордость восставала против жизни в зависимости, какой бы привлекательной она ни была для него. Но у него не было ни земель, ни доходов, поскольку его восстание против Каланиопуу лишило его и того, и другого, несмотря на его неотъемлемые права на землю в Южной Конге, и он начал искать способы вновь поднять себя до достоинства вождя-землевладельца.

Вскоре его взгляд упал на прекрасную Намахану, вдову Камехакехануи. Ей принадлежали прекрасные и плодородные земли Вайхи. Но она была наследницей Кахекили, который намеревался взять ее в жены по окончании периода траура. Об этом, должно быть, знал Киаумоку, который был хорошо знаком с королевскими обычаями своего времени; тем не менее, он так

ухаживал за скорбящей вдовой и так сладко смешивал свои признания в любви с ее вздохами горя, что она стала его женой, не посоветовавшись с *моем*.

Кахекили, естественно, был в ярости от этого союза и собирался выразить свое недовольство способом, опасным для Киаумоку, когда Намахана уехала со своим новым мужем в свои владения в Вайхи. Первым порывом Кахекили было последовать за ними и убить обоих, но поскольку Намахана была популярна среди знати, а Кахекили не был у власти достаточно долго, чтобы быть полностью уверенным в верности вождей, он благоразумно решил отложить наказание провинившейся пары на будущее.

Поселившись в Вайхи, Киаумоку расширил и украсил свои владения и здания, а также учредил небольшой двор с княжеским этикетом и назначениями. Он любил парадность и вскоре привлек в Вайхи многих из наиболее образованных молодых вождей острова. Мать и два брата Намахань присоединились к его дому, а ряд вождей Молокаи, лишенных своих земель королем Оаху, стали его вассалами. Он тщательно обучил группы музыкантов и танцоров, и его развлечения были частыми и щедрыми.

В разгар этой полукоролевской веселой и роскошной жизни Кахекили тихо пересек горы и временно основал свой двор « » в Вайлуку, всего в нескольких милях от Вайхи. Он слышал о королевском стиле жизни Киаумоку и хотел лично убедиться, был ли он продиктован невинной любовью к пышности или более амбициозными замыслами. Поскольку Киаумоку восстал против двух гавайских правителей подряд и смело похитил вдову короля прямо из дома ее королевского наследника и защитника, Кахекили имел основания относиться к нему с подозрением, и неделя пребывания в Вайлуку, в течение которой между ними происходил сдержанный обмен любезностями, убедила его, что Киаумоку был опасным подданным. Но как с ним поступить? Он не совершил никакого акта измены, и нападение на него не было бы поддержано вождями.

В этой дилемме Кахекили прибег к стратегии. Он убедил Каханану, решительного воина и подчиненного землевладельца Вайхи, втянуть Киаумоку в конфликт с его собственным народом. С этой целью Каханана пожаловался — вероятно, без оснований — на то, что слуги Киаумоку часто игнорировали его при распределении рыбы после удачных уловов, и выразил свое недовольство с такой искренностью, что многие из его друзей были готовы поддержать его в споре. Сделав это, он вооружился для битвы и на следующую ночь убил трех рабочих Киаумоку. Когда на него напали в ответ, его сразу же поддержала группа воинов, тайно отправленных для этой цели Кахекили, и началась общая битва, которая продолжалась с перерывами три или четыре дня. В конце концов, однако, Киаумоку и его группа были побеждены и вынуждены спасаться бегством.

Киаумоку и Намахана с ее матерью и двумя братьями, а также значительным количеством вождей и слуг бежали через горы Эка и отплыли на Молокаи. Но Кахекили не был доволен побегом Киаумоку с Мауи. Он решил уничтожить его и вскоре вторгся на Молокаи с большой армией. Киаумоку и его союзники встретили захватчиков на военных каноэ, когда те приблизились к берегу. Затем последовала отчаянная морская битва, которая продолжалась до глубокой ночи при свете факелов, но Киаумоку снова потерпел поражение и с трудом бежал в Хану вместе с Намаханой и ее родственниками.

Это поставило Киаумоку вне досягаемости Кахекили, поскольку этот район Мауи все еще находился под контролем гавайцев, но, спасаясь от одного врага, он был вынужден броситься на милость другого (). Однако он был гостеприимно принят Махихелелимой, губернатором района, и Каланиопуу простил его настолько, что разрешил ему остаться под защитой крепости Каувики, где в тенистых долинах у подножия Халеакала он нашел передышку в своей бурной жизни.

II.

В уединенной долине, откуда была видна крепость Каувики, с несколькими преданными друзьями и слугами, Киаумоку и его семья жили без притеснений и почти незаметно в течение нескольких лет. Это был период мира между Гавайями и Мауи, и Киаумоку проводил дни, мечтая о грядущих войнах и политических переменах, которые вновь поставят его в положение, более соответствующее его рангу. Он изготавливал копья и боевые топоры и складывал их про запас; он строил каноэ и хранил их на соседнем пляже.

Он любил свою жену, которая была довольна тем, что разделяла с ним изгнание, и когда в 1768 году у него родилась дочь, Киаумоку почувствовал, что боги снова улыбаются ему, и обрел мужество. Говорят, что ребенок родился с желтым пером в руке — символом королевской власти — и его назвали Каахуману и нежно ухаживали за ним.

В 1775 году Каланиопуу, король Гавайев, внезапно появился в районе Хана со значительными силами и начал разорять соседние земли Каупо. Однако Кахекили быстро встретил его и отразил, и тот вернулся в Хана и отказался от кампании, вновь отплыв со своей разбитой армией на Гавайи. Киаумоку не принимал участия в этой короткой борьбе и был разочарован тем, что ничего решающего не было достигнуто. Смерть любого из двух воюющих правителей была бы для него сигналом к освобождению. Но он не был удручен. Он знал, что война скоро возобновится в еще большем масштабе, и находил частичное утешение в надежде, что она приведет к изменениям, благоприятным для его судьбы.

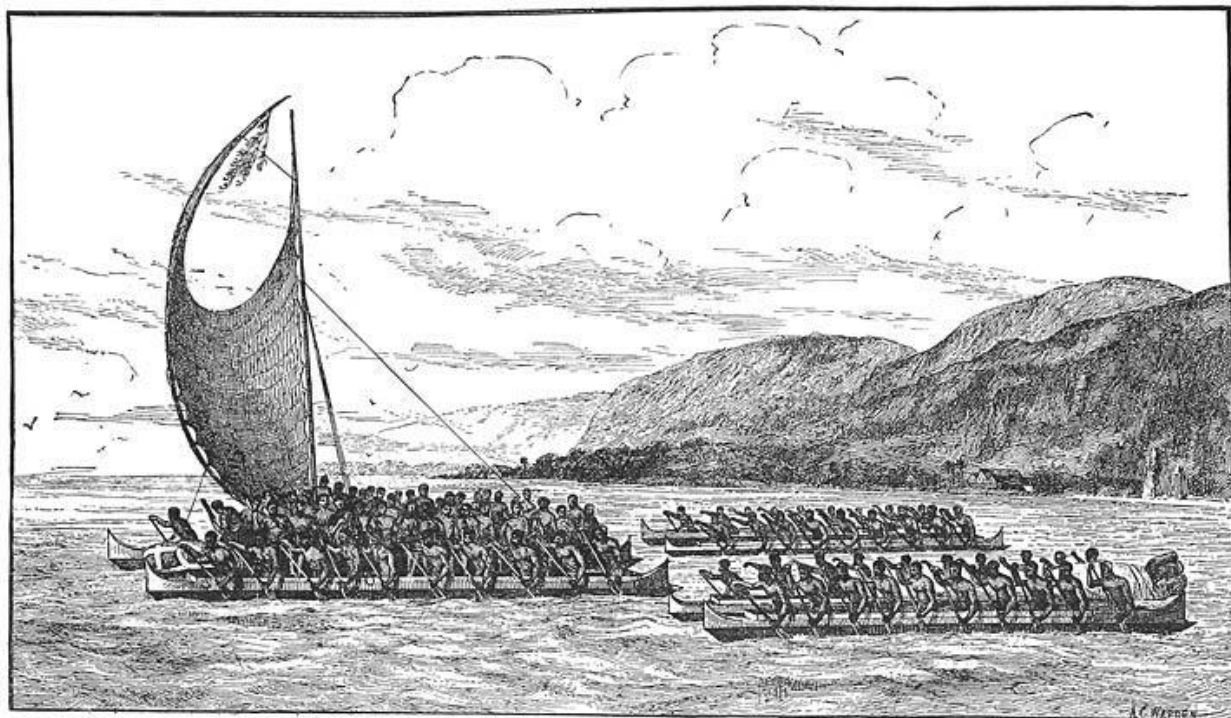
Раздраженный своим поражением, Каланиопуу потратил почти два года на подготовку к сокрушительному вторжению на Мауи. В честь своего бога войны *Каили* он отремонтировал и привел в порядок два *храма* и поручил своему первосвященнику Холоае () проводить непрерывные религиозные службы и приложить все свои силы, чтобы добиться поражения и смерти Кахекили. Он высадился с шестью тяжелыми дивизиями воинов на южном побережье Мауи, но потерпел поражение с большими потерями в окрестностях Вайлуку и был вынужден просить о мире. С ним были два брата Киаумоку, Камееамоку и Каманава, которые сопровождали молодого принца Кивалао в его визите примирения к Кахекили после битвы.

Каланиопуу вернулся на Гавайи с остатками своей армии, а на следующий год снова вторгся на Мауи и в течение нескольких месяцев вел беспорядочную войну с Кахекили в нескольких районах острова. Ему помогал губернатор Ханы, и в течение некоторого времени он смог удержать позиции в Хамакуалоа и других местах.

Киаумоку не предлагал свои услуги ни одной из сторон, а оставался тихим и почти незаметным наблюдателем враждебных действий, которые периодически сотрясали остров и иногда проносились мимо самого порога его дома в Хане, где он находился в изгнании. Для него еще не наступило подходящее время действовать, а годы одиночества научили его терпению.

Именно во время этой кампании капитан Кук, знаменитый английский исследователь, прибыл к побережью Мауи на двух кораблях под своим командованием, показав туземцам новые лица и корабли, которые казались им океанскими дворцами их богов. Это было в ноябре 1778 года. В январе того же года Кук впервые посетил этот архипелаг. Он высадился на Кауаи и Ниихау, а теперь вернулся из арктических морей, чтобы перезимовать на Гавайских островах.

Отказавшись от бесплодной войны, Каланиопуу вернулся на Гавайи со своей армией захватчиков. Во время кампании предыдущего года ему помогал батальон воинов Кахахана, короля Оаху. Среди последователей *мои* Оаху в то время был знаменитый поэт и пророк Кеаулумоку. Он был уроженцем Наохаку, в районе Хамакуа на Гавайях, и был дальним родственником Кахекили, будучи сыном двоюродного брата Кекаулике, отца Кахекили. С юности он был мечтательным и психологическим человеком и проводил время, бродя по холмам, наблюдая за звездами и слушая музыку океана. Несколькими годами ранее он привязался к двору Кахаханы и последовал за этим правителем на Мауи в 1777 году (). Он остался на острове после возвращения Кахаханы на Оаху, и в следующем году, когда Каланиопуу вновь вторгся на Мауи, поэт был найден среди его домашних.

Перевозка тела Каланиопуу в Хонаунау.

(ИЗ КАРТИНЫ В КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ.)

Хотя Кеаулумоку было всего шестьдесят два года, по внешнему виду он выглядел гораздо старше. Его глаза были яркими, но спина сгорблена, а белые волосы и борода свисали до плеч. Когда он пел, все слушали, и его дикие высказывания хранились и повторялись как вдохновение от богов. Он был известен на всех островах архипелага, и он мог безопасно путешествовать куда угодно. Много лет назад на Гавайях он был другом Кеаумоку, и когда во время кампании 1778 года он узнал, что несчастный вождь был сослан в Хану и перестал считаться одним из лидеров того времени, он решил навестить его и утешить.

Не сообщая никому о своем намерении, Кеаумоку пересек горы и на третий день предстал перед своим другом в Хане. Они тепло поприветствовали друг друга, а после еды сели и оплакивали несчастья Кеаумоку. Затем Намахана с величественной грацией пришла поприветствовать старого поэта, приведя с собой Каахуману, которая тогда была десятилетней девочкой с яркими глазами. Он поцеловал руку Намаханы, посоветовав ей не унывать, обнял ребенка, посмотрел ей в глаза и сказал, что в эту ночь ему приснится сон о ней. И так и было: на следующее утро он торжественно спел в тени пальм, что Каахуману полюбит знаменитый вождь и она станет женой короля.

«А что же ее отец?» — спросил Киаумоку. «Он будет гнить со своими копьями в Хане?»

«Нет», — быстро ответил поэт. «Великое дело жизни Киаумоку еще впереди. Он станет убийцей принцев и создателем королей».

«Я уже помог одному из них получить королевские почести, — с сомнением ответил вождь, — и благодаря его милости я задыхаюсь здесь, в Хане».

«Еще один, более великий, еще впереди, на службе у которого Киаумоку умрет с миром», — ответил поэт.

«Кто этот грядущий герой?» — спросил вождь.

«Ты не ошибешься, когда встретишь его», — прозвучал уклончивый ответ.

«А когда это будет?» — рискнул спросить Киаумоку.

Не получив ответа, вождь продолжил:

«Ну, неважно, когда; я научился быть терпеливым!»

Предсказания поэта не шли дальше, но его слова ободрили сердце Киаумоку, и когда на следующий день он уехал в Лахайну, благодарные глаза следили за его шагами далеко в горы.

Вернувшись на Гавайи после неудачной кампании 1778 года, Каланиопуу некоторое время оставался в Коне, а после смерти капитана Кука в феврале 1779 года перенес свой двор в Кохалу, взяв с собой поэта Кеаумоку. В следующем году, чувствуя приближение своей кончины — ему было почти восемьдесят лет — Каланиопуу навел порядок в своем королевстве, провозгласив своего сына Кивалао своим преемником и назначив своего племянника Камехамеху хранителем своего бога войны. Затем он подавил восстание Имаакалоа в Кау и, два или три раза сменив место жительства по состоянию здоровья, наконец скончался в Каиликии в январе 1782 года.

За несколько месяцев до смерти Каланиопуу Кахекили, узнав о ухудшении здоровья своего старого противника, приготовился к возвращению района Хана, который почти сорок лет находился под властью гавайцев. Вторгшись в этот район и осадив крепость Каувики, он в конце концов взял ее, перекрыв водоснабжение, и восточная часть Мауи вновь стала частью владений мои Мауи. Это произошло примерно в то же время, когда умер Каланиопуу.

Но что стало с Киаумоку и его семьей, которые много лет жили среди холмов Ханы? Узнав о готовящемся вторжении в этот район и не желая полагаться на милость Кахекили, Киаумоку бежал со своей семьей на почти бесплодный остров Кахоолаве, где жил в уединении до падения Каувики и смерти Каланиопуу, после чего он смело вернулся на Гавайи, тихо поселился на своих старых и неотчуждаемых землях в Капалилуа, в Южной Коне, и ждал развития событий, которые, как он ясно понимал, стремительно и неудержимо ведут к широкомасштабной революции и беспорядкам. Более пятнадцати лет он слышал звуки оружия только издали и тосковал по крикам битвы и музыке марширующих колонн.

Траур по Каланиопуу продолжался много недель, и среди вождей Коны ходили неутешительные для них слухи о предложенном новым *моем* разделе земель, подлежащих королевскому распределению. Подготовка к погребению останков покойного короля была наконец завершена. На двойных каноэ, одно из которых несло тело его королевского отца, Кивалао отплыл с большой группой вождей, воинов и слуг в Хонауна. Там он намеревался захоронить останки в соседнем

месте погребения *Хале-а-Кеаве*, священном для праха гавайских королей, а затем приступить к переделу земель королевства, которые находились в его распоряжении.

На второй день, когда флот находился у берегов Хонокуа, Киаумоку прибыл из Капалилуа и поднялся на борт. Его заявленной целью было оплакивать тело Каланиопуу. О его возвращении на Гавайи стало известно всем, и Кивалао с любопытством, смешанным с подозрением, смотрел на воинственного и импульсивного вождя, который сначала был другом, а затем врагом его отца и который внезапно появился в критический момент, полностью вооруженный, из многолетней неизвестности.

Какова была цель визита Киаумоку на скорбящий флот? Был ли он в преддверии бурных событий обеспокоен тем, чтобы увидеть лицо молодого короля, помня слова Кеаулумоку: «Ты узнаешь его, когда встретишь»? Возможно. Но какова бы ни была его первоначальная цель визита на флот, когда он уходил, в соответствии с бурными инстинктами своей жизни, его мысли были полны планов восстания.

Поспешив в Кехаха, где его братья Камееамоку и Каманава вместе с Камехамеха, Кекухаупио и другими вождями проводили совет, Киаумоку сообщил им, что Кивалао направляется в Кайлуа, где он собирается занять власть после того, как похоронит королевские останки в Хонаунау. Он заявил, что эту информацию ему сообщил один из слуг Кивалао.

Не сомневаясь в правдивости рассказа Киаумоку и полагая, что целью Кивалао было занять весь район Кона, который включал земли, не подчинявшиеся королевской власти, собравшиеся вожди двинулись со своими последователями и заняли кварталы в окрестностях Хонаунау.

Кеаумоку стал ведущей фигурой в событиях, которые быстро последовали за этим. Похоронная процессия прибыла в Хонаунау, останки покойного короля были торжественно похоронены в *Хале-а-Кеаве*, а Кивалао поднялся на трибуну и объявил собравшимся вождям волю своего отца. При последующем разделе земель с вождями Коны не советовались; не похоже, что им были предоставлены дополнительные льготы, и Киаумоку без особого труда убедил их, что к ним проявили намеренное неуважение и враждебность.

На встрече с Кивалао Камехамеха был встречен холодно, и недовольные вожди начали готовиться к битве. Они выбрали Камехамеху своим лидером, и в течение нескольких дней обе стороны активно собирали войска. В конце концов мятежные вожди напали, и началась битва значительных масштабов. Кеаумоку снова был в своей стихии. Его голос был слышен над шумом сражения, и его голодные оружия напились крови досыта. Запутавшись в своем копье, он упал на каменистую землю. Несколько воинов бросились на него. Двое из них, напали на него с кинжалами, а третий ударил его копьем в спину, воскликнув: «Копье пронзило желтоспинного краба!»

Кивалао, находившийся неподалеку, стал свидетелем этой схватки и призвал нападавших на Киаумоку забрать его *палаоа*, или слоновую кость, украшавшую шею. Внимание Каманавы привлекла эта борьба, и он с несколькими последователями бросился на помощь своему брату, оттеснив нападавших. В этот момент Кивалао был поражен камнем в висок и упал на землю без сознания. Увидев это, Киаумоку подполз к упавшему королю и ножом с острием из акульих зубов перерезал ему горло.

Смерть Кивалао привела к полному разгрому его армии. Победа сделала Камехамеху властелином районов Кона, Кохала и Хамакуа, в то время как Кеоуа, брат Кивалао, удерживал власть над Кау и Пуна, а Кеовемаухили провозгласил себя независимым от обоих в Хило.

Блестящая роль Киаумоку в этой первой из битв за суверенитет Гавайев сразу же обеспечила ему благосклонность Камехакехи и подняла его в глазах выдающихся вождей, чья доблесть облагородила последние годы варварского господства в этом архипелаге.

III.

Вскоре произошла война между Камехакехи и независимыми вождями Хило и Кау, но, поскольку ни одна из сторон не получила заметных преимуществ, Камехакехи основал свой двор в Халауле, **Ошибка! Закладка не определена.** в Кохале, и занялся улучшением положения своего народа. Во время кампании он столкнулся с некоторыми неудачами, но вера Киаумоку в окончательный триумф своего великого лидера оставалась непоколебимой, несмотря на все катастрофы. Ему казалось, что он видит в нем того капитана, более великого, чем Каланиопуу, о котором поэт мечтал в Хане, и вскоре после этого его вера была подтверждена точным пророчеством Кеаулумоку.

Беспокойно кочуя с места на место, старый певец, наконец, выбрал временное пристанище недалеко от Халаулы, вскоре после переезда двора Камехакехи в эту деревню. Там его часто навещал Киаумоку, иногда в сопровождении Каахуману, которая превращалась в привлекательную женщину, а иногда и Намахану, которая относилась к нему с почтением, подобающим тому, чьи высказывания, казалось, были вдохновлены богами.

После смерти Каланиопуу голос Кеаулумоку умолк. Он скорбел о несчастном состоянии острова и сочувствовал людям в их вынужденной войне друг с другом. Тщетно пытался он проникнуть сквозь туман запустения и беспорядка и мельком увидеть то, что находилось за его пределами. Ни один луч света не пробивался к нему сквозь облака; ни один голос не отвечал на его молитвы в его снах.

Но занавес наконец был поднят для него, и, пока тени будущего толпились перед ним в ужасной пантомиме, голосом, диким, как ветер, проносящийся по ущелью Нуану, он запел пророческую *меле* из *Хау-и-Калани*. Описав ужасы гражданской войны, опустошившей остров в то время, он завершил свое выступление предсказанием, что Камехакехи одержит победу над своими врагами и в конце концов будет провозглашен величайшим из гавайских завоевателей.

Это пение вызвало большой энтузиазм среди последователей Камехакехи. Киаумоку выслушал его с пристальным вниманием, а в конце наклонился к старому поэту и сказал:

“Я задал тебе вопрос в Хане, на который ты тогда не ответил. Сейчас есть ответ?”

Кеаулумоку на мгновение заглянул в лицо вождю, словно собираясь с мыслями, а затем мечтательно ответил:

“На него получен ответ!”

“Так я и думал”, - ответил вождь. “У меня есть несколько редких морских деликатесов. Приходи поужинать со мной сегодня вечером, и я попрошу научить меня *меле*, который ты только что пропел”. **Ошибка! Закладка не определена.**

Кеаулумоку ничего не ответил, и Киеумоку медленно направился ко дворцу, пытаясь вспомнить слова поэта, которые так взволновали его слушателей.

Что произошло между Киеумоку и старым поэтом во время их ужина в тот вечер, никогда не будет известно; но несомненно то, что с тех пор Киеумоку никогда не сомневался в окончательном успехе Камехахеи, и когда летом 1785 года последний отступил, потерпев поражение во время вторжения в Хило, Киеумоку улыбнулся и сказал своему вождю: “До сих пор у тебя были только стычки со своими врагами; ты победишь, когда будешь сражаться!”

В 1784 году Кеаулумоку умер. В течение нескольких месяцев старый поэт жил один в хижине недалеко от Каухолы. Он избегал общества и редко с кем разговаривал. Чувствуя приближение своего конца, он однажды объявил, что следующим вечером споет свое последнее *меле*. Сотни людей собрались вокруг его хижины в назначенное время. Они не вошли, а сели, разговаривая шепотом, и почтительно ждали.

Прошел час, и другой, но старый певец так и не появился. Наконец циновка, служившая дверью, была отодвинута в сторону, и в проеме показалась белая голова и согнутая фигура Кеаулумоку. Усевшись на виду у всех, он начал произносить *меле* дрожащим голосом. По мере того как он продолжал, его голос становился все громче, и к каждому слову прислушивались, затаив дыхание. Он говорил о грядущем завоевании группы Камехахех, которого он назвал сыном Кахекили, а также “одиноким”. Он также предсказал раннее исчезновение династии Камехахеа, господство белой расы, разрушение храмов и, наконец, постепенную гибель гавайского народа. Завершая свое пение, старый провидец поднял руки, словно благословляя своих слушателей, и упал замертво. Среди людей поднялся громкий вопль, и они бережно отнесли тело мертвого поэта к *храму*, где оно было совершено по обряду погребения пророка.

Большая часть последнего пророчества Кеаулумоку была сохранена и повторена, и, беседуя со многими, кто его слушал, Кеаумоку удалось получить удовлетворительную версию заключительной песни умирающего поэта.

С первого сражения Камехахеи Киеумоку не сомневался в победе этого вождя над всеми противниками в конце концов, и жадно хватался за каждое обстоятельство, рассчитанное **Ошибка! Закладка не определена.** для укрепления убежденности. Так веря, его путь казался ясным.

Но как быть с Каахуману, чей обещанный любовник должен был стать известным вождем, а муж - королем? Она была привлекательной девушкой семнадцати лет, и через несколько месяцев после смерти Кеаулумоку, когда Камехахеа мирно жил в Халауле, ее отец внезапно привел ее ко двору. Свежая, сверкающая и грациозная, происходящая из королевских родов Мауи и Гавайев, она сразу же привлекла внимание Камехахеи, и он сразу же отверг притязания ее многочисленных поклонников, сделав ее своей женой.

Во внешности великого вождя было мало такого, что могло бы понравиться семнадцатилетней девушке. Черты его лица были грубыми и неправильными, и он презирал придворную грацию, которая придавала очарование общению знати того времени друг с другом. Он уже был мужем двух признанных жен; но Каахуману была честолюбива и с восхищением, но без привязанности к нему согласилась стать его женой.

Киеумоку теперь настойчиво внушал Камехахеке мысль стать хозяином группы. Он прочитал ему пророческие песнопения Кеаулумоку и рассказал о благоприятных предзнаменованиях *каулов*.

За неудачной попыткой вернуть округ Хана в 1786 году последовало в 1790 году очередное вторжение на Мауи, когда Камехамена полностью подчинил остров, а затем обратил свое внимание на Кеуа, независимого вождя Кау, который убил вождя Хило и присвоил себе суверенитет над южными районами Гавайев.

Война с Кеуа продолжалась больше года, и все попытки Камехамены сокрушить этого последнего из своих соперников на Гавайях были успешно пресечены. В течение девяти лет Кеуа противостоял власти Камехамены и по-прежнему оставался хозяином Кау и большей части Пуны. В конце концов к предательству прибегли, и Кеуа пал.

Старый храм Пуукохола был частично перестроен, и известный провидец предсказал, что его завершение даст Камехамене неоспоримый суверенитет над Гавайями. Храм был спешно достроен, и Кеуа был приглашен на конференцию со своим оппонентом в Кавайхэ с целью, как ему внушили, мирного урегулирования их разногласий. Приближаясь к **Ошибка! Закладка не определена.** берегу места встречи, где он увидел Камехамену и обменялся с ним приветствиями, он собирался высадиться, когда Киеумоку встретил его в каноэ и предательски убил, а его тело было доставлено в недавно достроенный храм и принесено в жертву богу войны его предателя.

Кеуа был храбрым, благородным и великодушным вождем, и апологетам Камехамены не удалось избавить его от позора, вызванного трусливым поступком Киеумоку. Он был сводным братом Кивалао, и его смерть оставила Камехамену хозяином Гавайев.

Воистину, как и предсказывал провидец, Киеумоку стал убийцей принцев и создателем королей. Но его работа еще не была завершена. Камехамена был властелином Гавайев, но ему все еще предстояло завоевать всю группу. Однако все обстоятельства складывались в его пользу. Кахекили, воинственный король Мауи и завоеватель Оаху, умер в 1794 году, и между его преемником и Каео, *моими* с Кауаи, произошел разрыв.

Когда все было готово, в начале 1795 года Камехамена вторгся на Оаху с могучей армией, разбил, а затем захватил в плен и принес в жертву своему богу войны королю Каланикупуле, а вскоре после этого получил подчинение *мои* Кауаи - таким образом, став признанным хозяином и впервые в их истории объединив под единым правительством несколько островов Гавайской группы.

Все пророчества Кеаулумоку сбылись. Киеумоку, убийца принцев и создатель королей, мирно скончался в качестве губернатора наветренных островов в 1804 году. Каахуману стала женой короля и умерла в качестве главного советника островов в 1832 году. Храмы гавайских богов были разрушены сразу после смерти Камехамены в 1819 году, и лишь десятая часть от числа туземцев, обитавших на островах в конце прошлого века, теперь остались воспевать достижения своих предков, которые впервые обосновались в группе, когда Римская империя разваливалась на куски под натиском Северного варварства. **Ошибка! Закладка не определена.**

КАННИБАЛЫ ХАЛЕМАНУ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАЛО АЙКАНАКА, или КОКОА, вождь каннибалов.

КААОКЕЕВЕ, или ЛОТУ, лейтенант Кокоа.

ПАЛУА, дочь Кокоа.

КАХОЛЕКУА, жена Лоту.

НАПОПО, брат Кахолекуа.

Ошибка! Закладка не определена.

КАННИБАЛЫ ХАЛЕМАНУ.

ПОПУЛЯРНАЯ ЛЕГЕНДА СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

Я.

Несмотря на то, что полинезийцы были варварами в той степени, в какой был способен стать храбрый, сердечный и гостеприимный народ, все социальные, политические и религиозные обстоятельства, сохраняемые традицией, имеют тенденцию показывать, что ни в один период своей истории сами полинезийцы - или, по крайней мере, гавайская ветвь расы — не практиковали каннибализм. Во время своих миграций от южных берегов Азии к своим последним домам в Тихом океане, останавливаясь, как они это делали, на различных группах островов в своих добровольных или принудительных путешествиях, полинезийцы, должно быть, соприкасались с племенами каннибалов; но ни один пример никогда не убедил их в привычке есть человеческое мясо или относиться к аппетиту к нему с чувством, отличным от отвращения. При принесении человеческой жертвы было принято, чтобы исполняющий обязанности жреца удалял левый глаз жертвы после того, как безжизненное тело было положено на алтарь, и преподносил его вождю, который делал вид, что съедает его. Даже такой образованный и добросовестный исследователь, как судья Форнандер, предположил, что этот обычай, возможно, был пережитком каннибальской склонности, существовавшей у полинезийского народа в далеком прошлом. Столь же разумно

предположить, что обряд был либо простой демонстрацией бравады, либо выражением желания вождя таким образом более строго отождествить себя с подношением в глазах богов.

На протяжении веков сохранилось несколько традиций, касающихся существования племен или банд каннибалов в то или иное время на Гавайском архипелаге, особенно на островах Оаху и Кауаи, и душераздирающие истории об их подвигах являются частью фольклора этой группы. Но в каждом случае о людоедах говорят как об иностранцах, которые пришли с неизвестной земли, на короткое время обосновались в горных твердых, **Ошибка! Закладка не определена.** и в конце концов были либо истреблены, либо изгнаны с островов местными жителями за их варварские обычаи. Трудно установить, даже приблизительно, период более ранних из этих событий, поскольку они упоминаются в связи с правящими вождями, имена которых не фигурируют в хронологических *сводах*, сохранившихся после уничтожения древнего жречества. Не исключено, что каннибалы, упомянутые в некоторых преданиях, были не иностранцами, а остатками расы дикарей, обитавших на одном или нескольких островах группы, когда там высадились первые полинезийцы. Можно предположить, что это было где-то около середины пятого века христианской эры.

Местные историки обычно предполагали, что предки гавайского народа обнаружили всю эту группу необитаемой на момент своего прибытия туда. Птицы, ящерицы и мыши, а жизнь насекомых ограничена несколькими разновидностями, были единственными обитателями этого океанского рая с его прекрасными ручьями, манящими холмами, сандаловыми лесами, рощами какао и *охиа*, цветущими равнинами, улыбающимися долинами вечной зелени. Но промежуток между пятым и одиннадцатым веками — между первым и вторым периодами прибытия полинезийцев — является большим пробелом в легендарных анналах Гавайев, и отсутствие каких-либо записей об этом обстоятельстве не может быть удовлетворительно принято в качестве доказательства того, что, прибыв на группу с южных островов, полинезийцы пятого века не обнаружили, что она населена неполноценным и менее способным народом, с которым они либо объединились, либо уничтожили. В некоторых из *мелес* содержатся смутные упоминания о таком народе, а на руины храмов до сих пор указывают как на творение *менехунес* — полумифической расы или племени, либо от которого произошли гавайцы, либо с которым они были каким-то образом связаны в далеком прошлом.

Однако, к какому бы периоду ни относились многие из этих историй о каннибализме, обстоятельства склонны показывать, что легенды, связанные с людоедами Халеману, основаны на событиях сравнительно недавних столетий. Местные жители, которые до сих пор рассказывают фрагменты этих легенд тем, кого любопытство побуждает посетить убежище каннибалов близ северного побережья Оаху, обычно относят описанные приключения к началу или середине восемнадцатого века, а разведчик-метис **Ошибка! Закладка не определена.** сообщил писателю, что его дед лично знал банду каннибалов. Хотя четкость сохранившихся деталей указывает на то, что они возникли не так уж много поколений назад, оккупация Халеману Айканакой и его дикими последователями могла произойти едва ли позже второй половины семнадцатого века — вероятно, во время правления Куалии или его непосредственного преемника, где-то между 1660 и 1695 годами. В то время Оаху управлялся рядом практически независимых вождей, номинальным главой которых был правящий *али-нуи* из рода Какухихева, правнуком которого был Куалий.

Следовательно, можно предположить, что ближе к концу семнадцатого века Кало Айканака с двумя или тремя сотнями последователей, включая женщин и детей, высадился в Вайалуа, на северном побережье Оаху, и временно обосновался на берегу моря недалеко от этого места. Примерно за десять лет до этого он прибыл на Кауаи с большим отрядом людей с одного из южных островов, о котором не упоминается ни в одном предании. Незнакомцы приплыли на двухместных каноэ, и, поскольку они были в голодном состоянии, считалось, что их занесло туда

попутным ветром во время путешествия к каким-то другим островам. Жители Кауаи гостеприимно приняли их и позаботились о них, а за их поддержку получили земли у подножия гор за Ваймеа. По цвету лица они были несколько темнее жителей Кауаи, но в остальном не сильно отличались от них ни одеждой, ни манерами, ни образом жизни, ни внешностью. Они умели плести циновки, строить дома из дерева и соломы, изготавливать копья и ножи и выдалбливать каноэ всех размеров. Они были знакомы с кокосовым орехом и его использованием, и им не требовалось никаких инструкций по выращиванию *кало* или *таро*. Они были опытными рыбаками и ловко обращались со своим оружием. Их язык, однако, совершенно отличался от языка кауанцев, но они вскоре овладели последним, и за короткое время их едва можно было отличить от коренных жителей острова.

Хотя местные жители знали Кало Айканака, настоящее имя вождя чужеземцев было Кокоа. Имя его главного помощника или советника, которое по традиции дается как Кааокееве, было Лоту, или Лотуа. Кокоа был превосходных пропорций, а его мускулистые конечности были татуированы грубыми изображениями **Ошибка! Закладка не определена.** птиц, акул и других рыб. Черты его лица были скорее папуасскими, но волосы прямыми, а выражение лица не было неприятным. Внешность Лоту, напротив, была дикой и отталкивающей. Его сила была огромной, и он почти не скрывал своих незаконных инстинктов. Жена Кокоа умерла во время путешествия на Кауаи, оставив ему дочь брачного возраста по имени Палуа. Согласно преданию, она была очень красива и носила ожерелья и браслеты на ногах из жемчуга. У нее были яркие глаза, белые зубы, а кончики заплетенных в косу волос касались загорелых лодыжек, когда она шла. Лоту была замужем, но детей не имела. Они ему не понравились, и, как говорят, не один из них был извлечен из груди Кахолекуа и задушен.

Пришельцы привезли с собой двух или трех богов, а по прибытии создали других. Они ничего не знали о богах кауанцев и предпочитали поклоняться своим собственным. Туземцы не возражали против этого, но со временем они обнаружили, что их *табу* обычаи, даже самые священные, не соблюдались пришельцами. Их женщинам разрешалось есть кокосовые орехи, бананы и все виды мяса и рыбы, включая те сорта, которые местным женщинам употреблять было запрещено. Опасаясь гнева богов, глава округа посетил Кокоа и попросил его положить конец этим пагубным обычаям среди его народа. Он пообещал сделать это, и на какое-то время они прекратили; но вскоре преступники вернулись к своей старой привычке есть без разбора, и вождь снова посетил Кокоа, готовый облечь свою предыдущую просьбу в форму приказа. Приказ был отдан, но не с таким акцентом, с каким вождь наносил визит, поскольку тогда он впервые встретился с Палуа, и ему было трудно говорить резко с отцом такой дочери. На самом деле, перед своим отъездом вождь счел за благо оставить этот вопрос открытым для дальнейших объяснений и на следующий день вернулся, чтобы сделать это, а также попросить Кокоа отдать ему в жены красавицу Палуа. Отец и дочь согласились, и через несколько дней Палуа проводила вождя домой в качестве его жены. Там, по крайней мере, ожидалось, что Палуа будет уважать *табу*, которые она нарушила перед своим приходом, и вождь назначил женщину, которая должна была тщательно проинструктировать ее о правилах, применимых к ее изменившемуся положению. Она обещала все, но втайне не выполнила ни одного требования. Вождь умолял ее подчиниться **Ошибка! Закладка не определена.** Ее муж хотел вернуть Палуа ее отцу, но жрец заявил, что ее проступки были настолько бессмысленными и упорными, что боги не удовлетворились бы ничем, кроме ее смерти, и поэтому ее задушили и бросили в море.

Узнав о смерти своей дочери, Кокоа в ярости убил ближайшего родственника вождя и устроил пир из его тела, к великому удовольствию своих последователей. Они были каннибалами, но этот факт не был известен их соседям, поскольку до сих пор они сдерживали свой аппетит к человеческому мясу и избегали любых упоминаний другим о своей склонности к такой пище. Однако их пристрастие к нему возродилось после пиршества, устроенного "гневом Кокоа", и они не

пожалели о том, что покинули земли, которые они некоторое время обрабатывали за Ваймеа, и нашли дом в соседних горах, где могли без ограничений потакать своим дикарским вкусам.

Расположившись в уединенной долине в горах Хаупу, Кокоа и его люди оставались там в течение нескольких лет. Они выращивали *таро* и другие овощи, а приготовление мяса зависело от тех туземцев, которых им удавалось поймать в труднодоступных местах и перетащить в свои печи. Заподозренные в каннибализме, они, наконец, были обнаружены в момент поджаривания жертвы. Это открытие вызвало сильное возмущение, и глава округа призвал воинов помочь ему в истреблении людоедов. Но Кокоа не стал дожидаться враждебного визита. Его шпионы сообщили ему о том, что происходило в долинах внизу, и он поспешно спустился к противоположному берегу, ночью захватил несколько каноэ и со своими последователями немедленно отплыл на Оаху. Сначала группа высадилась в Кавайлоа; но кауаец, посетивший это место, узнал в одном из их каноэ собственность своего брата и собирался обратиться к местному вождю, когда они внезапно снова сели на корабль и поплыли вдоль острова к Вайалуа, где нашли удобную пристань и решили остаться. **Ошибка! Закладка не определена.**

II.

Теперь мы переходим к заключительным подвигам Кокоа и его клана на Оаху. Вполне вероятно, что они недолго оставались в непосредственной близости от Вайалуа, где население было многочисленным, а незанятых земель было мало. Отправив своих разведчиков в горы на поиски безопасного и необитаемого убежища, они обнаружили одно из исключительных преимуществ в горном массиве к востоку от Вайалуа, примерно в восьми или десяти милях от побережья, и направились туда. Выбранное место с тех пор известно как Халеману. До этого времени у него, вероятно, не было какого-либо конкретного названия. Это плато в форме полумесяца площадью в двести или триста акров, полностью окруженное глубокими и почти обрывистыми ущельями, за исключением узкого перешейка, едва ли достаточно широкого для проезда транспорта, соединяющего его с обширным участком безлесного плоскогорья, простирающегося вниз к морю.

Природа едва ли могла придумать место, более приспособленное для обороны, и Кокоа решил обосноваться там на постоянной основе. Примерно в середине плато он воздвиг храм с каменными стенами размером двести на шестьдесят футов и высотой двадцать футов. Это сооружение также было спроектировано как цитадель для использования в чрезвычайных ситуациях. Примерно в пятидесяти шагах от храма находился дом вождя — каменное здание размером примерно пятьдесят футов на сорок. Он был разделен на три комнаты плетеными перегородками и покрыт толстыми жердями и соломенной крышей. Между этим зданием и храмом находилась большая выкопанная печь, в которой могли запекаться четыре или пять человеческих тел одновременно, а в нескольких шагах к западу находилось большое блюдо для разделки кокоа. Это был камень слегка чашеобразной формы, возвышающийся на фут или более над поверхностью и имеющий размер поверхности примерно шесть на четыре фута. Небольшая разделка тут и там превратила его в удобный разделочный стол, с которого Кокоа раздавал своим последователям сотни человеческих тел, а сердца и печень оставлял себе в качестве деликатесов, на которые давал право его ранг. Очертания описанных зданий все еще можно проследить в высокой траве, а маслянистая поверхность разделочного стола, известного как “*ипукай* Кало”, по сей день свидетельствует о том, что им пользовались каннибалы Халеману. Блюдо сейчас почти на одном уровне с поверхностью земли, а его край был отколот охотниками за реликвиями, но время **Ошибка! Закладка не определена.** и похищения любопытных существенно не изменили его форму.

Снабдив плато этими удобствами и хижинами, необходимыми для размещения своего народа, Кокоа затем привел это место в состояние для обороны, срезав вершины обнаженных склонов, ведущих к нему, в виде перпендикулярных откосов и возведя прочное здание, покрывающее ширину и почти всю длину узкого выступа, соединяющего его с равниной внизу. Тогда не было другого способа добраться до плато, кроме как по тропинке, зигзагообразно спускающейся с верхней стороны к лесистым ущельям за ней, или по тропе, проходящей прямо через здание, занимающее вершину перешейка.

Стражем этого входа был назначен Лоту, свирепый лейтенант Кокоа. И там он сидел в любую погоду, высматривая прохожих, большинство из которых, если они были приемлемы, он находил предложением убить и отправить в огромную печь своих товарищей. Его почти бессонная бдительность была вызвана не столько склонностью служить другим, сколько его безжалостными инстинктами, которые находили удовлетворение в кровопускании и пытках. Традиция гласит, что в том, как он обращался со многими своими жертвами, был отвратительный юмор. Пропуская их, он спрашивал, с какой целью они посещали плато или ущелья за ним. Возможно, они сообщили ему, что ищут *листья* хала, жерди для хижин, древесину для досок для серфинга, небольшие деревца для копий или кремни для режущих инструментов, в зависимости от обстоятельств. Когда они возвращались, он внимательно осматривал их ношу, и если находилось что-нибудь помимо того, что они специально искали, - даже такой пустячный предмет, как посох, веточка или цветок, сорванные по дороге, — он объявлял их ворами и лжецами и убивал их на месте.

Таким образом были убиты и съедены многие сотни людей; но поскольку никто так и не вернулся, чтобы рассказать о том, что происходило в Халеману, каннибалы некоторое время оставались нетронутыми. Но если об их истинном характере никто не знал, то их изоляция и странное поведение постепенно завоевали им репутацию злобного и опасного сообщества, и в конце концов посетителей стало так мало, что Лоту сочли необходимым время от времени спускаться в долины в поисках жертв. Эти экспедиции, требовавшие большой осторожности, не всегда были успешными; и когда они терпели неудачу, Лоту иногда **Ошибка! Закладка не определена.** тайно убивал и отправлял в печь кого-нибудь из своих соплеменников с лицами, изуродованными до неузнаваемости. Среди них были все его собственные родственники и двое из трех братьев его жены. Чтобы избежать участи остальных, оставшийся в живых брат, которого звали Напопо, бежал на Кауаи.

По физической силе Напопо был едва ли менее грозен, чем Лоту; но он был молод годами, и ему не хватало ни мастерства, ни уверенности в своих силах. Чтобы восполнить эти недостатки и подготовиться к успешной встрече с Лоту, которую он решил предпринять в отместку за смерть своих братьев, он разыскал самых опытных борцов и боксеров на Кауаи и узнал от них секреты их мастерства. Он тренировался бегать, плавать, прыгать, лазать, поднимать и бросать большие камни, пока его мускулы не стали подобны твердому дереву, и равного ему по силе и ловкости с трудом можно было найти на всем острове. И он также поднаторел во владении оружием. Он научился ловить и парировать летящие копья и метать их с невероятной силой и точностью. Из пращи он мог метнуть камень размером с кокосовый орех, а боевым топором, которым он с готовностью владел одной рукой, мало кто мог размахивать двумя. Добившись такого успеха и все еще не доверяя своим силам, он предложил каноэ длиной в девять шагов тому, кто в ходе испытания докажет, что он мастер либо в подвигах силы, либо в обращении с боевым оружием. Многие боролись за приз, но Напопо ни в ком не нашел превосходства.

Во время состязаний сильный мужчина с большими челюстями и толстой шеей вышел вперед и бросил вызов Напопо, чтобы тот посоревновался с ним в поднятии тяжестей зубами. Прохожих позабавило это предложение, и Напопо был вынужден их замечаниями и смехом принять его, хотя и считал его легкомысленным. Закрепив вокруг своей талии пояс из веревок, он бросился на землю и

сказал мужчине: “Теперь зубами подними меня на уровень своей груди”. Наклонившись и схватив пояс зубами, мужчина с огромным усилием поднял Напопо на требуемую высоту. Затем другой был опоясан таким же образом. Казалось, он был уверен в победе и сказал Напопо, бросаясь к его ногам: “Ты поступишь хорошо, если поднимешь меня до уровня своих колен”. Напопо ничего не ответил, но наклонился, крепко зажал пояс зубами и поднял тело на высоту своих чресел. “Выше!” - воскликнул **Ошибка! Закладка не определена.**мужчина, думая, что сила его противника уже тогда была доведена до предела. “мое тело едва отрывается от земли!” Едва он произнес эти слова, как Напопо выпрямился и быстрым движением полностью перекинул его через голову. Весь в синяках и наполовину оглушенный падением, мужчина с трудом поднялся на ноги и, бросив удивленный взгляд на Напопо, поспешно покинул это место, спасаясь от насмешек кричащих свидетелей его поражения.

Теперь уверенный в своих силах и довольный своим мастерством, Напопо вернулся на Оаху на каноэ, которое так многим не удалось выиграть. Приземлившись в Вайалуа, он каким-то образом узнал, что его сестра Кахолекуа, жена Лоту, была убита своим мужем. Вооружившись копьем и ножом из акульих зубов, Напопо направился к Халеману. Прибыв к дому, загораживающему вход в крепость, он был встречен у дверей Лоту. Их признание было холодным. Глаза Лоту блеснули удовлетворением. Больше не испытывая страха, как в прошлом, Напопо ответил на этот взгляд вызовом.

- Оставь свое копье и входи, - коротко сказал Лоту.

Напопо прислонил свое копье к дому и шагнул внутрь, заметив при этом, что Лоту в своих движениях держится в пределах досягаемости топора и дротика, лежащих возле двери.

- Где Кахолекуа? - спросил Напопо.

“Там”, - угрюмо ответил Лоту, указывая на занавес из циновок, натянутый в углу комнаты.

Не говоря ни слова, Напопо подошел к занавеске и отдернул ее в сторону. Он ожидал найти свою сестру мертвой, если вообще нашел, но она все еще была жива, хотя и лежала без чувств от ран, которые казались смертельными. С сердцем, переполненным яростью и болью, он задернул занавеску и вернулся к двери. Он не мог заставить себя заговорить, и поэтому молча вышел наружу, в надежде, что Лоту оставит свое оружие и последует за ним. С этой целью он несколько минут постоял у входа, словно охваченный горем, когда Лоту осторожно приблизился к двери. Сделав еще шаг вперед, Напопо внезапно повернулся и схватил его прежде, чем тот успел дотянуться до своего оружия, и последовала отчаянная схватка голыми руками. Оба были гигантами, и конфликт был свирепым и смертельным. От одной стороны узкого перешейка до другой они сражались, кусались, рвали, тянули, ломались, не имея решающего преимущества ни у того, ни у другого; но выносливость Напопо была. Оба они были залиты кровью, а их *маросы* были разорваны в борьбе, оставив их совершенно обнаженными.

Хотя Напопо в какой-то мере одолел своего могучего противника, ему было трудно убить его голыми руками. Он мог разорвать и изуродовать его плоть, но не мог задушить его или сломать позвоночник. Поэтому он решил подтащить его к краю пропасти и сбросить с нее в скалистую пропасть вниз. Борясь изо всех сил, они достигли края пропасти, когда Лоту внезапно обхватил руками своего противника и с воплем отчаяния бросился за край. Падая вниз, чтобы вместе погибнуть, голова Лоту застряла в развилке дерева у подножия склона и отделилась от тела, а Напопо, зажатый в объятиях безжизненного, но твердого ствола, упал замертво, искалеченный, среди камней ущелья еще дальше вниз.

Придя в сознание во время битвы, Кахолекуа выбралась из дома как раз вовремя, чтобы стать свидетельницей падения отчаявшихся бойцов над пропастью. Приблизившись к обрыву, она издала слабый вопль боли и стремглав бросилась вниз по склону, ее искалеченные останки лежали в нескольких шагах от тел ее мужа и брата.

За завершением этих трагических сцен наблюдала группа людей с плато выше - согласно одной из традиций, рассказанной самим Кокоа. Как бы то ни было, вождь каннибалов пришел к выводу, что Халеману больше не является желанным убежищем, и через несколько дней после этого пересек горы в Вайанае со своими оставшимися последователями, а вскоре после этого отплыл с ними в другие земли. Что стало с группой, неизвестно; но с их отъездом заканчивается последняя и самая яркая из нескольких легенд о каннибализме на Гавайском архипелаге. **Ошибка! Закладка не определена.**

КАЙАНА, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ГАВАЙСКИХ РЫЦАРЕЙ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАЛАНИОПУУ, король Гавайев.

КОЛАЛЕ, жена Каланиопуу.

КИВАЛАО, сын Каланиопуу и его преемник.

ЛИЛИХА, жена Кивалао.

КЕОПУОЛАНИ, дочь Кивалао.

КЕУА, сводный брат Кивалао.

КЕАВЕМАУХИЛИ, дядя Кивалао.

КАМЕХАМЕА I., преемник Кивалао.

КИЕУМОКУ,

КАМЕИАМОКУ и } братья и вожди Гавайев.

КАМАНАВА,

КААХУМАНУ, одна из жен Камехамехи I.

КАХЕКИЛИ, король Мауи.

КАЛАНИКУПУЛЕ, король Оаху, сын Кахекили.

КАЕО, король Кауаи.

КАМАКАХЕЛЕИ, королева Кауаи.

ИМАКАКАЛОА, вождь пуны.

КАЛАЙМОКУ, выдающийся вождь.

КАКУХАУПИО, советник Камехамехи I.

КАЙАНА, один из капитанов Камехамехи I.

КЕПУПУОХИ, жена Кайаны.

НАХИОЛЕА, брат Кайаны.

Ошибка! Закладка не определена.

КАЙАНА, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ГАВАЙСКИХ РЫЦАРЕЙ.

КАМЕХАМЕХА, КААХУМАНУ, КАПИТАН КУК И ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВОЕВАНИЕ.

Я.

Среди выдающихся гавайских вождей, связанных с окончательным завоеванием и консолидацией группы Камехамеа Великим и стоявших на сером рассвете конца восемнадцатого века, когда острова были заново открыты капитаном Куком и традиции начали уступать место записанной истории, был Кайана-а-Ахаула. Он был одним из величайших военачальников Камехамехи, и события его жизни, завершившиеся его смертью в последней битве конкисты, охватывают один из самых интересных периодов в истории Гавайев. Отдав завоевателю все свои силы в течение многих лет и верно помогая укреплять основы его величия, он обратился против него в самый канун окончательного триумфа и погиб, пытаясь одним ударом уничтожить власть, которую он помог создать.

Что же заставило Кайану в безнадежном отчаянии обратить свое копье против своего победоносного вождя, которому боги и их пророки обещали все? Разве *Пеле* не уничтожал своих врагов огнем и дымом? и разве Кеаулумоку, вдохновенный бард Наохаку, не воспевал неувядаемую славу своих триумфов? Бог войны Лилоа - роковой *Кайли* — возглавлял авангард своих завоевательных колонн, а *Калайпахоа*, бог-отравитель Молокаи, был среди божеств его семьи. Верховный жрец Хевахева, который вел свою жреческую родословную от Паао, был его посредником в храмах, и каждый голос *ану* был ноткой ободрения и обещания победы. Великие вожди Гавайев были его друзьями, и его боевые каноэ почти без сопротивления бороздили восемь Гавайских морей. К его оружию были добавлены мушкет и пушка **Ошибка! Закладка не определена.** войны, и белые люди в некоторой степени поступали к нему на службу. Но, обладая всеми этими преимуществами и гарантиями успеха, Кайана внезапно бросила ему вызов и стала его открытым врагом.

Одни объясняют дезертирство Кайаны хладнокровным и неспровоцированным предательством; другие - предположением Кайаны, что по крови Камехамеха не имел права на суверенитет группы, и что его поражение на Оаху лишит его притязаний в этом направлении и, возможно, откроет ему путь к верховной власти; а третьи - ревностью Камехамехи, которая сделала жизнь Кайаны небезопасной на его службе. В них утверждается, что Камехамеха ревновал не только к растущей военной славе Кайаны, но и к подозрительному отношению своей любимой жены, Каахуману, к

красивому и выдающемуся вождю. И это, действительно, как показывают свидетельства местных жителей и другие свидетельства, по-видимому, было главной, если не единственной причиной отчуждения между Камехамеа и его великим капитаном.

На совете вождей на острове Молокаи, на который Кайана не был приглашен и который, как он имел основания полагать, приговорил его к смерти, Камехамеха вменил ему честолюбие в качестве преступления, хотя на самом деле реальным и не упомянутым преступлением была его предполагаемая близость с Каахуману. Таким образом, окажется, что женские взгляды на Гавайях, как и везде, во все века волновали сердца и напрягали руки величайших людей и нередко меняли ход жизненно важных политических событий.

Но, прежде чем полностью представить Кайану в свете, уместно упомянуть о великом вожде, под знаменами которого он так упорно сражался и против власти которого в конце концов восстал; и при этом, возможно, будет интересно кратко остановиться на некоторых выдающихся событиях, связанных с повторным открытием островов капитаном Куком, принятием Камеамеа суверенной власти на Гавайях и окончательным объединением нескольких островов группы под властью одного центрального правительства.

Камехамеха был человеком огромной физической и интеллектуальной силы. В любой стране и в любую эпоху он был бы лидером. Отпечаток его ума остается на его грубых и энергичных законах, и куда бы он ни ступил, везде виден нетленный след. Он был настолько силен телом, что обычные люди были всего лишь **Ошибка! Закладка не определена.** Кажется, он родился мужчиной и у него не было детства. Он всегда был степенным и вдумчивым, и с самых ранних лет его не интересовали никакие виды спорта или времяпрепровождения, которые не были бы мужественными. У него было суровое лицо, склонное скорее к хмурости, чем к улыбкам, но сильно изборожденное морщинами, свидетельствующими о уверенности в себе и неизменной целеустремленности. Он был варваром, неумолимым и беспощадным к своим врагам, но справедливым, проникательным и внимательным в обращении со своими подданными. Его больше боялись и им восхищались, чем любили и уважали; но сила рук и характера вполне подходили ему для роли верховного вождя группы, и он добился того, чего в его время не смог бы сделать никто другой.

Камехамеха родился в Кохале, Гавайи, в ноябре 1740 года. Его отцом был Кеуа, сводный брат Каланиопуу и племянник Алапаинуи, который в то время был королем Гавайев. Его матерью была Кекуиапойва, внучка Каланикаулелейайиви, которая была сестрой Кеаве, предыдущего *моего* правителя острова. Эта сестра была матерью Алапаинуи от вождя семьи Махи из Кохалы. С другим мужем — Лоноикахаупу, *вождем племени* Табу Кауаи — она стала матерью Кеавепоепоз, который был отцом Киеумоку, Камеиамоку и Каманавы, которые вместе с Кеаве-а-Хеулу были главными вождями и сторонниками Камехамехи в его завоевании группы. От жены кауаи Лоноикахаупу стал дедом Каумуалии, последнего независимого правителя Кауаи, и дедом Капиолани, нынешней королевы островов.

У Кеаве, предыдущего короля Гавайев, было четыре признанные жены и еще две, имена которых традиция не сохранила. Одна из них была матерью Ахаулы, которая была отцом Кайаны. После смерти Кеаве двое его старших сыновей погибли в борьбе за господство, и Алапаинуи, сын сестры Кеаве, который через своего отца был вождем Кохалы, принял *мойшество* и, после нескольких сражений, мирно подтвердил свои права на него. Добившись суверенитета над островом, он пригласил ко двору старших сыновей двух своих покойных сводных братьев и содержал их там до тех пор, пока один из них не умер, а другой не поднял против него восстание. Этими двумя сыновьями были Каланиопуу, который был королем острова на момент прибытия капитана Кука в 1778 году, и Кеуа, **Ошибка! Закладка не определена.** отец Камехамехи. Матерью этих

подопечных Алапаинуи была Камакаймоку, вождиня Оаху. Поскольку их отцы были братьями, а Камакаймоку была матерью обоих, они поддерживали друг с другом смешанные отношения сводного брата и двоюродного брата. Она также стала женой Алапаинуи, а от него матерью Мануа, которая была бабушкой Кекуаокалани, последнего выдающегося поборника идолопоклонства в 1819 году.

К этому свидетельству о запутанных взаимоотношениях главенствующих семей группы в тот период можно добавить намеки традиции на то, что Пелейохолани, вождь Кауаи, был настоящим отцом Каланиопуу, и что Кахекили, *мои* с Мауи, был настоящим отцом Камехамеа; и в доказательство последнего приводятся действия и признания Кахекили. Но от этих скандалов вполне справедливо можно отмахнуться как от порождения ненависти и ревности более поздних лет.

Камехамеа родился в Кохале, когда Алапаинуи находился там со своим двором, руководя сбором могучего флота для вторжения на Мауи. Ночь выдалась бурной, и первыми звуками, которые достигли ушей молодого вождя, были завывание ветра и шум военных приготовлений. В ночь своего рождения ребенок был украден у матери и унесен Наоле, вождем Халавы, и в течение нескольких дней о нем ничего не было слышно. Отец искал, мать причитала, но младенца найти не удалось. Однако в конце концов это было обнаружено, и Наоле, вместо того чтобы понести наказание за кражу, разрешили оставить ребенка при себе до достижения им пятилетнего возраста, после чего его доставили ко двору Алапаинуи и там воспитывали как подобает принцу. Традиция не называет причин для кражи ребенка или для удержания его похитителем в течение пяти лет; но, какой бы ни была причина, очевидно, что преступление Наоле не было сочтено ни вопиющим, ни необычным.

Когда Камехамеа достиг возраста двенадцати или четырнадцати лет, его отец, Кеуа, внезапно умер, и возникло подозрение, что он был либо отравлен, либо молился до смерти с помощью Алапаинуи. Это подозрение, по-видимому, разделял и Каланиопуу, и, полагая или предполагая верить, что его собственная жизнь в опасности, он удалился со двора и попытался забрать с собой Камехамаху; но это его разочаровало. В Пиопио произошла драка, когда тело Кеуа лежало там в разобранном виде, и Каланиопуу был доставлен в **Ошибка! Закладка не определена.**на своем боевом каноэ, на котором он сбежал. Этот поступок подтолкнул его к открытому восстанию против своего царственного дяди, и он приготовился поддержать его. С обеих сторон были спешно собраны силы, и после нескольких сражений, в которых Каланиопуу, как правило, потерпел неудачу, он удалился в район Кау и объявил себя независимым сувереном южной части острова. По какой-то причине Алапаинуи больше не беспокоил своего непокорного племянника, а провел два оставшихся года своей жизни в Хило и Вайпио, резиденции многих древних *моисеев*.

Когда Алапаинуи умер, ему наследовал его сын Кеавиопала. Недовольный выделением земель, Киеумоку, племянник умершего короля, восстал против нового *моего*, но потерпел поражение и был вынужден искать спасения у Каланиопуу, которого он нашел уже в поле боя, намеревающегося оспорить суверенитет острова у Кеавиопалы. Эти двое объединили свои силы, встретились и разгромили королевскую армию в Коне. Кеавиопала был убит в бою, и Каланиопуу был объявлен *моими* Гавайями. Юный Камехамеа был взят ко двору своего царственного дяди и обучен всем знатным достижениям того времени.

Хотя вполне вероятно, что Камехамеа принимал участие в некоторых из ранних войн за Каланиопуу, он впервые появляется в традиции как военачальник примерно в 1775 году, в битве на Мауи, между Каланиопуу и Кахекили, *моими* этого острова или большей его части. Каланиопуу потерпел поражение, но поведение Камехамеа было особенно хладнокровным и проницательным. Разумно полагать, что он также принимал участие в катастрофической кампании

следующего года, когда армия Каланиопуу была почти полностью уничтожена в низинах близ Вайлуку.

Эта битва была одной из самых кровавых в гавайской традиции. Каланиопуу вторгся на остров с шестью тяжелыми дивизиями воинов всех родов войск. Члены королевской семьи были сформированы в лейб-гвардию под названием *Keawe*, в то время как дворяне, имевшие право есть за одним столом с королем, составляли две отдельные бригады, известные как *Alapa* и *Piipii*. Высадка была произведена на южной стороне острова. Штаб-квартира Кахекили находилась в Вайлуку, между которым и побережьем простиралась слегка возвышенная песчаная равнина.

The *Alapa* перешли в наступление и, не дожидаясь поддержки, смело двинулись к Вайлуку. Эта бригада была **Ошибка! Закладка не определена.**цветком гавайской армии. Он состоял из восьмисот человек, каждый из которых был благородных кровей. Все они были крупными мужчинами почти одинакового роста, и их копья были одинаковой длины. Маршируя плечом к плечу, в накидках из перьев и шлемах с плюмажами, традиция описывает их продвижение как зрелище, какого никогда прежде не видели. Но Кахекили не был потрясен этим зрелищем. Он позволил им приблизиться на милю или более от Вайлуку, когда внезапно обрушил на них отряд в четыре или пять тысяч копий. Битва превратилась в резню. *Alapa* отказались сдаваться или отступать, и из восьмисот вождей в шлемах спаслись только двое, чтобы рассказать историю об убийстве своих товарищей. Но был взят единственный пленный, и он скончался от ран прежде, чем его смогли отправить по форме и принести в жертву. Это была историческая территория. На песчаной равнине прежде разыгрывалось множество битв, и рядом с ней и выше нее находилось священное место захоронения Иао, где покоились кости многих предков сражавшихся вождей.

На следующий день на той же земле состоялось генеральное сражение, и Каланиопуу потерпел поражение. Но он не был сокрушен. Человеческие потери были велики с обеих сторон, и был установлен временный мир при условии, что гавайская армия должна быть немедленно выведена с Мауи. Приостановка военных действий была обеспечена частично при содействии жены Каланиопуу, Калолы, которая была родной сестрой Кахекили.

Но этот мир был недолгим. Не прошло и года, как Каланиопуу снова вторгся на Мауи, где он продолжал удерживать укрепленные владения в Хане, и начал опустошать его побережье. Без решающих результатов кампания растянулась на месяцы, Каланиопуу удержал плацдарм в Хамакуалоа, но не смог значительно расширить свои завоевания за его пределы.

II.

Именно во время только что упомянутой кампании "Нерешительный" капитан Кук, за несколько месяцев до этого посетивший Кауаи и Ниихау, вернулся к гавайской группе из Северного Ледовитого океана и бросил якорь у берегов Мауи, где он свободно общался с удивленными туземцами и обменивался любезностями с Каланиопуу и его главными вождями, включая Камехамеа. **Ошибка! Закладка не определена.**

В настоящее время признано, что гавайская группа была впервые открыта Хуаном Гаэтаном, испанским мореплавателем, в 1555 году во время путешествия от западного побережья Мексики к Молуккским островам, или островам пряностей; но секрет хранился от всего мира, и первым европейцем, посетившим острова, общавшимся с туземцами и сообщившим о своем открытии, был капитан Кук.

В гидрографическом бюро военно-морского министерства правительства Испании хранится старая рукописная карта, на которой группа довольно точно обозначена и открытие которой приписывается Гаэтано. Он назвал острова *Ислас-де-Меса*, или Столовыми островами. Вполне вероятно, что он высадился на одном из островов с несколькими членами своей команды, поскольку традиция относит внезапное появление белых людей примерно к этому периоду; но если он и высадился, то не оставил никаких записей об этом обстоятельстве, и не доказано, что он когда-либо возвращался к группе или что кто-либо из его соотечественников извлек выгоду из этого открытия. Утверждалось, что капитан Кук направлялся к островам по старой испанской карте, которой он каким-то образом завладел; но его собственные свидетельства, а также свидетельства его офицеров, подтверждают предположение, что повторное открытие им островов было случайным.

В начале декабря 1777 года капитан Кук с британскими национальными кораблями "*Резолюшн* и "*Дискавери*" покинул группу Общества и направился к северо-западному побережью Америки. На запрос туземцы острова Болабола сообщили ему, что они не знают никаких земель к северу или северо-западу от них, и маловероятно, что он ожидал встретить какую-либо из них; но после шестнадцатидневного путешествия он открыл остров Рождества, а 18 января 1778 года увидел Оаху из гавайской группы и к северу от него Кауаи. Сначала он высадился на последнем острове, где был хорошо принят туземцами. Считалось, что он был их богом *Лоно*, чье возвращение в группу было обещано, и ему были оказаны божественные почести. Его корабли были снабжены всем необходимым, и самые красивые женщины острова, включая дочь королевы, были посланы приветствовать его.

Затем он посетил Ниихау, где был принят столь же гостеприимно, и 2 февраля, не посещая другие острова группы, продолжил свое путешествие к Берингову проливу в поисках северо-западного прохода в Атлантику. Приближение зимы положило конец дальнейшим исследованиям на севере, он вернулся на острова и 26 ноября, **Ошибка! Закладка не определена.** 1778 года, увидел Мауи, а на следующий день его корабли посетили сотни местных жителей. Новость о его предыдущем визите на Кауаи и Ниихау распространилась по всей группе, и к нему отнеслись с величайшей дружбой и гостеприимством.

Три дня спустя, когда он находился у северо-западного побережья Мауи, его торжественно посетил Каланиопуу, и шесть или восемь вождей, Камехамеа среди них, сопровождали его почти до Гавайев, где они отплыли на своих каноэ, которые были взяты на буксир, и вернулись на Мауи, к великому облегчению их друзей.

Обогнув побережье Гавайев, суда встали на якорь в бухте Кеалакеакуа на западной стороне острова только 17 января 1779 года. Их сразу же заплотонили туземцы, и верховный жрец, поднявшись на борт, признал в Куке бога *Лонои* набросил ему на плечи священную красную мантию. Во второй половине дня Кук сошел на берег и в соседнем храме позволил публично и торжественно поклониться себе. Тем временем суда в изобилии и безвозмездно снабжались свиньями, домашней птицей, фруктами и овощами, а к офицерам и экипажам относились с величайшей добротой.

24 января Каланиопуу вернулся с острова Мауи, а 26-го нанес кораблям официальный визит. Визит был повторен, и Кук, как и прежде, был принят на берегу с божественными почестями, против которых он не протестовал. Он был помещен среди богов в храме, и ему приносились жертвы как одному из Гавайской Троицы.

Как были вознаграждены преданность и доброта простых туземцев? Пожирая имущество народа, нарушая *табу* священников и попирая указы короля. Кук стал требовательным, деспотичным и

жадным, и по его поведению почти казалось, что он на самом деле начал считать себя богом, за которого его принимали суеверные туземцы.

При таких обстоятельствах его отплытие к подветренным островам группы 4 февраля было воспринято туземцами с удовлетворением; но суда попали в шторм и 11-го вернулись в залив Кеалакеакуа для ремонта. Их встретили гораздо менее торжественно, чем раньше, и ни одно каноэ не отчалило, чтобы поприветствовать их возвращение. Однако Каланиопуу посетил корабли на следующий день и разрешил туземцам возобновить с ними общение. **Ошибка! Закладка не определена.**

Но было очевидно, что чувства людей претерпели изменения. Они обнаружили, что у белых пришельцев были такие же аппетиты, как и у них самих, и они были так же подвержены телесным недугам. Они также обнаружили, что были эгоистичны, несправедливы и властолюбивы и не имели права на то внимание, с которым к ним относились. Начались мелкие стычки, и, наконец, молодой вождь по имени Палеа был сбит с ног веслом английским моряком, когда пытался спасти свое каноэ от бессмысленных повреждений.

В отместку Палеа украл лодку с одного из кораблей. Кук потребовал его восстановить, но, поскольку он был поспешно разобран на железные гвозди и крепления, Каланиопуу, конечно, не смог его вернуть. Вслед за этим Кук приказал заблокировать гавань, в результате чего был убит видный вождь, пытавшийся войти в нее, а затем высадился на берег с командой вооруженного судна с целью захвата и удержания короля в качестве гарантии возвращения пропавшей лодки.

Каланиопуу мирно сопровождал Кука к одному из его судов в гавани и достиг точки недалеко от пристани, когда брат вождя, убитого при попытке войти в гавань, сердито подошел, требуя объяснений. К этому времени большая толпа туземцев окружила короля, и, без сомнения, полагая, что намерения вождя были враждебными, Кук выхватил пистолет и выстрелил в него, а в следующее мгновение застрелил туземца, который напал на него с камнем. Он также ударил своим мечом вождя по имени Канайна. Последний схватил его и удерживал.

Веря, что Кук - бог, никто не думал, что его можно убить. Пытаясь освободиться, он, должно быть, получил рану с какой-то стороны, потому что со стоном рухнул на землю. Стон был для него смертельным. "Он не бог! он стонет!" - воскликнули люди и, не колеблясь, тут же убили его.

По туземцам немедленно был открыт огонь с лодки, а вскоре после этого - из пушек с судов в гавани. Ужас охватил людей, столпившихся на берегу. Многие были убиты, а большая часть оставшихся бежала в горы, прихватив с собой тело Кука. Группа плотников и парусников, работавших на некотором расстоянии, была вовлечена в борьбу, но большинство из них сбежали на корабли благодаря любезным услугам дружественных вождей. **Ошибка! Закладка не определена.**

С костей несчастного капитана, по тогдашнему обычаю, сняли плоть и разделили между несколькими видными вождями. Говорят, Камехакеха получил волосы. Несколько дней спустя, в ответ на просьбу капитана Кинга, все кости, которые удалось найти, были доставлены на борт "Резолюции" по приказу Каланиопуу и с воинскими почестями преданы земле. Затем корабли покинули залив Кеалакеакуа и, причалив к Оаху, Кауаи и Ниихау, 15 марта наконец отплыли на север, оставив за собой череду зол, которые не удалось искоренить за целое столетие.

Отказавшись от своей кампании на Мауи, Каланиопуу, которому было почти восемьдесят лет и он был довольно слаб, после смерти капитана Кука перевел свой двор в Кохалу, а затем в Вайпио, где оставался несколько месяцев. Желая уладить вопрос о престолонаследии при жизни, он созвал своих верховных вождей и провозгласил своего сына Кивалао своим наследником и преемником в правительстве и надзоре за *табу*, а Камехамаху хранителем своего бога войны *Кайли*, которому после капитального ремонта была официально посвящена *хиау* Моаулы в Вайпио. Тому же богу был посвящен храм и в Хило.

Вскоре после этого Имакакалоа, поднявший знамя восстания в Пуне, был схвачен после упорной войны и приговорен к принесению в жертву в храме Пакини. В отсутствие Каланиопуу проведение церемоний перешло к Кивалао. Первыми по порядку были принесены в жертву свиньи и фрукты, за которыми последовало тело вождя повстанцев; но пока Кивалао совершал первое из подношений, Камехамаха схватил тело вождя, принес его в жертву и затем распустил собрание.

Поскольку жертвоприношение было совершено богу войны *Кайли*, хранителем которого он был, Камехамаха, несомненно, заявил права на проведение церемоний и смело присвоил их себе. Но дерзкий акт неподчинения вызвал сильное волнение при королевском дворе, многие расценили это как нечто меньшее, чем мятеж, и Каланиопуу посоветовал Камехамахе удалиться на сезон в Кохалу, поскольку он не мог отвечать за свою безопасность в Вайпио. Он последовал совету своего дяди и, взяв с собой свою жену Калолу, своего брата Калаймамаху и бога войны *Кайли*, переехал в свои родовые поместья в Халаве, в Кохале, где оставался до смерти Каланиопуу, которая вскоре произошла.

В начале 1782 года Каланиопуу умер, и его тело было доставлено в Хонаунау для погребения в священном месте *Хейл-а-Кеаве*. Опасаясь, что раздел земель, который обычно следует за установлением нового *моего*, не будет удовлетворительным, несколько видных вождей, среди которых Камехамаха, отправились в Хонаунау, чтобы помочь в погребении мертвого короля и послушать провозглашение Кивалао. После того, как тело было предано земле, Кивалао поднялся на помост и сообщил собравшимся вождям, что по воле его царственного отца суверенитет Гавайев был передан ему, а опека бога войны *Кайли* - Камехамахе. Ни один другой вождь не был упомянут как предусмотренный, и последовало глубокое недовольство.

На вечерней вечеринке *ава* Кивалао отказался пить *ава*, приготовленное Камехамаха, поскольку обычай требовал, чтобы он это сделал. Кекухаупио, престарелый советник Камехамахи, выбил чашу из рук другого человека, которому Кивалао передал ее нетронутой, и Камехамаха со своим другом резко покинули дом. Вскоре после раздела земель последовал открытый разрыв, и недовольные вожди вынудили Камехамаху взяться за оружие против Кивалао. Он был назначен их лидером, и вокруг него сплотились вожди Коны, Кохалы и Хамакуа, в то время как Кивалао в целом поддерживали вожди Хило, Пуны и Кау.

После поспешных приготовлений с обеих сторон произошла битва при Хауики, в которой Кивалао был убит. Королевская армия была разгромлена, и Кеуа, сводный брат Кивалао, бежал в Кау, где провозгласил себя королем Гавайев, в то время как Кеавемаухили, дядя покойного короля, которому позволили сбежать из-за его чрезвычайно высокого ранга, удалился в Хило и создал собственное независимое правительство. После смерти Кивалао Кеопуолани, его маленькая дочь, мать которой бежала с ней в Кахекили, *мои* на Мауи, была единственной, кого Кеавемаухили был готов признать, и три различные группировки начали борьбу за господство над островом.

В то время как три соперничающих вождя Гавайев вели беспорядочную войну, в ходе которой Камехамаха неуклонно набирал силу, в группе появился новый элемент военной и военно-морской мощи **Ошибка! Закладка не определена.** и стал важным фактором быстро

последовавших политических изменений. В 1786 году первые иностранные суда, после отплытия "*Резолюции*" и "*Открытия*", причалили к островам, и в течение следующего года группу в значительном количестве посетили американские, английские, французские, испанские и португальские купцы, и люди начали снабжать себя ножами, топорами, тканями, бусами и другими изделиями иностранного производства, а вождей - мечами, ружьями, порохом, свинцом и другими боевыми материалами. Оплата за эти товары производилась в некоторой степени свиньями, домашней птицей, фруктами и овощами, но главным образом сандаловым деревом, которым изобиловали горные районы островов и которое нашло готовый рынок сбыта в Китае. Многие моряки-дезертиры поступили на службу к вождям Оаху и Гавайев и, в меньшей степени, других островов и стали инструкторами туземцев по обращению с огнестрельным оружием; Камехамехе особенно повезло, что он заручился услугами Исаака Дэвиса и Джона Янга, которые принимали активное участие в кампаниях окончательного завоевания. Янг женился на представительнице знатной местной семьи и стал дедушкой покойной вдовствующей королевы Эммы, вдовы Камехамехи IV.

В 1790 году Камехамеха, во время временного прекращения боевых действий на Гавайях, вторгся на Мауи с большими силами. Кеавемаухили каким-то образом был вынужден выделить для участия в экспедиции батальон воинов. В отместку за это проявление дружбы к Камехамехе, Кеуа вторгся в Хило, разгромил и убил Кеавемаухили и присвоил себе суверенитет над этим районом. На этом он не остановился. Во время отсутствия Камехамехи он захватил районы Хамакуа и Кохала и уже собирался завладеть всем островом, когда Камехамеха внезапно покинул Мауи, который он полностью подчинил, и вернулся на Гавайи.

Кайана была оставлена охранять район Кона на время отсутствия Камехамехи, и это было единственное подразделение, оставшееся незанятым Кеуа. Камехамеха высадился со своими войсками в Кавайхае, а Кеуа отступил со своей армией к Паухау. Там и при Коапапе разыгралось двухдневное сражение, в ходе которого Кеуа отступил к Хило, а Камехамеха отступил в Вайпио, чтобы восполнить потери.

Остановившись на несколько дней, чтобы разделить земли округа **Ошибка! Закладка не определена.** среди своих вождей, Кеуа отправился в обратный путь в Кау. Его путь пролегал мимо кратера Килауэа. Его армия, состоявшая из трех дивизий, расположилась лагерем в горах, причем центральная дивизия разместилась недалеко от кратера. Перед утром произошло извержение вулкана, и четыреста воинов задохнулись. Это считалось особым наваждением гнева *Пеле*, богини вулкана, и с тех пор она считалась подругой Камехамехи.

В течение года или более Камехамеха предпринимал непрерывные попытки сокрушить власть Кеуа. Кайана действовала против него в Кау, а Киеумоку - в Хило, но он упорно и успешно сопротивлялся. Воспользовавшись таким положением дел, Кахекили, *мой* с острова Мауи, при содействии Каео, короля Кауаи, вторгся на Гавайи, вероятно, с целью отвлечения внимания в пользу Кеуа, но объединенные армии были изгнаны с острова Камехамаеа.

Кеуа, однако, оставался непокорным, и Камехамеха решил при каждой жертве сокрушать его, как предварительный шаг к завоеванию всей группы, о которой в то время он начал медитировать. Незадолго до этого он отправил бабушку Каахуману на Кауаи посоветоваться с пророками этого острова, и ему сообщили от знаменитого Капукахи, что если он восстановит *храм* Пуукохола и посвятит его своему богу войны, то станет хозяином Гавайев. В храме была проделана кое-какая работа, и Камехамеха решил завершить ее немедленно. Поэтому он приказал большому количеству людей из окрестных районов отправиться в Кавайхэ и помочь в строительстве *heiau*. Откликнулись многие тысячи. За исключением Келиимайкая, брата Камехамехи, которого

оставили незагрязненным для освящения, каждый вождь принял участие в работах, и вскоре храм был завершен, причем в ходе работ было принесено в жертву большое количество людей.

Таким образом, строительство храма Пуукохола было завершено, но до его официального освящения Кеаве-а-Хеулу и Каманава, два главных советника Камехакехи, были отправлены в Кау под флагом перемирия, чтобы пригласить Кеуа посетить Камехакеху с целью согласования условий заключения мира. Кеуа любезно принял послов и дал согласие на проведение конференции. Его действия показывают, что он подозревал мотивы Камехакехи, но он решительно **Ошибка! Закладка не определена.** принял риск отдать себя на милость своих врагов.

Путешествуя по штату на двухместном каноэ, Кеуа прибыл на пристань Майлекини в Каваихае. Заметив Камехакеху на пляже, Кеуа окликнул его, и тот пригласил высадиться. Вокруг него было несколько каноэ, и когда он выпрыгнул на берег, Киеумоку с одного из них предательски вонзил копье в его тело, сразу убив его. Затем было совершено нападение на его слуг, и все они, кроме двоих, были убиты. Поскольку это и многие другие события, отмеченные в этой главе, кратко упоминаются в легенде о “Пророчествах Кеаулумоку”, будет достаточно упомянуть, что тело Кеуа было доставлено в храм Пуукохола и там принесено в жертву *Кайли* с большой помпой и церемонией. Владения несчастного вождя перешли в руки Камехакеа, который сразу же стал признанным властелином всего острова. Это было в 1792 году.

В предыдущей кампании Камехакехи против Мауи, из которой он был отозван успехами Кеуа на родине, этот остров, как уже говорилось, был полностью покорен. На момент вторжения все Мауи, Оаху, Молокаи и Ланаи находились во владении Кахекили, который поселился на Оаху, оставив своего сына Каланикупуле во главе Мауи. В единственной мощной битве на равнинах между Восточным и Западным Мауи Камехакеха разгромил армию Каланикупуле, который бежал на Оаху и присоединился к своему отцу, в то время как большинство вождей Мауи искали убежища на других островах.

После этой победы Камехакеха отправил гонца к Кахекили, сообщив ему о своем намерении вторгнуться на Оаху, и старый король вернул ему такой ответ: “Скажи Камехакехе, чтобы он возвращался на Гавайи, и когда черная *капа* покроет тело Кахекили, вся группа будет принадлежать ему”. Однако этот ответ вряд ли можно было назвать честным, поскольку вскоре после возвращения Камехакехи на Гавайи Кахекили вступил в сговор с Каео, королем Кауаи, и начал войну против Камехакехи в его собственном доме, что привело к уже упомянутым катастрофическим результатам для конфедератов.

В 1794 году Кахекили умер, оставив Каланикупуле своим преемником и претендентом на суверенитет Оаху, Мауи, Молокаи и **Ошибка! Закладка не определена.** Ланаи. Каео, младший брат и союзник Кахекили, который стал королем Кауаи, женившись на королеве Камакахелеи, и участвовал в управлении Мауи после вывода войск Камехакехи, решил временно вернуться на Кауаи после смерти Кахекили. Взяв с собой часть своей армии, он сначала высадился на Молокаи, чтобы собрать дань, а затем высадился на Оаху за дальнейшими припасами. Хотя его визит был дружественным, он встретил противодействие со стороны Каланикупуле, и последовала битва, в которой Каео был убит.

Королю Оаху помогали моряки двух английских кораблей, стоявших в гавани Гонолулу, - "*Шакал* и *принц Лебу*. После победы на борту кораблей был устроен пир, на который были приглашены король и ряд его военачальников. Некоторые лодки кораблей, возвращавшиеся с берега со своими экипажами, сели на мель на рифе. Поняв это, Каланикупуле и его вожди захватили корабли, убив их капитанов и ряд других. Обрадованный обладанием этими судами и их вооружением, король

решил вторгнуться на Гавайи. Погрузив свою армию на каноэ, он переправился на одно из судов, на борту которого хранилась большая часть его оружия и военных материалов.

Экипажи судов были наняты для управления ими, и Каланикупуле отплыл из гавани в приподнятом настроении. Но далеко он не ушел. Достигнув глубокой воды, иностранцы отправили его и его сопровождающих обратно в Вайкики на лодке, а затем отплыли на Гавайи, где доставили военные припасы Каланикупуле Камехамехе, который уже тогда готовился к высадке на Оаху и окончательному завоеванию и консолидации группы. Это было во второй половине 1794 года. Количество военного снаряжения, доставленного Камехамехе, было невелико, но все это сослужило ему хорошую службу.

IV.

С этой несколько расширенной ссылкой на Камехамеху и выдающихся вождей его времени, которая прослеживает общественные события вплоть до кануна завершающей завоевательной битвы, мы теперь вернемся к Кайане, благодаря отношениям которой с Камехамехе можно увидеть некоторые любопытные проблески домашней жизни **Ошибка! Закладка не определена.**последнего. До сих пор мы видели в нем воина. Теперь мы рассмотрим его как мужа, чей покой был нарушен ревностью, и чье сердце, суровое во всем остальном, не было защищено от нежного влияния любви.

По завершении своей неудачной кампании против вождей Хило и Кау в 1785 году Камехамеха поселился в своей резиденции в Каухоле, где на некоторое время посвятил себя более мирным занятиям. Чтобы стимулировать свой народ к трудолюбию, он уделил свое личное внимание сельскому хозяйству, и до сих пор отмечается участок земли, обработанный его собственными руками. Непрерывные войны привели к обеднению его владений, и он стремился восстановить продуктивность своих заброшенных земель.

До этого времени у Камехамехи было две признанные жены, Калола и Пелеули. Эта Калола не была вдовой Каланиопуу, хотя и носила похожее имя. Она была внучкой Кеаве, короля Гавайев. Пелеули была дочерью Каманавы, брата Киеумоку, и одной из его самых верных сторонниц.

Несколько месяцев Камехамеха спокойно жил в Каухоле. Вдохновенная песня Кеаулумоку, умершего годом ранее, предсказывающая, что он станет повелителем группы, все еще звучала в его ушах, и в разгар своих трудов его народ поощрялся к мужественным играм и забавам, которые добавляли им силы, мастерства и выносливости на войне. Фиктивные бои на суше и на море, а также соревнования по плаванию, нырянию, борьбе, бегу и прыжкам в воду были частыми; и во время ежегодного праздника *Лоно*, начинавшегося с зимнего солнцестояния и продолжавшегося пять дней, устраивался турнир, на который в Каухолу съезжались ведущие вожди Хамакуа, Кохалы и Коны. Среди них был знаменитый Киеумоку, который руководил округом Кона. Его сопровождала его семья, самой привлекательной чертой которой была его дочь Каахуману.

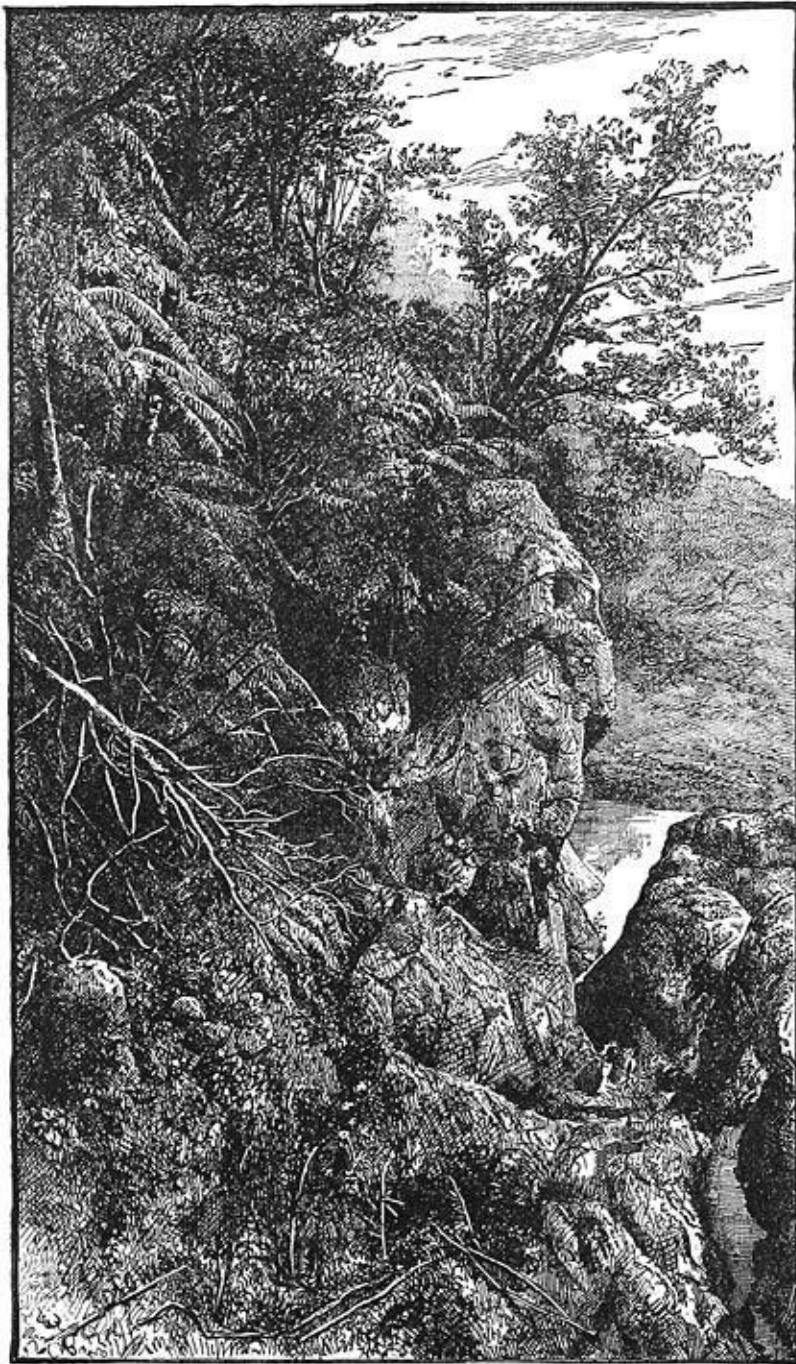
За двадцать лет до этого Киеумоку, происходивший из королевской династии, восстал против Каланиопуу, потерпел поражение и был вынужден найти убежище на Мауи, чей *мой*, Камехамехануи, умер всего за несколько дней до этого, оставив правительство своему брату Кахекили. Киеумоку, чье состояние было отчаянным, удалось пленить Намахану, вдову покойного короля, и жениться на ней, к большому огорчению и разочарованию Кахекили, чьи притязания на вдовствующую герцогиню были подкреплены королевским обычаем **Ошибка! Закладка не определена.**того времени. Возникли трудности, и Киеумоку с женой поселились на северной

стороне острова. Но им не разрешили оставаться там в мире. Из-за враждебности Кахекили они были изгнаны на Молокаи, а оттуда в район Хана на востоке Мауи, который тогда принадлежал королю Гавайев, и там, по милости Каланиопуу, им было разрешено прожить несколько лет; и там, в 1768 году, родился Каахуману. После смерти Каланиопуу в 1782 году Киеумоку вернулся на Гавайи и в войне за престолонаследие поддержал дело Камехамехи и стал одним из его главных советников и капитанов.

Каахуману была одной из самых привлекательных женщин своего времени и унаследовала что-то от беспокойного и независимого духа своего воинственного отца. Ей шел восемнадцатый год, когда она появилась при дворе Камехамеа во время фестиваля *Лонов* 1785 году. Жены Камехамехи были уже в преклонных годах, Пелеули была матерью взрослого сына, а Каахуману очаровала великого вождя своей свежестью и независимостью. Его воинственная душа поддавалась очарованию, и, чтобы завоевать ее улыбку, он принял участие в конкурсах фестиваля и победил всех соперников. Затем он предложил ей стать его женой. Киеумоку с готовностью согласилась, но Каахуману можно было завоевать только обещанием, что ее дети станут политическими наследниками Камехамехи. Это обещание было дано, и Каахуману стала женой Камехамехи. Вероятно, в то время он намеревался соблюдать соглашение, но поскольку Каахуману умер бездетным, ему в конце концов пришлось распорядиться престолонаследием по другим, более уважаемым каналам.

Каахуману стала женой сердца Камехамехи. Он любил ее так сильно, как только был способен любить какую-либо женщину, и она была единственной, к чьим нескромным поступкам он относился с чувством ревности. Другие его жены не ограничивались его единственным вниманием, и даже у чистокровной Кеопуолани, на которой он впоследствии женился и которая стала матерью его наследников престола, был общий муж в Хоапили.

Но в привязанности Каахуману Камехамеха не потерпел бы ни совместного жилья, ни соперника. Она, несомненно, стремилась воспользоваться привилегиями того времени, но Камехамеха возразил **Ошибка! Закладка не определена.**нахмурившись, что для другого означало бы смерть, и в течение многих лет их отношения были противоположны гармоничным.

Бог “Кумауна”, в четырех милях над Хилеей, Гавайи.

(ОГРОМНОЕ ЛИЦО, ОЧЕРЧЕННОЕ В СКАЛЕ.)

Отцом Кайаны был Ахола, который был сыном Кеаве, короля Гавайев, от матери, имя которой сейчас неизвестно. Матерью Кайаны была Каупекамоку, внучка Ахии из семьи Хило, от которой нынешний правитель островов унаследовал свою родословную. Место рождения Кайаны не указано, но, вероятно, он вырос в окрестностях Хило и был тщательно обучен всем главным достижениям того периода. Он вырос и стал великолепным мужчиной. Он был почти шести с половиной футов ростом, хорошо сложен и обладал поразительно красивым лицом. Это свидетельство капитана Мирса, с которым он совершил путешествие в Китай в 1787 году.

Кайана обладал высоким званием и безграничными амбициями, и в юности связал свою судьбу с Кахекили, воинственным *моим* с острова Мауи, с которым он состоял в родстве. Он был одним из

выдающихся вождей, помогавших Кахекили в завоевании Оаху в 1783 году, и принял выдающееся участие в решающей битве при Кахейки. Кахахана, несчастный король Оаху, сбежал в горы, где скрывался почти два года, когда был предан братом своей жены и убит по приказу Кахекили.

Такое жестокое обращение с Кахаханой вкупе с алчностью захватчиков вызвало отвращение среди вождей Оаху, и отец Кахаханы и другие организовали широко распространенный заговор против Кахекили и вождей мауи, которым были отведены земли в нескольких районах острова. План состоял в том, чтобы восстать сообща и убить их всех за одну ночь, включая Кахекили. Но кровавый проект провалился. Каким-то образом это стало известно Кахекили, и он отправил гонцов к вождям, которым угрожала опасность, предупреждая их об опасности. Все они, кроме одного, были уведомлены. Гонцу не удалось добраться до Хьюу, который был в Вайалуа, и он был убит. Но его смерть была страшно отомщена. Кахекили собрал свои силы для кровавой войны. Мужчины, женщины и дети были безжалостно убиты, а вожди коренных народов Оаху были почти истреблены. Резня была настолько масштабной, что один из вождей племени мауи построил в Лапакеа дом, стены которого были выложены костями убитых.

В ходе этого восстания ряд собственных вождей Кахекили выступили против него **Ошибка!** **Закладка не определена.**, среди которых были Кайана и Канеонео, последний из которых был первым мужем Камакахелеи, королевы Кауаи. Что спровоцировало бегство Кайаны, неизвестно, но он, вероятно, был недоволен землями, выделенными ему Кахекили, и надеялся извлечь выгоду из восстановления местного правления на острове.

Канеонео был убит, но Кайане удалось сбежать на Кауаи. Канеонео происходил из королевского рода Кауаи и, как уже говорилось, был первым мужем королевы этого острова. Как он стал сторонником Кахекили в его завоевании Оаху или что побудило его впоследствии присоединиться к делу вождей Оаху, остается только гадать.

Вторым мужем Камакахелеи, которого она выбрала несколько лет назад, когда был жив ее первый муж, как тогда было принято, был доблестный Каео, или Каеокулани, младший брат Кахекили. Она хвалила его не столько из-за его княжеской крови, сколько из-за его многочисленных достижений и личных достоинств, и она, похоже, была к нему очень привязана.

У нее было две дочери от Канеонео, обе из которых достигли брачного возраста, когда она стала женой Каео. Следует упомянуть, что она была внучкой Лоноикахаупу, принца Кауаи, который в молодые годы посетил Гавайи, был принят в качестве временного мужа Калани, сестры Кеаве, и через нее стал дедушкой Киеумоку и двух его выдающихся братьев. Дочерьми королевы были Лелемахоалани и Капуамоху, последняя из которых в браке с Каумуалии, последним независимым королем Кауаи, стала бабушкой нынешней королевы Капиолани.

Каео не принимал участия в завоевании Оаху своим братом, но остался на Кауаи, помогая королеве в ее управлении, в то время как Канеонео нашел занятие сначала в оказании помощи, а затем в противостоянии Кахекили. Сбежав с Оаху после поражения мятежных вождей и смерти Канеонео, Кайана предстал перед королевой Кауаи, которая была его дальней родственницей, и Каео, которая была в более близком родстве, и рассказал им историю беспощадных операций Кахекили на Оаху. Он стремился вызвать активное сочувствие в пользу несчастных оахуанцев, но Каео был слишком прозорлив, чтобы проявлять враждебность к своему воинственному брату, который распространил свою власть на все острова между Кауаи и Гавайями. **Ошибка! Закладка не определена.**

Однако Кайана был любезно принят при дворе Кауаи и получил земли для надлежащего содержания. Но он не мог оставаться спокойным. В то время как лязг оружия был слышен на

других островах, он был раздражен ограничениями своего изгнания и попытался организовать отряд воинов для высадки на Оаху. Однако Каео помешал отправлению экспедиции, и вскоре между ним и его безрассудным и неугомонным кузеном возникло взаимное чувство подозрительности и антагонизма.

Поскольку пути к продвижению в условиях войны, казалось, были временно закрыты для него, Кайана облачился в свой лучший наряд, устроил прием и начал энергично разыгрывать придворного. Сначала он попытался вытеснить Каео из привязанности королевы. Потерпев неудачу в этом, он затем ухаживал за ее дочерью Капуаамоху. Последний был склонен благосклонно отнестись к его иску, но Каео, по мнимому совету *каулы*, возразил против союза, и в духе безрассудства Кайана сел на корабль *Нутка*, направлявшийся в Китай в конце 1787 года. Это торговое судно зашло на Кауаи как раз в тот момент, когда положение Кайаны казалось самым отчаянным, и капитана Мирса было легко убедить разрешить красивому гавайцу сопровождать его к азиатскому побережью.

Прибыв в Кантон, Кайана провел несколько месяцев, изучая военное искусство и общаясь с представителями незнакомых рас, а во второй половине 1788 года вернулся на "*Ифигении*" на Кауаи, привезя с собой очень значительный запас мушкетов, пороха, свинца и других боевых припасов. Поскольку способ, которым он обеспечил эти поставки, не указан, мы вынуждены полагать, что он, должно быть, взял с собой в Китай некоторое количество сандалового дерева, которое было легко продать в этой стране.

Но Каео не позволила ему высадиться на Кауаи. Накануне облака указывали на приближающуюся опасность, и Кайане сказали, что он будет убит и принесен в жертву, если его нога коснется берега. Таким образом, судно направилось на Гавайи, где Кайана высадился и предложил Камехамене свои услуги. Они были незамедлительно приняты. Его запасы оружия и знание других земель сделали его в то время ценным союзником, и Камехамена дал ему важное командование и полностью доверился ему. Это было в начале 1789 года, и в последующих войнах с Кеуа Кайана, как уже упоминалось, стала активным лидером. Ножи, топоры и мечи **Ошибка! Закладка не определена.**, привезенные им из Китая, были признаны полезными, но огнестрельное оружие, как правило, было старого образца, и большинство из них вскоре пришли в полную негодность из-за неспособности местных жителей содержать их в ремонте.

V.

Очень скоро после ее замужества Каахуману была уличена в вопиющем флирте с некоторыми вождями, чьи дела привели их ко двору ее мужа, и Камехамена пристально следил за ее действиями. Это привело к ожесточенным спорам между ними, и со временем поползли слухи о том, что Камехамена ревновал к своей молодой жене. Прибытие Кайаны добавило еще одного в список поклонников Каахуману, и со временем на суровом лице ее мужа-воина появилась еще одна морщинка. Кайана была одним из самых красивых вождей своего времени, и Каахуману не могла скрыть своего увлечения им. Но, каким бы ни было искушение, он был слишком осторожен, чтобы пробудить ревность Камехамены, и не был недоволен, когда его отправили с армией против Кеуа в отдаленный район Кау.

После смерти Каланиопуу в 1782 году, а также поражения и гибели Кивалао, вдова первого, которую звали Калола, уехала на Мауи, взяв с собой вдову и малолетнюю дочь Кивалао. Кахекили, брат Калолы, обеспечивал семью и оказывал им свою защиту. После завоевания Оаху

Кахекили перевел свой двор на этот остров, забрав с собой сестру и ее семью. В 1785 году они вернулись на Мауи с Каланикупуле, сыном Кахекили, который был назначен вице-королем острова, и оставались там, в основном в Оловалу, до 1790 года, когда Камехамеха изгнал Каланикупуле с Мауи, и они искали убежища в Каламауле, на острове Молокаи.

Видя, что ему ясен путь к завоеванию группы, и стремясь стать союзником высшей крови, которая протекала через Калолу и Кивалао, Камехамеха отправил гонца на Молокаи, прося Калолу не возвращаться на Оаху, а отдать себя и семью под его защиту. Следуя за посыльным на Молокаи и узнав, что Калола больна и выздоровления не ожидается, Камехамеха нанес ей визит лично и получил **Ошибка! Закладка не определена.** заверение умирающей вдовы в том, что после ее смерти ее дочь и внука перейдут к нему.

Внучкой была Кеопуолани, тогда четырнадцатилетняя девочка. Впоследствии она стала женой Камехамехи и матерью правящих принцев его династии. В знак признания ее высшего ранга Камехамеха всегда подходил к ней на коленях, даже после того, как она стала его женой, а он бесспорным властелином группы. Таково было почтение, неизменно оказываемое рангу в то время и ранее.

Калола прожила всего несколько дней после своей встречи с Камехамех. После ее смерти он выразил свою скорбь, выбив себе два передних зуба, а затем официально взял на себя заботу о и перевез на Гавайи ее дочь и внука, не только как священное наследие Калолы, но и в знак примирения и союза между ним и старшей ветвью династии Кеаве.

Каахуману хорошо понимала значение этого примирения и без особого удовольствия приветствовала Лилиху и ее дочь на Гавайях. Она знала, что целью Камехамехи было жениться на Кеопуолани, как только та достигнет соответствующего возраста; но у нее не было детей, и она не могла выдвинуть никаких обоснованных возражений против этого союза. Мысль об этом, однако, не смягчила ее настроения и не обострила чувство приличия. Она становилась все более безрассудной, а ее муж - все более и более подозрительным, пока они окончательно не расстались, когда Каахуману вернулась к своему отцу, где оставалась больше года и где, как говорят, Кайана часто навещала ее.

Об этих визитах Камехамеха узнала от Кепупуохи, жены Кайаны, о которой традиция почти не упоминает. Она ревновала своего мужа к Каахуману, и именно через нее Камехамеха узнал об их тайных встречах. Его шпионы проглядели то, что обнаружили ревнивые глаза жены, и намекают, что они отомстили тем же супружеской паре-изменнице. Как бы то ни было, Камехамеха послал за Каахуману, и через посредство капитана Ванкувера, чье судно в то время стояло на якоре в заливе Кеалакеакуа, между ними было достигнуто примирение.

Но Камехамеха не простил Кайану. Его мысли были сосредоточены на завоевании Оаху, и он нуждался в его помощи в этом важном предприятии; но он решил сокрушить его всякий раз, когда сможет сделать это без ущерба для себя. Кайана чувствовал холодность своего вождя и заметил безошибочные свидетельства его ненависти; но он не пренебрег своим долгом и решил, что, если открытого разрыва избежать невозможно, Камехамеха не должен быть в состоянии привести для этого причину, которая вызвала бы уважение и одобрение поддерживающих его вождей.

Создав своих окружных вождей собрать необходимое количество каноэ и вооруженных людей, Камехамеха приготовился к завоеванию Оаху и последней битве за господство над группой. Говорят, что его армия насчитывала шестнадцать тысяч воинов, некоторые из них были вооружены мушкетами, и что количество его каноэ было так велико, что они почти почернели на протоках, по которым проходили.

Армия отплыла с Гавайев в начале 1795 года и, зайдя в Лахайну перекусить, высадилась для окончательной подготовки на Молокаи, где флотилия каноэ была распределена на многие мили вдоль побережья. Кайана быстро откликнулся на призыв своего вождя и был там с большим количеством воинов и каноэ.

В Каунакаке был созван военный совет для обсуждения планов кампании, но Кайану не пригласили участвовать в его работе. Его исключение из совета встревожило Кайану, и он подозревал, что он был главной темой обсуждения. Он покинул свои покои и, зайдя в дом Намаханы, матери Каахуману, узнал от нее, что совет обсуждает какой-то частный вопрос, природа которого ей неизвестна. В следующий раз он посетил Калаймоку после закрытия совета и попытался выяснить, что было сделано, но ответы вождя были уклончивыми и неудовлетворительными. Он не осмелился сказать Кайане, которая была его кровным союзником, что Камехахеа обвинил Кайану перед советом в преднамеренной государственной измене, что повлекло за собой его смерть, и что его советники убедили его отложить рассмотрение дела до окончания завоевания Оаху.

На обратном пути в Хамилолоа, где стояли лагерем его воины, Кайана снова миновал дом Намаханы. Уже перевалило за закат, и он шагал в сгущающихся сумерках, в мыслях у него царил смятение сомнения и негодования, когда из-за кустов он услышал, как тихо произносят его имя. **Ошибка! Закладка не определена.** Он остановился и прислушался, и до него снова донеслось “Кайана!” мягким голосом.

Опасаясь предательства, он на мгновение заколебался, затем вытащил нож из ножен, висевших у него на шее, и осторожно обошел заросли.

- Кто зовет? - спросила Кайана, заметив скорчившуюся фигуру в кустах.

“Твой друг”, - был ответ; и Каахуману поднялся и встал перед ним.

О том, что произошло между ними, можно только догадываться; но Каахуману, должно быть, убедил Кайану во враждебных намерениях Камехахеи относительно него, поскольку, добравшись до своих покоев, он быстро сообщил своему брату Нахиоле об опасности, ожидающей их обоих, и сообщил ему о своем решении покинуть Камехахеу по пути на Оаху и присоединиться к силам Каланикупуле. “Движение опасное, - объяснила Кайана, - но оно, по крайней мере, позволит нам умереть как вожди, с оружием в руках, вместо того, чтобы быть убитыми, как собаки”.

Когда на следующее утро несколько дивизий готовились отплыть на Оаху, Кайана посетил эскадрилью каноэ, выделенную для размещения жен и дочерей Камехахеи и его главных вождей, и тайно сообщил своей жене о своем намерении присоединиться к Каланикупуле. Она выразила удивление по поводу этого заявления, но отказалась следовать за ним, заявив, что предпочитает связать свою судьбу с Камехахеа. “Но, - с горечью продолжила она, - возможно, Каахуману последовал бы за тобой, если бы его попросили об этом!” Кайана ничего не ответил на это резкое предложение, но поспешно помахал жене на прощание и присоединился к своим воинам.

Другие подразделения армии вторжения были уже далеко в море, прежде чем Кайана поднял паруса, и ему не составило труда незамеченным добраться до Кайлуа, на северной стороне острова, в то время как Камехахеа высадился с основной частью своих сил в окрестностях Гонолулу, его каноэ протянулись вдоль берега от Вайалаэ до Вайкики.

Высадив своих воинов в Кайлуа численностью около полутора тысяч человек, Кайана предложил свои услуги Каланикупуле, армия которого быстро занимала позиции в долинах за Гонолулу. *Мои*

приняли его с распростертыми объятиями, пообещав ему суверенитет Мауи, если им удастся уничтожить **Ошибка! Залладка не определена.**Камехамеха; и объединенные армии, преодолев перевалы Нууану и Калихи, столкнулись с наступающими линиями Камехамеха.

Узнав о дезертирстве Кайаны и воинов под его командованием, Камехамеха почти не удивился. Он не сомневался в своей способности победить объединенные армии своих противников, поскольку предзнаменования были благоприятными, и он верил в своих богов; не сожалел он и о том, что своим отступничеством Кайана, наконец, поставил себя в положение открытого врага.

Со своим богом войны *Кайли* в авангарде Камехамеха во главе могучего отряда двинулся вверх по долине Нууану, где в трех милях от Гонулулу, за каменной стеной, протянувшейся от одного холма до другого в сужающемся ущелье, окопались основные силы союзных армий. А за стеной стоял Кайана, мрачный, молчаливый и отчаявшийся, с мушкетом в руке, ожидая приближения Камехамехи.

Атакующая колонна продвигалась все ближе и ближе, сопровождаемая криками, на которые отвечали криками вызова из-за укреплений. Сотня или более воинов, имевших огнестрельное оружие с каждой стороны, обменялись несколькими мушкетными залпами, но Кайана не принимала участия в шумном конфликте. Он ожидал приближения той, чьей жизни жаждал больше всего на свете и за которую был готов обменять свою собственную.

Но он смотрел напрасно. Полевое орудие под руководством Джона Янга было направлено на стену, и Кайана упала с первым выстрелом, смертельно раненная. После еще нескольких выстрелов гавайцы бросились вверх по склону, их крики заглушали рев прибора, бьющегося о риф внизу. Кайана прижался к стене. Его сердце было почти обнажено, а глаза затуманились. С усилием он поднял свой мушкет, выстрелил наугад в направлении штурмующей колонны, надеясь, что пуля случайно попадет в сердце Камехамехи, а затем упал замертво.

Разгром оахуанцев и их союзников был полным. Они сломались и бежали во всех направлениях. Некоторых прогнали через *пали*, пропасть высотой в шестьсот или семьсот футов в начале долины, а другие спаслись бегством по холмам. Каланикупуле на время нашел убежище в горах, но в конце концов был схвачен, **Ошибка! Залладка не определена.**убит и принесен в жертву богу войны Камехамехи в Вайкики.

Это была последняя битва завоевания, и победа передала Камеамеа суверенитет группы, поскольку король Кауаи, признав его власть, вскоре после этого присягнул ему на верность. Но это положило конец карьере одного из самых известных современных гавайских вождей - Кайана-а-Ахаулы, — смерти которого Камехамеха радовался, а Каахуману молча оплакивал. Ее любовь оказалась роковой не для одного, но он был самым великим и умным из всех, кто погиб от сладкого яда ее улыбок. **Ошибка! Залладка не определена.**

КААЛА, ЦВЕТОК ЛАНАИ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАМЕХАМЕА I., король Гавайев.

ОПОНУИ, вождь Ланаи.

КААЛА, дочь Опонуи.

КАЛАНИ, мать Каалы.

КААЙАЛИИ, королевский наместник.

МИЛУ, ломатель костей.

УА, друг Каалы.

ПАПАКУА, священник.

Ошибка! Закладка не определена.

КААЛА, ЦВЕТОК ЛАНАИ.

ИСТОРИЯ ФОНТАНИРУЮЩЕЙ ПЕЩЕРЫ ПАЛИКАХОЛО.

Я.

Под одним из самых крутых скалистых утесов, о которые разбиваются буруны залива Каумалапау, на маленьком острове Ланаи, находится *Пухио-Каала*, или “Бьющая ключом пещера Каала”. Единственный вход в него находится через водоворот, который отмечает место, где через определенные промежутки времени отступающие воды поднимаются столбом пены над поверхностью. Внутри дно пещеры постепенно поднимается от отверстия под водой, пока не достигнешь площадки выше уровня прилива, а справа и слева, дальше, чем может охватить глаз при тусклом свете, пробивающемся сквозь бушующие волны, простираются сырые и покрытые ракушками берега, где крабы, полипии, скатовые ужи и другие зловонные обитатели глубин находят защиту от своих более крупных врагов.

Эта пещера когда-то была любимым пристанищем *Муали*, великого бога-ящера; но поскольку посланцы *Уканипо*, бога-акулы, сильно раздражали его и угрожали заточить в ней, завалив отверстие горой камней, он покинул ее и нашел пристанище в пещере недалеко от Каулапапы, на соседнем острове Молокаи, где рыбаки воздвигли ему множество грубых храмов.

До времен Камехамехи I. отважные ныряльщики часто посещали Фонтанирующую пещеру, и однажды огонь, заключенный в маленькую тыкву-калебас, был спущен вниз через водоворот с целью разжечь огонь и исследовать его таинственные помещения; но огонь был рассеян и потушен невидимой рукой, и те, кто принес его, поспешно отступили, спасаясь от дождя камней, обрушившегося на них с крыши пещеры. О существовании пещеры все еще известно, и указывают на водоворот и фонтанирующую колонну, отмечающие вход в нее; но интервалы между посещениями ныряльщиками ее лишенных солнца глубин становились все длиннее и длиннее, пока нынешнее поколение не может **Ошибка! Закладка не определена.**указать, возможно, не более чем на одного человека, который отважился войти в них.

Традиция обрисовала в общих чертах ряд сверхъестественных и романтических историй, связанных с Фонтанирующей пещерой, но ближайшая полная и самая свежая из этих *мукао* - легенда о Каале, цветке Ланаи, которая приводится здесь значительно реже, чем это предусмотрено местным повествованием.

В период относительного затишья, если не мира, в бурной карьере Камеамеа I., ближе к концу прошлого столетия, после битвы при Мауналее, он отправился со своим двором на остров Ланаи на короткий сезон отдыха. Визит был совершен не с целью поклонения в великом *храме* в *Кауноле*, который тогда был наполовину разрушен, или в каком-либо из меньших храмов, разбросанных тут и там по маленькому острову и посвященных, в большинстве случаев, богам-рыбам. Он отправился в Килию просто для того, чтобы насладиться несколькими днями отдыха вдали от мест своих многочисленных конфликтов и какое-то время попировать на богатых рыбацких угодах этой местности.

Он отправился в путешествие на шести двухместных каноэ, все в желтую полоску, а на его собственном был королевский флаг. Он взял с собой своего бога войны, *Кайли*, и небольшую армию слуг, состоящую из жрецов, *кахуна*, *кахили* и носильщиков плевательниц, стюардов, поваров и другой домашней прислуги, а также свиту выдающихся вождей с их личными слугами в их собственных каноэ и сотню воинов в качестве королевской гвардии.

Высадившись на берег, победоносный вождь был с энтузиазмом встречен пятью или шестью тысячами человек, населявших тогда остров. Он поселился в самом большом из нескольких коттеджей, предоставленных для него и его личной прислуги. Провизию приносили в изобилии, не скупясь приносили цветы, душистые травы и виноградные лозы. Вождь и его титулованные слуги были увешаны ими. Они были разбросаны у него на пути, брошены у его двери и разбросаны по его жилищу, пока их аромат, казалось, не наполнил весь воздух.

Среди многих, кто приносил в жертву цветы, была прекрасная Каала, “благоухающий цветок Ланаи”, как ее называли. Ей было пятнадцать лет, и по грации и красоте ей не было равных на острове. Она была дочерью опонуи, вождя одного из низших сословий, и ее почитатели исчислялись сотнями. Из многих, кто искал ее в жены, была Мэйлоу, **Ошибка! Закладка не определена.**“разрушительница костей”. Он был огромным, мускулистым дикарем, способным сокрушить почти любого обычного человека в гневных объятиях; и в то время как Каала ненавидела, боялась его и пользовалась любым случаем, чтобы избежать встречи с ним, ее отец одобрял его ухаживания, несомненно, довольный мыслью заполучить в зятя друга и защитника, столь известного своей силой и свирепостью.

Когда Каала разбрасывала цветы перед вождем, Каайали заметил ее грациозные движения и скромность, и когда он увидел ее лицо, то был восхищен его красотой. Несмотря на юный возраст, он был одним из самых ценных лейтенантов Камехамехи и отличился во многих сражениях. Он был благородной крови и осанки, с жилистыми конечностями и красивым лицом, и когда он остановился, чтобы посмотреть в глаза Каале и сказать ей, что она прекрасна, она подумала, что эти слова, хотя они часто произносились ей другими, никогда раньше не звучали для нее так сладко. Он попросил у нее простой цветок, и она сплела *лею* для его шеи. Он попросил ее улыбнуться, и она посмотрела ему в лицо и отдала ему свое сердце.

Они виделись на следующий день, и еще через день, а потом Кайали пошел к своему вождю и сказал:

“Я люблю прекрасную Каалу, дочь Опонуи. Твоя воля - закон. Отдай ее мне в жены”.

На мгновение Камехамеха молча улыбнулся, а затем ответил:

“ Я не могу отдать эту девушку. Мы должны быть справедливы. Я пошлю за ее отцом. Приходите завтра.

Кайали надеялся на другой ответ, но ни протест, ни дальнейшие объяснения были неприемлемы, и все, что он мог сделать, это поблагодарить короля и удалиться.

Гонец привел Опонуи к Камехамехе. Его приняли любезно и сказали, что Кайали любит Каалу и желает сделать ее своей женой. Эта информация разожгла гнев Опонуи. Он ненавидел Кайали, но не осмеливался демонстрировать свою враждебность перед королем. Он участвовал в битве при Мауналее, где чудом избежал смерти от рук Кайали после того, как его копье попало в сердце одного из его самых дорогих друзей, и он чувствовал, что скорее отдаст свою дочь акулам, чем тому, кто покушался на его жизнь и убил его друга. Но он притворился, что отнесся к предложению благосклонно, и в ответе королю выразил сожаление по поводу того, что пообещал свою **Ошибка! Закладка не определена.**Мейлу, ломателю костей. “Однако, - продолжил он, - в связи с интересом, который ты, великий вождь, проявил к этому делу, я доволен тем, что девушка достанется победителю в поединке голыми руками между Майлоу и Каайалии”.

Предложение показалось справедливым, и, не сомневаясь, что Кайали немедленно примет его, король одобрил его, и состязание было назначено на следующий день. Опонуи воспринял это заявление с удовлетворением, не сомневаясь, что Мейло раздавит Кайали в своих крепких объятиях так же легко, как он ломал кости многим противникам.

Новость о предстоящем состязании распространилась быстро, и на следующий день тысячи людей собрались в Килии, чтобы стать свидетелями его проведения. Каала была в агонии страха. Мысль о том, чтобы стать женой костолома, почти отвлекла ее, потому что говорили, что у него было много жен, и все они исчезали одна за другой, когда он уставал от них, и ходили слухи, что он раздавил и выбросил их в море. И, кроме того, она любила Кайали и считала маловероятным, что он сможет встретиться и успешно сразиться с поразительной силой и свирепостью того, кого никогда не покоряли.

Когда Кайали приближался к месту, где должно было состояться состязание, в присутствии Камехамехи, его двора и большого скопления менее знатных зрителей, Каала соскочила со своего отца и, схватив молодого вождя за руку, воскликнула:

“Ты действительно убил мой народ на войне, но спаси меня из ужасных объятий костолома, и я буду ловить кальмаров и бить *кану* для тебя всю свою жизнь!”

Нахмурившись, Опонуи оторвал девушку от ее возлюбленного, прежде чем тот успел ответить. Кайали провожал ее взглядом, пока она не скрылась среди зрителей, а затем протиснулся вперед сквозь толпу и вступил в круг, отведенный для сражающихся. Майлоу уже была там. Он действительно был мускулистым животным с длинными руками, широкими плечами и могучими конечностями, татуированными фигурами акул и хищных птиц. Он был обнажен до поясницы, и, когда Каайали приблизился, его пальцы разжимались и разжимались, словно ему не терпелось схватить и разорвать своего противника на куски.

Несмотря на меньшую громоздкость, чем костоломка, Кайали был крупным **Ошибка! Закладка не определена.**и идеально сложенным, с хорошо развитыми мышцами, поясницей и плечами, свидетельствующими о необычной силе. Обнаженный, за исключением *маро*, он был великолепным образцом крепкой мужественности; но по сравнению с костоломом его конечности казались хрупкими и женственными, и общее выражение сочувствия к молодому вождю читалось на лицах большого собрания, когда они поворачивались от него к крепкому гиганту, с которым ему предстояло столкнуться.

Соревнование должно было стать соревнованием силы, мужества, ловкости и мастерства в сочетании друг с другом. Разрешались удары сжатым кулаком, захваты, удушение, раздирание, ломка и любые другие травмы, которые можно было нанести. В состязаниях *хакоко* (борьба) и *моко* (бокс) обычно соблюдались определенные правила, чтобы избежать смертельных травм; но в бою между Кайали и Майло не должно было действовать никаких правил или обычаев. Это должна была быть жестокая борьба не на жизнь, а на смерть.

Насмешки и хвастовство - обычная прелюдия к личным конфликтам среди нецивилизованных людей; саксонскому рыцарю также не считалось недостойным встречать своего противника оскорблениями и бравадой. Целью было не столько вывести противника из себя, сколько укрепить его собственное мужество. Однако в случае с костоломом не было ни страха, ни сомнений относительно результата. Он знал меру собственной чудовищной силы и со злобной улыбкой, обнажившей его акульи зубы, с удовлетворением смотрел на своего соперника.

“На! ха! - рассмеялся ломатель костей, делая шаг к Каайалии. - так *ты* и есть тот безумный юнец, который осмелился встретиться с Майлоу в бою! Ты знаешь, кто я? Я - ломатель костей! В моих руках человеческие конечности подобны нежному тростнику. Подойди и позволь мне задушить тебя одной рукой!”

“Тебе понадобится и то, и другое!” - ответила Кайали. “Я знаю тебя. Ты ломаешь кости женщинам, а не мужчинам! Ты говоришь смелые слова, но у тебя сердце труса. Дай слово, и если ты не убежишь от меня, чтобы спасти свою жизнь, как я наполовину подозреваю, ты это сделаешь, я наступлю ногой на твою сломанную шею прежде, чем ты успеешь взмолиться о пощаде!”

Прежде чем Мейлоу успел возразить, прозвучало слово, и с яростным возгласом он вцепился в горло Кайали. Притворившись, будто готовясь отразить удар, последний дождался, пока руки Мейлоу окажутся почти у его горла, когда быстрым движением **Ошибка! Закладка не определена.**он ударил их вверх, качнулся всем телом влево и правой ногой ловко подставил подножку своему чересчур самоуверенному противнику. Инерция движения Майлоу была настолько велика, что он упал головой на землю. Прыгнув на него прежде, чем он успел подняться, Кайали схватил его за правую руку и сильным ударом ноги сломал кость ниже локтя. Поднявшись и обнаружив, что его правая рука бесполезна, Майло попытался схватить своего противника левой, но хорошо поставленный удар снова повалил его на землю, и Кайали сломал ему левую руку так же, как он сломал правую. Поднявшись на ноги и не имея возможности пользоваться обеими руками, с диким воем отчаяния ломающий кости бросился на Кайали,

намереваясь нанести ему удар своей склоненной головой; но молодой вождь снова подставил ему подножку, проходя мимо, и, схватив его за волосы, когда тот падал, уперся коленями в спину своего распростертого врага и сломал ему позвоночник.

На этом, конечно, борьба закончилась, и Кайали был объявлен победителем под аплодисменты зрителей и поздравления Камехакехи и суда. Вырвавшись от своего отца, который был глубоко разочарован неожиданным результатом и пытался задержать ее, Каала пробралась сквозь толпу и бросилась в объятия Кайали. Опонуи хотел было протестовать и попросить, чтобы его дочери разрешили навестить свою мать, прежде чем она станет женой Кайали; но король положил конец его надеждам, вложив руку Каалы в руку победоносного вождя и сказав ему:

“ Ты завоевал ее благородно. Теперь она твоя жена. Возьми ее с собой.

Хотя голос короля заставил Опонуи замолчать и подчиниться условиям состязания, которое он сам предложил, ненависть Опонуи к Кайали не ослабевала, и весь тот день и следующую ночь он просидел в одиночестве на берегу моря, придумывая средство, с помощью которого можно было бы разлучить Каалу и ее мужа. Наконец он определился с планом.

На следующее утро после ее свадьбы Опонуи навестил Каалу, как будто он только что вернулся из Маханы, где, как предполагалось, в то время жила ее мать. Он приветствовал ее с явной привязанностью и был щедр в выражениях дружбы к Каайалии. Он обнял их обоих и сказал: “Теперь я вижу, что вы любите друг друга; я молюсь о том, чтобы вы жили долго и счастливо вместе”. Затем он сказал Каале, что Калани, ее мать, **Ошибка! Закладка не определена.** лежит опасно больная в Махане и, полагая, что она не выздоровеет, желает увидеть и благословить свою дочь перед смертью. Каала поверила этой истории, потому что ее отец плакал, когда рассказывал ее, и стонал, как по умершему, и бил себя в грудь; и со многими заверениями в любви Каайали позволил ей уйти с Опонуи, взяв с них обоих обещание, что она быстро вернется в объятия своего мужа.

С некоторыми опасениями Кайали наблюдал за ней с вершины холма над Килией, пока она не спустилась в долину Палаваи. Там, сойдя с тропинки, ведущей в Махану, они направились к заливу Каумалапау. Убедившись, что отец с какой-то целью обманывает ее, Каала протестовала и уже собиралась вернуться, когда он узнал, что ее мать заболела не в Махане, как он сообщил Кайали, чтобы заручиться его согласием на ее отъезд, а на берегу моря, где она собрала крабов, креветок, моллюсков и другие деликатесы и приготовила пир в честь своего замужества.

Успокоенная правдоподобным рассказом и почти готовая простить обман, допущенный ее отцом, Каала отправилась с ним на берег моря. Она увидела, что ее матери там нет, и не услышала ни звука, кроме плеска волн о скалы. Она посмотрела в лицо отцу, ожидая объяснений, но его глаза были холодны, а жестокая улыбка на губах лучше всяких слов сказала ей, что ее предали.

“ Где моя мать? ” спросила она, а затем с горечью добавила: “ Я не вижу ее костра на берегу. Должны ли мы искать ее среди акул?

Опонуи больше не пытался скрывать свою истинную цель. “ Услышь правду! - сказал он с диким блеском в глазах, от которого у Каалы побелели губы. “Акула будет твоей парой, но она не причинит тебе вреда. Ты пойдешь к нему домой, но он не сожрет тебя. Там, среди морских богов, я оставляю тебя до тех пор, пока Кайали, ненавидимая мной больше всего на свете, не покинет Ланаи, и тогда я верну тебя на землю!”

Испуганная этими словами, Каала закричала и попыталась убежать; но ее бессердечный отец схватил ее за руку и потащил вдоль берега, пока они не достигли скамейки на скалистом утесе,

откуда открывался вид на вход в Фонтанирующую пещеру. Опонуи был одним из немногих, кто вошел в пещеру через врата циркулирующих вод, и он ни на секунду не сомневался, что за **Ошибка! Закладка не определена.**ее мрачных стен, куда он собирался поместить ее, Каала будет надежно спрятана до тех пор, пока он не решит вернуть ее к свету.

Стоя на узком выступе над входом в пещеру, отмеченном чередующимися водоворотами и отступающим столбом, Каала догадалась о варварских намерениях своего отца и умоляла его немедленно отдать ее тело акулам, а не оставлять ее жить в сырости и темноте Фонтанирующей пещеры на растерзание слизистым и ядовитым морским тварям.

Глухой к ее мольбам, Опонуи наблюдал, пока оседающий столб не погрузился в горловину водоворота, после чего он подхватил обезумевшую и сопротивляющуюся девушку на руки и прыгнул во вращающуюся бездну. Погрузившись на сажень или больше ниже поверхности и подгоняемый сильным течением, направлявшимся ко входу в пещеру, он вскоре обнаружил вход и был вынесен через него, и через несколько мгновений стоял на каменистом берегу в тусклом полумраке пещеры, с полубморочной Каалой, цепляющейся за его шею.

Единственным источником света, проникающим в пещеру, было небольшое преломление в воде, и каждый предмет, который не был слишком темным, чтобы его можно было разглядеть, выглядел зеленоватым и призрачным. Крабы, угри, скаты-ужи и другие зловонные обитатели глубин украдкой ползали среди скал, и единственным звуком, который можно было различить, был глухой рокот набегающих волн.

Высвободив ее руки, он положил ее на берег, подальше от воды, а затем сел рядом, чтобы отдышаться и дожидаться, когда отступающее течение вынесет его на поверхность. Придя в себя, Каала с ужасом огляделась вокруг и жалобно взмолилась отцу не оставлять ее в этом ужасном месте под водой.

Некоторое время он ничего не отвечал, а затем резко сказал ей, что она может вернуться с ним, если пообещает принять любовь вождя Оловалу, что в долине Палаваи, и позволит Кайали увидеть ее в объятиях другого. Она отказалась это сделать, заявив, что скорее погибнет в пещере или попытается покинуть ее, чем получит освобождение на таких чудовищных условиях.

“Тогда ты останешься здесь,” свирепо сказал Опонуи, “пока я не вернусь или пока вождь Оловалу не придет, чтобы увезти тебя в свой дом на Мауи! Затем, поднявшись на ноги, он поспешно продолжил, поскольку **Ошибка! Закладка не определена.**заметил поворот течения в начале: “Вы не сможете убежать без помощи. Если ты попытаешься это сделать, тебя разобьет о скалы и ты станешь добычей акул”.

С этим предупреждением Опонуи повернулся и нырнул в воду. Нырнув и пройдя по течению через вход, он быстро вынырнул на поверхность и вытянулся во весь рост в фонтанирующем столбе; но он хладнокровно бросился в окружающую воду и несколькими взмахами рук достиг берега.

II.

Кайали наблюдал за отъездом Каалы и ее отца, пока они не скрылись в долине Палаваи, а затем мрачно вернулся в свою хижину. Его беспокоили опасения. Он подумал о своей прекрасной Каале, и его сердце заняло от желания заключить ее в теплые объятия. Затем он подумал о взглядах и

словах Опонуи и вспомнил в обоих намеках на обман. Таким образом, измученный своими мыслями, он провел день, бродя в одиночестве среди холмов, а следующую ночь провалился в беспокойном сне с мечтами о смерти и пытках. Зловещий крик *алая* вырвал его из *капа-моу* еще до рассвета, и до восхода солнца он сидел, любуясь звездами. Затем он поднялся на холм, возвышающийся над долиной Палаваи, чтобы понаблюдать за возвращением Каалы и задаться вопросом, что могло задержать ее так надолго. Он наблюдал, пока солнце не поднялось высоко в небо, не чувствуя ни жажды, ни голода, и наконец увидел *пау*, трепещущую на ветру далеко в долине.

К нему быстро приближалась женщина, и его сердце забилось от радости, потому что он подумал, что это Каала. Она подходила все ближе и ближе, и Кайали, все еще полный надежды, выбежал на тропинку ей навстречу. Ее походка была легкой, а воздух грациозным, и только когда он раскрыл объятия, чтобы принять ее, он увидел, что девушка не была Каалой. Это была Уа, подруга Каалы, и почти равная ей по красоте. Они выросли вместе и в своей любви друг к другу были как сестры. Они любили одни и те же цветы, одно и то же дикое пение птиц, одни и те же тропинки среди холмов, и теперь, когда Каала любила Кайали, Уа тоже любила его.

Узнав Каайали, когда она приблизилась, Уа остановилась перед ним и опустила глаза в землю, не говоря ни слова. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Где Каала?” спросила Кайали, поднимая лицо Уа и жадно вглядываясь в него. “Ты ее видел? К ней приходил кто-нибудь больной? Говори!”

“Я не видела ее и не знаю ни о каком несчастье, постигшем ее, - ответила девушка. - Но я пришла сказать тебе, что Каала еще не добралась до хижины Калани, своей матери; и поскольку видели, как Опонуи с мрачным выражением лица вел ее через лес Кумоку, есть опасения, что ее предали и ей не позволят вернуться в Килию”.

“И этого я тоже боялся с того момента, как потерял ее из виду в долине Палаваи”, - сказал Кайали. “Мне не следовало доверять ее отцу, поскольку я знал, что он вероломен и не прощает. Пусть гнев богов постигнет его, если из-за его жестокости ей причинили вред! Но я найду ее, если она на острове! Боги отдали ее мне, и при жизни или смерти она будет моей!”

В ужасе от диких взглядов и слов Кайалии, Уа молча сжала руки.

“Слушайте! - продолжал он, склонив ухо к долине. “Кажется, я слышу, как она зовет меня сейчас! И с возгласом ярости и отчаяния Каайалии быстрым шагом направился вниз по тропинке, пройденной Каалой накануне. Торопясь вперед, он время от времени замечал в пыли следы Каалы, и каждый отпечаток, казалось, увеличивал его скорость.

Достигнув места, где тропа Махана расходилась с несколько более широкой долиной *ала*, он прошел по ней некоторое расстояние, надеясь, что Уа был дезинформирован, и что Каала действительно навестила свою мать и ее можно найти вместе с ней; но когда он поискал и не смог найти следы ее ног там, где они должны были быть видны, если бы она пошла в Махану со своим отцом, он вернулся и продолжил свой путь вниз по долине.

Внезапно он остановился. Следы, за которыми он наблюдал, теперь исчезли с тропы Палаваи, и какое-то мгновение он стоял, нерешительно оглядываясь по сторонам, словно сомневаясь, в каком направлении двигаться дальше. В его неуверенности возникло несколько планов действий. Один из них состоял в том, чтобы посмотреть, какую информацию можно собрать у матери Каалы в Махане, другой - отправиться по долине Палаваи к морю, а третий - вернуться в Килию и проконсультироваться с *каулой*. Пока эти **Ошибка! Закладка не определена.** быстро

анализировались различные предположения, и прежде чем можно было прийти к какому-либо выводу, из долины внизу была замечена фигура человека.

Кайали спрятался за скалой, откуда мог наблюдать за тропой, оставаясь незамеченным. Человек подходил все ближе и ближе, пока, наконец, Кайали не смог различить черты Опонуи, того, кого из всех людей он больше всего желал встретить. Его мускулы напряглись от гнева, а горячее дыхание обожгло камень, за которым он прятался. Он зарыл пальцы в землю, чтобы научить их терпению, и стиснул зубы, чтобы сдержать рвущийся из груди вопль мести. И так он ждал, пока Опонуи не достиг поворота тропинки, который привел его, проходя мимо, в нескольких шагах от глаз, свирепо смотревших на него, и в следующее мгновение двое мужчин стояли лицом друг к другу.

Пораженный неожиданным появлением Кайали, Опонуи сразу же выдал свою вину, попытавшись улететь; но с криком “Отдайте мне Каалу!” Каайали прыгнул вперед и попытался схватить его за горло.

Последовала короткая схватка; но Опонуи был едва ли менее силен, чем его противник, и, поскольку плечи его были обнажены, ему удалось вырваться из хватки Кайали и спастись бегством в сторону Килии.

С криком разочарования Кайали бросилась в погоню. Оба были быстры, и гонка напоминала погоню голодной акулы за своей добычей. Один был движим страхом, а другой - яростью, и каждый мускул бегунов был напряжен. Покинув тропу в долине, Опонуи направился в Килию более коротким путем через холмы. Он надеялся, что неровность маршрута и то, что он лучше знает его, дадут ему преимущество, но Кайали следовал за ним по пятам. Они мчались вперед, вверх и вниз по холмам, через овраги и вдоль скалистых хребтов, пока не достигли Килии, когда Опонуи внезапно повернул налево и помчался к храму и *пухонуа* неподалеку. Каайали разгадал его замысел и последним невероятным усилием попытался помешать ему. Набирая высоту с каждым шагом, он отчаянно вцепился в плечо Опонуи как раз в тот момент, когда тот выскочил через вход и в изнеможении рухнул на землю под защитными стенами *пухонуа*. Кайали попытался последовать за ним, но два священника быстро вошли в портал и отказались пропустить его.

Ошибка! Закладка не определена.

- Отойдите с дороги, или я задушу вас обоих! - яростно воскликнул Кайали, бросаясь на стражников.

“Ты с ума сошел?” - сказал другой длинноволосый священник, выходя вперед с *посохом* табу в руке. “Разве ты не знаешь, что это *пухонуа*, священный для всех, кто ищет его защиты? Неужели ты навлечешь на себя гнев богов, пролив кровь в его стенах?”

“Если я не могу войти, тогда выгони его!” - ответил Кайали, указывая на Опонуи, который лежал на земле в нескольких шагах внутри, пристально наблюдая за происходящим у ворот.

“Этого не может быть, ” возразил священник. “Если он захочет уйти, путь для него не будет закрыт; в противном случае он может оставаться в безопасности”.

“Трус! ” крикнул Кайали, обращаясь к Опонуи насмешливым тоном. “Неужели таким образом ты ищешь защиты от гнева безоружного человека? По тебе больше подошел бы, чем *маро*. Тебе следует скручивать *леи* и бить *кану* с женщинами, и не думать больше о мужских делах. Выйди за стены, если твои дрожащие конечности выдержат тебя, и я буду служить тебе так же, как служил твоему другу, ломающему женские кости. Приди, и я вырву из твоей глотки язык, который лгал Каале, и скормлю его собакам!”

Злобная улыбка исказила лицо Опонуи, когда он подумал о Каале в ее убежище под водой, но он ничего не ответил.

“ Ты боишься меня? ” продолжал Каайали. “Тогда вооружись копьем и боевым топором, и я встречу с тобой голыми руками и задушу тебя!”

Опонуи промолчал, и в пароксизме ярости и разочарования Кайали бросился на землю и проклял *табу* которое отделяло его от врага.

Его друзья нашли его и отнесли в его хижину, и Юа с нежностью и любящими руками попыталась успокоить его. Но он не желал утешаться. Он говорил и думал только о Каале и, наскоро подкрепившись, чтобы сохранить силы, снова отправился на ее поиски. Сочувствуя его горю, Уа последовала за ним — не вплотную, но так, чтобы не потерять его совсем из виду.

Он путешествовал во всех направлениях, не останавливаясь ни для еды, ни для отдыха. У каждого встречного он спрашивал о Каале, и **Ошибка! Закладка не определена.** произносил ее имя в глубоких долинах и на вершинах холмов. Бродя возле священного источника у истоков вод Килии, он встретил седовласого священника, несущего из фонтана калекс с водой для церемониального использования в одном из храмов. Священник знал его и боялся, потому что вид у него был дикий, и смиренно предложил ему воды.

“Я не прошу ни еды, ни воды, старик”, - сказал Кайали. — Ты священник - возможно, *каула*. Скажи мне, где я могу найти Каалу, дочь Опонуи, и я завалю твои алтари жертвоприношениями!”

“Сын длинного копья”, - ответил священник, - “Я знаю, что ты ищешь благоухающий цветок Палаваи. Только ее отец знает о месте, где она прячется. Но этого нет ни на холмах, ни в долинах. Опонуи любит море и часто бывает у него. Он охотится на кальмаров в темных местах и ныряет за крупной рыбой в глубоких водах. Он знает о полых скалах и пещерах со входами под волнами. Он идет один на скалистый берег и спит с рыбными богами, которые являются его друзьями. Он...

“ Хватит о нем! ” нетерпеливо перебил вождь. - Расскажи мне, что стало с Каалой!

“ Наберитесь терпения, и вы услышите, ” продолжал священник. “В одной из морских пещер, известных Опонуи и другим, была спрятана Каала. Теперь я вижу ее. Место темное, и ее сердце полно ужаса. Поспешь к ней. Будь бдителен, и ты найдешь ее; но не спи, иначе она станет пищей морских созданий”.

Поблагодарив священника, Кайали направился к заливу Каумалапау, сопровождаемый верным Уа, и не успокоился, пока не оказался на утесе Паликахоло, откуда открывался вид на море. Волны бешено бились о скалы. Оглядевшись по сторонам, он не смог разглядеть на берегу ни одного укрытия, и единственными звуками, которые были слышны, были грохот прибоя и крики чаек. В отчаянии он повысил голос и дико воскликнул:

“Каала! О Каала! где ты? Ты спишь с рыбными богами, и я должен искать тебя в их домах среди затонувших берегов?

Утес, на котором он стоял, возвышался прямо над Фонтанирующей пещерой, из затопленного входа в которую над поверхностью поднимался столб воды и **Ошибка! Закладка не определена.** разбивался на брызги. В тумане волнения ему показалось, что он видит смутное лицо и фигуру Каалы, а в шуме несущихся вод ему почудился ее голос, зовущий его подойти к ней.

“Каала, я иду!” - воскликнул он и диким прыжком спрыгнул со скалы, чтобы обнять туманную фигуру своей невесты.

Он погрузился под воду, и, когда колонна исчезла вместе с ним и он больше не вернулся, Юа пропел ветрам реквием любви и горя в таких словах:

“О! мертв Кайали, молодой вождь Гавайев,

Вождь нескольких лет и многих битв!

Его конечности были сильными, а сердце - нежным;

Его лицо было подобно солнцу, и он не испытывал страха.

Мертв убийца костолома;

Мертв вождь, переломавший кости Майлоу;

Мертв возлюбленный Каалы и возлюбленный Уа.

Ради своей любви он погрузился в глубокие воды;

За свою любовь он отдал свою жизнь. Кто похож на Кайали?

Каала спрятана, и я одинок;

Кайали мертв, и черная *капа* над моим сердцем:

Теперь пусть боги заберут жизнь Уа!”

Бросив последний взгляд на место, где исчез Кайали, Уа поспешил в Килию и у ног Камехамехи рассказал о опрометчивом поступке отчаявшегося мужа Каалы. Король был очень опечален историей Уа, ибо любил молодого вождя почти так, как если бы тот был его сыном. “Бесполезно искать тело Кайали, “ сказал он, ” потому что его съели акулы”. Затем, повернувшись к одному из своих вождей, он продолжил: “Никакая куча не может быть поднята над его костями. Пошлите за Уалуа, поэтом, чтобы он спел песнопение во славу Каайалии”.

Подойдя ближе, Папакуа, священник, попросил разрешения заговорить. Разрешение было получено, и он сказал:

“ Позвольте мне надеяться, что мои слова послужат вам утешением. Я слышал историю Юа и не могу поверить, что молодой вождь мертв. Бьющие струи воды, в которые прыгнул Кайали, отмечают вход в пещеру Паликахоло. Следуя вниз по течению, разве его не затянуло в пещеру, где он нашел Каалу и, возможно, все еще жив? Так, по крайней мере, я думаю, великий вождь.

“Действительно, дикая мысль!” - ответил король. “Однако в ней есть **Ошибка! Закладка не определена.**некоторое утешение, и мы посмотрим, сколько правды это может раскрыть”.

Были сделаны поспешные приготовления, и с четырьмя своими самыми крепкими гребцами Камехамеха направился вокруг берега к Фонтанирующей пещере под утесом Паликахоло, сопровождаемый Уа в каноэ с Кеаве, ее братом.

III.

Когда Кайали нырнул в море, он почти не думал ни о чем, кроме смерти. Ухватившись за фонтанирующую колонну, когда он спускался, она, казалось, погрузилась вместе с ним на поверхность и даже под нее, и через мгновение он почувствовал, что сильное течение сносит его вниз, к утесу. Безрассудно поддавшись действию воды, он вскоре заметил отверстие в затопленном основании утеса и без малейших усилий был быстро втянут в него. Сила течения утихла, и, к его удивлению, его голова поднялась над поверхностью, и он смог дышать. Его ноги коснулись каменистого дна, он поднялся и с чувством замешательства огляделся вокруг. Первой его мыслью было, что он мертв и достиг темных берегов *По*, где *Милу*, принц смерти, восседает на троне в роще деревьев *коу*; но он ударил себя в грудь и умом понял, что он жив и был унесен водами в пещеру под утесом, с которого он прыгнул, чтобы схватить туманную фигуру Каалы.

Выйдя из воды, Каайали обнаружил, что стоит на берегу тускло освещенной пещеры. Воздух был прохладным, и скользкие предметы касались его ног, а другие с плеском падали в воду со скал. Он задумался, удастся ли ему выбраться из этого мрачного места, и начал наблюдать за движением воды возле отверстия, когда до его слуха донесся тихий стон.

Это был голос Каалы. Она лежала рядом с ним в темноте на илистом берегу. Ее конечности были покрыты синяками и рваными ранами от бесплодных попыток выбраться из пещеры, и у нее больше не было сил отбиваться от крабов и других отвратительных тварей, которые пили ее кровь и питались ее дрожащей плотью.

“Это завывание ветра или, возможно, какого-то демона **Ошибка! Закладка не определена.** моря, которое делает это ужасное место своим домом”, - подумал Кайали.

Он не боялся ни смерти, ни ее приспешников; и все же что-то похожее на дрожь охватило его, когда он затаил дыхание и прислушался, но не услышал ничего, кроме грохота бурунов, быющих о стены пещеры.

- Кто говорит? - воскликнул он, отступая на шаг или два назад в темноту.

Ответом был слабый стон, раздавшийся почти у его ног.

Наклонившись и пристально вглядываясь перед собой, он различил то, что казалось очертаниями человеческой фигуры. Приблизившись и склонившись над ним, он уловил бормотание своего собственного имени.

“Это Каала! Каайали здесь!” - воскликнул он, нежно заключая ее в объятия и неся к отверстию. Усевшись в полумраке, он откинул волосы с ее холодного лица и попытался привести ее в чувство ласками и словами нежности. Она открыла глаза и, теснее прижавшись к его груди, прошептала в ухо, склонившееся к ее губам:

“Я умираю, но я счастлив, потому что ты здесь”.

Он старался подбодрить ее. Он сказал ей, что пришел спасти ее; что боги, которые любили ее и не позволили ей умереть, сказали ему, где ее найти; что он заберет ее к себе домой в Кохалу и всегда будет любить ее так, как любил тогда.

Она ничего не ответила. На ее холодных губах появилась печальная улыбка. Он положил руку ей на сердце и обнаружил, что оно перестало биться. Она была мертва, но он все еще держал драгоценную ношу в своих руках; и час за часом он сидел там, на мрачном берегу пещеры, видя только бледное лицо Каалы и чувствуя только то, что он опустошен.

Наконец его разбудил плеск воды в пещере. Он поднял глаза и увидел, что перед ним стоит Уа, нежный и бескорыстный друг Каалы, а мгновение спустя за ним следует Камехамеха. Способ входа в пещеру и выхода из нее был известен Кеаве, и он поделился этой информацией со своей сестрой. Уа первым прыгнул в водоворот, и бесстрашный Камехамеха, не колеблясь, последовал за ним.

Когда король приблизился, Кайали поднялся на ноги и печально остановился перед ним. Он не произнес ни слова, но, склонив голову, указал на тело Каалы.

“ Я понимаю, ” тихо сказал король, “ бедняжка мертва. Она **Ошибка! Закладка не определена.**не могла бы найти лучшего места для захоронения. Пойдем, Кайали, оставим это”.

Кайали не пошевелился. Это был первый раз, когда он колебался, подчиняясь приказам своего начальника.

“Что! ты бы остался здесь?” - спросил король. “Ты бы пожертвовал своей жизнью ради девушки? Есть другие, такие же прекрасные. Вот Уа; она будет твоей женой, и я подарю тебе долину Палаваи. Пойдем, давай немедленно уйдем отсюда, пока какой-нибудь разгневанный бог не закрыл нам вход!”

“Великий вождь”, - ответил Кайали, - “Ты всегда был добр и великодушен ко мне, и никогда не был так добр, как сейчас. Но послушай меня. Моя жизнь и сила ушли. Каала была моей жизнью, и она мертва. Как я могу жить без нее? Ты мой вождь. Ты попросил меня покинуть это место и жить. Это первая твоя просьба, которой я когда-либо не подчинился. Она будет последней!”

Затем, схватив камень, быстрым, сильным ударом он размозжил лоб и мозг и упал замертво на тело Каалы.

Из Уа вырвался вопль боли. Камехамеха не произнес ни слова, не пошевелился. Долго он смотрел на тела перед собой; и глаза его увлажнились, а крепкие губы задрожали, когда, наконец, отвернувшись, он сказал: “Он действительно любил ее!”

Завернутые в *капутела* положили рядом и оставили в пещере; и сегодня там можно увидеть кости Каалы, цветка Ланаи, и Каайали, ее рыцарского возлюбленного, - те, кто осмелился искать прохода к ним через водоворот Паликахоло.

Отрывки из истории трагедии были сочинены и воспеты Камехамеа и его двором в Килии, и с тех пор пещера известна как *Пухио-каала*, или “Фонтанирующая пещера Каалы”. **Ошибка! Закладка не определена.**

РАЗРУШЕНИЕ ХРАМОВ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ЛИХОЛИХО (Камехамеа II.), король Гавайских островов.

КЕОПУОЛАНИ, королева-мать,

КААХУМАНУ, главного советника, и } вдовы Камехамехи I.

КАЛАКУА,

КАЛАЙМОКУ, премьер-министр.

КЕКУАОКАЛАНИ, защитник богов.

МАНОНОНО, жена Кекуаокалани.

ХЕВАХЕВА, верховный жрец Гавайев.

ХОАПИЛИ, опекун принцессы Нахиенены.

НАЙХЭ, советник и оратор.

КЕКУАНАОА, королевский казначей.

КАПИХЕ, командир национальных судов.

ЛААНУИ, спутник короля.

Ошибка! Закладка не определена.

РАЗРУШЕНИЕ ХРАМОВ.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ ЗАЩИТНИК ГАВАЙСКИХ БОГОВ.

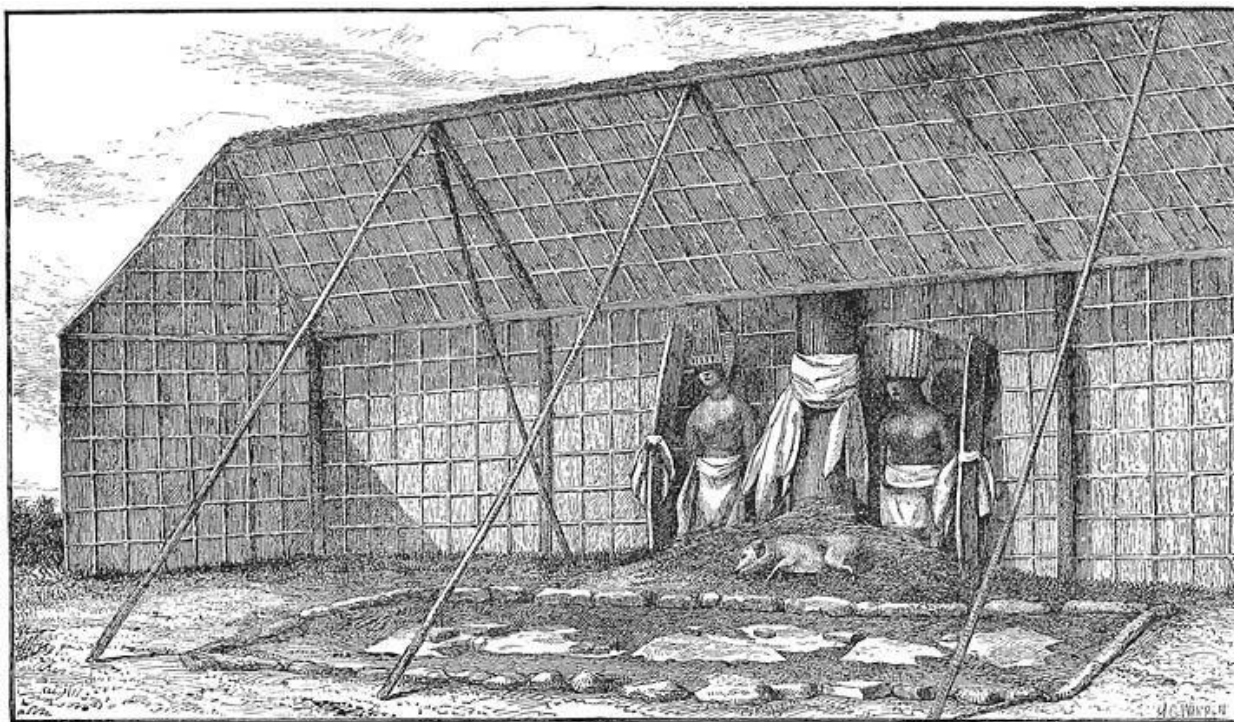
Я.

1 октября 1819 года флотилия из четырех каноэ с королевскими флагами отплыла из Кавайхэ, что в районе Кохала, на северо-западном побережье Гавайев. Каноэ были большими и удобными, и в них находилось от шестидесяти до семидесяти человек, часть из которых составляли женщины. Большинство мужчин были крупными, мускулистыми и превышали шесть футов в высоту, в то время как одежда и манеры поведения многих женщин указывали на то, что они принадлежали к *табу* и высшим классам общества.

Костюмы многих представителей обоих полов, которые казались высокопоставленными, представляли собой странную смесь местной и иностранной ткани и моды. Американские и европейские мануфактуры начинали находить рынок сбыта на островах, и лица многих были украшены богатыми тканями, драгоценностями и другими признаками цивилизации. Их оружие и утварь были в основном металлическими, а отряд из десяти воинов, вооруженных мушкетами, в одном из каноэ свидетельствовал о том, что методы ведения войны белым человеком рано привлекли серьезное внимание гавайских вождей.

Каноэ, возглавлявшее маленькую эскадру, было двухместным, с крытыми помещениями, простиравшимися до объединенной палубы обеих палуб и поперек нее, и люди, занимавшие его, за исключением солдат, матросов и слуг, одинаково отличались своей безвкусной одеждой и неистовым весельем, вселявшим чувство веселья во всю флотилию. В этом каноэ находился Лихолихо, который после смерти своего выдающегося отца, Камехамехи I., менее чем за пять месяцев до этого, стал единоличным монархом гавайской группы. Помимо двух его королей, его сопровождали Капихе, командующий королевскими судами; Кекуанаоа, королевский казначей, и свита, состоящая в основном из друзей и личных слуг. **Ошибка! Закладка не определена.**

8 мая прошлого года его царственный отец умер в Кайлуа, оставив Лихолихо завоеванное его оружием королевство, а Каахуману стал вторым по власти и хранителем королевства. На следующее утро после смерти своего отца Лихолихо уехал из Кайлуа в Кохалу, чтобы избежать осквернения, и оставался там десять дней, после чего вернулся в Кайлуа и официально принял скипетр. В конце сезона траура по суеверным соображениям молодой король снова уехал в Кохалу и на некоторое время поселился в Кавайхэ. Оставаясь там до 1 октября, по совету Каахуману он отправился обратно в Кайлуа.

Интерьер древнего храма.

Во время кратковременного пребывания Лихолихо в Кавайхэ Каахуману организовал энергичный заговор против духовенства и решил убедить молодого короля отказаться от религии и *табу* его отцов. В этом плане ей помогали Кеопуолани, мать Лихолихо; Калаймоку, премьер-министр, и Хевахева, первосвященник, который утверждал, что происходит от знаменитого Паао.

Во второй половине правления первого Камеамеа боги и *табу* жречества начали терять часть своей святости в глазах масс. Хотя первые христианские миссионеры прибыли на острова почти через год после смерти Камехамехи I, за два предыдущих десятилетия в гавайских портах побывало множество торговых и военных судов. Моряки и торговцы, с которыми они соприкасались, не дали туземцам ясного представления о христианской религии; но от их внимания не могло ускользнуть, что пренебрежение иностранцем *табу* не влекло за собой никакого наказания, и они, вполне естественно, начали сомневаться в божественности религиозного кодекса, сфера действия которого ограничена гавайским народом.

Результатом этого растущего скептицизма стали частые нарушения *табу*. Чтобы пресечь эту крамольную тенденцию, были применены дисциплинарные взыскания. Женщина была казнена за то, что вошла в столовую своего мужа, и Джарвис рассказывает, что трое мужчин были принесены в жертву в Кеалакеакуа незадолго до смерти Камехамехи — один из них за то, что надел *маро* вождя, другой за то, что съел запрещенное блюдо, а третий за то, что покинул дом, который был *табуирован*, и вошел в тот, который не был. Камеамеа кое-что узнал о религии **Ошибка!** **Закладка не определена.**, но недостаточно, чтобы она произвела на него сильное впечатление; и когда его спросили об этом во время его последней болезни, он ответил, что должен умереть в вере своих отцов, хотя он считал, что было бы хорошо, если бы его преемник уделил этому вопросу внимание.

Разные мотивы повлияли на лидеров этого заговора против религии и *табу* группы. Каахуману, любимая жена Камехамехи I, но не мать ни одного из его детей, была смелой, амбициозной и беспринципной. Оставшись второй по авторитету при молодом короле, она была недовольна ограничениями, налагаемыми *табу* на ее пол. По обычаю ей было отказано во многих самых

вкусных блюдах, а в общении с иностранцами проявления вежливости были сдержанными и затрудненными многочисленными и надоедливymi *запретами*. Чтобы дать ей возможность есть и пить все, чего жаждут ее аппетиты, и делать это в присутствии мужчин, Каахуману была готова нанести удар по корням религиозной системы, которая поддерживала ее предков на месте и у власти, даже несмотря на то, что у нее не было определенных знаний о новой вере, которой она надеялась ее вытеснить.

Хотя дядя одной из жен Лихолихо-Кекауонохи-Калаймоку не был выдающегося ранга. Однако он был вождем решительных способностей и постепенно продвигался по службе при первом Камехамеха, пока не стал премьер-министром второго. Не будучи по происхождению вождем *племени табу*, Каахуману легко убедил его оказать помощь в лишении лиц более высокого ранга их прерогатив, связанных с *табу*, и с этой целью он и его брат Боки были крещены римско-католическим капелланом французского корвета *L'Uranie* вскоре после прихода Лихолихо к власти. Это было сделано, когда молодой король проживал в Кавайхэ, и без его ведома.

Кеопуолани, политическая жена Камехамехи I. и мать Лихолихо, Кауикеоули и Нахиенены, была дочерью Кивалао и носила высший *табу* ранга. Это было так хорошо признано, что ее выдающийся муж, как рассказывают, всегда приближался к ней лицом к земле. Однако ей не хватало решительности в характере, и ее приверженность заговору против *табу*, несомненно, была обусловлена влиянием на нее хитрого Каахуману.

Какими бы ни были мотивы других, отступничество **Ошибка! Закладка не определена.**Хевахевы, похоже, было результатом убеждения. Будучи верховным жрецом Гавайев, он мог все потерять и ничего не получить от разрушения религиозной системы, верховным и почитаемым главой которой он был. Обладая пытливым умом, те немногие знания, которые он приобрел о новом вероучении, убедили его в непоследовательности его собственного, и когда пришло время нанести удар, он действовал смело. Его рука первой поднесла факел к вискам. Если бы он замешкался, заговор провалился бы, поскольку влияние первосвященника на массы в то время уступало только влиянию короля.

Лихолихо был силен только в своих привязанностях. Родившийся в 1797 году, когда группа была объединена под властью одного правительства и дальнейших войн не предвиделось, он не получил той строгой и основательной подготовки в гражданской и военной жизни, которая была свойственна принцам предыдущего поколения. Его привлекали скорее пороки, чем добродетели иностранцев, время от времени посещавших острова, и, понимая, что его будущее обеспечено, зрелые годы своей юности он посвятил почти исключительно удовольствиям. Беззаботный, любящий и нежный, он в возрасте двадцати двух лет проявил так мало интереса к общественным делам, что его умирающий отец, завещая ему скипетр, счел благоразумным сопроводить его условием, что, если он будет владеть им недостойно, верховная власть перейдет к Каахуману.

Это были выдающиеся действующие лица в плане уничтожения жречества, и таков характер молодого короля, который несколько месяцев пробыл в Кавайхае и которому Каахуману отправила послание, в котором сообщала ему, что по его возвращении на Кайлуа она открыто бросит вызов богам и выступит против *табу*. Эта информация не сильно удивила Лихолихо. Он знал о растущей враждебности к *табу*; разговаривал с Хевахевой на эту тему; узнал, что его мать в последнее время не соблюдала его, и сам видел, как оно нарушалось без ущерба для нарушителя. И все же он опасался последствий открытого выступления против духовенства. Он помнил судьбу Хуа, чьи кости побелели на солнце. Он знал, что его прибытие на Кайлуа ускорит кризис и вынудит его либо отречься, либо защищать богов своих отцов; и после того, как он покинул Кавайхэ, как мы видели, с группой, занявшей четыре каноэ, он очень неторопливо продолжил свой

Ошибка! Закладка не определена. в сторону Кайлуа, по-видимому, не торопясь достичь своей цели.

Двигаясь на юг и миновав скалистый мыс сразу к северу от Пуако, в королевском флоте убавили паруса, и каноэ медленно дрейфовали вдоль побережья, набирая ровно столько ветра, чтобы выдерживать свой курс. В королевских покоях были слышны кутежи. Появился Лихолихо и, махнув рукой группе мужчин и женщин, вышел вперед, и вскоре под аккомпанемент барабанов и гремящих тыквенных бутылок начался дикий танец *хула*. Король некоторое время с отсутствующим видом наблюдал за танцующими, а затем начал отбивать ногами удары в барабан. Акцент в движении усиливался, пока, отбросив свое достоинство, его голос наконец не возвысился над грубой музыкой, и он не начал танцевать с энтузиазмом, который казался почти бешеным. Другие члены королевской свиты присоединились к веселью, и в течение получаса или даже больше судно было ареной бурного веселья. Затем бутылки и калесасы с опьяняющими напитками передавались от одного к другому из приближенных царя, и *хула* продолжалась, сопровождаемая песнопениями, *мелесом* и другими способами наслаждения. Выпивка была частым явлением, и более скромные члены компании были скупно снабжены джином, виски и другими стимуляторами. Похожие сцены происходили и в следующих каноэ, и разгул был самым диким из когда-либо виденных в любом из восьми Гавайских морей.

“Давайте напоим богов воды!” - воскликнул король. “Вот, Куула, отведай для себя; а вот, Уканипо, твоя доля!” И он бросил в океан две бутылки ликера.

“Будем надеяться, что боги не разгневаются на необычное жертвоприношение”, - сказал Лаануи, один из любимых спутников короля. Он говорил серьезно, и на лице Лихолихо на мгновение появилось озабоченное выражение, когда он ответил:

- Значит, ты еще не потерял веру в богов, Лаануи?

“Нет”, - последовал быстрый ответ Лаануи.

Король не стал продолжать разговор. Повернувшись и сделав знак слуге, принесли еще выпивки, после чего веселье продолжалось весь день и далеко за полночь. Тем временем был достигнут столь незначительный прогресс, что в полдень следующего дня флот был уже у берегов Кихоло.

Еще двадцать четыре часа продолжались пиршество, выпивка и танцы, когда гуляк встретила двойная **Ошибка! Закладка не определена.** каноэ, отправленное Каахуману из Кайлуа на поиски королевской свиты. Посланцы его главного советника были вежливо приняты Лихолихо, и, подняв все паруса, они сопроводили его на Кайлуа, где он был тепло встречен Каахуману и членами королевской семьи.

Признаки распущенности были явно заметны в речи и поведении короля, и Каахуману считал момент благоприятным для совершения им какого-нибудь вопиющего и публичного акта враждебности к *табу*. И она, и Кеопуолани, королева-мать, тайно нарушали его после смерти Камехахеи I. Употребляя в пищу продукты, запрещенные для представителей их пола, и, чтобы защитить себя от разоблачения, было необходимо разрушить религиозную систему, жизненной силой которой было *табу*. Этого можно было достичь только объединенными усилиями царя и первосвященника. Хевахева был готов внести свой вклад в качестве религиозного главы королевства, но молодой король, несмотря на давление, оказанное на него Каахуману и несколькими ведущими придворными, все еще колебался.

В честь возвращения короля на Кайлуа был устроен пир. В соответствии с местным обычаем, были накрыты отдельные столы для мужчин и женщин, и несколько иностранцев присутствовали

в качестве приглашенных гостей Каахуману. Днем Лихолихо, в ответ на хорошо продуманные подколки, был вынужден выпить и покурить с женщинами-членами его семьи. Это было благоприятное начало, и, еще больше ободренный своей матерью, которая намеренно съела банан в его присутствии и выпила кокосовое молоко, он заявил, что открыто нарушит *табу* во время приближающегося праздника.

Все боялись, что его мужество иссякнет, и его ни на минуту не оставляли наедине с самим собой, пока он не повел всех на пир. Его походка была нетвердой, а на лице застыло обеспокоенное выражение, когда он направился к павильону в сопровождении Каахуману, Кеопуолани и других членов королевской семьи. Когда они разошлись, чтобы занять места за своими столами, королева-мать ободряюще посмотрела на Лихолихо, и Каахуману тихо сказал ему:

“Если у тебя будет мужество твоего отца, это будет великий день для Гавайев”.

Король ничего не ответил, потому что в этот момент его взгляд упал на **Ошибка! Закладка не определена.**деревянные изображения Ку и Лоно, висевшие по разные стороны от входа, и он быстро прошел мимо них и сел во главе одного из столов. Вид идолов почти выбил его из колеи, и некоторые из гостей заметили, что его рука дрожала, когда он подносил к губам и осушал сосуд с чем-то, по-видимому, крепким напитком.

Все гости уже расселись. Хевахева встал и, взглянув на встревоженное лицо короля, поднял руки и твердо сказал: “Пусть все мы будем есть с миром и в наших сердцах возблагодарим единого бога из всех”.

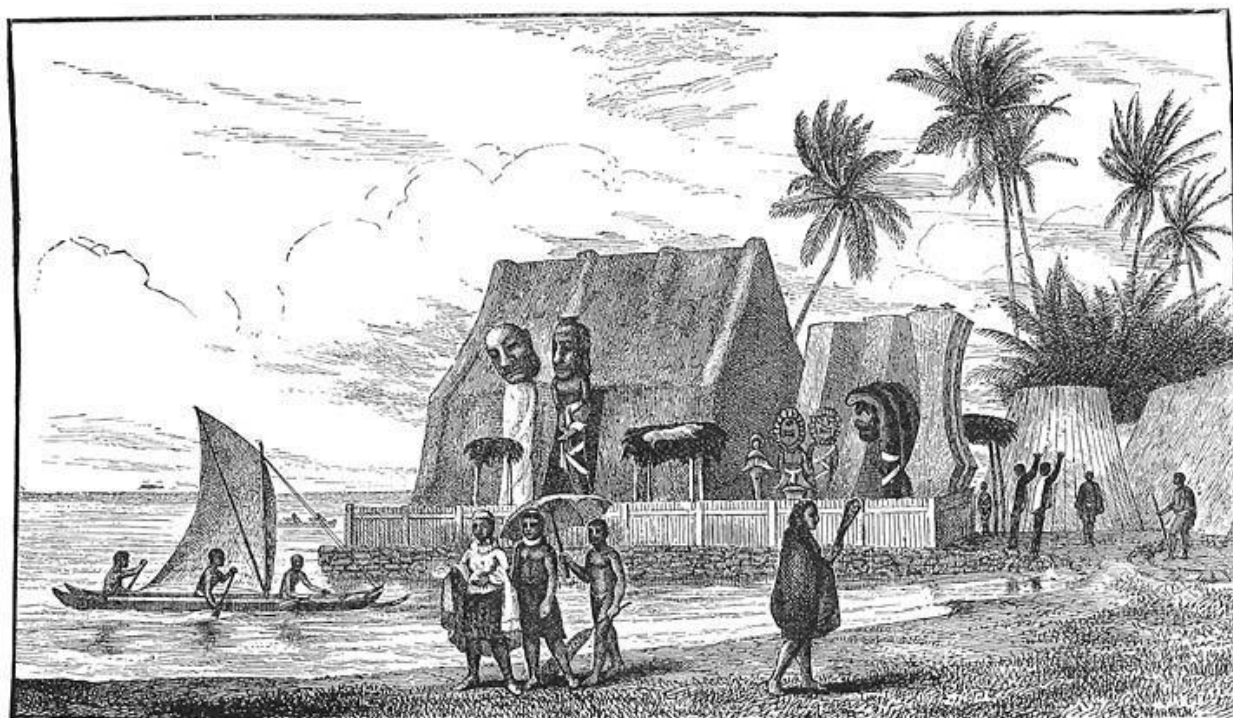
Слова первосвященника вернули царю упавшее мужество. Он поднялся со своего места, неторопливо подошел к одному из столиков, зарезервированных для женщин, и сел рядом со своей матерью. Во время этой странной процедуры не было произнесено ни слова, ни к одному кусочку не притронулись. Некоторые считали, что он был пьян; другие были уверены, что он сошел с ума. Со времен эпохи Вакеа никто так не бросал вызов богам и не оставался в живых. Многие туземцы встали из-за столов, и ужас сменился изумлением, когда Лихолихо, подбадриваемый своей матерью, начал свободно вкушать пищу, приготовленную для женщин. Затем по приказу короля женщинам подали запрещенную рыбу, мясо и фрукты, которые ели с их тарелок и пили из их сосудов.

Теперь, убедившись, что король действовал обдуманно и с одобрения самых влиятельных сановников королевства, включая верховного первосвященника, большинство присутствующих вождей немедленно последовали примеру своего государя, и последовала неопишуемая сцена. “*Табу* нарушено! *табу* нарушено!” - передавалось из уст в уста, становясь все громче и громче, пока не достигло пределов павильона. Там его с криками подхватила толпа, и вскоре ветер донес его до самых отдаленных уголков Кони. Сразу же были устроены пиры, и мужчины и женщины ели вместе без разбора. *Запретные* блюда, подаваемые во дворцах и храмах, были ненасытно съедены массаами, и тысячи женщин впервые познали вкус мяса и фруктов, которые веками соблазняли их матерей.

По окончании королевского пира народ был ошеломлен еще большим сюрпризом. “Мы предприняли смелое начало”, - сказал Хевахева королю, ловко взяв на себя часть ответственности. “Но боги и *иерархии* не смогут пережить смерть *табу*.” **Ошибка! Закладка не определена.**

“Тогда пусть они погибнут вместе с этим!” - воскликнул Лихолихо, доведенный теперь до отчаяния тем, что он натворил. “Если боги могут наказать, то мы и так сделали слишком много,

чтобы надеяться на милость. Они могут только убивать, и мы испытаем их силу, навлекая на себя всю меру их гнева”.

Древний храм на берегу моря, 1793 год.

С этим решением верховный жрец с готовностью согласился, и немедленно были отданы приказы о разрушении богов и храмов по всему королевству. Сложив с себя полномочия, Хевахева первым поднес факел, и в дыму горящих *хеяу*, изображений и другой священной собственности, начиная с Гавайев и заканчивая Ниихау, внезапно исчезла религиозная система, которая на протяжении полутора тысяч или более лет формировала веру, вызывала уважение и вызывала глубочайшее благоговение гавайского народа. Иконоборцы не предлагали никакого вероучения взамен системы, разрушенной королевским указом, и до прибытия первых христианских миссионеров в марте следующего года жители архипелага оставались без тени религиозных ограничений или руководства.

II.

В то время как отмена системы *табу* получила всеобщее одобрение масс, разрушение богов и храмов встретило очень серьезные протесты и противодействие. Многие верили, что жречество могло бы сохраниться и без *табу*, и что царь превысил свою суверенную власть, уничтожив обоих одним ударом. Таким образом, многие боги были спасены из горящих храмов, и тысячи отказались отречься от веры, в которой они были воспитаны. Лишенные своих занятий, священники осудили разрушение *heiaus*, и вскоре на Гавайях был организован грандиозный заговор против правительства под руководством Кекуаокalani, вождя с редкими достижениями и двоюродного брата короля. При дворе произошло дезертирство, и несколько выдающихся деятелей оказали поддержку революционному движению.

Как бы это ни рассматривалось в свете его результатов, со стороны Кекуаокалани восстание было смелой и добросовестной защитой религии его отцов. Он поднял знамя восстания в пределах дневного перехода от Кайлуа и призвал к его поддержке всех, кто осудил действия Лихолихо по указу об уничтожении <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb439> национальной религии. Он презирал все компромиссы и уступки и, если бы не огнестрельное оружие белых, несомненно, отобрал бы скипетр у своего царственного кузена.

Утверждалось, что Кекуаокалани был честолюбив и воспользовался недовольством, вызванным антирелигиозными указами Лихолихо, как возможным средством захвата бразд правления. Это предположение не подтверждается ни словами, ни действиями несчастного вождя. Послы, отправленные к нему после первой стычки конфликта, сообщили, что он отклонил все условия мирного урегулирования. Однако это было не так. Он потребовал, чтобы Лихолихо отменил свои указы против духовенства, разрешил восстановление храмов и отправил Калаймоку в отставку с поста премьер-министра, а Каахуману - с поста главного советника правительства. Эти условия были отклонены, и послы вернулись с рассказом о том, что они предложили полностью оставить вопрос религии на усмотрение народа, но что Кекуаокалани не ждет ничего, кроме войны. Правильное изложение того, что произошло на собеседовании, несомненно, ослабило бы королевское дело, и поэтому от него отказались. После ухода Хевахевы с поста верховного жреца должность перешла к Кекуаокалани по праву старшинства, и, веря в святость своих богов, как храбрый человек, он не мог поступить иначе, как взяться за оружие для их защиты.

Нет более печальных персонажей в истории Гавайев и нет более насыщенного оттенка исчезающего рыцарства расы, чем Кекуаокалани и его отважная и преданная жена Манононо, последние защитники гавайских богов с оружием в руках. Они видели все, что представлял собой окружающий их свет, но единственными известными им богами были боги их отцов, и они умерли в тщетной попытке защитить их. Они были храбры, благородны и добросовестны, и дело, за которое они погибли, не может умалить величия или затуманить славу жертвы.

В жилах Кекуаокалани текла лучшая кровь как Гавайев, так и Оаху. Он был племянником Камехамехи I., и его род был даже выше по рангу, чем у его выдающегося дяди. Его прабабушкой была Камакаймоку, принцесса Оаху, которая стала женой Каланиуиамамао, одного из сыновей Кеаве, короля Гавайев, и матерью Каланиопуу, дедушки Кеопуолани, матери Лихолихо. Одной из полнородных сестер Каланиопуу была Манона, бабушка Кекуаокалани. **Ошибка! Закладка не определена.**

Одной из первых жен Камехамехи I. была Калола, вождия Гавайев. Впоследствии она стала женой Кекуаманохи, младшего брата Кахекили, короля Мауи, и матерью Манононо, жены Кекуаокалани. Поскольку мать Манононо была дочерью Кумукоа, одного из сыновей Кеаве, короля Гавайев, а ее отец был принцем Мауи, она была не только высокого ранга, но и состояла в кровном родстве как со своим мужем, так и с царствующей семьей.

Традиция называет Кекуаокалани одним из самых внушительных вождей своего времени. Он был более шести с половиной футов ростом, совершенной формы, с красивыми чертами лица и благородной осанкой. Храбрый, проницательный и притягательный, он обладал качествами успешного военачальника; но поскольку война практически прекратилась с завоеванием группировки Камехамеа I. и ему было не по вкусу легкомыслие двора, где он мог бы провести свою жизнь в почтенном безделье, он обратил свое внимание на духовенство. Начав с самого низа, с терпеливым усердием он прошел все промежуточные ступени, пока не встал рядом с первосвященником, полностью равный ему в учености и более чем равный ему в преданности своему призванию. Он овладел хронологическими *мелесами* высшего жречества, а также эзотерическими знаниями и тайными символами храма, и со смертью Хевахевы все ожидали, что

обязанности высшего жречества лягут на него. По характеру он был гуманным, милосердным и бескорыстным, и, ценя благородство его характера, его жена поклонялась ему почти как богу. В ответ он дарил ей всю меру своей привязанности, и воды их жизней мирно текли дальше, пока могила не поглотила их обоих.

Таков был характер крепкого вождя, вокруг которого начали сплываться друзья свергнутых богов Гавайев. Он призывал к миру и покорности до тех пор, пока мог найти слушателей среди недовольных, но в конце концов его вынудили к восстанию и он стал лидером движения.

Он присутствовал на королевском пиршестве в Кайлуа, когда Лихолихо публично нарушил *табу* и издал указ о разрушении храмов. Он видел, как Хевахева, почтенный первосвященник, который был в какой-то степени его религиозным наставником, первым бросил клеймо на *храм*, где они так часто вместе молились и обращались за советом к богам. Сначала все это <C:\Users\JamesBond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\>казалось ужасным сном, но горящие храмы и неистовое ликование населения вскоре убедили его, что это ошеломляющая реальность, и он бросился на землю и помолился, чтобы его зрение затуманилось, чтобы он больше не был свидетелем святотатственных деяний народа.

“Мозг Лихолихо разгорячен крепким напитком, и его можно заставить сделать что угодно, — подумал Кекуаокалани. - Но Хевахева, должно быть, он сумасшедший, и мой долг поговорить с ним”.

Он искал и нашел первосвященника и, к своему великому огорчению, узнал, что Хевахева был не только в здравом уме, но и полностью согласен с королем в его решимости разрушить храмы и отречься от священства.

- И ты, верховный жрец крови Паао, советуешь это! - с горечью воскликнул Кекуаокалани.

“Я советую это сделать”, - последовал спокойный ответ Хевахевы. - “Но я больше не верховный жрец Гавайев; король был уведомлен об этом”.

- Тогда здесь и сейчас я занимаю освободившееся место, - быстро ответил Кекуаокалани.

- По чьему назначению? - спросил Хевахева.

“По воле разгневанных богов, чьи храмы превращаются в пепел вокруг нас!” - энергично ответил Кекуаокалани. “Они научат меня исполнять мой долг, даже если им не удастся отомстить своим предателям!”

С этими словами Кекуаокалани повернулся и пошел прочь. Сердце его наполнилось тоской, а крики людей довели его почти до отчаяния. Добравшись до павильона, он поднял и взвалил на плечо распростертое и изуродованное изображение Лоно, стоявшее у входа, и с драгоценной ношей мрачно и вызывающе прошагал мимо дворца и исчез.

В течение месяца или даже больше о Кекуаокалани при дворе ничего не было слышно. Тем временем разрушительная работа продолжалась, и дым от горящих храмов поднимался повсюду по всей группе. Наконец до Кайлуа дошел слух, что некоторые представители духовенства, поддерживаемые рядом влиятельных вождей, подстрекают к восстанию в Южном Коно. На отчет было обращено мало внимания, пока не стало известно, что Кекуаокалани принял руководство движением. Это встревожило суд, и был созван совет **Ошибка! Закладка не определена.** В ходе обсуждения сложилось преобладающее мнение, что угрожаемое восстание было всего лишь местным волнением, которое можно было без труда подавить, и опасения Лихолихо еще больше

развеялись после заверения одного из вождей, что с помощью сорока воинов он возьмет на себя обязательство доставить пленного Кекуаокалани на Кайлуа в течение трех дней.

“Только не с сорока умноженными на сорок!” серьезно сказал Хевахева. Лучше, чем кто-либо другой, он понимал и ценил высокое мужество Кекуаокалани и был слишком великодушен, чтобы без протеста выслушивать его порицание. “Нет, не с сорок раз по сорок!” - продолжал он. “Без Кекуаокалани восстание ничего не даст; с ним это означает войну”.

“Тогда пусть будет война, раз он ее приглашает!” - воскликнул Калаймоку.

“Но нельзя ли склонить его к миру?” - спросил король, адресуя вопрос, по-видимому, Хевахеве.

“Несомненно, - ответил тот, - если мы готовы принять его условия”.

“Как ты думаешь, каковы будут условия? - спросил король.

“Восстановление *табу* и восстановление храмов”, - был обдуманный ответ Хевахевы.

Король хранил молчание; но перед роспуском совета было решено, что против мятежников немедленно будут направлены войска, и в течение недели или больше под наблюдением Калаймоку шла подготовка к кампании. Наконец, когда все было готово, королевская армия, насчитывавшая, как предполагается, не менее полутора тысяч воинов, некоторые из которых были вооружены огнестрельным оружием, двинулась на юг от Кайлуа в направлении Каавалоа, где располагался штаб повстанцев.

Приняв руководство восстанием и считая себя чемпионом, избранным богами для их защиты, Кекуаокалани оживил движение энергией и энтузиазмом, которые вскоре привлекли к нему большое количество людей, а день зимнего солнцестояния застал его командующим армией, достаточно большой, чтобы вселить в него разумную надежду на успех.

Пять промежуточных дней между днем зимнего солнцестояния и началом нового года с незапамятных времен были выделены как сезон *табу*, посвященный празднествам в честь Лоно, одного из гавайской троицы. В разгар всеобщей религиозной деморализации Кекуаокалани посвятил этот сезон своим обычным обрядам — последнему ежегодному фестивалю, когда-либо авторитетно проводимому Лоно в группе.

О передвижениях правительства регулярно и оперативно докладывали Кекуаокалани, и когда королевские войска покинули Кайлуа, он был готов встретить их. Благодаря его усилиям *хиау* близ Каавалоа избежал разрушения. Он отправился туда и, принося жертвы богам, молился, чтобы они проявили свою силу и даровали ему победу.

Он не стал дожидаться нападения королевских войск. Покинув Каавалоа, он атаковал и разгромил их продвижение недалеко к северу от этого места, повергнув всю армию в замешательство. Довольный успехом, он вернулся в Каавалоа.

Новости об отражении достигли Кайлуа, король созвал совещание, и Калаймоку призвал к скорейшему переброске подкреплений по суше и морю и немедленной и сокрушительной атаке на повстанцев в Каавалоа, справедливо утверждая, что каждый день будет увеличивать силы повстанцев, вдохновленных достигнутой ими небольшой победой.

Этот совет был принят, и все доступные силы были немедленно отправлены на фронт, включая эскадрилью двухместных каноэ под командованием Каахуману и Калакуа, на одном из которых был установлен вертлюжок, управляемый иностранцем.

Неуверенный в силе повстанцев и отнюдь не уверенный в результатах борьбы, которая открылась в пользу его врагов, Лихолихо посоветовал прибегнуть к мирным переговорам, прежде чем ставить все на шансы в битве. Хоапили, который выступал в качестве мужа королевы-матери, и Найхе, наследственный национальный советник и оратор, были выбраны в качестве послов для переговоров с Кекуаокалани, и Кеопуолани вызвался сопровождать их.

Добравшись до лагеря повстанцев, послы были любезно приняты Кекуаокалани и использовали все средства, чтобы мирно разрешить трудности, столкнувшие две враждебные армии лицом к лицу; но ничего удовлетворительного добиться не удалось. Они не были уполномочены предлагать такие условия, на которые, по мнению Кекуаокалани, он мог бы последовательно согласиться, поскольку они не включали ни восстановление *табу*, ни восстановление храмов. Найхе предложил оставить вопрос **Ошибка! Закладка не определена.** для повстанцев необязательным. На это предложение Кекуаокалани с горечью ответил:

“Ты предлагаешь рыбью чешую после того, как обглодаешь кости. Поскольку у них нет храмов, где бы они молились? Поскольку у них нет алтарей, где бы они приносили жертвы? Поскольку они лишены *табу*, что для них было бы священным и приемлемым для богов?”

- Значит, мы должны взять назад свое слово, что Кекуаокалани не ждет ничего, кроме войны? - печально спросил Кеопуолани.

“Нет, достопочтенная мать принцев”, - ответил Кекуаокалани таким торжественным и внушительным тоном, что слушатели благоговели в его присутствии. “Скажем, скорее, что Кекуаокалани, возможно, последний верховный жрец Гавайев, готов умереть, защищая богов, служению которым он посвятил свою жизнь. Если они всемогущи, как он считает, их храмы снова поднимутся; если нет, он более чем готов скрыть свое разочарование в могиле!”

Найхэ был его дядей; Камакаймоку приходилась прабабушкой как Кеопуолани, так и ему самому, а король приходился ему двоюродным братом. В качестве условия мира он потребовал отмены эдиктов против *табу* и храмов. Поскольку с этим нельзя было согласиться, послы апеллировали к его отношениям с ними самими и королевской семьей; но его это не тронуло. “Мы гордимся своей кровью, - сказал он Кеопуолани, - но кто, кроме богов, сделал королями наших предков?”

Убедившись, что ничего нельзя сделать, послы удалились со знаками взаимного сожаления, и их безопасно и почтительно сопровождали за пределы позиций повстанцев. Сообщения, которые они позволили распространить по возвращении, о том, что Кекуаокалани отказались рассматривать какие-либо условия мира и что они едва спаслись, были выдумками, использованными для введения в заблуждение и раздражения королевской армии.

После отъезда послов Манано обратилась к мужу, чтобы узнать результаты конференции. Информация о том, что соглашение достигнуто не было, ее не удивила. Несколько недель назад все предсказания указывали на кровь, а накануне ночью *ала* кричала в пальмах за своей хижиной.

- Слава богам за знамение! - воскликнул Кекуаокалани.

“Но голос *алае* - это предзнаменование зла”, - предположил Мананоно. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Только тем, кто творит зло”, - ответил вождь. “Судьба богов, в битвах которых мы сражаемся, определяется ими самими”.

“Вы не боитесь результата?” - спросил Манононо.

“ Я ничего не боюсь, - последовал ответ, - но в последнее время мне иногда приходит в голову мысль, что боги уготовили Лихолихо и его советникам наказание более тяжкое, чем я, возможно, в состоянии вынести. Если это так, я преграждаю копьями путь их мести и буду принесен в жертву”.

“ Да свершится воля богов! ” благоговейно произнес Манононо. “Но какой бы ни была судьба Кекуаокалани, Манононо разделит ее”.

“ Храбрый Манононо! ” взволнованно воскликнул муж. - Если богам будет угодно, мы умрем вместе!

Той ночью Кекуаокалани выступил в поход на Кайлуа, полный решимости дать бой королевским войскам, где бы он ни столкнулся с ними. Он приблизился к побережью, и на следующее утро враждебные армии встретились у Куаму. Расположив свои силы в боевом порядке, Кекуаокалани отправил на фронт несколько новоиспеченных богов во главе со жрецами и, в свою очередь, обращаясь к нескольким дивизиям, страстно призывал их защищать богов их отцов.

Калаймоку лично командовал королевской армией. Битва открылась в пользу повстанцев, и победа была бы за ними, если бы не огромное превосходство роялистов в огнестрельном оружии. В критический момент батальон мушкетеров, некоторые из которых были иностранцами, атаковал центр повстанцев, когда дивизия в панике отступила, и вскоре все силы повстанцев были вынуждены отступить. Отступив на соседнее побережье, под прикрытие каменной стены, они некоторое время успешно сопротивлялись; но уже упомянутая эскадрилья двухместных каноэ под командованием Каахуману и Калакуа обстреляла позицию из мушкетов и вертлюжной артиллерии, и повстанцы прекратили неравную борьбу, большинство из них рассеялось и искало укрытия на соседних холмах.

Несмотря на ранение в начале боя, Кекуаокалани доблестно сохранил поле боя. Повсюду была видна его высокая фигура, двигавшаяся на протяжении всего конфликта, сплачивая и подбадривая своих сторонников, в то время как рядом с ним сражался храбрый Манононо. В конце концов, он пал с мушкетной пулей в сердце. С диким криком отчаяния Манононо бросилась ему на помощь, и в следующий момент пуля <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb446> пробила ей висок, и она замертво упала поперек тела своего умирающего мужа. Калаймоку приблизился первым и, долго всматриваясь в благородные черты Кекуаокалани, величественного даже после смерти, повернулся к своим последователям и сказал: “Поистине, со времен Кеаве не жил более величественный гаваец!”

Так погибли последние великие защитники гавайских богов. Они умерли так же благородно, как и жили, и были похоронены вместе там, где пали, на поле Куаму.

Небольшие группы религиозных недовольных были подавлены в Ваймеа и одном или двух других пунктах, но надежды и борьба духовенства фактически закончились со смертью Кекуаокалани.

Ошибка! Закладка не определена.

ГРОБНИЦА ПУУПЕХЕ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

МАКАКЕХАУ, вождь Ланаи.

ПУУПЕХЕ, дочь вождя племени Мауи.

Ошибка! Закладка не определена.

ГРОБНИЦА ПУУПЕХЕ.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСТРОВЕ ЛАНАИ.

Проплывая вдоль подветренного или юго-западного побережья Ланаи, можно заметить огромную глыбу красной лавы шестидесяти футов в диаметре и восьмидесяти или более футов в высоту, выступающую из моря и отделенную от материка примерно на пятьдесят-шестьдесят морских саженей. Борта обрывисты, не предлагая никаких возможных способов подъема, и об них с яростью разбиваются волны, а в нишах его изношенных штормами углов выют свои гнезда океанские птицы. Наблюдаемый с нависающего утеса соседнего берега, на вершине одинокой колонны виднеется небольшое ограждение, образованное низкой, но четко очерченной каменной стеной. Это место известно как “гробница Пуупехе” — последнее пристанище одной из красивейших дочерей Мауи, чье тело было похоронено там ее обезумевшим мужем и любовником Макакехау, воином Ланаи. Как влюбленный достиг вершины со своей драгоценной ношей, остается загадкой, но стена все еще существует, чтобы показать, что восхождение было совершено каким-то образом, и традиция предполагает, что это произошло при посредничестве сверхъестественных сил.

Пуупехе была дочерью Уауа, мелкого вождя Мауи, и Макакехау завоевал ее, об этом рассказывается без подробностей, как совместный приз любви и войны. Трудно представить, как это могло произойти, поскольку в прошлом Ланаи всегда находился в зависимости от Мауи, и традиция не упоминает прямых войн между двумя островами. Следовательно, можно сделать вывод, что она была добычей какой-то частной грабительской экспедиции, и что попытки молодого воина ревниво укрыть ее от людских взоров были вызваны не столько увлечением ее красотой, сколько страхом, что ее могут снова поймать.

Как бы там ни было, они описаны в *Каникау*, или “Плаче Пуупехе”, как взаимно привязанные друг к другу узами любви. Девушка была прелестным цветком гавайской красоты. Ее блестящее коричневое и безупречно чистое **Ошибка! Закладка не определена.цветовникаки**, струились,

когда она бежала, "подобно гребням прибоя, несущимся под ветром", а сияющие глаза дочери Уауа так ослепили юного храбреца, что его называли Макакехау, или "Туманные глаза".

Опасаясь, что лучезарная красота его пленницы может вызвать желание кого-нибудь из местных вождей, он сказал ей: "Мы очень любим друг друга. Давайте отправимся к чистым водам Калулу. Там мы будем вместе ловить *калу* и *бониту*, и там я проткну черепаху копьем. Я спрячу тебя, о свет моего сердца! в пещере Малауза. Или мы будем жить вместе в большом ущелье Палаваи, где будем есть молодняк *увау* и запекать их в *листьяхтирала*. Ягоды охело из Куахивы освежат нас, и мы будем пить прохладные воды Мауналеи. Я построю соломенную хижину в чаще Гаохая, и мы будем любить друг друга до тех пор, пока не погаснут звезды".

The *Мелес* рассказывают о своей любви в ущелье Пулу, где они ловили ярких *птиц* и алых *апапани*. Как сладки были их радости в *рощах майя* Вайакеакуа, где влюбленные не видели ничего прекраснее самих себя! Но затуманенным глазам вскоре предстояло стать еще более тусклыми от слез, и еще более тусклыми, пока заливающий их рассол не погасит их свет навсегда.

Однажды Макакехау оставил свою любовь в пещере Малауза, а сам отправился на гору, чтобы наполнить *хуавай* пресной водой. Эта пещера зияет у подножия утеса, возвышающегося над скалой Пуупехе. Море бушует далеко внутри, но есть внутреннее пространство, до которого может добраться опытный пловец, и где Пуупехе часто находила уединение и пекла *хону*, или морскую черепаху, для своего отсутствующего возлюбленного.

Это было время года для *коны*, ужасающего шторма, который поднимается с экватора и с еще большей силой обрушивает океанские волны на южные берега Гавайских островов.

Макакехау наблюдал со скалистых источников Пулу авангард приближающейся *коны*— потоки дождя и густого тумана, несущиеся с воющим ветром по круглой долине Палаваи. Он знал, что буря наполнит пещеру диким и внезапным потоком воды и разрушит жизнь его прекрасной Пуупехе.

Каждое мгновение было драгоценно. Он отшвырнул в сторону свои тыквенные тыквы **Ошибка! Закладка не определена.** и на предельной скорости начал спускаться с горы. Могучими и быстрыми шагами он пересек великую долину, где встретил надвигающуюся бурю во всей ее ярости. С бьющимся сердцем он перемахнул через край и спустился по неровному склону *кулы* к берегу, о который волны уже бились с раскатами грома.

Море действительно поднялось! Дрожжевая пена вздымающихся, раздираемых ветром валов выбеливала утесы, а "буря" хором пела безумный гимн борющимся волнам. О! где Затуманенным Глазам искать его любовь в ослепительной буре?

Стремительный поток моря заполняет вход в пещеру Малауза, и сдерживаемый воздух внутри с упрямым ревом отбрасывает вторгающийся поток, выбрасывая наружу огромные потоки брызг. Это жестокая война стихий — битва сил природы, хорошо рассчитанная на то, чтобы трепетать от удовольствия в сердцах сильных мужчин. Но влюбленный, смотрящий в бурлящую бездну водоворота, — чем был бы для него этот возвышенный конфликт? как увидеть среди кипящего рассола запрокинутое лицо и нежное тело кумира своего сердца?

Другие могли бы агонизировать на краю пропасти, но Туманные Глаза прыгнул в ужасный котел и вырвал свою безжизненную любовь из пасти океанской могилы.

На следующий день рыбаки слышали плач Макакехау, и женщины долины спустились вниз и оплакивали Пуупехе. Они завернули ее тело в яркую, новую *капу* и обвили гирляндами из

благоухающего *науу*. Они подготовили его к погребению и собирались поместить на кладбище Манеле; но Макакехау взмолился, чтобы его оставили наедине еще на одну ночь со своей потерянной любовью, и просьба не была отклонена.

Когда женщины вернулись на следующее утро, они не обнаружили ни трупа, ни плачущего любовника. Наконец, посмотрев в сторону скалы Пуупехе, они обнаружили Макакехау за работой на высокой вершине одинокой морской башни. Удивленные жители острова с изумлением наблюдали за ним с соседних утесов, но, не обращая внимания на их наблюдения, он продолжал свои труды. Некоторые плавали вокруг основания колонны на своих каноэ, но не смогли обнаружить никаких способов подъема. Каждая грань скалы была либо перпендикулярной, либо нависающей.

Затем стало всеобщим убеждение — поскольку другого возможного объяснения, казалось, не было, — что некий сочувствующий *акуа*, **Ошибка! Закладка не определена.**или дух, откликнулся на молитву Макакехау и помог ему взобраться на вершину башни с телом его мертвой невесты; и в такой форме традиция передала трогательную историю.

Макакехау закончил свои труды. Он положил свою любовь в могилу, приготовленную его собственными руками, положил на нее последний камень, а затем простер руки и так оплакал Пуупехе:

“Где ты, о Пуупехе?

Ты в пещере Малауэа?

Принести тебе сладкой воды,

Вода из фонтана?

Принести *увау*,

The *Пала* и *охело*?

Ты готовишь *хону*?

А красная, сладкая *хала*?

Может, мне растереть *кало* с острова Мауи?

Может быть, мы вместе окунемся в тыкву?

Птица и рыба горькие,

А горная вода кислая.

Я больше не буду этого пить;

Я выпью с Айпухи,

Великая акула Манеле”.

Прекратив свой печальный вопль, Макакехау на мгновение задержал взгляд на могиле, где были похоронены свет и надежда его жизни, а затем прыгнул со скалы в бурлящую волну у ее

подножия. Его тело было раздавлено бурунами. Свидетели жертвоприношения забрали искалеченные останки мертвого возлюбленного и с уважением похоронили их в *купанау* в Манеле.

Это история, рассказанная старыми бардами Ланаи об одинокой скале Пуупехе, и все еще недоступная вершина со следами могилы на ней с достаточной уверенностью свидетельствует о том, что у *меле* на самом деле есть что-то вроде фундамента. **Ошибка! Закладка не определена.**

ИСТОРИЯ ЛАЙЕКАВАИ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ЛАЙЕКАВАИ, героиню, называли также *Ka wahine o ka luula*, “леди сумерек”, дочь вождя Оаху.

ЛАЙЕЛОХЕЛОХЕ, сестра-близнец Лайекаваи.

ВАКА, их бабушка, могущественная волшебница.

КАПУКАИХАОА, священник Куканилоко, Оаху.

ХУЛУМАНИАНИ, пророк Кауаи.

АЙВОХИКУПУА, вождь Вайлуа, Кауаи, из *купуа*, или сверхъестественного происхождения, и из другой страны.

МОАНАЛИХАЙКАВАОКЕЛЕ, Aiwohikupua’s father and

ЛАУКЕЛЕУЛА, его мать, оба таинственные существа и обитатели Луны.

КАОНОХИОКАЛА, брат Айвохикупуа и полубог, живущий на Солнце.

МЕЙЛИ-ХАЙВАЛЕ,

МАЙЛЕ-КАЛУХЕА,

МАЙЛЕ-ЛАУЛИ,

МАЙЛЕ-ПАКАХАИ

} сестры Айвохикупуа.

КАХАЛАОМАПУАНА самый младший,

КЕКАЛУКАЛУОКЕВА, король Кауаи после Кауакахалии.

ХАУАЙЛИКИ, мелкий вождь племени Мана, Кауаи.

ХАЛАНИАНИ, мелкий вождь Пуны, Гавайи, и

МАЛИО, его сестра, колдунья.

ХИНАИКАМАЛАМА, вождь племени Хана, Мауи.

ПОЛИАХУ, богиня Мауна-Кеа, Гавайи.

КИХАНУИЛУЛУМОКУ, гигантский му, или бог-ящерица.

Ошибка! Закладка не определена.

ИСТОРИЯ ЛАЙЕКАВАИ.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ НАРОДНАЯ ЛЕГЕНДА ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ВЕКА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Ранней весной 1885 года компания из шести или восьми леди и джентльменов - в числе которых был и писатель — совершала поездку в экипаже по острову Оаху. Губернатор острова тщательно подготовился к этому небольшому путешествию, и маршал королевства выступил в двойном качестве проводника и сопровождающего. Десяток сопровождающих туземцев сопровождали группу верхом, и восхитительная неделя или больше была потрачена на прогулки по свежим пляжам Кулау, развлечения в Вайалуа, посещение исторических достопримечательностей и завершение путешествия протяженностью менее ста миль.

Начиная с Гонолулу, пустые экипажи были осторожно спущены вниз по крутой, неровной и узкой дороге Пали, ведущей к долинам внизу, и первый вечер застал нас на отдыхе у прекрасных берегов Канеохе. На следующий день, войдя в район Кулаулоа и приближаясь к побережью по широкому участку травянистого луга, но немного выше уровня океана, наша группа внезапно остановилась у пруда с чистой водой, почти круглого и, возможно, около ста футов в диаметре. Поверхность пруда была на десять-двенадцать футов ниже уровня окружающей равнины, и его ровные скалистые берега почти перпендикулярно обрывались в воду неизвестной глубины. На объем бассейна не влияют ни дожди, ни засуха, и местные жители верят, что он питается из источников на дне и имеет подземный сток в океан, расположенный примерно в двух-трех милях от него.

Мы узнали, что это был знаменитый пруд Вайапука, вокруг которого сложилось так много странных легенд. Все они говорят о пещере где-то за стенами бассейна, **Ошибка! Закладка не определена.** и добраться до нее можно, только нырнув в воду и найдя узкий проход, ведущий вверх.

Слушая фрагменты истории Лайекавай и других легенд, связанных с таинственной пещерой, и серьезно сомневаясь в существовании тайной комнаты, столь широко упоминаемой в ранних фольклорных преданиях Оаху, пожилой туземец, присоединившийся к группе в Канеохе, тихо и без единого слова спешил, сбросил верхнюю одежду и нырнул в бассейн. Подплыв к северной стене, он на мгновение уцепился за небольшой выступ, а затем исчез. Впервые было высказано

предположение, что он искал пещеру Лайекавай, и все взгляды были устремлены туда, где его в последний раз видели над водой.

Прошло три или четыре минуты, и начали возникать опасения за его безопасность, когда приветствие “*алоха!*” приветствовало нас с противоположной стены, и в следующий момент мы увидели пару черных глаз, поблескивающих через небольшое отверстие в пещеру, ранее не замеченное, примерно в четырех футах над поверхностью воды.

Затем пловец вернулся в бассейн тем же ходом, по которому покинул его, и мы были вынуждены признать, что пещера Лайекавай была реальностью, какими бы дикими и фантастическими ни были истории, связанные с ней. Ни один присутствующий, включая губернатора, никогда прежде не видел, как пытались проникнуть в пещеру, и туземцы были вне себя от радости от того, чему они стали свидетелями.

На многочисленные вопросы, с которыми к нему приставали, старик по возвращении давал лишь краткие ответы, а когда его попросили объяснить способ проникновения в пещеру, чтобы тайна не была утеряна, он многозначительно указал на море и заявил, что там будут найдены тела тех, кто пытался разгадать тайну прохода и потерпел неудачу.

Это повторное открытие входа в пещеру Лайекавай пробудило новый интерес к легендам, связанным с ней, и с тех пор во время нашего путешествия многие старые истории повторялись. Самое интересное связано с Лайекавай. Это безрассудно причудливый концерт, который выражает экстравагантное тщеславие ранних гавайских бардов. Ниже представлено краткое изложение легенды о Лайекавай, более подробно изложенное Халеоле.—РЕДАКТОР.

Я.

Отцом Лайекавай был Кахауокапака, глава двух округов Кулау, охватывающих всю наветренную сторону острова Оаху, а ее мать звали Малаекахана. Вскоре после их свадьбы он поклялся, что, если ее дети окажутся девочками, они будут преданы смерти, по крайней мере, до тех пор, пока у них не родится сын.

В соответствии с этой дикой клятвой первые четверо детей Малаекаханы, все дочерей, были убиты безжалостно. Когда ее время снова приблизилось, по совету священника она послала своего мужа на побережье, чтобы тот привез ей немного *охуа палемо*, маленькой рыбки, которую она чрезвычайно любила.

В его отсутствие у нее родились девочки-близнецы, которых назвали Лайекавай и Лайелохелохе. Они были необыкновенно красивыми детьми, и, желая спасти их жизни, мать передала названного первого на попечение Ваки, бабушки ребенка, а второго - Капукаихаоа, священнику благоразумия и святости.

По возвращении мужа ему сказали, что ожидаемый ребенок появился на свет безжизненным. Он знал, что во время его отсутствия в его доме произошли роды, потому что услышал два отчетливых раската грома.

Вака отвела своего приемного ребенка в пещеру, которая выходит в пруд Вайапука и попасть в которую можно только нырнув. Жрец-покровитель Лайелохелохе отвез ее в священную ограду Куканилоко, на западной стороне острова, и там о ней нежно заботились.

В тот момент, когда Вака вошел в пещеру Вайапука вместе с Лайекавай, над этим местом появилась радуга, и она была постоянно видна, пока ребенок оставался там. Даже когда солнце было скрыто облаками, можно было разглядеть радугу.

Наконец великий пророк Хулуманиани увидел радугу на далеком острове Кауаи. Двадцать дней подряд он видел ее и понял ее значение. Он взял каноэ и пятнадцать человек у Полулы, вождя Вайлуа, запасся черной свиньей, белой птицей и красной рыбой для жертвоприношения и, когда взошла звезда Сириус, отплыл на Оаху.

Достигнув этого острова, он высадился в Вайанае и, ведомый радугой, в назначенное время прибыл к озеру Вайапука. **Ошибка! Закладка не определена.** Вака только что нырнул в пещеру и заметил рябь на воде. Днем Вака начал покидать пещеру, но мельком увидел пророка, сидящего на берегу, и быстро вернулся, снова поднимая рябь на воде.

Пророк оставался у бассейна всю ночь, а утром увидел радугу над Куканилоко. Двигаясь в этом направлении, он поднялся на гору Каала, когда увидел радугу над островом Молокаи. Найдя направлявшееся туда каноэ, он сел в него и высадился в Халеолоно, недалеко от западного берега.

Во сне Капукаихаоа приказал Ваке перевезти Лайекавай в какое-нибудь более безопасное место и, соответственно, отвез ее в Малелеваа, уединенное место на северной стороне Молокаи.

Следуя за радугой, пророк прибыл вечером в Вайколу, чуть ниже Малелеваа; но той ночью Вака снова получила во сне совет немедленно перебраться на остров Гавайи и жить со своей подопечной в Палиули. Они отплыли на рассвете и в Кеавануи встретили мужчину, готовившего свое каноэ к отплытию в Ланаи, и занялись переправой; но прежде чем они смогли сесть в лодку, Лайекавай случайно сняла вуаль, которую Вака заставил ее надеть, и мужчина был поражен ее красотой.

Вместо того, чтобы отправиться на Ланаи, он пригласил Ваку и ее подопечную остаться в его доме, пока не сможет нанять другого гребца, а затем отправился вокруг острова, рассказывая каждой группе людей о великой красоте Лайекавай.

Огромная толпа собралась в Калаупапе, чтобы посмотреть боксерский поединок, и там мужчина превозносил красоту девушки в присутствии главного вождя и пророка, который искал ее. Не сомневаясь, что описанная девушка была той, кого он искал, пророк отправился в Кавелу и увидел радугу над Хавануи. В ту ночь он прибыл в Каамолу, соседнюю землю, и лег отдохнуть, потому что проделал долгий путь и устал.

Тем временем Вака, снова получивший предупреждение во сне, сел в каноэ и переплыл пролив Ланаи, высадившись в Мауналее. Последовали три дня тумана и дождя, а на четвертый пророк увидел радугу над Муналеем. Однако она там не осталась. Десять дней спустя он заметил нечто необычное на высоком пике Халеакала на острове Мауи. Он отправился туда, но не нашел там ничего, кроме тумана и дождя.

Затем он отправился в Каувики, холм недалеко от Ханы, и там **Ошибка! Закладка не определена.** воздвиг небольшой *хейау*, или храм, для поклонения своему божеству-покровителю. После посвящения, ничего не увидев на Гавайях и не получив вдохновения, он некоторое время оставался в Каувики.

Наконец, в начале седьмого месяца года, с восходом солнца, он увидел слабую радугу на наветренной стороне Гавайев. На закате третьего дня следующего месяца он вошел в свой храм и горячо помолился, и тут перед ним появились призраки Вака и Лайекавай. Затем его бог-

покровитель сообщил ему, что люди, тени которых он видел, жили в лесу Пуна, в доме, крытом желтыми перьями *оо*.

С этой информацией пророк отплыл в Махукону, на остров Гавайи. Там он помолился в храме Пахауна, и его направили в Вайпио, где он принес жертвы в знаменитом *храме в Паакалане*. Оттуда он отправился в Кайвилахилахи, недалеко от Лаупахоэхо, где оставался несколько лет, не имея возможности получить какую-либо дополнительную информацию о лицах, которых он разыскивал.

II.

Это было во время пребывания пророка Хулуманиани в Кайвилахилахи, когда Кауакахиали, король Кауаи, со своей королевой Кайликелауокекоа, вернулись из свадебного тура группы. Большое собрание вождей и простолюдинов собралось, чтобы поприветствовать их возвращение домой музыкой, танцами и другими празднествами.

Рассказывая о своих приключениях, король упомянул встречу с таинственной принцессой Палиули, чья красота, по его словам, была чем-то большим, чем человеческая. Встреча произошла в Кеау, в Пуне. *Каху* короля впервые встретился с принцессой и ее спутником, и, когда он попросил его оказать честь своему царственному хозяину посещением, принцесса сообщила ему, что, возможно, выполнит его просьбу следующей ночью. “Если я приду, - сказала она, - я предупрежу тебя”.

“А теперь слушай и внимай”, - продолжала она. “Если вы слышите голос *ао*, меня нет в его нотах, а когда вы слышите карканье *алалы*, меня нет в его голосе. Когда раздаются звуки *элепайо*, я готовлюсь к спуску. Когда ты услышишь песню *апапане*, я выйду из своего дома. Слушай, **Ошибка! Закладка не определена.**тогда, и если ты услышишь, как *иивиполена* поет, я за пределами твоего дома. Выйди и встреться со мной”.

И так это и произошло. В *кихи*, или первую вечернюю стражу, раздавался крик *ао*, во вторую стражу - карканье *алалы*, в полночь - щебетание *элепайо*, в *пили* утра - песня *апапане*, а на рассвете - голос *иивиполены*. Затем на дверь упала тень, “и нас окутал, “ сказал король, ” густой туман, а когда он рассеялся, мы увидели принцессу во всей ее великолепной красоте, несомую на крыльях птиц”. Имя божественного существа, по его словам, было Лайекаваи.

Среди вождей, слушавших эту историю о короле, был Айвохикупуа, вождь Вайлуа, иностранец по происхождению. Он поклялся, что не женится на гавайянке, и, высказав мнение, что принцесса, описанная королем, была дочерью из других стран, решил сделать ее своей женой.

С этой целью он разыскал покойного *каху* короля и сделал его своим доверенным лицом и главным офицером. Они говорили только о Лайекаваи. У него было видение о ней во сне, и он пил *ава* подряд в течение многих дней, в надежде вызвать повторение видения. Он пропел *меле* в честь неизвестной принцессы, подтвердил свое решение овладеть ею, а затем приготовился отправиться на Гавайи в поисках нее.

Он снарядил два двухместных каноэ с шестнадцатью гребцами и двумя рулевыми и, когда авгуры и прорицатели объявили предзнаменования благоприятными, с восходом Сириуса отплыл на Гавайи. По пути туда он останавливался во многих местах и, наконец, прибыл в гавань Ханео, в районе Хана, Мауи.

Несколько серфингистов развлекались на пляже, среди них была Хинаикамалама, знаменитая вождь племени Хана. Айвохикупуа был сражен ее очарованием и принял ее приглашение присоединиться к группе купающихся в их спортивных состязаниях. В свою очередь, она влюбилась в него и пригласила его посетить ее дом и поиграть с ней в *конане*— игру, напоминающую шашки.

Когда он собирался начать игру, она спросила его, сколько он готов поставить на свой успех, и он указал на одно из своих двухместных каноэ. Она отклонила это условие и предложила вместо этого поставить на карту своих людей. На это он согласился и, сыграв, проиграл партию. Чтобы избежать уплаты неустойки, он заявил <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb461>, что он поклялся не отдаваться любви ни одной женщине до тех пор, пока не совершит кругосветное путешествие по острову Гавайи, и призвал ее оставаться верной ему, пока он отсутствует.

Вождь и его спутники покинули Ханео и на следующий день прибыли в Каухолу, округ Кохала, Гавайи, где шел боксерский поединок. Айвохикупуа был вызван на состязание Ихуану, чемпионом Кохалы. Вызов был принят, и в борьбе Ихуану был убит.

Затем они приземлились в Паухау, в Хамакуа, чтобы стать свидетелями другого боксерского поединка. Местным чемпионом был Хаунака. Его пригласили на состязание с Айвохикупуа, но, узнав кое-что о доблести вождя, он отказался от конфликта. Затем они отплыли в Лаупахоэхо, где все еще проживал пророк Хулуманиани.

В тот вечер пророк наблюдал за облаками в поисках предзнаменований и различил в них приближение двухместного каноэ вождя с девятнадцатью мужчинами на борту. На следующее утро он увидел туман над морем и приготовил своего черного поросенка, белую птицу и пучок ава. Затем последовали раскаты грома, и в поле зрения показались каноэ Айвохикупуа со знаками отличия вождя *нулулу*; после чего пророк принес жертвы и помолился за вождя и за себя.

Приземлившись, вождь и пророк обнялись и провели ночь вместе, но Айвохикупуа не раскрыл истинной цели своего путешествия. Затем они отплыли в Макаханалоа, откуда была видна радуга над Палиули. Они высадились в Кеау, где люди купались в серфинге.

Вечером Айвохикупуа оставил своих людей у каноэ, взяв с собой только своего доверенного лица, *каху*, который нес богатую накидку из перьев в подарок госпоже Палиули. После долгого и утомительного путешествия по густым джунглям они услышали крик петуха и вскоре вышли на поляну, в дальнем конце которой стоял дом Лайекавай, весь покрытый отборными желтыми перьями *оо*.

Айвохикупуа был поражен и унижен. Он сказал: “Я принес ей в подарок свой королевский плащ из перьев, и вот! это не сравнится с соломенной крышей ее дома! Затем, повернувшись к своему *каху*, он сказал: “Я здесь больше не останусь. Давайте вернемся”.

Несмотря на протесты своего спутника, Айвохикупуа вернулся в Кеау, так и не повидавшись с Лайекавай, и сразу же отплыл **Ошибка! Закладка не определена.** на Кауаи. Они не остановились, чтобы навестить пророка в Лаулапахоехо. Когда недалеко от побережья Хамакуа они увидели женщину необычайной красоты, возлежащую на скале у берега. Она была грациозна в каждом движении и одета в белоснежную мантию.

Они приземлились и познакомились с ней. Ее звали Полиаху, она жила на Мауна-Кеа. Как обычно, вождь сразу заговорил с ней о любви. В ответ она спросила его, не поклялся ли он именами своих богов не жениться на женщине, родившейся на Гавайях, и не обручился ли он с

Хинаикамаламой из Ханы. Она сообщила ему, что, как и он сам, она тоже по происхождению *купуа* и обладает сверхъестественными способностями. Однако она пообещала выйти за него замуж, как только он освободится от своей клятвы и вернется, чтобы заявить на нее права. Она сопровождала их до Кохалы, где обменялась мантиями с вождем в знак их помолвки, а затем удалилась.

Пересекши пролив Мауи, вождь вошел в гавань Ханео, но не высадился на берег. Хинаикамалама окликнула его с берега и потребовала исполнения обещания; но он обманул ее, заявив, что еще не обогнул Гавайи, проплыл только вдоль наветренной стороны и что плохие новости из дома вынуждают его немедленно возвращаться на Кауаи.

Она поверила ему и успокоилась. На середине пролива Оаху он приказал своей команде соблюдать секретность, а затем поспешил на Кауаи, полный решимости вернуться на Гавайи и добиться аудиенции у принцессы Палиули.

Вернувшись домой, он рассказал своим пяти сестрам о том, что видел в Палиули, и они согласились сопровождать его на Гавайи и помочь ему в сватовстве с красавицей Лайекавай.

На следующий день Айвохикупуа набрал новую команду из четырнадцати гребцов и двух лоцманов, которые вместе со своими сестрами и доверенным советником составили группу из двадцати трех человек и отплыли на Гавайи. Штормовая погода задержала их на месяц в Хонуауле, Мауи, но в конце концов они добрались до Келехулухулу, что в районе Кона, Гавайи. Полиаху увидел там их каноэ и был разочарован, когда они отправились в Хило.

Они прибыли в Кеау, в Пуне, примерно в середине дня, и Айвохикупуа, сделав все необходимые приготовления, сразу же отправился вглубь страны со своими пятью сестрами и доверенным *каху*. В полночь отряд достиг Палиули. **Ошибка! Закладка не определена.**

Вождь поставил свою старшую сестру Майле-хайвале у дверей Лайекавай. От нее исходил нежный аромат растения, названного в ее честь, который разбудил Лайекавай.

“Вака! Вака! - воскликнула принцесса.

“Здесь!” - ответил Вака. “Что разбудило тебя среди ночи?”

- Аромат, странный, прохладный аромат, который проникает в мое сердце, - ответила девушка.

“Это не странный аромат”, - сказал Вака. “Это, конечно, Майле-хайвале, душистая сестра Айвохикупуа, который пришел просить тебя стать его женой”.

“Тьфу ты! Я не выйду за него замуж”, - был раздраженный ответ Лайекавай.

Айвохикупуа услышал ее отказ и был настолько обескуражен, что предложил бросить своих сестер и вернуться в Кеау, но его верный *каху* вмешался и посоветовал провести еще одно испытание. Итак, следующая по возрасту, Майле-калухеа, заняла позицию у двери. Ее аромат был другим и более проникающим, но в доме происходил почти тот же обмен словами, что и раньше.

Вождь снова предложил уйти, но *каху* настоял на том, чтобы испытать силы Майле-лаули; но большего успеха не последовало.

“Попробуйте еще раз, - сказал советник, - и если все они потерпят неудачу, я сам попытаюсь убедить ее”.

Итак, Майле-пакаху выставили за дверь, но безрезультатно, и Лайекаваи сказала достаточно громко, чтобы ее услышали снаружи: “Кто бы ни пришел, я не соглашусь выйти замуж за Айвохикупуа”.

Услышав это и сочтя любые дальнейшие попытки бесполезными, Айвохикупуа приказал своим сестрам оставаться в лесу в наказание за их неудачу, а сам отправился обратно на побережье. Младшая сестра, чьи силы никто не испытывал, позвала его и тронула его сердце. Он предложил взять ее и оставить остальных позади, но она не согласилась бросить своих сестер. Один из них произнес *меле*, чтобы смягчить его сердце, но он оставался непреклонным.

Он направился к берегу, сестры следовали за ним, как могли, и когда они увидели, что он и его сопровождающие сидят в каноэ и готовы к отплытию, Майле-калухеа произнесла трогательную *молитву*; но он не внял ей и вышел в море.

Сестры путешествовали по суше и встретили Айвохикупуа, когда он собирался сойти на берег в Пунахоа, но он снова уклонился от них, **Ошибка! Закладка не определена.**отплывая. Затем они отправились по суше в Гонолиу, где их брат остановился за припасами. Они наблюдали всю ночь, и когда утром Айвохикупуа собрался отплыть, его сестры подошли поближе, и Кахалаомапуана запела трогательную песню, причем с таким большим эффектом, что брат пригласил ее в свое каноэ, посадил к себе на колени и заплакал над ней.

Приказав своим гребцам выйти в море вместе с его младшей сестрой, которую он все еще держал в объятиях, она умоляла его вернуться за остальными, а когда он отказался, она пропела прощальную песню, прыгнула за борт и поплыла к берегу.

Затем сестры решили вернуться в Палиули, едва ли зная, куда еще пойти на острове Гавайи, где они были чужими. Прибыв туда, они нашли убежище в зарослях *деревьев* хала, недалеко от дома Лайекаваи, двери которого постоянно держали закрытыми. Не сумев привлечь внимание заключенных, сестры решили поддерживать огонь ночью и петь по очереди — Майле-хайвале в первую ночь, Майле-калухеа во вторую и так далее в течение четырех ночей; но на них никто не обратил внимания.

На пятый вечер настала очередь петь самой младшей сестре. Она разожгла огонь, сделала музыкальный инструмент из *листа* и играла на нем. Она делала это на вечерних и утренних дежурствах в течение двух ночей. Лайекаваи никогда раньше не слышала этот инструмент, и он привел ее в восторг. Поэтому она послала своего *каху*, горбуна, сначала разыскать музыканта, а затем привести к ней человека, способного создавать такую музыку.

Следуя за *каху*, Кахалаомапуана обнаружил Лайекаваи, отдыхающую на крыльях птиц, с двумя *айвиполенами*, сидящими у нее на плечах. Ее любезно приняли, сыграли перед ней и рассказали о ее сестрах. Тронутая концертом, Лайекаваи приказала построить для них дом и официально приняла их в качестве своих компаньонов и охранников. Их кормили птицы, и они жили как в заколдованном домике.

По возвращении Айвохикупуа на Кауаи из своего второго путешествия он приготовил большой пир, и все гости напились *ава*. Под воздействием спиртного Айвохикупуа раскрыл секрет своей миссии на Гавайях и рассказал все о своих безуспешных попытках добиться интервью с принцессой Палиули.

Хауайлики, красивый молодой вождь племени Мана, поднялся на ноги и похвастался, что может без труда достичь того, чего не смог достичь Айвохикупуа **Ошибка! Закладка не определена.;**

после чего последний предложил предоставить ему каноэ и людей для управления им, если он подтвердит свое хвастовство, и каждый поставил на результат свои земли.

На следующий день Хауайлики отплыл на Гавайи, и по прибытии в Кеау его мужественной красотой восхищались все. На следующее утро это место окутал густой туман, и когда он рассеялся, он увидел семь женщин, сидящих на берегу моря, одной из которых была Лайекавай.

Чтобы привлечь ее внимание, Хауайлики в течение четырех дней подряд появлялся перед ней в прибое, выполняя множество сложных трюков плавания и ныряния, но она не обращала на него внимания. На пятый день он продемонстрировал свое мастерство в серфинге и заслужил аплодисменты всех, кроме Лайекавай. Затем он показал себя серфингистом без доски. Затем его мастерство было признано Лайекавай, и она поманила его подойти и накинула ему на шею *лей лехуа*, или гирлянду из цветов *лехуа*. Туман сразу же рассеялся, и когда он рассеялся, Лайекавай и ее спутники отправились в Палиули.

Хауайлики и его проводник решили немедленно последовать за отрядом и, путешествуя всю ночь, утром достигли Палиули. Подходя к дому, они были встречены Мейли-хайвейл, первым часовым, который приказал им удалиться. Но они пропустили ее силой, как и второго, третьего и четвертого стражников, пока не встретили Кахалаомапуану у дверей дома, опирающегося на птичьи крылья. Она приказала им вернуться, пригрозив, что птицы обглодают их кости, и они поспешно вернулись в Кеау.

Не решив, какого курса придерживаться, Хауайлики мечтал о встрече с Лайекавай несколько ночей подряд и, наконец, решил снова посетить Палиули без сопровождающего. Добравшись до места, он подошел к дому задней тропинкой, не встретив часовых, и обнаружил Кахалаомапуану спящим у двери. Он отодвинул занавеску из перьев, вошел в комнату и обнаружил Лайекавай спящей, опираясь на птичьи крылья. Он разбудил ее, и она приказала ему уйти. Он умолял ее и рассказал о своих снах, но она настояла на его отъезде. Тогда Кахалаомапуана пришла на помощь своей госпоже и прогнала назойливого поклонника обратно в Кеау.

Отказавшись от этого предприятия как от безнадежного, Хауайлики вернул **Ошибка! Закладка не определена.** на Кауаи. Прибыв в Вайлуа, он был встречен большим собранием вождей, и когда он рассказал свою историю, Айвохикупуа великодушно простил ему пари.

Обрадованный известием о том, что его сестры стали служанками Лайекавай, Айвохикупуа решил вновь посетить Палиули. Он собрал флотилию из двадцати двухместных и тридцати одноместных каноэ, сорок *пелелеев* для своих слуг и тройное каноэ для себя и советника и отплыл на Гавайи.

Вака знал о прибытии флота в Кеау и предостерег Лайекавай не приближаться к побережью. Сестер поставили на стражу, и Кахалаомапуана призвал на их защиту их ужасного бога-покровителя Кихануилулумоку, *му*, или гигантскую ящерицу.

На следующую за этими приготовлениями ночь Айвохикупуа и его проводник появились в Палиули. Пять *палок-табу*, покрытых белой *каной*, были установлены через равные промежутки за домом; но захватчики не обратили на них внимания и продвигались дальше, пока не наткнулись на Мейли-хайвале, первого часового. Она приказала им удалиться и послала птицу позвать остальных своих сестер. Прилетела младшая, перенесенная на крыльях птиц, и увезла своего брата обратно, сказав ему, что они больше не его сестры.

Айвохикупуа вернулся в Кеау, полный решимости добиться силой того, чего он не смог добиться стратегией. Поэтому он послал к Палиули отряд из десяти воинов, но они были быстро убиты богом-ящерицей. Подождав два дня, он послал еще один отряд из двадцати воинов с

компетентным офицером, и всех их постигла та же участь. Затем он послал сорок человек и еще сорок других, пока всего не погибло восемь сороковых.

Затем он отправил двух своих быстрых гонцов узнать о судьбе своих воинов. Над Олаа они встретили ловца птиц, который рассказал им о *му* и его ужасной работе. Вскоре они услышали рев ветра и треск падающих деревьев, и чудовище появилось на тропинке перед ними. Однако они вновь приняли свой птичий облик и спаслись полетом.

Затем Айвохикупуа призвал Калахумоку, собаку-людоеда из Кахики, убить *му* и привести к нему Лайекавай; и вместе с собакой он отправил двух своих птиц-посыльных, чтобы они как можно скорее сообщили ему о результате.

Когда два чудовища встретились, поднялся столб тумана и поплыл к морю. Это предупредило Айвохикупуа, что собака побеждена. Поздно вечером животное вернулось в тяжелом состоянии **Ошибка! Закладка не определена.** раненое, без ушей и хвоста, и вся группа отплыла на Кауаи.

Вернувшись домой, Айвохикупуа вспомнил о своей помолвке с красавицей Полиаху и начал совершать определенные искупительные обряды, чтобы снять с себя клятву, которую он дал, не жениться на женщине с Гавайских островов. Затем он послал двух своих птиц-гонцов к Полиаху, чтобы сообщить ей, что он готовится выполнить свое обещание.

По ошибке птицы прилетели в Хану. Они спросили о невесте вождя кауаи, и их направили в Хинаикамаламу. Они сообщили ей, что на подготовку уйдет три месяца, а на четвертый месяц, в ночь на *кулу*, Айвохикупуа придет за своей невестой. Это были слова, которые им было велено передать Полиаху, но по ошибке они были переданы другому человеку, который радостно ответил: “Значит, он помнит игру в *конане*, в которую мы играли вместе”.

По возвращении птиц-посланцев ошибка была обнаружена, и они были изгнаны со двора. Затем *коае*, или тропическая птица, была отправлена в Полиаху с тем же сообщением, что и остальным.

Айвохикупуа, освобожденный от своей клятвы, подождал до 24-го дня третьего месяца, а затем торжественно отплыл на сорока двухместных и восьмидесяти одноместных каноэ и двадцати *пелелеях*. На 11-й день четвертого месяца он прибыл в Кавайхэ и отправил *коаэ* сообщить Полиаху, который назвал Вайулаулу местом бракосочетания.

Чтобы придать церемонии блеска, Айвохикупуа нарядил своих мелких вождей, мужчин и женщин, в плащи из перьев, а многих своих прислужниц - в прекрасные циновки. На нем была белая мантия, подаренная ему Полиаху, и шлем с красными перьями. Его гребцы были одеты в прекрасные красные *капы*. На платформе двухместного каноэ вождя был поднят *ану*, покрытый желтыми плащами, а над ним возвышался *табу пулулу*. Вокруг этого каноэ было десять других, на борту которых находились музыканты, искусные в игре на барабанах *хула* и других инструментах.

В день *кулу* три великие горы были покрыты снегом, что было знаком, обещанным Полиаху. По прибытии Айвохикупуа и его спутников в Вайулаулу их встретили Полиаху, Лилиноэ, Вайау и Кахупокане, трое последних были горными богинями. Мужчины пострадали от холода **Ошибка! Закладка не определена.**но, узнав об этом, Полиаху и ее друзья сняли свои снежные накидки, в результате чего количество снега в горах уменьшилось до обычных пределов.

Затем Айвохикупуа и Полиаху стали мужем и женой. Последовали пир и музыка, и счастливая пара вместе вернулась на Кауаи, устроив свою резиденцию над Хонопувай.

В отместку за свое увольнение изгнанные птицы-вестники сообщили Хинаикамаламе о свадьбе ее суженого. Разгневанная его вероломством, она убедила своих родителей съездить с ней на Кауаи.

В Мана, Кауаи, состоялось собрание вождей, чтобы отпраздновать свадьбу Хауайлики и Макавели. Ночь прошла в играх, танцах и других развлечениях. Шла игра в *килу*. В полночь Хинаикамалама вошел в *сарай* для игры в килу и сел в круг игроков. Наблюдая за ней, Хауайлики попросил *меа уме* (выдвиженца) сказать Айвохикупуа, чтобы она прекратила *хула кеке* и приняла участие в игре в *килу*, чтобы он мог сделать ее своим призом. Соответственно, когда Хауайлики выиграл в игре, *меа уме* обошла круг и набросила на него венок *мейли*. Затем венок был снят и возложен на плечи Хинаикамаламы. Она поднялась на ноги и попросила разрешения высказаться. Она спросила, в честь кого проводится праздник, и, получив информацию об этом событии, попросила Хауайлики отложить исполнение *умэ*, а затем продолжила рассказывать свою историю о неверности Айвохикупуа.

Эта история произвела большую сенсацию, и поведение Айвохикупуа было повсеместно осуждено. Полиаху пришел в ярость и вернулся на Мауна-Кеа, а вождь согласился выполнить свое обещание Хинаикамаламе. В ночь их бракосочетания Полиаху наслала на свою соперницу холод своей снежной мантии, и она окоченела от холода. Ее зубы стучали, и ей с трудом удавалось удержаться от того, чтобы не замерзнуть.

Во второй раз, когда они с Айвохикупуа оказались вместе, ее пробрал сильный озноб. Она испугалась и спросила причину. Вождь ответил: "Холод насылает твой соперник. Немедленно отправляйся на костер, чтобы не погибнуть".

На следующий день в полдень они встретились, как было условлено ранее. Полиаху надела свою солнечную мантию, и палящий зной едва не поглотил ее соперницу. Они снова встретились, но не смогли **Ошибка! Закладка не определена.** и Хинаикамалама бесцеремонно покинул Кауаи, даже не соприкоснувшись носами с Айвохикупуа.

Однако перед ее отъездом на Мауи в Пууапапаи была организована игра в *килу*, и Хауайлики, все еще помня о своем успехе в Мане, попытался воспользоваться плодами своей победы. Но Хинаикамалама отказывалась сдаваться, пока победитель не явится к Хане в надлежащем виде и официально не сделает ее своей женой.

Во время игры Полиаху и ее спутники появились в сверкающих снежных одеждах и охладил пыл собравшихся, а на следующее утро они вернулись на Мауна-Кеа, в то время как Хинаикамалама отплыла в Хану.

III.

Король и королева Кауаи, оба умершие вскоре после описанных событий, оставили суверенитет над островом своему сыну Кекалукалуокеве. Они также оставили на его попечение волшебный бамбук (*охэ*) по имени Каникави и взяли с него обещание найти Лайекавай и жениться на ней, о которой до Кауаи доходило много слухов.

Новый король заказал огромную флотилию каноэ для своего путешествия на Гавайи и отплыл в месяце *Махозмуа*, или августе. В Макаханалоа он увидел радугу над Кеау и поплыл туда. Вака предвидел его приход и посоветовал Лайекавай выйти за него замуж и стать королевой целого острова.

Выждав четыре дня, Лайекаваи и ее горбун *кахуот*правились в Кеау и посмотрели, как король и два его любимых товарища резвятся в прибое. Они узнали короля по тому, что он не взял с собой доску для серфинга, когда приземлился. Она вернулась в Палиули и сообщила Ваке, что примет его в мужья.

Затем Вака договорился, что Кекалукалуокева отправится на рассвете следующего утра и поиграет в прибое один; что опустится густой туман, под прикрытием которого Лайекаваи присоединится к нему в прибое; что, когда туман поднимется, все увидят этих двоих, катающихся вместе на одном ролике, и тогда они соприкоснутся носами. Их снова окутывал туман, а затем птицы уносили пару в Палиули. Ей было запрещено разговаривать с кем-либо после выхода из дома.

Теперь выясняется, что Халаниани, молодой человек из Пуны, известный своими распутствами, часто видел Лайекаваи в Кеау и страстно желал обладать ею. Узнав, что она собирается выйти замуж за короля Кауаи, он умолял свою сестру Малио применить свою магическую силу ради него. Она согласилась, и по ее указанию они оба легли спать, а когда проснулись, рассказали друг другу свои сны. Ей приснилось, что она увидела птицу, вьющую гнездо и оставляющую его во владении другой, что было верным предзнаменованием в пользу Халаниани. Малио заявила, что ее магические силы превалируют над силами Ваки, и дала своему брату подробные инструкции, которые он, как будет показано ниже, строго соблюдал.

Они пошли на пляж и увидели Кекалукалуокеву, одиноко плавающего в прибое. Вскоре туман Вака опустился на сушу. Когда Лайекаваи достиг прибоя, послышался раскат грома. Раздался второй раскат, вызванный Малио. Туман рассеялся, и в полосе прибоя были видны три человека вместо двух. На берегу это заметили с удивлением.

Когда появился первый вал, король сказал: “Давайте сойдем на берег”, - и он поехал на буруне вместе с Лайекаваи, в то время как Халаниани остался позади. В этот момент король и его спутница соприкоснулись носами. Три раза они катались на волнах, в то время как Халаниани, по указанию своей сестры, оставался снаружи, среди валов.

В четвертый раз Лайекаваи спросил короля, почему он хочет так часто повторять этот вид спорта. “Потому что, ” сказал он, “ я не привык к короткому прибою; я предпочитаю кататься на длинных роликах”. Пятый должен был стать последним для короля Кауаи и его обещанной невесты.

Как только они вдвоем направились к берегу, Халаниани схватил Лайекаваи за ноги и удержал ее так, что доска для серфинга выскользнула у нее из рук, и Кекалукалуокеву вынесло на берег без нее. Она пожаловалась на потерю своей доски для серфинга, и ее вернули ей.

Халаниани убедил ее заплыть с ним подальше в море, сказав не оглядываться, так как он даст ей знать, когда они доберутся до *его* прибоя. Поплавав некоторое время, она запротестовала, но он убедил ее продолжить путь вместе с ним. Наконец он велел ей оглянуться.

“Как! ” воскликнула она в изумлении. “ Земля скрылась из виду, а Кумуахи, морской бог, пришел, чтобы взбаламутить волны!” **Ошибка! Закладка не определена.**

“Это тот прибой, о котором я вам говорил, - ответил он. “ Мы подождем и войдем на третьем валу. Ни в коем случае не выпускайте из рук доску для серфинга”.

Затем он помолился своему божеству-покровителю, и волны начали подниматься. Когда третий с грохотом приблизился, он воскликнул: “*Паэ кауа!*” и, взобравшись на роллер, они направились к берегу. Лайекаваи находился в нависающей дуге волны и, посмотрев вверх, увидел Халаниани, с

большим мастерством балансирующего на гребне. В этот момент она начала поддаваться соблазнительному обаянию Халаниани.

Когда они вошли, Вака предположила, что ее спутником был Кекалукалуокева, и она отправила птиц вниз, в туман; и когда он рассеялся, Лайекаваи и Халаниани оказались обитателями птичьего домика в Палиули, где и был заключен их союз.

Вака удивилась, почему ее внучка не пришла к ней ни в ту ночь, ни на следующий день, как было обещано, и на следующий день она пошла в дом, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь серьезного. Лайекаваи и ее муж крепко спали. Вака пришла в ярость, потому что этот мужчина был не тем, кого она выбрала.

Разбудив внучку и указав на мужчину, она воскликнула: “Кто это?”

- Кекалукалуокева, - последовал ответ.

- Нет, - возразил Вака, - это Халаниани, брат Малио!

Разгневанная обманом, Вака заявила, что лишит Лайекаваи ее власти и привилегий, и пожелала никогда больше не видеть ее лица.

Бросив Лайекаваи, Вака решила взять на себя заботу о своей сестре-близнеце Лайелохелохе и выдать ее замуж за короля Кауаи. Следует помнить, что ее оставили со священником Куканилоко на острове Оаху. С этой целью Вака приказал построить новый дом и, позаимствовав у Кекалукалуокевы двухместное каноэ, сразу же отплыл на Оаху.

Прибыв в Куканилоко, она принесла в жертву свинью в качестве умилоствления и объяснила свое поручение Капукаихаоа, который одобрил ее планы и передал Лайелохелохе на ее попечение.

После тридцатитрехдневного отсутствия Вака вернулся в Кеау с сестрой Лайекаваи. По ее приказу сгустился туман, и птицы тайно перенесли их в их новый **Ошибка! Закладка не определена.** в Палиули. В течение трех дней у нее была консультация с Кекалукалуокевой по поводу его брака с Лайелохелохе. Она велела ему построить большой *сарай* для кику и собрать там жителей округа, чтобы церемония прошла с подобающей помпой.

Тем временем Халаниани увидел Лайелохелохе и решил заполучить ее для себя. С этой целью он убедил Лайекаваи отправиться с ним в Кеау на несколько дней для морских купаний, оставив там своих верных слуг. Приехав туда, он сказал ей, что собирается навестить свою сестру Малио, и если он не вернется через два дня, она может считать его мертвым.

На двенадцатый день пять сестер отправились в Кеау и присоединились к своей госпоже в оплакивании ее мужа, которого она считала мертвым. Вскоре после этого всем им приснился Халаниани с другой женщиной, и они решили прекратить свой траур и вернуться в Палиули.

Халаниани навестил свою сестру и убедил ее помочь ему в его планах относительно Лайелохелохе. Она посоветовала ему наблюдать за ней в течение четырех дней и сообщить о своих наблюдениях. Он так и сделал и сообщил, что ее главным занятием было нанизывание *цветов лехуа*; и он взобрался на дерево, чтобы понаблюдать за ней, в то время как его сестра затрубила в *пулай*, или трубу из *листья* вти, пять раз, и еще пять раз; но Лайелохелохе не обратила на это ни малейшего внимания.....

На следующее утро они снова отправились туда, и он взобрался на дерево с кучей цветов *лехуа* и бросил их перед ней, пока его сестра играла на *хано*, духовом инструменте с приятным звучанием. Это привлекло внимание Лайелохелохе, и, не видя музыканта, она выразила свою благодарность.

На следующее утро они повторили эти маневры трижды. Тогда заговорила Лайелохелохе и сказала: “Если музыкант - женщина, давайте соприкоснемся носами”.

С этими словами Малио показала себя и предложила, чтобы сначала она соприкоснулась носами со своим братом. Это разозлило ее, и она приказала им обоим уйти.

Малио признала свою неудачу, но пообещала прибегнуть к сверхъестественным силам и выиграть Лайелохелохе для своего брата в день свадьбы, как это было сделано с Лайекавай.

Примерно в это время Вака спустилась вниз, чтобы сообщить Кекалукалуокеве о своей программе свадебных церемоний, назначенной на следующий день. Он должен был приказать народу и своему двору **Ошибка! Закладка не определена.** "pb473" \o "473" \h, а в полдень удалиться в свой собственный дом. Затем она покрывала землю густым туманом, и слышалось пение птиц; сначала крикание *алае* и щебетание *эваевайки*, услышав которое, он выходил из дома. Затем он слышал бы пение *оо*, которое указывало бы на то, что она собиралась послать к нему Лайелохелохе. Затем слышались бы ноты *иивиполены*, и его невеста была бы рядом с ним. Наконец, он слышал пение *ка'хули*, и они встречались отдельно от собравшихся, когда гремел гром, содрогалась земля и люди трепетали. Затем птицы унесли бы их вдвоем ввысь, туман рассеялся бы, и было бы видно, как они во всем великолепии покоятся на птицах.

Лайекавай и пяти сестрам не терпелось стать свидетелями предстоящего представления, о котором они были наслышаны, и Кахалаомапуана попросил бога *му* Кихануилулумоку доставить их туда в назначенное время.

Малио снова заверила своего брата, что ее сила возобладает над усилиями Ваки, и начались предварительные приготовления к церемонии. В полдень Кекалукалуокева, одетый соответственно случаю, вошел в свой дом, как и было условлено. Он слышал пение птиц, вышел из тумана и стал ждать прихода своей невесты. Последовал раскат грома, когда туман рассеялся, и стало видно, как Лайелохелохе и Халаниани поднимаются в воздух на крыльях птиц. Лайекавай и ее сопровождающие были свидетелями вознесения, сидя на языке великого *му*.

Полагая, что он снова потерял свою невесту, Кекалукалуокева разыскал Ваку, чтобы пожурить ее за неудачу. “Она еще не принадлежит ему, - сказал Вака, - потому что она подчинилась моему приказу не разговаривать с ним и не прикасаться к нему носом”; и, чтобы успокоить короля, она предложила поставить свою жизнь на то, что все еще будет хорошо.

Когда они приблизились к месту сбора, Вака снова окутал его туманом и немедленно отправил Кекалукалуокеву ввысь на птичьих крыльях. Когда туман рассеялся, все увидели Кекалукалуокеву и Лайелохелохе, сидящих вместе, уносимых птицами, и толпа закричала: “*Хоао на лии! е!*” (“вожди поженились!”)

Когда Вака слышала эти приветствия, она предстала перед собранием и осудила Лайекавай в самых оскорбительных выражениях. Последняя отбыла со стыдом и яростью и была **Ошибка! Закладка не определена.**перенесена мувместе с пятью сестрами в Олаа, где она поселилась.

Проступки Халаниани в конце концов вызвали к нему всеобщее презрение, и он был всеми презираем и осужден. Король Кауаи вернулся домой со своей невестой, прихватив с собой Вак. По

пути они остановились на Оаху, чтобы взять на борт священника Капукаихаоа, который стал премьер-министром Кауаи.

IV.

Сестры Айвохикупуа, огорченные тем, что случилось с их госпожой, решили послать Кахалаомапуану в Кеалохилани, в далекую страну, чтобы привести их брата, Каонохиокалу, жениться на Лайекавай, чтобы она могла одержать победу над Вакой.

Соответственно, она отправилась в свое путешествие, ведомая гигантским *му* богом Кихануилулумоку. Тем временем Лайекавай и ее сопровождающие совершили увлекательное путешествие по Гавайям, сначала в Кау, затем в Кону и затем в Кохалу.

Впав в уныние, старый пророк Кауаи покинул Кайвилахилахи, Гавайи, и отправился на свой родной остров. Остановившись в Ваймеа, он увидел хорошо известную радугу над Кайопае, в получасе езды к северу от Кавайхэ, и проследовал по ней до Мулау, а затем до Пуакаа в Кохале, где он, наконец, встретился и побеседовал с Лайекавай.

Он раздобыл для вечеринки двухместное каноэ, и они вместе отплыли в Лайе, штат Оаху, где он изучил историю Лайекавай. Той ночью его божество-хранительница сообщила ему во сне, что она и есть тот человек, которого он так долго искал, и велела ему отвезти группу в Хаэну, Кауаи. Утром он предложил ей свинью и домашнюю птицу и получил ее согласие стать ее опекуном. Затем они отплыли на Кауаи и поселились в Хонопувайакуа.

Во время одного из своих последующих туров пророк, прибыв в Вайлуа, обнаружил, что все непорочные дочери мелких вождей и придворных Кауаи были собраны там, чтобы Айвохикупуа мог выбрать двух новых жен, которые займут места Полиаху и Хинаикамаламы.

Пророк так презрительно отзывался о девушках, доставленных туда для осмотра, и так громко хвастался красотой и изяществом своей приемной дочери, что возникла ссора, и он был **Ошибка! Залетка не определена.**брошен в тюрьму. Однако ночью он сбежал, и шефу доложили, что он мертв. Он оставил завернутый в ткань ствол банана, и его принесли на алтарь *хиау* вместо его тела.

В тот момент, когда обман был раскрыт, пророк появился на платформе двухместного каноэ в устье реки с Лайекавай и пятью сестрами на борту. Затем Лайекавай ступил на платформу, окруженный знаками отличия вождя *табу*, и ветры стихли, море поднялось, раздались раскаты грома, засверкали молнии, а *храм* и алтарь были потрясены почти до руин.

Собравшаяся толпа закричала от восхищения красотой Лайекавай, и Айвохикупуа, оправившись от шока, вызванного тем, чему он стал свидетелем, послал глашатая требовать ее руки. Но пророк с гордостью ответил, что она не предназначена для таких, как он, и не выйдет замуж ни за кого более низкого ранга, чем правитель острова. Затем они вернулись в Гонопувайакуа.

Теперь мы вернемся к Кахалаомапуане, которая была отправлена в далекую страну на поиски своего брата в надежде сделать его мужем Лайекавай. Четыре месяца великий *му* плавал с ней во рту, и наконец они прибыли в Кеалохилани. Но хранитель этого места отсутствовал, отправившись с визитом на Луну, и они ждали его возвращения двадцать дней.

По прибытии он был сильно встревожен при виде гигантской рептилии, лежащей головой в доме, а хвостом в море, и, не сказав ни слова, полетел в Нуумеалани, чтобы посоветоваться с Каэлоикамаламой, могущественным *купуа*, который закрыл дверь *ни капу* в *Кукулу о Кахики*, где скрывалась Каонохиокала.

Они вернулись вместе, *купуа* вооруженный *палашом* длиной в сто шагов, которым можно было убивать *му*. Как раз в тот момент, когда он готовился нанести удар, *му* взмахнул хвостом в океане, и огромный бурун покатился вглубь острова, и они оба начали отступать. В этот момент *му* бросила Кахалаомапуану на шею своему дяде, Келоикамаламе. Он спросил ее, кто она и цель ее визита, на что она ответила, а также об их отношениях. Затем оба нежно обняли ее, потому что они были братьями ее матери.

Преследуя цели своего визита, Келоикамалама взял свою племянницу с собой в десятидневное путешествие к месту **Ошибка! Закладка не определена.**, где он попросил Ланаланануюимакуа спустить лестницу. Вскоре опустилось нечто вроде паутины, разветвляющейся по воздуху. Затем он дал своей племяннице подробные указания, а именно: “Вот твой путь к восхождению, пока ты не увидишь единственный дом, стоящий на Луне, в стране Кахакекея, где живет Моаналихаикаваокеле, твой отец, старик с длинными волосами и склоненной головой. Если он бодрствует, не подходите к нему, иначе он увидит вас первым, и вы умрете, прежде чем у вас появится возможность заговорить. Подождите, пока он уснет на спине; затем осторожно подойдите с подветренной стороны, прыгните ему на грудь, крепко ухватите его за бороду и пропойте *меле*, которому я вас научу”. Обучая ее *меле*, он продолжил: “Объясните ему цель вашего визита, и все будет хорошо”. Она уже собиралась начать восхождение, когда он сообщил ей последнюю информацию: “Во время восхождения, если пойдет мелкий дождь и вы замерзнете, не бойтесь; это вызвано вашим отцом. Забирайтесь дальше, и, если вы почувствуете аромат, знайте, что он исходит от вашей матери и что вы приближаетесь к концу своего путешествия. Если солнечные лучи пронзают вас насквозь и жар ударяет вам в голову, не бойтесь. Проявляй настойчивость, и ты войдешь под покровительство Луны и будешь в безопасности в Кахакекее”.

Получив эти инструкции, она смело начала восхождение. Непрерывно взбираясь вверх, к вечеру она наткнулась на мелкий дождь и туман; рано утром следующего дня она почувствовала аромат кустарника *киле*; в полдень она страдала от солнечного зноя, а вечером попала в прохладную тень Луны в стране Кахакекея.

Заметив одиноко стоящий большой дом, она подошла к подветренной стороне и подождала, пока старик уснет на спине. Затем она схватила его за бороду и пропела *меле*, как ее проинструктировал дядя. Он проснулся, но она держала его изо всех сил, и его попытки сопротивляться были напрасны. Он спросил ее, кто она такая, и о ее родственниках, и ее ответы были удовлетворительными. Затем она отпустила его бороду, и он посадил ее к себе на колени и заплакал над ней.

Затем он поинтересовался целью ее визита, и она рассказала всю историю. Он сообщил ей, что не в его власти удовлетворить ее просьбу и что она должна обратиться к своей матери, которая жила со своим сыном Каонохиокалой в священном, недоступном месте и посещала Кахакекею только раз в месяц. **Ошибка! Закладка не определена.**

Хитростью она добилась встречи со своей матерью, Лаукелеулой, и после долгих уговоров заручилась ее помощью в продвижении целей своего визита. Затем старуха призвала бога-птицу Халулуйкекихиокамаламу, чтобы тот отнес их в *ни капу* из *Кукулу о Кахики*. Птица опустила крыло, на которое они оба взобрались и были перенесены в Авакеа (полдень), бога, открывающего врата Солнца, где обитал Каонохиокала (глазное яблоко солнца).

Они нашли это место закрытым грозовыми тучами. Они призвали Авакеа, который поднялся с сильным жаром и разогнал облака, открыв их взору принца, спящего в самом центре Солнца, где воздух был белым от жара. Он проснулся. Его глаза сверкали, как молнии, а тело блестело, как расплавленная лава.

Лаукелеула позвала его и сказала: “Твоя любимая сестра здесь”. Он поднял глаза, а затем призвал стражей тени появиться и встать перед ним. Они быстро сделали это, и солнечный жар уменьшился. Место его упокоения было затенено, он позвал к себе свою сестру и оплакивал ее, потому что они были разлучены на долгое время. Он расспросил о цели ее визита, об их сестрах и брате Айвохикупуа и заинтересовался всем, что было связано с ними.

По совету своей матери он согласился спуститься и жениться на Лайекаваи, и признаки его прихода, как он объяснил, будут следующими: во-первых, прежде чем он отправится в путь, пройдут сильный дождь и прибой. Затем в течение десяти дней будет дуть сильный ветер, за которым последует гром без дождя; затем он окажется в Кахакекее. Когда прогремит еще дважды, он будет в Нуумеалани, а когда прогремит трижды, он будет в Кеалохилани. Там он отбросит свой *запретный* сверхъестественный облик и примет человеческий облик верховного вождя. После этого будет много предзнаменований, таких как гром, молния, дождь, туман, радуги, открытое море и туман над океаном, и через месяц после этого он появится на горном хребте на рассвете. Когда взойдет солнце, его окружит ореол, а вечером, когда в ночь на *Махеалани* взойдет полная луна, он появится и женится на Лайекаваи. После этого он накажет врагов своих сестер и своей невесты. В знак благодарности он подарил своей сестре для Лайекаваи радужную мантию.

Кахалаомапуана через месяц вернулась в Кеалохилани, **Ошибка! Закладка не определена.**, где она обнаружила, что ее ждет му. Он переплыл с ней великие воды до Гавайев, но, не найдя их друзей в Олаа, он охотился по всем островам, как собака, вынюхивающая своего хозяина, пока не нашел их в Хонопувайакуа, Кауаи. Все путешествие заняло одиннадцать месяцев и четырнадцать дней.

Кахалаомапуана рассказала своим друзьям полную историю своего необычного путешествия, к ужасу Лайекаваи, которая испытывала благоговейный трепет при мысли о своем предполагаемом муже. Пророк, который ничего не знал о миссии сестры до ее возвращения, предсказал приход Каонохиокалы за месяц до этого; и теперь он путешествовал по острову, предупреждая людей и советуя Айвохикупуа, в частности, установить *запретные* флаги повсюду вокруг своего дома и собрать свою семью в пределах участка; но он был отвергнут с оскорблением. Он дал тот же совет Кекалукалуокеве, который подчинился ему, несмотря на противодействие Ваки.

Через десять дней после возвращения Кахалаомапуаны начали появляться знамения в уже названном порядке, и в должное время появился Каонохиокала, окруженный ореолом. Крики одобрения и почтения были слышны по всему острову, и Лайекаваи облачилась в свое радужное одеяние.

Вечером, когда вошла полная луна, принц спустился с горы и вошел в круг пророка, и все они пали ниц перед ним. Он любезно заговорил с ними и сказал Лайекаваи, что пришел выполнить обещание, данное ей через свою сестру. Затем все закричали: “*Амана! уа ноа, леле уэйл аку ла!*”

Появилась радуга, и на ней принца и его невесту внезапно потянуло ввысь, к луне. Несколько ночей спустя, когда луна была прямо над головой, была спущена радуга, похожая на лестницу, по которой они спустились. Призвав пророка, принц приказал ему объехать остров и объявить всем собраться по истечении десяти дней в Пиханакалани. Пять сестер, а затем и пророк были взяты наверх, чтобы жить в прохладе луны.

Однажды утром собравшиеся в Пиханакалани увидели, как с луны снова спустилась радуга, и на ней стояли принц и его невеста, пять сестер и пророк.

Месть была совершена над Вакой, который был убит ударом молнии, и над Айвохикупуа, который был доведен до нищеты и презрения. Лайелохелохе и Кекалукалуокева были сохранены <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb479> в пользу Кахалаомапуаны, которая была назначена регентом своего брата, а четыре другие сестры были назначены гувернантками остальных островов группы.

Таким образом, государственные дела были вкратце улажены, и Каонохиокала снова отправился со своей невестой по радуге за облака, чтобы поселиться в *ни капу о Кукулу о Кахики*, над землей, называемой Кахакекея.

V.

Каонохиокала ежеквартально посещал свои земные владения, чтобы убедиться, что у их правителей все идет хорошо. Лайелохелохе стала красивее своей сестры, и он влюбился в нее.

Чтобы продвигать свои замыслы, он назначил Кахалаомапуану совместным регентом с Мокукелекахики в Кеалохилани и назначил Кекалукалуокеву регентом всей группы. Затем он попросил регента совершить экскурсию по островам, оставив Лайелохелохе в Пиханакалани. Затем он обратился к ее опекуну, Капукаихаоа, и получил его согласие помочь в ее соблазнении.

После того, как Каонохиокала совершила еще два путешествия на землю в поддержку этой интриги, Лайелохелохе решила разыскать своего мужа и соответственно отплыла к наветренным островам. Она нашла его в Хонокалани, Мауи, увлеченным Хинаикамаламой, вождем племени Хана, бросившей Айвохикупуа. После безуспешных попыток вернуть его она вернулась на Кауаи.

Затем Каонохиокала возобновил свои визиты и, наконец, прожил год со своей покинутой женой. Покинутая Лайекаваи обратилась к своему свекру, который посоветовал ей пойти в *табу хиау*, когда старая Лаукелеула уснет, и обратиться к чаше знаний. Это была деревянная чаша, покрытая плетеной тканью, край крышки был украшен перьями, а по краю - резными изображениями птиц. Она должна была снять крышку, сунуть лицо в миску и крикнуть “Лаукапалили!”, чтобы дать ей необходимые знания.

Она последовала этим указаниям и увидела, что ее муж делает на земле. Его отец и мать тоже посмотрели и сами убедились в предательстве своего сына. Сразу же лестница была спущена в присутствии Каонохиокалы. **Ошибка! Закладка не определена.**небо потемнело и наполнилось жуткими формами, и жуткие голоса завывали в воздухе: “*Уа хауле ка лани!*” — “небеса рухнули!”

Затем все трое были замечены стоящими вместе на радужной лестнице, и Моаналихайкаваокеле приступил к вынесению приговора Каонохиокале. Ему никогда не суждено было вернуться в верхний мир, и он был обречен стать *лапу*— призраком или блуждающим привидением — и питаться бабочками.

Кахалаомапуана занял свое место под солнцем. Лайекаваи, по ее искренней просьбе, была возвращена на землю, чтобы жить со своей сестрой, и управление группой было доверено пророку.

Лайекаваи изменила свое имя на *Ка вахине о ка лула*- “леди сумерек”, — под этим титулом ей поклонялись некоторые семьи после ее смерти. **Ошибка! Закладка не определена.**

ЛОХИАУ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БОГИНИ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ПЕЛЕ, богиня вулканов.

ХИЙАКА, одна из сестер Пеле.

ХОПОЭ, друг Хийаки.

ПАУО-ПАЛЕ и
} попутчики Хииаки.

ОМЕО,

ЛОНОИКАОНОЛИЙ, один из братьев Пеле.

ЛОХИАУ, принц Кауаи.

ПАОА, вождь кауаи.

МИЛУ, король областей смерти.

КАНЭМИЛОХАЙ, бог из Кахики.

КАЛАМАИНУ и
} демоны женского пола Кауаи.

КИЛЕОА,

ОЛЕПАУ, король Мауи.

ВАЙХИМАНО, королева Мауи.

Ошибка! Закладка не определена.

ЛОХИАУ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ БОГИНИ.

ЛЕГЕНДА О ХИЙАКЕ, БЕССМЕРТНОМ, И ПРИНЦЕ КАУАИ.

Я.

Из всех легенд о приключениях Пеле, ужасной богини вулканов, со смертными, самой странной и драматичной является та, которая касается ее любви к Лохиау, принцу острова Кауаи, чье правление, вероятно, было одновременно с правлением Килиокалоа на Гавайях в начале шестнадцатого века. Эта история является не только характерным пережитком безрассудного воображения и ярких *мелес* ранних поэтов, но и поучительным отражением суеверий, господствовавших в массовом сознании гавайцев в тот период, когда леса изобиловали озорными гномами и феями, когда ручьи охраняли нимфы и чудовища, и когда сам воздух был наполнен духами усопших. Но тогда тонкая завеса отделила живых от мертвых, естественное от сверхъестественного, и смертные стали забавой стихий и игрушками богов.

Как рассказывает *меле*, Пеле и ее братья и сестры, желая развлечься смертными удовольствиями, однажды вышли из своих огненных покоев в кратере Килауэа и отправились к побережью Пуны, чтобы искупаться, покататься на серфе, порезвиться в песках и собрать съедобные морские водоросли, кальмаров, моллюсков и другие деликатесы, прибитые волнами. По этому случаю они приняли человеческий облик и, следовательно, имели человеческие аппетиты.

В то время как остальные развлекались различными способами — ели, смеялись и резвились в волнах на манер смертных, — Пеле, приняв облик старухи, искала покоя и сна в тени дерева *хала*. Ее любимой сестрой была Хииака, ее полное имя было Хииака-ика-пали-опеле. Она была моложе Пеле и часто жила с ней в одном гроте под пылающим озером Килауэа. **Ошибка! Закладка не определена.**

Хииака проводила свою верховную сестру в тень *дерева* tree, and, sitting devotedly beside her, kept her cool with a *kahili*, Ее веки отяжелели, и Пеле проинструктировал Хииаку, чтобы ее ни при каких обстоятельствах не беспокоили, независимо от того, как долго она будет спать, будь то часы или дни, а затем она задремала, закрыв глаза.

Едва пальцы тишины закрыли уши спящей, как она услышала звук барабана — далекий, но отчетливый и равномерный, словно в такт музыке. Перед тем как покинуть кратер, она слышала тот же звук, но не обратила на него особого внимания. Однако теперь, когда она услышала это во сне, ее любопытство пробудилось, и, приняв свой духовный облик, она решила последовать за ним.

Оставив свое дремлющее земное тело под присмотром сестры, Пеле поднялась в воздух и направилась в ту сторону, откуда, казалось, доносился звук. С места на место она следовала за ним по острову Гавайи, но он всегда был перед ней, и она не могла его догнать. В Уполу он пришел к ней из-за моря, и она последовала за ним на остров Мауи. Это было все еще за пределами, и она помчалась на Молокаи; еще дальше, и она полетела на Оаху; еще дальше, и она пересекла ламанш и прислушалась на берегах Кауаи, где звук был более отчетливым, чем она слышала раньше.

Ободрившись, она продолжила преследование, пока не оказалась на горной вершине Хаупу, когда наконец обнаружила, что звук доносится с пляжа в Каэне.

Направляясь туда и невидимо паря над этим местом, она заметила, что звук, на который она так долго обращала внимание, был звуком *паху-хула*, или барабана *хула*, в который бил Лохиау, молодой и симпатичный принц Кауаи, который был известен не только великолепием своих представлений *хула*, в которых принимали участие самые красивые женщины острова, но и своими личными качествами танцора и музыканта. Любимым божеством Лохиау был *Лакаконе*, бог *хула* и подобных видов спорта, который из озорства донес до ушей Пеле звук барабана.

Пляж был заполнен танцорами, музыкантами и зрителями, которые развлекались в тени *деревьев хала* и *какао*, а принц был ведущим церемонии и центром притяжения. Приняв облик красивой женщины, Пеле внезапно появился перед праздничной толпой. Прикрепив к **Ошибка! Закладка не определена.** ее персоне все мыслимые прелести формы и черт, ее присутствие было немедленно замечено; и, поскольку для нее открылся путь к принцу, он принял ее самым любезным образом и пригласил сесть рядом с ним, где она могла лучше всего наблюдать за развлечением.

Время от времени поглядывая на прекрасную незнакомку в разгар своего выступления, Лохио в конце концов так увлекся, что перестал следить за музыкой, передал инструмент другому и сел рядом с чародейкой. В ответ на его вопрос она сообщила принцу, что была чужестранкой на Кауаи и приехала со стороны восходящего солнца. Глядя ей в лицо со всепожирающей страстью, Лохиау с улыбкой сказал:

- Добро пожаловать, но я не могу радоваться, что вы пришли.

- А почему, если я пришел не как ваш враг? - лукаво поинтересовался Пеле.

“Потому что до сих пор, - ответил принц, - я думал, что на Кауаи есть красивые женщины; но, глядя на вашу, я нахожу, что их лица действительно невзрачны”.

- Я вижу, вы умеете говорить женщинам лестные слова, - сказал Пеле, бросив томный взгляд на принца.

- Не лучше, чем я, умею любить их, - с жаром ответил Лохио. - Тебя это убедит?

- Лохиау в своем собственном королевстве, и ему остается только командовать, - ответил Пеле с наигранной скромностью, которая окончательно очаровала принца.

Так Пеле стала женой Лохиау. Он ничего не знал ни о ней, ни о ее семье и не хотел расспрашивать. Он видел только, что она была прекраснее всех женщин, и в течение нескольких дней они жили так счастливо вместе, что жизнь казалась ему сном. И Пеле любила принца едва ли меньше, чем он любил ее; но пришло время ее возвращения на Гавайи, и, пообещав ему оставаться верной ей, она покинула его с заверениями в любви и обещанием скорейшего возвращения и на крыльях ветра унеслась обратно к берегам Пуны, где оставила свою сестру ждать и наблюдать в тени *хала*.

Лохиау был безутешен. Каждый день он думал, что на следующий день она будет с ним, пока не прошло больше месяца, когда он отказался от еды и умер от горя из-за ее отсутствия. Странная смерть принца вызвала много комментариев, поскольку он от природы был **Ошибка! Закладка не определена.** Некоторые говорили, что враги молили его о смерти, а другие - что он был отравлен; но старый *каула*, который видел Пеле в Каэне и отметил ее действия, посоветовал воздержаться от дальнейших расспросов о причине смерти Лохиау, приведя в качестве причины мнение, что

удивительно красивая и неизвестная женщина, которую он взял в жены, была бессмертной, которая привязалась к своему земному мужу и призвала к себе его дух.

Принц был очень любим своим народом, и его тело, тщательно завернутое во множество складок *капы*, некоторое время хранилось в королевском особняке. Его охраняли высшие вожди королевства, и каждую ночь вокруг него распевались погребальные гимны, а *мелес* рассказывал о деяниях умершего государя и его предков. Таким образом, мы оставим останки Лохиау и последуем за Пеле обратно на Гавайи.

II.

Все время, пока дух Пеле отсутствовал, семья присматривала за телом, оставленным ею под деревом *хала*, не осмеливаясь потревожить его, и были вне себя от радости, когда оно наконец было воскрешено, поскольку пожары в кратере Килауэа почти погасли из-за небрежности. Пеле поднялась на ноги в образе старой женщины, которую она оставила спящей на попечении Хийаки, и, не упомянув при этом ни о своих приключениях на Кауаи, ни о причине своего долгого сна, вернулась со всеми членами семьи, кроме одного, на Килауэа, и одним вздохом возобновила гаснущие огни кратера. Хийака попросила и получила разрешение Пеле остаться на несколько дней на пляже со своей горячо любимой подругой Хопо, молодой женщиной из Пуны, которая осталась сиротой из-за наводнения на Килауэа, в результате которого погибли оба ее родителя.

Покидая Кауаи, вероятно, Пеле, несмотря на ее пылкие слова об обратном, никогда не ожидала и не особенно желала снова увидеть Лохиау; но он так привязался к ней за время их недолгого союза, что ей было нелегко забыть его, и, некоторое время борясь со своим чувством, она решила послать за ним. Но кому она должна доверить эту важную миссию? Одну за другой она обращалась к своим сестрам в кратере, но путь был осажден злыми духами, и они отказались идти.

В этой дилемме Пеле отправила своего любимого брата, Лоноикаонолии, **Ошибка! Закладка не определена.** забрать Хийаку с пляжа, хорошо зная, что она не откажется отправиться в путешествие, каким бы опасным оно ни было. Хийака согласилась на эту миссию, понимая, что во время ее отсутствия ее подруга Хопо должна находиться под присмотром Пеле.

Были приняты меры к немедленному отъезду Хийаки. Пеле наделил ее некоторыми из ее собственных способностей, наказав пользоваться ими осторожно, а в качестве компаньонки и служанки дал ей Пауо-пале, женщину признанной проницательности и благоразумия.

Попрощавшись со своими родственниками и получив многочисленные наставления от Пеле, Хийака отправилась на Кауаи в сопровождении Пауо-пале. Они путешествовали как смертные и поэтому были подвержены тяготам и опасностям человечества. Пробираясь через леса к побережью Хило, они встретили пожилую женщину, которая вежливо обратилась к ним и выразила желание следовать за ними. Ее звали Омео, и она вела свинью к вулкану в жертву Пеле. Не услышав возражений, она поспешила к кратеру со своим подношением, вернулась и последовала за Хийакой и ее спутником.

Вскоре после этого их путешествию помешал демон отвратительных размеров, который бросился им поперек пути в узком ущелье и попытался уничтожить их. Однако Пеле знала об их опасности и приказала своим братьям защитить их огненным дождем и громом, которые загнали чудовище в его логово в холмах и позволили им сбежать.

Через некоторое время к ним присоединилась еще одна женщина, которую звали Папау. Она пожелала сопровождать их и прошла небольшое расстояние по дороге, когда они столкнулись со свирепого вида человеком, который был либо безумен, либо находился под влиянием злых духов. Однако у него не хватило ни сил, ни желания приставать к группе, и они ушли невредимыми; но Папау закричала от страха и поспешно вернулась домой, где ее превратили в камень в наказание за ее трусость.

Подойдя к небольшому ручью, который пересекал их путь, они обнаружили, что воды запружены огромной му, или ящерицей, лежащей в русле. Он был больше ста шагов в длину, а его глаза были размером с большие тыквенные тыквы. Он злобно уставился на группу и открыл рот, словно собираясь проглотить их; но Хииака бросил в него ГИПЕРССЫЛКА \l "pb488" \o "488" \h

После многих других приключений с монстрами и злыми духами, которых Хииака мог контролировать, а иногда и наказывать, группа достигла побережья в местечке под названием Хоноипо, где они обнаружили несколько мужчин и женщин, занимающихся серфингом. Когда они собирались отправиться на очередное испытание, Хииака из озорства превратил их доски для серфинга в камень, и они в ужасе убежали с пляжа, опасаясь, что какой-нибудь морской бог готовится сожрать их.

Наблюдая за рыбаком, вытягивающим леску, Хииака приказал прикрепить к погруженному крючку человеческую голову. Подняв его на поверхность, мужчина мгновение с ужасом смотрел на него, затем бросил леску и быстро поплыл прочь, к великому удовольствию Хииаки и ее спутников.

Сев в каноэ с двумя мужчинами в качестве помощников, путешественники отплыли на остров Мауи, которого достигли без задержек и происшествий. Высадившись в Каупо, они отправились по суше в сторону Хонуаулы, недалеко от этого места, приближаясь ко дворцу короля, которого звали Олепау и который лежал внутри при смерти, Хийаака заметил человеческий дух, витающий вокруг внешней ограды. Зная, что это была наполовину освобожденная душа *меня*, она схватила ее и привязала в углу своего *пау*.

Уходя с душой короля на руках, она встретила королеву Вайхимано и сказала ей, что ее муж только что умер. Но королева отрицала, что Олепау мертв, поскольку она поклонялась двум могущественным божествам-ящерицам, и боги заверили ее в то утро, что ее муж выздоровеет.

Не сказав больше ни слова, Хийаака и ее спутники продолжили свой путь, а королева, вернувшись во дворец, нашла своего мужа без чувств и, по-видимому, мертвым. Тщетно пытаясь привести его в чувство, она поспешно проконсультировалась с *каулой* и рассказала ему, что сказала ей незнакомая женщина. Провидица по описанию сразу узнала сестру Пеле, которая пришла исцелить короля, но была остановлена в своем милосердном деле упрямыми заверениями королевы в его выздоровлении. Поэтому он посоветовал, чтобы за ней следовал гонец с безупречно чистой свиньей, которую следовало бы положить в качестве подношения на дорожке перед ней, когда она, возможно, вернется и вернет короля к жизни. Но Хииака отстала от своих **Ошибка! Закладка не определена.** и приняла облик старой женщины, и, поскольку посыльный не узнал ее, он вернулся с сообщением, что объект его поисков найден не был.

“Ты никого не встретил?” - спросил провидец.

“Никто не соответствует описанию”, - ответил посыльный. “Я видел только старую женщину, настолько немощную, что едва могла ходить”.

- Дурак! - воскликнул *каула*. “ Эта старуха была переодетая Хийака. Пospеши вернуться к ней, если хочешь спасти жизнь своего короля!”

Гонец снова пустился в погоню за Хийакой, но свинья была упрямой и доставляла много хлопот, и продвигался он медленно. Схватив вырывающееся животное на руки, гонец побежал, пока не оказался в поле зрения женщин, которые снова путешествовали вместе, когда Хийака ударила складкой своей *лапы* о камень, и в этот момент король испустил дух.

Добравшись до побережья и сев на корабль вместе с рыбаком, Хийака и ее спутники отплыли на Оаху. Высадившись в Макапуу, они отправились по суше в Коу — ныне Гонолулу - и из Хаэны отплыли на Кауаи. Прибыв в Каэну, Хийака увидела духовную руку Лохиау, манящую ее ко входу в пещеру среди скал. Повернувшись к своим спутникам, она сказала:

“Мы потерпели неудачу; возлюбленный Пеле мертв! Я вижу его дух, манящий с *пали*! Там его держат и прячут женщины-ящерицы, Килиоа и Каламаину.

Проинструктиввав своих спутников следовать в Пуоа, где покоилось тело Лохиау, Хийака сразу же отправилась в *пали*, чтобы дать бой демоницам женского пола и спасти дух мертвого принца.

Взобравшись на утес и войдя в пещеру, Хийака взмахнула своим *пау*, и демоны с сердитым шипением исчезли. Были предприняты поиски, и дух Лохиау был наконец найден в нише в скалах, куда его поместил лунный луч. Нежно взяв его в руку, она спрятала в складках своего *пауи* в невидимой форме поплыла с ним к Пуоа.

Дождавшись наступления темноты, Хийака незамеченным проник в комнату смерти и вернул дух в тело Лохиау. Придя в себя, принц с изумлением огляделся. Охранники испугались, когда он поднял голову, и убежали бы в тревоге, если бы им не помешал **Ошибка! Закладка не определена.** Хийака, который в этот момент предстал перед ними в смертной форме. Подняв руку, словно требуя повиновения, она сказала:

Ничего не бойся, не говори об этом никому из живущих и не делай ничего, кроме того, что тебе прикажут. Принц вернулся к жизни и может поправиться, если за ним должным образом ухаживать. Его тело слабое и истощенное. Пусть его тайно и немедленно перенесут на берег моря. Ночь темная, и это можно сделать незамеченным”.

Не сомневаясь, что эти указания были от богов, стражники подчинились им с такой осмотрительностью и готовностью, что вскоре Лохиау с комфортом отдыхал в хижине на берегу моря, а Хийака и ее спутники выполняли его нужды.

К принцу быстро вернулись здоровье и силы, и через несколько дней он снова появился среди своих друзей, к их изумлению и великой радости. В ответ на их расспросы он сообщил им, что обязан богам своим возвращением к жизни. Это не совсем удовлетворило их, но дальнейших объяснений предложено не было.

Отпраздновав свое выздоровление пирами и жертвоприношениями богам, Лохиау объявил вождям своего королевства, что собирается навестить свою жену, чей дом находился на Гавайях, и что он должен передать управление островом в руки своего друга, верховного вождя Паоа, которому он обязал всех хранить верность и уважение на время своего отсутствия.

В великолепном двухместном каноэ, украшенном королевским штандартом и снаряженном так, как подобало *каулуа* ан *али-нуи*, Лохиау отплыл на Гавайи в сопровождении Хийаки и ее

спутников, взяв с собой своего верховного жреца, главного штурмана и обычный штат личной прислуги.

Остановившись на Оаху, Хийака поднялась на горы Каала и увидела, что ее прекрасные рощи *лехуа* и *хала* возле пляжа Пуна, на далеком острове Гавайи, были уничтожены потоком лавы. Раздраженная долгим отсутствием Хииаки и к тому же ревнивая, Пеле в приступе ярости разрушила прекрасное убежище своей верной сестры на берегу моря. Она почти не сомневалась, что Хийака осмелилась полюбить Лохиау, и в своих огненных покоях с нетерпением ждала ее возвращения.

Оплакав свою потерю, Хииака вернулась к своим спутникам, а Лохиау отплыла на Гавайи. Приземлившись в Кохале, принц **Ошибка! Закладка не определена.** приказал своим слугам оставаться там до его возвращения и отправился по суше в Килауэа с Хийакой и двумя ее спутницами. Прежде чем добраться до вулкана, Хииака кое-что узнала о ревливой ярости Пеле и, наконец, увидела с далекого возвышения, как ее дорогая подруга Хопоз подвергалась жестоким пыткам вулканическим огнем недалеко от пляжа Пуна, которые закончились тем, что она превратилась в камень.

Приближаясь к кратеру с опасениями дальнейших проявлений ярости Пеле, Хииака заранее послала Омео и Пауо-пале сообщить богине о ее возвращении с Лохиау. В своем гневе она приказала убить обеих женщин сразу и решила поступить со своим возлюбленным таким же образом.

Зная об этом бессердечном решении и не в силах предотвратить его исполнение, по прибытии на край кратера Хииака обвила руками шею принца, которого она научилась любить, не причиняя зла своей сестре, и, рассказав ему о его неминуемой участи, нежно попрощалась с ним.

Свидетелем этой сцены был Пеле. Разгневанная сверх всякой меры, она вызвала разрыв расплавленной лавы между Хийакой и принцем, а затем приказала немедленно уничтожить Лохиау огнем.

Пока сестры Пеле взбирались по стенам кратера, чтобы выполнить ее приказ, Лохиау пел песню богине, признавая свою невиновность и умоляя о пощаде; но при звуке его голоса ее гнев вновь разгорелся, и она осталась глуха к его мольбам.

Подойдя к Лохиау и пожалев его, сестры просто прикоснулись к его ладоням, отчего они превратились в лаву, и затем удалились. Заметив это, Пеле приказала им немедленно вернуться, под страхом ее неудовольствия, и сожрать тело ее возлюбленного.

Лохиау снова обратилась к Пеле с такой жалобой, что деревья вокруг него заплакали от горя; но ее единственным ответом был нетерпеливый сигнал ее сестрам возобновить свою разрушительную работу. В своем отчаянии он обратился к Хииаке и взмолился о заступничестве, но она в агонии ответила, что ничего не может поделать.

Сестры вернулись в Лохиау и неохотно прикоснулись к его ступням, которые окаменели; затем к коленям; затем к бедрам; затем к груди. Силой, данной ей Пеле, которой она еще не была лишена, Хийака сделала тело **Ошибка! Закладка не определена.** принца нечувствительным к боли, и поэтому он без страданий почувствовал, как его суставы окаменели под прикосновениями сочувствующих ему палачей.

Когда остальная часть его тела была готова превратиться в лаву, Хииака сказал принцу:

“Послушай! Когда ты умрешь, иди с подветренной стороны, и я найду тебя!”

В следующее мгновение Лохиау превратился в безжизненный каменный столб.

Увидев, что жестокая работа ее сестры завершена и что все, что осталось от стройной фигуры Лохиау, - это черная масса лавы, Хииака разверзла землю у ее ног и сразу же отправилась вниз, в туманное царство *Милу*, чтобы захватить душу Лохиау и, с согласия бога смерти, вернуть ее в тело.

Пройдя вниз через каждую из пяти сфер, отделяющих поверхность земли от областей *По*, где *Милу* торжественно восседает в мрачных рощах смерти, Хийака, наконец, предстал перед августейшим повелителем мира духов.

Король смерти приветствовал ее в своих владениях и, в ответ на ее вопрос, сообщил ей, что душа Лохиау еще не достигла обители духов. Не имея желания возвращаться на землю, Хииака принял приглашение *Милуи*, наблюдая и ожидая душу Лохиау, остался на некоторое время в стране духов.

III.

Слуги Лохиау оставались в Кохале до тех пор, пока не узнали о его судьбе от рук Пеле, после чего вернулись на Кауаи в королевском *каулуаи* привели в ужас друзей принца, рассказав им историю его смерти.

Разъяренный и отчаявшийся Паоа, верный и стойкий вождь, которому Лохиау доверил управление своим королевством, немедленно отправился на Гавайи с небольшим отрядом вассалов, полный решимости, даже пожертвовав своей жизнью, осудить силы, убившие его царственного друга.

Высадившись на побережье Пуны, он поднялся к кратеру Килауэа и, стоя на краю бурлящего огненного озера, осудил жестокость Пеле и бросил вызов ее власти. Он презрительно бросил ей подношения, непригодные для жертвоприношения, и заклеил <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\o - pb493> всех вулканических божеств как злых духов, которые были изгнаны *Каналоа* из присутствия *Кейна* и общества богов.

Паоа ожидал, что его немедленно уничтожат, и безрассудно ухаживал за ним, ожидая смерти. Братья и сестры Пеле, с их несколькими разрушительными силами, на мгновение ожидали приказа богини уничтожить дерзкого смертного на его пути. Никогда прежде человеческий язык не произносил таких слов упрека и вызова, и они не сомневались, что преступник будет быстро отомщен.

Но Пеле отказалась причинить вред отчаянному защитнику Лохиау, поскольку обстоятельства убедили ее в невиновности Хииаки и верности принца. Поэтому вместо того, чтобы наказать храброго Паоа, Пеле и ее родственники приняли его по-дружески, мягко пожурив за оскорбительные слова и неповиновение и обезоружили его гнев, простив обиду.

Довольная великим злом, которое она причинила своей верной сестре, и страстно желая, чтобы она снова оказалась в покоях кратера, Пеле вернула Пауо-пале и Омео к жизни и, наделив последнюю сверхъестественными способностями, отправила ее в царство мертвых, чтобы заставить Хииаку вернуться на землю.

Спускаясь через отверстие, проделанное Хииакой, Омео была остановлена в промежуточных сферах из-за аспектов смертности, которые она бессознательно сохранила, и столкнулась со многими трудностями при достижении королевства *Милу*. Прибыв туда и сообщив о цели своего визита, Омео не получила ни помощи, ни поощрения в поисках Хииаки. *Милу* не горел желанием расставаться со своим выдающимся гостем и попытался обмануть Омео, намекнув, что Хииака вернулась на землю и сейчас находится в гостях у родственников своей семьи в Кахики.

Разочарованная Омео собиралась вернуться на землю, когда обнаружила Хииаку, когда та вяло выходила из густой рощи, где провела большую часть своего времени с момента прибытия туда в поисках души Лохиау. Их приветствие было самым дружелюбным, и когда Омео сообщил ей о том, что произошло на вулкане с момента ее отъезда, она согласилась покинуть страну смерти и присоединиться к своим родственникам в кратере.

Братья и сестры Хииаки были вне себя от радости по поводу ее возвращения, и Пеле приветствовал ее заверениями в восстановленной привязанности. **Ошибка! Закладка не определена.** Раоа все еще была там. Хийака сразу узнала его, и на следующий день она спустилась с Килауэа и отправилась с ним на Кауаи в поисках души Лохиау.

Едва каноэ Паоа покинуло берега Пуны, как из океана появилось странное судно и было выброшено на берег в том месте, откуда Хииака и ее спутник отплыли менее чем за полдня до этого. Это была огромная раковина каури, ослепляющая яркостью своих цветов и способная неограниченно расширяться. Ее мачты были из слоновой кости, а паруса - из матов молочной белизны. Однако и то, и другое казалось простыми украшениями, поскольку раковина двигалась по воде без ветра так же быстро, как и с ним.

Единственным обитателем маленького судна был бог *Канемилохай*. Он был родственником семьи Пеле и приехал из Кахики в гости к вулканическим божествам Гавайев. Пробыв два или три дня с Пеле и узнав обо всем, что произошло с семьей с тех пор, как они покинули Кахики, бог отправился на Кауаи, чтобы поприветствовать Хииаку.

Двигаясь прямым путем, примерно на полпути между двумя островами бог поймал душу Лохиау, которая неправильно поняла последние указания Хииаки и направлялась на Кауаи. Не отправившись в страну духов, он повсюду искал Хийаку и, наконец, улетел на Кауаи, когда был перехвачен *Канемилохаи*.

Бог вернулся в кратер с захваченным духом и, найдя каменный столб, в который был превращен Лохиау, вернул принца к жизни. Когда он пришел в сознание и открыл глаза, то узнал стоящего перед ним Пеле. Опасаясь дальнейших преследований, он уже собирался снова воззвать к ней о пощаде, когда она сказала таким же нежным тоном, каким впервые ответила на его приветствие на пляже в Каэне:

“Не бойся меня больше. Я был несправедлив к тебе так же, как и к Хииаке. После того, что я сделал, я не могу рассчитывать на твою любовь. Найди Хииаку и отдай это ей. Она любит тебя и знает, как быть доброй к смертной.

Лохиау хотел было поблагодарить богиню, но когда он снова посмотрел, ее уже не было, а на ее месте стояла *Канемилохаи*, которая сказала ему взять сосуд из ракушек, который он найдет на пляже внизу, и отправиться на Кауаи, где он, вероятно, встретит Хииаку и его друга Паоа.

Ошибка! Закладка не определена.

Лохиау заколебался, потому что во внешности *Канемилохаи* было что-то такое, что внушало чувство благоговения.

“Иди и ничего не бойся”, - сказал бог, который знал мысли принца. “Раковина была сделана не в море и не руками человека, но она надежно перенесет вас в вашем путешествии, какими бы бурными ни были волны и какой бы большой ни была ее ноша”.

“Побережье Пуны находится в дне пути”, - сказал Лохиау. “Где и как я смогу найти раковину?”

“Поспеш к берегу в Кео, - ответил бог, - и ты увидишь меня там”.

Прибыв на указанный пляж, принц был удивлен, обнаружив, что *Канемилохаи* уже там; но он обнаружил нечто большее, что вызвало его удивление, когда бог достал из расщелины в скалах, где он был спрятан, раковину размером не больше его ладони, и передал ее ему с объявлением, что это баржа, на которой он должен отплыть на Кауаи.

Лохиау рассматривал маленькую игрушку с некоторым удивлением, но скорее с недоумением, и уже собирался вернуть ее своему странному спутнику, когда последний велел ему опустить ракушку на кромку воды. Принц повиновался и тотчас же обнаружил перед собой прекрасное судно, на котором бог совершил свое путешествие из Кахики.

Благодаря дарованной ему богом способности сжимать или расширять размеры раковины по своей воле, Лохиау вошел в волшебный сосуд из розового и жемчужного цветов и, направляя его курс простым указыванием пальцем, быстро унесся в океан.

Обогнув южный мыс Гавайев, Лохиау думал направиться прямо к Кауаи; но он указал слишком далеко на север, и на следующее утро увидел Оаху. Миновав мыс Лихи, он повернул и вошел в гавань Хоу. Приземлившись, он уменьшился до размеров пиявки и спрятал в нише в скалах свою послушную баржу, а затем направился в деревню, где, как он узнал к своей великой радости, гостили Хииака и Паоа. Хоу был в то время местом великого веселья и пиршества. Он стал временной резиденцией *алии-нуи*, и высшие вожди, *кахуны*, искатели приключений, известные серфингисты и исполнители *хула*.

Убедившись, что в тот вечер выдающаяся вождия в честь Хииаки и ее спутницы устроит великолепное представление, Лохиау решила присутствовать. Если бы он дал о себе знать, то имел бы право на высочайшее внимание — был бы, действительно, гостем *али-нуис* правом входа куда угодно; но фантазия побудила его скрыть свое звание и появиться переодетым среди гуляк.

Ранним вечером территория вождии была освещена сотнями факелов, и в широком павильоне, украшенном гирляндами и благоухающими лозами и цветами, почетные гости, увенчанные листьями и бутонами, вкусили, не скупясь, деликатесы, какие производили земля и море. После пира воздух наполнился песнями и музыкой, и группы танцоров в ярких нарядах шагали среди пылающих факелов, в то время как у дверей особняка белобородые барды распевали дикие легенды прошлого и *меле-иноас* хозяйки и ее выдающихся гостей.

В разгар этого вдохновляющего веселья гости разделились на группы в соответствии с их вкусами. Некоторые прогуливались среди танцующих, другие слушали рассказы бардов, а одна группа, включая Хииаку, Паоа и хозяйку, вошла в особняк, чтобы поиграть в *килу*. Это было времяпрепровождение, частью которого было пение, и вождия была известна своим мастерством в популярном развлечении.

Лохиау вошел на территорию в конце праздника и стоял, наблюдая за празднеством, когда группа игроков в *килу* удалилась в особняк. Он завернул внутрь перья своей королевско-желтой мантии, и из-за длинных волос, падавших на лицо и плечи, его легко было принять за *кахуна*.

Довольно много людей столпилось вокруг игроков в *килу*, чтобы понаблюдать за игрой, и Лохиау беспрепятственно вошел в комнату. Подойдя к игрокам, он спрятался за *капами* двух старых вождей, которые были так сосредоточены на представлении, что не заметили его.

Игра продолжалась до тех пор, пока *килу* не выпал Хииаке, и когда она бросала его, то напевала песню собственного сочинения, в которой с нежностью упоминалось имя Лохиау. Песня смолкла, и из-за спин зрителей донесся ответный голос принца. Пока он пел, он откинул волосы со своего красивого лица и развернул наружу желтые перья своей **Ошибка! Закладка не определена..** Толпа расступилась, певец выступил вперед, и перед музыкантами предстал Лохиау, принц Кауаи.

Его сразу узнали. Хийака бросилась в его объятия, и верный Паоа заплакал от радости. Узнав о ранге высокого гостя, гости наперебой оказывали ему почести, и празднество возобновилось и продолжалось далеко за полночь.

Узнав на следующий день о присутствии при его дворе правителя Кауаи, *али-нуи* хотел развлечь его способом, подобающим высокому рангу обоих; но Лохиау стремился вернуться к своему народу и сразу же отплыл на Кауаи на барже-ракушке из *Канемилохаи*, увеличенной до соответствующих размеров, взяв с собой Хийаку и Паоа.

Хотя Хииака вскоре после этого вернулась на Гавайи и добилась полного примирения со своей сестрой, пока Лохиау была жива, она проводила большую часть своего времени на Кауаи. Хопо была возвращена к жизни, а Омео, или Вахинеомео, получила бессмертную форму за то, что она сделала, и после этого стала посредницей между вулканическими божествами. **Ошибка! Закладка не определена.**

КАХАВАРИ, ВОЖДЬ ПУНЫ.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

ПЕЛЕ, богиня вулканов.

КАХАВАРИ, вождь племени Пуна.

АХУА, спутница Кахавари.

КАПОХО и
} дети Кахавари.
КАОХЭ,

Ошибка! Закладка не определена.

КАХАВАРИ, ВОЖДЬ ПУНЫ.

ИСТОРИЯ О МЕСТИ БОГИНИ ПЕЛЕ.

Между мысом Кумакахи, крайней восточной точкой острова Гавайи, и великим потоком лавы 1840 года, который, по-видимому, вырвался из длинного подземного канала, соединяющегося с кратером Килауэа, и спустился в море в Нанавале над деревнями и пальмовыми рощами, находится небольшой исторический район, который, несмотря на неоднократные вулканические возмущения, которые сотрясали его в прошлом, на образовавшиеся в нем пропасти, а также на дым и пепел, закрывшие солнечный свет и вынудившие его жителей искать защиты в своих храмах, все еще живет в уединении. обладает множеством плодородных уголков и природных достопримечательностей. В нескольких милях друг от друга, недалеко от суши, расположено несколько потухших кратеров; но в Пуне обильные дожди, вечная весна, а растительность густо разрастается над скрытыми пятнами лавы и постоянно растягивает и углубляет свою зеленую мантию над стекловидными реками Килауэа и нижними и меньшими вулканическими жерлами, цепляющимися за его основание, как множество прижженных язв.

В этой части Пуны сейчас зеленые долины, и там растут бананы и хлебные плоды, а *охия* и ананасы наполняют воздух ароматом. Но так было не всегда, ибо манго созревает на полях

погребенной лавы, а пальмы вырастают в высоту из вновь заполненных бездн мертвых потоков огня. Впадина Капохо, ныне благоухающая тропическими ароматами, отмечает место затонувшей горы, где сегодня дремлют тихие воды озера, когда-то кипевшего морем жидкой лавы в бассейне, возможно, более широком, чем могучий котел Килауэа.

Сейчас мы собираемся поговорить об одном из многочисленных вторжений, которые с перерывами в прошлом изливали свои опустошающие потоки огня на территорию, попеременно любимую и ненавидимую Пеле, ужасной богиней вулканов. В связи с этим традиция **Ошибка! Закладка не определена.** создала сказку, сочетающую элементы простоты и величия, поразительно характерные для мифологических легенд Полинезии — легенд, равных скандинавским по смелости, но лишенных мотивов и связующих причин греческих. Это просто легендарные эпосы, начинающиеся по прихоти и внезапно заканчивающиеся, во многих случаях, величайшим смятением. Они подобны главам, вырванным из утерянного тома, — участкам нарушенных элементов, гигантским формам и энергиям, тайно вырезанным из мимолетной панорамы и помещенным на передний план в странных и негармоничных условиях. Они включают в себя богов, напоминающих нам Тора, чудовищ, более отвратительных, чем Полифем, полубогов, могущественных, как сын Фетиды, и царей, происхождение которых восходит к чреслам богов; но в мотивах и действиях они были независимы друг от друга и нередко враждебны друг другу. Никакой небесный синод не определял их курс и не побуждал к усилиям, и они обычно не подчинялись никакому авторитету, более высокому, чем их личная воля. Многие из них были созданы без какой-либо ссылки на необходимость их существования или поддержание божественного уважения или авторитета, и немало из них, похоже, были созданы случайно.

В качестве примера можно упомянуть полубога *Мауи*. Согласно преданию, его главной обителью были Гавайи, хотя его возможности для посещения других островов группы будут сочтены достаточными, если будет указано, что он мог переходить с одного острова на другой, даже от Оаху до Кауаи, расстояние в семьдесят миль. Когда он мылся — а купание было одним из его величайших наслаждений, — его ноги ступали по самым глубоким впадинам океана, а волосы увлажнялись испарениями облаков. Ни его создатель, ни цель его создания не упоминаются; но он был благословлен женой, пропорции которой, как предполагается, в чем-то соответствовали его собственным, и в качестве доказательства их привязанности рассказывается, что однажды он протянул руку, схватил солнце и несколько часов удерживал его неподвижно в небесах, чтобы дать возможность своей трудолюбивой супруге завершить изготовление куска *каны*, над которым она работала.

И *Кана* была другим гигантским существом похожих пропорций. Он тоже был равнодушен к Гавайям, мог переступать с острова на остров и часто ради развлечения стоял одной ногой на Оаху, а другой либо на Мауи, либо на Кауаи. Традиция, возможно, смешивала этих двух чудовищ; но, поскольку у *Каны* не было жены, **Ошибка! Закладка не определена.** мы вынуждены рассматривать их как разные; и, будучи без заботы жены, он мог посвятить все свое внимание себе и жителям островов, пресмыкающимся у его ног. Следовательно, когда король Кахики, который был хранителем солнца, закрыл его свет от гавайцев за какую-то незначительную провинность, *Кана* перешел вброд океан к дому мстительного монарха и угрозами заставил его вернуть свет гавайской группе. Сделав это, он вернулся вброд и повесил свою мантию сушиться на Мауна-Кеа, которая в то время была действующим вулканом. Другой полубог с тем же именем также упоминается в некоторых ранних *мелах* Гавайев. Он был сыном Хины, который вместе со своим братом отправился на спасение их матери, которая была в младенчестве похищена сыном короля Молокаи. Его бабушка, колдунья с одного из южных островов, наделила его способностью так удлинять и сжимать свою фигуру, что он мог проходить через самые глубокие воды, все время держа голову над поверхностью.

Тени этих и других чудовищ видны далеко в прошлом; но человеческие существа гигантских размеров, естественного рождения и не претендующие на связь с богами, упоминаются в гавайских народных преданиях как жившие еще в начале шестнадцатого века. Таким образом, во время правления Уми, короля Гавайев, чье романтическое восхождение на трон является темой песнопений, и к которому ведут свое происхождение прошлые и нынешние династии объединенных Гавайев, жил великан Маукалеолео. Он был одним из воинов Уми и, должно быть, сам по себе был могучим воином. Его мера в футах не записана, но он стоял на земле и срывал кокосовые орехи с самых высоких деревьев, а однажды, не замочив чресел, зашел в воду на глубину шести саженей и спас жизнь своему вождю. Поскольку традиции, относящиеся к Уми, довольно сложны и обстоятельны, существование Маукалеолео не подлежит сомнению, как бы сильно мы ни были склонны урезать его размеры.

Но, блуждая ощупью среди этих чудовищ гавайского прошлого, мы несколько отклонились от истории о вторжении в Пуне, на которую уже делались ссылки. Однако, имея отношение к этому событию и к богине, чей гнев оно вызвало, можно упомянуть, что много веков назад семья богов и богинь прибыла на Гавайи с Таити и завладела вулканическими горами этого острова. Семья состояла из пяти **Ошибка! Закладка не определена.** Другие обладали особыми полномочиями и функциями, такими как борьба с пожарами, дымом, паром, взрывами и т.д. вулканов, находящихся под их наблюдением. Хотя они часто обитали в других вулканах, их главным и любимым местом обитания был кратер Килауэа. Почти без исключения они были разрушительными и беспощадными. Храмы Пеле возводились в каждом районе, которому угрожало извержение вулкана, и приношения в виде фруктов, животных, а иногда и людей возлагались на ее алтари и бросались в кратер, чтобы заручиться ее благосклонностью или умиловать ее гнев. В легенде об “Апофеозе Пеле” содержится более расширенное упоминание о богине и ее семье.

Зная о силе и нравах Пеле, читатель будет подготовлен к рассказу о проявлении ее гнева в Пуне, который теперь будет изложен почти на языке традиции. Это событие произошло во время правления Каукапу, который примерно с 1340 по 1380 год был *али-нуи*, или правящим вождем Гавайев. Главой округа Пуна был Кахавари, молодой дворянин, отличавшийся своей силой, мужеством и мужественными достижениями. Как он стал вождем или губернатором Пуны, не указано. Поскольку его отец и сестра жили на Оаху, он, вероятно, был уроженцем этого острова и, возможно, получил повышение по службе благодаря военной службе у гавайского короля, поскольку в те дни, как и в более поздние периоды, было принято, чтобы молодые люди с воинственными наклонностями искали приключений и службы с оружием в руках у королей и вождей соседних островов.

Покрытый травой особняк молодого вождя находился недалеко от Капохо, где жила его жена с двумя детьми, Паупулу и Каохэ; а в Куки, недалеко отсюда, жила его старая мать, которая в то время гостила у своего выдающегося сына. Поскольку его земли *таро* были большими и плодородными, а на берегу моря у него были пруды с рыбой, он расточительно развлекался, и жители Пуны думали, что на всех Гавайях нет такого вождя, как он.

Это было во время ежемесячного фестиваля *Лоно*. День был прекрасный. Пассаты гнули листья пальм и рассеивали брызги от прибоя, набегавшего друг на друга через риф. Было объявлено о *состязании в холуа* между рослым молодым вождем и его любимым другом и компаньоном Ахуа, и большое количество мужчин, женщин и детей **Ошибка! Закладка не определена.** собрались у подножия холма, чтобы стать свидетелями захватывающего времяпрепровождения. Они принесли с собой барабаны, *охи*, *улили*, гремящие тыквы-горлянки и другие музыкальные инструменты, и пока они ждали прихода участников, все резвились, как дети, — резвились, как это было до того, как пришел белый человек и сказал им, что они почти голые и что жизнь - слишком серьезная штука, чтобы растрчивать ее на удовольствия. Они ели *охиас*, кокосовые орехи и бананы под

пальмами и жевали сердцевину сахарного тростника. Они танцевали, пели и смеялись над *хулой* и другими детскими забавами и нервничали от энтузиазма, когда их барды распевали *мелес* прошлых лет.

Игра в *холуа* заключается в том, чтобы скатиться с иногда длинного, но всегда крутого холма на узких санках длиной от шести до двенадцати футов, которые называются *пана*. Легкие и полированные полозья, загнутые спереди вверх, довольно плотно скреплены между собой перекладинами для рук и ног. Пробежав по верхней части скользкой дорожки, слегка сглаженной и иногда усыпанной камышом, гонщик бросается лицом вниз на узкую *пану* и сломя голову мчится вниз по склону. Поскольку ширина саней не превышает шести-восьми дюймов, а длина - более чем стольких же футов, одна из главных трудностей спуска заключается в удержании их под седоком; другая, конечно, заключается в управлении ими; но требуется длительная практика, чтобы освоить тонкости и того, и другого. Кахавари был адептом у *паны*, как и Ахуа. Поэтому ожидалось редкое развлечение, и жители окрестностей собрались почти всем скопом, чтобы понаблюдать за ним.

Наконец появившись у подножия холма, Кахавари и его спутник были сердечно встречены своими добродушными слушателями. Их *панахи* несли слуги. Вождь улыбнулся собравшимся, и когда он вонзил свое высокое копьё в землю и освободил свои широкие плечи от *кихея*, прикрывавшего их, ставки на фрукты и свиней были три к одному, что он доберется до дна первым, хотя Ахуа был экспертом в игре с *паной*, и всего месяц назад победил чемпиона Кау на его собственной площадке.

Взяв свои санки под мышки, участники, смеясь, взбирались на холм твердыми, уверенными шагами, не думая отдыхать, пока не доберутся до вершины. Остановившись на мгновение перед спуском, миловидная женщина вышла из-за зарослей подлеска и поклонилась им. На нее обращали мало внимания, пока она не подошла еще ближе к **Ошибка! Закладка не определена.** и смело бросила вызов Кахавари сразиться с *холуа* с ней, а не с Ахуа. Обменявшись веселой улыбкой со своей спутницей, вождь на мгновение окинул взглядом гибкую и стройную фигуру женщины, а затем воскликнул, скорее от удивления, чем от гнева: “Что? с женщиной?”

- А почему не с женщиной, если она выше тебя и тебе не хватает смелости? - последовал спокойный ответ.

“ Ты смелая, женщина, ” возразил вождь, слегка нахмурившись. - Что ты знаешь о *пане*?

- Достаточно, чтобы добраться до подножия холма перед вождем пуны, - последовал быстрый и вызывающий ответ.

“ Так ли это на самом деле? Тогда возьми *пану*, и мы посмотрим!” - сказал Кахавари с сердитым видом, который, казалось, несколько не обеспокоил женщину.

По жесту вождя Ахуа передал женщине свою *панаху*, и в следующее мгновение Кахавари, а за ним и странный участник состязаний, уже мчались вниз по склону. Они мчались все дальше и дальше, огибая камни, с головокружительной скоростью; но на мгновение женщина потеряла равновесие, и Кахавари достигла конца дорожки на дюжину шагов впереди.

Музыка и крики последовали за победой вождя, и, хмуро глядя на ликующую толпу, женщина указала на холм, молча бросая победителю вызов на новое испытание. Не говоря ни слова, они взобрались на холм и повернули, чтобы начать новый путь.

“Остановитесь!” сказала женщина, и в ее глазах вспыхнул странный огонек. “Твой *papa* лучше моего. Если ты будешь действовать честно, давай сейчас поменяемся!”

“Зачем мне меняться?” поспешно ответил вождь. “Ты мне не жена и не сестра, и я тебя не знаю. Иди сюда!” И, предположив, что женщина следует за ним, Кахавари подпрыгнул и помчался вниз по склону на своем *pape*.

С этими словами женщина топнула ногой, и река раскаленной лавы вырвалась из холма и начала стекать в долину вниз. Достигнув дна, Кахавари поднялся и оглянулся назад, и, к своему ужасу, увидел широкий и дикий поток лавы, несущийся вниз по склону холма к тому месту, где он стоял; и на гребне первой волны ехала женщина — теперь уже не замаскированная, а Пеле, ужасная богиня Килауэа — с громом у ее ног и молниями, играющими в ее пылающих локонах. **Ошибка! Закладка не определена.**

Схватив свое копье, Кахавари в сопровождении Ахуа, спасая свою жизнь, бежал на небольшое возвышение Пуукеа. Он оглянулся и увидел, что все скопление зрителей охвачено морем огня. С ужасающей быстротой долины начали заполняться, и он понял, что его единственная надежда на спасение заключалась в том, чтобы добраться до океана, ибо было очевидно, что Пеле намеревался его уничтожить. Он побежал к своему дому и, миновав его, не останавливаясь, попрощался со своей матерью, женой и детьми, а также со своей любимой свиньей Алойпуаа. Сказав им, что Пеле преследует его с огненной рекой и что они должны спастись, если возможно, сбежав в холмы, он бросил их на произвол судьбы.

Подойдя к пропасти, он увидел, как Пеле спускается в нее, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Он переправился на своем копье, увлекая своего друга за собой. Наконец, преследуемый по пятам, он достиг океана. Его брат, обнаружив опасность, только что высадился из своего рыболовного каноэ и отправился позаботиться о безопасности своей семьи. Кахавари прыгнул в каноэ вместе со своим спутником и, используя копье вместо весла, вскоре оказался вне досягаемости преследующей его лавы. Разъяренный своим побегом, Пеле отбежал на некоторое расстояние в воду и швырял ему вслед огромные камни, которые шипели, ударяясь о волны, пока не поднялся восточный ветер и не унес его далеко в море.

Сначала он добрался до острова Мауи, а оттуда через Ланаи добрался до Оаху, где оставался до конца своих дней. Все его родственники в Пуне погибли, а сотни других - в окрестностях Капохо. Но он так и не отважился вернуться в Пуну, могилу своих надежд и своего народа, поскольку верил, что неумолимый Пеле посетит это место с еще одним ужасом, если сделает это.

Пеле приехала с Килауэа в приятном настроении, чтобы стать свидетелем *состязания* холуа, но Кахавари невольно разозлил ее, и то, что последовало за этим, только что было описано. **Ошибка! Закладка не определена.**

КАХАЛАОПУНА, ПРИНЦЕССА МАНОА.

Ошибка! Закладка не определена.

Персонажи.

КАХАУКАНИ, мужчина, и
КАУАУАХИНЕ, женщина, } дети сверхъестественного рождения.

КОЛОВАХИ, страж Кахаукани.

ПОХАКУКАЛА, страж Кауахуахине.

КАХАЛАОПУНА, дочь Кахаукани и Кауахуахине.

КАУХИ, невеста Кахалаопуны.

КЕАВАВАКИИХЕЛЕИ и
КУМАУНА, } низшие вожди.

МАХАНА, молодой вождь.

АКААКА, отец Кахаукани и Кауахуахине.

КЕЯ, колдунья.

ЭЛЕПАЙО, бог-птица.

Ошибка! Закладка не определена.

КАХАЛАОПУНА, ПРИНЦЕССА МАНОА.

ЛЕГЕНДА О ДОЛИНЕ РАДУГ

Я.

Маноя - самая красивая из всех маленьких долин, круто спускающихся с гор за Гонолулу и охлаждающих улицы и закоулки города своими пресными водами. А еще он самый зеленый. Здесь чаще, чем в долинах по обе стороны от него, выпадают небольшие дожди, и почти каждый день в году он усыпан радугами. Иногда ее называют, и не без оснований, Долиной радуг.

Почему Маноя так благословлен дождями, так украшен радугами, так утопает в вечной зелени? Если бы причину искали среди естественных причин, ее, несомненно, можно было бы найти в благоприятном месте или впадине на вершине над долиной, откуда открывается вид на восточное побережье Оаху, где в изобилии дуют ветра и дожди. Но традиция предлагает другое объяснение исключительно доброго отношения стихий к Маноя — возможно, не такое удовлетворительное, как предлагаемое, но гораздо более поэтичное.

В далеком прошлом, как гласит история, выступающий отрог Акаака, возвышающийся над долиной Маноя, был объединен с соседним мысом Налехуаакаака. Кусты *лехуа* по-прежнему венчают отрог, являясь вечным свидетелем союза. От этого брака гор родились дети—близнецы - мальчик по имени Кахаукани, что означало ветер Маноя, и девочка по имени Кауахуахине, что означало дождь Маноя. При рождении они были усыновлены вождем и верховной жрицей, которых звали Коловахи и Похакукала. Они были братом и сестрой, а также двоюродными братьями Акааки. Брат взял на себя заботу о мальчике, а сестра взяла на себя опеку и попечительство о девочке. Выросшие отдельно друг от друга и пребывавшие в неведении об их близких отношениях, **Ошибка! Закладка не определена.** благодаря заботам своих приемных родителей они были собраны вместе в надлежащем возрасте и поженились. Плодом этого союза стала дочь, которой дали имя Кахалаопуна и которая стала самой красивой женщиной своего времени. Таким образом, брак Ветра (Кахаукани) и Дождя (Кауахуахине) из Маноя принес в долину в наследство радуги и ливни, которыми она с тех пор отличается.

Продолжая историю древних бардов Оаху, Кахалаопуна — или Каха, как будет записано это имя позже, — выросла и стала необычайно красивой женщиной. Для нее построили дом в сандаловой роще в Кахайамано, где она жила с несколькими преданными слугами. Дом был увит виноградными лозами, а у входа стояли два *полулу*, или *посоха-табу*, в знак того, что они охраняют от вторжения особу высокого ранга. Ее глаза были такими яркими, что их сияние проникало сквозь соломенную крышу ее *плаща*, и светящееся мерцание играло вокруг их отверстий. Во время купания ее окружал розовый ореол, и, как утверждается, подобный свет все еще виден всякий раз, когда ее дух вновь посещает Кахайамано.

В младенчестве Каха была помолвлена с Каухи, молодым вождем Кайлуа, родители которого настолько ценили честь предполагаемого союза, что всегда подавали на ее стол *пои* собственного приготовления и отборную рыбу из прудов Каваини. Принятие этих милостей накладывало на нее обязательства перед родителями Каухи и заставляло постоянно помнить о своей помолвке. Поэтому она не поощряла многих знатных людей, которые стремились получить представление о ее красоте и досаждали ей предложениями руки и сердца. Вождь, с которым она была обручена, был, как и она сама, не просто человеческого происхождения, и она уже чувствовала себя связанной с ним узами, слишком священными, чтобы их можно было разорвать.

Слава о ее красоте распространилась далеко и близко, и люди приезжали издалека, чтобы мельком увидеть ее с прилегающих земель, когда она шла к своему бассейну или прогуливалась в тени деревьев, окружающих ее дом. Среди тех, кто много раз приближался к ее жилищу, но так и не смог увидеть ее, были Кеавакиихелей и Кумауна, два низших вождя, чьи глаза были обезображены неестественным вздутием нижних век. В жесточайшей мести и зависти к тем, кому повезло больше, **Ошибка! Закладка не определена.**они украсили себя *леями* цветов и, направляясь к купальне в Вайкики, хвастались, что гирлянды им на шеи возложила прекрасная Каха, с которой они были очень близки.

Среди отдыхающих на этом популярном курорте был Каухи. Хотя день, назначенный для его свадьбы с Кахой, был близок, он никогда ее не видел — это было одним из условий помолвки. Истории о двух негодях повторялись до тех пор, пока Каухи, наконец, не поверил им и в приступе ревнивой ярости решил убить прекрасную волшебницу, которая таким образом сыграла шутку с его любовью.

Покинув Вайкики утром, он добрался до Кахайамано около полудня. Сорвав с дерева панданус тяжелую шишку орехов с прикрепленной к ней короткой веткой, он явился в дом Кахи. Она только что пробудилась от дремоты и собиралась отправиться к своему пруду для купания, когда вздрогнула, заметив незнакомца у своей двери. Он ничего не говорил, но по частым описаниям она наконец узнала в нем Каухи и с некоторым смущением пригласила его войти. Отказавшись и назвав себя, он попросил ее пройти мимо, и она без колебаний подчинилась. Первым его намерением было убить ее сразу же, но ее необычайная красота и готовая покорность на какое-то время выбили его из колеи, и он предложил, чтобы она сначала искупалась, а затем отправилась с ним на прогулку по лесу.

На это она согласилась, и пока ее не было, Каухи стоял у двери, угрюмо наблюдая за ярким светом, играющим над прудом, в котором она купалась. Он был глубоко поражен ее необычайной красотой и отдал бы половину лет своей жизни за то, чтобы заключить ее в свои незапятнанные объятия. Сама мысль об этом усилила его ревность; и когда его мысли вернулись к отвратительным объектам, которым, по его мнению, она оказывала свои услуги, он решил не проявлять к ней милосердия и с нетерпением ждал ее возвращения.

Закончив мыться и присоединившись к нему в дверях, она была настолько обворожительна, что он боялся взглянуть ей в лицо, чтобы снова не дрогнуть; поэтому, повернувшись к ней спиной, он отказался от еды перед тем, как они уйдут, и жестом пригласил ее следовать за ним. Его действия были настолько странными, что она сказала ему, наполовину встревоженная:

“ Ты действительно разгневан на меня? Я чем-нибудь вызвал твое недовольство? Говори, чтобы я мог осознать свою вину! **Ошибка! Закладка не определена.**

“Ну, глупая девчонка, чем ты могла мне рассердить?” - уклончиво ответил Каухи.

- Надеюсь, ничего, - ответил Каха, - но твой взгляд холоден и почти пугает меня.

- Возможно, это из-за моего сегодняшнего настроения, - ответил Каухи, ускоряя шаг, чтобы отвлечься от своих мыслей. - Вы, без сомнения, будете лучшего мнения о моей внешности, когда мы познакомимся поближе.

Они продолжали идти вместе, он впереди, а она за ним, пока не достигли большой скалы в Айхуаламе, когда он резко обернулся и, схватив девушку за руку, сказал:

“Ты прекрасна — так прекрасна, что твое лицо почти сводит меня с ума; но ты была лживой и должна умереть!”

Первой мыслью Кахи было, что он шутит с ней; но когда она посмотрела ему в лицо и увидела, что оно суровое и без улыбки, она ответила:

“Если ты твердо решил убить меня, почему ты не убил меня дома, чтобы мои кости были похоронены моим народом? Если ты считаешь, что я лгу, скажи мне, с кем, чтобы я мог разуверить тебя в жестоком заблуждении, которое овладело тобой”.

“Твои слова так же прекрасны, как и твое лицо, но ни то, ни другое больше не обманет меня!” - воскликнул Каухи и, ударив ее по виску конусом орехов *хала*, который он все еще держал в руке, уложил ее мертвой к своим ногам. Поспешно выкопав яму рядом со скалой, он похоронил тело и направился вниз по долине в сторону Вайкики.

Едва он ушел, как большая сова — бог в этом обличье, который был родственником Кахи и последовал за ней — откопала тело, потеряла головой ушибленный висок и вернула девушку к жизни. Догнав Каухи, Каха спел позади него жалобу на его недоброжелательность. Изумленно обернувшись, он увидел сову, летящую над ее головой, и осознал силу, которая вернула ее к жизни.

Снова приказав Кахе следовать за ним, они поднялись на горный хребет, разделяющий долины Маноа и Нууану. Путь был усеян острыми камнями и спутанным подлеском, и когда Каха добралась до вершины, ее нежные ступни кровоточили, а *лапа* была разорвана в клочья. Присев на камень, чтобы отдышаться, со слезами на глазах она умоляла Каухи сказать ей, куда он ее ведет и почему пытался убить. Его единственным ответом был удар конусом *халы*, который снова свалил ее замертво **Ошибка! Закладка не определена.**на землю. Похоронив тело, как и прежде, он продолжил свой путь в Вайкики.

Снова прилетев на помощь своей прекрасной и безгрешной родственнице, бог-сова разгреб землю над ней и снова вернул ее к жизни. Следуя за Каухи, она снова запела у него за спиной жалобную песню и умоляла его быть милосердным к тому, кто никогда не причинял ему зла, даже в мыслях. Услышав ее голос, он повернулся и, не отвечая, повел ее через долину Нууану к хребту Ваолани, где убил и похоронил ее, как делал дважды до этого, и бог-сова в третий раз снял землю с тела и дал ему жизнь.

Она снова догнала своего безжалостного спутника и снова умоляла сохранить ей жизнь и простить за ее неизвестную ошибку. Вместо того чтобы смягчить его сердце, слова Кахи привели его в ярость, и он решил, что не потерпит, чтобы ему помешали лишить ее жизни. Приведя ее к началу долины Калихи, где она была в четвертый раз убита, похоронена и воскрешена, как и прежде, он затем повел ее через равнины и крутые ущелья в Похакеа, на склоне Эва в горах Каала. Он надеялся, что бог-сова не последует за ними так далеко, но, оглядевшись по сторонам, обнаружил его среди ветвей *дереваохиа*, стоявшего невдалеке. В

Поскольку Каха была измучена усталостью, потребовался всего лишь легкий удар, чтобы убить ее в пятый раз, и когда он был нанесен несопротивляющейся девушке, ее тело было похоронено под корнями большого дерева *коа*, и там Каухи оставил его, довольный тем, что до него не смог добраться бог-сова. Вернувшись на место после ухода Каухи, сова принялась соскребать землю с тела; но его когти запутались в корнях, которые были оставлены, чтобы затруднить его работу, и, потрудившись некоторое время и почти не добившись прогресса, он отказался от предприятия как

от безнадёжного и, неохотно оставив несчастную девушку на произвол судьбы, последовал за Каухи в Вайики.

Но был еще один свидетель этих многочисленных смертей и восстановлений Кахи. Это была маленькая зеленая птичка, которая пролетела незамеченной ни Каха, ни ее спутником и следовала за ними от Кахайамано, перелетая с дерева на дерево и не производя шума. С сожалением отметив, что бог-сова покинул тело Кахи, маленькая птичка, которая была двоюродной сестрой девочки и сверхъестественным существом, поспешила к **Ошибка! Залкада не определена.**родителям Кахи, и сообщила им обо всем, что случилось с их дочерью.

Девочки хватились, но поскольку некоторые из ее слуг узнали Каухи и видели, как она выходила с ним из дома, ее отсутствие не вызвало беспокойства; и когда маленькая зеленая птичка, которую звали Элепайо, рассказала родителям историю о великих страданиях Кахи и множестве смертей, им было трудно поверить, что Каухи могла быть виновна в такой дьявольской жестокости по отношению к сияющему существу, которое вот-вот должно было стать его женой. Однако они были убеждены в искренности Элепайо и с великой скорбью приготовились посетить это место и забрать останки Кахи для более подходящего погребения.

Тем временем дух убитой девушки явился Махане, молодому добропорядочному вождю, который возвращался из поездки в Вайанае. По указанию призрака он направился к дереву *коа* и, убрав землю и корни, обнаружил тело Кахи. Он сразу узнал это лицо, несмотря на пятна крови и земли, уродующие его безупречную правильность. Он видел его красоту в Кахайамано и пришел в восторг от нее, и однажды, который остался в его памяти как прекрасный сон, любовь придала ему смелости подойти достаточно близко, чтобы обменяться с ним скромными словами и взглядами.

Осторожно вытащив тело из неглубокой ямы, в которой оно было похоронено, Махана, к своей великой радости, обнаружил, что оно все еще теплое. Завернув его в свой *кихей*, или плечевой платок, и прикрыв папоротниками *майле* и имбирем, он нежно отнес его на руках в свой дом в Камоилиили. На ходу он воспевал свою любовь и почти не чувствовал своей ноши. Придя домой, он положил тело на *кана-мо* и искренне умолял своего старшего брата вернуть его к жизни, поскольку он был *кахуна* и разбирался в таких делах.

Осмотрев тело и обнаружив, что он ничего не может сделать без посторонней помощи, брат призвал на помощь своих двух сестер-духов, и с их помощью душа Кахи была снова возвращена в свое прекрасное жилище. Но прошло некоторое время, прежде чем она полностью оправилась от последствий своего жестокого обращения — фактически, некоторое время, прежде чем она смогла ходить без поддержки. Во время ее выздоровления Махана был ее внимательным и постоянным спутником и не находил большего удовольствия, чем угощать ее деликатесами, к которым она привыкла. **Ошибка! Залкада не определена.**Ей очень помогли воды подземной пещеры Мауоки, куда ее часто и тайно водили, и под бдительным присмотром Маханы ее здоровье наконец восстановилось.

II.

После выздоровления в доме своих новых друзей в Камоилиили Каха познакомилась с новой для нее жизнью; но это ни в коем случае не было неприятным изменением по сравнению с ограничениями ее вялого и более роскошного прошлого, скрытого в защищающей тени ее *пулулуса*, где за ней ревниво наблюдали и где ранг закрывал ее двери для приятного общения. Она отправилась на малоллюдный пляж и, никем не замеченная, играла с зыбучими песками и пела

волнам, а ночью вместе с Маханой отправилась на риф с факелом и копьем в поисках рыбы и кальмаров.

Зная, что ее возвращение к жизни недолго скрывать от родственников, Махана сказал ей, что его любовь к ней велика, и попросил ее стать его женой.

“Я никогда никого не полюблю больше, чем Махану, - ответил Каха, - но с младенчества я была обручена с Каухи; мои родители, Ветер и Дождь Маноа, пообещали, что я буду его женой, и, пока он жив, я не могу быть женой другого”.

Довод о том, что Каухи лишился всех прав на нее из-за своей жестокости, не поколебал ее решимости, и брат Маханы посоветовал ему каким-то образом компенсировать смерть Каухи. С этой целью они сообщили родителям Кахи о ее возвращении к жизни и сговорились с ними некоторое время держать эту информацию в секрете. Это они были тем более склонны сделать из-за своей неуверенности относительно того, что Каухи мог бы предпринять снова, если бы нашел девушку живой.

Во исполнение принятого плана Махана выучила у Кахи все песни, которые она пела, чтобы смягчить гнев Каухи, пока следовала за ним по горам, а затем отправилась в *дома короля и вождей килу* в надежде встретиться с его соперником. Прошло совсем немного времени, прежде чем они встретились именно при таких обстоятельствах, как того желал Махана. Он обнаружил, что Каухи вместе с другими играет в *килу*, и присоединился к группе в качестве игрока. *Килу* перешла из рук Каухи к Махане, который, получив ее, начал напевать первую из песен Кахи.

Удивленный и смущенный, Каухи, в нарушение правил игры, остановил игрока, чтобы поинтересоваться, где он выучил слова песни, которую тот пел. Ответ заключался в том, что он узнал о них от Кахи, известной красавицы из Маноа, которая была подругой его сестры, а затем гостила у них дома. Зная, что бог-сова бросил ее, и чувствуя уверенность в том, что Кахи больше нет в живых, Каухи назвала ложью объяснение игрока. Последовали горькие слова, и, если бы не вмешательство друзей, произошло бы кровопролитие.

Они встретились на следующий день в доме *килу*, а следующим вечером, когда подобные сцены произошли между Маханой и его соперником, Каухи пришел в такую ярость, что признался, что убил прекрасную Каху из Маноа, и объявил Каху из Маханы самозванкой, которая услышала о смерти настоящей Кахи и дерзко присвоила себе ее имя и звание. Затем он бросил вызов Махане, чтобы тот предъявил женщину, называющую себя Каха, согласившись лишить его жизни, если она окажется во плоти и крови той, кого он считал мертвой, и подвергнув Махану аналогичному наказанию в случае, если истец окажется не тем человеком, за которого он ее представлял.

Целью Маханы было спровоцировать своего соперника на поединок с применением оружия, но вызов Каухи представился как более удовлетворительное средство достижения цели, и он немедленно принял его; и, чтобы оба могли быть более твердо связаны его условиями, они были повторены и официально утверждены в присутствии короля и главных вождей округа.

Настал день, назначенный для странного судебного разбирательства. Оно должно было состояться в присутствии короля и ряда выдающихся вождей, и Акаака, дед Кахи, был выбран одним из судей. *Имус* был воздвигнут на берегу моря друзьями соперников, в котором побежденного вождя поджаривали заживо, а рядом с ними складывали сухие дрова для обогрева.

Опасаясь, что дух убитой девушки может принять живой облик и, таким образом, оказать влияние на судей, **Ошибка! Закладка не определена.** Каухи проконсультировался со священниками и колдунами своей семьи, и Каза посоветовала ему разложить большие и нежные листья растения-

обезьяны на земле, где должны были сидеть Каха и ее помощники перед трибуналом. “Когда она войдет, - сказал *каула*, “ внимательно наблюдай за ней. Если она из плоти, ее вес порвет листья; если она просто дух, листья там, где она ходит и сидит, не будут порваны”.

По пути в Вайкики, место, назначенное для судебного разбирательства, Каху сопровождали ее родители, друзья и слуги, а также две сестры-духи Маханы, которые приняли человеческий облик, чтобы иметь возможность лучше консультировать и помогать ей, если потребуется. Они сообщили ей о предлагаемом Кеей испытании с листьями обезьяны и посоветовали ей тихо срывать и раздирать их как можно дальше на некотором расстоянии вокруг нее, чтобы друзья-духи рядом с ней, которые не смогли бы сделать столько же сами, могли таким образом избежать обнаружения. В случае обнаружения они подвергнутся риску быть убитыми *по-пои-ухане*, или ловцами духов.

Прибыв в Вайкики, Каха и ее спутники направились к большому загону, в котором должно было состояться судебное разбирательство. Король, вожди, судьи и советники Каухи уже были там, и тысячи зрителей собрались на прилегающей территории. Листья обезьяны были расстелены с согласия короля, как посоветовала Каза, и Каха вошла со своими друзьями и направилась к месту, отведенному для них. Недалеко от нее стояла Каухи. Когда он в тревоге наклонился вперед и заглянул в ее звездообразные глаза, с замиранием сердца он увидел, что их укоризненный блеск был человеческим, и понял, что проиграл пари своей жизни.

Следуя ее инструкциям, Каха приложила все усилия, чтобы тихо раздирать и мять листья обезьяны под собой и вокруг себя. Насколько она была обеспокоена, тест прошел удовлетворительно. Свидетельства о листьях, сорванных ее ногами, не подлежали сомнению. Поэтому Каза была вынуждена признать, что Каха - существо из плоти и костей; но в своем разочаровании он заявил, что видел и ощущал присутствие духов, каким-то образом связанных с ней, и обнаружит и накажет их.

Раздраженный злобой *каулы*, Акаака посоветовал ему поискать лица духов в открытом калевасе с водой. С готовностью ухватившись за это предложение, Каза приказал принести сосуд с **Ошибка! Закладка не определена.**и неосторожно склонился над ним. Он видел только отражение своего собственного лица. Акаака тоже мельком увидел его и, зная, что это дух провидицы, схватил и раздавил его в своих ладонях, и Каза замертво упала на землю рядом с тыквенным калабашом, в который он заглядывал.

Затем Акаака повернулся и обнял Каху, признавая, что она его внучка и что ее чистота и послушание делают ее достойной любви смелого нагорья Акаака и ее родителей, Ветра и Дождя Маноа.

Любопытство короля было возбуждено, и он потребовал объяснения странного происшествия, свидетелем которого он только что стал. Каха рассказала свою простую историю, и Каухи, будучи допрошенной, не смогла отрицать ни одной ее части. Однако в качестве оправдания своего варварского поведения он повторил хвастливые заявления Кумауны и Кеававакиихели и приписал свою ревнивую ярость им. За клеветниками немедленно послали, и, столкнувшись лицом к лицу с Кахой, они признались, что никогда раньше ее не видели и что хвастались своей близостью с ней, чтобы заставить других завидовать их удаче.

“Что ж, ” ответил король, выслушав признания негодяев, “ поскольку ваши усилия возбудить зависть других принесли ужасные страдания невинной девушке, я теперь обещаю вам кое-что, чему, я думаю, никто не позавидует. Ты будешь запечен заживо с Каухи! Если у тебя есть друзья среди богов, молись им, чтобы *имус* были горячими, а твои страдания короткими!”

The *Имус* было приказано немедленно разогреть, и Каухи и двух клеветников бросили в них живьем и поджарили. Первый храбро пошел на смерть, распевая песню вызова, когда направлялся к месту казни, но остальные тщетно боролись и пытались сбежать. Слуги Каухи были настолько возмущены его жестокостью по отношению к Кахе, что присягнули ей на верность, и земли и права на рыбную ловлю, которые принадлежали ему, были немедленно переданы Махане.

“И как ты намерен вознаградить молодого вождя, который рисковал своей жизнью ради тебя?” - спросил король, любезно обращаясь к Кахе, когда тот поднялся, чтобы уйти.

“Моим собственным, о царь!” - ответила девушка, подходя к Махане и кладя голову ему на грудь.

Ошибка! Закладка не определена.

“Воистину, так и будет”, - ответил король. “Я сказал это, и теперь ты жена Маханы”.

В знак благодарности счастливый молодой вождь бросился к ногам короля и сказал:

“Я твой раб, великий царь! Потребуй от меня какой-нибудь великой услуги или жертвы, чтобы ты знал, что я благодарен!”

“Как ты и желал, - ответил король, - я поручу тебе дело, которое до предела истощит твоё терпение”.

“Я слушаю, о царь!” - решительно сказал Махана.

- Я прошу о жертве, - продолжал король с веселым блеском в глазах, - чтобы целых три дня, начиная с этого момента, ты не обнимал свою невесту.

“Действительно, жертва!” - воскликнул Махана, уловив добрый юмор просьбы и лукаво взглянув на опущенное лицо Кахи. “Это...”

“ Слишком велик, я вижу, для того, у кого борода еще не полностью отросла, - перебил король. “ Что ж, я отзываю просьбу. Девушка твоя, возьми ее с собой без каких-либо условий!”

На этом история испытаний Кахи должна была бы закончиться, но этого не происходит. Спустя некоторое время после смерти Каухи приливная волна, посланная могущественным богом-акулой, захлестнула и разрушила *имус*, в которых были зажарены осужденные, а их кости были унесены в море. Силой своих семейных богов Кумауна и Кеававаки Хели были преобразованы в две вершины в горах за долиной Маноа, в то время как Каухи, который был дальним родственником бога-акулы, был превращен в акулу.

В течение двух лет Каха и ее муж жили счастливо вместе, окруженные множеством друзей и наслаждаясь всеми удобствами. Ее дед, Акаака, часто навещал ее и, зная о преображении Каухи и ее мстительном нраве, советовал ей избегать моря. В течение двух лет она прислушивалась к предупреждению, но однажды, когда ее муж отсутствовал, а мать спала, она отважилась с одной из своих женщин пойти на пляж, чтобы понаблюдать за забавами купальщиков и серфингистов. Поскольку пловцам не причинили вреда, а вода была приятной, она, наконец, позаимствовала <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\> доску для серфинга и, радостно бросившись в волны, унеслась за риф.

Это была та возможность, которой Каухи так долго ждал. Схватив Каху и разорвав ее тело надвое, он поплыл вокруг, выставив голову и плечи над водой, чтобы купальщики могли отметить его триумф. Дух Кахи сразу же вернулся к спящей матери и сообщил ей о том, что случилось с ее дочерью. Проснувшись и потеряв Каху, мать подняла тревогу и вместе с другими немедленно отправилась на пляж. Купальщики, выбежавшие из воды, став свидетелями участи Кахи, подтвердили слова духа, и в погоню за акулой, все еще выставлявшей напоказ свой окровавленный трофей за рифом, были пущены каноэ.

Проплыв с телом Кахи достаточно глубоко под поверхностью, чтобы его могли видеть пассажиры каноэ, чудовище последовало за ним к Вайанае, где на мелководье было замечено, как он вместе с другими акулами полностью пожирал останки. Это сделало ее возвращение к жизни невозможным, и преследующий отряд печально вернулся в Вайкики.

С окончательной смертью Кахи ее родители отказались от своих человеческих жизней и удалились в долину Маноа. Отец известен как Маноа Винд, и его видимая форма - небольшая роща *хау* деревьев ниже Кахайамано. Мать опознана как Маноа Рейн, и ее часто встречают поблизости от бывшего дома ее любимой и прекрасной дочери.

Прародители Кахи также отказались от своих человеческих обличий, Акаака вновь стал олицетворением горного отрога, носящего его имя, а его августейший спутник устроился у него на лбу в виде зарослей кустов *лехуа*. И там, среди облаков, они все еще смотрят вниз на Кахайамано и прекрасную долину Маноа и улыбаются дождям на Кауауахине, которые день ото дня обновляют их красоту и сохраняют зеленым папоротник и благоухающими цветы в земном доме Кахалаопуна. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ГАВАЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ГЛОССАРИЙ.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Собственно гавайский алфавит содержит всего двенадцать букв, пять гласных и семь согласных, а именно: А, Е, I, О, U, Н, К, L, М, N, Р, W. К ним иногда добавляются R, Т и В. Однако заметного различия между звуками R и L, Т и К, а также В и Р.

Почти неизменный звук А так же произносится в *father*; в Е, как в *they*; в I, как в *maŋine*; в О, как в *mole*; в U, как в *mute*. Единственное общее отклонение заключается в придании гласным долгих и кратких звуков. В большинстве случаев W принимает звук V.

Каждое слово и каждый слог этого языка оканчивается на гласную, и нет двух согласных звуков без гласного звука между ними.

Ударение в девяти десятых словах этого языка приходится на предпоследнее.

Неопределенный артикль - *he*; определенный артикль - *ka* или *ke*; множественное число имеет префикс *na*.

Буква “О”, начинающаяся в метрических строках песнопений и *мелес*, не всегда используется как междометие. Оно используется главным образом как приставка к личным существительным и местоимениям в именительном падеже.

А.

Аа, корень любой растительности.

Ае, утвердительно; да.

Ао, свет.

Ааакоко, вена или артерия.

Аувина ла, добрый день.

Аканэ, мой близкий друг.

Аоле, отрицательный; нет.

Искусственный интеллект, еда любого вида.

Аухау, любой налог, причитающийся вождю.

Аи, течение; штормовой ветер.

Ауве, подбородок.

Аумоз, полночь.

Аули, небо.

Аумакуа, дух умершего предка.

Айло, вождям разрешалось есть вместе с королем.

Ахиахи, добрый вечер.

Ага-алии, вожди принятого и безотзывного ранга.

Ага, священная *запретная* молитва, во время которой любой шум означал смерть.

Ахи, огонь.

Ахинахина, серый цвет.

Он жетень.

Акуа, дух или бог.

Акепаа, печень.

Акемама, легкие.

Аку, мифическая птица, священная для верховного жречества.

Ала, тропинка, дорога или уклад.

Ала-нуи, великий путь.

Алаула, красная тропа; рассвет.

Ахо, вдох.

Ага-ула, накидка из перьев, которую носили вожди.

Алае, священная птица.

Али-коа, военачальник; генерал.

Алоха, любовь; с любовью к тебе; приветствие.

Али, вождь.

Али-нуи, великий или главный вождь.

Али-ниаупио, *Али-пио*, *Али-наха*, *Али-вохи* и *Ло-али*, вожди разных рангов. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ану, вместилище во внутреннем храме, из которого исходили оракулы.

Анана, процесс молитвы другого до смерти.

Апиение, радуга.

Ана, пещера или каверна.

Анапани, маленькая певчая птичка.

Ава, растение; опьяняющий напиток, приготовленный из *авы*; гавань.

Пробуждение, полдень.

Е.

Эа, дыхание; воздух; рыба, *табу* для женщин.

Eleele, черный или темно-синий.

Эха, боль.

Я.

Иа, общее название рыбы.

То ест виноградная лоза для украшения идов.

Ии, священное или табуированное место.

Он, копье, используемое на войне.

Ио, человеческая плоть.

Ихиману, рыба, *запретная* для женщин.

Иху, нос.

Ику-нуу, королевского рода.

Ику-пау, жреческого или священного рода.

Или, наименьший участок суши; кора; кожа.

Ити, духовка для приготовления пищи.

Илио, собака; скупой человек.

Иму-лоа, печь для запекания мужчин.

Ипу, калebas; сосуд; вместилище.

Иляхи, сандаловое дерево.

Иви, маленькая птичка с желтыми перьями; кость.

О.

О, вилка или заостренный инструмент, используемый при приеме пищи.

Оо, птица с желтыми перьями, используемая для изготовления королевских мантий.

Оа, стропила дома.

Эй-э, имя божества.

Оала, дубинка, брошенная в бою.

Охия, местная яблоня; плод *охии*.

Охиа-апане, разновидность дерева *охиа*, используемого при изготовлении идолов.

Ого, волосы.

Оху, туман.

Охо-куй, густой парик, который иногда надевают в бою.

Ола, жизнь.

Омаомао, зеленый.

Один, песок.

Луковица полосатая.

Олай, землетрясение.

Онини, доска для серфинга.

Омо, узкое каменное тесло.

Ома, пространство между двумя армиями, где приносились жертвы; премьер-министр или первый офицер при короле.

Опелу, рыба, священная для священства.

Опу, желудок.

Owili, доска для серфинга, сделанная из дерева *виливили*.

У.

Уа, морская птица; дождь.

Уау, крупная морская птица.

Уала, картофель.

Уила, молния.

Ухо, бедро.

Ухи, батат.

Улу, плод хлеба.

Укеке, древний пульсирующий музыкальный инструмент.

Улили, бамбуковая флейта.

Улииа, пиво, приготовленное из сока тростника или *корняти*.,,,

Улу-майка, игра в перекачивание круглых каменных дисков.

Улаула, красный; священный цвет.

Улиули, голубые.

Улуну, подушка или подголовник.

Унауна, запретный знак.

Унихитили, дух умершего человека.

Умиуми, борода или бакенбарды.

Н.

Ханаи, приемный ребенок.

Хайяо, дневное жертвоприношение.

Хаоле, иностранец.

Ханухану, древнее развлечение.

Хала, дерево панданус.

Хаколело, шпион вождя; информатор; репортер событий.

Хаа, танец с пением.

Хайпо, ночное жертвоприношение.

Хаку- господин; повелитель.

Хакоко, рестлинг, с различными приемами.

Хайлима, локоть.

Ханауна, родственница.

Хейл, дом или жилище.

Хейл-алии, дом вождя; королевский особняк. **Ошибка! Закладка не определена.**

Хале-лоле, палатка или домик из ткани.

Хейл-коа, форт или военный дом.

Хале-луа, могила или склепное сооружение.

Хайли, призрак; название храма.

Хаване, какао-пальма.

Хау, похотливый танец, или хула.

Хекили, гром.

Хеналу, катание на серфе.

Хэйхэй, бег ног; большой барабан.

Хей, слуга провидца, который сообщил о своих пророчествах.

Хиау, храм или место поклонения.

Хикиэ-мо, подставка для кровати.

Хиа, огонь, добываемый трением.

Хика-по-лоа, имя божества.

Хиуа, игра, в которую играют на доске с четырьмя квадратами.

Хишака, общее название вулканических божеств.

Хикини, восход солнца; восток.

Хили, краситель из коры для окрашивания *капы*.

Хоа, компаньонка.

Хоалии, спутник вождя.

Хоку, звезда.

Хоку-наа, полярная звезда.

Хоку-хеле, планета или “блуждающая звезда”.

Хоку-леле, метеорит.

Хоку-веловело, комета.

Хонуа, земля.

Холуа, времяпрепровождение, заключающееся в спуске с крутых холмов на санках.

Хоао, древний брачный контракт вождей.

Хоалауна, дружелюбный компаньон.

Мотыга, весло.

Хоули, руль или рулевое весло.

Хеваа, гребец.

Хуило, сезон дождей.

Хукама, приемный ребенок.

Хокио, музыкальный инструмент.

Хону, черепаха.

Перетихон, подарки вождям от их подданных.

Хупалау, единоборство в бою.

Хуа, яйцо.

Оттенек, калевас или сосуд для воды.

Хула, танец, разновидностей которого существовало множество.

Хулу, перо.

Хулуману, помощники вождя или короля, носящие перья.

К.

Каай, пояс, надетый вождем на чресла бога.

Као, звезда Антарес.

Кауноа, заостренный ядовитый панцирь, наносящий опасные раны.

Капу, или *табу*, приказ или запрет, которых было несколько видов; прерогатива, относящаяся к вождям, жрецам и храмам.

Кейн, муж; имя одного из божеств.

Каува, служанка.

Кай, море.

Каа-и, шея.

Канака, мужчина; самец.

Канака-уэйл, частное лицо.

Канака-маоли, настоящая рабыня.

Кайкамахине, девочка или дочь.

Кайки-кейн, ребенок мужского пола.

Кайкунанэ, брат.

Кайкуахинэ, сестра.

Калико, пятнистый.

Кайолоа, церемония надевания *маро* на бога женщинами вождя.

Каумаха, жертвоприношение богам.

Каумихау, *табу* первосвященника, когда запекали свинью и мужчин временно разлучали со своими женами.

Какуай, подношение богам во время ежедневных приемов пищи, обычно из бананов.

Кахоака, дух живого человека, утверждал, что его видят определенные классы священников.

Камакини, *запретное* поклонение только вождю.

Каула, пророк.

Каула-вахайн, пророчица.

Као, традиция; дротик или копье.

Кауа, война; сражение; армия, идущая на битву.

Кауалау, подорожник.

Какака, лук для стрельбы стрелами, не используемый на войне.

Каукауалии, низшие вожди с титулованными отцами и нетитулованными матерями.

Каникау, похоронная панихида; заунывная песня.

Кана, родная ткань.

Кало, или *Таро*, луковичный корень, из которого делают *пои*.

Кахили, знамя из перьев; эмблема высокого ранга.

Кани, музыка.

Кахуна, священник, врач или колдун.

Каху, медсестра или опекун ребенка.

Каху-алии, предводители мелкой знати, действующие в качестве личных слуг короля. **Ошибка! Закладка не определена.**

Капуа, волшебник.

Кайке, большой жертвенный барабан.

Камаа, сандалии.

Капуна, бабушка с дедушкой.

Капуна-кахко, предки.

Кау, сухой сезон.

Кейки, ребенок.

Кина, комната или апартаменты.

Кеокео, белый.

Кекуйелуа, оружие войны.

Кино, тело.

Кило, пророк.

Кихи, местный сладкий картофель.

Килу, развлекательная игра в помещении.

Кихэй, ткань, накинутая на плечи.

Конане, игра, напоминающая шашки.

Коа, коралл; порода дерева; воин.

Койлити, топор для рубки камня.

Ко, сахарный тростник.

Коэло, сад вождя, возделываемый его народом.

Кохеохео, ядовитая смесь, приводящая к быстрой смерти.

Койтохаку, каменный топор.

Колоа, утка.

Кона, южный ветер; южная сторона острова.

Кулау, наветренный район или подразделение.

Куа, спина человека.

Кули, колено.

Куюкуэ, каблук.

Куму, рыба, *запретная* для женщин.

Куоха, молитва, разжигающая сексуальную любовь в другом человеке.

Купуа, колдун.

Куай, оружие войны.

Кулеана, небольшое земельное владение в границах поместья, принадлежащего другому.

Купи, нитка из ракушек; браслет; украшение.

Улей Куахив, высокогорье.

Куму, учитель.

Куахана, военный гонец, отправленный, когда прозвучал общий призыв к оружию.

Кукуй, свет; факел, сделанный из орехов *дерева*.

L.

Лаау, дерево; древесина.

Лау, листик.

Лала, конечность.

Лаз, лоб.

Лос-Анджелес, солнце.

Лани, небеса.

Лаау-палау, нож, используемый в сельском хозяйстве, иногда на войне.

Ланаху, угли.

Веранда, веранда или дом с открытыми стенами.

Лехелехе, уст.

Леналена, желтый, королевский цвет.

Лей, венок из цветов или перьев.

Лепа, флаг или знамя.

Лехуа, ароматный кустарник.

Лилиха, жир свиней.

Локо, озеро или пруд.

Лима, рука.

Лу, крючок; рыболовный крючок.

Лулу, кокосовый орех.

Луаваи, колодец.

Луакина, место жертвоприношения в храме.

Луау, пир.

Луа, древняя практика убийства путем перелома костей.

Луна, надзирательница.

Лунапай, военный посланник короля или вождя.

М.

Маа, праща для метания камней.

Маху, пар.

Маиуу, ногти на пальцах.

Махиоли, шлем из перьев, который носили вожди.

Майли, ароматное и очень почитаемое растение.

Маука, в сторону холмов или гор.

Малама, месяц; поставщик в путешествиях.

Мапуна, родник.

Мака, глаз.

Манамана-лима, палец.

Манамана-вавае, палец ноги.

Ману, общее название птиц.

Макуакане, отец или дядя.

Макуахине, мать или тетя.

Махини, луна.

Махини-хоу, новолуние.

Махини-типео, полная луна.

Макани, ветер.

Макани-ино, буря.

Макали, начало гавайского нового года.

Малиу, обожествленный умерший вождь.

Майя, общее название бананов и бананов, *табу* для женщин.

Малаолао, вечерние сумерки. **Ошибка! Закладка не определена.**

Мано, акула; все виды были *табу* для женщин.

Макайнани, простые люди.

Маро, ткань, которую носят вокруг чресел мужчин.

Мамо, птица; мантия из королевских перьев; потомки.

Манеле, паланкин для вождей с четырьмя носильщиками.

Махеле, обрезание.

Махана, вожди у трона.

Меле, историческое песнопение.

Меле-иноа, личное песнопение.

Моа, домашняя птица.

Му, ящерица.

Майкай, в сторону моря.

Мооолело, повествование о прошлых событиях.

Мукаао, историческая легенда.

Моко, бокс.

Моко-моко, боксер.

Моми, жемчужина.

Моаи, пассаты.

Мой, король или главный вождь.

Му, человек, который добывал людей для жертвоприношения.

Муливай, ручей или река.

Мумуку, сильный порыв ветра.

Н.

Науа, родословная.

Нене, гусыня.

Ниу, кокосовое дерево и фрукты.

Нинало, плод дерева.

Нохо, присаживайся.

Р.

Па, блюдо или поднос; забор или стена.

Пау, короткая юбка, которую носят женщины; завершенный, законченный.

Пахале, газон или другое ограждение.

Паху, общее название барабана.

Папа, доска; сани, используемые для времяпрепровождения *холуа*.

Папалина, наглец.

Палиули, рай.

Пахи, общий термин, обозначающий нож или режущий инструмент.

Пакико, древнее боевое орудие.

Палала, любой налог, выплачиваемый вождю.

Паналау, отдаленное владение землями.

Папапаина, любой стол.

Пахоа, кинжал, обычно деревянный.

Палаоа, резной талисман из слоновой кости, который вожди носили на шее.

Пали, пропасть.

Паяй, толченное *таро* для приготовления *пои*.

Пахоехо, лава.

Пава, сад; небольшое возделанное поле.

Горошина, приподнятый крест перед *церковью*, означающий священный.

Пелелеу, большое двухместное военное каноэ.

Пепеяо, ухо.

Пипи, устрица; моллюск; ракушка.

Пои, паста из *таро*.

Ро'и, крышка.

Какашка, голова.

Пухиви, плечо.

Пони, фиолетовый.

Покаху, камень.

Пули ка ла, затмение.

По, ночь; тьма; царства смерти; хаос.

Пола, приподнятая платформа над двухместными каноэ.

Пололу, длинное боевое копье.

Пуа, цветок.

Пука, дверь.

Пуувай, сердце.

Пуаа, свинья.

Пуаа-кейки, свинья.

Пуахиохио, вихрь.

Пухенехене, времяпрепровождение в помещении.

Пунипеки, детская игра.

Пуэо, сова.

Пуана, лидер в *мелесе*; мастер слова.

Пукауа, офицер армии; капитан; чемпион.

Пуле, молитва.

Пулелелуа, бабочка.

Пунахеле, друг или компаньон.

Пулулу, *посох - табу*, увенчанный шариками из *капы*.

Пууку, низшие вожди, личные слуги короля.

W.

Ваа, общее название каноэ.

Вай- общее название воды.

Вайали, платформа, с которой вожди обращались к народу.

Вахайн, женщина; обычно женщины.

Вахи-мо, кровать.

Вахи, дрова для сжигания.

Ванаао, рассвет.

Вавае, нога или ступня.

Вайпуилани, смерч.

Ваути, внутренняя кора дерева, из которой делают ткань.

Вахине хоао, настоящая жена. **Ошибка! Закладка не определена.**

Вили, молния.

Виливили, светлая древесина, из которой изготавливались доски для серфинга.

КАРДИНАЛЬНЫЕ ЧИСЛА.

Один, *Акахи*.

Два, *Алуа*.

Три, *Аколу*.

Четыре, *ага*.

Пять, *Алима*.

Шесть, *Аоно*.

Семь, *Ахику*.

Восемь, *Авалу*.

Девять, *Айва*.

Десять, *Уми*.

Одиннадцать, *Умикумамакахи*.

Двенадцать, *Умикумамалуа*.

Тринадцать, *Умикумамаколу*.

Четырнадцать, *Умикумамаха*.

Пятнадцать, *Умикумамалима*.

Шестнадцать, *Умикумамаоно*.

Семнадцать, *Умикумамахику*.

Восемнадцать, *Умикумамавалу*.

Девятнадцать, *Умикумамайва*.

Двадцать, *Ивакалуа*.

Двадцать один, *Ивакалуакумамакахи*.

Двадцать два, *Ивакалуакумамалуа*.

Двадцать три, *Ивакалуакумамаколу*.

Двадцать четыре, *Ивакалуакумамаха*.

Двадцать пять, *Ивакалуакумамалима*.
Двадцать шесть, *Ивакалуакумамаоно*.
Двадцать семь, *Ивакалуакумамахику*.
Двадцать восемь, *Ивакалуакумамавалу*.
Двадцать девять, *Ивакалуакумамайва*.
Тридцать, *Канаколу*.
Сорок, *Канаха*.
Пятьдесят, *Каналима*.
Шестьдесят, *Канаоно*.
Семьдесят, *Канахику*.
Восемьдесят, *Канавалу*.
Девяносто, *Канайва*.
Сто, *Кальяны ханери* (современные).
Тысяча, *Кальяны таусани* (современные).

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ.

Январь, *Макалиш*.
Февраль, *Каэло*.
Марш, *Каулуа*.
Апрель, *Нана*.
Май, *Привет*.
Июнь, *Икиики*.
Июль, *Кааона*.
Август, *Хинашлеле*.
Сентябрь, *Хилинеху*.
Октябрь, *Хилинама*.
Ноябрь, *Икува*.

Декабрь, *Велеху*.

НАЗВАНИЯ ДНЕЙ МЕСЯЦА.

1-й, *Хило*.

2-й, *Хоака*.

3d, *Кукахи*.

4-й, *Кулуа*.

5-я, *Куколо*.

6-я, *Купау*.

7-е, *Олекукахи*.

8-е, *Олекулуа*.

9-е, *Олекуколу*.

10-е, *Олекупау*.

11-е, *Хуна*.

12-е, *Мохалу*.

13-е, *Хуа*.

14-е, *Акуа*.

15-е, *Хоку*.

16-е, *Махеалани*.

17-е, *Кулу*.

18-е, *Лааукукахи*.

19-е, *Лаукулуа*.

20-е, *Лаупау*.

21-е, *Олекукахи*.

22d, *Олекулуа*.

23d, *Олепау*.

24-е, *Калоакукахи*.

25-е, *Калоакулуа*.

26-я, *Калоапау*.

27-е, *Кейн*.

28-я, *Лоно*.

29-е, *Маули*.

30-е, *Муку*.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

[Калакауа](#)

[КАРТА ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ 6](#)

[МАХИОЛЕ, или БОЕВОЙ ШЛЕМ С ПЕРЬЯМИ. 11](#)

[ГРУППА ДРЕВНЕГО ОРУЖИЯ. 14](#)

[ВОЕННАЯДУБИНКА. 14](#)

[ПАХОА, или ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ. 14](#)

[НОЖ ИЗ ЗУБОВ АКУЛЫ. 14](#)

[НОЖ С КРЕМНЕВЫМ ЛЕЗВИЕМ. 14](#)

[КАМЕННЫЙ БОЕВОЙТОПОР. 14](#)

[КАМЕННЫЙ БОЕВОЙТОПОР. 14](#)

[ОН, или КОПЬЕ, длиной от 6 до 8 футов. 14](#)

[КОПЬЕ длиной от 16 до 20 футов. 14](#)

[Принцесса Лилиуокалани. 22](#)

[Принцесса Кауилани. 30](#)

[Пулуну, или Знак Табу. 32](#)

[Древние боги. 34](#)

[Ку-Кайли-Моку, Бог войны Камехамехи I. 40](#)

[Калайпахоа, Богиня Ядовитой войны Молокаи. 43](#)

[Генерал Доминис, супруга предполагаемого наследника. 48](#)

[Место встречи Древнего Тайного общества. 52](#)

[ПАЛАОА - ТАЛИСМАН, КОТОРЫЙ НОСЯТ НА ШЕЕ. 56](#)

[ДОСКА ДЛЯ СЕРФИНГА. 57](#)

[ПАХУ, или БАРАБАН. 58](#)

[ГРУППА СОБСТВЕННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ. 59](#)

[РУЧНОЕ КАХИЛИ. 59](#)

[КАХИЛИ, или ШТАНДАРТ С КОРОЛЕВСКИМ ПЕРОМ. 59](#)

[МАУЭЛЕ, или МЕСТНЫЙ ПАЛАНКИН. 59](#)

[ГРЕБИ. 59](#)

[ТЫКВЫ. 59](#)

[ПЛЕВАТЕЛЬНИЦЫ. 59](#)

[КЕПИ, или САНИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ИГРЕ В ХОЛУА. 59](#)

[Тип Древнего короля в государстве. 72](#)

[Вид пейзажа —по дороге в Килауэа, Гавайи. 100](#)

[Пали, недалеко от Гонолулу. 118](#)

[Тип пейзажа —на острове Кауаи. 140](#)

[Вид на кратер Килауэа с высоты птичьего полета. 154](#)

[Вид пейзажа. 254](#)

[Маленький храм на Кауаи, 1793 год. 294](#)

[Капиолани 315](#)

[Транспортировка тела Каланиопуу в Хонаунау. 360](#)

[Бог “Кумауна”, в четырех милях над Хилеей, Гавайи. 400](#)

[Интерьер древнего храма. 432](#)

[Древний храм на берегу моря, 1793 год. 438](#)

КОЛОФОН

Доступность

Эта электронная книга предназначена для использования кем угодно и где угодно, бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями [лицензии Project Gutenberg](#), прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена командой онлайн-корректоров по адресу www.pgdp.net.

Сканы этой книги доступны в интернет-архиве (копии [1](#), [2](#)).

Метаданные

Название:	Легенды и мифы Гавайев: басни и фольклор странного народа	
Автор:	Дэвид Калакауа (1836-1891)	Информация
Редактор:	Роллин Мэллори Дэггетт (1831-1901)	Информация
Язык:	английский	
Дата публикации оригинала:	1888	
Ключевые слова:	Фольклор - Гавайи,	
	Легенды - Hawaii	
Библиотека Конгресса:	96026245	
Открытая библиотека (Книга):	OL24622358M	
Открытая библиотека (Рабочая):	OL15696462W	

История изменений

2018-02-13 Началось.

Внешние ссылки

Эта электронная книга Project Gutenberg содержит внешние ссылки. Эти ссылки могут вам не подойти.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

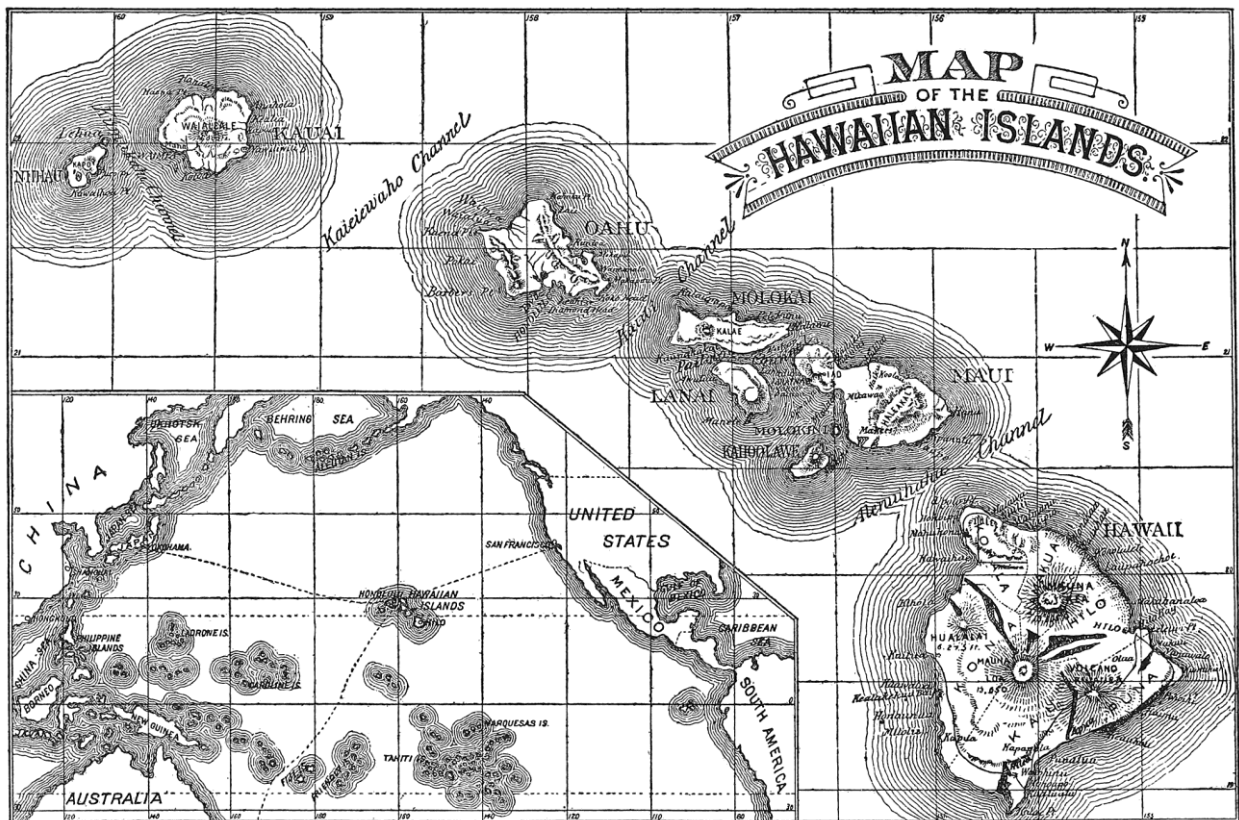
Страница

источника

Исправление

расстояния

			редактирования
70	фигур	Фиджи	1
78' 251' 342' 388' 461'			
475' 530	[Нет в источнике]	.	1
256	черт	нарисованный	2
400	я	[Удалено]	2
404	определи	определил	1
452	‘	“	1
454	Айвохикупау	Айвохикупа	2
473	”	1	506
”!	!”	2	526
⁵²⁷ ”!	,	1	530
Авакалуакумамахику ,	Ивакалуакумамахику,	Ивакалуакумамахику,	1
530	Авакалуакумамавалу	Ивакалуакумамавалу	1
530	Авакалуакумамайва	Ивакалуакумамайва	1

[Назад](#)